

А. Лазухинъ.

И 256
406

Ополченная Россія.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ ДНЯ“.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

„НОВОСТИ ДНЯ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

СЪ ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Вступая въ десятый годъ нашего изданія, намъ нѣтъ необходимости распространяться о его задачахъ и цѣляхъ, нѣтъ надобности говорить и о его прочно установившемся успѣхѣ.

Для обширнаго круга нашихъ читателей все это давно и ясно опредѣлилось, и мы увѣрены въ дальнѣйшемъ ихъ сочувствіи и поддержкѣ, тѣмъ болѣе, что разѣ навсегда заявили себя какъ непримиримые враги всякой рутины и употребляемъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ. Съ технической стороны веденіе „Новостей Дня“ поставлено согласно послѣднему слову гасетнаго дѣла.

Что касается содержанія нашей газеты, то оно настолько живо и всесторонне, что вполне отвѣчаетъ запросамъ читателя. Особенное вниманіе обращено на отдѣлъ ежедневныхъ телеграммъ отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. Всѣ важныя и интересные свѣдѣнія изъ Петербурга сообщаются намъ немедленно по телеграфу, и это имѣетъ особенное значеніе для нашихъ провинціальныхъ читателей, получающихъ, такимъ образомъ, благодаря центральному положенію Москвы, всѣ извѣстія раньше, чѣмъ они появляются въ другихъ изданіяхъ.

Въ общемъ, всѣ наши старанія сводятся къ тому, чтобы создать общедоступную газету, и нельзя сказать, чтобы эти старанія намъ не удавались. Богатый матеріалъ „Новостей Дня“ распространяется въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.—Официальный отдѣлъ. **ТЕЛЕГРАММЫ**—отъ собственныхъ корреспондентовъ и „Сверснаго телеграфнаго агентства“. **ХРОНИКА**—факты и слухи—изъ области административной, экономической, художественной и т. п. **ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**—политическая и общественная жизнь иностранныхъ госу-

дарствъ. „Новости Дня“ даютъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ подробные отчеты своихъ специальныхъ корреспондентовъ о жизни **ПАРИЖА**, **БЕРЛИНА**, **ВѢНЫ**, **РИМА** и др.—**„ЗАДЕНЬ“**, **„ФОНОГРАММЫ“**, **„МЕЛОЧИ“**—замѣтки о злобахъ столичной жизни. **МОСКОВСКІЯ НОВОСТИ**—полный отчетъ о событіяхъ и происшествіяхъ прошедшаго дня; свѣдѣнія о предстоящемъ; отчеты о засѣданіяхъ сословныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій. „НОВОСТИ ДНЯ“ въ историческихъ справкахъ—историческіе

очерки. **СПОРТЪ**—свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ спорта. **ТЕАТРЪ** и **МУЗЫКА**—рецензій, краткія замѣтки, сообщенія и слухи изъ области театра и музыки. **„ТЕАТРАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ“**, **„ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ“**.

ПЕТЕРБУРГЪ—постоянныя извѣстія изъ жизни привнеской столицы отъ специального корреспондента. **ПРОВИНЦІЯ**—жизнь городовъ и деревень. **ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕМИДЫ**—судебная хроника: отчеты о выдающихся процессахъ; отчеты о наиболѣе характерныхъ по бытовымъ подробностямъ процессахъ у мировыхъ судей, въ коммерческомъ судѣ и проч. **РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ**—масса мелочей.

Занятіи редакціи распространились и на полноту биржевого, торговаго и справочнаго отдѣла.

Кромѣ всего этого, въ „Новостяхъ Дня“ помѣщаются научно-популярные фельетоны, рефераты, читанные въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, въ популярномъ изложеніи, систематизированные и обработанные въ особомъ отдѣлѣ: **„СРЕДИ УЧЕНЫХЪ“**.

Ежедневно печатаются романы и повѣсти извѣстныхъ авторовъ. Для наступающаго 1892 года въ портфель редакціи имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ и повѣстей.

Съ первыхъ январскихъ номеровъ въ „Новостяхъ Дня“ будетъ помѣщаться повѣсть П. М. Невѣжина—**„ГОЛОДУХА“**.

Годовымъ подписчикамъ за 50 к. высылается романъ А. М. Пазухина—**„ОПОЛЧЕННАЯ РОССІЯ“**, продающійся по 2 руб. за экземпляръ.

Подписная цѣна на 1892 годъ.

	На 12 м.	На 11 м.	На 10 м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ достав. въ Москвѣ.	8 —	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	3 70	2 90	1 90	1 —
„ перес. въ города.	9 —	8 50	8 —	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
„ перес. за границу.	13 —	12 90	12 —	10 90	9 70	8 80	7 90	6 70	5 60	4 70	3 —	1 60

Адресъ: Москва, Мясницкая, д. Ананова, контора газ. «Новости Дня».

ЕЖЕДНЕВНО ИНТЕРЕСНЫЕ ФЕЛЬЕТНЫ.

ЕЖЕДНЕВНО ИНТЕРЕСНЫЕ ФЕЛЬЕТНЫ.

А. Лазухинъ.

Ополченная Россія.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ ДНЯ“.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

Ф 68603-41

17506

2007054523

ОПОЛЧЕННАЯ РОССИЯ.

Историческій романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Передъ грозой.

I.

У генераль-маіора Чоглокова, въ новомъ домѣ его на Поварской, была небольшая вечеринка.

Происходило это въ началѣ зимы 1851 года.

Рѣшетчатая, чугунная, съ алебастровыми львами на столбахъ, ворота были отворены и на широкой дворъ генеральскаго дома въѣзжали кареты и тяжелые возки, скрипя по молодому, крѣпкому и бѣлому, какъ сахаръ, снѣгу. Съ запятокъ возковъ и каретъ соскакивали ливрейные лакеи, отворяли дверцы и высаживали на подъѣздъ то осанистаго барина въ шинели съ бобрами, то важную барыню въ бархатномъ или атласномъ салонѣ съ большимъ воротникомъ чернобурой лисицы, то молоденькую барышню. Рослый генеральскій швейцаръ съ булавою отворялъ дверь въ прихожую или „лакейскую“, какъ называли тогда, гости входили, снимали шубы и по широкой, съ краснымъ ковромъ, лѣстницѣ поднимались на-верхъ. Вечеринка была запросто, съѣзжались только „свои“ и параднаго пріема не было, гостей хозяинъ не встрѣчалъ и они, оправивъ туалеты въ прием-

ной, проходили въ залъ, здоровались съ ранѣе прибывшими и направлялись затѣмъ въ гостинныя или шли въ угловую комнату, гдѣ собралось общество старушекъ; нѣкоторые проходили въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты.

Генераль Чоглоковъ очень любилъ устраивать такія вечеринки и старался, чтобъ онѣ приняли характеръ пріятельскихъ бесѣдъ, были какъ можно проще, никого не стѣсняли и, приглашая на нихъ только очень близкихъ знакомыхъ, просилъ пріѣзжать совсѣмъ по домашнему.

Первое время это такъ и установилось, но затѣмъ дамы мало-по-малу стали одѣваться къ Чоглокову все наряднѣе и наряднѣе, мужчины, волей не волей, слѣдовали ихъ примѣру и зимою 1851 года „простыя“ вечеринки генерала Чоглокова приняли характеръ большихъ вечеровъ.

Дамы одѣвались почти по бальному, статскіе кавалеры являлись во фракахъ, а военные—въ мундирахъ и только хозяинъ, наперекоръ всѣмъ, бывалъ на своихъ вечеринкахъ въ сѣрой тужуркѣ и упорно курилъ въ гостинной трубку, тогда какъ гости уходили курить въ кабинетъ и билліардную.

Такъ было и сегодня.

Разодѣтыя въ шелки и бархатъ, съ кружевами и перьями, залитыя брилліантами дамы и барышни играли въ залѣ съ военными и штатскими кавалерами въ фанты, старушки расположились по гостиннымъ и въ угловой комнатѣ, старички играли въ кабинетѣ въ карты, или бесѣдовали въ билліардной, уютно расположившись съ ногами на широкихъ и высокихъ диванахъ.

Къ девяти часамъ съѣхались почти всѣ приглашенные и буфетчикъ готовилъ чай при помощи старой генеральской экономки, а четыре лакея въ ливрейныхъ фракахъ и столько же „казачковъ“, въ синихъ курткахъ и панталонахъ съ красными прошивами, дожидались въ буфетной съ подносами.

— Молодымъ господамъ чай не подавайте, Геннадій Ильичъ; генеральша приказали только въ гостинныя и кабинетъ

подавать, а въ залѣ въ фанты играютъ, — входя въ буфетную, сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

— Стало быть, послѣ будутъ кушать? — спросилъ буфетчикъ.

— Да, послѣ, когда игра кончится... Очень занятно играютъ, Геннадій Ильичъ!... Спчасъ это выходитъ барышня Лихачева и встаетъ, стало быть по срединѣ зала, а молодой Одинцовъ...

— Ладно, ладно, — перебилъ буфетчикъ, — не точи ласы-то!... Не видалъ я тоже, какъ въ фанты играютъ!... Это тебѣ въ диковину, а я сорокъ годовъ тому назадъ эту забаву видалъ... Принимайте чай, несите... И вотъ что, господа казачки, ежели который не поспѣетъ во время сухари и печенье подать — бѣда!... Такой мнѣ отъ генеральши указъ данъ, чтобы, не докладывая ея превосходительству, учить васъ, ежели что... Маршъ!...

Лакеи и казачки направились съ подносами въ гостинныя и кабинетъ, а въ залѣ шла шумная и веселая игра въ фанты. На вечеринкахъ этихъ у Чоглоковыхъ не танцовали и молодежи было предоставлено веселиться, какъ она желаетъ. Желали обыкновенно играть въ фанты и любимую игрою была игра „въ почту“. Каждый изъ играющихъ бралъ себѣ названіе какого-нибудь города и всѣ должны были помнить, за кѣмъ какой городъ, а затѣмъ посылались изъ города въ городъ посылки. Игра эта требуетъ большаго вниманія и весела лишь тогда, когда идетъ быстро, оживленно, а „посылки“ мѣтки и остроумны. Съ того, кто не успѣвалъ во время отозваться или называлъ городъ, котораго не было выбрано — брали фантъ, какую-нибудь вещь, и затѣмъ разыгрывали эти фанты, назначая провинившимся извѣстное наказаніе.

Впрочемъ игра въ фанты, бывшая въ большой модѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ, достаточно извѣстна и до сихъ поръ.

Игрѣ у генерала Чоглокова давали тонъ и оживляли ее: сынъ Чоглокова, Сергѣй, студентъ московскаго университета,

и корнетъ Владимірскаго уланскаго полка Скосыревъ, красавецъ и бреттеръ, сынъ богатаго барина изъ отставныхъ вельможъ, находившійся теперь въ отпускъ.

Сергѣй Чоглоковъ, нѣжный блондинъ, стройный юноша съ ясными и добрыми голубыми глазами, назначалъ самые остроумные фанты и превосходно зналъ, кому что надо „послать по почтѣ“, попадая всегда въ цѣль и возбуждая дружный одобрителный смѣхъ, а Скосыревъ шалилъ, дурачился и посылалъ по почтѣ или очень зло, или уморительно смѣшно. Городъ онъ себѣ выбралъ какой-то смѣшной, трудный для выговора, и барышни, постоянно забывая этотъ городъ, платили фантъ. Скосыревъ, сверкая черными, совершенно цыганскими глазами, обнажая при улыбкѣ бѣлые, большіе зубы изъ-подъ черныхъ усовъ, неустомимо злословилъ. Онъ посылалъ вдовѣ Якшиной, которую упрекали въ одной исторіи съ гувернеромъ, „сорокъ французовъ съ эспаньолками“; строгой со своимъ мужемъ баронессѣ Ганъ „двадцать паръ туфель для домашняго обихода“; жестокой съ горничными полковницѣ Бекъ „два воза со свѣжими розгами“ и т. д.

Игра шла шумно и весело.

Кузина Сергѣя Чоглокова, хорошенькая брюнетка Варенька Ушакова, недавно кончившая курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ, выбрала себѣ городомъ Петербургъ и ей Скосыревъ послалъ „милліонъ купидоновъ для обаянія“.

— Динь, динь, динь!—зазвонила Варенька, когда послѣ посылки Скосырева ей пришлось „послать почту“.

— Кто ѣдетъ?

— Почта,—отвѣтила Варенька.

— Съ чѣмъ?

— Съ лѣкарствомъ отъ меланхоліи.

— Куда?

— Въ Казань.

Казань выбралъ Сергѣй Чоглоковъ. Онъ утомился немного

игрою, или замечтался и задумчиво опустил голову. Бѣлокурые выющіеся волосы такъ и свѣсился ему на лобъ, падали даже на глаза. Онъ не слыхалъ посылки.

— Фантъ, фантъ! — закричали барышни. — Съ Сережи Чоглокова фантъ!... Ага, попались и вы, осторожный и разсудительный ученый мужъ!...—Сергѣй поднялъ голову и тряхнулъ волосами.

— Покоряюсь, отдаю фантъ, — сказалъ онъ, подавая колечко. — Но не достаточно-ли играть, mesdames?... Миѣ кажется, что утомилась всѣ...

— Да, да, будетъ играть, пора разыгрывать фанты! — раздались голоса.

— Сперва чай, mesdames, а то вы совсѣмъ забыли про него, — продолжала генеральша Чоглокова и приказала подавать молодежи чай.

Всѣ разбрелись по залу и уѣли за принесенными сюда маленькими столиками. Нѣкоторые кавалеры ушли курить. Сергѣй Чоглоковъ пошелъ было курить съ Скосыревымъ, но Варенька Ушакова остановила его.

— Я хочу говорить съ вами, Сережа, — сказала она.

— Къ вашимъ услугамъ, Варенька!...

Они отошли въ уголокъ и сѣли подъ громаднымъ олеандромъ.

Варенька Ушакова прикрыла вѣеромъ смѣющіяся пунцовыя губки, лукаво прищурила черные, какъ агаты, глаза и посмотрѣла на Чоглокова. Онъ приходился ей троюроднымъ братомъ и считался ея женихомъ. Отцы молодыхъ людей давнымъ давно были друзьями и когда у Ушакова родилась дочь, а Сережѣ Чоглокову было лѣтъ шесть, отецъ его, шутя, сдѣлалъ предложеніе отъ его имени отцу новорожденной Вареньки и предложеніе это, не то тоже шутя, не то серьезно, было принято. Позднѣе старики рѣшили этотъ вопросъ совершенно уже серьезно, Сережа и Варенька продолжали оставаться друзьями дѣтства и были немножко влюблены другъ въ друга, но къ рѣшенію родителей относились либерально, условились быть самостоятельными и,

при случаѣ, даннымъ стариками словомъ себя не стѣснять.

— Что вы смотрите на меня, Варинька, такимъ инквизиторскимъ взглядомъ?—спросилъ Сергѣй.

— Хочу разгадать причину вашей меланхолии... Что съ вами, Сережа?

— А что?

— Да вы совсѣмъ Байроновскій Манфредъ.

— Ого!... Вамъ позволяютъ читать Манфреда?—улыбнулся Сергѣй.

— Я не спрашиваю позволенія, я читаю сама, я не дѣвочка, позвольте вамъ замѣтить, а потому прошу и говорить со мною не какъ съ дѣвочкою... Почему вы такой... Если у васъ горе—говорите мнѣ—вы найдете во мнѣ твердаго и надежнаго друга.

— Совсѣмъ какъ „большая“!..—усмѣхнулся Сергѣй, но сію-же секунду улыбка сбѣжала съ его губъ, глаза приняли задумчивое, печальное выраженіе и онъ заговорилъ немного упавшимъ голосомъ, крѣпко сжавъ руку кузины.

— Я не знаю, Варенька, горе у меня, или радость... Мнѣ порою бываетъ хорошо, отрадно, весело, я полонъ счастья и восторга, но вдругъ мнѣ становится невыносимо тяжело и я не нахожу мѣста отъ тоски...

— Почему-же это, Сережа?.. Это что-то странное съ вами...

— Я влюбленъ, кузина...

Варенька такъ и подпрыгнула.

— Неужели, Сережа?—воскликнула она, сверкая глазами.—Ахъ, какъ это интересно!.. Мнѣ давно хотѣлось видѣть мужчину, влюбленнаго пылко, страстно, готоваго на жертвы, на подвиги... Это очень, очень интересно, Сережа!..

Она взяла Чоглокова за руку и, наклонившись къ нему, заговорила съ особеннымъ убѣжденіемъ, стараясь быть какъ можно серьезной и придавая особенную важность своимъ словамъ.

— Я очень рада, что вы меня выбрали повѣренной вашей тайны. Это очень благородно съ вашей стороны, Се-

режа, очень... Вы не стѣсняйтесь тѣмъ, что мы почти объявлены женихомъ и невѣстою, пожалуйста, не стѣсняйтесь!.. Чувство, Сережа, должно быть свободно и я не хочу васъ стѣснять... Я люблю васъ, какъ брата, только, какъ брата, но если-бъ я и влюблена въ васъ была—я не стала-бы стѣснять вашей свободы, о, никогда!

— Я знаю, что вы благородны и великодушны, Варенька,—сказала Сергѣй.

Ему немножко смѣшно было слушать Вареньку, которую онъ считалъ за дѣвочку, и не хотѣлось посвятить ее въ свою тайну, но говорить хотѣлось. Хотѣлось слышать свой голосъ, произносившій то, что занимало его, чѣмъ онъ жилъ.

— Ахъ, я очень благородна!—воскликнула Варенька.— И у меня есть характеръ... Рассказывайте-же о ней, о той, которую вы любите... Она здѣсь?... Я даже догадываюсь, кто она...

— Нѣтъ, Варенька, ея здѣсь нѣтъ... Она... она крѣпостная дѣвушка моей матери...

Варенька широко раскрыла глаза.

— Крѣпостная? Такъ вы влюблены въ горничную вашей маман?

— О, нѣтъ!.. Она...

Вдругъ Сергѣю показалось, что Варенька не пойметъ его, что она можетъ засмѣяться надъ его чувствомъ, надъ его словами, что она можетъ оскорбить ту, которую онъ такъ любить, и онъ быстро всталъ.

— Я не могу теперь говорить, Варенька, простите меня.. Я дамъ вамъ прочитать свой дневникъ, изъ него вы лучше поймете все... А говорить я не могу, не могу... И не могу и не хочу!..

Чоглоковъ быстро отошелъ отъ кухни и громко, на весь залъ, предложилъ заняться розыгрышемъ фантовъ.

Весь вечеръ онъ не подошелъ къ Варенькѣ и даже не проводилъ ее до кареты, какъ дѣлывалъ всегда.

Варенька поѣхала домой съ матерью; отецъ отправился въ клубъ ужинать.

Задумчиво глядя въ окно кареты на залитые яркимъ луннымъ свѣтомъ дома, Варенька думала о словахъ Чоглокова и ее очень занимало признаніе кузена.

— Мама!—окликнула она дремавшую въ углу кареты мать.

— Что тебѣ?—отозвалась Ушакова.

— Можно, мама, влюбиться въ крѣпостную дѣвушку?

— Что это, матушка, за глупый вопросъ такой!.. И что это у тебя за манера говорить съ матерью о влюбленности, о романахъ и о подобныхъ глупостяхъ?.. Другая-бы постыдилась, а ты прямо такъ и брякаешь, точно я твоя подруга, такая-же дѣвчонка...

— Ну, хорошо, хорошо, мамочка, послѣ побраните меня, а теперь отвѣьте на мой вопросъ... Можетъ молодой, образованный человѣкъ, человѣкъ нашего общества, влюбиться въ крѣпостную!

— Да отстань ты съ глупостями своими, Варя!.. Вотъ пристала...

Варенька была балованное дитя; мать не только любила ее, но и побаивалась рѣзвой, избалованной, капризной дочки. И дочка настояла на своемъ—мать удовлетворила ее любопытству.

— Конечно, нельзя,—отвѣтила наконецъ старуха.—Какой-же порядочный влюбится въ крѣпостную дѣвку?.. Бывали, впрочемъ, глупые примѣры, такъ это дичь одна, за это въ порядочномъ домѣ принимать перестанутъ... Впрочемъ, есть, есть и изъ крѣпостныхъ особенныя... Вонъ князя Трубецкаго одна крѣпостная въ актрисы вышла, за гвардіи полковника замужъ попала... У Чоглоковыхъ вонъ пріѣхала недавно изъ Петербурга крѣпостная, по французски говорить, на роялѣ играетъ...

— У Чоглоковыхъ?—съ особеннымъ оживленіемъ воскликнула Варенька.

— Да... Въ ученьи тамъ была, у француженки какой-то, а та ее замѣсто дочери воспитала... Ну, образованная. ну, и съ виду какъ барышня, а все-же не болѣе, не менѣе, какъ крѣпостная дѣвка Наташка...

— Ахъ, такъ это въ нее и влюбился Сережа!..

Варенька проговорила это и спохватилась. Но было уже поздно.

— Какъ, Сережа влюбленъ?—быстро спросила мать... — А, такъ вотъ откуда его тоска-то, о которой говорила мнѣ наемни его мать. Это надо изслѣдовать, надо старуху предупредить.

— Ради Бога не дѣлайте этого, мамочка!... Ради Бога!—заволновалась Варенька и бросилась цѣловать мать.

— Милая, хорошая, добрая моя, не говорите!.. Это я такъ, это я просто сболтнула, а если вы скажете—можетъ ужасъ что выдти!.. Не скажете, мамочка? Да? не скажете?

— Да ну, тебя, Варя, отвяжись, не скажу!—отбиваясь отъ порывистыхъ ласкъ дочери, сказала Ушакова и мысленно рѣшила завтра-же поѣхать къ Чоглоковымъ и „произвести слѣдствіе“.

Карета остановилась у дома Ушаковыхъ на Покровкѣ.

Едва успѣла Валентина Михайловна Ушакова войти въ прихожую, какъ ключница ея, тучная рыхлая старуха Маремьянушка, бросилась къ ней въ ноги и, притворно рыдая, размахивая руками, хватаясь за полы барышняго салопа, закричала визгливымъ голосомъ:

— Матушка барыня, не прикажи казнить, прикажи мловать!.. Ой, пропала моя головушка, ой, сгилбла я неповинная, ой, пропала!..

Старуха Ушакова видимо привыкла къ такимъ выходкамъ своей старой ключницы и не испугалась, не удивилась. Она слегка оттолкнула Маремьянушку ногою и обвела взглядомъ высыпавшую для встрѣчи дворню—дѣвушекъ, лакеевъ, няньку Вареньки и казачковъ. Весь штатъ этотъ былъ смущенъ чѣмъ-то, всѣ лица выражали то страхъ, то сильное огорченіе.

— Что случилось?—спросила Ушакова у одной из горничных.—Да не кричи, старая дура!—прикрикнула она на ключницу.—Что случилось такое?

— Ой, матушка-барыня, ой, повелительница моя милостивая, бѣда случилась!.. Пропало, матушка, изъ буфета серебро столовое, а изъ шифоньерки, что въ вашей комнатѣ стоитъ, кольца ваши брилліантовые пропали...

Ушакова нахмурила брови и обвела дворню грознымъ и испытующимъ взглядомъ.

Одна изъ дѣвушекъ поблѣднѣла.

— Ты?—грозно и отрывисто спросила у ней барыня.

— Никакъ нѣтъ-съ... Разрази меня на семь мѣстѣ, ежели что... Казнить прикажите—и то не повинюсь, вотъ руки у меня отсохни, пропади я пропадомъ!..

— А почему поблѣднѣла?.. Почему рожу, какъ мѣломъ, отъ одного взгляда моего смазало?

— Тѣмъ виновата, сударыня, что гостью осмѣлилась принять... Гостя у меня была... Она, стало быть, и виновата, я, стало-быть, грѣхъ...

— Что за гостя?.. Кто такая?

— Чоглоковская Наташа, которая недавно изъ Питера пріѣхала...

— Ахъ!—воскликнула Варенька, свидѣтельница всей этой сцены.

Мать оглянулась на нее.

— Чего ты?.. Ахъ, да... Гмъ, это интересно... Ступай, Варя, къ себѣ, спать пора... Чего вы рты-то разинули, не раздѣваете насъ?

Дѣвушки бросились снимать съ барыни и барышни салоны.

— Позвать ко мнѣ Илью дворецкого, а эту гостепріимницу,—Ушакова указала на виноватую дѣвушку,—запереть въ дѣвичьей и никуда не выпускать... Ступай, Варенька, почивать, я приду черезъ полчаса благословить тебя....

Валентина Михайловна, не обращая вниманія на громко

плачущую ключницу, пошла въ свои покои, а Варенька, задумчивая и озабоченная, поднялась въ антресоли, гдѣ была ея комнатка.

II.

Мѣсяцевъ за пять до вечеринки у Чоглокова, на которую мы ввели читателя, чтобы познакомить съ нѣкоторыми дѣйствующими лицами романа, Сергѣй Чоглоковъ поѣхалъ верхомъ въ Нескучный садъ. Онъ подъѣзжалъ уже къ воротамъ сада и выглядывалъ какого-нибудь сторожа, чтобы отдать поддержать лошадь и идти гулять, какъ вдругъ лошадь его, молодая и плохо еще обѣзженная, закинулась, чего-то испугавшись, и взвилась на дыбы. Сергѣй ѣздилъ хорошо, самъ выѣзжалъ себѣ лошадей, но ничего не могъ подѣлать съ горячимъ, взволновавшимся „арабомъ“. Конь завизжалъ отъ шенкелей, какъ визжать только очень злые и горячія лошади, метнулся въ сторону и началъ осаживать на тротуаръ.

— А-ахъ!—услыхалъ Сергѣй испуганный крикъ и тревожно оглянулся.

Конь его почти прижималъ крупомъ къ забору какую-то молодую дѣвушку, идущую по тротуару.

Дѣвушка страшно испугалась.

Опершись одной рукою о заборъ, она протянула другую, вооруженную голубымъ зонтикомъ, впередъ и кричала пронзительнымъ голосомъ. Мантилья свалилась у нея съ плечъ и упала на руки. Лошадь каждую секунду могла смять ее задними ногами, или ударить, почувствовавъ прикосновеніе зонтика.

Сергѣй выпустилъ мундштукъ, далъ сильныя шпоры, и конь его сдѣлалъ скачекъ впередъ, круто повернулся и во весь карьеръ поскакалъ назадъ.

Около Калужскихъ воротъ уже справился всадникъ съ

горячимъ, бѣшеннымъ конемъ, повернулъ его назадъ и заставилъ идти къ Нескучному саду шагомъ. У воротъ сада онъ слѣзъ, погладилъ взмыленного, но совершенно успокоившагося теперь упряма-коня и отдалъ его солдатику сторожу.

— Выводи его, милый, хорошенько и поддержи, получишь на водку, да смотри, чтобы не вырвался,—сказалъ Сергѣй.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородіе,—отвѣчалъ солдатикъ, принимая коня,—я въ кавалеріи служилъ, знаю этотъ обиходъ-то...

Сергѣй пошелъ въ садъ.

Послѣ прогулки верхомъ, взволнованный упрямымъ горячаго скакуна, онъ чувствовалъ себя въ томъ бодромъ, здоровомъ возбужденіи, когда живетъ каждый фибръ молодого тѣла, когда здоровье брызжетъ наружу и во всемъ организмѣ чувствуется сила и крѣпость, а духъ бодръ и веселъ.

Легко ступая крѣпкими, сильными ногами, обтянутыми въ рейтузы и ботфорты, помахивая хлыстикомъ, шелъ Сергѣй по дорожкѣ сада и носивистывалъ.

— Надо непременно проѣздить „Арнаута“ въ манежѣ,—думалъ онъ.—Положимъ, я не боюсь его и на улицѣ, а все-же надо съ нимъ поработать дома... Берейторъ Ѳедоръ его ѣздилъ и пзбаловалъ... Впрочемъ, Ѳедоръ не виноватъ, Ѳедоръ славный старикъ и берейторъ хорошій, но слабъ уже... Непременно надо отпустить его на покой и пенсію ему у папа выпросить.

Сергѣй вдохнулъ въ себя струю воздуха. Пахло сиренью. Молодые листья березы развернулись уже вполне, но не утратили еще аромата весны и струили его, чуть-чуть колыхаясь и напештывая о чемъ то. Отъ закрытыхъ деревьями лужаекъ подымался чуть замѣтный туманъ и ползъ по стволамъ, окутывая ихъ прозрачною дымкою.

— Какъ хорошо!—воскликнулъ невольно Сергѣй.—Боже, какъ хорошо!..

Воскликнулъ и остановился.

Въ пяти шагахъ отъ него на скамьѣ сидѣла женщина, скрытая немного тѣнью большой развѣсистой липы.

Сергѣй взглянулъ попристальнѣе и узналъ ту самую дѣвушку, которую онъ чуть-чуть не смялъ лошадыю.

Дѣвушка сидѣла, склонивъ немного голову, и чертила кончикомъ зонтика по песку узоры. Она глубоко задумалась и Сергѣй минуту разглядывалъ ее, остановившись и снявъ шляпу. У дѣвушки было милое, нѣжное личико съ легкимъ румянцемъ, не особенно правильный, но хорошенкѣй и не-большой носъ, румяныя полныя губки. При совершенно свѣтлыхъ волосахъ, брови ея были темны и шелковисты, маленькія розовыя уши были украшены длинными сережками съ подвѣсками изъ горнаго хрустала.

Она спустила съ плечъ мантилью и молочно-бѣлая шея ея была открыта, широкой кружевной воротничекъ лежалъ вокругъ вѣнчикомъ. Станъ дѣвушки, не крупный, но достаточно полный, округленный, гибкій и нѣжный, стягивался лифомъ изъ синей шерстяной матеріи: юбка изъ той же матеріи была не съ оборочками, какъ носили тогда, а съ широкой каймою на подолѣ. Ажурныя шелковыя перчатки закрывали руку только до половины пальцевъ, какъ тогда было въ модѣ, и рука, бѣлая, тонкая, оставалась открытою.

„Кто она такая?—подумалъ Чоглоковъ—Одна, безъ гувернантки, безъ лакея, а видно, что не мѣщанка — тѣ шляпокъ не носятъ“.

На дѣвушкѣ была простенькая, но очень милая шляпа съ голубыми широкими лентами, завязанными подъ подбородкомъ большимъ бантомъ.

Сергѣй кашлянулъ и пошелъ по дорожкѣ. Дѣвушка подняла голову и взглянула на него.

Что-то дѣтски-милое, что-то довѣрчивое и ласковое было во взглядѣ темныхъ задумчивыхъ глазъ.

Сергѣя въ сердце кольнуло отъ этого взгляда, и онъ

почувствовалъ, что никогда, никогда ему не забыть глазъ, подарившихъ его этимъ взглядомъ.

— Простите меня, — робко и неувѣренно проговорилъ Сергѣй, останавливаясь и склоняя голову. — Простите, я напугалъ васъ... Вы, безъ сомнѣнія, узнали во мнѣ того неосторожного всадника, который такъ непростительно глупо не умѣлъ справиться съ лошадыю и чуть не наѣхалъ на васъ...

— Охотно прощаю — вѣдь вы-же не виноваты... Я, правда, испугалась немного, но я больше испугалась за васъ.

— За меня?

— Конечно. Я думала, что васъ убьетъ эта лошадь... Слава Богу, что не случилось несчастія.

— Несчастіе могло быть съ вами, сударыня, а я... я и справлюсь съ лошадыю, и самъ отвѣчаю за себя... Но, вы... Ахъ, вы такъ сильно закричали и я не могъ даже подать вамъ помощь, — проклятый арабъ мой совсѣмъ взбѣсился сегодня!..

— Впередъ наука — не ѣздить на такихъ горячихъ лошадяхъ! — съ улыбкою произнесла дѣвушка.

Сергѣй надѣлъ шляпу. Объясненіе было кончено, слѣдовало уходить. Благовоспитанный Чоглоковъ понималъ, что дальнѣйшій разговоръ съ незнакомою дѣвицею есть уже нарушеніе этикета, но ему не хотѣлось уходить.

— А можетъ быть, она мѣщаночка, — подумалъ онъ. — Можетъ быть, простушка, которой и въ голову не придетъ, что моя назойливость неприлична... Она одна, а кто-же изъ порядочныхъ гуляетъ тутъ безъ матери, безъ горничной, безъ лакея? А ну, проэкзаменую ее.

— Впрочемъ, я счастливъ, — сказалъ онъ по французски: — горячность моей лошади доставила мнѣ случай познакомиться съ вами...

Дѣвушка чуть-чуть повела бровями и отвѣтила по французски-же, но съ лучшимъ, чѣмъ у Чеглокова, выговоромъ:

— Вы хотите быть любезнымъ, сударь, но ваша любезность похожа на насмѣшку... Она мнѣ болѣе непріятна, чѣмъ ваша неосторожность...

Сергѣй покраснѣлъ и снова снялъ шляпу.

— Простите меня!—воскликнулъ опъ.—Честное слово я не хотѣлъ васъ обидѣть... Я не долженъ-бы заговаривать съ вами—я не знакомъ вамъ, но я буду искать случая быть вамъ представленнымъ...

— Не дождетесь,—засмѣялась дѣвушка.

— Вы не московская?

— Почти, что нѣтъ... Я не свѣтская барышня, мы никогда не встрѣтимся съ вами...

Дѣвушка пристальнѣе взглянула на Сергѣя и, должно быть, доброе, милое лицо его понравилось ей, внушило довѣріе. Она подвинулась немного и указала глазами мѣсто около себя.

— Какъ мнѣ благодарить васъ!.. Я студентъ московскаго университета Сергѣй Чоглоковъ...

Дѣвушка быстро повернулась къ нему. Густая краска залила ея нѣжное личико.

— Чоглоковъ?.. Генераль-маіора Петра Григорьевича Чоглокова сынъ?—воскликнула она.

— Да... Вы знаете отца?

Дѣвушка потушилась. Рука съ зонтикомъ слегка задрожала у ней.

— Да, знаю... Какая встрѣча!.. Васъ, кажется, не было въ Москвѣ эти дни?

— Не было. Я уѣзжалъ въ подмосковное наше имѣнье посмотреть на отдѣлку дома. Я вернулся только сегодня... Pardon, вы знакомы моей маман, конечно?..

Краска сбѣжала съ лица дѣвушки. Лицо это сдѣлалось грустно, что-то похожее на тоску затуманило добрые ласковые глазки.

— Я?.. Да, я знакомая...

Она встала.

— До свиданія, мнѣ надо идти.

— Но вы не назвали себя!—поднялся за нею Сергѣй.— Вы лишаете меня права быть съ вами знакомымъ?.. Зачѣмъ эта интрига?.. Pardon, mademoiselle, мы не въ маскарадъ...

— Почти!—усмѣхнулась дѣвушка, кивнула головою и быстро пошла по аллеѣ.

На поворотѣ она оглянулась, еще разъ кивнула головою и скрылась.

— Какая милая, чудная дѣвушка!—воскликнулъ Чогловъ. Кто она?.. Почему она не назвалась?.. Какъ она знаетъ отца?.. А, что тутъ думать, я догоню ее и хоть на край свѣта провожу, а узнаю, кто она!..

Онъ быстро пошелъ, но вдругъ остановился и медленно вернулся.

Его отецъ оказывалъ покровительство многимъ бѣднымъ дворянамъ; болѣе двадцати дворянскихъ сиротскихъ семей получало отъ него пенсію, человекъ десять мальчиковъ и дѣвочекъ сиротъ воспитывалось на его счетъ и эта дѣвушка могла быть изъ такого облагодѣтельствованнаго семейства, ее, конечно, стѣсняло знакомство съ сыномъ отца, подающаго ей милостыню. Молодость всегда горда и самолюбива.

Быть можетъ, старуха-мать этой дѣвушки униженно кланялась отцу Сергѣя, вымаливая пособія, и дѣвушка знала это...

Да, да, ей не до знакомства съ нимъ, а ему необходимо щадить чувство ея законной гордости...

Сергѣй ходилъ нѣсколько времени по аллеямъ Нескучнаго сада и отправился домой.

Образъ хорошенькой дѣвушки въ синемъ платьѣ не выходилъ у него изъ головы и Сергѣй рѣшилъ, что непременно узнаетъ по книгамъ домовой конторы, у кого изъ облагодѣльствованныхъ его отцомъ есть дочка молодая дѣвушка,—въ книгахъ этихъ записывалось семейное положеніе пенсионеровъ очень подробно, — а затѣмъ наведетъ дальнѣйшія справки и постарается наивозможно лучше устроить положеніе этой дѣвушки.

На другой день утромъ Сергѣй вошелъ въ комнату матери поздороваться, что онъ дѣлалъ каждый день.

Генеральша Чоглокова, сухощавая старуха, сохранившая на строгомъ, холодномъ лицѣ слѣды былой красоты, сидѣла за кофе и просматривала какой-то иллюстрированный французскій журналъ.

При входѣ сына, она сняла круглыя черепаховыя очки, отложила ихъ вмѣстѣ съ журналомъ и подала сыну свою тонкую худощавую руку, украшенную многочисленными кольцами. Пока Сергѣй, болѣе почтительно, чѣмъ нѣжно, цѣловалъ руку матери, старуха ласкала его волосы и потомъ приподняла его голову за подбородокъ.

— Здравовъ?—отрывисто спросила она.

— Здравовъ, маман...

— Блѣденъ что-то... Присядь вотъ тутъ, посиди... Не хочешь ли кофе!

— Нѣтъ, маман, мерсі, я пилъ уже.

— Ну, посиди со мною... Какъ твои дѣла въ университетѣ?

— Хорошо, маман...

Старуха пристальнымъ долгимъ взглядомъ посмотрѣла на сына.

Она безумно любила своего единственного сына, всегда неотличавшагося здоровьемъ, а въ дѣтствѣ совсѣмъ слабенькаго, отвоеваннаго у смерти долгими бессонными ночами, страшными трудами, болѣе этими трудами матери, чѣмъ искусствомъ лучшихъ докторовъ, чѣмъ поѣздками на воды, діетами и воспитаніемъ по программѣ медиковъ и педагоговъ. Теперь Сергѣй былъ если не крѣпышомъ, какъ многіе изъ его сверстниковъ, то все-же не хворалъ и видимо мужалъ съ каждымъ годомъ, но мать продолжала смотрѣть на него, какъ на слабенькаго, нѣжнаго ребенка.

Суровая, строгая и холодная со всѣми, порою жестокая съ подчиненными, генеральша Чоглокова любила сына страстно, нѣжно, жила имъ, болѣла его болѣзнями.

Сегодня онъ былъ немного задумчивъ, на него вчерашняя встрѣча въ Нескучномъ произвела впечатлѣніе, чудные глаза дѣвушки грезились ему всю ночь, въ юномъ, неизвѣдав-

шемъ еще любви сердцѣ начинало шевелиться это чувство, наступала пора любить. Это отразилось на лицѣ юноши и материнское чутье угадало что-то особенное.

— Да здоровъ-ли ты, Сережа?—взяла старуха сына за руку.—Ты странный какой-то... Не поссорился-ли съ товарищами? Не имѣлъ-ли столкновѣнія съ начальствомъ!

Сергѣй засмѣялся и поцѣловалъ руку матери.

— Вы, маман, все еще смотрите на меня, какъ на ребенка!.. Помните, бывало въ дѣтствѣ все спрашивали меня: „Сережа, не болитъ-ли животикъ?... Прими, Сережа, лѣкарства, а я тебѣ дамъ за это бонъ-бонъ“!.. Теперь вы такимъ-же тономъ спрашиваете, не поссорился-ли я, не получилъ-ли непріятность... Я, маман, теперь самъ найду лѣкарство и не спрошу за это бонъ-бонъ...

Старуха вздохнула.

— И теперь, Сережа, иди къ матери, когда тебѣ понадобится лѣкарство... Она и лѣкарство тебѣ дастъ и бонъ-бонъ найдетъ у нея!.. Выпей, Сережа, кофе, я хочу поболтать съ тобою...

Генеральша взялась за колокольчикъ, но дверь отворилась и лакей появился безъ зова.

— Что тебѣ?—спросила генеральша.

— Вы изволили приказать, ваше превосходительство, чтобы явилась дѣвушка Наталья—она пришла.

— Ага!.. Пусть войдетъ, да вели дать кофе Сергѣю Петровичу.

— Слушаю-съ.

— Выписала изъ Петербурга Наташу,—обратилась генеральша къ сыну, когда лакей ушелъ.—Ты не помнишь ее?

— Нѣтъ, маман.

— Дочь покойнаго отцовскаго крѣпостнаго Панкратія. Она хаживала къ тебѣ играть, когда ты былъ маленькій. Она должно быть ровестница тебѣ. Я ее послала въ Петербургъ къ madame Фріо, и вотъ она выучилась. Очень, говорятъ, хорошая модистка, а мнѣ нужно—Глафира стара стала...

Сергѣй безучастно слушалъ мать, разглядывая иллюстраціи въ журналѣ.

— И вообрази—отецъ сцену мнѣ сдѣлалъ за это!

— Почему, маман?

— Да эта французенка Фріо полюбила такъ Наталью, ну, и написала Петру Григорьевичу письмо, чтобъ онъ оставилъ ее въ Петербургѣ, предлагала выкупъ и Петръ Григорьевичъ возсталъ на меня... — Странныя требованія у твоего отца, Сергѣй, онъ меня иногда поражаетъ: въ угоду какой-то тамъ французенкѣ, я должна уступить дѣвушку, которая мнѣ нужна, срока обученія которой я такъ долго ожидала!.. смѣшно!..

— Отецъ очень добрый человекъ, мама—замѣтилъ Сергѣй.

— А я?—прищурилась на него мать.

Сергѣя промолчалъ.

Дверь снова отворилась и въ комнату вошла пріѣхавшая изъ Петербурга дѣвушка генеральши.

Сергѣй чуть не вскрикнулъ и быстро вскочилъ съ кресла. Вошедшая дѣвушка была та самая, которую онъ встрѣтилъ вчера въ Нескучномъ. Сегодня она была въ сѣренькомъ, совершенно гладкомъ платьѣ изъ холстинки. Поверхъ платья былъ одѣтъ бѣлый, закрывающій часть груди, передникъ. Узенькій бѣлый воротничекъ окаймлялъ нѣжную шею дѣвушки. Длинная тяжелая коса обвила голову и петлей спускалась на шею, касаясь спины.

Въ этомъ простомъ костюмѣ, смущенная, вспыхнувшая румянцемъ, дѣвушка показалась Сергѣю лучше, чѣмъ вчера.

Бросивъ на него косвенный взглядъ, дѣвушка быстро подошла къ генеральшѣ, поцѣловала у ней руку и отошла къ двери.

Генеральша взяла со столика лорнетъ и разглядывала дѣвушку.

— Ты, моя милая, быть можетъ, хорошо научилась работать у madame Фріо,—строго заговорила генеральша,—но она не научила тебя приличіямъ... Развѣ ты незнаешь

того, что тебѣ слѣдовало поблагодарить меня за твое ученье?.. А это вотъ мой сынъ—мои крѣпостные должны знать его...

— Ахъ, зачѣмъ это, шатап, зачѣмъ это!—воскликнулъ Сергѣй и быстро вышелъ, смущенный, изумленный, не будучи въ силахъ владѣть собой.

И Сергѣй Чоглоковъ полюбилъ эту дѣвушку.

Онъ не говорилъ ей объ этомъ. Да и никому не говорилъ онъ о своей любви, только другъ его, корнетъ уланскаго полка Скосыревъ, зналъ это, да позднѣе въ началѣ зимы, рассказалъ онъ свою тайну кузинѣ Варенькѣ Ушаковой.

Кроткая задумчивая красавица Наташа, съ ея трогательною судьбою, безъ всякаго труда взяла сердце Сергѣя, и онъ то чувствовалъ себя глубоко счастливымъ, то глубоко несчастнымъ.

Онъ рѣдко видалъ Наташу, еще рѣже говорилъ съ нею, но любилъ онъ сильно, глубоко, нѣжно.

Такъ любятъ только очень молодые и очень впечатлительные люди, у которыхъ воля сердца сильнѣе воли разсудка.

III.

На другой день послѣ вечеринки у генерала Чоглокова, въ домѣ Ушаковыхъ было произведено строжайшее слѣдствіе о пропавшихъ серебряныхъ ложкахъ и кольцахъ.

Жизнь въ ушаковскомъ домѣ, какъ и самый домъ, раздѣлялась на двѣ половины—половина барина, Бориса Павловича, и половина барыни, Валентины Михайловны.

Борисъ Павловичъ вставалъ очень поздно, возвращаясь изъ англійскаго клуба почти на разсвѣтѣ, кушалъ у себя на половинѣ чай, принималъ „своихъ“ гостей, отдавалъ при-

казанія „своимъ“ людямъ, жилъ вообще самъ по себѣ и часто по цѣлымъ днямъ не показывался на половинѣ жены, а жена никогда не ходила къ нему.

Иногда Борисъ Павловичъ обѣдалъ дома и тогда супруги сходились; но это бывало не часто.

Ушаковы не были въ ссорѣ между собою, они даже по своему любили другъ друга, но никакъ не могли ужиться вмѣстѣ и „раздѣлились“, какъ они выражались, на пятнадцатомъ году супружеской жизни и уже никогда не измѣняли рѣшенія о раздѣлѣ.

Раздѣлили они доходы, дворовую прислугу, цѣнныя вещи; раздѣлили даже знакомыхъ и были у нихъ такіе знакомые, которыхъ терпѣть не могъ Борисъ Павловичъ, но которые охотно принимались Валентиной Михайловной и на оборотъ. Такой режимъ повидимому нисколько не стѣснялъ супруговъ и они жили душа въ душу, сходясь лишь по поводу вопросовъ, касавшихся дочери, которую они оба очень любили. Взгляды на воспитаніе у нихъ были разные, но Валентина Михайловна умѣла въ этомъ дѣлѣ подчинить себѣ мужа и онъ уступилъ.

Уступилъ онъ женѣ и бразды правленія въ вотчинѣ—всѣ тысяча душъ крѣпостныхъ были въ вѣдѣніи Ушаковой и лишь человекъ десять дворовыхъ, отряженные въ штатъ Бориса Павловича, были его собственными. Этихъ Валентина Михайловна не хотѣла знать, игнорировала ихъ, или брезгливо презирала, а они ее недолюбливали, по боялись и въ тайнѣ души уважали.

Борисъ Павловичъ совѣмъ не умѣлъ ладить со своими челядинцами. Они обворовывали его, грубили ему, не слушались и были всѣ пьяницами и лѣнтяями, а онъ порою и колачивалъ ихъ, и въ полицію посылалъ съ лаконической записки: „поучить сего подателя. Ушаковъ“, и кричалъ на нихъ до хрипоты, до обморока. Валентина Михайловна никогда никого пальцемъ не тронула, рѣдко бранила, рѣдко наказывала ссылкой въ отдаленную вотчину, еще рѣже отдавала

въ солдаты, но вся дворня и вся вотчина боялась ее, какъ огня, любила и истинно уважала.

Это была барыня одна изъ тѣхъ, которыхъ народъ вспоминаетъ и до сихъ поръ добрымъ ласковымъ словомъ.

У Валентины Михайловны ни въ дворѣ, ни въ вотчинѣ не было ни воровъ, ни пьяницъ, а богатые мужики считались сотнями. Управлялъ ими всеми неграмотный мужикъ, ими самими выбранный, лѣтъ двадцать прослужившій въ этой должности, староста Киприлло Герасимычъ. Управляющихъ, а особенно изъ „нѣмцевъ“, которыхъ тогда было множество, Валентина Михайловна ненавидѣла и довѣрять „наемщику“ судьбу тысячи мужиковъ, съ чадами и домочадцами, съ имуществомъ и своими собственными, отъ дѣдовъ полученными вѣрованіями и взглядами, считала дѣломъ нечестнымъ, грѣховнымъ.

Такую барыню фактъ кражи, случившійся впервые въ этомъ чинномъ, благопристойномъ, образцовомъ по внутреннему строю и порядку домѣ, глубоко взволновалъ и огорчилъ.

Необходимо было слѣдствіе энергичное и немедленное. На слѣдствіе даже былъ приглашенъ Борисъ Павловичъ, совсѣмъ устраненный отъ распоряжковъ на половинѣ жены. Валентина Михайловна придала величайшую важность печальному факту и сочла необходимымъ допустить до этого дѣла мужа, какъ мужчину, какъ главу фамиліи.

Превосходно выбритый, разчесанный волосокъ къ волоску, щеголовато одѣтый, надушенный, невысокій ростомъ и очень полный, но осанистый и представительный вошелъ Борисъ Павловичъ на половину жены. Онъ ѣхалъ завтракать къ первому гастроному въ тогдашней Москвѣ, къ князю Г., прообѣдавшему уже второй милліонъ, и былъ въ превосходномъ расположеніи духа, предвкушая наслажденіе отъ предстоявшаго завтрака.

Пощеловавъ руку жены и получивъ пощелку въ начинающую лысѣть голову, Борисъ Павловичъ сѣлъ на кресло, понюхалъ табакъ изъ золотой дѣдовской табакерки и посмотрѣлъ на часы.

— Ты звала меня, ma chere? — спросил онъ. — Что у тебя за дѣло?... Я къ князю Сергѣю ѣду и попрошу тебя не задерживать меня... Не Варенька-ли опять заболѣла?

— Нѣтъ...

— А, кстати, гдѣ она?... Она не была у меня сегодня.

— Она спитъ еще.

— Спитъ?... Ахъ, Валентина Михайловна, что это за воспитаніе вы даете нашей дочери?... Никакого порядка, никакой системы!... Вчера я говорилъ съ madame Barteneff и она находитъ, что наша Варба совсѣмъ не такъ воспитывается, какъ это принято теперь отъ англичанъ всѣмъ обществомъ...

— Пусть, Борисъ Павловичъ, — перебила Валентина Михайловна, — пусть madame Barteneff воспитываетъ своихъ дочерей на англійскій, на нѣмецкій, на китайскій ладъ, а я воспитываю такъ, какъ нахожу нужнымъ... Не въ этомъ дѣло теперь... Я позвала тебя затѣмъ, чтобы сообщить очень непріятную исторію; у насъ въ домѣ случилась пропажа — украдено вчера серебро и мои кольца съ брилліантами...

Борисъ Павловичъ ударилъ себя по колѣнамъ и вскочилъ.

— Ага, наконецъ-то! — радостно воскликнулъ онъ. — Очень радъ, очень радъ...

Жена поглядѣла на него съ выраженіемъ, которое говорило: „я знаю, что ты скажешь глупость, но я не разсержусь; говори, я совсѣмъ не придамъ значенія твоимъ словамъ“.

— Очень радъ, очень радъ! — повторилъ Ушаковъ, прохаживаясь по комнатѣ быстрыми мелкими шажками. — Я всегда тебѣ говорилъ, что ты избаловала людей, что они у тебя никуда не годны, что ты не умѣешь ладить съ ними, и вотъ!... Ха, ха, ха... Ты всегда говоришь, что я не умѣю жить, а у меня...

Борисъ Павловичъ остановился и величественно показалъ куда-то пальцемъ.

— А у меня дисциплина!... Я, матушка, строгъ и я ихъ вотъ какъ держу!...

Онъ сжалъ оба кулака.

— Ну, и отлично,—сказала Валентина Михайловна. — У тебя крадутъ всё и все, но это остается незамѣченнымъ и потому скандала не дѣлаетъ... Теперь кража извѣстна людямъ... Моимъ людямъ, которые не покрываютъ другъ друга... Теперь надо узнать все дѣло и навсегда положить этому конецъ, съ корнемъ вырвать зло!... Я позвала тебя: ты долженъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ...

— Да какое-же, та сhere, участіе? Послать его въ полицію, приказать его отодррать и все!...

Борисъ Павловичъ съ особенной экспрессіей сказалъ звонкое слово „отодрать“.

— Кого „его“?—спросила Валентина Михайловна.

— Вора, та сhere, вора!

— Его нѣтъ здѣсь... Подозрѣніе падаетъ на чужую, на гостью, которая была вчера у Степаниды... Моп не воруютъ.

— Какая Степанида?... А, это та, черненькая?... Съ родимымъ пятнышкомъ на плечѣ?... Кха... кха... кха...

Борисъ Павловичъ закашлялся и покраснѣлъ.

— Глупо все это, матушка, глупо! — крикнулъ онъ. — Я ѣду къ князю, мнѣ не до пустяковъ этихъ... Прикажи Степаниду послать въ полицію, выпори еще кого-нибудь и никакихъ кражъ не будетъ, а мнѣ некогда, pardon, та сhere, я тутъ ничего не знаю!...

Онъ чмокнулъ жену въ руку и убѣждалъ.

Валентина Михайловна налила на ладонь лѣвой руки нѣсколько капель одеколону, понюхала, вздохнула и позвонила въ колокольчикъ.

— Позвать ко мнѣ Илью дворецкого и Степаниду,—приказала она лакею.

Лакеи ея ходили въ очень чистыхъ, дома и изъ домашняго сукна сшитыхъ казакинахъ, были всё трезвы, грамотны и почтеннаго возраста. Всё они были крѣпостные, но получали жалованье. Дѣвушки и женщины жалованья не получали, но на семьи замужнихъ отпускалась извѣстная сумма, а

выходившая замужъ получала въ приданое сто рублей ассигнаціями и приличный гардеробъ. Замужъ своихъ дѣвушекъ Валентина Михайловна выдавала охотно, даже самыхъ нужныхъ ей, но женихъ долженъ былъ зарекомендовать себя образцовымъ поведеніемъ, если былъ крѣпостной Ушаковыхъ, или представить солидныя рекомендаціи, если былъ вольный или крѣпостной другихъ.

Лакей удалился, сохраняя на лицѣ выраженіе печали и серьезности. Вся дворня была сильно опечалена вчерашнимъ случаемъ и сама производила строжайшее дознаніе.

Ни тщательное дознаніе дворни, ни строжайшее слѣдствіе, произведенное Валентиной Михайловною не открыли ничего новаго. Фактъ оставался фактомъ—вещи пропали, но подозрѣвать кого-нибудь не представлялось возможности, какъ потому, что прошлое всѣхъ было безупречно, такъ и потому, что не было ни малѣйшихъ уликъ. Дворецкій у мужской половины прислуги, а ключница у женской произвели безъ вѣдома барыни обыскъ и только у одного казачка нашлось въ коробкѣ десятка два кусковъ барскаго сахару, да и то оказалось, что мальчикъ получилъ ихъ въ разное время отъ ключницы.

Совершила, стало быть, кражу гостя Степаниды—чоглоковская Наташа.

Гостя пришла на минуту, она не водила компаніи ни съ кѣмъ изъ своихъ сверетницъ и держалась даже въ сторонѣ отъ чоглоковскихъ дѣвушекъ, за что ее всѣ не любили и всѣ на нее точили зубы.

Къ Степанидѣ она пришла по случаю: у madame Фріо, въ Петербургѣ, гдѣ училась Наташа, была въ ученніи сестра Степаниды и эта-то вотъ сестра прислала домой гостинецъ, прислала на Наташу, черезъ самое madame Фріо. Наташа принесла посылку, отдала Степанидѣ, и та упросила ее остаться пить съ нею чай. Господа были у Чоглоковыхъ и весь штатъ Валентины Михайловны пользовался свободою. Въ то время, когда дворня Бориса Павловича, пользуясь отсутствіемъ барина, обыкновенно разбродилась по тракти-

рамъ или пьянствовала у себя дома, дворня Валентины Михайловны сидѣла по дѣвичьимъ и лакейскимъ, мирно бесѣдовала за чаемъ, или играла въ дурачки, а иногда собиралась въ общую людскую и слушала чтеніе лучшаго грамотѣя и прославленнаго чтеца Ѳедора Ларіоныча, повара Валентины Михайловны.

Степанида очень радушно приняла Наташу и настояла на томъ, чтобъ гостя пила у ней чай. Къ чаю была приглашена аристократія дворни, а чтобы пустить пыль въ глаза „питерской штучкѣ“ и показать какимъ положеніемъ пользуется дворня у Ушаковыхъ, Степанида устроила чай въ барскихъ комнатахъ и водила свою гостью по всему дому. Слѣдствіемъ было доказано, что Наташа оставалась въ теченіе вечера нѣсколько разъ одна въ комнатахъ, что она ходила по комнатѣмъ, что любовалась барышними кольцами.

— Она, проклятая модница, украла, она! — толковала дворня. — Пришла словно барышня, въ шляпкѣ, въ перчаткахъ, ну и стибрила.

— Разорвала-бы ее на куски! — со слезами кричала Степанида. — Никогда у насъ такой пакости не было, а теперича по всей Москвѣ слава пойдетъ, что у Ушаковскихъ кража случилась.

— А ты не пущай чужихъ людей въ барскія комнаты! — наставительно говорила пожилая горничная Ѳекла. — Прилетѣла къ ней питерская вертихвостка, она и нюни распустила отъ радости, барышня-де у меня въ гостяхъ... Вотъ те и барышня!... Будь я на мѣстѣ барыни — я бы тебѣ вотъ какую баню задала!

— Да за что-же Ѳекла Андреевна. Развѣ я могла ждать такого невѣжества? Что-же теперича будетъ-то, обыскъ, поди, у Наташки сдѣлаютъ?

— Думай, поди... Дура она тоже будетъ — краденое дома держать...

— Не найдутъ, такъ все-же сознается, — замѣтилъ выѣздной лакей Валентины Михайловны.

— Держи карманъ!

— Да ужъ будьте благонадежны, знаемъ мы генеральшу-то. Зададутъ двѣ, три припарки, такъ скажетъ, дѣло бывалое.

— Ахъ, хорошо-бы!—вздыхнула Степанида. — Найдутъ пропажу—гора съ плечъ свалится, а то вѣдь все поклёпъ на насъ будетъ, глаза стыдно показать.

Подтянулась и заволновалась даже дворня Бориса Павловича. Эта не отличалась образцовой репутаціей, эту водили къ частному и за пьянство и за кражи, но теперь кража случилась на половинѣ барыни и произвела сенсацию. Среди дворни прошелъ слухъ, что будетъ какой-то чиновникъ производить дознание, что чиновникъ доберется до правды, узнаетъ всю подноготную, что даже старые грѣхи выплывутъ наружу и людямъ, у которыхъ есть пушокъ на рыльцѣ, не сдобровать. Разные Пашки, Гришки и Сашки задумались и почесывали затылки; франтихи и кокетки горничныя сдѣлались мрачны и присмирѣли.

Только въ два часа проснулась Варенька, зачитавшаяся вчера до разсвѣта. Въ ночной кофточкѣ, въ туфелькахъ на босую ногу, съ волосами, собранными подъ ночной чепчикъ, прибѣжала она въ комнату Валентины Михайловны, расцѣловала мать въ шею, въ губы, въ щеки и вскочила къ ней на колѣни.

— Ну, что, мамочка? Что, милая?—сверкая глазами и сгорая отъ нетерпѣнія, воскликнула она.

— Про что ты спрашиваешь?—освѣдомилась мать. — Вскочила въ третьемъ часу, примчалась какъ помѣшанная и кричить?... Я ничего не понимаю...

— Ахъ, мамочка, я про эту пропажу!... Не нашлись ложки и новое кольцо?

— Нѣтъ.

— Кто-же ихъ взялъ?

— Не знаю.

— Неужели-же эта Наташа взяла?... Этого, мамочка, быть не можетъ!... Вѣдь ты-же сама говорила, что она какъ барышня, что она по-французски говоритъ, такъ неужели она можетъ взять наши вещи?... Ахъ, мамочка, я никогда этому не повѣрю, никогда!... Вдругъ Сережа влюбленъ въ нее и вдругъ она могла красть ложки!...

Валентина Михайловна столкнула дочку съ колѣней и строго нахмурилась.

— Ты совсѣмъ испортилась у меня, Варя!—сказала она.— Я избаловала тебя ни на что не похоже... Я перестану тебя отпускать къ Чоглоковымъ, а Сергѣя не прикажу принимать... Что это такое за манера у васъ? Онъ тебѣ говорилъ о какомъ-то пошломъ романѣ съ горничной, ты мнѣ говоришь объ этомъ романѣ, вмѣшиваешься въ мои дѣла, суешься съ своими мнѣніями... Ни на что не похоже!...

Варенька забралась на большое кресло и усѣлась на немъ съ ногами, а Валентина Михайловна прошла раза три по комнатѣ и остановилась передъ дочерью.

— Послушай, Варенька,—заговорила она,—ты и удивляешь меня и дѣлаешь мнѣ больно...

— Чѣмъ, мама,—выходя изъ задумчивости, спросила Варенька.

— Да вѣдь Сергѣй Чоглоковъ считается твоимъ женихомъ, вѣдь... вѣдь ты любила его, неужели-же тебя не оскорбилъ его дерзкій и неприличный рассказъ о какой-то тамъ любви къ горничной?.. Я вижу, что онъ говорилъ тебѣ объ этомъ, ты проговорила въчера, и я... я глубоко удивлена и огорчена!...

— Ахъ, мамочка,—воскликнула Варенька, соскакивая съ кресла и подбѣгая къ матери.—Ахъ, милая мамочка, развѣ можно насловать чувство?... Пусть Сережа мой женихъ, пусть, но онъ полюбилъ другую и я... я обязана отдать ему слово назадъ!..

— Это ради крѣпостной дѣвки-то?

— Мама, люди всё равны, люди, мама...

Но Валентина Михайловна не дослушала дочери, махнула рукою и пошла. Въ дверяхъ она остановилась, оглянулась на дочь и сказала:

— Я тебѣ, Варвара, возьму гувернантку злюку изъ злюкъ и поручу ей совсѣмъ перефасонить тебя... Ты, матушка, какая-то фармазонка стала!

О фармазонахъ еще не забыли тогда.

IV.

Немного странныя, но неизъяснимо пріятныя для Сергѣя Чоглокова отношенія установились между нимъ и Наташею.

Онъ все еще ничего не говорилъ ей о любви, но дѣвушка чувствовала эту любовь молодого „барина“ и боялась ея, и была счастлива ею.

Наташѣ была отведена комната въ антресоляхъ дома, и дѣвушка спдѣла тамъ съ работою цѣлые дни съ двумя своими ученицами, дѣвочками лѣтъ двѣнадцати. Въ эту комнату приносили Наташѣ обѣдъ, съ барскаго стола, и чай. Въ дѣвичью, гдѣ работали прочія дворовыя дѣвушки, генеральша запретила ходить Наташѣ, и въ праздники Наташа или спдѣла въ своей-же комнатѣ, читая, или уходила со двора къ теткѣ, отпущенной на оброкъ и имѣющей свою бѣлошвейную мастерскую на Никитской. Изрѣдка Наташу отпускали даже въ театръ.

Анфиса Дмитріевна Чоглокова держала дворню строго, взыскивала за всякую провинность, и въ тѣхъ-же антресоляхъ была комната, слывающая подъ названіемъ кладовой, такъ какъ тамъ былъ складъ разныхъ старыхъ вещей, но дворней прозванная „учебной комнатою“, и вотъ въ этой-то „учебной комнатѣ“ нерѣдко производилась расправа съ провинившимися горничными.

Совершенно на иномъ положеніи была „питерская штучка“ Наташа. Дорожила-ли ею генеральша, какъ очень хорошей модисткою, что было очень возможно у большой франтихи, каковою была генеральша, щадила-ли она дѣвушку, получившую совсѣмъ иное воспитаніе, чѣмъ всѣ прочія, но только генеральша поставила Наташу въ исключительныя условія, обращалась съ нею не то чтобы ласково, а какъ-то покровительственно, и еще ни разу не побранила, не говоря уже о какомъ-нибудь взысканіи, хотя были причины къ такому взысканію: Наташа два раза не угодила генеральшѣ платьями, а одинъ разъ сожгла утюгомъ аршинъ очень дорогой матеріи. Другая-бы за это непременно побывала въ „учебной комнатѣ“, а Наташѣ генеральша только замѣтила, что надо быть внимательною и помнить о господскихъ интересахъ.

Такое исключительное положеніе вызывало у дѣвушекъ зависть къ Наташѣ, возбуждало ненависть къ ней, какъ и ея отношеніе къ подругамъ,—очень вѣжливое, но сдержанное и далекое,—и истолковывалось по-своему.

— Питерская штучка,—говорили однѣ. — Въ Питерѣ у французенки замѣсто дочки жила, образованная, по французскому знаетъ, какъ барышня ходитъ, ну, и отличка ей... Опять-же мастерица хорошал. Допрежъ того генеральша туалеты у мадамъ Аннетъ заказывала, а теперича все Наташка дѣлаетъ, ну, и дорожитъ ею барыня, холитъ ее...

— Толкуй тамъ!—скептически возражали другія. — Совсѣмъ не по этому ей такая честь.

— А почему-же?

— Молодой баринъ, Сергѣй Петровичъ, въ ней души не чае... Безвыходно у ней въ горницѣ сидитъ, когда генеральши дома нѣтъ.

— И глупость-же вы говорите!—возражали на это болѣе благоразумныя. — Да вѣдь если это правда, что молодой баринъ въ нее влюбимшись, такъ генеральша ее со свѣту сживетъ, а не то чтобы такой почетъ оказывать! Не

знаете развѣ, что милость барина—бѣда для горничной!.. Да будь что нибудь такое у Наташи съ молодымъ баринкомъ—Василиса Филатьевна тотчасъ-бы генеральшѣ донесла: она носъ-то свой вездѣ суетъ, черезъ стѣны слышитъ!..

И грозная Василиса давно уже слѣдила за Наташею и Сергѣемъ.

Эта старая дѣва, черствая, злая отъ природы, изломанная жизнью, пмѣвшая когда-то несчастный романъ, не могла выносить одного слова про любовь и преслѣдовала всѣми силами малѣйшее ея проявленіе среди подчиненныхъ горничныхъ, а тутъ вдругъ въ дѣло любви замѣшался самъ баричъ, взлелѣанный и всхоленный сынъ генеральши, баричъ, имя котораго не смѣли произносить горничныя при Василисѣ безъ особенной надобности.

Василиса почувала, что у барича съ Наташею „что-то не ладно“.

Одного этого было достаточно для злобной Василисы, чтобы возненавидѣть Наташу, а она еще и безъ этого имѣла причины ненавидѣть ее: дѣвушка заняла при баринѣ должность старшей модистки, а на эту должность Василиса прочила свою племянницу.

Василиса насторожилась.

Она не замѣчала пока ничего особеннаго, но видѣла, что у молодого барина была симпатія къ „питерской штучкѣ“, и ждала момента, который былъ-бы удобенъ для достиженія двухъ цѣлей—„спасти“ барича и погубить ненавистную Наташу.

Планъ этотъ строился на почвѣ тѣхъ отношеній, которыя установились между Сергѣемъ и Наташею.

Часто, — больше тогда, когда матери не было дома, — Сергѣй поднимался въ антресоли и подъ какимъ-нибудь предлогомъ заходилъ въ комнату Наташи.

У стола, поставленнаго между двумя окнами, дѣвушка работала, склонивъ бѣлокурую головку и проворно продерживая иголку. Двѣ дѣвочки ученицы, за этимъ-же столомъ,

что-нибудь точали и слушали сказку, которую говорила имъ учительница.

Иногда Наташа пѣла что-нибудь. Голосъ у нея былъ небольшой, но очень пріятный и даже обработанный: ее madame Фріо и пѣть учила, совсѣмъ какъ дочку свою воспитывала, да и любила, какъ дочку.

Тихо, уютно, хорошо въ комнатѣ. Направо ширмы и за ними кровать дѣвушки, узенькая, съ одной подушкою подъ вязаной покрывкою, съ бѣлымъ шерстянымъ одѣяломъ. На окнахъ жасмины, гераніумы, клѣтка со щегленкомъ, который безъ умолку чирикалъ; на стѣнахъ картинки, привезенныя изъ Петербурга, портретъ madame Фріо, красивой, симпатичной старухи съ бѣлыми буклями. На одной стѣнѣ полочка съ книгами, а подъ нею крохотный туалетный столикъ съ зеркальцемъ, съ баночками помады, съ фарфоровыми куклами. Передъ образомъ Богоматери теплится лампада изъ темномалиноваго стекла, бросающая свѣтъ на часть стѣны и освѣщающая ликъ Божіей Матери розоватымъ свѣтомъ. Изъ окна видъ на широкій дворъ, на садъ, занесенный снѣгомъ.

Сергѣй зналъ эту комнатку, изучилъ всѣ малѣйшія подробности обстановки, любилъ тутъ все и все находилъ чудо какимъ милымъ: двѣ дѣвочки ученицы и тѣ ему нравились, онъ любилъ ихъ за то, что онѣ любили Наташу, конфетъ имъ приносилъ, зная, что онѣ будутъ угощать этими конфетами Наташу. Самой Наташѣ онъ не рѣшался дарить конфетъ: что-то удерживало его отъ этого.

Когда Сергѣй входилъ въ комнату, лицо Наташи вспыхивало, точно и на нее падалъ вдругъ розовый свѣтъ лампадки; руки нервно вздрагивали и дѣлали невѣрный жестъ, голова ниже опускалась надъ шитьемъ.

Прежде Наташа вставала при входѣ „барина“, но Сергѣй запретилъ ей это, угрожая прекращеніемъ своихъ визитовъ и говоря, что ему неловко, что онъ видитъ въ Наташѣ не горничную своей матери, а просто знакомую,

равную себя. Онъ говорилъ ей «вы», но называлъ Наташей.

— Какое мнѣ дѣло, что вы крѣпостная?—говорилъ онъ, когда дѣвушка этимъ мотивировала свое вставанье передъ нимъ.—Вы образованы почти такъ-же, какъ я, вы говорите вонъ по французски лучше всѣхъ нашихъ барышень вы воспитаны, наконецъ, совсѣмъ не такъ, чтобы быть только крѣпостной дѣвушкой... Если вы хотите, чтобы я ходилъ къ вамъ, носилъ вамъ книгъ и, вообще былъ вашимъ добрымъ знакомымъ—вы должны забыть разницу нашихъ положеній, забыть, что вы крѣпостная моей матери...

Наташа повиновалась.

Дѣвушка не трудно было привыкнуть къ такому отношенію съ „бариномъ“: у французенки Фріо она воспитывалась какъ дочь, и держала себя съ друзьями французенки, съ ея знакомыми, какъ равная, а въ числѣ этихъ друзей и знакомыхъ были и чиновники, и студенты, и офицеры, и барышни, ничѣмъ почти не уступавшія тѣмъ, въ средѣ которыхъ вращался „баринъ“ Наташи, Сергѣй Петровичъ Чоглоковъ.

И вотъ Сергѣй установилъ съ Наташею такія отношенія и ходилъ къ ней посидѣть, поговорить, почитать что-нибудь, но всегда выдумывалъ какое-нибудь „дѣло“, точно стѣсняясь войти просто такъ, какъ ходятъ къ знакомымъ. Дѣлалось это, быть можетъ, для того, чтобы замаскировать настоящую цѣль посѣщеній отъ дворни, да и отъ самой Наташи.

— Вотъ я къ вамъ, Наташа,—говорилъ Сергѣй, входя въ завѣтную комнатку антресолей.—Галстукъ вотъ у меня... Видите—лопнуло тутъ, а тамъ въ дѣвичьей, не умѣютъ этого... Зашейте мнѣ, пожалуйста, если вы не очень заняты...

Онъ передавалъ галстукъ или лопнувшую по шву новую перчатку и садился неподалеку отъ Наташи.

Дѣвушка брала немного дрожащими руками принесен-

ную вещь, откладывала свою работу и быстро вдѣвала въ иглу новую нитку.

— Вы не торопитесь, Наташа,—говорилъ Сергѣй,—мнѣ вѣдь не къ спѣху, дѣлайте свое дѣло.

Наташа немедленно повиновалась и брала оставленную работу. Она понимала, что принесенныя перчатки или галстукъ тутъ не при чемъ, что не за этимъ пришелъ Сергѣй Петровичъ, что ему, пожалуй, и неловко будетъ сидѣть, если галстукъ или перчатки будутъ зашиты.

Сергѣй начиналъ какой-нибудь разговоръ съ дѣвочками ученицами. поминутно взглядывая въ Наташу.

— Почему вы такая блѣдная сегодня?—спрашивалъ онъ ее.

— Развѣ блѣдная—оборачивалась къ нему дѣвушка.— Не знаю право.

— Вы очень много сидите, много работаете, Наташа.

— Да вѣдь нужно. Вотъ вторникъ балъ у Голицыныхъ, ваша маманъ ѣдетъ туда, ей нуженъ туалетъ... Много накопилось передѣлокъ, да и сезонъ такой, что туалеты нужны...

„Надо сказать маманъ, чтобы она пощадила немного Наташу,—думалъ Сергѣй.—Но какъ это сдѣлать?.. Неловко... Ахъ, какъ это гадко все, смѣшно, стыдно какъ!.. Вѣдь я-же люблю эту дѣвушку, люблю, она для меня дороже всего, а я не смѣю никому сказать объ этомъ, самъ то себѣ и то украдкою какъ-то сознаюсь въ этомъ“!...

— Наташа!—вслухъ говорилъ Сергѣй.

— Что вамъ угодно,—Сергѣй Петровичъ?

— Бросьте это шитье, поговоримъ немного...

— Нельзя бросить,—работа срочная, вторникъ не за горами.

— А, пустяки!.. Ну, я скажу маманъ, что далъ вамъ свою работу, что вы перечинили мнѣ дюжину перчатокъ... Оставьте, Наташа, прошу васъ!..

— Да я могу говорить и работая, Сергѣй Петровичъ...

Но Сергѣй настаивалъ—и Наташа повиновалась. Это отнимало у нея часы у ночи, и часто послѣ такой бесѣды

дѣвушка работала до утренней зари, отдыхала часа два и снова садилась за работу.

Сергѣю, не знавшему такихъ подробностей, доставляло удовольствіе видѣть Наташу безъ работы, отдыхающею, и онъ весело начиналъ съ нею бесѣду.

Наташа рассказывала ему о Петербургѣ, въ которомъ Сергѣй не бывалъ; Сергѣй говорилъ ей о Москвѣ, о новостяхъ, объ университетѣ; часто читалъ новую повѣсть, книжку журнала. Тургеневъ тогда сильно уже трогалъ сердца читателей, „Бѣдные люди“ Достоевскаго читались запоемъ, а недавно умершій, — всего два года тому назадъ, — Бѣлинскій былъ не только любимымъ писателемъ, но и предметомъ безконечныхъ бесѣдъ, предметомъ обожанія.

Всѣхъ этихъ писателей Сергѣй читалъ Наташѣ, и дѣвушка быстро росла нравственнымъ ростомъ, чувствовала этотъ ростъ и видѣла виновника своего перерожденія въ Сергѣя. Любовь къ нему росла въ ней съ каждымъ днемъ и доходила до обожанія...

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ въ комнату Наташи вошла Василиса, неслышно подкрадываясь къ двери.

— Ахъ! — воскликнула наперсница генеральши. — Батюшка баринъ, ангель поднебесный здѣсь!.. Работу Наташѣ принесли, батюшка?

— Да... перчатка вотъ лопнула...

— А вы, батюшка Сергѣй Петровичъ, мнѣ изволили бы приказать зашить ее: я вѣдь перчаточницей была, во французскомъ магазинѣ училась перчатки-то шить. А ты что-же это, Наталья Панкратьевна, разсѣлась-то передъ барикомъ? Въ Питерѣ этому тебя что-ли научили?.. Ишь мода какая!.. У насъ за эту моду такъ генеральша поучить, что пожалуй и безъ барина недѣли двѣ сидѣть не будешь...

Сергѣй всыхнулъ и всталъ.

— Не твое дѣло! — крикнулъ онъ. — Если я дозволю, такъ ужъ тебѣ нечего вмѣшиваться тутъ!.. Ты забыла, что я не ребенокъ... Ступай отсюда, иди!..

— Не извольте гнѣваться, солнце наше красное,—запѣла Васпилиса.— Я для ея-же пользы говорю, ея-же глупую жалѣючи: узнають мамашенька, такъ безпримѣрно взыщутъ строжайше, а она ишь барышня какая, ей наша наука пожалуй и не по вкусу будетъ... А пришла я сюда, ангель вы нашъ, по дѣлу: генеральша приказали у Натальи муаровое платье взять и къ обѣду имъ приготовить...

— Ну, возьми и иди,—съ дрожью въ голосѣ сказалъ Сергѣй.

— Слушаю, батюшка баринъ... А перчаточки извольте мнѣ отдавать. Туалетъ Наташа лучше моего сдѣлаетъ, я супротивъ этого не спорю, ну, а по перчаточной части я хожу, я вотъ и новыя сошью, если матеріалъ пожалуете... Давай, Наташа, муаровое платье...

Вечеромъ этого дня, укладывая Анфису Дмитріевну спать, Василиса такъ глубоко и часто вздыхала, что генеральша обратила на нее вниманія.

— Что ты вздыхаешь?—спросила она.— Больна что-ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство... Намъ, не отъ своихъ болѣстей больно, а отъ вашихъ... Это новыя, молодыя господскія то дѣла невѣдаютъ, а я въ домѣ вашемъ выросши, нескончаемыя милости ваши видавши, о себѣ не думаю...

— Такъ о чемъ-же вздыхаешь?

Генеральша знала, что послѣ такой прелюдіи начнется докладъ о чемъ-нибудь выдающемся.

— Ужъ не знаю, какъ и говорить, ваше превосходительство, матушка вы наша, Анфиса Дмитріевна. Теплымъ-то одѣяльцемъ, прикажите накрыть?

— Накрой, и изволь говорить. Не люблю я, какъ ты начнешь съ Адама-то рассказывать. Заведетъ, заведетъ, а посмотрѣшь—дѣло самое пустое!

— Ахъ, не пустое, матушка барыня, охъ, не пустое!

— Ну?

Васпилиса поджала губы, подперла рукою щеку и вздох-

нула такъ, что пламя постановленной на ночномъ столикѣ свѣчи заколебалось.

— Наталью питерскую надо либо приструнить, либо удалить, — сказала она, стараясь придать своимъ словамъ тонъ особеннаго значенія. Безпримѣрно надо удалить.

— И взять твою племянницу? — улыбнулась генеральша. — Ступай, Василиса, я спать хочу...

— Племянницу? — повторила Василиса, горько улыбаясь и качая головою. — Смѣю я думать о племянницѣ, когда всѣ мои грѣшныя помысленія о господскомъ дѣлѣ!.. Да пропади она пропадомъ, племянница моя!.. Не о ней меня думушка сокрушаетъ, матушка барыня, радость вы наша, о единородномъ сынкѣ вашемъ, объ ангелѣ Сергѣѣ Петровичѣ, всѣ мысли мои, о дитятѣ вашемъ, котораго...

Василиса всхлипнула и утерла глаза рукавомъ.

— ... Котораго мы на своихъ рукахъ вынянчили, на котораго своимъ нечистымъ дыханіемъ дышать боялись...

Генеральша нахмурилась и отложила книгу, которую хотѣла было читать.

— О чемъ ты? — спросила она. — Что такое?

— Съ Наташей шапни у нихъ, ваше превосходительство...

— Что-о?

— Казнить прикажите, на конюшню отправьте меня, старую мерзавку, а я скажу свое дѣло, силушки нѣтъ терпѣть!.. Кажинный-то денекъ Сергѣй Петровичъ въ ней въ горницу ходятъ, по часамъ сидятъ, а она, негодница, разсядется передъ ними, какъ барышня, хохочетъ, слова такия разные говорить и... ахъ, языкъ не поворачивается!.. Цѣлуетъ дитю вашего, за шейку вотъ такъ обнимаетъ!.. Матушка, барыня вы моя дорогая, своими я глазами все это видѣла, своими ушами слышала!..

Генеральша порывистымъ жестомъ сбросила съ себя одѣяло и сѣла.

— Ты не лжешь, Василиса? — грозно спросила она.

— Матушка, да ежели я...

— Это правда?

— Извольте сами у Сергѣя Петровича спросить... Не осмѣлятся они мамашенькѣ неправду говорить, а ежели и осмѣлятся, такъ увидите вы сами, что они обманываютъ васъ: вѣдь еще ребенокъ они, дитя сущее, никогда имъ не солгать...

Генеральша облокотилась о подушки и задумалась. Василиса, сверкая своими зеленовато-сѣрыми глазами, смотрѣла на нее.

— Я узнаю все сама,—произнесла Анфиса Дмитріевна. —Завтра утромъ посадить въ комнату Натальи для подмоги двухъ дѣвушекъ, ну, хоть Клавдію и Глашку, а ты ходи туда каждый часъ и смотри за работой... Сказать, что мнѣ нужны туалеты немедленно, дать имъ всѣмъ работу... Ступай!..

Василиса повиновалась и ушла, поцѣловавъ руку барыни.

И долго, долго не спала въ эту ночь встревоженная мать, много, много тяжелыхъ думъ прошло въ ея головѣ... На другой день къ генеральшѣ пріѣхала Ушакова.

Это былъ день произведеннаго ею слѣдствія о пронажѣ вещей...

V.

Анфиса Дмитріевна встала на другой день очень рано. Ей не спалось. Прихлебывая маленькими глотками кофе, сидѣла она не одѣтая на постели и, устремивъ глаза въ одну точку, хранила глубокое молчаніе. Василиса начала было продолженіе своей вчерашней проповѣди, но генеральша скоро перебила ее суровымъ приказаніемъ замолчать. Наперсница барыни недовольно поджала губы и пошла къ двери своими неслышными, кошачьими шагами.

— Куда ты?—тѣмъ-же суровымъ тономъ остановила ее барыня.

— Да такъ себѣ пошла, ваше превосходительство... Вижу, что мѣшаю вамъ, зря тутъ торчу передъ глазами вашими, ну и пошла...

— Останься!..

— Слушаю-съ.

Василиса сложила на груди руки и, какъ извѣстіе, остановилась въ дверяхъ. Такъ прошло около получаса.

— Приказаніе мое исполнено? — спросила генеральша.

— Это на счетъ Натальи-то, ваше превосходительство?

— Не сто я тебѣ приказаній давала, а одно...

— Исполнено, ваше превосходительство, исполнено... Посадила я къ Натальѣ Клавдію и Глафиру, съ ними она и работаетъ.

— Сергѣй Петровичъ дома?

— Дома-съ, кажись, еще почиваютъ.

— Поди, скажи, чтобъ его позвали ко мнѣ.

— Слушаю-съ.

Только что Василиса взялась за скобку, какъ барыня опять остановила ее.

— Не надо, не ходи... Одѣваться мнѣ давай, — сказала она, спустила съ постели ноги прямо въ поставленные тутъ туфли и начала одѣваться, нервно дергая подаваемые юбки и платье, крикливо выговаривая своей наперсницѣ за каждую малѣйшую неловкость, желчно и ядовито браня ее. Она точно мстила Василисѣ за вчерашнее извѣстіе, точно мстила за свою безсонную ночь, за тоску, за тревогу, которыя принесла ей эта женщина вчерашнимъ извѣстіемъ. Озлобленная, ожидающая награды и поощренія и получающая только толчки и брань, Василиса блѣднѣла, лицо ея покрывалось пятнами, губы совсѣмъ ушли куда-то внутрь.

— Какое ты мнѣ платье дала, какое? — закричала вдругъ генеральша, сдергивая съ себя лифъ поданнаго платья.

— Муаръ-антиковое, сѣрое, ваше превосходительство... Вы вчера еще приказывали его вамъ подать...

— Дура!.. Кто-же теперь носить съ такими оборками

платье?.. На смѣхъ ты на меня что-ли хочешь одѣтъ? На посмѣшище всѣмъ? На позоръ?..

— Самп вы извоили приказать его подать... Матушка, барыня ваше превосходительство, вижу я, что гнѣвается, вы на рабу свою не за ея вину, а отъ горя отъ вашего... Мнѣ ничего, мнѣ пустяки, меня хоть побейте ручками своими, чтобъ сердце сорвать, а васъ мнѣ жалъ, себя вы безпокоите изъ за горя изъ-за своего...

Генеральша круто обернулась къ своей любимицѣ.

— Какое горе?.. Про какое ты горе говоришь?—быстро спросила она.

— Да вотъ это-то, матушка... Вотъ, что ангелъ-то нашъ непорочный скверनावку эту полюбилъ...

Лицо генеральши покрылось багровыми пятнами, губы затряслись, глаза засверкали неудержимымъ бѣшенствомъ.

— Какъ... какъ ты смѣешь говорить мнѣ это? — визгливо закричала она.—Какъ ты смѣла?.. Какъ твой поганый языкъ осмѣлился выговорить, что мой сынъ, Сергѣй Петровичъ Чоглоковъ, „полюбилъ“ какую-то дрянъ. Какъ ты осмѣлилась? Да я тебя, тебя за эти слова твои въ посконное платье одѣну и пошлю въ деревню коровъ пасти!..

Василиса открыла было ротъ, но генеральша отчаяннымъ крикомъ заставила ее замолчать и выгнала изъ комнаты.

— Мой сынъ, мой Сережа, этотъ чистый, какъ младенецъ, юноша полюбилъ какую-то... какую-то прачку, швею! — воскликнула генеральша, оставшись одна.

И вдругъ силы оставили ее. Она рванула еще разъ лифъ, разорвала что-то и почти упала на низкое, широкое кресло у кровати.

— Да неужели?—крикнула она, ломая руки. Да неужели мой Сережа, мой мальчикъ, дитя мое, полюбилъ эту дѣвчонку?.. И быть можетъ любить ее больше чѣмъ меня, быть можетъ промѣняетъ... промѣняетъ на меня... мать... О, нѣтъ, нѣтъ, никогда!... Эта негодница наврала, это она изъ-за племянницы...

Генеральша вскочила и яростно позвонила на весь домъ. Лакей и горничная появились въ дверяхъ, чуть не столкнувшись лбами.

— Попросить ко мнѣ Сергѣя Петровича! — приказала генеральша. — Онъ проснулся?

— Изволили встать, — отвѣтилъ лакей.

— Попроси.

Сергѣй вошелъ свѣжій, только-что умывшійся. Отъ него пахло миндальнымъ мыломъ, одеколономъ и свѣжестью молодого, здороваго тѣла.

— Bonjour, маман! — поцѣловалъ онъ сперва руку матери, а потомъ щеку.

Генеральша поцѣловала его въ голову и приподняла ее за подбородокъ.

— Здравствуй, мальчикъ... Здоровъ?

— До смѣшного здоровъ, мама! — смѣясь, отвѣтилъ Сергѣй, поешивая плечами и вытягивая руки. — Даже досадно на такое здоровье...

— Господь съ тобою, мальчикъ!.. За это надо Бога благодарить...

— Да и благодарю, а только потому досадно, что я точно одной животной жизнью живу, все вотъ въ ширь росту, словно Илья Муромецъ!..

— Ну, какой ты Илья Муромецъ? Ты слабенькій все, только вотъ за прошлое лѣто немножко возмужалъ... Садись, рассказывай мнѣ что-нибудь...

Генеральша провела рукою по мягкимъ вьющимися волосамъ сына, сѣвшаго рядомъ съ нею, и поглядѣла на него долгимъ, долгимъ взглядомъ.

— Тебѣ и въ правду-бы надо быть блѣднымъ, интересно-блѣднымъ, — сказала она. — Ты вѣдь влюбленъ.

Сергѣй дрогнулъ и быстро взглянулъ на мать.

— Въ кого, мама? — пытливо спросилъ онъ.

— Въ Вѣрочку Ушакову, конечно, — отвѣтила генеральша, и сердце у ней упало. Движеніе сына открыло ей тайну его...

— Ахъ, да, въ Вѣрочку-то, — какъ-бы успокоившись, произнесъ Сергѣй. — Ну, нѣтъ, мама, я не влюбленъ въ нее... Она милая, она очень милая, она все еще ребенокъ въ моихъ глазахъ, мнѣ хочется подать ей куклы и кукольную посуду и предложить играть...

— Ты мужчина зато, ты мужъ, умудренный опытомъ, — засмѣялась притворнымъ смѣхомъ генеральша, а руки ея нервно и почти судорожно теребили бахрому большой шали, которую она натянула, сбросивъ забракованный, невинно пострадавшій лифъ.

— Конечно, мужчина! — съ улыбкою отвѣтилъ Сергѣй.

— И въ Вѣрочку не влюбленъ.

— Нѣтъ.

— Въ невѣсту-то?

— Ну, какая она невѣста!.. Она даже сняла съ меня обязанности жениха и возвратила слово...

— Да?

— Да.

— Что-же, понадобилось развѣ это? — Сергѣй повертѣлъ пуговицу мундира.

— Н...нѣтъ, — протяжно сказалъ онъ, — не понадобилось, а такъ, на всякій случай...

— Ты ни въ кого не влюбленъ? — спросила генеральша, сразу мѣняя тонъ и дѣлаясь серьезною, не находя болѣе нужнымъ, а можетъ и не имѣя силъ играть роль.

Сергѣй опять пытливо и тревожно поглядѣлъ на мать и не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ отвѣчалъ отрицательно.

— Ну, а если... если ты полюбишь кого-нибудь — ты скажешь мнѣ?..

Генеральша привлекла къ себѣ сына за рукавъ, положила ему руку на плечо и близко, близко приблизила свое лицо къ вспыхнувшему вдругъ лицу сына.

— Ты долженъ непременно сказать, Сережа, непременно!.. И твоя мать и мать, глубоко, безгранично тебя любящая, такъ за мою любовь я вправѣ требовать отъ тебя душев-

ности, искренности. Сколько я перестрадала, любя тебя, Сережа... Я не сплю ночей, отвоевывала тебя у смерти, когда ты маленькимъ былъ боленъ, я отдавала тебѣ все... Двадцать, девятнадцать лѣтъ тому назадъ я была молода, я хотѣла удовольствій, меня влекло въ общество, а я все это бросала ради тебя и отказывалась отъ всего, чтобы провести время у твоей кровати...

„Зачѣмъ это она говорить?—мелькнула у Сергѣя мысль.— Гдѣ-же есть такія матери, которыя бросятъ больного ребенка и поѣдутъ на балъ?.. Объ этомъ не стоило-бы говорить“..

Сергѣй сейчасъ-же устыдился мысленно брошеннаго укора и поцѣловалъ руку матери.

Анфиса Дмитріевна продолжала:

— Я, Сережа, и какъ твоя мать, и какъ другъ твой, вправѣ требовать отъ тебя полной откровенности. Ты ничего не будешь таить отъ меня?

„Почему все это говорить маман?“—подумалъ Сергѣй.

— Не буду, мама,—проговорилъ онъ.

— Ты ни въ кого не влюбенъ? Никому не принадлежитъ твое сердце?—вкрадчиво спросила генеральша.

Сергѣй такъ вернулъ пуговицу мундира, что она осталась у него въ рукахъ, и сказалъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Нѣтъ, маман...

Генеральша, не спуская съ сына глазъ, откинулась на спинку кресла.

— Я такъ и думала... Я увѣрена, что мой мальчикъ къ первой къ матери придетъ и скажетъ ей все, съ первой съ нею подѣлится всѣмъ, что особенно занимаетъ его... Я увѣрена...

— Ну, а допустимъ вотъ что, маман,—вдругъ заговорилъ Сергѣй, всталъ и торопливо прошелся изъ угла въ уголъ,—допустимъ, что я полюблю такую дѣвушку, которая... ну, не нравится тебѣ, ну, не подходитъ по твоимъ понятіямъ обо мнѣ...

— Ну, и что-же?—спросила генеральша, почти злыми глазами глядя на сына.

— Да вѣдь я буду тогда въ затрудненіи, маман: не скажу я тебѣ—ты будешь огорчена, скажу—это еще болѣе огорчить тебя...

— Никогда!—воскликнула генеральша.—Никогда, mon cher!.. Ну, я буду тебѣ совѣтовать не сходитьсь съ тою, которая мнѣ почему-нибудь непріятна, я тебѣ попытаюсь доказать, что ты увлекся, что избранница твоего сердца не достойна тебя, что ты еще молодъ для серьезной привязанности, что ты еще юнъ и не долженъ слишкомъ увлекаться, и тому подобное... Боже, не полюбить мой сынъ какую-нибудь недостойную совѣтъ, не забудетъ онъ, что онъ носить фамилію Чоглоковыхъ, что онъ—сынъ Анфисы Дмитріевны Чоглоковой, урожденной Мамоновой!.. Мало-ли хорошенькихъ, да вѣдь не всѣ-же онѣ достойны того, чтобы ихъ любилъ мой сынъ, гордость наша, наша надежда!..

Генеральша перевела духъ.

— Вотъ моя горничная дѣвка Наталья хорошенькая, такъ вѣдь не влюбляться-же въ нее сыну генерала Чоглокова!..

Сергѣй вздрогнулъ и взглянулъ на мать. Въ этомъ взглядѣ были испугъ, и мольба, и негодование на то, что дорогое имя произнесено съ полнымъ пренебреженіемъ, что та дѣвушка, которая теперь для него дороже всего на свѣтѣ, упомянута матерью, какъ что-то невообразимо низкое, какъ примѣръ невозможнаго. Значить, въ глазахъ матери эта дѣвушка стоитъ невообразимо низко—и какая-же, значить, драма ждетъ его!..

— Дѣвушка Наталья?—произнесъ Сергѣй.—Почему-же вы именно ее привели, какъ примѣръ?

— Ахъ, mon cher, это очень понятно: потому, что въ такихъ случаяхъ приводятся въ примѣръ самыя невозможныя вещи, дабы сильнѣе отгнать... Я могла-бы взять Глафиру, Василису, Дарью, но взяла Наталью потому, что она посмазливѣе ихъ, что она имѣетъ нѣкоторое достоин-

ство—смазливость эту, но тѣмъ не менѣе не можетъ-же ее полюбить порядочный человѣкъ... То-есть полюбить такъ, какъ-бы ты могъ полюбить Вѣрочку Ушакову, Nadine Одинцову и имъ подобныхъ...

— Почему маман!.. Почему?—воскликнулъ Сергѣй.— Я думаю маман, что для любви не нужно, чтобъ дѣвушка носила фамилію Ушаковыхъ, Одинцовыхъ, чтобъ она имѣла титулъ, положеніе... Нельзя „порядочному“ человѣку полюбить дуру, бездушную, нравственного уроды, но если у дѣвушки есть умъ, душа, сердце есть, то ее можно полюбить, какое-бы положеніе она ни занимала... Это, маман, такъ ясно, что не зачѣмъ и доказывать!

Сергѣй говорилъ это, отвернувшись отъ матери и, когда затѣмъ взглянулъ, съ жаромъ продолжая что-то говорить, то испугался лица Анфисы Дмитріевны и широко раскрылъ глаза.

Схватившись руками за ручки креселъ, нагнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, блѣдная, съ трясущимися губами, глядѣла на Сергѣя мать сверкавшими отъ гнѣва глазами и хотѣла что-то говорить, но слова какъ-будто застыли у нея на помертвѣвшихъ устахъ.

— Мама, что съ вами?—воскликнулъ Сергѣй и бросился къ матери.— Вамъ дурно, мама?..

— Ты... ты... полюбилъ... полюбилъ эту... Наталью полюбилъ?—хрипло выкрикнула Анфиса Дмитріевна.

Сергѣй сдѣлалъ шагъ назадъ и опустилъ голову.

— Полюбилъ? упавшимъ уже голосомъ повторила Анфиса Дмитріевна.

Сергѣй закрылъ лицо руками и выбѣжалъ...

Часа черезъ два генеральша, одѣтая въ нарядное, изъ плотной, шумящей шелковой матеріи, платьѣ, блѣдная, но покойная, сурово-величавая и какъ-то особенно горделивая, принимала въ своей гостинной пріѣхавшихъ съ визитомъ дамъ и говорила о политикѣ, о городскихъ новостяхъ о модахъ.

Что дѣлалось въ душѣ Анфисы Дмитріевны, гости ея

даже и не подозрѣвали, только одна Анна Ѳедоровна Ива-шинцева, блѣдная, некрасивая дама, перенесшая много горя на своемъ вѣку и потому чуткая къ горю другихъ, подмѣтила въ лицѣ генеральши что-то особенное и замѣтила это, съ участіемъ глядя на нее своими добрыми, ласковыми глазами.

— Мигрень,—сухо отвѣтила Анфиса Дмитріевна.— Мигрень у меня, не спала всю ночь.

Лакей доложилъ о пріѣздѣ Ушаковой.

Валентинъ Михайловнѣ было тоже не по себѣ и она не скрывала этого, не маскировалась холоднымъ величіемъ, а печальная, задумчивая сѣла въ сторонѣ, отвѣчала невпопадъ, часто вздыхала, и прочія гости догадались, что она переживаетъ ихъ, что она пріѣхала не просто съ визитомъ, а по какому-то важному дѣлу. Гости одна за другой уѣхали, и Ушакова ушла съ хозяйкою пить кофе

Старики Чоглоковъ и Ушаковъ, несмотря на разницу характеровъ, возрѣній, несмотря на рѣзкую разницу даже образа жизни, дружили давно и любили другъ друга каждый по-своему, но жены ихъ только притворялись пріятельницами, на самомъ-же дѣлѣ не любили другъ друга, а Анфиса Дмитріевна даже презирала немного Ушакову и въ обществѣ посмѣивалась надъ нею довольно зло и ядовито. Въ чемъ онѣ сходились, такъ это въ любви къ своимъ дѣтямъ и дѣти были постояннымъ предметомъ ихъ разговоровъ. Валентина Михайловна любила не только свою дочь, но и Сергѣя Чоглокова, котораго считала чѣмъ-то близкимъ, роднымъ, о которомъ болѣла душою почти такъ-же, какъ и о дочери. Что до Анфисы Дмитріевны, то она врядъ-ли кого-нибудь любила. Ей отъ природы былъ отпущенъ запасъ любви, но весь этотъ запасъ ушелъ на сына и въ сердцѣ ея не осталось больше мѣста. Она дѣлила людей не на любимыхъ и не любимыхъ, а на такихъ, которыхъ она выносила, и на такихъ, которыхъ она презирала или ненавидѣла.

Пріятельницы, какъ воспитанницы одного института, были на ты.

Порывисто выпивъ чашку кофе, Валентина Михайловна перешла съ своего мѣста, сѣла рядомъ съ Чоглоковой и взяла ее за руку.

— Я къ тебѣ, ma chère, по дѣлу,—сказала она, немного покраснѣвъ.

Чоглокова вопросительно взглянула на нее.

— Скажи, пожалуйста, что эта за особа дѣвушка Наташа которую ты недавно выписала изъ Петербурга?—продолжала Валентина Михайловна.

„И тутъ про эту-же.—мелькнуло у Анфисы Дмитріевны“.

— Наташа? Обыкновенная дѣвка, обученная мастерству у француженки. Француженка попалась очень искусная, какъ мастерица, но должно быть дура и рохля, она избаловала дѣвчонку и сдѣлала изъ нея что-то въ родѣ „барышни“.. Знаешь, „барышни“ такія бываютъ, дочери мелкихъ чиновниковъ, писарей, франтовъ камердинеровъ и управляющихъ... Мнѣ придется перевоспитать ее на свой ладъ и я это съумѣю, я не поклонница глупыхъ модъ... А что это тебѣ вздумалось спрашивать про Наталью?

— Такъ... Она не шалунья?.. То-есть не замѣчала ты за нею какихъ-нибудь дурныхъ наклонностей?

— Пока нѣтъ... А что?

— Да видишь ты—какое дѣло... Только ты Бога ради не обижайся на меня!.. Вы вѣдь со своимъ Петромъ Григорьевичемъ какіе-то странные, васъ не желая обидишь...

— Безъ предисловія, ma chère, говори—въ чемъ дѣло?

— Да твоя Наташа эта была у моихъ дѣвушекъ въ гостяхъ и... и случилась пропажа: украли ложки серебряныя и мои кольца... Я перебрала всю дворню, произвела такое слѣдствіе, что никакому чиновнику такого не произвести и... и все показываетъ, что вещи эти похитила твоя дѣвушка...

— Наташка?—воскликнула Анфиса Дмитріевна.—Наташка?.. Такъ она и воровка еще!.. Ха, ха, ха!..

Анфиса Дмитріевна истерически захохатала...

VI.

Послѣ объясненія съ матерью, Сергѣй зашелъ на минутку въ свою комнату и велѣлъ подавать лошадей. У него была своя собственная пара очень рѣзвыхъ вятковъ, подаренная отцомъ. Въ университетъ Сергѣй рѣдко ѣздилъ на этой парѣ лихихъ лошадей съ ухарскимъ кучеромъ, но въ другое время онъ любилъ прокатиться на своихъ вяткахъ и обогнать по бульварамъ щегольскую пару дышломъ, бѣшенную пристяжку какого-нибудь ремонтера, тысячнаго рысака, везущаго купца.

Сегодня онъ и въ университетъ поѣхалъ на своихъ вяткахъ, чувствуя возбужденіе, чувствуя потребность чѣмъ-нибудь „отвести душу“...

Сдерживая широкогрудаго, широкозадаго коренника и горяча возжею завившуюся кольцомъ пристяжную, подалъ кучеръ Матвѣй пару молодому барину, котораго онъ любилъ и которому сочувствовалъ въ любви къ лошадямъ.

— Извольте садиться, Сергѣй Петровичъ, а то во какъ примутъ сейчасъ! — сказалъ Матвѣй, любовно поглядывая на барина съ боку и съ напряженіемъ сдерживая лошадей.

— Горячатся? — спросилъ Сергѣй, оглядывая пару съ видомъ знатока.

— Землю роютъ!.. Помилте, Сергѣй Петровичъ, больше недѣли въ запряжкѣ не были, а кони звѣри... Легче полость-то открывай! — крикнулъ кучеръ на лакея. — Махнешъ зря — подхватятъ... Пожалуйте, баринъ, садитесь.

Сергѣй, подобравъ полы шинели, вскочилъ въ сани, и кучеръ послалъ лошадей. Лакей уже на ходу застегнулъ медвѣжью полость.

— Въ ниверситетъ? — спросилъ Матвѣй.

— Да.

— Я бульварами проѣду, а потомъ по Тверской и поверну...

Гордо закинувъ косматую голову, озираясь налившимися кровью глазами, чуть-чуть колыхая дугою, тронулъ корен-

никъ, потряхивая возжей. Пристяжная отшатнулась въ сторону, извиваясь змѣею и быстро перебирая ногами, сразу перешла въ скачъ. Кучеръ сдержалъ немного въ воротахъ, выѣхалъ, повернулъ къ Арбатской площади и выпустилъ во весь духъ застоявшуюся пару.

Сергѣя обдало снѣжной пылью, снѣгъ изъ-подъ копытъ пристяжной застилалъ ему глаза и духъ захватывало отъ бѣшеной ѣзды.

— Хорошо, хорошо!—шепталъ онъ, балансируя, чтобы не вылетѣть изъ узенькихъ саней.—Что-то обаятельное есть въ этой лихой ѣздѣ, не даромъ Гоголь такъ восторженно воспѣлъ ее... Какъ вотъ мнѣ тяжело послѣ объясненія съ татан, какъ больно, а теперь легко стало, духъ поднимается, бодрость какая-то во всемъ... Я не поѣду въ университетъ, я не могу сегодня...

— Матвѣй!—крикнулъ онъ кучеру.

— Ась?

— Не надо въ университетъ, ступай на Чистые пруды.

— Къ Владиміру Ивановичу Скосыреву?

— Да, да.

— Слушаю-съ... Ужъ и кони же, Сергѣй Петровичъ, у насъ!... Давай вотъ сейчасъ какую хошь тройку—съ ушей оборву!

— Не задави, смотри, кого-нибудь...

— Помилте, сударь!...

Матвѣй ѣхалъ бульварами такъ, что Сергѣй едва различалъ попадающіеся предметы. Стоявшіе на своихъ постахъ будочники съ алебардами и въ каскахъ съ шишаками неодобрительно поглядывали на бѣшено мчавшуюся пару, но прежде чѣмъ они рѣшались крикнуть обычное „легче“, какъ пара пропадала изъ глазъ и возбуждая неодобреніе уже другаго бутаря, или восторгъ какого-нибудь лошадника.

Мигомъ доставилъ Матвѣй своего барина на Чистые пруды и влетѣлъ во дворъ большого съ колоннами дома, гдѣ жилъ въ отпуску у тетки корнетъ Скосыревъ.

— Дома? — отрывисто спросилъ Сергѣй у отворившаго ему дверь лакея.

— Владиміръ Иванычъ?

— Ну да!... Не Черта-же Иваныча мнѣ нужно!...

Всегда сдержанный, деликатный и ласковый съ прислугою, у своего друга Скосырева, Сергѣй принималъ другой тонъ, тонъ молодечества, залихватской удалы и небрежности. Скосыревъ, будучи лѣтъ на пять старше Сергѣя, имѣлъ на него вліяніе и прельщалъ его своимъ уланскимъ шикомъ.

— Дома-съ.

— Всталъ?

— Проснулись, но еще въ постели.

Сергѣй сбросилъ шинель и вошелъ въ комнаты направо, во дворъ окнами. Это была задняя половина дома и ее занималъ Скосыревъ. Старуха - тетка, очень его любившая и баловавшая, побаивалась племянника, побаивалась его шумныхъ рѣчей, громкаго голоса, очень веселыхъ порою разговоровъ, очень шумныхъ товарищей и отвела своему Володѣ отдѣльную половину, хотя жила въ домѣ одна одинешенька и имѣла въ распоряженіи двѣнадцать комнатъ.

— Кто тамъ? — хриплымъ басомъ крикнулъ Скосыревъ, когда Сергѣй постучался въ дверь его спальни.

— Это я, Володя...

— А, Сережа Чоглоковъ!... Отопри!...

Скосыревъ всталъ уже и умывался при помощи деньщика, приземистаго рябого улана Бабенки, отличавшагося необыкновенной силою и преданностью своему барину.

Въ рейтузахъ, обтягивающихъ мускулистыя, худощавыя ноги, въ красной канаусовой сорочкѣ съ засученными выше локтя рукавами и съ растегнутымъ воротомъ, открывающимъ мохнатую грудь, мылся Скосыревъ водою со льдомъ, фыркалъ, гоготалъ, брызгался и подставлялъ черноволосую голову подъ струи холодной воды.

— Садись, Сережа, кури, я сейчасъ, — говорилъ онъ, отфыркиваясь. — Вчера, братъ, такую попойку устроили, что

ужась!... Наѣхали наши изъ Твери, праздновали производство одного птенчика юнкера и перепились... Я у цыганъ какого-то штафирку чуть саблей не изрубилъ, насилу его отняли и, кажется, Глашка въ свой сундукъ заперла, а то бы я изъ него котлету сдѣлалъ... Лей ты, чучело, больше, что ты воды-то жалѣешь?

— Увся вода, ваше благородыя, цѣлое ведерко вылилы,—усмѣхнулся деньщикъ.

— Ну, чертъ съ тобой!... Полотенце живо, а потомъ—чай, водки, огурцовъ... Живо!...

Скосыревъ вытерся полотенцемъ, надѣлъ бархатный съ шелковыми кистяти плафортъ, разцѣловался съ гостемъ и сѣлъ на диванъ съ ногами.

— Трубку! — крикнулъ онъ. — Кури и ты, Сергѣй, трубку, видѣть я не могу этихъ глухихъ напросъ, совсѣмъ бабье курево!... Ну, какъ ты?... У васъ весело было въ этотъ разъ, а эта кухня твоя, эта Варенька Ушакока такое чудо, что прелесть!... Не будь ты моимъ другомъ—я-бы отбилъ ее у тебя, я-бы влюбился въ нее... Но кого я видѣть не могу у васъ, такъ этого... Какъ его?... Съ бакенбардами такой, телячьи глаза у него... У васъ я его не трону, но въ другомъ мѣстѣ ему не одобровать—я его вызову и застрѣлю... Эй, Бабенко, что-же ты водки-то, чертова перешница?...

Скосыревъ пускалъ клубы дыма, покашливалъ, болталъ безъ умолку, налегъ на поданную водку и вдругъ принялся цѣловать и обнимать Сергѣя.

— Люблю я тебя, Сережка,—говорилъ онъ,—право люблю, хоть ты и цирлихъ-манирихъ какой-то... Но что съ тобою?... Ты сегодня совсѣмъ кистый... Урокъ что-ли не выучилъ?... У васъ задаютъ уроки?... Брось ты, Сергѣй, эти словесности, алгебры, политическія экономіи какія-то и ступай въ уланы... Вонъ о войнѣ все толкуютъ, все равно придется на коня садиться да за саблю,—не будешь-же ты математику зубрить, когда твои друзья подъ нули пойдутъ, ну, и посту-

пай теперь... Весело будетъ, Сережка, чудо какъ, а у насъ въ Твери хорошенькихъ множество... Ты, конечно, въ нашъ полкъ, въ другой я тебя не пущу... Но что съ тобою?... Почему ты такой... мизерабистый?... ха, ха, ха!...

Сергѣй въ волненіи прошелся по комнатѣ, подошелъ къ Скосыреву и крѣпко пожалъ ему руку.

— Владиміръ, ты долженъ оказать мнѣ дружескую услугу...

— Десять, двадцать, сто услугъ, Сережа! — закричалъ Скосыревъ. — Денегъ тебѣ нужно?... Вчера выманилъ у тетки и поклялся, что до Рождества не буду просить, но для тебя я охотно нарушу свою клятву... Сколько тебѣ нужно?...

— Да не денегъ мнѣ надо! — съ досадою воскликнулъ Сергѣй. — Ты очень легкомысленъ, Владиміръ...

Скосыревъ захохоталъ.

— Скажите!... Какимъ тономъ опытнаго родителя говорятъ?... Ахъ, ты профессоръ, профессоръ... Въ чѣмъ-же дѣло-то?

Сергѣй усадилъ Скосырева, сѣлъ съ нимъ рядомъ, упроткнувъ его не перебивать и разсказалъ свою исторію съ Наташей.

— Пойми, что ей теперь невозможно жить у насъ въ домѣ, — заключилъ онъ разсказъ. — Это не жизнь будетъ, а каторга...

— И ее надо похитить? — спросилъ Скосыревъ.

— Да, я хочу ее увести.

— Съ восторгомъ, голубчикъ... У меня въ Твери есть одна штучка, вдовушка одна, любитъ меня до безумія и къ ней мы отвеземъ твою Наташу, никакая ищейка ее тамъ не найдетъ!... Но вотъ что: что-же будешь дѣлать съ нею?

— Какъ что? Я женюсь на ней.

Скосыревъ посмотрѣлъ на Сергѣя, закусилъ усь и задумался.

— Треба розжуваты, какъ говорить мой хохоль, — скалъ онъ серьезнымъ тономъ. — Мнѣ кажется, что ты увлекаешься, Сергѣй... Я понимаю, ежели ты увлекся хорошенькой дѣвушкою и желаешь пошалить съ нею, но жениться... Жениться на дворовой дѣвушкѣ Сергѣю Чоглокову...

— Ахъ, перестань! — съ досадою перебилъ Сергѣй. — Ты говоришь, какъ моя мать... Сергѣй Чоглоковъ, Сергѣй Чоглоковъ... Удивительный принцъ!... Да хотя-бы и принцъ!... Ты не знаешь, что это за дѣвушка, ты понятія не имѣешь о ней!... Ты, можетъ быть, думаешь, что я увлекся хорошенькимъ личикомъ и сейчасъ готово, сейчасъ жениться. Это не такъ, Владиміръ, это совсѣмъ не то... Ахъ, это такая дѣвушка, такая дѣвушка!...

— Вѣрю, другъ! — хлопнулъ Скосыревъ пріятеля по плечу. — Это твое дѣло — какъ и что, а мое дѣло помогать тебѣ... Увеземъ ее, спрячемъ, а тамъ, а тамъ, видно будетъ.

Скосыревъ, какъ боевой конь, почувавшій работу, прибодрился, почувствовалъ въ себѣ энергію, ноздри у него такъ и раздулись. Онъ прошелся по комнатѣ, потирая руки, и „хлопнулъ“ съ особеннымъ удовольствіемъ стаканъ водки.

— Твоя мать знаетъ объ этомъ романѣ? — спросилъ онъ.

— Да, она узнала все.

— Ага, стало быть, надо торопиться. Теперь твою Наташу припрятать, запрутъ, а пожалуй и увезутъ куда-нибудь... Хочешь, сегодня-же мы похитимъ ее?

— Надо-же ее предупредить, уговорить, — возразилъ Сергѣй.

— Тогда завтра. Ты имѣй въ виду, что медлить нельзя... Вотъ что, Сережа: ты все улаживай тамъ и дай мнѣ знать, а я, какъ сѣрый волкъ въ сказкѣ, готовъ каждую минуту служить тебѣ, ну, а теперь ѣдемъ завтракать къ старику Оливье; онъ вчера говорилъ, что получены свѣжія устрицы, и на меня послѣ попойки ничто такъ не дѣйствуетъ благотѣльно, какъ десятка два устриць... Эй Бабенко!

Хохолъ выросъ въ дверяхъ.

— Одѣваться!

— Та и коней готовить?

— Не надо, я вотъ съ нимъ поѣду... Живо мундиръ, рейтузы, саблю... Ахъ чортъ возьми, киверъ я вчера изломалъ... Есть у насъ новый киверъ?

— Есть у запасъ, а только-жъ это послѣдній...

— Ну, не разсуждать!.. Бабенко!..

— Що прикажите, ваше благородые?

— Не разучились мы съ тобою дѣвицъ воровать?

— Тай гдѣ-жъ разучылся, ваше благородые? У Тваря мы зъ вами двухъ паннечекъ похытили та одну увдову...

— Ха, ха, ха! — захохоталъ Скосыревъ. — Молодецъ у меня Бабенко, только медвѣдь... Ну, маррршъ!..

Сергѣю вдругъ стало весело. Онъ засмѣялся, разстегнуль мундиръ, взбилъ волосы и съ самымъ залихватскимъ видомъ закурилъ трубку. Видъ безпечнаго Скосырева возбуждалъ его къ удали, лихая ѣзда съ Матвѣемъ еще давеча взбодрила его, а простодушнаго, преданнаго своему барину до самозабвенія Бабенку онъ готовъ былъ разцѣловать.

Домой пріѣхалъ Сергѣй очень поздно и немного подъ хмелькомъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко.

— А у насъ, Сергѣй Петровичъ, несчастіе въ домѣ-съ, — сообщилъ ему его человѣкъ Андрей, бойкій и очень избалованный молодымъ баринкомъ малый.

Сергѣй вздрогнулъ.

— Какое несчастіе? — тревожно спросилъ онъ.

— Непріятность. Наташу питерскую въ вотчину отправили для черной работы... Въ одинъ моментъ все случилось, даже удивительно-съ...

Сергѣй опустился на первый попавшійся стулъ и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на лакея. Хмель быстро покидалъ его.

— Какая-же исторія вышла, — продолжалъ лакей, — всѣмъ на удивленіе: была Наташа у ушаковскихъ дѣвушекъ и украла тамъ серебро и барыни Ушаковой кольца, два кольца у Наташи-то подъ подкладкой шубки нашли, а прочія вещи такъ и не отыскивали... Она-бы созналась и въ прочихъ вещахъ, всеконечно, ежелибы допросить путемъ, но мамаша пожалѣтъ ее изволили, снарядили и въ ту же минуту отправили въ вотчину. Герасимъ ее и повезъ, а Василеа сопровождать поѣхала...

Сергѣй, дрожа всѣмъ тѣломъ, надѣлъ сброшенный мундиръ и бросился къ двери.

— Матап дома?—спросилъ онъ, схватившись уже за скобку и задыхаясь.

— Почиваютъ давно-съ.

— А отецъ?

— Ихъ превосходительство въ клубѣ.

Сергѣй сѣлъ на стулъ около двери и закрылъ лицо руками. Лакей смотрѣлъ на него больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ сожалѣніемъ. Этотъ фаворитъ барина первый зналъ о чувствахъ Сергѣя къ Наташѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ теперь интересную новость, желая знать, что изъ этого будетъ. Вся дворянскія сегодня только и говорила о происшествіи, при чемъ незначительное меньшинство видѣло въ таинственной исторіи „подвохъ“, т.-е. думало, что исторія съ кражей придумана, что Наташа не виновата и не крала, а вещи были подкинуты ей по приказанію барыни за пашни съ сыномъ; большинство-же винило Наташу и видѣло въ ней именно ту „питерскую штучку“, которая „набаловалась“ и была способна на любую шалость.

Что-же думала и что чувствовала генеральша?

Она знала, что вещи не подкидывались Наташѣ, а найдены у ней при обыскѣ, произведенномъ по подозрѣнію.

Что-же думала генеральша?

Она была глубоко поражена разсказомъ Ушаковой, которая кстати сообщила ей и о томъ, что Варенька знаетъ отъ Сергѣя о любви его къ Наташѣ.

Генеральшѣ вдвойнѣ сдѣлалось больно, когда она узнала, что сынъ ея полюбилъ не только простую „крѣпостную дѣвку“, но еще и воровку, такую крѣпостную, которую подозреваютъ въ кражѣ.

Пусть она не украла, пусть на нее клеветаютъ, но достаточно уже и того, что она въ подозрѣніи, что на нее могло пасть это подозрѣніе.

И въ то-же время невольная радость охватила Анфису

Дмитріевну послѣ нѣкотораго раздумья: теперь сынъ, конечно, съ ужасомъ отвернется отъ этой дѣвушки, онъ пойметъ, какъ онъ низко палъ уже тѣмъ, что почувствовалъ минутное влеченіе къ такой дѣвушкѣ, которая вполне подходила подъ общій ранжиръ себѣ подобныхъ и приобрѣла въ Петербургѣ съ умѣньемъ болтать по-французски, съ умѣньемъ изобразить изъ себя „барышню“, и всѣ дурныя наклонности избалованныхъ на волѣ дѣвченокъ.

Генеральша энергично, лихорадочно-поспѣшно принялась за слѣдствіе и... и убѣдилась, что Наташа не виновата, что она не способна на то гнусное преступленіе, въ которомъ обвинялась странно сложившимся для нея обстоятельствами.

Все говорило для ея обвиненія, вещи были найдены у нея, но не она похитила ихъ, не она, — въ этомъ генеральша убѣдилась съ первыхъ-же минутъ позорнаго для Наташи слѣдствія. Убѣдилась въ этомъ и Ушакова.

Ушакова заявила объ этомъ своей пріятельницѣ, отказалась отъ всякаго обвиненія, но Анфиса Дмитріевна поступила иначе: она сдѣлала видъ, что вполне убѣждена въ виновности своей модистки. Чувство оскорбленной до глубины души матери взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами, и Анфиса Дмитріевна только радовалась, что есть предлогъ и погубить ненавистную дѣвушку, и спасти отъ нея сына.

— Она украла, она! — злобно, съ искаженнымъ лицомъ кричала Анфиса Дмитріевна. — Я, моя милая Валентина, не способна увлекаться глупыми идеями, я не сантиментальна, какъ ты, и меня не подкупишь тѣмъ, что дѣвчонка имѣетъ манеры барышни и умѣетъ падать въ обморокъ!.. Такія-то вотъ и способны на все... Ей вонъ духи нужны, она ботинки вонъ носитъ не хуже моихъ, кружева на ней, ленточки, ну и надо на все это деньги... Тамъ, въ Петербургѣ, ей на все это давали различные писаря, вѣроятно, комми, а здѣсь она за работой, — ну, и украла, очень

натурально... Я вотъ отправлю ее въ часть, или прикажу Василию допросить, ну, и сознается, и остальные вещи укажетъ...

— Бога ради, не дѣлай этого, та сѣге!—почти съ мольбою бросилась къ генеральшѣ Ушакова.—Развѣ ты не видишь, что это совсѣмъ не то?.. Это хорошая, чудная, дѣвушка...

— Отстань!—съ визгомъ крикнула Анфиса Дмитріевна.—Я на ней сына женю, я ее невѣсткой сдѣлаю для твоего удовольствія!.. Ха, ха, ха... Чудная дѣвушка!.. Дѣвка воруетъ, дѣвка моего сына, моего ребенка совратила, а она говоритъ, что это чудная дѣвушка!.. Вы съума сошли, Валентина Михайловна, а вѣдь вы тоже мать, вы глаза выцарапаете тому, кто вамъ скажетъ, чтобъ вы отдали вашу дочь за лакея!..

— Ахъ, что ты говоришь, Фиса! — покачала головою Ушакова.—Я не буду тебѣ возражать, хотя твой примѣръ очень дикій, но я скажу тебѣ, что я вовсе не рекомендую тебѣ женить Сергѣя на этой дѣвушкѣ, я только говорю, что она—не воровка...

— Изволь, изволь, я дѣлаю тебѣ уступку! — воскликнула Анфиса Дмитріевна.—Изволь, я не трону эту барышню, но я сегодня-же, сейчасъ-же сошлю ее въ деревню...

— Ради сына, но не за кражу,—замѣтила Ушакова.—Я это одобряю...

— Какъ воровку и негодяйку сошлю, а сынъ... о, мой сынъ пойметъ, что онъ ребенокъ, которому надо еще гувернера!.. Генеральша позвонила.

— Позвать ко мнѣ дворецкаго!..

Менѣе чѣмъ черезъ три часа было сдѣлано все, и со двора генеральскаго дома, около вечеренъ, ѣхала подвода, на которой было уложено небольшое имущество Наташи, сидѣла она сама, закутанная въ овчинный тулупъ, и Васисилиса, въ качествѣ конвоира.

Подвода отправилась въ вотчину Анфисы Дмитріевны, находящуюся въ Рязанской губерніи...

VII.

Получивъ извѣстіе о ссылке Наташи въ Рязанскую вотчину и узнавъ, что мать уже спитъ, а отецъ въ клубѣ, Сергѣй какъ сѣлъ на стулъ около двери, такъ и остался тутъ, точно въ какомъ-то забытьѣ. Человѣкъ его постоялъ, постоялъ и кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе глубоко задумавшагося барина.

Сергѣй не обратилъ на этотъ маневръ никакого вниманія.

— Прикажете раздѣвать васъ, Сергѣй Петровичъ? — спросилъ человѣкъ.

— Не нужно.

— Слушаю-съ... Миѣ можно идти?

— Ступай... Когда пріѣдетъ отецъ — приди миѣ сказать.

— Слушаю-съ.

Лакей удалился, а Сергѣй продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

Отрывки беспорядочныхъ мыслей проносились въ головѣ Сергѣя, ознобъ охватывалъ его тѣло, а лицо пылало какъ въ огнѣ.

Онъ то думалъ о Наташѣ, какъ бы забывая про случай съ нею и видя передъ собою ея образъ, видя ее веселою, счастливою, близкою къ себѣ. То съ ужасомъ вспоминалъ о словахъ лакея и начиналъ дрожать, но не понималъ — дѣйствительность — ли это, или страшный, тяжелый сонъ. Онъ нѣсколько разъ пытался встать, но сію же секунду тяжело опускался на стулъ, чувствуя головокруженіе и страшную тяжесть въ ногахъ, словно онѣ свинцомъ были налиты.

Съ нимъ начиналась горячка.

Катаясь съ удалой компаніей Скосырева, онъ простудился, а извѣстіе о Наташѣ довершило дѣло и натура не выдержала, болѣзнь быстро охватывала весь организмъ.

Начинался бредъ. Температура тѣла доходила до кульминаціонной точки.

— Кто укралъ Наташу? — шепталъ Сергѣй, озираясь

кругомъ. — Неужели Скосыревъ?... Негодяй!... Я вызову его!... вызову, и убью его!.. Развѣ Наташу можно украсть?... Развѣ она воровка?... А, ее мать украла, моя мать!.. Я не дамъ, я не позволю, я Скосыреву скажу—и онъ все для меня сдѣлаетъ, все, — мы похитимъ Наташу... Но голова, голова какъ болить.

Это шампанское... Кто это мнѣ наливалъ все... Ахъ, эта брюнетка наливала... Ты натопилъ такъ въ моей комнатѣ?... Не надо, не надо топить, жарко, очень жарко... Пить... Дайте мнѣ пить...

Сергѣй протянулъ руку, приподнялся со стула—и упалъ на полъ.

Часу въ четвертомъ пришелъ къ нему его человѣкъ сказать о пріѣздѣ отца и нашелъ молодого барина на полу.

Лакей подумалъ, что баринъ „подгулялъ“ и съ улыбочною презрительнаго снисхожденія хотѣлъ поднять его и уложить, но страшный жаръ, широко открытые глаза и бредъ больного испугали глуповатаго малаго. Онъ кое-какъ уложилъ Сергѣя на постель и побѣждалъ внизъ.

Буфетчикъ Геннадій Ильичъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, готовилъ генералу ужинъ. Генераль никогда не ужиналъ въ клубѣ и обыкновенно, пріѣзжая изъ клуба послѣ ежедневной партіи въ вистъ, кушалъ холодную котлету, два яйца въ смятку и выпивалъ стаканъ сильно подогрѣтаго краснаго вина. Подавалъ этотъ ужинъ всегда буфетчикъ и непремѣнно во фракѣ при бѣломъ галстукѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Геннадій Ильичъ былъ и камердинеромъ генерала, но служилъ ему только за ужиномъ, а всѣ остальные обязанности переправлялъ деньщикъ, очень мрачный, неразговорчивый, и вѣрный въ своихъ обязанностяхъ, какъ хронометръ, солдать Каплинъ.

— Геннадій Ильичъ, доложите генералу, что съ молодымъ бариномъ не ладно,—задыхаясь и глупо тараща глаза, сказалъ лакей Сергѣя, вбѣгая въ буфетную.

Геннадій Ильичъ только что уложилъ на блюдо котлетку и надѣвалъ бѣлыя перчатки. Окинувъ лакея строгимъ взглядомъ, онъ покачалъ головою.

— И глушь-же ты, какъ есть дубина!—сказалъ онъ.

— А что, Геннадій Ильичъ?

— Бѣжишь сломя голову, стучишь сапожищами, орешь, а о чемъ,—неизвѣстно!... Что случилось?... Какъ это „неладно“ съ молодымъ бариномъ?

— Захворамши, Геннадій Ильичъ... Я полагалъ, что они выпимши, а у нихъ воспаленіе ужаси какое и не дѣло они говорятъ... Стало быть очинно разстроились на счетъ Наташи.

— Я тебѣ такую Наташу задамъ, что у тебя башка вспухнетъ!—строго перебилъ Геннадій Ильичъ.—Ты о комъ говоришь-то? О конюхѣ Сидорѣ что-ли? Развѣ ты смѣешь про господина своего такъ говорить?... Дубина!... Ступай къ Сергѣю Петровичу, а я сейчасъ приду, взгляну на нихъ и доложу, ежели что... Можетъ, пустое дѣло, такъ какъ-же я генерала безпокоить буду на сонъ грядущій?... Эхъ, мало васъ учать лодырей, понятія въ васъ нѣтъ...

Геннадій Ильичъ надѣлъ перчатки, поставилъ на подносъ блюдо съ котлетою, яйца, вино въ грѣлкѣ и пошелъ въ кабинетъ.

Если по обстановкѣ жилища можно судить о характерѣ и наклонностяхъ обитателя, то ничья комната не могла-бы такъ вѣрно опредѣлить характеръ, дѣятельность и нравъ ея хозяина, какъ кабинетъ генераль-маіора Петра Григорьевича Чоглокова.

Это была очень большая угольная комната съ шестью окнами по фасаду и четырьмя по другой стѣнѣ, на сѣверъ. Три большихъ письменныхъ стола расположены были у оконъ, широкій, но жесткій кожаный диванъ стоялъ по стѣнѣ налѣво, узенькая кровать, съ сѣрымъ байковымъ одѣяломъ и одною подушкою, стояла въ углу, отдѣленная не ширмами, а занавѣсью въ родѣ полога изъ парусины съ красной кай-

мою. Эта парусина служила когда-то походной палаткою генерала и сдѣлала съ нимъ всю венгерскую кампанію. Стѣны были увѣшаны картами, портретами русскихъ полководцевъ и оружіемъ, но не щегольскимъ оружіемъ, которое служить для украшеній кабинетовъ, а образцами вооруженія русской арміи. Тутъ были сабли и палаши кавалерійскихъ полковъ, шашки и пики казаковъ, уланскія пики, кремневые ружья, которыми была вооружена тогда вся армія наша, драгунскіе карабины и пистолеты, полусабли пѣхотныхъ офицеровъ, шнаги, штыки, тесаки гренадеровъ. Это былъ музей существовавшаго тогда оружія. Шкафикъ съ книгами и большой круглый столъ по срединѣ комнаты, съ креслами краснаго дерева вокругъ, довершали убранство комнаты.

Нигдѣ ни пылинки, ни соринки, много воздуха и свѣта. Температура никогда не доходила больше, какъ до десяти градусовъ и за этимъ долженъ былъ слѣдить Геннадій Ильичъ.

Генераль писалъ исторію венгерской кампаніи и самый большой изъ трехъ письменныхъ столовъ былъ отведенъ для этой работы. На другомъ столѣ лежали принадлежности для черченія плановъ, а третій служилъ для обычныхъ работъ, для писанія писемъ, записокъ, веденія счетовъ и тому подобнаго. По службѣ,—генераль Чоглоковъ командовалъ бригадою,—у него былъ кабинетъ въ канцеляріи и онъ ѣздилъ туда заниматься въ двѣнадцать часовъ, не раньше, не поздне.

Никто никогда не нарушалъ правилъ домашней жизни генерала и его порядковъ. Онъ отдалъ бразды домашняго правленія въ руки жены и не входилъ ни во что, точно онъ жилъ на квартирѣ, а жена была его хозяйкою. Онъ никогда не бранилъ прислугу, никогда не взыскивалъ съ нея, а если лакей, кучеръ, буфетчикъ, казачекъ оказывались неудобными—онъ говорилъ женѣ.

— Матушка-генеральша, Филька не умѣетъ служить, дай мнѣ другаго человѣка и чтобы я больше Фильки не видалъ!...

Филька исчезалъ съ генеральскихъ глазъ и являлся какой-нибудь Сашка, или Мишка.

Безсмѣннымъ былъ только Каплинъ. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ начальника генеральской квартиры и его домашняго штаба, а въ то-же время несъ обязанности и казначея. Ему передавалось генеральское жалованье и онъ долженъ былъ распредѣлить его такъ, чтобы хватило на мѣсяцъ. Это жалованье и было карманными деньгами генерала. Другое казначейство состояло изъ денегъ, получаемыхъ съ имѣній, и этимъ казначействомъ завѣдывалъ управляющій, выдавая опредѣленныя суммы на домъ, на нужды генеральши, на карманные расходы Сергѣя, на пособія и пенсіи многочисленныхъ пенсионеровъ. Разрѣшалъ пособія и назначалъ суммы на нихъ самъ генералъ и выдавалъ получателю ордеръ, съ которымъ тотъ и являлся къ управляющему.

Оберегалъ покой и жилище генерала Каплинъ. Онъ же набѣждалъ за распредѣленіемъ генеральскаго дня и не было въ мірѣ человѣка изъ обыкновенныхъ смертныхъ, для котораго Каплинъ сдѣлалъ бы уступку. Онъ вѣроятно закололъ бы штыкомъ того, кто осмѣлился-бы войти въ кабинетъ генерала и дотронуться до какой-нибудь бумажки на столѣ.

Каплинъ, сидя у дверей генеральскаго кабинета, несъ караульную службу и положилъ-бы свой животъ на этой службѣ. Отдыхалъ онъ тогда, когда генерала не было дома, а со двора ходилъ два раза въ годъ — въ первый день Рождества и въ Свѣтлое Христово Воскресенье, причемъ бралъ отпускъ у самого генерала.

Въ комнату генерала онъ не пускалъ даже Аноису Дмитріевну, когда генералъ былъ занятъ.

— Нельзя, ваше превосходительство, ихъ превосходительство пишутъ! — ужасающимъ басомъ рапортовалъ онъ барынь, вытягиваясь въ струнку.

— Доложи, поди...

— Не можемъ, ваше превосходительство, не приказано! Басъ своего деньщика генералъ слышалъ изъ кабинета и

приказывалъ впустить жену. Впрочемъ, Анѣиса Дмитріевна рѣдко входила къ мужу, развѣ что-нибудь необыкновенное случалось, а остальные во всемъ домѣ боялись проходить и около кабинета въ часы генеральскихъ занятій. Знали эти часы и всѣ знакомые Чоглоковыхъ.

Когда Геннадій Ильичъ внесъ ужинъ, генераль, одѣтый въ сѣрую солдатскую шинель, которая всегда замѣняла ему халатъ, стоялъ посреди кабинета и дѣлалъ по командѣ Каплина ружейные приемы двѣнадцати фунтовою винтовкою. Это замѣняло генералу гимнастику и онъ никогда не ложился спать, не продѣлавъ до ужина около полчаса ружейныхъ пріемовъ.

Каплинъ выкатилъ налившіеся кровью глаза, выпятилъ грудь и грозно выкрикивалъ:

— Нааа-пле-э-э-чѣчо!... На-ккраулъ!...

— Будетъ, Каплинъ, усталъ я, — сказалъ генераль, завидѣвъ Геннадія съ ужиномъ и передалъ деньщику ружье.

Генераль Чоглоковъ былъ высокъ ростомъ, широкоплечъ, дородень, носилъ усы и небольшія бакки, идущія отъ ушей до половины щеки, чесался съ височками и хохломъ, держался прямо и смотрѣлъ совсѣмъ еще тридцати-пяти-лѣтнимъ молодцомъ, хотя ему перевалило за пятьдесятъ. У него были большіе, умные глаза, строгій профиль и выдавшійся впередъ подбородокъ — признакъ силы характера. Сергѣй походилъ на него, но имѣлъ черты мягче, нѣжнѣе и выдававшагося подбородка отца у него не было.

Геннадій Ильичъ поставилъ на кругломъ столѣ подносъ съ ужиномъ, отошелъ немного и остановился. Генераль взглянулъ на часы, сдѣлалъ знакъ головою Каплину — и тотъ подалъ ему на маленькомъ серебряномъ подносѣ чарку водки.

— День прошелъ, Каплинъ? — спросилъ генераль, принимая чарку.

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Никакихъ проступковъ и уклоненій отъ обязанностей у насъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— Стало быть можешь выпить чарку водки?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— За здоровье Государя Императора!

— Ура!...

Генераль залпомъ выпилъ чарку и Каплинъ сію-же минуту налилъ другую.

— Пей!

Каплинъ опрокинулъ чарку себѣ въ ротъ, повернулся на-лѣво кругомъ и отошелъ.

— Ты, что?—обернулся генераль къ Геннадію Ильичу.— Ступай себѣ спать...

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, что Сергѣй Петровичъ изволили захворать...

Генераль обернулся.

— Захворалъ?... Когда?

— Только что до вашего пріѣзда извѣстился я объ этомъ, ваше превосходительство. Изволили они пріѣхать откуда то и слегли... Жаръ у нихъ, ваше превосходительство, и бредъ начался...

Генераль положилъ ножикъ и вилку и всталъ.

Извѣстіе было важно, ради него можно было нѣсколько измѣнить программу дня.

— Можетъ быть, изволите приказать разбудить барыню, ваше превосходительство?—освѣдомился Геннадій Ильичъ.

— Плакать чтобы?... Не нужно...

Генераль быстро прошелъ мимо буфетчика и поднялся наверхъ къ сыну. Геннадій Ильичъ сопровождалъ его.

Сергѣй разметался на кровати и лежалъ съ раскрытыми глазами. Запекшіяся губы что-то шептали, грудь высоко поднималась и дыханіе вылетало изъ нея съ хрипѣньемъ. Больной былъ уже безъ памяти и не узналъ отца.

— Сергѣй, что съ тобою?—наклонился къ нему генераль.—Сережа, голубчикъ, ты не узнаешь меня?

— Не позволю... нельзя такъ... Я Скосырева не боюсь... я убью... Она—мать и она мучаетъ меня!—бредилъ Сергѣй, безпокойно ворочая головою.

— Простудился, горячка у него,—проговорилъ генераль.— Глины холодной подать, уксусу, горчичники сдѣлать!—приказалъ онъ человѣку Сергѣя, потомъ подумалъ, закусилъ усь и сказалъ:

— Послать за докторомъ!

Генераль не любилъ медицины и самъ не лѣчился никогда.

— Все нѣга эта виновата,—заговорилъ онъ, когда лакей ушелъ.—Говорю, что надо проще воспитывать, а они ватку все, мѣхъ, чулочки теплые... Избаловали мальчика, ну, и не можетъ вынести холоду... Вотъ пуховикъ подъ нимъ, одѣяло атласное... Барышня онъ что-ли... Что?

Геннадій Ильичъ зналъ привычку генерала произносить это „что?“ и почтительно наклонилъ голову.

— Такъ точно, ваше превосходительство, простудились они, а тутъ еще...

Геннадій Ильичъ не договорилъ.

— Что?—оглянулся на него генераль.

— Случай одинъ, ваше превосходительство...

Генераль никогда не разговаривалъ съ прислугою и отдавалъ только приказанія, но болѣзнь любимого сына дѣлала его другимъ, онъ видимо не прочь былъ побесѣдовать съ буфетчикомъ, и Геннадій Ильичъ понялъ это, ему захотѣлось сообщить, что пожалуй тутъ и не простуда играетъ роль, что причина болѣзни кроется въ другомъ. Сергѣя всѣ очень любили въ дворнѣ и жалѣли теперь за исторію съ Наташей. Почти вся дворня очень снисходительно смотрѣла на его любовь къ дѣвушкѣ и видѣла въ этой любви „дѣло житейское“, смотрѣла на нее какъ на обыкновенную интрижку двадцати-лѣтняго барина съ хорошенькой дѣвушкою и не одобряла генеральшу, не зная, конечно, что лю-

бовъ Сергѣя не была обычной связью и видя въ Наташѣ только любовницу барина.

— Что-жъ, онъ не ребенокъ, въ нашемъ быту у такихъ-то двое, трое дѣтей бываетъ, пора, — говорили въ дворнѣ. — Опять-же Наташа не виновата, ее дѣло подневольное и напрасно она страдать должна, дѣло съ кражей не чистое, это вѣдьма Василиса все спроворила.

Геннадій Ильичъ былъ на сторонѣ той части дворни, которая смотрѣла такимъ образомъ, и если молчалъ, то единственно ради уваженія къ барынѣ, судить которую, по его понятіямъ, „хамамъ“ не приходилось. Другое дѣло сказать генералу, — тутъ, можетъ, польза выйдетъ и для молодого любимого барина, и для невинно пострадавшей Наташи, которую не долюбивали лишь горничныя, да молодые лакеи, весьма холодно встрѣченные Наташею.

— Случай? — повторилъ генералъ. — Какой случай?... А?..

Геннадій Ильичъ провелъ рукою по груди, склонилъ голову и особенно почтительно произнесъ:

— На счетъ Наташи случай, ваше превосходительство...

— Что?

— Дѣвушку Наташу, модистку ихъ превосходительства, извоили сослать въ деревню барыня, а Сергѣй Петровичъ, осмѣлюсь доложить, были къ оной дѣвушкѣ благосклонны-съ... Я осмѣлюсь понимать такъ потому, ваше превосходительство, что бредили Сергѣй Петровичъ до вашего прихода и извоили все Наташу эту самую поминать-съ...

Генералъ нахмурился. Ему ничего не было извѣстно о ссылкѣ какой-то Наташи, а ссылка въ вотчину была такой мѣрою взысканія, о которой нужно было доложить генералу.

Ссылали обыкновенно въ Рязанское, Раненбургскаго уѣзда, имѣнье, гдѣ управляющимъ былъ жестокій и страшно крутой нѣмецъ, державшій людей въ ежовыхъ рукавицахъ и исправляющій самыхъ закоренѣлыхъ негодяевъ, вытрезвляющій отчаянныхъ пьяницъ, приучавшій къ труду самыхъ, самыхъ лѣнивыхъ. Такихъ туда и ссылали и самая ссылка

была наказаніемъ жестокимъ, употребляемымъ очень рѣдко и то для неисправимыхъ людей въ дворнѣ, или другихъ вотчинахъ.

— За что сослали? Когда?—отрывисто спросилъ генераль.

— Сегодня въ обѣдъ подвода отправилась, ваше превосходительство, а сослали... сослали за то, что будто бы эта самая Наташа у господъ Ушаковыхъ серебро и прочія какія то вещи украла...

— Фу, какая гадость тутъ дѣлается!—шопотомъ проговорилъ генераль и хотѣлъ было пройти по комнатѣ, но Сергѣй застоналъ, заметался—и генераль присѣлъ къ нему.

Докторъ, чопорный нѣмецъ въ синемъ фракѣ и бѣломъ атласномъ жилетѣ, пріѣхалъ очень скоро, осмотрѣлъ больного и объявилъ, что у него горячка.

— Отъ простуды?—спросилъ генераль.

— Назовсѣмъ отъ простуды, мейнъ-геръ генераль: зъ вашимъ зыномъ билъ какой-нибудь потрясеній—его горячка есть нервный горячка...

— Лѣчите, докторъ, онъ у меня одинъ... Я не вѣрю въ медицину, но я долженъ употребить все мѣры... Лѣчите его...

— Медисинъ не вѣрить?... О, какъ то возможно!... Медисинъ эта...

Но генераль не сталъ слушать доктора и пошелъ разбудить жену.

Анфиса Дмитриевна, въ ночной кофточкѣ, въ туфляхъ на босую ногу, прибѣжала въ комнату сына и оставалась у него въ ногахъ вмѣстѣ съ докторомъ всю ночь.

Утромъ она пошла къ генералу и рассказала ему исторію съ Наташей.

Генераль чертилъ планъ и во все время не взглянулъ на жену.

— Дѣвушка дѣйствительно украла вещи?—спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія!... А ты что же думаешь?...

— Я думаю, что мой Сергѣй не могъ полюбить воровку.

Генеральша съ презрѣніемъ и ненавистью поглядѣла на бритый затылокъ склонившагося надъ планомъ мужа.

— Такъ, вѣроятно, я сочинила эту кражу?—спросила она. Генераль молчалъ.

— Я не думаю, что ты будешь такъ... такъ глупъ... Я думала, что ты одобришь мое распоряженіе, а ты, кажется, противъ того, что я отослала скверную дѣвчонку, которая развращаетъ нашего сына...

— Я противъ того, что сынъ опасно заболѣлъ отъ твоей поспѣшности, отъ твоихъ мѣръ... Поняла?...

Генераль крѣпко налегъ циркулемъ на бумагу.

— Мѣры должны быть строги, но разумны...

— Да?... А я тебѣ вотъ что скажу: пусть лучше мой сынъ, котораго я обожаю, которымъ я живу, пусть онъ умретъ, чѣмъ будетъ находится близко отъ этой твари!... Вѣдь онъ, вѣдь мой сынъ полюбилъ эту дрянъ, полюбилъ!.. Вѣдь онъ женился-бы на ней, если-бъ не принять мѣръ!..

Генераль такъ нажалъ циркуль, что онъ лопнулъ и кончикъ со звономъ отлетѣлъ на полъ.

Генеральша вышла.

Болѣзнь Сергѣя была побѣждена искусствомъ медика и молодой натурою, но продержала его въ постели очень долго, и болѣе недѣли три доктора дни и ночи боролись со смертию, которая летала уже у изголовья больного.

VIII.

Имѣніе Рязанской губерніи, Раненбургскаго уѣзда, „Лу-жайки“, принадлежало генеральшѣ Чоглоковой и было приданнымъ. Въ этомъ имѣніи она родилась, прожила до замужства, но потомъ уже не бывала въ немъ никогда, ради грустныхъ воспоминаній, которыя вызывали „Лу-жайки“: тамъ умерли въ одинъ годъ ея отецъ и мать, при чемъ

смерть отца была очень трагическая—его убили ночью въ постели. Помимо этихъ грустныхъ воспоминаній, самый видъ имѣнія былъ очень печаленъ, даже мраченъ и совсѣмъ не заслуживалъ веселаго названія „Лужаекъ“. Богъ вѣсть почему, его такъ называли предки Анфисы Дмитріевны!

Удаленное отъ ближайшаго города Раненбурга на тридцать верстъ, имѣнье стояло въ лѣсу, мелкоросломъ осиновомъ и сосновомъ лѣсу, покрывавшемъ болотистую почву. Лѣсъ этотъ, замѣчательно унылый и печальный, медленно поднимался отъ большой дороги по невысокимъ холмамъ, спускался въ трясины и топи и совершенно исчезалъ на высокомъ песчаномъ бугрѣ, лишенномъ растительности. Холмъ этотъ и былъ занятъ барской усадьбой, а деревня „Лужайки“ сползала по немъ къ мелководной рѣченкѣ, которая огибала всѣ владѣнія и служила имъ границею. Небольшая деревянная церковь стояла въ началѣ деревни, окруженная небольшою рощицей.

Барскій домъ—неуклюжее каменное зданіе—стоялъ на самой вершинѣ холма и былъ открытъ вѣтрамъ осенью и зимою, а лѣтомъ стоялъ ничѣмъ не защищенный отъ палящихъ лучей солнца. Отецъ да, вѣроятно, и дѣдъ, и пра-дѣдъ Анфисы Дмитріевны старались развести садъ вокругъ дома, но песчаная почва растила лишь сосны и ели да тощія березы, а вѣтеръ непрестанно бушевалъ тутъ и уничтожалъ труды человѣческіе. Садъ такъ и не былъ разведенъ; лишь десятка три березъ окружали домъ да косматыя ели стояли темными привидѣніями и словно сторожили мрачное сѣрое зданіе.

Домъ теперь былъ необитаемъ и только нижній этажъ его занимался ткацкою, гдѣ двадцать дѣвушекъ ткали на ручныхъ станкахъ полотна для барскаго обиходу, а отчасти на продажу. Четыреста душъ крестьянъ деревни „Лужайки“ были отпущены, послѣ смерти отца Анфисы Дмитріевны, на оброкъ, а господское хозяйство велось приплымъ народомъ, но крѣпостными-же Чоглоковыхъ, собран-

ными сюда изъ другихъ имѣній—отчасти за какія-нибудь провинности, отчасти по экономическимъ соображеніямъ генеральши. Кромѣ ткацкихъ, въ Лужайкахъ была еще большая шорная мастерская, изготовляющая сбрую и для господскаго обихода, и для всѣхъ мужиковъ, и для продажи сосѣднимъ помѣщикамъ. Человѣкъ тридцать мастеровъ этой шорной были скомплектованы изъ дворовыхъ, а старшимъ мастеромъ состоялъ нанятый порникъ, выписанный генераломъ изъ Петербурга.

И оброчными крестьянами, и господскимъ хозяйствомъ, и ткацкою, и шорною завѣдывалъ и управлялъ, снабженный широкими полномочіями, нѣмецъ Эдуардъ Эдуардовичъ Рейсъ съ супругою Паулиной Карловною.

Жилъ господинъ Рейсъ въ новенькомъ, спеціально для него построенномъ, флигелѣ, имѣющемъ видъ какой-то гауптвахты.

Эдуардъ Эдуардовичъ, какъ солдатъ прусской арміи, былъ большой поклонникъ военной дисциплины, состоялъ когда-то барабанщикомъ при одномъ изъ сформированныхъ по системѣ Аракчеева учебныхъ полковъ, принялъ потомъ русское подданство и былъ нанятъ управляющимъ покойнымъ отцомъ Анфисы Дмитріевны, который любилъ все напоминающее ему Аракчеева, бывшаго его начальника и покровителя.

Крѣпкій, какъ изъ желѣза скованный, старикъ, сухой, рослый, съ коротенькими щетинистыми усами, гладко остриженный, мрачный и молчаливый, исполнительный и требовательный, какъ истый нѣмецъ, строгій до жестокости и жестокій до виртуозости, Эдуардъ Эдуардовичъ былъ грозою подчиненныхъ. Его боялись, какъ какой-то стихійной силы, и никому въ голову не пришло-бы бороться съ нимъ, какъ не приходило въ голову бороться съ градомъ, съ ливнемъ, съ грозою. Этому много способствовало то обстоятельство, что Рейсъ самъ подавалъ примѣръ неутомимаго трудолюбія, педагогической исполнительности, аккуратности, не зналъ ни нѣги, ни кейфа, ни отдыха и былъ рабъ своего слова,

а главное—не боялся ничего и никого, при чемъ обладалъ большою физическою силою, которая всегда является авторитетомъ у русскаго мужика.

Супруга Рейса, ожирѣвшая на хорошихъ хлѣбахъ и ничего не дѣлавшая нѣмка, была тупое, злое и совсѣмъ животноподобное существо. Она боялась мужа, любила красивыхъ мужчинъ, цѣлый день спала и ѣла, ѣла и пила, три раза въ недѣлю парилась въ банѣ и для развлечения тиранила дѣвушекъ и тѣхъ мужчинъ, которые не могли скрыть своего отвращенія къ разбухшей рыжей нѣмкѣ, пропитанной запахомъ ежечасно употребляемаго вина и сигарнымъ дымомъ. Паулина курила зловонныя рижскія сигары, и курила, почти не выпуская сигарки изъ толстыхъ чувственныхъ губъ.

Подъ начальство этой четы и была отправлена Наташа.

Ныряя по ухабамъ малоѣзженной дурной дороги, тащились пошевни, запряженные парюю лошадокъ, и приближались къ „Лужайкамъ“.

Всю дорогу Наташа не сказала почти ни слова со своимъ конвоиромъ—Василисою. Закутавшись даннымъ на дорогу овчиннымъ тулупомъ, сидѣла она или лежала въ широкихъ, наполненныхъ сѣномъ саняхъ. Молча выходила изъ саней въ избу постоялаго двора, во время кормежки апатично выпивала чашку чаю, или сѣдала что-нибудь и хранила глубокое молчаніе на безпрестанное „пиленіе“ своей спутницы.

— Ишь, статуя деревянный!—обозлилась наконецъ Василиса.—Молчить, словно воды въ ротъ набрала... Барышня—гдѣ-же ей съ нами разговаривать, спѣсь одолѣла... Погоди, собьютъ спѣсь-то! У Рейсова въ лапахъ и не такія шелковыми дѣлались!..

Но Наташа не боялась „Рейсовыхъ лапъ“. Она слыхала о Раненбургской вотчинѣ страшные рассказы, но она дума-

ла, что отъ нея будетъ зависеть то или другое обращеніе страшнаго Рейса. Вѣдь, не звѣрь-же онъ и не будетъ-же онъ безъ всякой причины дѣлать ей зло, а она смирилась, она безропотно снесетъ все и будетъ исполнительна, трудолюбива, — за что-же ей могутъ сдѣлать зло?

Другая тоска грызла сердце бѣдной дѣвушки — тоска о Сергѣѣ.

Она любила его. Любила первой любовью, жила имъ, дышала. И вотъ у нея отняли то, чѣмъ она жила.

Она не надѣялась, любя Сергѣя, ни на что, старалась не заглядывать въ будущее, а лишь жила настоящимъ, и настоящее это для нея было неизъяснимо дорого и мило.

И вдругъ все рушилось.

И рушилось не просто, не въ силу какого-нибудь роковаго, неотразимаго явленія, въ родѣ смерти, а съ позоромъ для Наташи, которая покидала дорогого человѣка, запятанная клеветою, опозоренная этой клеветою...

Послѣднее обстоятельство и убивало всего болѣе Наташу, дѣлало ея существованіе невыносимымъ, тяжелымъ до безконечности. Она, не надѣясь ни на что, была полна любовью къ Сергѣю и хотя робко, неувѣренно, но думала порою, что и она любима. Эта мысль доставляла ей неизъяснимое блаженство и она гордо лелѣяла ее, была счастлива уже тѣмъ, что дорогой человѣкъ не можетъ ни чѣмъ упрекнуть ее, не смотря на страшную разницу положеній, и теперь эта гордая, эта утѣшающая ее мысль должна была уступить мѣсто сознанію, что хотя она и невинна, но въ глазахъ дорогого человѣка будетъ выставлена опозоренною, гадкою, стоящею на самой низкой ступени человѣческаго достоинства: вѣдь она въ его глазахъ уже не только „дворянка“, но и воровка, надшая до послѣдней степени!..

Наташѣ не приходила въ голову счастливая мысль, что Сергѣй не повѣритъ взведенной на нее клеветѣ. Какъ можетъ онъ не повѣрить, когда мать его будетъ ему говорить, что Наташа воровка, что Петербургъ, вмѣстѣ съ наруж-

нымъ лоскомъ, опорочилъ ее, развратилъ, низвелъ на степень полнѣйшаго паденія. Такое дѣйствіе шумной, веселой столицы—не новость, сама Наташа знаетъ десятки примѣровъ, когда тихая забитая дѣвочка-подростокъ, привезенная въ Петербургъ господами въ науку, становилась черезъ пять, шесть лѣтъ превосходной модисткою, бѣлошвейкою, цвѣточницею, но въ то же время представляла изъ себя типъ дѣвушки, до которой цивилизація коснулась лишь оборотной стороною, то-есть испортила до мозга костей. Слѣдовательно, для Сергѣя Петровича нисколько не было удивительно, что Наташа могла украсть, — это было обычнымъ явленіемъ.

Такъ думала дѣвушка и страдала невыносимо. Если у нея было теперь какое-нибудь желаніе, то лишь желаніе когда-нибудь и какъ-нибудь оправдать себя передъ Сергѣемъ, и не для того оправдать, чтобы онъ могъ полюбить ее, а лишь для того, чтобы онъ не пересталъ считать ее хорошей, честною дѣвушкой, какою онъ считалъ ее до сихъ поръ. Онъ любилъ кузину свою Вареньку Ушакову, онъ—женихъ ея,—это Наташа знала отъ дворни, и пусть онъ будетъ счастливъ съ этой Варенькой, которую Наташа знала и любила, но пусть онъ не считаетъ и Наташу дурной дѣвушкой.

Быть опять въ дворнѣ Чоглоковыхъ и работать для будущей жены Сергѣя было единственнымъ и страстнымъ желаніемъ для Наташи во время дороги на мѣсто ссылки.

А вотъ и это мѣсто.

Раннимъ утромъ, почти на разсвѣтѣ яснаго морознаго утра, возница Герасимъ, добродушный, но очень апатичный мужикъ, обернулся съ облучка саней и указалъ Василису кнутомъ на синѣющій вдаль пригорокъ.

— Вотъ и „Лужайка“, вотъ и пріѣхали мы,—сказалъ онъ, почему-то вздыхая.

— Гдѣ?—спросила Василиса, задремавши въ утреннемъ холодкѣ.

— А вонъ... Ишь, господскій-то домъ чернѣтъ... Ров-

но гнѣздо воронье, прости Господи... Отвлекательное мѣсто, печальное, не даромъ господи никогда не бывають тутки...

Герасимъ почесаль концомъ кнутовища затылокъ.

— А ужъ управитель, управитель тутки, такъ истинно аспидъ?—добавилъ онъ.

— Слыхала,—съ усмѣшкою замѣтила Василиса.

— Слыхала!.. Ты вотъ слыхала только, а я его знаю...

— Развѣ знаешь?

— А то какъ-же?.. Аль забыла, какъ въ позапрошломъ году меня барыня енаральша на три мѣсяца въ „Дужайки“ послала?.. Прожилъ, милая, три мѣсяца прожилъ... Грѣхъ въ тѣ поры попуталь меня: съ пьяна вотъ коня водовознаго въ проруби утопиль, ну, и послали въ науку къ Адуарду Адуардычу...

— Выучиль?—засмѣялась Василиса.

Герасимъ только крякнулъ.

— Не топишь съ той поры коней?—спросила Василиса.

— Не токмо што, а хмельнаго въ ротъ не беру! Вотъ скажи ты мнѣ и скажи: „выпей, Герасимъ, стаканчикъ“—ни за што не стану!.. Пропади она пропадомъ!..

— Такъ и надо васъ воровъ да пьяницъ учить, — замѣтила Василиса и съ боку поглядѣла на Наташу.

Наташа пытливымъ взглядомъ глядѣла на открывшуюся понораму, словно спрашивала у печальныхъ сосенъ, у хмурыхъ холмовъ, что тутъ за жизнь, что тутъ за народъ?

Будто отвѣчая на ея вопросы, Василиса сказала:

— Да, лють управитель Эдуардъ Эдуардовичъ, а жена его, Паулина Карловна, такъ и вовсе тиранка...

— Кровоопивица!—подтвердилъ Герасимъ и погналъ лошадей.

Эдуардъ Эдуардовичъ давно уже проснулся, сходилъ на скотный дворъ, заглянулъ въ ткацкую, въ шорную, нарядилъ мужиковъ въ лѣсную дачу за порубкою, осмотрѣлъ лошадей и кушалъ съ супругою чай, когда запряженные парю коней пошевни остановились у его флигеля.

— Изъ Москвы? — коротко окликнулъ поставленный у воротъ флигеля сторожъ, въ сѣромъ армякѣ съ зелеными прошивами и кантами. Такой нарядъ носили всѣ сторожа п лѣсники у военного управителя.

— Изъ Москвы, — отвѣтила Василиса.

— Отъ господъ?

— Отъ ея превосходительства генеральши Анфисы Дми-
тріевны...

— Сейчасъ доложу...

— Что-о? — гордо спросила Василиса, приподымаясь въ саняхъ. — Это что еще за доклады такіе?.. Ты ворота-то отпирай, борода, да принимай господскихъ посланцевъ!.. „Доложу!“ Ишь, какой тутъ господинъ живетъ!.. Отпирай ворота, мужикъ, иззябла я...

Сторожъ захлопнулъ щеколду и пошелъ докладывать, не обративъ на наперсницу барыни ни малѣйшаго вниманія.

Какъ ни кипятилась Василиса — ворота открылись не прежде, чѣмъ господинъ управляющій далъ на это свое разрѣшеніе. Принявъ онъ посланницу барыни съ сознаниемъ своего достоинства и садиться Василисѣ не предложилъ.

— Письмо есть отъ ея превосходительства, или словесное приказаніе? — спросилъ онъ.

— Письмо, Эдуардъ Эдуардовичъ, а окромя того, и на словахъ генеральша приказала кое-что передать.

— Давай письмо!..

Василиса, избалованная почетомъ въ господскомъ домѣ, обиженно поджала губы на грубое и высокомерное обращеніе „нѣмчуръ“ и подала письмо. „Эдуардъ Эдуардовичъ! — писала генеральша. — Препровождаю вамъ съ симъ письмомъ дворовую дѣвку Наталью, поведеніе коей оказалось весьма предосудительнымъ, и предписываю вамъ поселить означенную Наталью во ввѣренномъ вашему управленію имѣніи моемъ, имѣть за нею неусыпный надзоръ, но особенно работою ее не обременять и черной работы не давать вовсе. Наталья по ремеслу модистка и вы можете давать ей рабо-

ту, въ дожѣ вашемъ потребную, но отнюдь повторяю, не черную. Что касается до обращенія съ присланною, то предписываю вамъ быть съ нею не весьма жестокимъ, а, впрочемъ, за попытки къ неповиновенію взыскивать строго; особенно-же наблюдать, чтобы она не покусилась къ побѣгу, въ каковомъ намѣреніи ее подозрѣваю. Содержаніе ей давать наравнѣ съ прочими, но поить два раза въ день чаемъ. Одѣть ее въ платье изъ нашей домашней холстинки, дабы она наружнымъ видомъ своимъ отъ прочихъ дѣвушекъ не отличалась и глаза имъ не мозолила. Вполнѣ увѣрена, что исполните мои распоряженія съ полной аккуратностью. Жена генерала-маіора Анфиса Дмитріевна Чоглокова. PS. Послѣ необходимаго для лошадей отдыха, горничную мою Василису, которая сопровождаетъ Наталью, отправьте обратно и снабдите ее письмомъ, въ коемъ извѣстите меня, что Наталья вами принята, а равно и о томъ, какъ она встрѣчена вами и какое мнѣніе вы о ней имѣете“.

— Такъ,—произнесъ управляющій, прочитавъ письмо.— Ну, а что приказала сказать генеральша на словахъ?

— Приказали мнѣ сказать, чтобы вы не позволяли Натальѣ отлучаться изъ дому ни на шагъ и чтобы держали ее строго...

— Такъ, хорошо.

Управляющій досталъ изъ кармана своего пальто, имѣющаго нѣсколько военный видъ, рожокъ и затрубилъ. Горнистскій рожокъ замѣнялъ у г. Рейса колокольчикъ, и вся дворня его превосходно знала сигналы, которыхъ было множество.

Парень въ сѣрой курткѣ съ мѣдными пуговицами моментально появился на звукъ рожка.

— Выдать лошадямъ по два гарнца овса и по десяти фунтовъ сѣна, кучера отвести въ людскую и отпустить ему паекъ, сію женщину отправить въ дѣвичью и тоже отпустить ей паекъ,—отрывисто приказалъ управляющій вытянувшемуся въ струнку парню. — Иди и распорядись, а потомъ придти за этой вотъ...

— Слушаю-сь.

— Маршъ!..

Парень совсѣмъ по-военному повернулся налѣво кругомъ и вышелъ.

— А гдѣ присланная дѣвица Наталья?—спросилъ управляющій у Василисы.

— А вотъ тутъ, въ сѣнцахъ дожидается...

— Позвать!

Въ простенькомъ, но красиво сшитомъ бурнусѣ изъ клѣтчатой матеріи, въ гладкомъ шерстяномъ платьѣ, въ платочкѣ на русой головкѣ, хорошенькая, изящная, немного взволнованная вошла Наташа и поклонилась Рейсу.

— Ого, это есть барышня!—замѣтилъ Рейсъ, окинувъ дѣвушку взглядомъ.

— Ужъ такая-то барышня, что и сказать нельзя!—заговорила Василиса—Она...

— Молчи!—когда съ тобою не говорятъ!—перебилъ Рейсъ.—Да, это есть барышня... Гм... Ну, у насъ барышень здѣсь нѣтъ, а есть работницы и всѣ онѣ одинаковы... Вы... ты, дѣвица должна быть... То-есть я хочу сказать, что вы... то-есть ты...

Рейсъ нахмурился, повелъ усами и быстро досталъ свой рожокъ.

На звукъ съ тройной трелью изъ комнатъ выбѣжала дѣвушка въ полосатомъ холстинковомъ платьѣ и въ передникѣ изъ домашняго холста.

— Отведи эту дѣвицу къ госпожѣ Рейсъ и скажи, что эта дѣвица есть прислана отъ генеральши,—обратился управляющій къ горничной.—Какъ и что—я скажу госпожѣ Рейсъ самъ, а теперь пусть она дастъ сей дѣвицѣ кушать и пусть дастъ чай...

— Стунай!.. Дѣвица Наталья, вотъ она покажетъ дорогу...

Рейсъ кивнулъ головою и указалъ неловкимъ жестомъ дорогу Наташѣ. Нѣмецъ былъ въ затруднительномъ положеніи: никогда еще ему не приходилось имѣть дѣло съ та-

кими дѣвушками, и онъ не зналъ какой тонъ слѣдуетъ ему взять. Превосходно говорившій по-русски, въ затруднительныхъ случаяхъ Рейсъ начиналъ говорить плохо, краснѣлъ, пыхтѣлъ и часто искалъ спасенія въ нарочно вызванномъ гнѣвѣ, маскируя имъ свое затрудненіе. Такъ было и теперь. Едва затворилась за Наташею дверь, какъ онъ накинулся на Василису.

— Нѣтъ можно говорить, когда не спрашиваютъ!.. Ты есть глупая баба и ты должна молчать, если я самъ молчалъ и не говорилъ! Я не допускаю говорить и разговаривать, сто чертей тебѣ на голову!.. Я не хочу и я не могу, доннеръ-веттеръ!.. И ты ступай себѣ въ дѣвичью, и ты очень глупая есть баба!..

Бѣдная фаворитка барыни чуть не заплакала отъ грусти управляющаго и поклялась насолить ему при первой возможности. Блѣдная, съ красными пятнами подъ сверкающими глазами, удалилась Василиса въ дѣвичью и, отказавшись отъ завтрака, легла спать.

Въ это время мадамъ Рейсъ, завѣдующая женской половиной народонаселенія „Лужаекъ“, принимала Наташу.

Нѣмка тоже была поражена видомъ сосланной дѣвушки, но не смутилась, не сконфузилась, какъ самъ господинъ Рейсъ, а пришла въ негодованіе.

— Скажите, какая барышня, какая фрейлина! — говорила она, поворачивая Наташу во всѣ стороны, словно вещь. — У насъ такихъ нѣтъ, у насъ это все долой!..

И она сію-же секунду приказала переодѣть Наташу, наблюдая за переодѣваньемъ сама, и все болѣе и болѣе негодую при видѣ не только приличнаго, но и изящнаго туалета Наташи. Особенно возмутило нѣмку бѣлье дѣвушки, сдѣланное изъ тонкаго полотна съ кружевомъ. Черезъ часъ Наташа была одѣта въ домашнее холстинковое платье, въ косынку и передникъ и была отведена въ коморочку надъ комнатою управляющихъ, гдѣ и поселилась подъ непосредственнымъ надзоромъ госпожи Рейсъ.

IX.

Старинная дружба Чоглоковыхъ съ Ушаковыми въ дни послѣднихъ событій пошла нѣсколько врозь.

Во-первыхъ, генеральша сердилась на Валентину Михайловну за защиту Наташи и рѣзко порицала подругу за то, что она мало возмущена склонностью Сергѣя „къ негодяйкѣ дѣвчонкѣ“, несмотря на то, что Сергѣй слыветъ женихомъ ея дочери и своимъ поведеніемъ какъ-бы оскорбляетъ Ушаковыхъ. Генеральша на эту тему говорила такъ много и убѣдительно, что Валентина Михайловна внутренно соглашалась съ нею, но не могла простить ей ея рѣзкости и дулась, чувствовала себя обиженною; во-вторыхъ, генераль остался не доволенъ поведеніемъ Ушаковыхъ по отношенію къ кражѣ у нихъ вещей. По мнѣнію генерала, кража была совершена людьми Ушаковыхъ и во всякомъ случаѣ Ушаковы не должны были дѣлать изъ этой кражи исторіи, не должны были бросать тѣни на домъ Чоглоковыхъ и имъ слѣдовало не обращать вниманія на эту кражу, разъ въ ней была, такъ или иначе, замѣшана прислуга Чоглоковыхъ, о которыхъ теперь говорятъ, а говоръ этотъ не можетъ быть пріятнымъ.

Генераль даже покричалъ на Бориса Павловича и укорялъ его очень рѣзко.

— Не я, mon cher, не я виновать! — оправдывался Борисъ Павловичъ. — Ты знаешь, что это все она, все моя Валентина... У нея тамъ свой штатъ, свои порядки, и я въ это не вхожу, mon cher, не вхожу...

— Долженъ входить! — рѣзко говорилъ генераль — Ты — Ушаковъ, ты — глава дома и ты отвѣчаешь за все, что идетъ изъ твоего дома... Если меня оскорбятъ въ твоёмъ домѣ, то я поставлю къ барьеру не того, кто меня оскорбитъ, а тебя!...

— О, да, да, да!... Но вѣдь это все безъ меня, безъ моего вѣдома, голубчикъ... моя Валентина развѣ спраши-

ваетъ меня?... Тра-та-та, тра-та-та, нашумѣла, надѣлала — и готово!... Конечно, не надо было давать огласки, конечно...

— Повторяю тебѣ, что за все отвѣчаетъ хозяинъ глава!... Какой-же ты мужчина, если безъ твоего вѣдома все дѣлается у тебя?... Это, государь мой, не оправданіе, это, государь мой, стыдно!...

Борисъ Павловичъ поспѣшно соглашался съ тѣмъ, что это стыдно, просилъ извиненія, каялся, но въ душѣ очень сердился на генерала за его выговоръ и уѣхалъ отъ него, обѣщаясь себѣ никогда больше не бывать.

— Онъ мнѣ пищевареніе испортилъ, — жаловался онъ на генерала въ клубѣ. — Я какъ поссорюсь, какъ поспорю, такъ сейчасъ пищевареніе у меня и плохо, и аппетитъ пропадаетъ!... У Ѳедоровыхъ удивительныхъ рябчиковъ подали, во всей Москвѣ такихъ рябчиковъ нѣтъ, какихъ Ѳедоровскій Гаврило готовитъ, а ѣсть не могъ!... Беру рябчика, а у меня подъ ложечкою болить, — Петръ Чоглоковъ разстроилъ меня!...

И взаимное неудовольствіе дошло до того, что Чоглоковы отказались отъ бала у Ушаковыхъ, который они дѣлали каждый годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ и на которомъ бывала „вся Москва“. Такого отказа никогда еще было: лѣтъ двадцать сряду бывали Чоглоковы на этомъ балѣ.

На этотъ разъ Чоглоковы отговаривались болѣзнью Сергѣя, но Ушаковы хорошо понимали, что тутъ не болѣзнь сына виною, тѣмъ болѣе, что Сергѣю становилось лучше и опасность совершенно миновала. Понимали это Ушаковы и ихъ очень обижалъ отказъ Чоглоковыхъ, такъ что Валентина Михайловна сама пріѣхала звать, и звала очень долго, и плакала. Поплакала и генеральша, а Борисъ Павловичъ всрѣтилъ генерала въ клубѣ и очень жаловался ему, и тоже плакалъ, такъ что не могъ даже ужинать въ этотъ день, а скушалъ только котлету и гурьевской каши.

Чоглоковы рѣшили ѣхать. Рѣшеніе это было пріятно и

генералу, и Анфисѣ Дмитріевнѣ, хотя оба они показывали видъ, что оба дѣлаютъ другъ другу уступку.

— Я ѣду потому, что Валентина Михайловна твоя подруга,—сказалъ генераль, совершенно неожиданно отдавъ въ день бала за своимъ обѣдомъ приказаніе готовить мундиръ и принадлежности бальнаго туалета, но не приглашая жену.

— А я поѣду потому, чтобъ поддержать твои связи съ людьми, которые будутъ у Ушаковыхъ и которые будутъ афранпированы нашимъ отсутствіемъ,—отвѣтила генеральша.

— А готовый туалетъ у тебя есть?

— Я надѣну платье, которое готовила на балъ къ Четвертинскимъ и на которомъ не была по болѣзни Сережи.

— Ну, и отлично. Я радъ, что вы будете тамъ.

— А я рада, что вы не разрываете отношеній съ вашимъ другомъ; мнѣ Ушаковы очень мало интересны.

Супруги Чоглоковы тоже были въ ссорѣ послѣднее время.

Генераль, отдавъ всѣ распоряжки по дому женѣ, требовалъ, чтобы все серьезное, все выдающееся изъ ряда обыкновеннаго было докладываемо ему и вступало въ силу имъ конфирмованное, такъ что ссылку Наташи безъ его вѣдома порицалъ и чуть было не вернулъ сосланную дѣвушку; генеральша-же гнѣвно отстаивала свое право въ дѣлѣ этой ссылки и рѣзко, грубо даже, доказывала мужу, что она должна была такъ поступить, что поведеніе „скверной дѣвчонки“ требовало немедленнаго возмездія.

У супруговъ произошла бурная сцена.

Закутавшись въ шаль, нервно сжимая плечи, скрестивъ на груди руки, спрятанныя подъ шалью, и сверкая глазами, доказывала генеральша свою правоту, сидя у мужа въ кабинетѣ, а генераль, размалывая въ ручной мельницѣ соль,—это было въ часы, которые посвящались гимнастикѣ и упражненіямъ для моціона,—возражалъ ей, вспыхивая и всѣми силами удерживаясь отъ рѣзкостей, но постоянно употребляя ихъ.

— Я, въ силу какихъ-то глупыхъ правилъ, въ силу какихъ-то артикуловъ, пригодныхъ въ казармахъ, но не въ домѣ, должна была ожидать вашего разрѣшенія отослать эту дѣвчонку!— гнѣвно говорила генеральша.— Удивительно!... Вѣдь она развращаетъ нашего сына, поймите это, и я полагаю, что должна немедленно отослать, немедленно!... Я-бы охотно казнила ее, еслибы имѣла право; лишила-бы ее жизни, чтобъ спасти ребенка нашего!...

— А я, ваше превосходительство, полагаю не то,—возражалъ генераль, съ трескомъ повертывая ручку мельницы.— Я полагаю, ваше превосходительство, что вы должны были больше смотрѣть за вашимъ сыномъ, лучше воспитывать его, дабы онъ былъ огражденъ отъ различныхъ случайностей, дабы онъ былъ разборчивъ въ людяхъ... Вотъ что я полагаю... Если вы находите, что онъ дурно сдѣлалъ, увлекшись этой дѣвушкою, то не полагаете-ли вы, что все дурное въ немъ отъ воспитанія?

— Отецъ одинаково вліяетъ на воспитаніе сына.

— Нѣтъ, не одинаково-съ, ваше превосходительство!... Отецъ несетъ государственную службу, отецъ столь-же принадлежитъ семьѣ, сколь и отечеству, даже больше долженъ онъ принадлежать отечеству, чѣмъ семьѣ, да-съ... И ему некогда слѣдить за сыномъ; онъ долженъ лишь внушить ему любовь къ родинѣ, преданность къ Государю Императору и долженъ внушить рыцарскія правила чести, да вотъ развѣ озаботиться, чтобъ онъ былъ твердъ тѣломъ, ибо только въ твердомъ тѣлѣ можетъ быть твердая душа... А все остальное-съ—дѣло матери, да-съ, матери... Мать не о туалетахъ должна думать, не о балахъ, а о воспитаніи дѣтей, да-съ... А наши матери—шлюхи-съ... Извините меня, ваше превосходительство-съ, я — солдатъ и не знаю этихъ этикетовъ вашихъ, люблю говорить правду-съ...

— Если правда должна выражаться въ грубости, то вы всегда говорите только правду, — ядовито замѣтила генеральша.

— Не знаю-съ, можетъ быть... Правда всегда кажется грубою-съ.

— Допустимъ, но что-же вы меня обвиняете въ пристрастїи къ обществу, къ выѣздамъ, а забываете то, что вы сами каждый день въ клубъ, каждый день за картами?

— Отдыхаю-съ, отдыхаю, сударыня... Отдыхаю и учусь. Я много работаю, служу и мнѣ отдыхъ необходимъ, и иначе того необходимо общество людей моего круга... Я вчера въ клубъ съ полковникомъ генеральнаго штаба Морицемъ спорилъ три часа и, благодаря этому спору, выяснилъ себѣ наши дѣла на востокъ, узналъ положеніе нашихъ враговъ и если будетъ война, и если я буду командывать отдѣльнымъ отрядомъ, — я выиграю дѣло!... Да-съ, одна бесѣда съ талантливымъ офицеромъ штаба дастъ мнѣ возможность одержать побѣду... Вотъ зачѣмъ я ѣду въ клубъ, а вистъ даетъ мнѣ отдыхъ, освѣжаетъ мнѣ мысли, успокаиваетъ меня... А такая баба, какъ вы, бываетъ въ обществѣ, чтобъ языкомъ трепать, ибо всѣ такія бабы — трепалки, всѣ трепалки-съ!...

— Вы не въ казармахъ, Петръ Григорьевичъ, и не съ фельдфебелемъ, я попросила-бы васъ быть поразборчивѣе въ своихъ выраженїяхъ...

Генераль такъ завертѣлъ мельницу, что она готова была разлетѣться. Генеральша встала, окинула мужа презрительнымъ взглядомъ и величаво вышла.

Она понимала, что генераль очень взволнованъ и сердить вовсе не на то, что она дурно воспитываетъ сына, что она часто выѣзжаетъ. Она знала, что генераль сердить потому, что не знаетъ, какъ глядѣть на увлеченіе сына Наташею и съ мучительной болью думаетъ надъ этимъ вопросомъ. Такъ это и было.

У генеральши не было никакого вопроса, ни на одну секунду она не задумалась надъ тѣмъ, какъ поступить, и даже не допускала мысли о томъ, чтобы думать надъ этимъ. Въ ея глазахъ увлеченіе сына было-бы шалостью молодого

человѣка; только шалостью, еслибъ не зашло такъ далеко; а разъ оно зашло далеко,—являлось преступленіемъ, и виноватою въ преступленіи была Наташа, ссылка которой являлась и карою за преступленіе, и мѣрою къ пресѣченію дальнѣйшихъ преступленій. Кара была даже недостаточною, по мнѣнію генеральши: Наташа заслуживала болѣе жестокаго наказанія, и она понесла-бы его,—генеральша не пощадила-бы ее, была-бы жестока, если-бъ не страхъ за сына, который помирился, конечно, съ удаленіемъ Наташи и будетъ потомъ благодаренъ матери, но не простилъ-бы ей жестокости съ любимой дѣвушкою. И генеральша была очень довольна собою, одобряла свое поведеніе и насмѣшливо, даже съ негодованіемъ, думала о генералѣ, который, видимо, не знаетъ еще, хорошо-ли она поступила, не рѣшилъ еще этого. Она видѣла это, догадывалась, что это такъ, и въ душѣ очень порицала мужа, особенно послѣ того, какъ подслушала разговоръ его съ Каплинымъ. Каплинъ, конечно, не понялъ сути этого разговора, но генеральша поняла, и въ ней закидало негодованіе.

Она шла какъ-то вечеромъ къ мужу, только что навѣстивъ больного Сергѣя, которому докторъ предписалъ полное спокойствіе и уединеніе.

Генераль кончилъ свои гимнастическія упражненія съ ружьемъ и ходилъ по кабинету, въ ожиданіи ужина. Каплинъ стоялъ у дверей. Въ ту минуту, когда генеральша подходила къ двери кабинета, генераль упомянулъ въ разговорѣ со своимъ вѣрнымъ „Личардой“ имя Наташи.

Генеральша остановилась и прислушалась.

— Каплинъ, ты зналъ дѣвушку Наташу, которую барыня послала въ вотчину?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Какая-же она по твоему?

— Хрупкая и великатная, ваше превосходительство.

— Хрупкая?

— Такъ точно, ваше превосходительство. Ежели ей во-

инскую дисциплину—ей ни за што не выдержать, ваше превосходительство.

— А добрая она?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Почему же ты думаешь?

— Не добрая, ваше превосходительство: всѣхъ лакеевъ отучила отъ себя, никакой ласки они не видали отъ нея.

— Гм... Ты дуракъ, Каплинъ!... Дуракъ ты?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Именно... По-твоему, та дѣвушка не добрая, которая гонить отъ себя нахала-лакея, а по-моему—это-то и хорошая дѣвушка.

— Такъ точно, ваше превосходительство... Она только не добрая, а она хорошая, она честная дѣвушка... Она жалостливая, ваше превосходительство...

Генераль прошелся раза два, насвистывая маршъ.

— А какъ ты думаешь, Каплинъ, всѣ люди у Бога равны?—спросилъ онъ.

— У Бога всѣ равны, ваше превосходительство.

— А у людей?

— У людей особъ статья .. У людей дыциплина, ваше превосходительство... Я передъ своимъ ундерцеромъ стою, ундерцеръ фильфебеля обожаетъ, фильфебель передъ ротнымъ вытягивается, ротнаго командиръ полка можетъ на обахту посадить, а ваше превосходительство можете и командира шпаги лишить... Артикуль такой, ваше превосходительство.

— Артикуль?... Артикуль—хорошая вещь, а вотъ у сердца человѣческаго никакихъ артикуловъ нѣтъ, ничего оно знать не хочетъ... Скажешь ему: „смирно!“, а оно не слушаетъ... Какъ быть-то съ этимъ, Каплинъ?

— Начальство знаетъ, какъ быть, ваше превосходительство.

— Знаетъ?

— Такъ точно.

Генераль посвисталъ и снова было взялъ ружье, но въ

кабинетъ вошла генеральша. Бесѣда съ нею очень взволновала генерала, но не повліяла на теченіе его мыслей, и онъ всю ночь продумалъ надъ вопросомъ о томъ, почему полюбившій Наташу сынъ его не можетъ быть счастливъ?

Такъ и не рѣшилъ этого вопроса генераль, а онъ былъ очень скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ и рѣшеніями этими были довольны всѣ, кто начальствовалъ надъ нимъ и кто былъ ему подчиненъ...

Балы у Ушаковыхъ отличались всегда многолюдствомъ и большимъ весельемъ, чему способствовали широкое гостепріимство и хлѣбосольство гастронома Бориса Павловича, искреннее радушіе Валентины Михайловны и красота Вареньки, которая имѣла множество поклонниковъ и столько-же подругъ, „обожаящихъ“ ее.

Особенно строгаго тона не было на ушаковскихъ балахъ: они отличались непринужденностью. Всѣ чувствовали себя какъ-то особенно хорошо, свободно и потому всѣ охотно ѣхали на балъ, тѣмъ болѣе, что у Ушаковыхъ кормили въ такіе дни лукулловскими ужинами, вина подавались самыя лучшія и музыка была также самая лучшая, а танцами дирижировалъ полякъ Игrevичъ, имѣвшій репутацію лучшаго танцора, талантливаго дирижера и остроумно-веселаго человека.

Балъ открылся „польскимъ“, и Борисъ Павловичъ, чтобы показать особое уваженіе генеральшѣ Чоглоковой, шелъ съ нею въ „польскомъ“ во второй парѣ, а въ первой шелъ Чоглоковъ съ самой почетной гостьей. Это была манифестація, и всѣ гости поняли, что размолвка Чоглоковыхъ съ Ушаковыми не только кончилась, но и укрѣпила старинную дружбу. О размолвкѣ этой всѣ уже знали, какъ знали и о томъ, что у Чоглоковыхъ произошла „исторія“, главные роли въ которой выпали на долю Сергѣя и какой-то „особенной“ дѣвушки изъ крѣпостныхъ. Къ были примѣшали достаточное количество небылицъ, и „исторія“ была сильно

раздута, ея всё очень интересовались, и генеральша была сейчас-же атакована дамами, которыя принялись выпытывать правду и очень огорчились, когда увидали, что генеральша ничего не скажетъ и сказать не желаетъ.

Варенька сторала нетерпѣніемъ узнать что-нибудь о Сергѣѣ, но боялась спросить о немъ у Анфисы Дмитріевны, которой вообще всё побаивались. Варенька подошла къ генеральшѣ, ласкалась къ ней, лукаво заводила разговоръ, чтобы подойти такимъ образомъ къ интересующему ее предмету, но генеральша величаво ласкала Вареньку, мило улыбалась ей, но на маневры дѣвушки не поддавалась и о Сергѣѣ не говорила.

Варенька тогда рѣшила, что надо спросить прямо, что нечего ей бояться, что она должна знать о Сергѣѣ. Ей почему-то никто не говорилъ о немъ. Отецъ ничего не зналъ, а мать „шугнула“ ее. Спрашивала Варенька у Скосырева, съ которымъ танцевала первую кадрили и которому общала мазурку, но Скосыревъ ничего не могъ сказать.

— Ничего не знаю, Варвара Борисовна, ничего!—отвѣтилъ онъ.—Я нѣсколько разъ ѣздилъ навѣстить Сергѣя, но меня не приняли; говорятъ, что къ Сергѣю запрещено пускать кого-бы то ни было, что это ему вредно, а отъ прислуги я слышалъ, что ему лучше.

И вотъ Варенька рѣшилась спросить у генеральши, считая вопросъ почему-то неприличнымъ, безтактнымъ, неловкимъ. Она точно въ холодную воду бросилась, задавая этотъ вопросъ. Ей самой пришло въ голову это сравненіе, и она даже плечиками повела, поежилась, какъ бывало лѣтомъ, когда и хочется войти въ купальню, и страшно. Надо тогда рѣшиться, смѣло встать на перила и сразу броситься, а то ни за что не сойдешь...

— Анфиса Дмитріевна, а Сережа не могъ быть сегодня у насъ?—спросила Варенька и вся вспыхнула, кровь такъ и бросилась ей въ голову.

Генеральша замѣтила волненіе Вареньки и захотѣла ее

помучить. Она сердилась на эту хорошенькую дѣвушку, которая не могла удержать около себя ея сына. Удержи она, будь у ней побольше ума и женскаго такта—Сергѣй никогда бы не увлекся „дрянью“, не былъ-бы боленъ, не было-бы ничего того, что принесло такъ много горя...

— Что ты говоришь, Варенька?—переспросила генеральша, хотя отлично слышала вопросъ.

Снова приходилось „бросаться въ воду“.

— Сережа не могъ быть у насъ сегодня?..

— Не могъ, мой дружокъ, не могъ...

Варенька подумала, что генеральша будетъ говорить о ходѣ его болѣзни, но генеральша ни слова.

— Онъ боленъ? — съ большимъ трудомъ спросила Варенька.

— А ты слышала о его болѣзни?..

— Да... то есть я думаю, что онъ боленъ...

— Но ты не слыхала? Не говорили тебѣ?

— Н... нѣтъ... то-есть говорили, но какъ-то такъ... то-есть я подробностей не знаю...

— Какихъ подробностей?

„Господи, какъ она мучаетъ меня!“ — подумала Варенька.

— То-есть подробностей его болѣзни... ему теперь лучше?

— Да, теперь ему лучше.

— Лучше?... Я могу завтра съ маман навѣстить его?

— Нѣтъ, моя милочка, не можешь.

— Почему?

— Потому, что его волнуетъ очень всякое новое лицо, — ему предписанъ полный покой.

Варенька встала и отошла.

— Вздоръ, вздоръ это! — шептала она, усѣвшись въ уголокъ за деревьями померанцевъ. — Онъ радъ будетъ, онъ хочетъ говорить со мною, онъ радъ будетъ и выздоровѣть, я знаю его... я хочу его навѣстить, хочу!...

Вся розовая, въ своемъ розовомъ туалетѣ и съ розовымъ личикомъ, взволнованная, хорошенькая какъ никогда, подо-

шла Варенька къ Скосыреву и отвела его въ уголокъ подъ померанцы.

— Владимиръ Ивановичъ, я хочу требовать отъ васъ одной большой услуги,—сказала она, тяжело дыша и усиленно обмахиваясь вѣеромъ.

— Услуги?—сверкнулъ своими цыганскими глазами Скосыревъ.—Вы говорите съ такимъ увлеченіемъ и жаромъ, что услуга, вѣроятно, выходитъ изъ предѣловъ возможнаго... не пошле-те-ли вы меня сейчасъ достать тѣхъ помадныхъ конфетъ, которыя вы такъ любите?... Кондитерская заперта, но я возьму ее приступомъ...

— Оставьте ваши шутки, мосье Скосыревъ!... Я — не ребенокъ, меня этотъ тонъ оскорбляетъ...

— Ахъ, простите, но, право, я искренно говорю... у меня только и просятъ такихъ чрезвычайныхъ услугъ. Мужчинамъ я служу секундантомъ и похищаю для нихъ невѣсть, а дамамъ достаю...

— Перестаньте!... Моя просьба очень большая и очень серьезная...

— Преклоняюсь передъ серьезностью и жду приказаній,—поклонился Скосыревъ.

— Я хочу сегодня навѣстить Сергѣя Чоглокова, непременно хочу, во что-бы то ни стало хочу и прошу васъ проводить меня, прошу отвезти къ нему...

Скосыревъ взглянулъ на Вареньку съ удивленіемъ, а она еще съ большей настойчивостью повторила свою просьбу...

Х.

Варенька была такъ хороша въ эту минуту и такъ усердно просила, что Скосыреву стало жаль ее, захотѣлось исполнить ея просьбу.

— Послушайте, Варвара Борисовна,—сказалъ Скосыревъ,—я, конечно, исполню каждое ваше желаніе, хотя-бы

мнѣ для этого пришлось рискнуть жизнью, но это ваше желаніе я затрудняюсь исполнить.

— Почему?—спросила Варенька.

— Ахъ, Варвара Борисовна, да вѣдь это-же какое-то „похожденіе“ будетъ и мнѣ, какъ участнику этого похожденія, достанется отъ вашей маман ой, ой, какъ!

— Вы боитесь, прославленный герой?

— Потерять расположеніе вашей маман и быть можетъ лишиться права посѣщать вашъ домъ? Очень боюсь, Варвара Борисовна, очень...

— Ничего этого не будетъ!.. Мы съѣздимъ на минуту, а чтобы мое отсутствіе не удивило маман, я скажу ей, что у меня заболѣла голова и что я пойду отдохнуть въ свою комнату... Ну, голубчикъ Скосыревъ, ну, хорошій мой, ну, я умоляю васъ!..

Скосыревъ такъ крутилъ усы, что ему больно было, и все еще не рѣшался.

— Но вѣдь прислуга узнаетъ, вѣдь и у Чоглоковыхъ узнаютъ!—говорилъ онъ.—Вы задумали очень рискованное предпріятіе... Вы должно быть очень влюблены въ моего друга Сергѣя Чоглокова?

— Влюблена?.. Нисколько!.. Я люблю его какъ брата, я жалѣю его, я хочу его утѣшить... Вотъ что, Владиміръ Ивановичъ: если вы не согласитесь проводить меня—я одѣнусь, выйду, найму извозчика, поѣду одна...

Варенька встала.

— О, если рѣшеніе ваше такъ сильно—я готовъ!—сказалъ Скосыревъ, повеселѣвшій отъ словъ Вареньки, что она не влюблена въ Чоглокова.

— Проводите?—радостно оглянулась на него дѣвушка.

— Извольте...

— Вы милый, добрый, хорошій!.. Немного погодя, идите и ждите меня у воротъ.

Варенька порхнула черезъ залъ, какъ птичка, и исчезла за пестрой толпою гостей.

— У васъ есть vis-a-vis для этой кадрили?—подбѣжалъ къ Скосыреву какой-то франтъ.

— Нѣтъ.

— Позвольте просить быть моимъ?

— Нѣтъ.

Франтъ удивился и обидѣлся:

— Почему-же?—спросилъ онъ.

— Потому что у васъ смѣшное лицо.

Скосыревъ, не торопясь, пошелъ къ выходу, обдумывая предстоящее „похожденіе“, а франтъ только ему въ слѣдъ поглядѣлъ и испуганно оглянулся кругомъ—не слыхалъ-ли кто-нибудь дерзости повѣсы-улана.

— Жандармъ!—окликнулъ Скосыревъ гарцующаго у подъѣзда жандарма.

Тотъ подскакалъ.

— Отыщи тутъ лошадей корнета Скосырева и вели кучеру встать вотъ на томъ углу и ждать.

— Слушаю, ваше благородіе!

Жандармъ далъ шенкеля и поскакалъ по ряду экипажей, выкрикивая: „Экипажъ корнета Скосырева-а-а!“

Скосыревъ остался ждать у подъѣзда.

Лихого улана и забавляло предстоящее „похожденіе“, и пугало. Ему очень пріятно было прокатиться съ Варенькою, которая ему очень нравилась, но онъ зналъ, что Ушаковы откажутъ ему отъ дома, а если узнаютъ продѣлку, и въ обществѣ можетъ возникнуть очень некрасивая сплетня. Надо было принять всѣ мѣры, чтобы сохранить въ тайнѣ поѣздку, но сдѣлать это было довольно трудно, такъ какъ прислуга Чоглоковыхъ должна была узнать Вареньку, а если-бы дѣвушка вышла съ закрытымъ лицомъ, замаскированная, то ее врядъ-ли бы пустили къ Сергѣю, или-же сплели-бы исторію совсѣмъ невозможную. Скосыревъ не зналъ объ отношеніяхъ Чоглоковыхъ къ Ушаковымъ, но онъ видѣлъ, что Варенька хочетъ навѣстить Сергѣя тайно, убѣгомъ, и догадывался, что тутъ что-то не ладно, что Варенькѣ нельзя

быть у Сергѣя открыто, а слѣдовательно тайну нужно было сохранить.

Пока Скосыревъ обдумывалъ это, похаживалъ около воротъ и возбуждалъ вниманіе собравшейся поглазѣть на балъ толпы, — Варенька выбѣжала къ нему черезъ заднее крыльцо и окликнула его.

Скосыревъ оглянулся.

Варенька стояла въ коротенькой шубейкѣ, взятой, вѣроятно, у горничной, бальное платье она сняла и одѣла простенькую юбочку, голову покрыла платкомъ, на ногахъ у нея были хорошенькіе сапожки съ мѣхомъ, а на рукахъ сверкали кольца и позвякивали браслеты.

— Вотъ и я!—воскликнула Варенька, весело и оживленно смотря изъ-подъ платка и улыбаясь.— Ыдемъ!

Скосыревъ подаль ей руку и повель.

— Но какъ мы скроемъ васъ отъ прислуги Чоглоковыхъ?—спросилъ онъ.

— Да развѣ прислуга узнаетъ меня въ этомъ костюмѣ, особенно если я вотъ такъ закроюсь платкомъ?—засмѣялась Варенька, спуская платокъ на лицо.

— Да, но вѣдь прислуга и не допустить къ Сергѣю „неизвѣстную дѣвушку“, если онъ боленъ особенно.

— Ахъ, я и не сообразила этого!—воскликнула Варенька, останавливаясь.—Какъ-же намъ быть? Тамъ эта противная, эта страшная Василиса ихняя—ее пичѣмъ не купишь...

— Вотъ то-то и есть... Ужъ не вернуться-ли намъ?..

— Ни за что!.. Мы обдумаемъ дорогою, ѣдемъ!

Варенька побѣжала, увлекая за собою Скосырева.

Сашка, кучеръ Скосырева, ждалъ уже на углу, сдерживая прозябшую лихую пару пристяжкой.

— Куды-съ?—оглянулся онъ на барина, когда Скосыревъ усадилъ Вареньку въ санки и сѣлъ самъ, едва держась на краюшкѣ сидѣнья.

— Къ Чоглоковымъ, на Поварскую!

Сашка пустилъ лошадей во весь духъ.

— Ахъ, какъ это весело такъ шибко ѣхать!—засмѣялась Варенька.

— Но я долженъ васъ держать, а то вы упадете...

Скосыревъ обнялъ Вареньку за талію.

— Точно я похищаю васъ!—улыбнулся онъ, заглядывая въ смѣющееся личико дѣвушки.

— А выходитъ, что я васъ похитила! Ха-ха-ха!.. Вчерашняя институтка похитила улана!.. Это очень, очень смѣшно!.. Но вотъ что, господинъ уланъ, намъ нужно обдумать, какъ намъ попасть къ Сережѣ... Вы ничего не придумали?..

— Увы!..

— Какой-же вы не придумчивый!.. Ха-ха-ха!.. Но я скверная, гадкая, нехорошая!

— Это почему?

— Гадкая!.. Бѣдный Сережа боленъ, страдаетъ, а я шучу, смѣюсь, только-что прыгала на балъ! Я прыгала на балъ, а бѣдная дѣвушка, которую такъ любить Сережа, сидитъ въ заточеніи, мучается!

— А, да вы знаете исторію Сережиной любви!—удивленно воскликнулъ Скосыревъ.

— Да... А вы?

— Знаю, но менѣ васъ: я слыхалъ, что эту дѣвушку посадили куда-то.

— Ее сослали въ дальнюю деревню.

— Вы какъ-же это узнали?

— Не думайте обо мнѣ, какъ о дѣвочкѣ—я все знаю, у меня превосходный штатъ тайной полиціи... Ба, да вѣдь мы пріѣхали, это вотъ Поварская сейчасъ.

— Да.

— Какъ-же мы попадемъ къ Сережѣ, какъ?

— Не знаю.

— Ничего вы не знаете!.. Досадно даже...

— Да вѣдь я никакихъ таинственныхъ предпріятій не имѣлъ и все больше силой, аттакой дѣйствую, приступомъ.

— Во дворъ прикажите?—оглянулся кучеръ, начиная сдерживать лошадей.

Скосыревъ вопросительно взглянулъ на Вареньку.

— Нѣтъ, не надо во дворъ,—отвѣтила она,—скажите, чтобы онъ остановилъ, не доѣзжая до дому, а тамъ-мы подумаемъ, что дѣлать...

— Ничего мы не обдумаемъ, Варвара Борисовна!—сказалъ Скосыревъ, помогая выйти изъ саней Варенькѣ.—Васъ, во всякомъ случаѣ, узнаютъ—и все будетъ извѣстно и Чоглоковымъ, и вашей маман.

— Но что-же дѣлать? Что дѣлать?—капризно спросила Варенька.

— Вернуться.

— Что-о?... Никогда, мосье Скосыревъ!.. Я хлопотала, ѣхала, переодѣвалась, пріѣхала, наконецъ, и должна вернуться? Никогда!

— Но какъ-же быть?

— Какъ быть? А вотъ какъ...

Варенька быстро вошла во дворъ Чоглоковского дома и позвонила у подъѣзда.

— Значить, въ открытую?—засмѣялся Скосыревъ, входя за нею на подъѣздъ.

— Значить.

— За что-же вы меня-то подвергаете гнѣву вашей маман?

— Вернитесь, я одна могу войти?

— Нѣтъ, пусть ужъ будетъ, что будетъ!..

Заспанный лакей отперъ дверь.

— Господъ нѣтъ!—угрюмо проговорилъ онъ.

— А Сергѣй Петровичъ?

— Сергѣй Петровичъ больны...

Скосыревъ отстранилъ лакея и ввелъ Вареньку въ прихожую.

— Поди—доложи, что Сергѣя Петровича желаютъ видѣть Скосыревъ и... И кто?—обратился онъ къ Варенькѣ.

— Дѣвушка отъ Варвары Борисовны Ушаковой...

— Пожалуйте, Владиміръ Ивановичъ, въ залу, а ты подожди тутъ, я дворецкому скажу... Вѣдь къ молодому барину никого не приказано принимать,—сказалъ лакей.

— Ну, ступай... Васъ не узналъ, Варвара Борисовна, этотъ болванъ, но онъ — сонный, а другіе сейчасъ-же узнаютъ...

Но Варенька не слушала Скосырева. Она сбросила шубку и платокъ, отворила дверцу въ какой-то корридоръ и оглянулась на своего спутника.

— Я знаю расположеніе комнатъ и безъ всякаго доклада пойду къ Сережѣ, а вы какъ знаете! — проговорила она и скрылась. Гдѣ то далеко, далеко застучали каблуки ея ботинокъ — и потомъ все стихло.

Скосыревъ сбросилъ шинель, отстегнулъ саблю и тоже направился въ корридоръ, не дожидаясь результатовъ доклада.

Въ шелковомъ голубомъ шлафорѣ, блѣдный, значительно похудѣвшій, лежалъ Сергѣй Чоглоковъ на кровати и читалъ книгу. Комната тонула въ полумракъ и только передній уголь былъ освѣщенъ трепетнымъ свѣтомъ лампы, да у кровати на столикѣ горѣла свѣча подъ абажуромъ. Лакей Сергѣя приготовлялъ у другаго столика какое-то питье.

— Кто тамъ? — окликнулъ Сергѣй, услыхавъ осторожный стукъ въ дверь.

— Можно войти? — слышался взволнованный осторожный голосъ.

— Варенька! — воскликнулъ Сергѣй.

Варенька быстро отворила дверь и вбѣжала въ комнату.

— Милый Сережа, голубчикъ, простите меня, но я должна была васъ видѣть, я не могла!...

Варенька схватила руки Сергѣя наклонилась къ нему и поцѣловала въ лобъ.

— Варенька, милая!.. Но какъ вы попали? Откуда вы?.. У васъ балъ, ночь теперь, почти... Я глазамъ своимъ не вѣрю, Варенька!..

— Ахъ, я рѣшилась!.. Я не могла не поѣхать къ вамъ, Сережа, не могла... Вы больны, у васъ горе, а меня не

отпускають!.. До меня разные слухи доходятъ, я мучаюсь, ну, я поѣхала... Тихонько уѣхала, съ балу, съ Скосыревымъ...

— Варенька, какая-же вы шалунья!.. И какая-же вы милая!—радостно улыбался Сергѣй, цѣлуя руки дѣвушки.— Но вамъ вѣдь достанется за это, вѣдь это же ужасъ что такое!..

— Ахъ, пустяки!..

Варенька схватила стулъ, пододвинула его къ кровати и сѣла.

— Обо мнѣ не думайте, Сережа, забудьте меня и говорите о себѣ... Что вы?.. Вамъ лучше теперь?.. Ну, слава Богу, слава Богу, а то я такъ боялась...

Она оглянулась на лакея, изумленно остановившагося на одномъ мѣстѣ и глупо вытаращившаго глаза.

— Велите ему уѣти, Сережа, — сказала она по-французски.

Лакей былъ отосланъ.

— Теперь я хочу поцѣловать васъ, Сережа... Вы—мой братъ, мой милый, хорошій братъ и другъ: васъ можно поцѣловать...

Варенька наклонилась къ Сергѣю.

— И вы—больной, вы страдаете,—добавила она и поцѣловала Сергѣя.

— Дорогая моя сестра, — глубоко растроганнымъ голосомъ проговорилъ Сергѣй, отвѣчая на поцѣлуй.

— Вы, кажется, плачете?—заглянула ему въ глаза Варенька.—Не надо, вамъ вредно волноваться...

Въ это время дверь отворилась — и вошли Скосыревъ, буфетчикъ Геннадій Ильичъ и Василиса.

Докладывающій о пріѣздѣ Скосырева лакей надѣлалъ переполохъ. Онъ отыскалъ Геннадія Ильича, который игралъ съ Василисой въ дурачки, и доложилъ, что къ молодому барину пришли Скосыревъ и ушаковская дѣвушка. Буфетчикъ, по обязанности, а Василиса, ради любопытства, пошли въ

прихожую и никого не нашли тамъ, только на ларѣ валялись шинель, сабля и женская шубейка. Удивленная и даже испуганная прислуга не знала, что подумать, бросилась на верхъ въ комнату Сергѣя и натолкнулась въ корридорѣ на Скосырева, который заплутался въ потемкахъ и не могъ найти дороги. Это произвело впечатлѣніе на превосходно выдрессированныхъ буфетчика и камеристку, когдаже они увидали Вареньку, — они окончательно изумились и рѣшительно не знали, что дѣлать.

— Ну что вы рты тутъ раскрыли?—прикрикнулъ Скосыревъ.—Маршъ отсюда!

Скосыревъ умѣлъ командовать и репутація его была достаточно извѣстна. Буфетчикъ и Василиса повиновались.

— Маршъ и вы!—обратилась къ Скосыреву Варенька.— Я хочу говорить съ Сережей.

— Дайте мнѣ хоть руку-то ему пожать, Варвара Борисовна. — засмѣялся Скосыревъ.— При томъ же у насъ нѣтъ съ нимъ секретовъ... Ну, братъ, Сергѣй, натворила дѣлъ твоя кузина, какъ-то придется ихъ расхлебывать!.. Такой энергичной и экцентричной барышни я еще не видалъ—огонь просто!..

— Некогда теперь объ этомъ говорить, некогда!—остановила Варенька Скосырева.—Сережа, ты долженъ сказать намъ, что ты думаешь дѣлать, и мы придумаемъ, какъ помочь твоему горю, какъ спасти Наташу... Она гдѣ? Что съ нею?.. Ты очень ее любишь?..

Взволнованная Варенька торопилась, задыхалась, не знала, какъ-бы лучше и производительнѣе употребить драгоцѣнное время и сразу задавала Сергѣю десятки вопросовъ.

— Варенька, теперь вы должны ѣхать домой—это главное,—сказалъ Сергѣй.—Быть можетъ вамъ удастся скрыть вашу поѣздку, а своихъ я заставлю молчать... Скоро мнѣ разрѣшено будетъ и принимать, и выѣзжать, тогда мы все обдумаемъ, а теперь домой, сію минуту домой!.. Я очень боюсь за васъ, Варенька, и боюсь, что намъ навсегда запретятъ видѣться...

— Сережа, не бойтесь!—воскликнула Варенька.—Этотъ визитъ мой принесетъ пользу.

— То-есть?

— Всѣ будутъ думать, что я была у васъ, какъ влюбленная, какъ невѣста, тоскующая о женихѣ... всѣ будутъ думать, что вы мой женихъ, такъ говорите и вы... голубчкѣ, это замаскируетъ ваши отношенія къ Наташѣ, и вы... вы скорѣе добьетесь своей цѣли!.. Я для того и пріѣхала, еля того и устроила все это!..

— Варенька! — нѣжно цѣлуя руку дѣвушки, сказалъ Сергѣй.—Варенька, вы героиня!.. Я не хочу пользоваться вашимъ великодушіемъ... помилуйте, вѣдь это-же скомпрометтируетъ васъ...

— Меня?.. О, я не боюсь этого!.. Если меня полюбитъ хорошій и честный, и умный человѣкъ,—онъ не обратитъ на это вниманія, а за глупаго и пошлаго я не пойду сама... Такъ знайте-же, Сережа, что у васъ есть другъ и будьте совѣмъ, совѣмъ покойны, а я счастлива, что васъ видѣла...

Варенька поцѣловала Сергѣя въ лобъ, сдѣлала Скосыреву знакъ и выпорхнула.

— Милая Василиса, — весело обратилась она къ камеристкѣ генеральши, которая стояла въ корридорѣ,—вы не сердитесь на меня!.. Я не могла не навѣстить моего жениха, а меня не пускали, ну, я тайкомъ и убѣжала... Ха, ха, ха!..

— Ахъ, вы, шалунья-барышня, шалунья!.. — покачала головою Василиса, большая сторонница брака Сергѣя съ Варенькой.—Вѣдь, мамашенька-то очень разсердится на васъ за это...

— Ну, не бѣда, Василиса, ничего... Прощайте пока, ходите получше за моимъ женихомъ...

Варенька надѣла свою шубейку, взяла Скосырева подъ руку, и, провожаемые всѣмъ штатомъ прислуги, неожиданные гости удалились.

XI.

Продѣлку Вареньки узнали раньше, чѣмъ думала Варенька.

Валентина Михайловна, которой Варенька сказала, что ей нездоровится и что она пойдетъ отдохнуть, обезпokoп-лась и приняла это очень близко къ сердцу. Въ городѣ ходила скарлатина, а Варенька всегда отличалась небрежностью къ своему здоровью, выбѣгала на крыльцо кормить голубей въ одномъ платьѣ, ходила гулять въ теплыхъ сапожкахъ, не признавала никакихъ шарфиковъ и косыночекъ, пила холодную воду, постоянно воюя изъ-за этихъ отступленій отъ гигіены съ матерью. Танцуя очень много на балѣ, Варенька могла покушать мороженаго, выпить холодной воды и простудить горло. Эта мысль неотступно преслѣдовала Валентину Михайловну и напрасно думала Варенька, что мать позабудетъ о ней, занятая съ гостями.

Валентина Михайловна не забыла, и лишь только представилась возможность покинуть гостей, какъ она сейчасъ же отправилась въ комнату дочери.

Комнатка освѣщалась одною лампадкою и въ ней былъ полумракъ. Валентина Михайловна такъ и обмерла, когда увидала на кроватиъ расprostepтyю дочь въ ея розовомъ бальномъ платьѣ. Она бросилась къ кроватиъ и увидала, что тутъ не Варенька, а лишь одно ея платье.

Валентина Михайловна оглянулась кругомъ, зажгла отъ лампадки свѣчу и позвонила въ маленькій серебряный колокольчикъ, стоявшій на туалетномъ столѣ.

За дверью въ корридорѣ стояла въ нѣмомъ ужасѣ дѣвушка Вареньки, одна только и знавшая о продѣлкѣ своей барышни шалуньи, но обожаемой до самозабвенія преданной дѣвушкою. Дѣвушка думала, какъ и ея барышня, что Валентина Михайловна очень занята, что ей и въ голову не придетъ навѣстить дочку.

И вдругъ она навѣстила, пришла и видитъ, что дочки нѣтъ...

Для Вареньки не диковина шалости, къ нимъ всѣ привыкли, и сегодняшняя шалость кончится, конечно, тоже ничѣмъ, хотя она и выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, но дѣвущкѣ можетъ достаться сильно...

Второй разъ позвонила Валентина Михайловна, а дѣвушка стояла, какъ приросшая къ мѣсту, и не смѣла войти.

Валентина Михайловна взяла свѣчку и вышла въ корридоръ. Какъ вышла, такъ и столкнулась сейчасъ съ дѣвучкою, и поняла по ея страшно взволнованному лицу, что случилось что-то особенное.

— Гдѣ барышня?—вся вздрогнувъ, спросила Валентина Михайловна и чувствовала, какъ подкашивались у нея ноги, а голова кружилась.

— Онѣ-съ... онѣ-съ больны... То есть ихъ нѣтъ-съ...

Дѣвушка совсѣмъ растерялась и брякнулась барынѣ въ ноги.

— Простите, Христа ради простите, не виновата я!—заплакала она.

— Да говори-же, гдѣ она!—крикнула Валентина Михайловна, хватаясь за стѣну, чтобы не упасть. — Господи, что-же это!... Что-же съ нею?...

— Онѣ... онѣ уѣхали молодого чоглоковского барина навѣстить... Приказали шубку мою дать, платкомъ повязались, платице бальное сняли и поѣхали... Съ бариномъ Скосыревымъ уѣхали, съ Владиміромъ Ивановичемъ... Простите, сударыня, я, не виновата, я не смѣла... не смѣла..

— Охъ, какъ напугала-то меня, глупая!—тяжело вздохнула Валентина Михайловна. — Ступай сюда, дура, не хнычь!...

Валентина Михайловна вернулась въ комнату дочери и сѣла на кресло. Дѣвушка остановилась у дверей, продолжая тихонько всхлипывать.

— Не хнычь, говорю!—прикрикнула опять Валентина

Михайловна.—Слѣдовало-бы тебя выдрать, чтобъ не смѣла ты потакать барышнѣ въ ея шалостяхъ, ну, да Богъ съ тобой, прощаю на сей разъ... Какъ-же это уѣхала Варвара Борисовна? Какъ надумала?... Ты, вѣдь, наперсница ея, ты все знаешь и сейчасъ прикрывать... Больше матери она довѣряетъ тебѣ, востроглазой, потому такая-же вертячка... Я вотъ тебя въ деревню отправлю, коровъ доить!... Какъ-же уѣхала барышня?

— Уѣхали-съ... Приказали раздѣть себя, платьѣ сѣренъ-кое одѣли, шубку мою .. „Я, говорятъ, поѣду Сережу навѣститъ, онъ, говорятъ, боленъ, а я не могу больше терпѣть, онъ, говорятъ, мой женихъ“... Я отговаривать, а онѣ и ротъ мнѣ зажали... „Съ кѣмъ же, говорю, вы поѣдете, барышня?—Съ Владиміромъ, говорятъ, Ивановичемъ, на его лошадахъ. Одѣлись и уѣхали...“

— Почему-же ты мнѣ въ ту-же минуту не доложила?—строга спросила Валентина Михайловна.—Ну, смотри у меня!... Я тебѣ прощаю, но что-бъ это было въ послѣдній разъ... Слышишь?

— Слушаю-съ,—прошептала дѣвушка.

— Да не болтать у меня никому объ этомъ!

— Подъ ножемъ не скажу, сударыня, а не то что... Рази я не понимаю, что...

— Ну, будетъ, безъ разсужденій... Ожидай барышню за воротами, проводи на верхъ и сейчасъ-же мнѣ доложишь.

Валентина Михайловна сошла внизъ. Ей и жутко какъ-то было, и радовалась она.

Страшно было, потому, что изъ поѣздки со Скосыревымъ могла вырости сплетня, а радовалась Валентина Михайловна отъ мысли, что отчаянная поѣздка Вареньки могла повліять на Сергѣя Чоглокова благотворно и помирить его съ Варенькою. Сергѣй долженъ-же былъ понять, какъ любить его Варенька, какая она милая, добрая, хоть и вѣтряная шалуныя.

Валентинѣ Михайловнѣ хотѣлось отдать дочь за Чогло-

кова. Она очень любила Сергѣя и была увѣрена, что онъ составитъ счастье ея дочери. Она боялась лише Анфисы Дмитріевны, боялась ея крутого права, ее сухости, но думала, что Варенька будетъ гарантирована отъ ея неласковаго права какъ любовью Сергѣя, такъ и генераломъ, который не допуститъ жену свою обижать невѣстку. А генераль,— это знала Валентина Михайловна,—уступчивъ лишь въ мелочахъ. Въ дѣлахъ важныхъ онъ самостоятеленъ и непоколебимо твердъ.

Радовалась Валентина Михайловна и за материнскій покой нелюбимой Чоглоковой. Валентина Михайловна была прежде всего мать и отлично понимала всѣ чувства матери, и сочувствовала имъ по добротѣ. Ей хотѣлось навѣрное узнать, что Сергѣй сошелся съ Варенькою, помирился и забудетъ свою мимолетную страсть къ дѣвушкѣ-портнихѣ.

Очень ажитированная, вся отдавшаяся своимъ думамъ, вернулась Валентина Михайловна въ гостинную и извинилась передъ дамами, которыхъ она оставила.

— Ну что ваша миленькая Варенька—спросила у нея одна изъ дамъ, хорошенькая и вѣжливая Полозова.—Конечно пустяки какіе-нибудь? Затянулась въ корсетъ чрезъ мѣру и почувствовала дурноту?

— Да...

„Очень тебѣ нужно знать?—подумала Валентина Михайловна.—Тебѣ-бы только порхать да поклонниковъ кучу, а у меня сердце не на мѣстѣ“... „Пустяки!“... Пустяковъ у матери нѣтъ, когда дѣло касается ребенка... Это тебѣ, кукушкѣ, пустяки!...

И Валентина Михайловна думала, упорно думала, почти не слушая дамъ, отвѣчая невпопадъ.

— Если дурнота—это пройдетъ, — сказала другая.—Я боялась — не горло-ли заболѣло у Вареньки: скарлатина ходить...

„Очень ты боялась—я думаю!“—пришло въ голову Валентинѣ Михайловнѣ.—„Узнай-ка ты, что Варя съ повѣсой

Скосыревымъ ѣздила ночью — какъ ты пойдешь звонить, какую тѣнь бросишь на дѣвочку!... А сплетня-то хуже скарлатины, отъ сплетни никакой докторъ не спасетъ...

— Однако, вы очень озабочены, Валентина Михайловна, — заговорила третья. Не очень-ли дурно Варенькѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ не простудилась-бы она — холодно сегодня...

— Гдѣ-то есть не простудилась-бы?

— Что?... То есть не то!... Не то я говорю... Это я такъ.

„Сороки!“ — сердито подумала Валентина Михайловна. Стрекочуть тутъ, а у меня на сердцѣ кошки скребутся...

Она кое-какъ совладѣла съ собою и принялась поддерживать разговоръ, но каждую минуту поглядывала на дверь и ожидала появленія горничной Вареньки. Та наконецъ появилась за портьерою и сдѣлала барынѣ знакъ.

— Pardon, mesdames, я сію минуту, — сказала Валентина Михайловна.

— Къ Варенькѣ вы? — сказала Полозова. Я тоже навѣщу ее, chere Валентина Михайловна!...

„Какъ такъ не навѣстити! — подумала Валентина Михайловна и сказала, что это неудобно, что Варенька раздѣта, у ней находится отецъ.

— Не беспокойтесь душечка, — добавила она, — Варя сейчасъ придетъ, пустяки у ней, зачѣмъ вамъ такое роскошное платье по антресолямъ пачкать да мять...

Варенька быстро одѣвала свое бальное платье, когда вошла Валентина Михайловна.

Розовое личико Вари сіяло удовольствіемъ и разгорѣлось отъ мороза, глаза сверкали, прическа немного сбилась отъ платка, но вся она дышала такой красотой молодости и силы, была такъ безмятежно счастлива и дѣтски радостна, что притворившейся очень гнѣвною Валентинѣ Михайловнѣ сдѣлалось хорошо, хорошо, а закравшаяся было мысль о могущей быть шалости съ „повѣсой“ Скосыревымъ моментально покинула ее.

„Никакой повѣса, никакой негодяй не посмѣетъ и подумать дурно при этомъ ангелѣ!... подумала Валентина Михайловна и, сдѣлавъ строгое лицо, подошла къ дочери.

— Ты гдѣ это была?—спросила Валентина Михайловна.

Горничная не посмѣла сказать своей любимцѣ барышнѣ, что матери все извѣстно, и Варенька принялась лгать самымъ натуральнымъ образомъ:

— Ахъ, мама, я такъ много танцевала, что мнѣ дурно, сдѣлалось и я прилегла, раздѣлась... теперь ничего, мамочка, я сейчасъ выйду...

Валентина Михайловна взяла дочь за руку, дотронулась до щеки.

— А почему это руки у тебя, какъ льдины? Щеки почему холодны?

— А я мамочка,—прости меня,—не надолго выбѣжала въ сѣни... Освѣжилась, мамочка...

— А это что?... Это!

Валентина Михайловна подняла съ полу брошенную шубейку, запачканные снѣгомъ сапожки.

— Это?... А я одѣла, мамочка Настину шубку и мои сапожки... Я, мамочка, солгала тебѣ: я не въ сѣняхъ была, а на дворѣ... прости, милая...

— У Сергѣя Чоглокова ты была, безстыдница, вотъ глѣ!...

Варенька уронила лифъ своего бальнаго платья и широко, широко раскрыла глаза.

— Мамочка, какъ же ты узнала это?!—воскликнула она.

— А ты съ кѣмъ ѣздила?... Со Скосыревымъ, съ первымъ повѣсою, съ негодяемъ!... Онъ вотъ вернулся да всѣмъ въ залѣ и рассказываетъ, что ѣздилъ съ Варварой Ушаковою на свиданіе...

— Мама, это—вздоръ!... Я, во-первыхъ, не ѣздила на свиданіе, а во-вторыхъ Скосыревъ никогда, никогда не скажетъ!...

Варенька повернулась къ Настѣ, которая вошла и принялась помогать одѣваться барышнѣ.

— Это ты, Настя, предала меня?... А я еще тебѣ кофточку бархатную подарила и бирюзовое колечко!...

Валентина Михайловна едва удержалась отъ улыбки. Гнѣвъ ея совсѣмъ прошелъ, но тѣмъ не менѣе она сочла за необходимое очень строго отнестись къ дочери и сдѣлала ей выговоръ. Валентина Михайловна очень любила читать длинныя и трогательныя нотаци, но чѣмъ больше она старалась быть краснорѣчивою и убѣдительною, тѣмъ не менѣе удавалось ей это. Сознавая это, Валентина Михайловна начинала сердиться, размахивала руками, краснѣла и этимъ всего болѣе вліяла на того, кому она дѣлала выговоръ. Такъ было и теперь. Пока Валентина Михайловна разсыпала цвѣты краснорѣчія, Варенька притворялась очень виновною, очень разстроганною, но едва, едва удерживалась отъ смѣха, вспоминая свою повѣдку; когда же Валентина Михайловна покраснѣла отъ волненія и стала говорить обидныя и злыя слова, не заботясь уже о краснорѣчіи,—Варенька заплакала: ей стало стыдно и жалъ мать.

— Ну, ужъ не хнычь!—остановила ее Валентина Михайловна.—Какъ съ заплаканными глазами-то внизъ пойдешь? Ни вѣсть что подумаютъ... Перестань-же, прощаю...

Валентинъ Михайловичъ хотѣлось простить и Скосырева.

— Этого вотъ повѣсу, Скосырева Владиміра, надо теперь изъ дому гнать, навсегда ему надо отказать да еще и полковнику ихнему написать, чтобъ запретить повѣсничать, чтобъ увезъ изъ Москвы-то...

— Мамочка простите и Скосырева!—бросилась Варенька къ матери.—Онъ не виноватъ, честное слово не виноватъ: вѣдь я же приказала ему... Мамочка, простите его...

— Хорошо, хорошо, прощу ужъ и его!—махнула рукою Валентина Михайловна.—И говорить ему ничего не буду, и вида не покажу, будто не знаю ничего... Откажи, ему повѣсь, отъ дому—онъ вездѣ будетъ звонить, что съ Варварой Ушаковой ночью кататься ѣздилъ... Иди-же, Варя, внизъ, пора... Никому не смѣй говорить ни слова...

Валентина Михайловна съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала удобной минуты, въ которую можно-бы было сообщить о продѣлкѣ Вареньки генеральшѣ Чоглоковой. Ей хотѣлось и предупредить Чоглокову объ этомъ, чтобъ она не узнала о поѣздкѣ Вареньки отъ кого-нибудь другаго и не подумала, что Валентина Михайловна желаетъ скрыть эту поѣздку. Хотѣлось и обрадовать генеральшу, какъ мать. Въ поѣздкѣ Вареньки Валентина Михайловна видѣла добрый знакъ, видѣла предвѣстницу полного мира между молодыми людьми, предвѣстницу свадьбы.

Удобная минута нашлась передъ ужиномъ, когда гости задвигались изъ комнаты въ комнату и кружки въ гостинныхъ разбились.

Валентина Михайловна подошла къ Чоглоковой, которая все время была занята съ очень важной старухой княгиней Г. и только передъ ужиномъ освободилась отъ нея.

— Варвара-то моя какой фортель выкинула—ужасъ!—начала Валентина Михайловна.

— А что? Она прихворнула, я слышала, и оставила балъ, но теперь ей лучше, она здѣсь уже...

— Какое тамъ прихворнула, та chere!

Валентина Михайловна остановилась на минуту и медленно, выразительно проговорила:

— Къ твоему Сергѣю ѣздила?

— Какъ къ Сергѣю? Когда?

— А вотъ теперь, съ бала.

— Да что ты? Быть этого не можетъ!

— У теперешней молодежи, та chere, все можетъ быть! Отчаянные какіе-то всѣ, отпѣтые!... Сгорала, видишь ты, нетерпѣніемъ увидать Сережу, а я запрещала, такъ она взяла Скосырева да съ нимъ и умчалась, и видѣла Сергѣя, и миръ у нихъ тамъ произошелъ.

Валентина Михайловна ничего не слыхала о мирѣ, она даже отъ волненія забыла спросить у дочери о какихъ-бы то ни было подробностяхъ свиданія, но она была увѣрена,

что миръ произошелъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ „радовала“ теперь Чоглокову этимъ извѣстіемъ.

— Да это прелюбопытно, Валентина!—воскликнула генеральша, сильно заинтересованная. — Ты должна мнѣ рассказать это подробно. Пойдемъ вотъ сюда, тутъ намъ не помѣшаютъ.

Генеральша взяла Валентину Михайловну подъ руку и отвела ее въ уголокъ маленькой гостинной за трельяжъ изъ плюща.

— Ну, ну, говори, та сhere, говори!

— Ъздила... Я ей сейчасъ такую головомоюку задала, что она до обморока плакала... Я вѣдь строга съ нею, я ей потачки не даю, ну, и покричала на нее, до слезъ довела, а въ душѣ то рада... Помилуй, та сhere, вѣдь это значить, всѣ эти романы у Сергѣя кончатся!

— Что-же они говорили? Какъ принялъ ее Сережа?

— Да ужь я не знаю тамъ подробностей, но счастливы оба до безконечности. Дай-ка Богъ, Фисочка, чтобъ все кончилось благополучно. По-моему, бракъ твоего Сергѣя съ Варенькою—прекрасное дѣло.

— А особенно теперь,—сказала генеральша.—Ты такъ меня заинтересовала своимъ извѣстіемъ, что я сгораю отъ нетерпѣнія и сію-бы минуту поѣхала домой!... Ахъ, Валентина, ты не можешь себѣ представить, какъ я страдаю отъ этого возмутительнаго случая, отъ этого глупаго, но ужаснаго романа съ этой негодной дѣвчонкою!... Я-бы полжизни отдала, чтобъ заставить Сережу забыть эту дрянь!...

— Да забудетъ теперь, непременно забудетъ... Было мимолетное увлеченіе мальчика и пройдетъ...

Генеральша была такъ взволнована, что сію же минуту послѣ ужина уѣхала домой, не дожидаясь генерала, который оканчивалъ пульту.

Сережа спалъ, когда мать вошла его навѣстить. Осторожно ступая по мягкому ковру мягкими туфлями, подошла генеральша къ кровати сына и долго, долго смотрѣла на

него. Крѣпко спалъ Сергѣй сномъ выздоравливающаго больного. На щекахъ его игралъ румянецъ, грудь ровно подымалась отъ мѣрнаго дыханія, на губахъ чуть-чуть скользила улыбка. Онъ повернулъ немного голову и что-то прошепталъ.

Мать наклонилась къ нему, затаила дыханіе и прислушалась. Губы спящаго едва шевелились, ни единого слова нельзя было разобрать изъ его сонной рѣчи, но матери показалось, что онъ произносить не ненавистное ей имя, а что-то другое, что пріятное для матери.

— Господи, спаси его!—прошептала мать.—Избавь его, Господи, отъ искушенія, отъ соблазновъ, отъ лукаваго!... Сохрани его, Господи, чистымъ и непорочнымъ, пусть счастье и радость внесетъ онъ въ сердце матери, подъ которымъ я носила его!...

Генеральша благословила сына и тихонько вышла изъ его комнаты.

На другой день Сергѣю стало лучше, и докторъ разрѣшилъ ему принимать знакомыхъ и не надолго вставать съ постели.

— Вы помирились съ Варенькою?—спросила генеральша Сергѣя въ первую минуту свиданія въ этотъ день.

— Да, мама.

— И опять съ нею—женихъ и невѣста?...

— Да...

Сергѣй съ трудомъ произнесъ это „да“, но мать приписала это его слабости и ушла счастливой...

ХІІ.

Странную смѣсь разнорѣчивыхъ мнѣній можно было встрѣтить въ обществѣ начала пятидесятихъ годовъ о назначеніи челоувѣка вообще и о назначеніи дворянина въ частности.

Въ то время, когда люди этой знаменательной эпохи

громко уже проповѣдовали и печатно и устно о назначеніи чловѣка—работать на благо общее и давали тонъ своими проповѣдями интеллигентнымъ кружкамъ, въ то время, когда дворянству отводилась блестящая роль — при поднятіи уровня народа въ его духовномъ и матеріальномъ развитіи, о каковой роли заботилось и само правительство съ государемъ во главѣ,—множество людей съ громкими именами, съ блестящимъ образованіемъ, а за ними еще большее множество прислужниковъ и прихлебателей, яростно хлопотало о томъ, чтобы задержать развитіе историческаго роста Россіи и забить то „окно въ Европу“, которое съ такими трудами и энергіей прорубилъ Петръ. Эта часть общества горячо нападала на введеніе народныхъ училищъ, которые вводило правительство среди государственныхъ крестьянъ и къ открытію которыхъ поощряло помѣщиковъ. Эта часть общества не желала никакихъ реформъ и заимствованій отъ Запада, высокоумно и ошибочно полагая, что Россія не нуждается въ такихъ заимствованіяхъ, что она „шапками закидаетъ“ врага, если это понадобится, и, только благодаря токому ложно-патріотическому взгляду, палъ потомъ Севастополь, несмотря на безпримѣрную по геройству защиту, несмотря на геній и доблесть такихъ людей, какъ Нахимовъ, Корниловъ, Тотлебенъ и проч. Эта часть тогдашняго общества не хотѣла признавать никакихъ правъ въ чловѣкѣ простаго званія и рекомендовала дворянству не заботу о меньшихъ братьяхъ, какъ того желало правительство и лучшіе люди и къ каковой дѣятельности призывается дворянство нынѣ, а желало, чтобъ чловѣкъ изъ этого передоваго сословія отличался внѣшностью отъ народа и этимъ не сблизался съ нимъ, игнорируя его, пользуясь его трудами и считая за какую-то особенную касту, достойную лишь полного презрѣнія.

Такая рознь бываетъ во всѣ эпохи и свойственна всѣмъ государствамъ, всѣмъ обществамъ, но никогда и нигдѣ эта рознь не сказывалась такъ рѣзко, какъ въ русскомъ обще-

ствѣ въ эпоху, предшествующую Крымской войнѣ и наступившимъ за нею реформамъ.

Рознь эта сказывалась не только въ дѣлахъ политики внѣшней и внутренней. не только въ печати и обществѣ, но и въ семьяхъ.

Такая рознь воцарилась въ домѣ Чоглоковыхъ, при чемъ семья этого дома, состоящая изъ трехъ человекъ, составляла и три отдѣльныхъ партій. Генераль Чоглоковъ и всѣ его приближенные, отъ домашняго секретаря Оедора Оедоровича Пальмирова да Каплина, были „умѣренными либералами“. Генеральша, съ ея штатомъ приживалокъ, компаніонкъ и съ Василисою, была на сторонѣ той части общества, которое горячо поклонялось старинному, умирающему культу, а Сергѣй, съ пыломъ юноши, вкусившаго плодовъ отъ гуманной проповѣди лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, былъ поклонникомъ всего того, что носило на себѣ печать новыхъ вѣяній...

Разладъ былъ неизбеженъ при такихъ условіяхъ и онъ начиналъ „сказываться“ далеко раньше исторіи съ Наташею. Послѣ этой „исторіи“ разладъ дошелъ до кульминаціонной точки—и катастрофа въ семьѣ была неизбежна; ее не остановила сыновняя любовь Сергѣя и страстная материнская любовь генеральши.

Настоящій разладъ начался собственно съ того дня, когда Сергѣй объявилъ матери послѣ посѣщенія Вареньки, что онъ помирился съ Варенькою, что онъ снова ея женихъ.

Въ натурѣ Сергѣя не могла ужиться ложь вообще, а ложь передъ матерью мучила его, убивала, заставляла краснѣть и Сергѣй проклиналъ себя за безхарактерность. А не лгать было невозможно: откровенность убила-бы мать, посѣяла-бы между сыномъ и матерью вражду, невыносимую при совмѣстномъ сожителствѣ, а кромѣ того навлекла-бы множество бѣдъ на Наташу.

Сергѣй, какъ только поправился, какъ только ему разрешено было выходить изъ комнаты, отправился къ отцу,

въ отсутствіе генеральши, и объявилъ ему, что миръ съ Ушаковою — вымыселъ для успокоенія матери, и что онъ, Сергѣй, никогда на Ушаковой не женится.

— Почему?—отрывисто спросилъ генераль, стараясь не глядѣть на сына.—Почему? Молодъ? Хочешь учиться? Если такъ то похвально... Женитьба не уйдетъ...

— Да, папа, я нахожу, что мнѣ рано жениться,—отвѣтилъ Сергѣй.—Это во-первыхъ, папа, а во-вторыхъ...

Сергѣй замолчалъ. Онъ долго приготовлялся къ объясненію съ отцемъ и когда пошелъ въ кабинетъ, то чувствовалъ себя совершенно готовымъ къ этому объясненію, но теперь рѣшительность его поколебалась.

Онъ очень любилъ отца, очень уважалъ, онъ съ нимъ былъ всегда очень откровененъ, но ему стало какъ-то неловко говорить съ нимъ о любви къ Наташѣ. Тутъ играло роль не столько положеніе любимой дѣвушки, сколько то цѣломудренное чувство очень молодого и совсѣмъ неиспорченного человѣка, которое всегда заставляетъ краснѣть и ощущать неловкость при разговорѣ о любви съ отцомъ.

Генераль мелькомъ взглянулъ на сына и проговорилъ:

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, папа, то, что я... что я люблю уже... Я другую люблю...

Генераль прошелся по комнатѣ, остановился у окна и забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Кто-же она, эта другая?—спросилъ онъ.

— Ты знаешь, отецъ... Зачѣмъ ты это спрашиваешь? Тебѣ, быть можетъ, хочется поставить меня въ неловкое и затруднительное положеніе? Ты напрасно думаешь, это — я скажу и тебѣ, какъ скажу всѣмъ, что я люблю Наташу... Наташу, крѣпостную дѣвушку папан... Папа, я очень-бы хотѣлъ знать твое мнѣніе объ этомъ предметѣ, очень-бы хотѣлъ... Ты, папа, вѣрно смотришь на жизнь, у тебя свѣтлые взгляды.

— Хе, хе, хе!—тихо засмѣялся генераль. — Аттестатъ

выдалъ мнѣ, похвалилъ... Спасибо... Я, бѣдный, думалъ, что я кретинъ, темный дурачекъ.

— Не шути, папа,—серьезно сказалъ Сергѣй. — Я не аттестатъ тебѣ выдаю и не поощряю тебя, а говорю, что я думаю... Скажи, голубчикъ папа, что ты думаешь объ этомъ... вотъ о любви моей къ Наташѣ... Ахъ, папа, это вопросъ всей моей жизни!

— Пустяки,—сурово произнесъ генераль.

— Пустяки?

— Непремѣнно... Я, будучи корнетомъ и имѣя отъ роду лѣтъ девятнадцать, двадцать, стоялъ въ Польшѣ и влюбился тамъ въ дочь шинкаря, въ красавицу еврейку... Гмъ... Я хотѣлъ жениться на ней, увозилъ даже ее и женился-бы, еслибы не вмѣшательство полковаго командира. Командиръ посадилъ меня подъ арестъ, попросилъ мѣстное начальство услатъ шинкаря съ дочкою куда-то въ другой городъ, а потомъ меня перевелъ сюда въ Москву... Застрѣлиться я хотѣлъ, боленъ былъ, а черезъ полгода забылъ все... Мимолетное увлеченіе это, мимолетное увлеченіе...

— А если нѣтъ?—горячо заговорилъ Сергѣй. —Я, отецъ, не увожу Наташу и не собираюсь жениться на ней теперь-же, сейчасъ вотъ... Я хочу испытать и себя, и ее... Да и не объ этомъ я говорю съ тобою: я хочу знать твое мнѣніе объ этомъ... то-есть вотъ о бракѣ съ Наташею... Папа, я увѣренъ, что найду въ тебѣ сочувствіе, увѣренъ, что ты не лишишь эту дѣвушку человѣческаго достоинства потому только, что она имѣла несчастіе родиться отъ крестьянина...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—замахалъ руками генераль.

— Что, папа?

— Ты объ этомъ не говори со мною, не искушай меня...

Генераль подошелъ къ сыну, положилъ ему руки на плечи, приблизилъ свое лицо къ его лицу и заговорилъ быстро, съ волненіемъ, желя быть и убѣдительнымъ, и правымъ, и такимъ, какимъ сынъ хочетъ его видѣть.

— Не лишу я достоинства эту... какъ ее?... Не лишу

я ее человѣческаго достоинства, ибо вѣрую и исповѣдую, что люди у Бога все равны, а умъ, сердце, знаніе облагораживаетъ всякаго, но я противъ неравныхъ браковъ.

— Позволь, отецъ,—сказалъ Сергѣй,—какъ-же это ты говоришь о *неравномъ* бракѣ, когда люди все *равны*? Ты противорѣчишь самъ себѣ.

— Никогда не лови въ спорѣ своего противника на слова, — нахмурившись, замѣтилъ генераль. — Такъ спорятъ только семинаристы, развивающіе свои діалектическія способности. Люди равны, да не равны положенія. Понялъ? Признавай въ послѣднемъ мужиченкѣ чловѣка и знай, что ему не чуждо ничто человѣческое, но ищи себѣ подругу жизни въ своей средѣ. Понялъ?... Что?...

Сергѣй задумчиво поцѣловалъ положенную на плечо руку отца.

— Почему-же это, папа?—спросилъ онъ.

— А потому... Потому что твоя подруга должна быть одинаковыхъ съ тобою взглядовъ, привычекъ, одинаковаго воспитанія... Разладъ безъ этого, разладъ и несчастіе!...

„А ты, папа, женатый на дѣвушкѣ одиноковыхъ съ тобою привычекъ, одинаковаго съ тобою воспитанія, счастливъ? Нѣтъ у васъ разлада?“ — хотѣлось спросить Сергѣю; но онъ не спросилъ, глубоко вздохнулъ и опять поцѣловалъ руку отца.

— Согласенъ?—спросилъ генераль, заглядывая въ глаза сына.

— Не совѣмъ, папа. Но я даю тебѣ слова, что не сдѣлаю никакого рѣшительнаго шага безъ совѣта съ тобою.

— Надѣюсь, надѣюсь!—съ нескрываемою радостью сказалъ генераль и дружески пожалъ руку сына.

— Одно вотъ меня беспокоитъ, папа,—произнесъ Сергѣй.

— Что?

— Компрометтирую Вареньку Ушакову, состоя ея женою и не женившись на ней... Ты знаешь, отецъ, что если бы у меня была сестра и ее-бы кто-нибудь поставилъ

въ такое положеніе, въ какое вотъ я ставлю Вареньку, я вызвалъ-бы его и убилъ, будь онъ первый другъ мой...

Генераль задергалъ усы.

— Да, да!—проговорилъ онъ.—Для отвода глазъ ком-прометтируешь, для отвода глазъ... Не хорошо, не хорошо...

Генераль прошелся по кабинету и, круто обернувшись къ сыну, сказалъ:

— Ну, устрой какъ-нибудь, придумай!... Ты—не ребенокъ и долженъ самъ отвѣчать за свои поступки... Что?... Да, да, обдумай, а теперь до свиданья—мнѣ работать надо.

Генераль дружески кивнулъ сыну головою и сѣлъ за тотъ письменный столъ, на которомъ писалась исторія венгерской компаніи.

Сергѣй вышелъ.

Онъ окончательно рѣшилъ не принимать пока никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и выжидать, обдумать все, но необходимо было извѣстить обо всемъ Наташу, успокоить ее, подать ей вѣсточку о себѣ и узнать, какъ ей живется въ ея ссылкѣ.

Сергѣй сильно тосковалъ объ Наташѣ и полетѣлъ-бы къ ней, но это было невозможно: генеральша, во всякомъ случаѣ, узнала-бы о поѣздкѣ сына и, кромѣ того отъ этого рухнулъ-бы весь придуманный планъ—это дурно-бы отразилось на судьбѣ Наташи.

Необходимо было найти надежнаго и ловкаго, и умнаго человѣка, который умѣлъ-бы доставить Наташѣ письмо и узнать подробности о ея житѣѣ.

Сергѣй рѣшительно затруднялся въ выборѣ такого человѣка. Скосыревъ былъ готовъ на какую угодно услугу, но для этого дѣла „бурнопламенный“ корнетъ не годился: онъ произвелъ-бы разгромъ у нѣмца и натворилъ-бы бѣдъ. Тутъ надо было политика, дипломата.

— Да пошли моего Бабенко!—предложилъ Скосыревъ.

— Хорошъ дипломатъ!—усмѣхнулся Сергѣй.

— Бабенко-то? Мой „Личардо“-то? Да это, братъ,

такая хитрая хохлацкая бестія, что чудо! Ты видалъ, какъ татары ученыхъ медвѣдей заставляютъ представлять мальчишекъ, ворующихъ горохъ? „Гдѣ сухо—на брюхѣ, а гдѣ мокро—на колѣночкахъ“... Вотъ и мой Бабенко таковъ!... Онъ вломится силой, гдѣ нужно, плечомъ дверь высадить, ударомъ кулака быка убьетъ, но этотъ-же мастодонтъ змѣйкой вползетъ, дурачкомъ прикинется и все разузнаетъ!... Умная и преданная шельма и хитрости у него, чисто хохлацкой хитрости множество!... Золото, братъ, а не чело-вѣкъ!... И знаешь, что?...

Скосыревъ засверкалъ глазами и широко улыбнулся, обнаживъ свои бѣлые зубы. Это служило признакомъ, что Скосыревъ или очень радъ, или собирается сдѣлать какую-нибудь шалость.

— И знаешь, что?... Я придумалъ даже планъ: Бабенко придетъ къ этому вашему управляющему, къ этому тюремщику твоей Natalie, наниматься въ работники, въ конюха, въ егеря, или во что хочешь... Его не знаютъ, онъ съумѣетъ все уладить тамъ и передастъ письмо, и вывѣдаетъ все...

Сергѣю понравилась эта мысль Скосырева и онъ попросилъ позвать Бабенко.

„Личарда“ Скосырева явился и, отдуваясь, остановился у дверей, прислонившись спиною къ косяку.

— Пьянъ?—спросилъ Скосыревъ.

— Що-жъ, выпивъ трошки, ваше благородіе...

— „Трошки!“ Не „трошки“, а ведро высосалъ, каналья!

— Тай гдѣ-жъ тамъ ведро?... „Кобчика“ объѣзжавъ, ну, и выпивъ...

— Молчать!... Смирно, руки по швамъ!... Дѣло есть, служба...

Бабенко вытянулся въ струну и выкатилъ глаза.

— Ради стараться, ваше благородіе!—крикнулъ онъ.

Скосыревъ, постоянно перебиваемый и добавляемый Сергѣемъ, рассказалъ Бабенко—въ чемъ дѣло и что отъ него нужно.

— Поняль?—заклучилъ корнетъ, смѣясь одними глазами и увѣренный, что хохоль превосходно понимаетъ.

— Поняль...

— Устроишь?

— Ради стараться, ваше благородіе!

Бабенко осклабился.

— Рекогноцировка, ваше благородіе, — сказалъ онъ. — Развѣдка... Що жъ, само уланское дѣло...

— Но безъ пики, безъ сабли и пѣшкомъ, — улыбнулся Скосыревъ.

— Машкараду устроить, ваше благородіе...

— Какъ?... Ахъ, ты чучело, какія еще слова знаетъ!... Ну, такъ вотъ что: къ утру быть готовымъ! Получишь деньги и маршъ! Одѣнься въ дубленку, шапку барашковую возьми и выдавай себя за отставнаго солдата, да умѣй нѣмца такъ обладать, чтобъ онъ тебя непременно взялъ. Проживи у него недѣлю и потомъ уходи...

— Усе сдѣлаю... А какъ вы, ваше благородіе, безъ меня будете?... Якъ малая дѣтина безъ няни...

— Ну, хорошо, хорошо, не разсуждай!... Убирайся и можешь сегодня пьянствовать, но чтобъ завтра ни въ одномъ глазѣ... Маршъ!

Бабенко повернулся и вышелъ.

На другой день онъ „съ оказіей“, т.-е. съ попутчикомъ изъ рязанскихъ мужиковъ, пріѣзжающихъ въ Москву, выѣхалъ въ путь.

Въ черномъ полушубкѣ, низко подпоясанномъ кушакомъ, въ сѣрой смушковой шапкѣ, въ армякѣ поверхъ полушубка, усатый и гладко стриженный, онъ былъ похожъ на хохла-барышника, которыхъ встрѣтишь на любой конской ярмаркѣ, или на человѣка изъ отставныхъ кавалеристовъ, которыхъ тоже всегда можно видѣть при конныхъ заводахъ или на ярмаркѣ.

Покуривая свою „люльку“, лежалъ Бабенко въ саняхъ и хранилъ упорное молчаніе, къ великому неудовольствію

своего возницы, говорливаго и сообщительнаго мужиченки-рязанца. Мужикъ заговаривалъ съ нимъ и о томъ, и о другомъ, спрашивалъ о цѣли путешествія, но Бабенко сперва давалъ односложные отвѣты, потомъ мычалъ только, не выпуская трубки изъ рта, а затѣмъ молчалъ совсѣмъ.

— Ишь, хохоль проклятый! — проворчалъ мужикъ. — Съ нимъ хрещеный человѣкъ хочетъ по душамъ поговорить, а онъ ровно воды въ ротъ набралъ!... погоди ужь, я-те въ кабацѣ развяжу языкъ-то!

Но Бабенко выпилъ въ кабацѣ стаканъ водки и улегся послѣ этого въ саняхъ спать и спалъ до ближайшаго постоялаго двора, а тамъ опять вышелъ и опять легъ спать.

Такъ путешествовалъ онъ до самой Рязани.

XIII.

При крѣпостномъ правѣ помѣщики-звѣри, помѣщики-тираны были во всякомъ случаѣ печальнымъ исключеніемъ, и отъ такихъ помѣщиковъ съ негодованіемъ отворачивались ихъ-же собратья, а люди, поставленные во главѣ правительственныхныхъ учрежденій, очень строго относились къ такимъ помѣщикамъ и случаи, когда имѣнье жестокаго „господина“ или „госпожи“ брали подъ опеку, были почти столь-же часты, сколь часты случаи жестокостей и притѣсненій. Все лучшее дворянство той эпохи, которое впослѣдствіи горячо сочувствовало Царю-Освободителю и помогало Ему въ трудахъ по великой реформѣ, относилось къ своимъ крѣпостнымъ гуманно, заботилось о нихъ, и выраженіе „отецъ-баринъ“ не даромъ жило въ народѣ. Народъ никогда не лжетъ, не льститъ, и его пословицы, поговорки, опредѣленія, эпитеты—есть истина, изъ которой исторія черпаетъ свои матеріалы. Недаромъ изъ глубокой древности идетъ вѣра въ то, что „гласъ народа — гласъ Бога“, а нашъ

русскій народъ особенно безпристрастенъ въ своихъ опредѣленіяхъ и мѣтокъ въ выраженіяхъ.

Исторически сливаясь съ народомъ, дворянство было близко къ нему, близко было и къ землѣ, на которой „сидитъ“ народъ и которая была дорога помѣщику, которую онъ зналъ, любилъ, въ которую клалъ свои заботы, воздѣлывая ее на ряду съ мужикомъ и руководя этимъ мужикомъ.

Даже самый дурной помѣщикъ не могъ разорять своего мужика, потому уже, что, разоряя его, онъ разорялъ и себя, и о печальныхъ исключеніяхъ говорить не стоитъ,—они, во всякомъ случаѣ, не вреднѣе и не хуже, чѣмъ дикая власть кулака-міроѣда, власть купца Лѣсодралова, который пришелъ на землю съ полчищемъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ и, чуждый этой землѣ, впустилъ въ ея многострадальную грудь свои хищническіе когти...

Выростая среди народа, дворянинъ зналъ его и не могъ не любить, а любя—онъ все дѣлалъ для народа, особенно, если это былъ дворянинъ просвѣщенный, образованный, носившій въ себѣ великія идеи о добрѣ, правдѣ, трудѣ,—идеи, которыя воспитывались въ университетѣ сороковыхъ годовъ, проповѣдывались литературою этихъ годовъ и такими личностями, какъ Грановскій...

Гдѣ было зло—это въ имѣніяхъ, порученныхъ управленію чуждыхъ народу пришельцевъ изъ русскихъ разночинцевъ и нѣмцевъ. Последніе были особенно въ модѣ и особенно вредили крестьянамъ и помѣщикамъ, если послѣдніе довѣряли имъ управленіе вотчинами. Такъ было въ раненбургскомъ имѣнии Чоглоковыхъ — „Лужайкахъ“.

Это было имѣнье опальное, какъ мы говорили, но тѣмъ не менѣе въ немъ было и коренное населеніе—населеніе земледѣльцевъ, выросшихъ по русскимъ правиламъ, вскормленныхъ русскою землею, съ русскими привычками, наклонностями, пріемами, съ русскими вѣрованіями. Управленіе нѣмца, да еще нѣмца-солдата, да еще аракчеевскаго барабанщика, было для нихъ тяжело, а нѣмецъ пользовался ши-

въ рѣчкѣ; но и тѣ, и другіе вернулись къ вечеру съ пустыми руками. Наташинъ и слѣдъ простылъ: нигдѣ не было ничего, что бы могло дать какія-нибудь указанія.

Рейсъ созвалъ всю дворню и приказалъ молчать о побѣгѣ, подѣ страхомъ жестокаго наказанія, а самъ отправился въ городъ къ исправнику, захвативъ ему въ подарокъ гусей, утокъ, домашнихъ полотень и троечную сбрую, только что отдѣланную въ мастерской для самого генерала.

— Черезъ недѣлю эта дѣвчонка будетъ здѣсь, — сказалъ Рейсъ женѣ, усаживаясь въ сани. — Черезъ недѣлю, живая или мертвая. Если она будетъ живая, то все-равно она будетъ мертвая. Побѣгъ есть то, что по дисциплинѣ наказывається безпощадно: ты можешь быть покойна, Паулина...

Это-же, но по-русски, сказалъ онъ и дворнѣ.

Не успѣлъ управитель отѣхать и десяти верстъ, какъ въ усадьбу явился Бабенко, пришедшій изъ Раненбурга пѣшкомъ.

Каждому повому, захожему человѣку дворня „Лужаекъ“ была очень рада, — и Бабенко, который умѣлъ быть и разговорчивымъ, и занятнымъ, приняли очень радушно. Его отвели въ людскую, накормили, поднесли водки; а онъ отвѣтилъ на угощеніе принесенной съ собою баклагою вишневки, настоящей хохлацкой вишневки, которая „бісь е знае, отчего, якъ пекло, жжетъ и у ногахъ усе жиły трогаєтъ“.

— Эхъ, хорошо-бы такого веселаго и компанейскаго человека къ намъ заполучить, да вотъ бѣда, что управитель-то уѣхалъ, — говорила дворня.

— А на долго онъ уѣхалъ? — освѣдомился Бабенко. — Мнѣ не къ спѣху, я подожду...

— Кто-жъ его знаетъ, когда онъ пріѣдетъ? Уѣхалъ въ городъ къ исправнику... У насъ тутъ казусъ одинъ случился, любезный человѣкъ...

— Якій казусъ?

Дворня переглянулась, не рѣшалась рассказывать, въ виду

строгаго приказа, и не желая оставлять въ невѣдѣніи та-кого хорошаго, любезнаго человѣка.

— Что-жъ, ему рассказать можно—онъ не пойдеть, чай, нѣмцу нашему доносить,—сказаль кучерь.

И съ особенной охотою, съ которою нашъ простой чело-вѣкъ рассказываетъ первому встрѣчному каждую сенсационную и секретную новость, началъ:

— Дѣвушка дворовая у насъ сбѣжала, милый человѣкъ...

— Эге!—перебилъ Бабенко. — Стало-быть житье-то у васъ не дюже гарно?

— Житье наше горькое, милый человѣкъ, а все-же по-бѣги бывають рѣдки, почитай и нѣтъ совсѣмъ, особливо съ женской стороны, ну, а тутъ особый такой случай... Дѣ-вушка-то прислана съ барскаго двора, изъ Москвы...

— Эге!

— Да, милый. Дѣвушка эдакая великатная, ровно-бы вотъ барышня. Провинилась она чѣмъ-то передъ барыней,— разное толкуютъ, чѣмъ провинилась-то, — ну, ее барыня и сослала сюда, а она съ непривычки-то затосковала, нѣмкъ нашей наперекоръ пошла и ее было, то-есть дѣвушку эту, наказать хотѣли, а она взяла да и убѣжала...

— Эге!... А какъ звать ту дивчину?

— Натальей звать, милый, Натальей... А что?

— Такъ... У каждого человѣка имя свое есть, ну, и любопытно, какъ ей имя было... Что-жъ, и искать ее негдѣ?

— Да искали, хорошо искали—нѣтъ.

— Въ рѣкѣ, братъ, мѣста много, не скоро найдешь,— замѣтилъ одинъ изъ дворни. — Вотъ ужъ весной найдется, бери ее, суди...

— Такъ она утопла? — спросилъ Бабенко, усиленно за-тягинаясь изъ своей „люльки“ и утопая въ облакъ дыма.

— Извѣстно, утопилась...

— Ты почему знаешь? Видѣлъ ты, что-ли? — спросили у парня прочіе дворовые.

— Видать не видалъ, а только ей быть больше негдѣ...

— Ври не дѣло-то! Вѣгають тоже люди, находятъ пріютъ...

Парень поглядѣлъ на возразившаго, сплюнулъ и покачалъ головою.

— Умный ты человѣкъ, Онисимъ, а дуракъ! — сказалъ онъ.

— Съ чего-бы это дуракъ-то я?

— А съ того съ самого... Находятъ пріютъ... Сморишь тоже!... Ну, убѣги ты, я, вотъ онъ убѣги — дѣло другое. Мы первымъ дѣломъ харчей съ собой возьмемъ, одежка на насъ хоша не купецкая, а все-же теплая, опять-же, вырвись я на слободу — я за ночь-то тридцать верстъ отмахую, ну, а она, Наташа эта, какъ? Чудакъ человѣкъ, вѣдь она — дѣвчонка, да еще и балованая, пѣжная, барышня барышней, выскочила въ одномъ платицѣ, въ башмачкахъ, а на дворѣ вонъ холодъ, снѣгъ — куда-же она пойдетъ? Далеко-ли она дойдетъ? Извѣстное дѣло, дошла до рѣчки, да въ прорубь и погрузилась, душу свою загубимши... Рѣченка глубокая, быстрая, а пониже проруби-то пучина, ну, и унесло... Вотъ погоди, весна придетъ — найдется наша дѣвушка, а раньше не жди...

— Да, Васюкъ-то правду говорить, — согласились кругомъ; а Васюкъ съ достоинствомъ закинулъ ногу на ногу и презрительно взглянулъ на Онисима.

Бабенко слушалъ рассказъ, глядя въ уголъ, и сосредоточенно покуривалъ трубку.

— Вѣрно я говорю, почтенный? Какъ вы скажете? — обратился къ нему Васюкъ.

— Умственно разсудили, — кивнулъ головою Бабенко. — Лѣтъ не замерзла у лѣсѣ, то утопла.

— Не могла замерзнуть, потому лѣсъ по округу во какъ обшарили, нашли-бы.

— А може въ деревнѣ кто пріютилъ?

— Вѣгую-то? И, что вы, почтенный! Тутъ по округѣ

все наши деревни-то, нѣмца нашего знаютъ, и доведись, ежели, такъ на арканѣ бѣлаго предоставлять, потому своя рубашка къ тѣлу ближе.

— То такъ,—согласился Бабенко, выколотилъ золу изъ трубки и взялъ съ вѣшалки свой армякъ и шапку.

— Вы куда-же это, почтенный?—спросили дворовые.

— А до городу.

— Какъ? А управителя-то развѣ не подождете?

— Тай нѣтъ-же.

— Такъ вы-бы отдохнули, ночевали-бы у насъ, а утромъ-бы завтра и пошли.

— Нѣтъ, я вже нонѣ пойду...

Бабенко одѣлся, поблагодарилъ за угощеніе, за ласку и ужинъ и отправился, провожаемый до околицы дворнею.

Въ ближайшей деревнѣ онъ нанялъ подводу до города, а на третьи сутки былъ въ Москвѣ и рапортовалъ своему барину обо всемъ.

Скосыревъ, чуть-ли не первый разъ въ жизни, растерялся и задумался. Когда приходилось дѣйствовать въ открытую, Скосыревъ бросался впередъ, очертилъ голову, и не зналъ никакихъ разсужденій, не думалъ, что выйдетъ изъ этого, не думалъ вообще, дѣйствуя по первому впечатлѣнію порывомъ, и находилъ большое наслажденіе отъ того возбужденнаго, опьяняющаго его состоянія, которое предшествовало такому порыву. „Маршъ, маршъ, въ атаку!“ это было его девизомъ въ жизни, но теперь „въ атаку“ идти не приходилось. Скосыревъ, несмотря на свою легкомысленность, очень хорошо понималъ, что Сергѣю нельзя сказать о томъ, что привезъ Бабенко, что это убійственно повліяетъ на него, только-что оправившагося отъ болѣзни, а что-нибудь придумать онъ не умѣлъ, да и некогда было: Сергѣй ждалъ возвращенія Бабенко съ нетерпѣніемъ и по два, по три раза въ день пріѣзжалъ къ Скосыреву справляться, нѣтъ-ли какіхъ вѣстей отъ Бабенко. Онъ могъ пріѣхать каждую минуту, а Скосыревъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать.

— Поѣду къ Варенькѣ Ушаковой, она придумаетъ!— рѣшилъ корнетъ и позвалъ Бабенко.

— Одѣваться мнѣ, живо, а потомъ убирайся куда-нибудь, не торчи здѣсь...

— Куда прикажете, ваше благородье, убираться?

— Куда хочешь, но чтобъ тебя тутъ не было... Пони-маешь зачѣмъ?

— Щобъ Чоглокову барину на очи не попасть, ваше благородье.

— Э, да ты и въ самомъ дѣлѣ шельма большая!—удивился Скосыревъ.—Да, Бабенко, за этимъ... Барину нельзя сказать правду, а лгать мы съ тобой не умѣемъ...

— Тай можно и лгать, ваше благородье, ежели прикажете...

— Прикажу тебѣ къ чорту убираться и не болтать никому ни слова... Понялъ?

— Такъ точно, ваше благородье!

— Ну, и маршъ!... Людямъ сказать, чтобы они отвѣчали Сергѣю Петровичу, что ты еще не пріѣзжалъ, что тебя дома нѣтъ...

Скосыревъ одѣлся и, сильно озабоченный, огорченный даже и злой, поѣхалъ къ Ушаковымъ, не зная—еще примутъ-ли его и удастся-ли ему поговорить съ Варенькою...

XIV.

Варенька возвращалась съ прогулки, сопровождаемая старушкою родственницею, когда подъѣхалъ Скосыревъ на своей лихой парѣ.

— Ахъ, Владиміръ Ивановичъ, какъ я рада, что вы пріѣхали!—издали еще закричала Варенька, подбѣжала къ лошадямъ, не обращая вниманія на вопли старушки-родственницы, погладила коренника, пристяжку и подала руку выскочившему изъ саней Скосыреву.

— Вы къ намъ обѣдать, Владиміръ Ивановичъ?—спросила она.

— Примутъ ли еще меня?—усмѣхнулся Скосыревъ, кланяясь старушкѣ,

— Со мной-то? Если васъ не примутъ и я не войду... Ха, ха, ха...

Скосырева приняли, но Валентина Михайловна была съ нимъ суха и издали намекала, что такихъ сорванцовъ принимать въ домъ, гдѣ есть молодыя дѣвушки, рискованно.

— Это ты, мамочка, про Владиміра Ивановича намекаешь?—обратилась неугомонная Варенька къ матери.

Та вспыхнула и энергично поправила ленты чепца.

— Ни на кого я не намекаю, вообще говорю... Замѣчательно безтактно ты держишь себя, Варенька, право тебя за дурочку сочтутъ...

— Пусть сочтутъ, мамочка, а только ты не справедлива: такихъ „сорванцовъ“, какъ ты говоришь, опасно принимать въ домъ, гдѣ есть такія молодыя дѣвушки, какъ я, то-есть сорви голова дѣвушки... Ха, ха, ха!..—Онъ-то чѣмъ виновать? Вѣдь я его заставила ѣхать со мною къ Чоглоковымъ, а онъ только повиновался.

— Ты неисправима!—махнула рукою Валентина Михайловна.—Я тебѣ на дняхъ-же возьму злюку-гувернантку, даже и на примѣтъ у меня есть—у Гашкаровыхъ отходитъ англичанка, сушая, говорятъ, вѣдьма...

— Ахъ, мамочка, это занятно!—засмѣялась Варенька.—Она будетъ ставить меня на колѣни и оставлять безъ пирожного, а я такъ люблю его... Кстати, тамап, какое у насъ сегодня пирожное?.. Владиміръ Ивановичъ у насъ обѣдаетъ и его любимое пирожное кремъ...

Валентинѣ Михайловнѣ ничего не осталось больше дѣлать, какъ пригласить Скосырева обѣдать, что она и сдѣлала, а потомъ подумала не много, посидѣла въ гостиной и ушла.

„Пусть ихъ сидятъ,—думала она.—Рѣзвѣ, шалунья, а

ничего, лишняго не позволить и сама за себя постоять... Такія-то сорви-головы лучше тихонь, ихъ не одурочить никакой Скосыревъ"!...

— Я къ вамъ съ очень недобрыми вѣстями, Варвара Борисовна, — заговорилъ Скосыревъ, когда Валентина Михайловна вышла.

— Что такое? — оживилась Варенька еще болѣе и пересѣла ближе къ Скосыреву.

Скосыревъ разсказалъ о принесенныхъ Бабенкою извѣстіяхъ.

— Боже, какое несчастье! — воскликнула Варенька. — Бѣдный, бѣдный Сережа!..

— За него-то вотъ я и боюсь, — озабоченно сказалъ Скосыревъ. — Вѣдь онъ съума сойдетъ, если узнаетъ, застрѣлится.

— Ахъ, сохрани Богъ!..

Варенька прошла по комнатѣ, ломая свои танкіе красивые пальчики.

— Ему не надо говорить, Владиміръ Ивановичъ, не надо!..

— Но вѣдь...

— Погодите, не перебивайте меня... Ему низачто не надо говорить и надо постепенно готовить его, а въ это время вы опять пошлите туда вашего человѣка...

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Быть-можетъ Наташа и не утопилась, быть-можетъ скрылась куда-нибудь, гдѣ-нибудь живетъ... Вашъ человѣкъ долженъ все узнать, все, долженъ перерыть всѣхъ кругомъ, или долженъ подлинно узнать, что Наташа утопилась навѣрное, а мы ужъ подготовимъ какъ-нибудь Сережу...

— Но онъ узнаетъ, Варвара Борисовна, раньше, чѣмъ мы подготовимъ его.

— Какимъ образомъ?

— Да вѣдь дадутъ-же знать Анфисѣ Дмитріевнѣ о пропажѣ Наташи, а тамъ дворня узнаетъ, а тамъ и до Сергѣя дойдетъ...

— Правда, правда!—заволновалась Варенька.

Въ это время въ гостиную вошла старушка-родственница.

— Вы что, *ma tante*,—обратилась къ ней Варенька.

— Какъ, матушка, что? Пришла сидѣть сюда, шарфъ вотъ вязать.

— Ахъ, нѣтъ, *ma tante*, нѣтъ, здѣсь нельзя! У насъ секретъ

— Какъ секреты?.. Какіе же это у дѣвушки могутъ быть секреты съ уланскимъ офицеромъ? Ты, *ma chère*, съ-ума сошла!..

— Секреты, секреты, секреты! Идите, *ma tante*, или я сейчасъ же задушю вашего монса и выпущу на улицу вашу канарейку!.. Ну, *ma tante*, выбирайте—или сидите здѣсь, и я иду губить вашихъ любимцевъ, или идите къ нимъ.

Старушка сплеснула руками и пошла изумленная, несмотря на то, что шалости Варенки ей были извѣстны давно.

— Вотъ что: вы должны увезти Сережу!—рѣшительно обратилась Варенька къ Скосыреву.

— Куда?

— Куда хотите. Гдѣ вашъ полкъ!

— Мой эскадронъ въ Торжокъ.

— Ну, вотъ въ Торжокъ его и увезите. У него есть знакомые офицеры вашего полка, выдумайте какой-нибудь праздникъ, выдумайте, что хотите, но увезите!

— Онъ не поѣдетъ, Варвара Борисовна, онъ отъ своего университета ни на шагъ. Вы знаете, какой онъ „профессоръ“, онъ никакую уланскую попойку не промѣняетъ на свой университетъ.

— А вы будьте хитры, обольстительны, убѣдительно и устройте, чтобы онъ уѣхалъ... Устройте?

— Ужъ право не знаю... Ахъ, Варвара Борисовна, измучился я съ этой нѣжной исторіей любви, совсѣмъ она не въ моемъ вкусѣ... Я, кажется, поѣду къ этому управляющему нѣмцу, изобью его, изрублю въ котлету, увезу Наташу, если она жива, а если не жива, такъ...

— Такъ что?

— Такъ тоже изрублю тамъ кого-нибудь!.. Я такъ не умѣю, я натискъ люблю, атаку-..

— Вотъ и производите атаку и возьмите Сережу въ плѣнъ. Скосыревъ сверкнулъ глазами и навиль на палецъ правый усъ.

— Хорошо, устрою, но я за все это потребую награды, большой награды.

— Напримѣръ?—прищурилась на него Варенька своими бархатными глазами.

— Вашей руки!

— Я дала слово идти не ниже, какъ за ротмистра, — разсмѣялась Варенька.

— Да?

— Да

— Я буду ждать.

— А если ко мнѣ раньше ротмистръ посватается?

— Я его вызову на дуэль и убью.

— Бѣдные ротмистры, которые ходятъ ко мнѣ свататься!

Тетка Вареньки привела въ гостиную Валентину Михайловну, потомъ пріѣхалъ кто-то изъ гостей, и Варенькѣ не удалось уже болѣе говорить со Скосыревымъ tête-a-tête.

Въ это время, когда Варенька, волнуясь и ажитируясь, придумывала, какъ бы скрыть отъ Сергѣя таинственное исчезновеніи Наташи, онъ уже все зналъ.

Почти вмѣстѣ съ Бабенкою прискакалъ въ Москву страшно напуганный Рейсъ и донесъ генералышѣ о пропажѣ Наташи, откровенно рассказавъ все дѣло. Нѣмецъ чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ своимъ обязанностямъ и употреблялъ всѣ старанія отыскать пропавшую дѣвушку живую или мертвую. Исправникъ энергично помогалъ ему, хорошо одаренный и знающій, что пропавшая принадлежитъ генералу Чо-глокову; но соединенныя усилія полиціи и управляющаго не привели ни къ чему: Наташа какъ въ воду канула.

Навѣрное и канула, рѣшили все. Такъ Рейсъ и донесъ генеральшѣ. Анфиса Дмитріевна хорошо знала, что отъ сына пропажу не скроешь, что дворня, какъ тамъ ни грозила Рейсъ, все узнаетъ, все расскажетъ и все будетъ извѣстно Сергѣю. Сильно озабоченная, напуганная уже недавней болѣзнію сына, она долго думала, какъ поступить, и наконецъ поздно вечеромъ позвала къ себѣ Рейса и сказала ему, что необходимо распустить слухъ о положительной смерти Наташи, чтобы не было сомнѣнія въ этой смерти. „Бѣжала, напримѣръ, и утонула, или утопилась“ — такъ надобно сказать всѣмъ.

— Такъ вы и у себя всемъ говорите, и здѣсь, — приказывала генеральша Рейсу. — Скажите, что тѣло ея найдено земскою полиціей и предано землѣ въ городѣ, куда оно было привезено. Это мнѣ такъ надо.

— Слушаю, — поклонился Рейсъ, очень обрадованный, что его не только не прогнали, а даже не сдѣлали ему и выговора, кромѣ замѣчанія о томъ, что за приговоренными къ наказанію долженъ быть надзоръ.

Анфиса Дмитріевна рѣшила, что Сергѣю будетъ не легче, если онъ узнаетъ только „на половину“, что это еще больше будетъ мучить его, а ужъ лучше „отрѣзать сразу“. Она приметъ мѣры, чтобы Сергѣй не тосковалъ, повезетъ его за границу, будетъ неуспѣшно слѣдить за нимъ — и, конечно, мальчикъ скоро забудетъ свое увлеченіе, а если Наташа потомъ и окажется живою, что весьма все-таки возможно, то тогда уже у Сергѣя „все пройдетъ“.

Долго думала Анфиса Дмитріевна, какъ поступить ей по отношенію къ мужу, и наконецъ рѣшила сказать ему такъ же, какъ и сыну, то-есть что Наташа утонула.

— Какимъ образомъ? — спросилъ генераль и лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ, что всегда бывало отъ сильнаго волненія.

— Утонула, мой другъ... Пошла на рѣчку и утонула...

— Да что-же, купалась она что-ли зимою-то?... Купалась она, — спрашиваю я?

Генераль сильно возвысилъ голосъ.

— Не кричи, Пьеръ: вѣдь люди могутъ слышать. Зачѣмъ ты такъ волнуешься?... Я думаю, что ничего нѣтъ особеннаго, что утонула... Вотъ нынѣ осенью на переправѣ черезъ Москву-рѣку утонуло цѣлое купеческое семейство... Ну, грустно, прискорбно, ну, жаль, но что-же дѣлать?...

Генераль всталъ. Лицо его было багрово-красное. Въ тѣхъ минуты рѣдкаго гнѣва опасались за жизнь генерала: съ нимъ могъ быть ударъ.

— Утопилась она, а не утонула!—крикнулъ онъ.—Утопилась!...

— Что-же ты кричишь? Успокойся,—по-французски заговорила генеральша.—Быть можетъ, и утопилась, я еще не знаю, еще слѣдствіе будетъ...

— И я самъ произведу это слѣдствіе!... слышите? Я самъ произведу!... Я разорю это ваше гнѣздо и отдамъ вашего нѣмца подъ судъ!... Онъ тиранъ, живодеръ; тамъ ужасы у васъ дѣлаются!... Я разорю это гнѣздо, разорю и отдамъ подъ опеку ваше имѣнье это!... Вы—жена Петра Чоглокова, а не Салтычиха!... У васъ тамъ застѣнки какіи-то; у васъ тамъ чортъ знаетъ что...

Голосъ генерала гудѣлъ и трещалъ, разносясь по всему дому и наполняя весь домъ ужасомъ, а въ то же время радуя всѣхъ, кто слышалъ этотъ голосъ. „Генераль генеральшу пробираетъ“, говорила дворня и радовалась, и знала что послѣ этого будетъ долго миръ и тишина.

Анфиса Дмитріевна успокоила генерала и сказала ему всю правду.

— Ты долженъ меня одобрить, Пьеръ, долженъ,—говорила она, рыдая и пытаясь поцѣловать руку мужа.—Сережа забудетъ эту дѣвчонку, она не будетъ больше змѣею сосать мое материнское сердце... Я не была съ нею жестока, нѣтъ... Ее такъ хотѣли наказать за дерзость, за буйство, она вела себя какъ любовница нашего сына, нашего ребенка... Ты долженъ понять меня, долженъ!... И она еще

быть можетъ жива, скрылась гдѣ-нибудь, чтобы снова мучить насъ, снова придти и отрывать отъ моей груди сына... Пусть онъ' будетъ считать ее умершею, пусть, онъ тогда только забудетъ ее... Это Богъ мнѣ помогаетъ, Богъ!...

Генераль молча кусалъ усы.

Въ немъ происходила борьба и онъ не зналъ, что ему думать обо всемъ этомъ. Что-то говорила ему, что Наташу жалъ, что она погибнетъ, или уже погибла за чужой грѣхъ, что она не виновата, что въ ея поступкахъ нѣтъ ничего нехорошаго, но въ то же время онъ не могъ не соглашаться и съ женою, съ тѣмъ мнѣніемъ ея, что эта „крѣпостная дѣвка“ — не пара Сергѣя, что тутъ что-то не такъ, что-то ложное, нехорошее. Ему хотѣлось крикнуть: „да дѣлай ты, какъ знаешь, какъ хочешь“, но въ то же время онъ сознавалъ и то, что ему самому тутъ надо принять участіе, что онъ не долженъ умыть руки въ такомъ дѣлѣ...

— Гдѣ этотъ Рейсъ твой! — быстро спросилъ онъ, когда надо было выйти изъ тяжелаго положенія.

— Онъ здѣсь...

— Позвать его ко мнѣ!

— Что ты хочешь дѣлать, Пьеръ?... Ты не увлекайся, ты знай, что это честный человѣкъ, очень преданный намъ, исполнительный и вовсе онъ не тиранъ, а я не Салтычиха, топ шер... Я наказываю своихъ подчиненныхъ не чаще, чѣмъ тебѣ приходится наказывать твоихъ солдатъ. Негодяй, пьяница, лѣнтяйка, грубиянка или развратница всегда должны быть наказаны, мой милый...

— Ну, я знаю, знаю!... Позвать ко мнѣ Рейса...

И на Рейсѣ генераль „сорвалъ зло“. Онъ раскричался на него, грозилъ ему и пообѣщалъ пріѣхать и „узнать все“. Страшныя слова вродѣ Сибири, суда, острога, каторги были употреблены въ большомъ количествѣ, и нѣмецъ слушалъ ихъ молча, вытянувшись во фронтъ и не спуская глазъ съ генерала, изрѣдка лишь вставляя то по-русски, то по-нѣмецки „виноватъ“, „не буду“, „прощенія и милости“.

Генераль прогналь его, подтвердилъ обѣщаніе пріѣхать и „разузнать“, а потомъ выпилъ холодной воды, взялъ ванну и сѣлъ писать исторію венгерской компаніи. За этой работою онъ забывалъ все.

И Сергѣй узналъ, конечно, въ этотъ же день о смерти Наташи. Ему человекъ его сказалъ сперва, узнавъ отъ кучера Рейса, а потомъ мать, рыдая у него на груди, сказала, что „обольстившей это дѣвушки нѣтъ больше въ живыхъ“...

— Небо сжалилось надъ слезами матери и взяло ее, мой сынъ!—говорила Анфиса Дмитріевна.—Я вижу въ этомъ руку судьбы и умоляю тебя смотрѣть на это такъ же... Могила ея примирила насъ и да будетъ надъ этою могилою миръ!... Я все, все прощаю Наташѣ, я буду за нее молиться всю жизнь, но я рада, что она ушла въ иной миръ!...

Сергѣй не плакалъ.

Онъ стоялъ передъ матерью, глядя куда-то вдаль, опустился потомъ на колѣни, упалъ головою на полъ и его безъ чувствъ отнесли на постель, а на другой день онъ вѣхалъ уже съ матерью за границу.

— Ты не въ отчаяніи, Сережа? Нѣтъ?—говорила Анфиса Дмитріевна, пытливо заглядывая сыну въ глаза.

— Не знаю, мама... Я ничего не чувствую... Мнѣ очень, очень хочется умереть и я, кажется, умру...

Но Сергѣй не умеръ.

XV.

Въ Сапожковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, верстахъ въ пятнадцать отъ Сапожка, жилъ помѣщикъ-вдовецъ Алексѣй Акимовичъ Тарантаевъ, владѣлецъ двадцати семи душъ крестьянъ, числившихся за нимъ по ревизской сказкѣ, и небольшой усадьбы.

Алексѣю Акимовичу съ залишкомъ бы хватило этого состоянія, онъ считалъ себя даже очень зажиточнымъ человекомъ, но у него было два сына, Павелъ, семнадцати лѣтъ, и Аркадій—двадцати, и онъ думалъ, что сыновьямъ, когда они женятся и обзаведутся семействами, будетъ всего много. Лѣтъ десять тому назадъ Алексѣй Акимовичъ этого не думалъ. Онъ опредѣлилъ сыновей въ гимназію на казенный, т.-е. на дворянскій, собственно, счетъ, и сказалъ имъ, что они будутъ служить, дойдутъ до чиновъ,—самъ онъ былъ прапорщикъ въ отставкѣ,—и отцовское гнѣздо имъ не понадобится, „я его Божьему храму пожертвую“, говорилъ онъ. Но вышло по другому. Аркадію „не дался“ въ гимназій нѣмецкій языкъ, а Павелъ никакъ не могъ оспилить ариѳметику и ихъ обоихъ выключили, старшаго изъ втораго, а младшаго — изъ перваго классовъ.

— Ну, если наукъ не осилили—будете землю обрабатывать,—сказалъ Алексѣй Акимовичъ и принялся обучать дѣтей хозяйству. Это имъ далось. Аркадій сдѣлался превосходнымъ сельскимъ хозяиномъ, былъ трудолюбивъ, очень силенъ, скроменъ, а Павелъ, имѣя эти же качества, развелъ еще породу рабочихъ лошадей и, несмотря на свои молодые годы, прославился въ округѣ, какъ превосходный знатокъ въ лошадяхъ и опытный ихъ докторъ-самоучка.

Надо было къ полуторасти десятинамъ земли прикупить участокъ, а домикъ расширить, тѣмъ болѣе, что Аркадію сватаютъ невѣсту, дочь сапожковского судьи, дѣвушку очень милую и хорошенькую. Лѣсъ на расширеніе домика былъ уже готовъ у Тарантаева, а землю онъ намѣтилъ по содѣйствию—какъ разъ съ поля на поле былъ тутъ участокъ пустопорожней земли, принадлежащей генералу Чоглокову, нарѣзанный когда-то и какимъ-то манеромъ его прадѣду. Алексѣй Акимовичъ зналъ, что у генерала Чоглокова была вотчина въ Раненбургскомъ уѣздѣ и, посоветовавшись съ сыновьями, собрался въ эту вотчину къ управляющему, чтобы переговорить, а если возможно, то и купить землю.

Напекла Алексѣю Акимовичу стряпуха, она-же и эконожка, колобковъ, дорожничковъ съ яйцами и макомъ, яицъ, зашилъ онъ подъ подкладку жилета тысячу рублей ассигнаціями на всякій случай, уложилъ въ сани старинную саблю, такъ какъ по дорогамъ „пошаливали“, и отправился на парочкѣ доморощенныхъ саврасыхъ въ путь.

Пріѣхалъ Алексѣй Акимовичъ въ „Лужайки“, остановился у деревенскаго старосты, узналъ, что управитель-нѣмецъ, военный, что онъ „ой, ой, какой“, и отправился къ нему.

Русскій офицеръ долженъ держать себя съ нѣмецкимъ солдатомъ съ достоинствомъ, — думалъ Алексѣй Акимовичъ, — субординацію должно соблюдать, и такъ именно повелъ себя съ Рейсомъ, а тотъ обдалъ обладателя двадцати семи душъ ледянымъ холодомъ, принялъ его съ величіемъ магната и объявилъ, что „генералъ Чеоглоковъ шеловѣкъ богатова и ошипъ знатни и сваво имѣній не продаетъ“.

— А не продаетъ и не надо, — отвѣтилъ Алексѣй Акимовичъ, всталъ, кивнулъ головою „нѣмецкому солдату“ и вышелъ, а на разсвѣтѣ другаго дня, давъ отдохнуть лошадямъ, выѣхалъ въ обратный путь.

Начинало свѣтать. Пасмурное, мглистое зимнее утро лѣниво боролось съ ночью тьмой и вставало печальное, холодное, туманное. Алексѣй Акимовичъ посасывалъ свою трубочку на коротенькомъ черешневомъ чубучкѣ и думалъ, какъ бы ему, обойдя управителя, пріобрѣсти землю, какъ вдругъ пристяжная лошадка, смиренная и работающая савраска, отшатнулась въ сторону и налегла на оглоблю коренника, чуть не сломавъ ее. Сани наклонились.

— Что тутъ такое? — спросилъ Алексѣй Акимовичъ у кучера.

— А то, Алексѣй Акимовичъ, что на мертвое тѣло мы наѣхали... Вотъ оно лежитъ... Баба какая-то, кажись... Тпру!...

Кучеръ остановилъ лошадокъ и соскочилъ съ облучка. Вылѣзъ изъ саней и Алексѣй Акимовичъ.

На самой дорогѣ ничкомъ лежала женская фигура, въ одномъ платьѣ, съ головою, покрытою платочкомъ; лежала безъ движенія, охвативъ голову руками и уткнувшись лицомъ въ снѣгъ.

— Ишь оказія кака!—сказалъ кучеръ Тарантаева, почесывая въ затылкѣ и трогая кончикомъ кнутовища распростертую у его ногъ фигуру.

— Замерзла?—спросилъ Тарантаевъ.

— Извѣстно, замерзла, сударь... Ишь на ней одежда-то кака!—самая лѣтняя...

Алексѣй Акимовичъ наклонился къ лежащей фигурѣ и взялъ ее за голову.

— Не трожьте, сударь,—остановилъ его кучеръ.—Вѣда мертвое тѣло трогать—живо подъ судъ попадешь...

— Молчи, дуракъ!—сердито и шопотомъ отвѣтилъ своему кучеру Тарантаевъ. Живая она, теплая вся и дышетъ.—Алексѣй Акимовичъ повернулъ лежащую лицомъ къ себѣ.

— Батюшки мои, да кака-же она молоденька и пригожая!—воскликнулъ онъ.—Вѣдь это барышня, Кирюшка, право барышня...

— По одежѣ равно-бы дворовая, а по облику какъ есть барышня... Живая и то—вонъ рукою шевелить, сто-нетъ...

Алексѣй Акимовичъ между тѣмъ оттиралъ руки и лицо дѣвушки снѣгомъ, досталъ потомъ свою походную фляжку съ ромомъ и влилъ нѣсколько капель живительнаго напитка въ ротъ дѣвушки, съ трудомъ открывъ ей плотно сжатые губы.

Дѣвушка застонала громче и открыла глаза.

— Жива!—радостно воскликнулъ Алексѣй Акимовичъ,—поднялъ дѣвушку на руки, посадилъ ее въ сани и закрылъ бѣлымъ овчиннымъ одѣяломъ, которое всегда бралъ съ собою въ дорогу.

— Боже мой, гдѣ я?... Что со мною?—тихо проговорила

дѣвушка, испуганно оглядываясь кругомъ и, видимо, ничего не понимая. Оставляющая было ее жизнь быстро возвращалась къ ней: лицо покрылось румянцемъ, грудь высоко подымалась. Съ возвращающейся жизнью возвратилось и сознание.

Дѣвушка вздрогнула всѣмъ тѣломъ, въ глазахъ ея показался ужасъ и она ринулась къ Алексѣю Акимычу, который суетился около саней, не зная, что дѣлать со своею находкою.

— Что ты, милая? Что съ тобой?..—спросилъ опъ, замѣтивъ движеніе дѣвушки.—Кто ты такая? Откуда?

Дѣвушка схватила его за руку.

— О, не отдавайте меня имъ, не отдавайте!—воскликнула она.—Они замучаютъ меня, убьютъ!..

— Что за оказія такая?—проворчалъ Алексѣй Акимычъ, не зная, что дѣлать.—Да кто-же такая? Откуда ты? Кто тебя убьетъ?

— Рейсъ и его жена!.. Меня заперли, а утромъ... утромъ... О, Бога ради спасите меня!..

— Рейсъ, говоришь ты?—спросилъ Алексѣй Акимовичъ.—Это управляющій „Лужаекъ“?.. Эге, такъ ты стало-быть оттуда?.. Дворовая дѣвушка ты что-ли?

— Да... Я не виновата, клянусь вамъ, я не виновата!.. Они измучили меня, истерзали, я бѣжала, чтобы спастись отъ новыхъ мукъ, отъ позора!.. Я лучше умру, но не возвращайте меня къ нимъ!..

Алексѣй Акимовичъ сдвинулъ шапку сперва съ затылка на лобъ, потомъ обратно, дернулъ себя за сѣдые усы и полъзъ въ сани.

— Справился ты, или нѣтъ?—крикнулъ онъ кучеру, который возился около пристяжной.

— Ишь постромка оборвалась, привязываю я... Готово, теперича доѣдемъ...

— Такъ садись же скорѣе и пошелъ!.. Алексѣй Акимовичъ обратился къ дѣвушкѣ.

— Вотъ что, милая,—сказалъ онъ,—я вашихъ дѣловъ не знаю, по думаю, что этотъ Рейсъ—собака порядочная и притомъ грубіянь... И притомъ мнѣ тебя жаль... Я тебя доведу до городу и какъ ты тамъ знаешь, такъ и поступи... Пошелъ, Кирюшка!

Кучеръ затанулъ зубами постромку, влѣзъ на облучекъ и оглянулся.

— Ты куда-же это, сударь, дѣвицу-то повезешь?—спросилъ онъ.

— А тебѣ какое дѣло?

— А такое дѣло, што не показано бѣглыхъ возить... Она, вишь ты, изъ вотчины убѣгла, ну, и надо ее представить въ вотчину, потому какъ она есть бѣглая и за нее отвѣчать должно.

Дѣвушка встрепелась какъ пойманная птичка и прижалась къ Алексѣю Акимовичу, дрожа всеѣмъ тѣломъ подъ своимъ теплымъ одѣяломъ.

Алексѣй Акимовичъ съ особенной энергіей дернулъ свой правый усь.

— Мы нашли ее при смерти, мы обязаны помощь ей оказать,—сказалъ онъ.—При томъ-же ты молчи и притомъ-же ты дуракъ!.. Я дворянинъ, я офицеръ русской службы и бѣглыхъ не укрываю, а ежели челоуѣкъ замерзаетъ, такъ я обязанъ тово... Притомъ-же я—христіанинъ... Пошелъ, когда тебѣ приказываютъ!

Кучеръ проворчалъ что-то, подобралъ возжи и пустилъ саврасокъ крупной рысью.

Предразсвѣтный сумракъ рѣдѣлъ все болѣе и болѣе. Утро вставало и брало свои права. Стало всеѣмъ свѣтло.

Укутавшись теплымъ одѣяломъ, дѣвушка, казалось задремала.

Она склонила голову и закрыла глаза. Алексѣй Акимовичъ смотрѣлъ на нее сбоку и любовался иѣжными, правильными чертами лица „бѣглою“. Она не была похожа на обыкновенную крѣпостную дѣвушку даже изъ самаго бога-

таго и аристократическаго барскаго дома. Что-то невыразимо милое и симпатичное было въ ея личикѣ, какъ-то особенно нѣжна была вся ея стройная, граціозная фигурка. Даже въ голосѣ, въ манерѣ говорить Алексѣй Акимовичъ замѣтилъ что-то „непростое“ и теперь недоумѣвалъ. На него Рейсъ произвелъ впечатлѣніе самое невыгодное, отталкивающее, такое же впечатлѣніе, если еще не худшее, произвела супруга Рейса, которую Алексѣй Акимовичъ видѣлъ мимоходомъ, и ему невыразимо жаль было эту молодую дѣвушку, убѣжавшую отъ гнѣва своихъ властелиновъ въ одномъ платьѣ, въ легонькихъ башмачкахъ и чуть не погибшую въ суровую зимнюю ночь. Должно быть страшное наказание ожидало ее, если она рѣшилась такъ бѣжать. За что же ее хотѣли наказать? Неужели такая милая дѣвушка, „совсѣмъ какъ барышня“, могла сдѣлать что-нибудь нехорошее?..

Алексѣй Акимовичъ задумался, закурилъ свою трубочку и, не спуская глазъ, глядѣлъ на свою спутницу.

Она спала. Тепло послѣ страшной ночи на холодѣ, въ снѣгу, послѣ волненія и усталости благотворно подѣйствовало на нее—и она спала. На щекахъ заиграли румянецъ, длинныя черныя рѣсницы вздрагивали, на губахъ играла улыбка—должно быть сонъ какой-нибудь видѣла дѣвушка. „Бѣдная!—подумалъ Алексѣй Акимовичъ съ глубокимъ вздохомъ и плотнѣе укрылъ дѣвушку одѣяломъ.

Часа черезъ три Алексѣй Акимовичъ былъ въ селѣ Хопринѣ, гдѣ надо было кормить лошадей. Онъ приказалъ ѣхать къ постоялому двору и бережно, какъ родную дочь, вынесъ дѣвушку изъ саней на рукахъ. Въ теплой горенкѣ постоялаго двора она проснулась и оглянулась кругомъ.

— Мы гдѣ?—тихо спросила она у подошедшаго Алексѣя Акимовича.

— На постояломъ дворѣ, душенька, въ селѣ Хопринѣ...

— Это... это близко отъ „Лужаекъ“...

— Далеко, душенька, верстъ тридцать... Ты всю дорогу спала, какъ убитая...

Дѣвушка вскочила съ диванчика, на который положилъ было ее Алексѣй Акимовичъ, упала на колѣни и схватила руку стараго помѣщика и покрывала ее поцѣлуями...

— Не бросайте меня!—съ рыданіями говорила она.— Спасите меня!.. Я вижу, что вы добры, я вѣрю, что вы спасете меня!..

Алексѣй Акимовичъ поднялъ дѣвушку, усадилъ, сѣлъ рядомъ и, глядя ей русую головку, попросилъ рассказать, кто она такая, почему убѣжала и что думаетъ дѣлать.

Дѣвушка рассказала исторію, которую читатель знаетъ изъ предыдущихъ главъ.

Дѣвушка эта была Наташа. Она выставивъ кое-какъ вставленную въ свѣтелкѣ раму, выпрыгнула въ садъ, перелѣзла черезъ невысокій заборъ, занесенный на половину снѣгомъ, и бросилась бѣжать, не отдавая себѣ отчета—куда и зачѣмъ бѣжитъ она, а лишь спасаясь отъ чего-то страшнаго, ужаснаго. Она бѣжала до тѣхъ поръ, пока служили ей ноги, пока хватало силъ, и потомъ упала на снѣгъ, какъ подкошенная, и лишилась чувствъ. Если-бы Алексѣй Акимовичъ подѣхалъ къ этому мѣсту позднѣе часомъ,—Наташа замерзла-бы, но случилось именно такъ, какъ должно было случиться и какъ все случается на этомъ свѣтѣ, руководимое какою-то невѣдомою, но разумною рукою, направляющею людей и событія къ заранѣе опредѣленной цѣли и часто совсѣмъ не туда, куда желаютъ люди...

Алексѣй Акимовичъ выслушалъ рассказъ, задумался, такъ задумался, что сосалъ свою трубку, давно погасшую, и забылъ на самоварѣ чайникъ, потомъ тряхнулъ головою, подергалъ себя за усы и весело улыбнулся.

— Ну, что-жъ, ну, и ладно!—сказалъ онъ.—Знать такъ тому и быть должно, притомъ-же... притомъ-же я не имѣю права поступать неблагородно, ибо я дворянинъ и офицеръ... Не отдамъ я васъ, Наташенька, нѣмцу—и дѣлу конецъ!.. Боюсь я что-ли его? Вотъ глупость!.. Притомъ-же генераль Чеглоковъ пойметъ и притомъ-же я поѣду къ нему самъ и

все объясню... Боже, какой ужас!.. Тиранишь такую дѣвушку и притомъ наказывать ее столь позорно!.. Да вѣдь вы барышня, вѣдь вы такая, что у насъ, напимѣръ, въ уѣздѣ и дворянокъ-то такихъ нѣтъ, а эта лупоглазая нѣмка васъ хотѣла какъ простую дѣвку наказывать!.. Я васъ везу къ себѣ, а къ генералу Чеглокову лично отпращиваюсь... Ваше, скажу, превосходительство, я, скажу, дворянинъ и офицеръ, притомъ-же, скажу... Да ужъ найду, что сказать, не ударю въ грязь лицомъ!..

Алексѣй Акимовичъ весело засуетился, заварилъ свѣжаго чаю, открылъ свои запасы и принялся угощать Наташу, прищелкивая передъ ней каблуками, поправляя поминутно усы и затрудняясь въ выборѣ выраженій. Ему не приходилось бывать въ такомъ положеніи и онъ не зналъ, какой слѣдуетъ взять тонъ съ этою дѣвушкою. Она—крѣпостная, она—то, что пазывалось въ то время „дѣвкою“, но она совсѣмъ не то, что крѣпостныя дѣвушки даже у самаго губернскаго предводителя, котораго раза два въ годъ посѣщаль Алексѣй Акимовичъ. Она и наружностью какъ барышня, и говорить, и держать себя совсѣмъ особенно, даже не такъ, какъ тѣ барышни, съ которыми приходилось имѣть дѣло Алексѣю Акимовичу въ своемъ Сапожкѣ, но вѣдь все-же она крѣпостная дѣвка, а онъ—дворянинъ, офицеръ...

Алексѣй Акимовичъ посмѣивался, фертотомъ ходилъ по горенкѣ постоялаго двора и ободрялъ задумчивую гостью свою какимъ-нибудь словомъ, или трогалъ ее за плечо, за руку, потомъ конфузился, хмурилъ брови, безпощадно крутилъ усы и совладалъ съ собою лишь тогда, когда опорожнилъ походную фляжку съ ромомъ до половины. Онъ запахнулъ свой архадукъ, сшитый домашнимъ портнымъ изъ синей нанки и отдѣланный шнурками, закрутилъ усы и, весь красный, улыбающійся, ласково щуря свои добрые сѣрые глаза, подскѣлъ къ Наташѣ и заговорилъ съ нею, взявъ ее за руку.

— Не бойся, дѣвочка, не бойся, душенька, не грусти!..

У Алексѣя Тарантаева ты будешь какъ дома, замѣсто дочки ему будешь, а тамъ мы устроимъ дѣло... Мы сперва твоему генералу письмо сочинимъ. притомъ чувствительное эдакое письмо, а потомъ я поѣду къ нему... Я предводителя притомъ попрошу, губернскаго предводителя и притомъ могу губернатора просить...

Наташа плакала, склонившись на шею помѣщика, но ей не было особенно страшно. Чѣмъ-то успокаивающимъ вѣяло отъ этого добраго старика съ его милой улыбкою, съ его безпрестаннымъ и тоже милымъ „притомъ“. Только больно и страшно становилось Наташѣ, когда она вспомнила слова кучера о „бѣгланкѣ“, о „судѣ“, о чемъ-то еще страшномъ и непонятномъ. Кучеръ повторялъ эти слова, когда вносилъ погребецъ съ запасами, и все ворчалъ, и все грозилъ чѣмъ-то. Алексѣй Акимовичъ ужъ прикрикнулъ на него и приказалъ молчать.

— Ты еще на постояломъ разболтай, дуракъ, тамъ еще о „бѣглой“ поговори у меня, такъ я тебѣ задамъ!—сказалъ Алексѣй Акимовичъ.

Кучеръ на крикъ барина не обратилъ вниманія, но за это предположеніе разболтать обидѣлся.

— Какъ-же, разболтаю, дурака нашли!—замѣтилъ онъ укоризненно.—Я, чай, не баба болтать-то... Спрашивали у меня тамоди: что, говорятъ, за барышня съ бариномъ ѣдетъ и почему на ей ѣдежи нѣтъ теплой?..

— Ну, и что-же ты?—поспѣшно спросилъ Алексѣй Акимовичъ.

— Что-же!.. Извѣстно что: сказалъ, что родственница, молъ, а одежду, молъ, на постояломъ украли... Ночевали, молъ, на постояломъ, а тамъ одежду и украли...

— Вотъ молодца, вотъ люблю!—похвалилъ Алексѣй Акимовичъ.—Водки за это стаканъ.

— Что мнѣ ваша водка?.. Не въ водкѣ дѣло, а надо вотъ ей одежду-то...

Кучеръ кивнулъ головой на Наташу.

— Тамоди у дворничихи шубейка есть продажная, вотъ и купите...

Кучеръ Кириллъ, угрюмый, весь обросшій волосами мужикъ, огромный и сутоловатый, держалъ себя съ бариномъ покровительственно и часто читалъ ему нотации, но исполнялъ все такъ, какъ хотѣлъ баринъ, и только паружно не соглашался съ нимъ, а въ душѣ, видимо, одобрялъ и даже въ своемъ кучерскомъ дѣлѣ считалъ барина авторитетнымъ, что очень рѣдко въ кучерахъ: они считаютъ себя непогрѣшимыми въ этомъ дѣлѣ и на господъ смотрятъ очень свысока и даже презрительно, а дѣлаютъ всегда наперекорь. Кириллъ-же только ворчалъ, но сейчасъ же и подчинялся, видимо соглашаясь.

— У тебя пристяжная совѣмъ не везетъ, Кирюшка,—говорилъ въ дорогѣ Алексѣй Акимовичъ... Подгони ее, хлесли.

— Что мнѣ ее хлестать, если она лошадь добрая?—сурово возражалъ кучеръ.—Гдѣ она не везетъ? Она везетъ, какъ слѣдуетъ.

Но черезъ пять минутъ онъ усиленно стегалъ пристяжную и бранилъ ее, упрекая за лѣность и нерадѣніе.

Наташа скоро перестала бояться кучера и его страшныхъ словъ. Онъ, отвѣзжая отъ постоялаго двора, гдѣ хорошо поѣлъ и выпилъ, оглянулся на Наташу, которая сидѣла въ спней шубейкѣ, очень теплой и очень къ ней идущей, улыбнулся и кивнулъ ей головою.

— Тепло поди?

— Тепло—отвѣтила Наташа.

— Ну, извѣстно тепло... А то въ одномъ платьѣ! Нѣшто это можно?..

Онъ покачалъ головою.

— Промежду прочимъ и то надо сказать, что отъ такого народа и вовсе безъ платья убѣжишь!..

— А что?—спросилъ Алексѣй Акимовичъ.

— А то, что каторга у нихъ тамоди, вотъ что!.. Идолъ управитель-то, какъ есть идолъ, будь ему неладно!..

Посмотрѣлъ я на ихнее житье, поглядѣлъ... Ну, ужъ только!..

Кучеръ опять оглянулся на Наташу и улыбнулся.

— У насъ отдохнешь,—сказалъ онъ.—У насъ тихо, хорошо и никто тебя не тронетъ, никакой управитель, будь онъ хоть разнѣмецъ-нѣмецъ, не найдетъ тебя!..

— Только ты ничего не болтай,—сказалъ Алексѣй Акимовичъ... Никому ни слова о томъ, что и какъ. Скажемъ, что наплась, молъ, въ городѣ родственница, дочка покойнаго брата-де, такъ у насъ за племянницу Наташенька и сойдетъ.

— И чудесно!—одобрилъ Кирилль.—Ну, а молодымъ господамъ-то скажете, чай?

— Имъ скажу, они болтать не будутъ.

— Гдѣ имъ болтать!..

И всю дорогу Кирилль относился къ Наташѣ съ большой нѣжностью, былъ съ нею ласковъ и по-своему очень вѣжливъ. Очень ужъ не понравилось ему житье въ „Лужайкахъ“ и онъ вполне сочувствовалъ Наташѣ, не вынесшей этого житья.

Къ своему родному „Василькову“ Алексѣй Акимовичъ пріѣхалъ на разсвѣтѣ яснаго морознаго дня. Несмотря на ранній часъ, всѣ обитатели усадьбы уже встали, и жизнь кипѣла во всѣхъ уголкахъ маленькой усадьбы. Работники у колодца качали воду для скотины, старшій сынъ Алексѣя Акимовича, рослый красивый Аркадій, въ черномъ короткомъ полушубкѣ и барашковой шапкѣ, выдавалъ изъ амбара овесъ, а младшій Павелъ, тоже очень красивый юноша съ женственнымъ лицомъ, но могуче сложенный и богатырскаго роста, собственноручно, при помощи работника, запрягалъ въ легкія сани молодаго, второй разъ идущаго въ оглобляхъ жеребчика. Заслышавъ знакомый колокольчикъ отцовской пары, сыновья оставили свое дѣло, при чемъ Павелъ, не торопясь и очень осторожно, вывелъ жеребчика изъ оглобель, и пошли ему навстрѣчу.

Замѣтивъ рядомъ съ отцомъ чужое, незнакомое лицо мо-

лодой дѣвушки, Тарантаевы переглянулись и немного замедлили шаги.

— Здорово, хлопцы!—произнесъ Алексѣй Акимовичъ и на ходу выскочилъ изъ саней.

Сыновья поцѣловали у него руку, а потомъ облабызались и пошли рядомъ съ саними, бросая украдкой взгляды на Наташу.

— „Орликъ-то“ на лѣвую переднюю припадаетъ,—за-мѣтилъ Павель, оглядывая лошадей.

— Да, намаяль должно-быть,—отвѣтилъ отецъ.—Ну, зато гостью вамъ привезъ... Хороша-ли?

— Это кто-же такая, батюшка,—спросилъ Аркадій.

— А двоюродная сестра ваша, покойнаго брата Григорья дочь. Ъхала она къ намъ изъ Варшавы и встрѣтилась со мною въ городѣ на постояломъ... Сирота, бѣдняжка, одинокая...

На крылечко домика вышла экономка Алексѣя Акимовича, полная, румяная женщина, въ чистомъ сарафанѣ изъ домашней набойки и въ душегрѣйкѣ, накинутаю на могучія полныя плечи.

— Матреша, здравствуй!—привѣтливо крикнулъ ей Алексѣй Акимовичъ.

— Здравствуй, батюшка Алексѣй Акимовичъ, здравствуй, сударь!—пѣвучимъ голосомъ заговорила Матреша, проворно сбѣгая со ступенекъ лѣстницы. Она подошла къ барину, поцѣловала у него руку и заглянула въ сани.

— Никакъ гостью привезъ, Алексѣй Акимовичъ?

— Гостью, Матреша, гостью и притомъ родную гостью-то—племянницу, покойнаго брата Григорья дочку.

— Да што ты?.. Ахъ, моя милая, желанная!.. Да какая же она красавица-то у насъ!..

Матреша почти на рукахъ высадила Наташу изъ саней и разцѣловала ее.

— Озябла, поди, милушка?—Ну, отогрѣешься у насъ, у насъ ровно въ раю тепло да сухо, а сейчасъ и самовар-

чикъ готовъ будетъ... Пойдемъ въ горницы, милая барышня, пойдемъ, поди, озябла...

Матреша звонко распоряжалась насчетъ самовара и завтрака, повела Наташу въ свою комнату и принялась помогать ей снимать шубку, валеные сапоги, сама развязывала платокъ, грѣла въ своихъ большихъ мягкихъ рукахъ ея руки и въ то-же время отдавала приказанія двумъ босоногимъ дѣвчонкамъ, которыя то вбѣгали, то убѣгали, грея посуду, самоваромъ, въ свою очередь приказывая какому-то Сашкѣ затоплять печь, принести воды, позвать какого-то Артамошку.

Алексѣй Акимовичъ раздѣлся, при помощи сыновей, въ своемъ кабинетѣ, большой и очень теплой комнатѣ безъ малѣйшихъ принадлежностей кабинета, и затворилъ дверь.

— Присядьте-ка, хлопцы, — сказалъ онъ сыновьямъ, закуривая трубку. — Ну, какъ тутъ у васъ?

— Слава Богу, батюшка, все благополучно, — отвѣтилъ старшій. — Вы какъ съѣздили?

— Да ѣздили, братъ, не пошто, привезъ ничего. Придется въ Москву ѣхать, а то съ управителемъ ничего не подѣлаешь... Зато вотъ гостю привезъ къ вамъ... Хороша?

Братья переглянулись.

— Да, батюшка, очень хороша, — отвѣтилъ старшій.

— А знаешь-ли — кто она такая?

— Дяденьки Григорья Акимовича дочь, батюшка. Вы сказывали.

— И притомъ навралъ! — усмѣхнулся Алексѣй Акимовичъ.

— То-есть какъ, батюшка?

— А такъ, сынокъ...

Алексѣй Акимовичъ затаился, выпустилъ клубъ дыма и поманилъ къ себѣ сыновей съ таинственнымъ видомъ...

XVI.

Старикъ разскажалъ своимъ сыновьямъ „всю правду“ и вопросительно поглядѣлъ на нихъ, какъ-бы ожидая приговора, особенно долго остановивши глаза на старшемъ, практичномъ и разсудительномъ Аркадіи, мнѣніемъ котораго старикъ очень дорожилъ.

Павель, не задумываясь, одобрилъ отца и весело, радостно глядѣлъ на него, одобряя не только словами, но очень веселымъ взглядомъ.

— Ну, а ты что скажешь, Аркадій? — обратился старикъ къ старшему.

Тотъ взглянулъ на брата и потупился.

— Конечно, хорошее дѣло, папенька, конечно, — заговорилъ онъ. — Вы спасаете эту дѣвушку, но...

— Что? — спросилъ Алексѣй Акимовичъ, усиленно затыкаясь изъ своей трубочки.

— Большихъ хлопотъ и непріятностей можемъ мы нажить съ этимъ... Вѣдь это, папенька, мы стало-быть бѣглую укрываемъ.

Старикъ пыхнулъ трубочкою.

— Да, да, я тоже такъ думаю. . Всю дорогу такъ думалъ и пла мнѣ въ башку мысль, чтобъ сдать эту Наташу властямъ нѣ городѣ, вотъ - де — такъ и такъ... Да какъ вспомню я про то, что ее ожидаетъ у нѣмца, такъ эта мысль и вонъ изъ головы... Ты сообрази, Аркаша, подумай... Вонъ вѣдь она какая, а вѣдь ее... ее на конюшню отправить!.. Ес-то, такую-то!... Нѣтъ, братъ, воля твоя, а надо ее поддержать... Вотъ подумаю, вотъ отдохну съ дороги и поѣду въ Москву, къ генералу этому и скажу ему все...

Старикъ бросилъ погасшую трубку и заложилъ руки въ карманы своего архалука, вставъ передъ окномъ.

— Ну, а ты какъ-бы сдѣлалъ? — спросилъ онъ, щури глаза и пытливо глядя въ лицо юноши. — Ты какъ-бы сдѣ-

лалъ? Отвезъ-бы ее къ исправнику, чтобъ тотъ ее этапомъ къ нѣмцу отправилъ. Отвезъ-бы?..

— Нѣтъ, папенька, не отвезъ-бы,—отвѣтилъ Аркадій.

— Ага!.. Стало быть батка-то не совсѣмъ ужъ глупость едѣлалъ?

Аркадій покраснѣлъ слегка и ничего не отвѣтилъ, а старикъ уллубнулся съ лукавымъ видомъ, потрепалъ сына по плечу и пошелъ въ столовую, куда босоногія дворовыя дѣвчонки вносили самоваръ и множество блюдъ и таралокъ съ пирогами, блинчиками, жареными гусями и курами, съ различными крендельками домашней стряпни.

— У насъ отецъ замѣчательно добрый и честный человекъ, Аркадій,—сказалъ Павелъ брату, удерживая его въ кабинетѣ.

— Развѣ я сомнѣваюсь въ этомъ?—отвѣтилъ Аркадій.

— Зачѣмъ же ты говоришь ему, что опасно поступать такъ, какъ онъ поступилъ?

— Я... я высказалъ свое мнѣніе...

— Не слѣдовало, Аркадій... Опасно было вытаскивать прошлую весною утопающаго вмѣстѣ съ лошадью мужика, однако ты бросился и вытащилъ... Тамъ ты жизнью рисковалъ, могъ погибнуть—и то ты слѣлалъ доброе дѣло, а тутъ... Ахъ, Аркаша, я готовъ все въ жертву, чтобы спасти эту дѣвушку!..

Аркадій поглядѣлъ на брата.

— Она нравится тебѣ!

— Ахъ, Аркадій, очень!.. Не говори никому, Аркадій Бога ради никому не говори!.. Я... я влюбленъ въ нее, Аркадій!..

Аркадій взглянулъ въ пылающее лицо брата, покраснѣлъ самъ и тихо проговорилъ, сжимая ему руку до боли:

— Паша, я тоже люблю ее!..

И Аркадій быстро вышелъ изъ комнаты.

Эти двое юношей были истыми дѣтьми природы, ея питомцами и страстными ея обожателями. Юноша-крестьянинъ,

крестьянинъ-землевладѣлецъ соприкасается, конечно, съ природою очень близко, но низкій уровень развитія крестьянскаго юноши мѣшаетъ ему понимать всю прелесть природы, мѣшаетъ ему проникнуться этой прелестью; матеріальная бѣдность дѣлаетъ его апатичнымъ къ наслажденіямъ духовнымъ, причемъ еще физическій трудъ, благодатный, когда онъ не утомителенъ, когда онъ не насилуетъ, отнимаетъ у крестьянскаго юноши всякую возможность брать отъ природы то, что она даетъ человѣку, поставленному въ условія благопріятныя. Въ такихъ именно условіяхъ находились молодые Тарантаевы. Они не были образованными, но все-же цивилизаціи коснулась ихъ; читали, часто бесѣдовали съ людьми, а старикъ Тарантаевъ видалъ на своемъ вѣку виды и могъ кой-чему научить сыновей. Они не нуждались матеріально, не знали даже, что такое нужда, что такое забота о кускѣ хлѣба, и если работали, то для удовольствія, находя въ физическомъ трудѣ наслажденіе, какъ находятъ это наслажденіе каждый здоровый, сильный человѣкъ. Физическій трудъ при такихъ условіяхъ дѣйствуетъ благотворно и, доставляя множество наслажденія, не только не унижаетъ человѣка, но и облагораживаетъ его, особенно когда трудъ этотъ есть трудъ земледѣльца.

И вотъ молодые Тарантаевы, трудясь съ удовольствіемъ, находя въ трудѣ наслажденіе, близко соприкасались съ природою и любили ее, и многому учились отъ нея, и были ея дѣтьми. Безхитростные, впечатлительные, добрые отъ природы, наученные отцомъ любить человѣка, они были тѣми добрыми, хорошими юношами, которыхъ воспитываетъ только деревня и лишь въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ничего, парализирующаго хорошее вліяніе, производимое природою.

Здоровые, спланные, полные жизни юноши, они были невинны какъ дѣти и любовь понимали лишь платонически, хотя красота женщины уже волновала ихъ и разжигала въ нихъ молодую кровь.

Этой любовью и полюбили они оба Наташу и она сдѣ-

лалась для нихъ кумпроемъ, радостью, наслажденіемъ, но въ то-же время ничего не было въ нихъ такого, что заставляло бы ихъ думать о любви нечистой, матеріальной...

Если-бъ Варенька Ушакова знала, какими людьми окружена Наташа, она не волновалась бы, не боялась бы и не былъ бы посланъ Бабенко отыскивать пропавшую дѣвушку живою или мертвою. Теперь же Варенька волновалась, такъ какъ она любила Наташу, любила больше чѣмъ она любила бы сестру.

Варенька передъ отъѣздомъ Сергѣя за-границу получила отъ него его дневникъ и изъ этого дневника поняла, какъ любилъ ея кузенъ Наташу, какъ она была дорога для него.

Вотъ отрывки изъ этого дневника. Я привожу его для того, чтобы читатели могли видѣть, какъ любили, какъ чувствовали и какъ глядѣли на жизнь молодые люди начала пятидесятихъ годовъ, годовъ, предшествовавшихъ великимъ событіямъ въ Русской землѣ. Герой моей повѣсти — Сергѣй Чоглоковъ — лицо не вымышленное, и дневникъ этого юноши, игравшаго когда-то видную роль въ общественной дѣятельности, лежитъ передо мною цѣликомъ за многіе годы.

„Никогда не жилъ я и никогда не буду такъ жить, какъ я живу эти дни! 1851 годъ, сколько принесъ ты мнѣ радости, счастья! Что-то будетъ дальше?.. Поневолѣ, отъ вдругъ нахлынувшего счастья, становится страшно, словно боишься потерять какую-то драгоценность, которой сдѣлался нечаяннымъ обладателемъ; я думаю, что такое, или подобное, чувство испытываетъ скряга, получившій несмѣтное богатство.

Жилъ я, какъ отчужденный отъ людей, безъ радостей, безъ счастья и съ одними только надеждами на что-то.

Любилъ, но любовь эта проходила безъ взаимности и только оставляла по себѣ тоскливое воспомнаніе и холодное презрѣніе къ людямъ. Жилось плохо. Мечтались мнѣ свѣтлые образы счастья, которое я дѣлю съ любимой женщиной, и мечты эти пролетали!

Не было любви, не было и счастья! — Встрѣтилъ я На-

ташу. Все болѣе и болѣе я началъ сближаться съ ней, завязалась дружба, откровенная переписка, — я начиналъ любить ее.

О, какая многосложная исторія этой любви!

То я надѣялся на сочувствіе, то отчаивался, то безумно, страстно любилъ ее, то она казалась мнѣ кокеткой, и я гордо отходилъ отъ нея, чтобъ снова искать ея любви!

Мама послала ее въ папше подмосковное Макарово и я вызвался ее проводить туда, дождался за заставою и проводилъ.

Поэтическая поѣздка въ Макарово, откровенный разговоръ обратили зарождающуюся любовь въ страсть... Я любилъ ее всѣмъ существомъ.

Опять кипучая жизнь съ надеждами и отчаяніемъ!

Наконецъ я написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ ея руки, надѣясь на любовь и въ то-же время отчаиваясь въ этомъ.

Надежду подавали ея милыя письма, ея взгляды, въ которыхъ я читалъ любовь. Страшно стало мнѣ, когда послалъ я ей это письмо. Оно должно было рѣшить все, или сдѣлать ее моею, или навѣки отнять, если-бъ она сказала мнѣ и на него: я не могу любить васъ, —я-бы вырвалъ ее образъ изъ сердца и, хотя съ тяжелой болью, съ мучительнымъ страданіемъ, но я - бы заглушилъ въ себѣ любовь къ ней.

Вечеромъ я получилъ записку.

Долго я не рѣшался прочитать эту записку. То брался за нее, то снова пряталъ, но наконецъ открылъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло и я только могъ прочитать слово „ничего“, это слово мнѣ показалось за отказъ, и снова убралъ я записку и какъ убитый сидѣлъ я на стулѣ и только вино, которое я сталъ пить, освѣжило меня; я твердо рѣшился вынести ударъ и, отойдя въ уголъ, сталъ читать записку. Навѣки останется у меня въ памяти сѣрая почтовая бумажка и ея мелкій почеркъ!

Въ запискѣ было написано: „Ничего я не могу сказать вамъ, кромѣ того, что „да“, „я люблю васъ!“ Словно хлынуло на меня счастье, радость!... Я люблю ея, которую я такъ страстно люблю и которая казалась мнѣ созданной не для меня! Какъ прошелъ этотъ вечеръ, затѣмъ ночь и слѣдующій день—у меня не хватитъ силъ описать!... Давно, давно, когда я былъ ребенкомъ, когда жилось такъ хорошо и отрадно, такъ проходилъ свѣтлый, особенно торжественный тогда праздникъ, первый день Пасхи.

Я всеѣмъ прощалъ все, всеѣхъ любилъ и только ея враги могли поднять во мнѣ срашную ненависть и злобу!...

Вечеромъ я побѣждалъ къ ней и, задыхаясь отъ счастья, благодарилъ ее за любовь, цѣловалъ ее... Я просилъ ее быть моею женою, она отказалась, она говорила объ этомъ проклятомъ неравенствѣ нашемъ, но я умолялъ ее согласиться—и она сказала, что будетъ моею женою, если тамап дастъ на это согласіе. О, я вымолю его, *выстрадаю* его!...

И теперь я женихъ ея!... Да не сонъ-ли это? Не бредъ-ли? Я... женихъ!... Женихъ любимой дѣвушки! Но это пока тайна. Какъ тяжело не видать ее, когда она *моя*! Милая, дорогая Наташа!... Всѣ видятъ меня, всѣ встрѣчаются со мной—и никто не знаетъ, что я такъ счастливъ, что я женихъ ея! Это какъ-то привлекательно: точно хранишь у себя громадное сокровище и никто не знаетъ этого!

Но я такъ много страдалъ, такъ часто и жестоко ошибался въ людяхъ, что... страшно писать!

Что мнѣ иногда приходитъ страшная мысль въ голову: что, если она не любитъ меня?!

И этотъ страхъ смущаетъ мое счастье. Прочь!...

Я—женихъ, скоро, скоро я буду мужъ! Я шагну великій въ жизни шагъ!

Буду готовиться къ этому. Надо устроить ей счастье. Она, моя дорогая Наташа, готовится трудиться со мной на-ряду!... Это счастье, счастье! Боже, прости мнѣ мои грѣхи!... Я сомнѣваюсь въ Твоей милости, но я—слабый че-

ловѣкъ, можетъ, я заблужаюсь, тогда прости меня и прими мою благодарную молитву за посланное Тобою счастье!

Заврта я жду увидѣть ее, говорить съ ней, придетъ-ли этотъ день?! Она—моя, а между тѣмъ я боюсь и видѣть ее, и посылать ей письмо, потому что это еще тайна.

* *
*

Сегодня я долго, долго сидѣлъ съ ней, съ моей милой Наташей. Она была больная, моя милая, и я не могъ ее видѣть цѣлую недѣлю.

Прошла недѣля ожиданій и вотъ, наконецъ, сегодня я былъ съ ней и убѣдился, что она любитъ меня.

Господи! сколько счастья! За что оно мнѣ?!...

* *
*

Сколько счастья и вмѣстѣ съ нимъ сколько горя даетъ мнѣ любовь къ Наташѣ.

Она меня любить, я ее страстно, пылко люблю—все это должно-бы служить прочнымъ ручательствомъ за счастье, а между тѣмъ и дни и ночи меня душитъ тоска и, какъ это всегда бываетъ при тоскѣ, какія-то предчувствія горя, несчастія!

Видаюсь съ ней, моей дорогой невѣстой, эти свиданія для меня великое счастье: въ то время я забываю все и только одно счастье наполняетъ меня всего и мечтается мнѣ въ будущемъ. Уходитъ она—и мрачныя думы мучатъ меня!

Нѣтъ, не могу писать теперь!

Вчера я долго, долго былъ съ ней, крѣпко сжималъ и цѣловалъ ея милыя ручки; много было поговорено, а сегодня, она, моя бѣдная, поплатилась за это! Ее оскорбили, ее мучили!

Нѣтъ, надо кончить это!

Даже любовь, это святое, великое чувство, и то приносит горе и страданія на нашей грѣшной землѣ!

Вотъ пришла любовь, такъ давно желанная, такъ много обѣщающая, взаимная любовь, о которой я никогда и думать не смѣлъ! Меня любить дѣвушка, которую я обожаю, волосокъ которой для меня дороже всего, и (могъ ли я ожидать этого!) эта любовь принесла день полного счастья, а затѣмъ недѣлю страданій, тоски, горя и злобы!

Она меня любитъ, остается назвать ее женой и начать жизнь съ любимой и любящей дѣвушкой, жизнь, о которой я такъ страстно мечталъ, которую ждалъ, какъ великую награду, но нельзя начать еще эту жизнь! Нельзя — изъ-за однихъ предразсудковъ!... Только изъ-за предразсудковъ.

Я готовъ былъ все кончить, вырвать изъ сердца любовь, забыть мою дорогую, мою милую Наташу! Позорная, отвратительная трусость! Что-же за человекъ, который боится взять на себя отвѣтственность за спокойствіе любимой, горячо любимой дѣвушки!

Конечно, по многимъ причинамъ, самое лучшее — отложить свадьбу на возможный долгій срокъ (я это и сдѣлаю), но каково ей жить въ этомъ „иродовскомъ омутѣ“, какъ она называетъ свою жизнь?

Бѣдная, моя дорогая Наташа!... Ее оскорбляютъ за то, что она выдается со мной! Развращенные, безсердечные, отвратительные люди, клеветы моей матери, они видятъ въ самыхъ чистыхъ, невинныхъ отношеніяхъ жениха и невесты что-то позорное! Тяжело, страшно тяжело жить при такой обстановкѣ! Гдѣ исходъ? Уфхаты ей. Но это не такъ легко, какъ кажется! Во-первыхъ, трудно достать паспортъ, во-вторыхъ, страшно тяжела разлука съ ней.

Пришло же наконецъ ко мнѣ счастье!

Прочно-ли оно, долго-ли будетъ продолжаться — это извѣстно Богу, — но пришло, и я счастливъ! Меня любитъ

моя дорогая, моя безцѣнная Наташа! Господи, какъ я-то люблю ее!

Сегодня мнѣ не хотѣлось идти къ ней въ комнату: за нами очень ужъ усердно слѣдить и Наташѣ грозить бѣда, но Наташа прислала записку—и я пошелъ, пошелъ и провелъ вечеръ такъ, какъ *никогда* не проводилъ! Да, давно-ли я еще думалъ, что мнѣ не суждено получить счастья, а вотъ теперь оно пришло, это дорогое счастье! Благодарю Тебя, Боже, за эти счастливые, отрадные дни!

Весь вечеръ мы были съ ней вдвоемъ, говорили, строили планы будущей жизни. Она наконецъ поцѣловала меня сегодня.

Какое высоко-отрадное не земное чувство цѣловать любимую дѣвушку! Милая, дорогая Наташа, какъ я люблю тебя и какъ велико во мнѣ желаніе сдѣлать тебя счастливой! Сдѣлаю-ли? Да, сдѣлаю, я не боюсь, я добьюсь-же счастья съ вею! Какая она милая, хорошая, славная!

Дорогой цѣной заплатила мнѣ судьба за мои страданія! Я готовъ еще вдвое больше страдать годы, чтобъ получить такіе счастливые дни!

Какъ пріятно быть съ любимой дѣвушкой, говорить съ ней, цѣловать ея ручки, щечки, знать, что она любитъ тебя, надѣется на тебя, вѣрить тебѣ!

Вотъ страницы въ моемъ дневникѣ, которыя я пишу вполнѣ счастливый! Благодарю-же тебя, Господи!

Я теперь вѣдь Наташинъ. Не измѣна-ли это своимъ идеямъ? Нѣтъ, далеко нѣтъ! Я только поживу счастливо съ ней, она будетъ моя и тогда я горячо, горячо возмусь за святое дѣло—работать на благо отчизны и она, моя дорогая, поможетъ мнѣ!

А есть здѣсь люди, которые завидуютъ моему счастью, злые, отвратительные люди! Я не боюсь васъ, гадины! Вы не вырвете-же у меня ее, мое счастье, а если вырвете... о, я придумаю месть вамъ, я тогда местью наслажусь, какъ я теперь наслаждаюсь любовью.

Да, я вполне счастливъ?!

Для того, чтобъ сказать это, стоить всю жизнь страдать въ сто разъ болѣе того, что я страдалъ! Есть-же у меня счастье и дала мнѣ это счастье—моя милая коханочка Наташа!... Съумѣю-ли же я отплатить ей за это счастье!

Надо всѣ силы употребить, чтобъ достигнуть этого. Боже, дай мнѣ силы!... А отраднo трудиться, когда впереди есть цѣль—получить счастье и жить вдвоемъ для достиженія желанныхъ цѣлей. Впередъ!...

* *
*

Сегодня я опять былъ съ моей милой, дорогой Наташей! Надо-же какъ-нибудь придумывать видаться съ ней и я попросилъ папинаго секретаря, пригласить ее, мою дорогую, къ себѣ; она пришла и мы долго, долго сидѣли съ ней.

Странное дѣло, никогда-то мы не поговоримъ съ ней о будущей жизни, а все такъ болтаемъ и въ этой болтавиѣ, въ этихъ поцѣлуяхъ, которыми мы пересыпаемъ эту болтавню, что-то есть очень, очень дорогое!

Живи, пока живется! Будетъ время и о трудѣ потолкуемъ, а теперь поживемъ, какъ дѣти. Она сидѣла у меня на колѣняхъ, я сжималъ ея станъ...

Она будетъ и любить меня и помогать мнѣ трудиться! Милая, спи, покойной ночи!

* *
*

По обыкновенію, сегодня вечеръ провелъ съ ней, съ моей милой Наташей. Сегодня она была особенно хороша и какъ весело провелъ я съ ней время! Только странно, я никогда съ ней (послѣ того, какъ она моя невеста) не говорю ничего серьезнаго! Все только шутимъ, *болтаемъ*, цѣлуемся и только! Разговоры про будущую жизнь, про обязанности мужа и жены—какъ-то не клеятся! Любовь и любовь! Тутъ ужъ ничего нѣтъ, кромѣ поцѣлуевъ, ласкъ, и какъ ни проповѣдуй, а, право, первые дни такъ давно желанной любви трудно посвящать на *умные* разговоры!

XVII.

Прошло около двухъ лѣтъ.

Сергѣй Чоглоковъ все это время оставался съ матерью за-границей, такъ какъ здоровье его внушало серьезное опасеніе и доктора не пускали его въ Россію, несмотря на страстное его желаніе.

Онъ уступалъ желанію матери и оставался, не переставая тосковать по родинѣ и по безвременно погибшей Натанѣ. Ему изъ Россіи писала только Варенька, и ея мнѣнія, но дружескія письма значительно утѣшали его.

Неизвѣстно, сколько-бы еще времени пробылъ Сергѣй за-границею, но въ это время политическія дѣла наши сложились такъ, что необходимо было возвратиться въ Россію, и весною 1853 года генералъ энергичнымъ письмомъ вызвалъ жену и сына домой.

Грозная севастопольская година приближалась.

Наши дѣла на Востокѣ складывались такъ, что близость войны чувствовалась рѣшительно всѣми, а громадное большинство нетерпѣливо ждало этой войны и желало ее, страдая отъ уязвленного національнаго самолюбія, страдая за родственныхъ намъ славянъ.

Угнетеніе славянъ турецкимъ правительствомъ перешло всѣ мѣры.

Болгары, босняки, герцеговинцы и критскіе греки терпѣли отъ турокъ невѣроятно, угнетаемые со всѣхъ сторонъ, оскорбляемые въ своихъ вѣрованіяхъ. Законныя требованія императора Николая Павловича не исполнялись турецкимъ правительствомъ, оно вѣроломно нарушало трактаты, забывало данныя обѣщанія. Нашъ посолъ въ Константинополь, князь Меншиковъ, употреблялъ всѣ силы своего дипломатическаго ума на склоненіе турецкаго правительства къ исполненію справедливыхъ требованій Россіи и, не добившись благопріятныхъ результатовъ, былъ отозванъ въ Петербургъ.

Это обстоятельство, въ сущности незначительное и никоимъ образомъ не служившее вызовомъ, было принято враждебными къ намъ Англіей и Франціей именно за вызовъ, и вотъ Франція послала свою эскадру къ берегамъ Саламина, а затѣмъ и англійскій флотъ присоединился къ ней, и оба эти флота заняли заливъ Безики у входа въ Дарданеллы, объясняя этотъ маневръ простымъ случаемъ. Но не простой былъ это случай, и Турція отлично поняла, что ее поддерживаютъ, что у нея готовы союзники, а потому рѣшительно отказала намъ во всѣхъ требованіяхъ, и русскому императору оставалось лишь съ достоинствомъ отвѣтить на это.

Отвѣтомъ было занятіе нашими войсками Придунайскихъ княжествъ.

Вотъ что сказано обо всемъ этомъ въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 14-го іюня 1853 года:

„Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита Православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ Нашихъ. Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить Намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій Нашихъ; и они, имѣя основаніемъ достославный кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими актами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ церкви Православной. Но, къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ успій Нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ Нашей Православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушили сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь Православію драгоцѣннаго. Старанія Наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное Намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено. Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ

нашихъ требованій, признали Мы необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія княжества, дабы показать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены Мы начинать войны; занятіемъ княжествъ Мы хотимъ имѣть въ рукахъ Нашихъ такой залогъ, который-бы во всякомъ случаѣ ручался Намъ въ возстановленіи нашихъ правъ. Не завоеваній ищемъ Мы: въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе Нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность Православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ Нашъ, и, съ полною надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за вѣру Православную!“

Главнoкомандующимъ арміею, вступившей въ Придунайскія княжества, былъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Горчаковъ, военачальникъ храбрый и искусный и столь-же опытный дипломатъ. Ему приходилось такъ вести дѣло въ занятомъ нашими войсками краю, чтобы не возбудить неудовольствіе жителей, чтобы поддерживать въ войскѣ строжайшую дисциплину и продовольствовать его отнюдь не на средства жителей, — а и первое и второе было не легко, такъ какъ войска смотрѣли на жителей, какъ на враговъ, какъ на преданныхъ Турціи вассаловъ, и крайне недружелюбно были встрѣчены жителями, ожидавшими отъ вступившихъ войскъ всевозможныхъ бѣдъ и напастей, тяжелыхъ притѣсненій, поборовъ и обидъ. Необходимо было успокоить жителей, дать имъ понять, что мы не желаемъ ихъ обижать и не съ ними явились воевать.

И вотъ князь Горчаковъ обратился къ жителямъ Молдавіи и Валахіи съ слѣдующей прокламаціей: „Государь Императоръ, Августѣйшій мой повелитель, изволилъ приказать мнѣ занять вашъ край войсками, ввѣренными моему начальству. Вступая въ ваши предѣлы, мы ни намѣрены искать

завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими вы управляетесь, и политическаго вашего положенія, утвержденнаго торжественными договорами. Временное занятіе княжествъ, которое мнѣ поручено привести въ исполненіе, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ непосредственнаго и дѣйствительнаго покровительства въ непредвидѣнныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, когда турецкое правительство, забывая многочисленныя знаки искренней дружбы, которые Императорскій Дворъ не переставалъ ему оказывать, со времени адрианопольскаго трактата, — отвѣтствуетъ на наши предложенія, самыя справедливыя — отказами, наши безкорыстные совѣты — оскорбительною недовѣрчивостію. Въ своемъ долготерпѣніи, въ своемъ постоянномъ желаніи сохранить миръ на Востокѣ, какъ и въ Европѣ, Государь Императоръ намѣренъ избѣгать наступательной войны противъ Турціи, доколѣ сіе будетъ совмѣстно съ Его достоинствомъ и съ интересами Его Имперіи.

„Лишь только Его Величество получить должное удовлетвореніе и ручательство, котораго Онъ въ правѣ требовать для будущаго, — и войска Его возвратятся въ предѣлы Россіи. Жители Молдавіи и Валахіи! По повелѣнію Его Императорскаго Величества, объявляю вамъ также, что пребываніе Его войскъ въ вашей странѣ не повлечетъ за собой никакихъ новыхъ для васъ повинностей и налоговъ и что поставки жизненныхъ припасовъ будутъ уплачиваться въ свое время нашими военными кассами и по цѣнѣ, напередъ условленной съ вашими правительствами. Взирайте безъ боязни на вашу будущность. Продолжайте спокойно заниматься земледѣліемъ, дѣлами торговыми, повинуйтесь законамъ земли вашей и установленнымъ въ ней властямъ. Вѣрнымъ исполненіемъ сихъ обязанностей вашихъ вы приобрѣтете лучшія права на великодушное о васъ попеченіе и могущественное покровительство Его Величества Государя Императора“.

Прокламація эта успокоила жителей и они перестали враждебно относиться къ нашимъ войскамъ; но не такъ отнеслось

къ вступленію этихъ войскъ турецкое правительство, которое, подстрекаемое Англіей и Франціей, желало видѣть въ фактѣ занятія нашими войсками Молдавіи и Валахіи объявленіе войны. Очень скоро турецкое правительство и заявило свое враждебное къ намъ расположеніе.

Уже 3-го октября того-же 1853 года аванпосты турецкой арміи такъ близко подошли къ нашимъ передовымъ отрядамъ, что дѣло становилось опаснымъ и было похоже на наступательное движеніе. Тѣмъ не менѣе наши передовые пикеты бездѣйствовали, не имѣя инструкцій и не зная, что дѣлать.

Ночью на 4-е октября турки начали стрѣлять по нашимъ пикетамъ, но затѣмъ отступили, не причинивъ намъ вреда, а утромъ ихъ отрядъ занялъ островъ на Дунаѣ, какъ-бы дразня насъ и вызывая къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Мы бездѣйствовали, но въ войскѣ съ каждымъ днемъ росъ духъ озлобленія къ дерзкому врагу и солдаты рвались къ бою, не понимая, почему начальство не начинаетъ наступленія и видя въ туркахъ лютыхъ враговъ, притѣснителей нашихъ братьевъ по вѣрѣ—славянъ, угнетателей христіанства.

Между тѣмъ турки замолчали и до 10-го октября по всей передовой линіи не раздалось ни одного выстрѣла.

— Замолчали, черти, боятся!—говорили солдаты.

— Чего имъ бояться-то, ежели мы молчимъ?—возражали недовольные. — Они вонъ палили ужъ въ нашихъ, а мы, ровно деревянные, молча стоимъ... Послали-бы насъ впередъ, такъ мы-бъ имъ, бритоголовымъ, показали себя!...

— Жаль, тебя не назначили главнокомандующимъ-то, Тюринъ!...

— Что-жъ, я-бы не сталъ дремать: я-бы имъ, идоламъ, показалъ себя...

— Да и стоитъ, братцы,—говорили солдаты,— потому турка эта во какая ехидная, страсти!

— Погоди ужо, поколотимъ еще, не вѣкъ будемъ стоять вотъ такъ-то...

Ночь на 11-е октября была сырая и темная, моросилъ небольшой дождь, отъ Дуная подымался туманъ и густыми клубами ползъ на низменный берегъ по сю сторону, застилая стоянки нашихъ передовыхъ, подвинутыхъ къ берегу, отрядовъ.

Войско скучало въ бездѣйствіи и апатично ждало чего-нибудь рѣшительнаго.

Къ самому берегу Дуная, противъ Туртукая, былъ выдвинутъ казачій пикетъ. Начальникъ пикета, молоденькій офицеръ, соскучившись безцѣльно стоять на пустынномъ берегу и не видя ничего со стороны турокъ цѣлую недѣлю, преспокойно спалъ, закрывшись буркою. Казаки сидѣли вокругъ огонька и разговаривали.

— Вовсе скучно стало, братцы! — говорилъ красивый, хотя уже пожилой, „бывалый“ казакъ Тарасовъ. — Мы молчимъ, да и турка затихъ...

— Да, замолчалъ и онъ. Надо полагать, что стоимъ вотъ такъ-то, да и домой уйдемъ, — сказалъ молодой казакъ, лѣниво зѣвая. — Ужъ отпустили-бы, что-ли.

— Тебѣ небось къ женѣ охота? — засмѣялся Тарасовъ. — Надо, братъ, подождать. Пойдешь къ женѣ тогда, когда у турки гостинцевъ ей добудешь, пару-другую турецкихъ женъ ограбишь... Безъ войны, братъ, дѣло не обойдется...

— А что, Тарасовъ, изъ-за чего мы сейчасъ воевать хотимъ? — обратился къ „бывалому“ Тарасову другой молодой казакъ. — Правда-ли, сказываютъ, что турка нашихъ русскихъ очинно забижаетъ, которые вотъ на его землѣ живутъ?

— Русскихъ на его землѣ нѣтъ, у русскихъ своего мѣста много, а забижаетъ онъ болгара, грека, ему житья не даетъ, — авторитетно объяснилъ Тарасовъ.

— Такъ пушай. Намъ-то что за дѣло?

— Вотъ и видно, что ты — бѣлогубый дуракъ!... Какъ же намъ не дѣло, ежели грекъ теперича нашей вѣры, христіанинъ и намъ по вѣрѣ братъ? Наша обязанность защи-

титъ его, а онъ человѣкъ слабый, хорошій человѣкъ... И вовсе, братцы, турки забижаютъ его!... Турка—идолъ, онъ окромя своего Махомеда никого знать не хочетъ и сейчасъ это христіанина мучить... Надругается надъ грекомъ страсти какъ, а жену его, дочку къ себѣ въ жены беретъ, благо у него, у турки бритоголоваго, по закону положено сотню женъ имѣть... Заберетъ это въ полонъ греческихъ бабъ и дѣвокъ и въ свою вѣру приводитъ зачнетъ. Которая приметъ его вѣру—въ жены къ себѣ возьметъ, а которая не пожелаетъ—мучить ее... На колъ сажаютъ, огнемъ жгутъ, кожу съ живой сдираютъ...

— Ахъ, штобъ его прорвало!... И грекъ терпитъ?

— Что-жъ ему дѣлать, ежели онъ человѣкъ слабый?... Вотъ нашъ императоръ и вступился, и послалъ на турку войско, а англичанинъ сейчасъ контру...

— Ему что за дѣло?

— Зависть беретъ. Какъ-де это русская держава турецкую землю подъ себя возьметъ, а я только губы облизывать буду? Надо мнѣ помѣшать, ну, и пошелъ, и французъ къ себѣ на подмогу взялъ...

— А французъ и англичанинъ не нашей, вѣдь, вѣры, Тарасовъ?

— Они хоша не совсѣмъ нашей вѣры, но все-же они христіане.

— Такъ имъ довольно стыдно за нехристя стоять...

— Что-же дѣлать? Политика такая выходитъ... Они, братцы, боятся, чтобъ мы у турки Ерусалимъ городъ не отняли... Въ Ерусалимѣ-то гробъ Господень, англичанинъ и французъ гробу Господню поклоняются, какъ и мы, ну, и боятся, чтобъ мы не завладѣли имъ...

— А развѣ Ерусалимъ городъ туркѣ принадлежитъ?

— Ему, на турецкой землѣ онъ.

— Такъ какъ-же англичанину не стыдно теперича? Рази лучше, что онъ нехристю-то принадлежитъ, Ерусалимъ-то?

— Опять-таки зависть: не мнѣ, дескать, такъ пусть и не тебѣ!...

— Народъ тоже!

— Народъ, братъ, съ политикой...

— И выходитъ теперича, Тарасовъ, что мы за городъ Ерусалимъ, за гробъ Господень воевать-то будемъ?

— Выходить такъ.

— Ну, ужъ и докажемъ-же мы себя, ежели такъ-то!... Во какъ разбираетъ, — рука даже чешется турку поколотить!

— Старайся, Макаровъ. Турку побьешь—жену его себѣ возьмешь.

— На что она мнѣ? Той-же шашкой и ей башку раскрою, потому одна гадина-то...

— Толкуй тамъ, а увидишь турецкихъ бабъ — слюни распускаешь!

— Хороши?

— Крали!... Хе, хе, хе... Пока что, Макаровъ, а огоньку надо прибавить,—сходи-ка, братъ, притащи камышу сухого...

Молодой казакъ пошелъ къ рѣкѣ и вернулся съ оханкою сухого камыша.

— Ровно, братцы, кто плыветъ по Дунаю-то,—сказалъ онъ, бросая камышъ.

— Ври!

— Право слово. Обираю я это камышъ, а по водѣ эдакъ хлюпъ, хлюпъ, какъ вотъ вссламн...

— Надо поглядѣть...

Тарасовъ взялъ винтовку, оглядѣлъ замокъ, подсыпалъ на полку пороху и пошелъ къ рѣкѣ. Поднялись и другіе казаки, лѣниво потягиваясь.

Вдругъ оглушительный залпъ раздался въ тишинѣ туманной ночи и градъ пуль съ визгомъ пролетѣлъ надъ пикетомъ...

— Турки!—раздались голоса—и всѣ засуетились.

По всей передовой линіи ударили тревогу, вспыхнули сигнальные огни на вышкахъ казачьихъ пикетовъ, и берегъ ожилъ.

Подкравшіеся на лодкахъ турки ограничились однимъ залпомъ и поспѣшно удалились къ Туртукаю, оставивъ на берегу убитымъ казака Тарасова.

Этотъ казакъ былъ первою жертвою великой войны, которая началась съ этого дня и заняла вниманіе всего міра...

XVIII.

Когда во время войны падаютъ ея жертвами сотни и тысячи людей, когда смерть коситъ направо и налево и летаетъ надъ головою каждаго участника войны отъ послѣдняго фурштадскаго солдата до главнокомандующаго, тогда къ этимъ жертвамъ привыкають и видъ убитаго, окровавленнаго и изуродованнаго человѣка не производитъ никакого впечатлѣнія, но когда падаетъ сраженный вражеской пулею человѣкъ не во-время схватки, не въ пылу битвы, а неожиданно-негаданно, убитый украдкою,—тогда это глубоко потрясаетъ оставшихся въ живыхъ и поселяетъ въ нихъ звѣрскую злобу противъ врага.

Такое именно впечатлѣніе произвелъ на наши аванпосты убитый подъ Туртукаемъ казакъ, убитый вѣроломно, убитый точно разбойниками и въ то время, когда онъ совершенно не ждалъ этого, готовясь только къ битвѣ, мечталъ еще о ней. Солдаты думали, что и высшее начальство такъ-же смотреть на смерть казака Тарасова, и ждали приказаній начать наступленіе.

Приказаніе не замедлило и уже на другой день было крупное дѣло, а затѣмъ кровь полилась по всѣмъ правиламъ военнаго искусства.

Мы беремъ свѣдѣнія о первыхъ схваткахъ нашихъ съ

турками изъ официальныхъ донесеній и полагаемъ, что это придастъ нашему разсказу особенно яркій колоритъ правдивости.

11-го числа отдѣленіе нашей дунайской флотиліи прибыло въ Галацъ. Двумъ пароходамъ „Пруту“ и „Ординарцу“ и восьми канонирскимъ лодкамъ приказано было подняться изъ Измапла къ Браилову. Флотиліи предстояло подняться вверхъ по Дунаю, мимо вновь возведенныхъ укрѣпленій Исакчи. Предположено было, для избѣжанія напрасной потери, распорядить плаваніе такъ, чтобъ суда поровнялись съ непріятельскими батареями послѣ наступленія темноты: но храбрые моряки просили, какъ милости, дозволенія пройти мимо Исакчи среди дня. Итакъ, суда наши явились въ восемь съ половиною часовъ утра передъ турецкими укрѣпленіями, вооруженными 27-ю орудіями. Для отвлеченія вниманія непріятеля, выдвинуты были четыре орудія къ нашему берегу, близъ Сатунова. Турки первые открыли сильный огонь, на который дружно отвѣчали наши суда и береговая батарея. Въ десять съ половиною часовъ утра флотилія, продолжая стройное плаваніе свое, вышла изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ и черезъ нѣсколько часовъ прибыла въ Галацъ съ незначительными поврежденіями. Большая часть города Исакчи выгорѣла отъ пожара, произведеннаго нашими гранатами. Неустрашимости моряковъ соревновали и бывшіе на судахъ нижніе чины Модлинскаго пѣхотнаго полка.

20-го октября, въ часъ пополудни, нѣсколько турецкихъ судовъ съ войсками и пароходъ, буксировавшій галіотъ о трехъ орудіяхъ, пользуясь густымъ туманомъ, пытались спуститься отъ Рушукъ внизъ по Дунаю. Выдвинутыя въ городъ Журжу войска, по одному взводу батарейной № 2-го и легкой № 20-й батарей 10-й полевой артиллерійской бригады, встрѣтили непріятельскія суда мѣткимъ огнемъ и заставили ихъ отойти къ правому берегу рѣки, для исправленія поврежденій, нанесенныхъ имъ нашими выстрѣлами. 21-го числа турецкія войска переправились изъ лагеря при

Туртукаѣ на лѣвый берегъ Дуная и тамъ заняли каменный карантинъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, генераль-адъютантъ князь Горчаковъ приказалъ командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу Данненбергу атаковать непріятеля 23-го числа съ отрядомъ, составленнымъ изъ 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, шести эскадроновъ Ольвиопольскаго уланскаго полка, трехъ сотенъ Донскаго № 34-го полка, батарейной № 3-го и легкой № 5-го батарей 11-й артиллерійской бригады и двухъ орудій Донской № 9-го батареи. Центръ непріятельской позиціи составлялъ вооруженный шестью орудіями карантинъ, отъ котораго, вправо къ Дунаю и влѣво до Аржиса, были проведены ретрашементы съ налесадиrowаннымъ ровомъ. Правый флангъ обстрѣливался трехъярусными батареями съ возвышеннаго праваго берега Дуная, лѣвый флангъ—двумя батареями, возведенными на островѣ противъ устья Аржиса. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ на пушечный выстрѣлъ, непріятель открылъ самый усиленный огонь изъ всѣхъ своихъ орудій. Двѣ батареи наши выстроились въ 450 саженьяхъ отъ укрѣпленія, немедленно начали дѣйствіе и съ своей стороны. Оно продолжалось на этомъ разстояніи въ теченіе часа, послѣ чего батареи понеслись впередъ и стали стрѣлять картечью. Въ то-же время пѣхота наша быстро двинулась подъ самымъ смертоноснымъ огнемъ на непріятельское укрѣпленіе, достигла онаго и частью спустилась въ ровъ. Быстрый и смѣлый этотъ натискъ изумилъ турокъ до такой степени, что непріятельская кавалерія бросилась съ берега въ Дунай; между тѣмъ удачные выстрѣлы нашей артиллеріи произвели два взрыва въ карантинѣ и орудія, въ немъ стоявшія, прекративъ огонь, поспѣшно спустились къ самому берегу рѣки. Пѣхота, занимавшая карантинъ, и часть той, которая находилась въ ретраншементахъ, равнымъ образомъ бѣжали къ берегу и сѣли на лодки. Тогда генераль Данненбергъ, видя, что позиція, оставляемая непріятелемъ, находилась подъ самыми близкими выстрѣлами 40 орудій праваго берега,

приказаль прекратить дѣло и занять позицію у с. Ольтеницы. Пѣхота въ этомъ блистательномъ дѣлѣ показала новый примѣръ порыва и смѣлости, артиллерія отличалась хладнокровіемъ и мѣткостью стрѣльбы. Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 150, ранено: штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 629. Потеря непріятеля была значительна, особенно потонувшими въ Дунаѣ. Въ числѣ главныхъ начальниковъ съ турецкой стороны убиты Мустафа-паша и Гассинъ-паша.

Послѣ блистательнаго дѣла при Ольтеницѣ, турки, оставаясь подѣ страхомъ нанесеннаго имъ тогда удара, не только ничего не предпринимали противъ нашихъ войскъ со стороны Туртукая, но 31-го октября зажгли карантинъ, который они занимали на лѣвомъ дунайскомъ берегу, взорвали два фугаса впереди укрѣпленій, къ нему прилегавшихъ, предали огню мостъ, который они имѣли на Аржисѣ, и удалились на правый берегъ Дуная. Отступление это послужило доказательствомъ вліянія, произведеннаго на нихъ дѣломъ 23-го октября. Намѣреніе непріятеля укрѣдиться на островѣ Маканѣ, для переправы черезъ Дунай около Рущука, не имѣло также успѣха. Генераль-лейтенантъ Саймановъ, удачнымъ дѣйствіемъ 28-го и 31-го октября выдвинутыхъ на берегъ нашихъ батарей, заставилъ турокъ прекратить начатыя ими для сего работы. 31-го числа 83 охотника изъ нашихъ войскъ, на пяти лодкахъ, не смотря на перекрестный огонь непріятельскихъ орудій, переплыли на этотъ островъ и, положивъ на мѣстѣ до двадцати турокъ, удостовѣрились, что, кромѣ нѣсколькихъ заваловъ, непріятель не успѣлъ еще возвести никакихъ укрѣпленій на Маканѣ. Противъ Виддина непріятельскіе развѣзды, при встрѣчѣ съ нашими, поспѣшно отступили къ Калафату. 3-го ноября командиръ казачьяго № 37-й полка, подполковникъ Шапошниковъ, получивъ свѣдѣніе о переправѣ турокъ черезъ Дунай противъ Никополя, прибылъ къ городу Турно съ резервными сотнями ввѣреннаго ему полка и заставилъ непріятеля, числомъ

двухъ тысячъ, съ двумя орудіями, возвратиться на правый берегъ рѣки. Войска наши, наблюдая всѣ переходныя пункты черезъ Дунай, удобно расположились на обывательскихъ квартирахъ и частью въ землянкахъ, приспособленныхъ къ предохраненію ихъ отъ наступившаго ненастнаго времени.

Бригада генерала Чоглокова въ концѣ сентября 1853 года выступила въ походъ, но онъ получилъ новое назначеніе и остался въ Москвѣ, помимо своей воли и совершенно противъ желанія. Ему было поручено завѣдываніе новобранцами послѣдняго усиленнаго набора. Это назначеніе было очень почетное и генералъ имѣлъ полное право гордиться имъ, оно было почти наградою ему, но генералъ обидѣлся и чуть было не вышелъ въ отставку.

— Новыхъ посылають въ дѣло, новыхъ, геніальныхъ, Суворовыхъ нашли, а насъ на покой!—говорилъ онъ въ клубѣ съ горечью.

— Помилуйте, генералъ, вамъ дали превосходное назначеніе,—возражали ему.—Оно столь-же и вамъ пріятно, сколь полезно отечеству: приготовить къ дѣлу молодыхъ солдатъ—великая заслуга.

— Я-бы ихъ тамъ приготовилъ, на полѣ битвы, и повелъ-бы впередъ, и побѣдилъ-бы съ ними!... Я не для плацъ-парадовъ генералъ-съ, а я солдатъ и хочу выигрывать сраженія не на картѣ, а въ полѣ!—горячился генералъ.—Мы еще не знаемъ геніальныхъ-то этихъ, Наполеоновъ-то, а мы-то ужъ были въ дѣлѣ и порохъ нюхали, такъ на насъ слѣдовало-бы положиться, насъ-бы надо послать...

— У васъ тутъ свои дѣла, имѣнья, сынъ учится, вамъ дали льготу...

— Я не желаю этого!... Я солдатъ и хочу умереть рядомъ съ другими солдатами!... У меня тутъ дѣла, имѣнья, сынъ... Гмъ!... А развѣ у каждаго изъ солдатъ нѣтъ своихъ дѣлъ? Развѣ у солдатъ нѣтъ матери, отца, жены, сына? Солдатъ все это оставляетъ для поля брани и я обязанъ сдѣлать то же!

— Но если солдату даютъ назначеніе въ тылу дѣйствующей арміи—онъ обязанъ повиноваться.

— Я и повинуюсь, повинуюсь!... Развѣ я не повинуюсь?

— Но вы ропщете, а это не полагается солдату... Полноте, генераль, васъ не забыли, напротивъ, и если вы понадобится тамъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій—васъ еще позовутъ...

Генераль Чоглоковъ самъ такъ думалъ и усиленно занимался дѣломъ войны. Онъ выписалъ нѣсколько новыхъ заграничныхъ газетъ, карты и слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, а вечеромъ въ клубѣ критиковалъ распоряженія командующихъ войсками и раздражался все болѣе и болѣе.

Усиленно занималась войною и вся Москва. Мужчины слѣдили за газетами, спорили по клубамъ объ исходѣ войны, осуждали Англію и Францію за ихъ коварную политику; патріоты громко кричали о томъ, что мы побѣдимъ, разгромимъ, „шапками закидаемъ“, а сторонники западныхъ идей безпощадно критиковали все русское и утверждали, что мы компанію проиграемъ. Особенно ярые представители той или другой партіи доходили до ссоръ, до рѣзкостей, а дамы старались примирить ихъ и щипали корпію, не переставая, впрочемъ, щипать и крѣпостныхъ дѣвокъ, если тѣ не угождали имъ и не достаточно проворно и искусно одѣвали ихъ на балы и вечера.

Веселиться въ Москвѣ не переставали и балы шли своимъ чередомъ. Въ началѣ ноября былъ, по обыкновенію, балъ у Ушаковыхъ, какъ и два года тому назадъ, когда Варенька ѣздила со Скосыревымъ навѣщать Сергѣя Чоглокова.

Преобладающій элементъ кавалеровъ былъ не военный, какъ бывало, а статскій: большинство военныхъ ушло въ походъ, перевелось въ дѣйствующую армію, а оставшіеся въ Москвѣ считали неособенно ловкимъ бывать на балахъ въ то время, когда товарищи ихъ несли всѣ трудности военной жизни и подвергались опасностямъ. Балъ тѣмъ не менѣе былъ очень оживленъ и веселъ, много танцовали и о про-

исходившемъ на далекихъ берегахъ Дуная думали тѣ, у которыхъ тамъ были близкіе дорогіе люди.

Варенька, очень похорошѣвшая за эти два года, совсѣмъ сформировавшаяся и необыкновенно эффектная, танцевала всего больше съ молодымъ и очень красивымъ провіантскимъ чиновникомъ Клейгельсомъ, сыномъ богатаго банкира изъ Петербурга. Этотъ Клейгельсъ дѣлалъ блестящую карьеру и, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника, Владиміра и пріѣхалъ въ Москву занять видный постъ по продовольствію арміи, однимъ изъ поставщиковъ который былъ его отецъ.

Стройный, высокій, элегантно одѣтый, Клейгельсъ пріятно улыбался, когда говорилъ съ дамами, и надменно закидывалъ назадъ голову, шурился и начиналъ цѣдить слова сквозь зубы, когда приходилось говорить съ мужчинами, стоящими не особенно высоко. Съ незначительно пожилыми и молодыми людьми онъ совсѣмъ не говорилъ, а только мычалъ какъ-то и совсѣмъ закрывалъ глаза. Въ его выхоленномъ бѣломъ лицѣ съ большими свѣтлыми глазами, съ чувственнымъ ртомъ, съ шелковистыми баками и правильнымъ носомъ было что-то холодное, отталкивающее, а дѣланная улыбка была даже противною.

Этого молодого чиновника называли женихомъ Вареньки Ушаковой и онъ дѣйствительно сдѣлалъ предложеніе черезъ Валентину Михайловну, но отвѣта пока еще не получилъ.

Кончивъ кадрили съ Клейгельсомъ, Варенька освободила свою руку отъ его руки и отошла немного.

— Вы позволите отвести васъ въ гостиную?—догналъ ее Клейгельсъ, склоняя свою длинную фигуру и скаля бѣлые, какъ форфоръ, большіе зубы въ улыбку.

— Нѣтъ, терсі, я хочу поговорить съ моимъ кузеномъ...

— Съ мосье Чоглоковымъ?

— Да.

— Ахъ, я очень радъ съ нимъ познакомиться и буду вамъ благодаренъ, если вы доставите мнѣ это удоволь-

ствіе. Мы еще не представлены другъ къ другу, а между тѣмъ я...

— Потомъ, послѣ я познакомлю васъ,—перебила Варенька,—а теперь мнѣ надо говорить съ нимъ tête-à-tête...

Клейгельсъ поклонился и отошелъ, сощуривъ глаза, а Варенька быстро направилась къ гостиной, въ дверяхъ которой стоялъ Сергей, разглядывая въ лорнетъ пеструю толпу гостей.

Похорошѣвшая Варенька была особенно хороша на этомъ балу въ своемъ новомъ, только-что выписанномъ изъ Парижа платьѣ. Такихъ платьевъ было только два на всемъ балѣ—одно на дочери перваго богача Т-ва, а другое—на Варенькѣ.

Борисъ Павловичъ выписалъ это платье, помимо желанія жены, заплатилъ за него очень дорого и показывалъ всѣмъ гостямъ, прибавляя къ цѣнѣ въ четверо и называя баснословную сумму.

Платье было сдѣлано изъ розовой шелковой матеріи съ одиннадцатю воланами. Очень высокій лифъ былъ застегнутъ агатовыми пуговицами, рукава съ тремя пышными волнами доходили до локтя, а внизу были другіе рукава изъ вышитой цвѣтами кисеи. Весь лифъ и рукава украшались черными шелковыми лентами, прикрѣпленными сзади и спереди къ лифу небольшими бѣлыми и розовыми цвѣтами. Такіе-же цвѣты спускались гирляндами на юбку и охватывали ее кругомъ.

Сергѣй издали улыбнулся Варенькѣ и окинулъ ея туалетъ взглядомъ.

— Какъ ты хорошо одѣта, Варя, чудо—сказалъ онъ, когда Варенька подошла къ нему, и пожалъ ей руку.—Я такихъ туалетовъ не видалъ даже въ Парижѣ, недаромъ ты невѣста банкирскаго сына...

— Ну, какая я невѣста этого деревяннаго банкирскаго сына!... Я его скоро совсѣмъ прогоню отъ себя... Ты не хочешь танцевать, Сережа? Я-бы отдала тебѣ третью кадрили.

— Спасибо, милая, но я не буду танцевать,—отвѣтилъ Сергѣй съ легкимъ вздохомъ.

— Мнѣ-бы хотѣлось поговорить съ тобою, Сережа...

— Такъ пойдемъ въ угольную и поговоримъ, авось туда не придетъ твой банкиръ этотъ... Пойдемъ, милая, я самъ хочу говорить съ тобою...

Сергѣй особенно сильно подружился со своею кузиною послѣ возвращенія изъ-за границы и очень любилъ Вареньку, у ней только и бывалъ. Онъ сильно взмѣнился, точно не короткіе два года, а мучительно длинныя десять лѣтъ легли на него. Глаза какъ-то устало смотрѣли и ушли въ глубь, кожа на лицѣ приняла матово-блѣдный оттѣнокъ, чуть замѣтная морщинка легла между бровей, черты лица стали рѣзки, губы плотно сжались и линія ихъ разрѣза приняла характеръ той твердости воли и затаенной муки, который говоритъ или о годахъ долгихъ страданій или о прирожденной большой внутренней силѣ. Онъ отпустилъ за-границей бороду и она очень шла къ нему, но возбуждала негодованіе старичковъ и старушекъ, которые въ то время бороду вообще не одобряли.

Во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, блѣдный и съ усталымъ взглядомъ своихъ глазъ, Сергѣй казался тридцатилѣтнимъ, хотя онъ былъ совершенно здоровъ и физически очень укрѣпился.

— Я получила отъ Скосырева письмо, Сережа, и хочу тебѣ прочесть его,—сказала Варенька, приведя Чоглокова въ угольную комнату и усаживая его на маленькій диванчикъ.

— Развѣ?—оживился Сергѣй. — Ахъ, я очень радъ!.. Онъ гдѣ-же теперь?

— Онъ вѣдь перешелъ въ Ольвиопольскій уланскій полкъ, который теперь на Дунаѣ... Скосыревъ былъ 20-го октября въ дѣлѣ и раненъ...

— Ахъ, бѣдный Володя!.. Давай, Варя, письмо, давай, милая, я сгораю отъ нетерпѣнія?..

Варенька достала изъ-за лифа письмо и подала его Чоглокову.

XIX.

Скосыревъ былъ раненъ въ первомъ большомъ дѣлѣ нашемъ съ турками при Ольтеницѣ и потому оно казалось ему проиграннымъ, несчастнымъ, такъ онъ и писалъ въ своемъ письмѣ къ Варенькѣ; на самомъ-же дѣлѣ мы при Ольтеницѣ одержали побѣду и произвели этой побѣдою сильное впечатлѣніе на турокъ.

Двадцатаго октября былъ сильный туманъ и нѣсколько турецкихъ судовъ хотѣли спуститься внизъ по Дунаю, но этотъ маневръ имъ не удался и только на другой день большой отрядъ турокъ переправился на лѣвый берегъ Дуная и укрѣпился тамъ окопами. Получивъ объ этомъ донесеніе, князь Горчаковъ приказалъ командиру четвертаго корпуса генералу Даненбергу атаковать непріятеля и во что-бы то ни стало выбить его изъ укрѣпленія. Раннимъ утромъ двадцать третьяго октября отрядъ нашъ пошелъ въ атаку.

Моросилъ дождь. Отъ прибрежныхъ болотъ поднимался густой туманъ, сырая мгла пеленою висѣла въ воздухѣ. Громяхая орудіями, двигалась впереди отряда батарея одиннадцатой артиллерійской бригады, которой предстояло начать дѣло обстрѣливаніемъ турецкаго укрѣпленія. Позади этой батареи вытянулись бригада пѣхоты и кавалеріи, состоящая изъ трехъ сотенъ казаковъ и шести эскадроновъ Ольвіопольскаго уланскаго полка, въ которомъ служилъ теперь Скосыревъ.

Шлепая по грязи копытами, медленно двигались лошади въ тѣсномъ строю и порывались впередъ, какъ-бы раздѣляя нетерпѣніе всадниковъ, которымъ давно хотѣлось дѣла. Впрочемъ это желаніе ослабѣвало съ каждой минутою и уступало мѣсто тому тревожному состоянію, которое овладѣваетъ человѣкомъ при приближеніи опасности. Это состояніе неиз-

бѣжно, оно овладѣваетъ самымъ сильнымъ человѣкомъ и если этого не замѣтно, то лишь потому, что каждый старается скрыть свои чувства и казаться покойнымъ, веселымъ и довольнымъ.

Здоровые, сильные, большею частію молодые уланы Ольвиопольскаго полка весело шли въ дѣло, потому что это было доблестью и требовалось начальствомъ, товариществомъ, традиціями, но каждый изъ нимъ думалъ о домѣ, о близкомъ человѣкѣ, о томъ, что можетъ быть не придется уже возвращаться по этой дорогѣ, а придется умереть, то-есть перейти въ какой-то иной, невѣдомый міръ и перестать существовать.

Думая объ этомъ, уланы говорили совсѣмъ о другомъ.

— Что это, Тарасенко, у тебя конь-то козлитъ?—съ усмѣшкою спрашивалъ пожилой уланъ сосѣда, конь котораго грызъ удила, гнулъ шею и то поднимался на дыбы, то подбрасывалъ задомъ.

— Веселится, дяденька,—то же съ улыбкою отвѣчалъ молодой уланъ.—Шелъ то же за дѣломъ, а все стоялъ, ну, и играетъ, радъ.

— А самъ-то ты радъ?

— Охота и мнѣ турку порубить дяденька... Я, дядянька, не боюсь... А вы боитесь нешто?

— Чего бояться-то? Умирать когда-нибудь надо...

Старый уланъ насупился и глядѣлъ въ туманную даль, но, замѣтивъ на себѣ взлядъ товарища съ другой стороны, подмигнулъ ему, улыбнулся и съострилъ на счетъ турокъ.

Скосыревъ все время думалъ о томъ, что ему сегодня придется умереть, что онъ уже доживаетъ послѣднее время, но онъ безпечно улыбался, заломилъ киверъ на бокъ, горячилъ коня и острилъ съ товарищами, у которыхъ онъ успѣлъ уже пріобрѣсти репутацію отчаяннаго головорѣза, но превосходнаго товарища и остроумнаго человѣка.

Видя его безпечную удалъ, ему старались подражать.

— Радъ, Скосыревъ, что придется пороху понюхать?—

спросилъ у Скосырева корнетъ Шмитовъ, который всю ночь передъ дѣломъ провелъ въ молитвѣ, а теперь сильно возбужденный, подымалъ коня въ лансады, не выпуская его изъ шенкелей.

— Конечно, радъ!—отвѣтилъ Скосыревъ.

— А если убьютъ?

Корнету хотѣлось знать, какъ думаетъ Скосыровъ объ опасности и думаетъ-ли о ней, и не стыдно-ли думать.

— Вотъ вздоръ!—засмѣялся Скосыревъ.

— То-есть, какъ-же вздоръ?.. Убить могутъ cadaго изъ насъ...

— Ну, объ этомъ думаетъ только тотъ, кто труситъ...

Корнетъ Шмитовъ покраснѣлъ и далъ коню сильный шенкель, чтобы замаскировать себя.

— Да, это правда,—отвѣтилъ онъ, сдерживая коня.— У меня вотъ ни малѣйшей думы о смерти.

Ихъ перегналъ начальникъ отряда генералъ Даненбергъ, ѣдущій въ коляскѣ съ двумя адъютантами и взводомъ казаковъ верхами. Генералъ былъ блѣденъ и пасмуренъ. Онъ угрюмо оглядывалъ ряды кавалеріи и сѣрые умные глаза его были задумчивы и печальны.

Ротмистръ Крафтъ, красивый рослый мужчина съ длиннѣйшими рыжими усами, ѣхалъ сбоку эскадрона и шутилъ съ солдатами, ободряя ихъ и бравируя. На его правильномъ нѣмецкомъ лицѣ не было и тѣни тревоги, а голубые глаза весело и бойко смотрѣли изъ-подъ надвинутаго на брови кивера.

Скосыревъ поглядѣлъ на Крафта и подавилъ вздохъ, завидуя этому воинственному офицеру, потомъ прищипорилъ лошадь, подскакалъ къ Крафту, широко улыбаясь и сказалъ:

— Какимъ я горю нетерпѣніемъ идти въ атаку, Крафтъ! То-есть понимаешь ты—такъ вотъ и подмываетъ, такъ-бы вотъ и бросился!..

Крафтъ поглядѣлъ на вѣселое, оживленное лицо Ско-

сырова и повѣрилъ словамъ его, и закрутилъ усь, быть можетъ тоже завидуя хладнокровію „отчаяннаго“ корнета.

Черезъ часъ туманъ разсѣялся и нашъ отрядъ увидѣлъ турецкое укрѣпленіе. Кавалеріи было приказано остановиться и ждать появленія непріятельской кавалеріи, которую предполагалось выбить изъ укрѣпленія артиллерійскимъ огнемъ и затѣмъ уже атаковать.

При первыхъ лучахъ блеснувшего изъ-за тумана солнца началось артиллерійское дѣло. Орудія подъ прикрытіемъ пѣхоты были выдвинуты впередъ и открыли огонь. Рѣзко, отчетливо, перекатываясь въ горахъ праваго берега Дуная, прогремѣлъ первый выстрѣлъ и звеня понесся снарядъ. За нимъ другой, третій, четвертый...

Канонада началась.

Стоявшей въ ожиданіи атаки кавалеріи было видно, какъ вылетѣлъ изъ жерла орудій клубъ дыма, сопровождаемый грохотомъ и какъ снарядъ съ оглушительнымъ визгомъ и звономъ проносился надъ головами нашей пѣхоты и падалъ въ турецкомъ укрѣпленіи. Турки отвѣчали убійственнымъ огнемъ и начали сильно вредить нашему отряду, не защищенному ничѣмъ.

Начальникъ артиллеріи, молодой полнокровный генералъ, сильно ажитированный и взволнованный, подскакалъ полнымъ карьеромъ къ начальнику отряда генералу Даненбергу и осадивъ лапаша, приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Ваше превосходительство, — задыхался отъ волненія и отъ быстрой ѣзды сказалъ онъ, — ваше превосходительство, мы теряемъ людей напрасно!. Позвольте, ваше превосходительство, атаковать непріятеля... Я сейчасъ выбью его картечью, а такъ мы только теряемъ...

Даненбергъ жестомъ остановилъ артиллерииста и направилъ подзорную трубу на турецкое укрѣпленіе.

Даненбергу самому хотѣлось атаки, но онъ еще не рѣшилъ ее и былъ недоволенъ вмѣшательствомъ артиллерійскаго генерала.

— Продолжайте стрѣлять!—холодно проговорилъ онъ.

— Ваше превосходительство...

— Продолжайте стрѣлять!

Артиллерійскій генералъ повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ.

Дененбергъ оглянулся. Одинъ изъ адъютантовъ сейчасъ-же подошелъ къ нему.

— Велите начать атаку!—отрывисто и строго приказалъ Дененбергъ.

Адъютантъ, послѣшнно цѣпляясь за стремя и никакъ не попадая въ него, вскочилъ на лошадь и поскакалъ.

— Атаку, атаку!—кричалъ онъ, не замѣчая свистящихъ надъ нимъ и лопающихся вокругъ снарядовъ.

Двѣ конныя батареи наши понеслись къ укрѣпленію и открыли огонь картечью, а пѣхота за ними бросилась въ слѣдъ съ громкимъ и дружнымъ „ура“. Черезъ десять минутъ она скрылась во рву укрѣпленія и затѣмъ отдѣльными кучками замелькала въ дыму у насыпи укрѣпленій.

Каждый солдатъ шелъ бить „врага“ и каждый солдатъ былъ озлобленъ противъ этого врага. Солдаты дрались львами, презирая опасность и лишь порываясь впередъ.

Уланы видѣли все дѣло и ждали своего времени.

Оно пришло.

Полковникъ тронулъ лошадь, выѣхалъ впередъ, вынулъ саблю и, какъ на ученьи, оглянулъ полкъ строгимъ, пеньтующимъ взглядомъ.

— Съ Богомъ, ребята, впередъ!.. Рысью маршъ!..

Полкъ дрогнулъ, заколыхался и, звеня саблями, колебаясь пиками, двинулся впередъ. Скосыревъ, стиснувъ рукоятку сабли, ѣхалъ съ фланга и впился глазами въ покрытую густымъ пороховымъ дымомъ даль.

„Тамъ моя смерть!—думалъ онъ.—Вотъ въ этой мглѣ я найду конецъ всего, чѣмъ я жилъ... А что-же за этимъ концомъ?.. Боже, что за этимъ концомъ?.. Скорѣй-бы скорѣй и безъ мученій!.. Да почему-же мы ѣдемъ рысью?..

Когда-же, атака?.. Ахъ, какъ долго это!.. Кажется я трушу... Да нѣтъ-же, нѣтъ!.. Вѣдь я-же ѣду, я хочу впередъ...“

Онъ поглядѣлъ на лица солдатъ. Всѣ, какъ и онъ, напряженно глядѣли впередъ и точно прислушивались къ чему-то. Только это выраженіе напряженнаго вниманія и было замѣтно на лицахъ.

Натискъ нашей пѣхоты былъ неожиданъ для турокъ и они оставили укрѣпленіе. Пѣхота ихъ бѣглымъ маршемъ отошла къ берегу и садилась въ лодки, прикрытыя орудіями, а кавалерія густой колонной двинулась впередъ, но вдругъ повернула подъ усиленнымъ огнемъ нашихъ двухъ батарей и поскакала къ берегу.

— Въ атаку!.. Маршъ, маршъ!—яростно крикнулъ полковникъ уланскаго полка и лошади сами рванулись впередъ и понеслись.

Еще не успѣли уланы настичь турецкую кавалерію, какъ она бросилась въ рѣку и, оставляя бродъ далеко вправо, тонула, гибла на нашихъ глазахъ. Уланы ударили въ тылъ отступающей кавалеріи и рубили бѣгущихъ турокъ.

Дѣло было блестящее, оно покрыло славой русское оружіе и записано въ военныя лѣтописи какъ самое удачное, но Скосыреву оно показалось страшнымъ, проиграннымъ. Онъ обскакалъ на своемъ горячемъ, недавно купленномъ туркменскомъ конѣ свой эскадронъ и отдѣлился отъ своихъ. Десятка два арнаутовъ, въ безпорядкѣ отступающіе къ переправѣ, отрѣзали ему дорогу и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ него. Скосыревъ почувствовалъ, какъ подъ нимъ что-то осѣло, точно земля подалась и очутился пѣшимъ. У него убили лошадь.

Онъ закричалъ что-то, но въ ту-же минуту почувствовалъ опять странное ощущеніе паденія куда-то, закрылъ лицо руками и упалъ. Раздался грохотъ, въ глазахъ сперва замелькали огни, потомъ потемнѣло все и все пропало. Скосыреву показалось, что онъ умираетъ, но это былъ обмо-

рокъ отъ сильной боли и потери крови. Онъ былъ раненъ въ правую ногу на вылетъ пулею и контуженъ въ голову осколкомъ гранаты.

Больной, страдающій, онъ написалъ изъ госпиталя письмо къ Варенькѣ и письмо это было очень печально и грустно, а дѣло подъ Ольтеницей представлялось дѣломъ тяжелымъ, страшно кровопролитнымъ и проиграннымъ, такъ что Варенька, читавшая реляціи, была смущена и не довѣряла официальнымъ донесеніямъ...

XX.

Прочитавъ Сергѣю мрачное, печальное письмо Скосырева, Варенька сдѣлалась задумчивою и хорошенькое личико ея омрачилось.

— Мнѣ ужасно тяжело, Сережа,—сказала она. Я всегда съ печалью думала о войнѣ, но послѣ письма Скосырева я просто затосковала!...

— Что-же дѣлать, Варенька,—отвѣчалъ Сергѣй.—Однимъ людямъ выпадаетъ на долю одно, другимъ—другое...

— Скажите, какая философія!—воскликнула Варенька.—Перестань, пожалуйста, Сергѣй, говорить не то, что ты думаешь... Я хорошо знаю, что тебя самого смущаетъ такая рознь и ты только въ качествѣ моралиста такъ говоришь мнѣ, что до ей, дѣвчонкѣ, пустяки думать!... Я—не дѣвчонка, я многое научилась понимать...

— Допустимъ, но что-же дѣлать, Варенька? Не всѣмъ-же идти въ военную службу и на войну...—сказалъ Сергѣй, пожимая руку кузины.—У меня личное горе, Варенька, и оно такъ много заняло во мнѣ мѣста, что другому-то горю помѣститься негдѣ... Весь я отдался этому своему горю...

— А ты отдайся немного чужому горю, Сережа, и твое собственное ослабнетъ.

Сергѣй взглянулъ на Вареньку.

— Откуда это ты, Варенька, такой мудрости научилась?— спросилъ онъ.— Ты совсѣмъ другая стала...

— Ахъ, Сережа, я все та-же, на только я поумнѣла и кой-что узнала хорошее... Я попробовала приносить жертву людямъ и нашла, что это очень хорошо, и полюбила это... Я была немного влюблена въ тебя... Даже и не немного, а порядочно, но я узнала, что ты любишь другую, и мнѣ подсказало что-то, что я должна не только уступить тебя этой другой, но помогать еще и ей и тебѣ. Это мнѣ очень понравилось, это дало мнѣ наслажденіе и я стала продолжать... Конечно, у меня очень маленькій кругъ мой дѣятельности, но все-же мнѣ доставляетъ удовольствіе копаться въ этомъ кругу. Я, напимѣръ, нашла, что очень много ношу платьевъ, что это даетъ лишній трудъ дѣвушкамъ, и я стала бережливѣе, я сократила шитье, глаженье и дѣвушкамъ удастся больше работать для себя... Но вообрази, Сережа: это мое маленькое доброе дѣло принесло большую бѣду!

— Какимъ образомъ?—спросилъ Сергѣй, съ большимъ любопытствомъ слушая кузину.

— А видишь ты: дѣвушки безъ работы стали шалить, убѣгали гулять, знакомились тамъ съ нашими-же дурными дѣвушками, бѣгали на половину рара, а у него ужасная дворня... Ну, однимъ словомъ, произошло совсѣмъ не то, чего я ждала... Двухъ дѣвушекъ мама принуждена была сослать въ деревню.

— Да, это очень тяжело,—угрюмо сказалъ Сергѣй.— Это не можетъ долго существовать. Такъ ты что-же сдѣлала, Варя? Ты опять стала давать своимъ дѣвушкамъ работу на ночь?

— О, нѣтъ,—даже обидѣлась Варенька.—Я совсѣмъ не такъ легко отношусь къ своимъ дѣламъ, какъ ты думаешь...

— Что-же ты сдѣлала?

— Я ихъ стала учить читать.

Сергѣй съ удивленіемъ взглянулъ на Вареньку.

— Читать?—переспросилъ онъ.

— Да. А что? Почему ты съ такимъ удивленіемъ смотришь на меня? Ты не одобряешь этого?

— Помилуй, Варенька, напротивъ! Ты удивляешь, меня, моя милая кузина. И удивляешь и радуешь! Откуда это въ тебѣ? Какъ ты этому научилась?

— Я говорю тебѣ, что попробовала дѣлать хорошее, и мнѣ это доставило наслажденіе, ну, и стала продолжать... Вообрази, Сережа, что ни одна изъ моихъ дѣвушекъ не умѣла читать, а теперь онѣ почти всѣ читаютъ. И какъ онѣ рады, Сережа, ты себѣ вообразить не можешь.

— Ну, а Борисъ Павловичъ что говоритъ? Маман?

— Ахъ, я вынесла борьбу!... Рара вѣдь очень добрый и милый, но онъ... онъ странный, кажется... Онъ былъ противъ, хотѣлъ совсѣмъ запретить, но потомъ забылъ и теперь не интересуется моею школою, ну, а маман мнѣ все позволяетъ. Она тоже бранила меня сперва, смѣялась надо мною, а потомъ ничего... Она, видишь ты, думала, что если дѣвушки научатся читать, то сдѣлаются хуже, „вольнодумками будутъ“,—какъ говорила она,—но оказалось, что этого не случилось...

— Ахъ, Варенька, ты меня очень заинтересовала всѣмъ этимъ и я приду посмотрѣть и на учительницу, и на ученицъ во время занятій. Можно?

— Конечно, но только онѣ будутъ стѣсняться... Впрочемъ, это только сперва, а потомъ ничего...

Въ гостиную въ это время вошелъ Борисъ Павловичъ въ удивительно хорошо сшитомъ фракѣ, въ бѣломъ атласномъ жилетѣ, раздушенный, съ какимъ-то иностраннымъ орденомъ.

— Что ты дѣлаешь, Варенька? Что ты дѣлаешь, мой другъ?—съ дѣланымъ пафосомъ заговорилъ онъ по-французски.—Ты, моя милая, хозяйка и ты тутъ сидишь, оставивъ гостей!... Баронъ Клейгельсъ хочетъ танцевать съ тобою, ищетъ тебя, а ты тутъ!...

Клейгельсъ никогда не былъ барономъ, но Борисъ Пав-

ловичъ такъ называлъ его и, кажется самъ вѣрилъ уже, что Клейгельсъ—баронъ.

— Иди, мой другъ, иди, не дѣлай неприличія и помни, что ты дочь Бориса Ушакова!... А ты, Сергѣй, что?... Ты почему не танцуешь?... Ахъ, эта молодость, ахъ, эти господа!... Вотъ баронъ Клейгельсъ—это вотъ образецъ, которому должны подражать всѣ молодые люди... Иди-же, Варенька танцевать... И ты, Сергѣй, иди.

Борисъ Павловичъ такъ-же поспѣшно удалился, какъ и вошелъ. Чоглоковъ съ улыбкой поглядѣлъ ему вслѣдъ.

— Ты смѣешься надъ папою, Сережа?—грустно спросила Варенька.—Онъ не дурной человѣкъ, онъ очень добрый, но онъ странный только...

— Я и не думаю порицать его, Варенька,—произнесъ Чоглоковъ, пожимая руку кузины.—Однако тебѣ дѣйствительно слѣдуетъ идти къ гостямъ, иди, милая.

— Сейчас...

Варенька оглянулась кругомъ, наклонилась къ Сергѣю и таинственно проговорила:

— Сережа, я рѣшила идти въ сестры милосердія и непременно пойду...

Чоглоковъ хотѣлъ что-то сказать, но Варенька перебила его:

— Послѣ поговоримъ объ этомъ, Сережа, послѣ, но знай, что это рѣшеніе неизмѣнно...

Она кивнула головкою и убѣжала.

Рѣшеніе Вареньки идти въ сестры милосердія созрѣло очень быстро, какъ и все въ этой дѣвушкѣ. Быть можетъ, рѣшеніе это быстро и измѣнилось-бы, но ему суждено было окрѣпнуть и на это повліяли два обстоятельства—мрачное, тяжелое письмо Скосырева и знакомство Вареньки съ извѣстной московскою красавицею Акуниной, которая основала въ Москвѣ общину сестеръ милосердія и уже отправилась во главѣ этой общины къ театру военныхъ дѣйствій.

Анна Григорьевна Акунина была вдова. Выйдя замужъ

семнадцати лѣтъ за пятидесяти-лѣтняго человѣка, сильно пожившаго, извѣстнаго въ свое время кутилы, мота, развратника прославившагося жестокостями, получившаго отъ современниковъ прозваніе „маркиза де-Садъ“, она буквально протрадала съ нимъ три года и овдовѣла, наконецъ, наслѣдовавъ отъ мужа все еще крупное состояніе. Три года жизни съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Акунинъ, не могли, конечно, не повліять на молодую женщину и они повліяли, закаливъ ея характеръ, ознакомивъ съ страданіемъ, но эти три года нисколько не повліяли на красоту Анны Григорьевны и она осталась такою-же красавицею, какъ и была, даже похорошѣла еще, развившись изъ дѣвочки въ женщину.

У красавицы-вдовы явилось сейчасъ-же множество поклонниковъ и жениховъ, но она, одинаково со всѣми привѣтливая, не оказывала предпочтенія никому и объявила потомъ, что замужъ никогда не пойдетъ.

Варенька много разъ слыхала объ Акуниной, слыхала о ея замѣчательной красотѣ, о ея ужасной жизни съ мужемъ и очень интересовалась ею, а въ началѣ этой зимы и познакомилась на одномъ изъ баловъ.

Варенька сидѣла съ кѣмъ-то изъ кавалеровъ въ ожиданіи кадрили, вела обычный въ такихъ случаяхъ разговоръ и вдругъ вскрикнула, схвативъ своего кавалера за рукавъ.

— Что вы, Варвара Борисовна!—удивился и испугался тотъ.

— Ахъ, pardon, я напугала васъ, но я поражена!...

— Чѣмъ?

— Красотою вотъ той дамы... Вотъ въ дверяхъ гостиной, вотъ въ черномъ бархатномъ платьѣ... Кто это?

— Это Акунина. Развѣ вы не знаете ее? Она считается первою красавицею Москвы.

— Ахъ, какъ она хороша!—восторженно воскликнула Варенька.—Она—ангелъ, Мадонна!... Я пойду и поцѣлую у нея руку...

Кавалеръ засмѣялся.

— Восторженны и эксцентричны, какъ и всегда,—сказалъ онъ.—Акулина дѣйствительно хороша, но ужь не такое-же божество...

— Именно божество!—перебила Варенька.—Вы знаете-ли, какъ она страдала? Знаете-ли, что она перенесла?

— А вы знаете?—усмѣхнулся кавалеръ, слышавшій о похожденияхъ „маркиза де-Садъ“.

— Знаю, знаю и готова преклониться передъ этой женщиною!... И она „преклонилась“.

Она нашла Акунину, одиноко сидѣвшую въ укромномъ уголкѣ гостиной, и подошла къ ней.

— Я не знакома съ вами,—говорила Варенька, восторженно глядя на Акунину,—но я васъ люблю и хочу съ вами познакомиться, простите мою смѣлость... Я не хотѣла знакомиться съ вами банально, какъ знакомятся со всѣми, я хотѣла особенно познакомиться и буду счастлива, если вы позволите мнѣ это...

Акунина съ улыбкою глядѣла на Вареньку своими прекрасными лучистыми глазами и подала ей руку.

— Я очень рада,—сказала она.

Голосъ у нея былъ ласковый, нѣжный, гармоничный.

— Съ кѣмъ-же я имѣю удовольствіе знакомиться?

— Я—Ушакова, зовутъ меня Варенькою.

— Ахъ, я слыхала... Очень, очень рада... Садитесь со мною.

Акунина пододвинулась на диванчикъ и подобрала платье.

— Чѣмъ-же я заслужила вашу любовь, mademoiselle Ушакова?—спросила она.

— Вы такъ прекрасны?...

— Merci!—улыбнулась Акунина.

— И потомъ вы такъ много страдали...

Акунина съ удивленіемъ поглядѣла на Вареньку.

— Кто-же вамъ говорилъ объ этомъ?—спросила она.

— Ахъ, я много слышала о васъ!... Вы простите меня,

но я, право, искренно говорю все это и потому говорю, что я очень люблю васъ...

— Обожаєте?—усмѣхнулась Акунина.—Вы институтка?

— Да, но это не то... Вы думаете, что я обожаю, какъ вотъ у насъ въ институтѣ обожали? Ахъ, нѣтъ!... Это какая-то особенная любовь и мнѣ бы хотѣлось чѣмъ-нибудь доказать ее...

— Вы докажете, если познакомите меня съ вашей маман и будете у меня бывать... Отведите-же къ вашей маман, я очень хочу познакомиться съ нею...

Валентина Михайловна очень удивилась, когда Варенька подвела къ ней Акунину, растерялась и не скоро нашлась, что говорить, извинилась за эксцентричность дочери, но Акунина обладала умѣньемъ сходитьсь съ людьми и дѣйствительно очаровывала всѣхъ своимъ обращеніемъ, своей красотою, такъ что Валентина Михайловна скоро оправилась, разговорилась, жаловалась на выходки дочери и просила Акунину взять ее подъ свое покровительство. Скоро Акунина сдѣлалась другомъ Вереньки, и дѣвушка очень часто была у нея, охотно отпускаемая матерью.

Страстное желаніе Акуниной идти въ сестры милосердія очень скоро сообщилося Варенькѣ и она просилась было съ нею, но Акунина отклонила эту просьбу, зная, что это будетъ не желательно старикамъ Ушаковымъ.

— Вы молоды, вы принадлежите обществу,—говорила она Варенькѣ,—и вамъ тамъ не мѣсто. Я, мой другъ, другое дѣло, моя роль кончена въ свѣтѣ и я посвящаю себя труду...

Тѣмъ не менѣе рѣшеніе Вареньки не ослабло и она принялась приводить свою завѣтную мечту въ исполненіе, дѣйствуя на этотъ разъ не съ обычными своими порывами, а осторожно медленно и энергично.

Читая извѣстія съ театра войны въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, Варенька встрѣтила тамъ восторженные описанія дѣятельности сестеръ милосердія и это еще болѣе укрѣпило ея рѣшеніе. Особенно сильно повліяла на нее статья швед-

ской писательницы Фредерики Бремеръ, популярной тогда романистки, о русскихъ женщинахъ. „Мы до сихъ поръ еще слишкомъ мало знали нашу восточную сосѣдку,—писала Фредрика Бремеръ въ одномъ изъ журналовъ,—эту необъятную державу, населенную шестьюдесятью милліонами жителей. Намъ говорили, что обитатели этой страны — варвары, и что женщины ея бездушны и холодны, чему тѣмъ легче вѣрили у насъ, что до сихъ поръ ни одинъ женскій голосъ не заговорилъ оттуда, чтобы опровергнуть это мнѣніе, но въ нынѣшнее бѣдственное время войны русскія женщины показали неисчерпаемое богатство своей любви къ отечеству, благочестіе, такъ глубоко скрытное въ сердцахъ ихъ. Самоотверженію ихъ въ пользу раненыхъ и другихъ несчастныхъ жертвъ войны нѣтъ границъ и въ госпиталяхъ онѣ съ одинаковою заботливостью исполняютъ истинно христіанскій долгъ человеколюбія не только по отношенію къ соотечественникамъ, но и къ врагамъ своимъ“.

Далѣе шведская писательница восторженно отзывалась о дѣятельности нашихъ сестеръ милосердія, а затѣмъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ упоминала объ особенно выдающейся дѣятельности одной русской дамы-красавицы, въ которой Варенька узнала Акунину. Это обстоятельство совсѣмъ укрѣпило Вареньку въ рѣшеніи вѣхать сестрою милосердія. Она знала, что ее не отпустятъ ни за что, и даже не заговаривала объ этомъ съ матерью, но она придумала, какъ ей исполнить свое желаніе: она рѣшила дать свое согласіе Клейгельсу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ до свадьбы взялъ ее съ собою на войну, куда онъ отправлялся на-дняхъ въ качествѣ провіантскаго чиновника. Варенька сказала объ этомъ Сергѣю.

— И ты хочешь идти замужъ за этого господина?—воскликнулъ Сергѣй.

— Нѣтъ,—отвѣтила Варенька.

— То-есть, какъ-же?... Вѣдь ты хочешь принять его предложеніе?

— Но отъ этого еще далеко до замужства.

Сергѣй засмѣялся.

— Да, вотъ что... Ну, это, знаешь, что-то чудовищное... Положимъ, господинъ Клейгельсъ—человѣкъ, съ которымъ нѣтъ нужды особенно церемониться, но все-же это слишкомъ... Наконецъ, быть его невѣстою, значить, дать ему очень многія право, а это, согласись, неудобно.

— Ахъ, Сережа, цѣль оправдываетъ средства!—сказала Варенька.

— Ну, не думаю... Я тебѣ одно скажу, Варя: я со-всѣмъ не гожусь теперь для совѣтовъ, я и съ собою-то не знаю, что дѣлать, но мнѣ кажется, что такъ поступать не-честно...

Варенька затуманилась.

— Но какъ-же быть, Сережа?... Я должна ѣхать, должна, я не могу тутъ жить, а вѣдь меня никогда не отпустить,—такъ что-же мнѣ дѣлать?... Ты подумай, Сережа, тамъ страдаютъ, тамъ умираютъ, а мы тутъ ничего не дѣлаемъ!... У меня изъ головы не выходитъ письмо Скосырева, а вѣдь такихъ тамъ сотни, тысячи!...

Въ голосѣ Вареньки слышались слезы.

Чоглоковъ взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза.

— Варенька, ты любишь Скосырева?—спросилъ онъ.

— Я?... О, нѣтъ!... Люблю, какъ брата... Ты очень узко смотришь, Сережа, ты думаешь, что только къ любимому, къ одному любимому человѣку можно ѣхать, а я хочу ѣхать ко всѣмъ, я всѣхъ ихъ одинаково люблю и всѣхъ ихъ мнѣ жаль!...

Сергѣй молча пожалъ руку Вареньки и глубоко задумался.

— Вотъ что,—заговорилъ онъ:—ты подожди немного рѣшать, а я кой-что придумаю... Дашь слово ждать!

— А долго-ли?

— Ну, недѣлю, двѣ не больше... Дашь?

— Хорошо.

Сергѣй уѣхалъ, глубоко озабоченный.

XXI.

Двѣ недѣли даннаго Сергѣемъ срока прошли — и Варенька потребовала отвѣта.

— Я ничего не придумалъ, Варенька, — отвѣтилъ Сергѣй. — И знаешь, что я тебѣ скажу?

— Что?

— Отложи ты свою поѣздку въ дѣйствующую армію на неопредѣленное время и будь здѣсь сестрою милосердія...

— Здѣсь? — спросила Варенька. — Но вѣдь здѣсь нѣтъ раненныхъ, Сережа...

— Варенька, страждущіе есть вездѣ, вездѣ есть люди, которымъ нужна помощь, которые нуждаются въ участіи, въ добромъ словѣ, въ одобреніи... И я одинъ изъ такихъ страдальцевъ, Варенька...

Голосъ Сергѣя дрогнулъ, по блѣдному, исхудалому лицу потекли слезы.

— Сережа, что съ тобою? — съ участіемъ спросила Варенька, взявъ его за руку и заглядывая ему въ лицо.

Они сидѣли въ комнаткѣ Вареньки, наверху, какъ это бывало за послѣднее время; ихъ никто не могъ слышать, и Сергѣй, очень скрытный и сдержанный послѣ поѣздки за границу, казавшійся даже холоднымъ, не счелъ нужнымъ скрывать своихъ чувствъ и заплакалъ, упавъ головою на колѣни Вареньки.

— Милая, дорогая, хорошая моя, еслибъ ты знала, какъ тяжело мнѣ! — говорилъ онъ, рыдая. — Я сдерживаю себя, я не хочу выносить *имъ* на показъ свою скорбь, но я страшно страдаю!... Подумай, Варя, какое у меня горе, подумай!.. Мало того, что умерла моя... моя Наташа, которую я такъ беззавѣтно, такъ глубоко любилъ, мало того, что она умерла измученная, оскорбленная, умерла вдали отъ близкихъ людей и, быть можетъ, отъ чьей-нибудь руки — она умерла еще по волѣ, по винѣ моей матери!.. О, еслибъ эта милая, чудная дѣвушка умерла отъ болѣзни на моихъ ру-

кахъ—я глубоко скорбѣлъ-бы, но я и нашелъ-бы утѣшеніе въ религіи, въ вѣрѣ, а вѣдь теперь... теперь я и въ религіи не нахожу утѣшенія, такъ какъ не смѣю обращаться къ Богу со своимъ сердцемъ, переполненнымъ... переполненнымъ злобою къ матери!.. Только кроткимъ, только умѣющимъ прощать дается забвеніе, они только смѣютъ обращаться къ Богу, а я... я ненавижу свою мать и не могу, не умѣю простить ей!.. Пожалѣй меня, Варенька, найди въ себѣ силъ утѣшить меня, спаси меня отъ гибели и ты исполнишь свое назначеніе, ты будешь истинною сестрою милосердія!..

Сергѣй цѣловалъ руки кузины, обливая слезами.

Плакала и Варенька.

— Хорошо, Сережа, хорошо, я буду всегда съ тобою, я не уйду отъ тебя,—говорила она.—Ахъ, я такъ понимаю тебя, мой милый?.. И знаешь, Сережа, чѣмъ я могу утѣшить тебя?.. Вѣдь это трудно, очень трудно, въ такомъ горѣ не помогаетъ ничто и отъ сердца точно кусокъ оторвали—такъ оно болитъ, по въ твоемъ горѣ есть еще утѣшеніе... Знаешь—какое?

— Какое?—грустно усмѣхнулся Сергѣй.—Не вѣрю я, Варенька...

— А ты вѣрь, ты попробуй вѣрить... Знаешь-ли что? Мнѣ думается, что Наташа, быть можетъ, еще жива...

Сергѣй дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и широко раскрылъ глаза, отшатнувшись отъ Вареньки.

— Жива?.. Наташа жива?.. Варенька, такой безумной надеждою не утѣшишь и ребенка... Не говори этого, Варя...

— А ты выслушай меня, Сережа, хорошенько выслушай...

Варенька даже пододвинулась къ Сергѣю, взяла его за руки и наклонилась къ нему.

Ей очень хотѣлось вѣрить самой и хотѣлось вѣру эту внушить Сергѣю. О мантевизмъ тогда не слыхали, но вѣрить умѣли, а любили, пожалуй, больше чѣмъ теперь.

— Ты выслушай меня, Сережа... Въ нашъ вѣкъ нѣтъ

чудесъ—мы должно-быть очень грѣшны и недостойны того, чтобы намъ давались чудеса, мертвый не воскреснетъ, нѣтъ, но вѣдь мы еще не знаемъ, умерла-ли Наташа. Правда вѣдь?.. Сказали, что она умерла, а никто не видалъ ее мертвою... Этотъ милый, хорошій и смѣшной деньщикъ Скосырева искалъ ее и вѣдь не нашелъ, такъ ничего и не добился... Ее хотѣли тамъ подвергнуть наказанію и она бѣжала и пропала. Ее искали, не нашли и говорятъ—она умерла... А вдругъ нѣтъ?.. Сережа, вѣдь это возможно!.. Ну, повѣришь-ли, голубчикъ, что мнѣ говоритъ что-то, что она не умерла!.. Ты знаешь, какъ твоя мамаш была противъ твоего сближенія съ Наташею и, быть можетъ, она отослала ее куда-нибудь, если только Наташа не скрылась сама... Деньщикъ Скосырева хотѣлъ видѣть ея могилу, — мы думали со Скосыревымъ поставить памятникъ,—но онъ не видалъ этой могилы, никто не могъ указать ее...

Сергѣй слушалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и крѣпко стискивалъ руку Вареньки.

Человѣкъ ничему такъ охотно не вѣритъ, какъ возможности невозможнаго, и чѣмъ больше хочется человѣку этого невозможнаго, тѣмъ охотнѣе онъ говоритъ о немъ и тѣмъ болѣе склоненъ вѣрить ему.

Сергѣю никогда не приходила эта мысль въ голову и онъ переполненъ былъ только тоскою безъ проблеска радости, безъ малѣйшей надежды на утѣшеніе. Онъ былъ все это время въ такомъ состояніи полной тоски, которое обыкновенно кончается самоубійствомъ, и Сергѣй непременно кончилъ-бы самоубійствомъ, разбитый тоскою, уничтоженный ею, но его спасало отъ этого убѣжденіе, что самоубійство вовсе не путь къ забвенію. Онъ задумывался о немъ, онъ былъ не далекъ до самоубійства и въ то время, когда мысль о немъ окончательно созрѣла и наступающій за смертью покой жадно манилъ Сергѣя, вдругъ всталъ вопросъ о томъ, „что будетъ тамъ?“

„Я хочу смертью кончить мои страданія, я ищу въ смерти

покоя и забвенія, а что если я ошибусь?—съ ужасомъ думалъ Сергѣй, совѣмъ уже рѣшивъ покончить съ собою.— Что если я ошибусь?.. Если за моей насильственной смертью наступитъ не покой, а нѣчто худшее? Если я перейду въ иной міръ и тамъ не будетъ мнѣ покоя и забвенія?.. Эта вотъ оболочка, эта покрывка моя распадется, это одѣяніе мое, которое дано мнѣ на двадцать, на тридцать, на сто, наконецъ, лѣтъ, перестанетъ существовать, упадетъ, а развѣ я перестану жить? Развѣ я весь только и состою изъ этого куска мяса и костей?.. Кто смѣетъ сказать это! Кто можетъ, оставаясь честнымъ, утверждать, что дальше этой жизни ничего нѣтъ, если этого никто, никто не знаетъ и не можетъ знать“...

Сергѣй съ ужасомъ отвернулся отъ мысли о самоубійствѣ, лишь благодаря простому вопросу о томъ, получить-ли онъ покой, переставъ существовать тѣломъ. Если-бъ эта простая мысль приходила въ голову каждому — самоубійствъ не было-бы.

Почему-же она не приходитъ? Лишь потому, что здоровой мысли нѣтъ мѣста въ больномъ тѣлѣ и больной душѣ самоубійцы, и лишь потому, что люди все меньше и меньше думаютъ о безконечности и безпредѣльности жизни и создавшего ее Божества.

Не найдя утѣшенія въ мысли о самоубійствѣ, Сергѣй только и жилъ надеждою на милость Бога, Который самъ дастъ ему покой и забвеніе. О земномъ покоѣ онъ не думалъ уже, и вотъ теперь лишь Варенька вдунула въ него искру надежды.

И онъ ожилъ.

Онъ легко и скоро повѣрилъ предположенію Вареньки и ухватился за него, а Варенька обрадовалась своей новой роли — быть „сестрою милосердія“ Сергѣя и вся, какъ и всему, что она дѣлала, отдалась этой новой роли. Они стали видѣться еще чаще, при людяхъ только переглядываясь значительно и понимая другъ друга въ этихъ взглядахъ,

а оставаясь вдвоемъ, много говорили и все объ одномъ—о Наташѣ.

Сергѣй нашелъ среди отцовской дворни вѣрнаго человѣка, которому поручилъ съѣздить въ „Лужайки“ и узнать подробности о Наташѣ. Человѣкъ вернулся и сообщилъ, что ничего подробнаго никто не знаетъ, мертвою Наташу никто не видалъ, могилы ея никто не знаетъ, а предполагаютъ, что она похоронена въ уѣздномъ городѣ „кой-какъ“. Нѣкоторые изъ лужайской дворни раздѣлили предположеніе Вареньки и склонны были думать, что Наташа жива и „находится въ бѣгахъ“.

Все это укрѣпило въ Сергѣѣ надежду, и наступившую въ немъ перемену именно можно было опредѣлить словомъ „ожилъ“. Ему стало не чуждо все обыденное, все житейское и онъ обрадовалъ мать, попросивъ ее на наступающихъ святкахъ сдѣлать костюмированный балъ. Въ приготовленіяхъ къ этому балу и прошло все время до Рождества, а тамъ наступившіе праздники развлекали визитами, поѣздками на вечера, пикниками.

Москва, до которой не долетали выстрѣлы съ береговъ Дуная, веселилась по обыкновенію и одинъ балъ смѣнялся другимъ, одинъ передъ другимъ москвичи щеголяли елками, костюмированными вечерами, домашними спектаклями и прочими затѣями.

У Чоглоковыхъ костюмированный балъ состоялся въ первый день новаго 1854 года и отличался большимъ оживленіемъ и весельемъ, что происходило главнымъ образомъ оттого, что сами хозяева были особенно веселы и особенно охотно хотѣли веселиться, видя, что сынъ „оживаетъ“, что онъ подаетъ надежду на полное забвеніе прошлаго и дѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ когда-то.

Въ то время, когда Москва съ елками, съ музыкою и шампанскимъ встрѣчала новый 1854 годъ, онъ на Дунаѣ

встрѣчался при грохотѣ пушекъ и первый день его ознаменовался большимъ дѣломъ подѣ Силистріей.

1-го января 1854 года изъ Силистріи переправилась на лѣвый берегъ Дуная непріятельская партія, въ числѣ 2000 человекъ. Она двинулась тремя колоннами на Калафатъ, но генералъ-маіоръ Богушевскій, съ однимъ баталіономъ Люблинскаго Сирскаго полка, немедленно подкрѣпилъ нашу казачью цѣпь. Появленіе его заставило турокъ отступить, они бросились на суда и поспѣшно отплыли къ правому берегу рѣки.

Затѣмъ у Рущука турки высадили на лѣвый берегъ Дуная одинъ батальонъ своей регулярной пѣхоты. Появленіе трехъ нашихъ ротъ съ двумя орудіями и рѣшительное ихъ наступленіе на непріятеля принудило его сначала отойти подѣ огонь крѣпости, а потомъ сѣсть на суда и возвратиться на правый берегъ рѣки. Послѣ того турки еще два раза пытались переправиться, но, встрѣчаемые нашею пѣхотою и огнемъ артиллеріи, снова должны были отказаться отъ своихъ намѣреній. У Турно и Зимницы также появились непріятельскія партіи, но когда резервы наши подошли на подкрѣпленіе казачьихъ цѣпей, турки и здѣсь вынуждены были поспѣшно возвратиться за Дунай.

Съ 8-го по 21-е января турки снова безуспѣшно пытались переправиться черезъ Дунай у Туртукая, Рущука и Никополя, но прибытіе нашихъ резервовъ принудило ихъ, всякій разъ съ потерей, возвращаться на правый берегъ рѣки. 22-го января до 9000 турокъ, подѣ прикрытіемъ сильнаго огня орудій изъ Рущука, съ своихъ канонирскихъ лодокъ произвели одновременную высадку у Журжи и Слободзеи. У Журжи непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 2000 тысячъ человекъ, при шести орудіяхъ, былъ встрѣченъ огнемъ Колыванскаго и Томскаго егерскихъ полковъ. Начальствовавшій четвертымъ баталіономъ Сирскаго полка, подполковникъ Верещага мгновенно повелѣлъ на непріятеля въ штыки 10 и 12-ю роты, которыя стремительно опроки-

нули турокъ. Къ сожалѣнію, храбрый подполковникъ Вере-
щига былъ здѣсь убитъ.

Вновь прибывшая на берегъ турецкая пѣхота, хотя и
подкрѣпила разстроенный свой отрядъ, но принявшій коман-
ду надъ 4-мъ батальономъ Томскаго полка капитанъ Хал-
кіоновъ, при содѣйствіи казаковъ, снова оттѣснилъ турокъ
къ ихъ лодкамъ, при чемъ часть изъ нихъ, отрѣзанная отъ
рѣки, была переколота. Между тѣмъ непріятель, получивъ
свѣжія подкрѣпленія, держался еще упорно: тогда началь-
никъ 10 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Соймоновъ
обратилъ противъ него 1-й батальонъ Томскаго и 1-й ба-
тальонъ Колыванскаго егерскаго полковъ, при двухъ ору-
діяхъ, а остальнымъ тремъ батальонамъ Колыванскаго полка
и 5 эскадронамъ гусарскаго Его Высочества Наслѣдника
Цесаревича полка, при 4-хъ орудіяхъ, приказалъ также
двинуться къ Журжѣ. 3-й батальонъ Томскаго егерскаго
полка, съ двумя легкими орудіями и однимъ эскадрономъ
гусаръ переправился на островъ Радоманъ, имѣя въ резервѣ
4-й батальонъ своего полка. Непріятель былъ смятъ и обра-
щенъ въ бѣгство. Къ 12 часамъ утра и одного турка
противъ Журжи не осталось. Столь-же безуспѣшны были
нападенія непріятеля на Слободзею Малу-де-Жось: появ-
леніе у Слободзен двухъ нашихъ егерскихъ ротъ и дивизи-
она гусаръ, съ двумя пѣшими и четырьмя конными орудіа-
ми побудило переправившихся здѣсь турокъ поспѣшно бро-
ситься къ своимъ лодкамъ, оставивъ на мѣстѣ 45 труповъ;
партія же непріятельская въ 500 человекъ, приставшая къ
берегу и Малу де-Жось, была встрѣчена двумя сотнями
Донскаго казачьяго № 40 полка подполковника Андропова,
и также принуждена очистить лѣвый берегъ.

Получивъ свѣдѣніе о сборѣ значительной турецкой фло-
тилии у крѣпости Рущукъ, генераль-адъютантъ князь Гор-
чаковъ командировалъ къ Журжѣ генераль-адъютанта Шиль-
дера, чтобы принять мѣры къ уничтоженію этой флотилии.
Генераль Шильдеръ, прибывъ туда и узнавъ, что дѣйстви-

тельно турки, подъ защитою артиллеріи ружьескихъ укрѣпленій, сосредоточились въ устьѣ р. Лопы въ числѣ 1 парохода, 34 двухмачтовыхъ и 22 одномачтовыхъ транспортныхъ судовъ, 5 канонирскихъ и до 70 малыхъ лодокъ. приступилъ къ слѣдующимъ распоряженіямъ: въ ночь, съ 27 на 28 января, онъ произвелъ рекогносцировку острова Радомана и, избравъ мѣсто для двухъ батарей, приказалъ немедленно начать ихъ постройку, въ то-же время, пользуясь неровностями мѣстоположенія острова, двинулъ къ самому берегу около 10 орудій батарейной № 2-й батареи, подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи полковника Костанда. Орудія эти, подъ подкрѣпленіемъ батальона пѣхоты, стали прямо противъ Ружьеса, не бывъ вовсе замѣчены непріателемъ, хотя разстояніе, раздѣлявшее ихъ отъ него, не превышало 500 саж. и при лунномъ свѣтѣ открывали настильную рикшетную пальбу по тѣсно стоявшей непріятельской флотиліи. Изумленные турки только послѣ третьей очереди нашихъ выстрѣловъ стали отвѣчать намъ изъ 22 орудій крѣпости, но огонь ихъ не нанесъ нашей артиллеріи никакого вреда, между тѣмъ батареи ночью-же были окончены и защищены эполементами. Съ 28-го по 29-е возведены были нами еще двѣ батареи на лѣвой оконечности Радомана и на островѣ Чароди, съ 29-го на 30-е—два эполемента противъ правой оконечности Ружьеса на выдающихся пунктахъ лѣваго берега. Тогда артиллерія наша, въ числѣ 12 орудій, снова открыла по непріятельскимъ судамъ огонь, продолжавшійся до 3-го февраля. Вслѣдствіе столь рѣшительныхъ и искусныхъ распоряженій, непріятельская флотилія, несмотря на защищавшія ее крѣпостную артиллерію и конную батарею, вывезенную турками на берегъ, потеряла: затопленными одинъ пароходъ, 5 большихъ и 2 малыхъ судовъ, а канонирская лодка и 10 большихъ судовъ или посажены на мель, или брошены на берегъ; сверхъ того, большая часть прочихъ судовъ получили сильныя пробоины, такъ что изъ всей флотиліи совершенно

уцѣлѣли только тѣ лодки, которыя были введены непріателемъ въ рѣку Дюнь и находились внѣ нашихъ выстрѣловъ. Прикрытое расположеніе нашихъ батарей было причиною, что этотъ успѣхъ достигнуть съ весьма малою потерей, хотя турецкая артиллерія дѣйствовала съ необыкновенною живостью. Во все время восьмидневной канонады у насъ убиты два нижнихъ чина, ранены-же: командовавшій батареей № 2-го батарею, штабсъ-капитанъ Кононовичъ и девять нижнихъ чиновъ. По донесенію генераль-адъютанта князя Горчакова, замѣчательному подвигу этому преимущественно способствовали также искусство генераль-адъютанта Шильдера и дѣятельность начальника журжинскаго отряда, генераль-лейтенанта Соймонова, который вообще оказалъ примѣрную предусмотрительность и искусство, охраняя въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ важный постъ у Журжи. Къ числу наиболѣе отличившихся принадлежатъ: исправляющій должность начальника отряднаго штаба, генеральнаго штаба полковникъ Глѣбовъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи полковникъ Костанда, 10-й артиллерійской бригады: штабсъ-капитанъ Кононовичъ и поручикъ Голныга и адъютантъ генераль-адъютанта Шильдера, инженеръ поручикъ Тидебель. Дабы развлечь вниманіе турокъ и нанести возможный вредъ ихъ судамъ у Систова и Никополя, командовавшій войсками поручилъ генераль-адъютанту Хрулеву устроить противъ помянутыхъ пунктовъ нѣсколько батарей, на подобіе тѣхъ, которыя были устроены противъ Рушукъ по распоряженію генераль-адъютанта Шильдера. Дѣйствіе ихъ накаленными ядрами было увѣнчано совершеннымъ успѣхомъ: ими сожжено въ теченіе 15-го и 16-го февраля 9 большихъ и значительное количество малыхъ турецкихъ судовъ, а также помостъ, служащій для пристани, и 10 катеровъ. Встревоженные этимъ, турки поспѣшили часть остальныхъ своихъ судовъ, уцѣлѣвшихъ отъ поврежденія, поднять вверхъ по р. Осъмѣ, а прочія раскинули на большомъ протяженіи на Дунаѣ.

Послѣ этого около мѣсяца мы имѣли болѣе или менѣе значительныя дѣла съ турками, а затѣмъ, 11-го марта, войска наши блистательнымъ образомъ перешли Дунай въ полномъ составѣ.

XXII.

Извѣстія съ театра войны доходили, хоть и не особенно скоро, и до Алексѣя Акимовича Тарантаева въ его деревеньку, уютно расположившуюся въ уголкѣ Сапожковского уѣзда.

Старикъ получалъ „Русскій Инвалидъ“, нумера котораго и привозилъсь съ почты при какой-нибудь „оказіи“. То приходскій батюшка ѣздилъ въ городъ и, возвращаясь, привозилъ газету, то мужикъ ѣздилъ за покупками и ужъ непременно заходилъ на почту, то самъ Алексѣй Акимовичъ собирался зачѣмъ-нибудь, но непременно раза два-три въ мѣсяцъ газета получалась — и это было истиннымъ событіемъ въ маленькомъ міркѣ тарантаевского дома.

Алексѣй Акимовичъ торжественно показывалъ всѣмъ нумеръ „Русскаго Инвалида“, потомъ запиралъ его въ ящикъ письменнаго стола и лишь вечеромъ, когда кончилась всѣхъ дневныхъ дѣла, за чайнымъ столомъ происходило чтеніе.

Въ столовую собиралась вся небольшая семья, при чемъ часто допускались дворовые и призывался староста; Алексѣй Акимовичъ садился къ столу въ свое старинное кресло, сѣдлалъ носъ очками, вооружался трубкою и начиналъ читать, дѣлая объясненія и иногда чертя даже на полу мѣломъ карту, изображая извилистою чертою Дунай, крестиками и палочками наши и ноликами турецкія войска. Слушатели боялись проронить слово, хранили упорное молчаніе и лишь изрѣдка кто-нибудь глубоко вздыхалъ, или староста дѣлалъ замѣчаніе въ родѣ: „ишь, какъ его!..“ „ахъ, чтобъ тебя прорвало!“...

Алексѣй Акимовичъ читалъ съ толкомъ, съ чувствомъ,

читалъ торжественно и грозно обводилъ слушателей взглядомъ, когда дѣло касалось какого-нибудь важнаго событія, когда говорилось о блестящей побѣдѣ нашихъ войскъ или когда приводились слова главнокомандующаго.

Кончивъ чтеніе, Алексѣй Акимовичъ любилъ поговорить, пофилософствовать и охотно давалъ объясненія слушателямъ, а когда вопросъ касался чуждой ему сферы, то имѣлъ мужество признаться, что онъ этого не знаетъ.

На чтеніяхъ всегда присутствовала и героиня нашей повѣсти, Наташа, успѣвшая сдѣлаться давнымъ-давно своимъ человѣкомъ въ домѣ Тарантаева.

Тутъ никому и въ голову не приходило теперь, что „барышня Наташенька“, какъ звали всѣ дѣвушку, чужая, что можетъ придти время, когда она не будетъ жить тутъ. Старикъ давно привыкъ считать ее за дочку и любилъ почти такъ-же, какъ онъ любилъ своихъ сыновей; сыновья все еще конфузились передъ нею и краснѣли, но любили ее больше, чѣмъ сестру, почти обожая, и никогда не закрадывалась въ ихъ простыя, нѣжныя и бьющіяся только родственною любовью сердца любовь порочная. Мысли не было о такой любви у молодыхъ Тарантаевыхъ, хотя отношенія ихъ къ Наташѣ были похожи на влюбленность, но это была влюбленность дѣтей, дѣти такъ влюбляются и такъ боготворять предметъ своей любви.

Мало образованные, воспитанные безъ гувернантокъ и гувернеровъ, предоставленные самимъ себѣ, выросшіе на лонѣ природы, эти юноши были чище и нравственнѣе и помыслы ихъ были невинны, какъ помыслы дѣтей.

Это что-то неувловимое, неподдающееся объясненію, но несомнѣнно существующее. И иногда это бываетъ въ такой семьѣ, глава которой столь-же пороченъ, сколь и всѣ окружающіе его, слѣдовательно не можетъ служить примѣромъ.

„Зародились такими“, говорятъ въ народѣ про очень хорошихъ, душевныхъ и глубоконравственныхъ людей, и пожалуй это такъ, инымъ ничѣмъ не объяснишь.

„Посадивъ на землю“ своихъ сыновей, Алексѣй Акимовичъ Тарантаевъ сдѣлалъ ихъ трудолюбивыми, заставилъ полюбить землю и они вышли тѣмъ добродушными, безхитростными и честными юношами, какихъ даетъ деревня, если на деревню не вліяютъ посторонніе дурные элементы.

Съ этими юношами Наташѣ жилось легко, а они непременно должны были обожать ее не только за физическую красоту, но и за красоту душевную, а образованіе Наташи,—блестящее въ сравненіи съ образованіемъ Тарантаевыхъ, ея начитанность. ея лоскъ только увеличивали производимое ею на этихъ простыхъ людей обаяніе.

Наташа сжилась съ семьею Тарантаевыхъ и не могла вообразить себя безъ этой семьи, хотя часто, часто приходила ей въ голову тяжелая мысль, что рано или поздно разрывъ неизбеженъ.

Она была *бывшая дворовая дѣвка господъ Чоглоковыхъ*. Это было ея официальное положеніе и оно не могло продолжаться безъ конца, конецъ былъ неизбеженъ и если два года прошли, какъ два дня, безъ катастрофы, то на третій, на четвертый годъ катастрофа была неизбежна.

Наташа числилась родственницею Алексѣя Акимовича, по истинѣ была извѣстна очень и очень многимъ. Во-первыхъ, появленіе ея совпало съ пропажею безъ слѣда дворовой дѣвушки изъ раненбургскаго имѣнья генерала Чоглокова, о каковой пропажѣ толковали по всей губерніи, благодаря извѣстности имени Чоглокова, а во-вторыхъ, кучеръ Алексѣя Акимовича, какъ онъ ни любилъ своего барина, не могъ удержать языкъ за зубами и кой-кому и проболтался. Онъ былъ хранителемъ тайны, большой тайны. Онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ событія, а такова роль всегда заставить русскаго человѣка кичиться и, подъ вліяніемъ лишней чарочки, прихвастнуть, показать изъ себя что-то, дать замѣтить свое исключительное положеніе. Такъ и случилось. Кучеръ тому, другому намекнулъ, прихвастнулъ, таинствен-

но улыбался, когда его начинали спрашивать, и истина узналась.

Дошла эта истина и до властей уезда.

Какъ-то разъ заѣхалъ къ Алексѣю Акимовичу исправникъ, выпилъ у него водки, закусилъ чудесными пирогами, которыми славилась экономка Алексѣя Акимовича по всему уѣзду, и, подмигнувъ, спросилъ о „родственницѣ“.

— Какая это у тебя, Алексѣй Акимовичъ, родственница живетъ? Покажи-ка мнѣ.

Алексѣй Акимовичъ поправилъ височки, усиленно защищалъ усы, пустилъ цѣлый столбъ дыму изъ своей трубочки и закашлялся.

— Родственница, — сказалъ онъ, не глядя на исправника. — Обыкновенная родственница... Сирота...

— Да покажи мнѣ ее, братецъ, авось я не съѣмъ ее! — засмѣялся исправникъ.

— Ну, вотъ!.. что-жъ ее показывать?.. Она тово... она больна...

— Ой-ли?.. А не родственница-ли эта родственница той дѣвкѣ, которая изъ усадьбы генерала Чоглокова бѣжала?

Алексѣй Акимовичъ скрылся за облака дыма.

— Ну, вотъ!.. ты, братъ, тово... ты оскорбляешь... Я, братъ, хотя и тово, бѣдный, но я дворянинъ и при томъ же офицеръ...

— Такъ зачѣмъ-же ты, дворянинъ и офицеръ, бѣглыхъ укрываешь?..

— То-есть какъ?.. Ты при томъ же очень дерзокъ... Я офицеръ, я у тебя сатисфакціи могу потребовать...

— Ахъ ты, сатисфакція! — фамиллярно хлопнулъ исправникъ Тарантаева по плечу. — Ты вотъ что: ты себя побереги. Я твой братъ дворянинъ и я тебя не выдамъ, ибо формальнаго приказа отыскать бѣглую дѣвку генерала Чоглокова мнѣ не было, но если таковой приказъ будетъ, — я, по долгу службы, долженъ буду сдѣлать у тебя обыскъ и ежели что — долженъ поступить по закону...

— Я тоже самъ законы знаю и при томъ-же я генерала Чоглокова знаю, онъ нашей дивизіей командовалъ...

— Когда?—спросилъ исправникъ.

— Когда я былъ въ офицеры произведенъ, въ тысяча восемьсотъ четырнадцатомъ году...

— Ха, ха, ха!.. Да генераль-то Чоглоковъ тогда еще въ панталончикахъ съ кружевцемъ ходилъ, онъ лѣтъ на десять моложе тебя!..

Исправникъ такъ и закатился.

— Ну, ладно, ладно,—сконфуженно остановилъ его Алексѣй Акимовичъ.

Исправникъ уѣхалъ, а Алексѣй Акимовичъ не спалъ всю ночь, думая невеселыя думы и усиленно попыхивая трубочкою. Онъ рѣшилъ было ѣхать въ Москву къ генералу Чоглокову и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Наташѣ, но она упростила не дѣлать это до тѣхъ поръ, пока никто еще не безпокоить. Она не хотѣла обнаружить своего присутствія и не ради того, что боялась попасть снова къ Рейсу, не ради того, что боялась гнѣва генеральши, а потому, что рѣшилась все покончить съ Сергѣемъ.

Это рѣшеніе явилось у нея еще въ „Дужайкахъ“, но тамъ Сергѣй каждую минуту могъ явиться къ ней, могъ потребовать у матери, или вліяніемъ на отца, вернуть ее въ Москву;—теперь-же она умерла для него.

Она пропала, ее не нашли и, конечно, Сергѣй знаетъ это и помирится съ этимъ, забудетъ ее; разладъ съ матерью кончится и Сергѣй найдетъ свое счастье.

Эти мысли доставляли Наташѣ величайшее наслажденіе, то наслажденіе, которое дается человѣку, сознающему, что онъ дѣлаетъ самопожертвованіе.

Ничто не даетъ такъ много счастья, какъ самоотверженіе, когда оно переносится человѣкомъ, когда идея о немъ сильнѣе тѣхъ неудобствъ, тѣхъ лишеній и того горя, которыя оно приноситъ, и потому, быть можетъ, женщины такъ любятъ самоотверженіе, а онѣ его любятъ.

Въ чистой женской душѣ больше благородства и женщины выносливѣ мужчины не только по натурѣ, но и потому еще, что идея о самоотверженіи болѣе прочна въ ней. Самоотверженіе и доставляло Наташѣ много радости, оно и наполняло ея жизнь.

Наташа любила Сергѣя и знала, что онъ любить ее, но любовь эта, доставляя ей счастье, отнимала у Сергѣя мать, вносила разладъ въ семью, ломала Сергѣя и слѣдовательно надо было, — какъ думала Наташа, — отказаться отъ Сергѣя. И она отказывалась.

Пусть она не получитъ счастья, пусть она съ болью вырветъ изъ сердца любовь, но эта жертва счастьемъ и эта боль дадутъ покой любимому человѣку, и надо поступить именно такъ, и это хорошо. Поступая такъ и сознавая, что это „хорошо“, Наташа уже не страдала; радость любви замѣнилась радостью сознанія о хорошемъ, добромъ и честномъ дѣлѣ.

Исторію Наташиной любви знали и Алексѣй Акимовичъ, и его истинный другъ экономка, и молодые Тарантаевы. Знали они и рѣшеніе Наташи „забыть все“ и высоко цѣнили это рѣшеніе, возводя его въ героизмъ.

— Отъ своего счастья отказывается, чтобы не страдалъ баринъ молодой и чтобы мать его не убивалась, — говорили про Наташу и особенно цѣнили въ ней это, и еще болѣе любили ее за это, а ее трогало это пониманіе ея жертвы, какъ трогала любовь всѣхъ этихъ добрыхъ простыхъ людей.

Такимъ образомъ жизнь Наташи у Тарантаева была не только выносима, но имѣла и долю радости, а любовь къ Сергѣю, жившая въ ея сердцѣ, шагъ за шагомъ уступала мѣсто не захватывающимъ всего человѣка, но все-же сильнымъ чувствамъ привязанности и дружбы. Круглая сирота, знавшая только ласки учительницы-француженки, Наташа нашла у Тарантаевыхъ чисто родственную любовь, нашла въ Алексѣе Акимовичѣ отца, въ его экономкѣ если не мать, то добраго, ласковаго друга, а въ Аркадіѣ и Павлѣ ми-

лыхъ братьевъ, немного влюбленныхъ въ нее, но влюбленныхъ тайно, не смѣющихъ и намекнуть объ этомъ, а только готовыхъ для нея на все.

Страхъ быть возвращенною къ Рейсу мало-по-малу проходилъ. Очевидно было, что Наташу не искали и въ силу какихъ-то неизвѣстныхъ ей причинъ какъ будто умышленно старались забыть о ея существованіи, такъ что подъ конецъ Наташа совсѣмъ не думала объ этомъ, а тутъ наступило тревожное время войны, только о ней и говорили, только ею и были всѣ заняты.

Уѣздное начальство хлопотало съ рекрутами, управляющіе и сами помѣщики тоже отдались этому насущному дѣлу и никому въ голову не приходило уже толковать о какой-то бѣжавшей дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ выдавшіе Наташу убѣдились, что она „настоящая барышня“ и горячо спорили съ тѣми, которые говорили, что у Тарантаева живеть бѣглая дѣвка генерала Чоглокова.

— Пока живешь у насъ, Наташенька, и живешь, а тамъ, что Богъ дастъ,—говорилъ Алексѣй Акимовичъ.—Понадобится—къ генералу поѣду, законнымъ порядкомъ усыновлю тебя, до высшаго начальства дойду, а пока все благополучно...

Алексѣй Акимовичъ только-что прочиталъ изъ „Русскаго Инвалида“ оффиціальное донесеніе князя Горчакова Государю Императору о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай 11-го марта 1854 года и произвелъ этимъ большую сенсацию среди слушателей.

Откинувшись на спинку своего стариннаго, обитаго кожею кресла и поднявъ высоко нумеръ „Русскаго Инвалида“. Алексѣй Акимовичъ торжественно произнесъ:

— Высочайшая воля Государя Императора исполнена и наше воинство перешло границу, отдѣляющую насъ отъ врага, коварный и жестокий турокъ узнаетъ силу русскаго оружія!..

— Что-жъ, Алексѣй Акимовичъ, теперича стало быть турку вовсе бить зачнуть?—спросилъ староста, степенный пожилой мужикъ.

— Непремѣнно. Мы и всегда били этого бусурмана, а ужъ ежели онъ до святаго града Іерусалима сталъ касаться, такъ мы и наипаче того его отколотимъ...

— Ну, а ежели англичанинъ и французъ свою препону поставятъ?

— Нашель чѣмъ пугать!.. Что-жъ, войска что ли у русскаго Царя мало? Мы и англичанину съ французомъ носъ утремъ... Всѣ пойдемъ, всѣ за оружіе возьмемся!.. Я вотъ старикъ, а доведись до чего — пойду служить!.. И самъ пойду, и сыновей съ собой поведу... Пойдете, хлопцы, на войну?

Молодые Тарантаевы переглянулись.

— Конечно, пойдемъ, папенька,—сказалъ старшій.

— Пойдемъ,—повторилъ, какъ эхо, второй.

— И я пойду съ вами,—улыбнулась Наташа изъ-за самовара.

— Воевать-то?—засмѣялся старикъ.—Что-же, сухопарога француза можно и иглой заколотъ, а иглой ты, Наташенька, владѣешь отлично.

— Я пойду въ сестры милосердія,—сказала Наташа.

Она шутя заговорила о томъ, что пойдетъ на войну и всѣ посмотрѣли на это какъ на шутку, но вдругъ у Наташи явилась серьезная мысль идти въ сестры милосердія и она задумалась. Она не слушала дальнѣйшихъ разговоровъ о войнѣ, забыла про налитую чашку чая и сидѣла, глубоко задумавшись.

Въ томъ-же номерѣ „Русскаго Инвалида“ было сообщеніе о дѣятельности сестеръ милосердія въ дунайской арміи и говорилось про эту дѣятельность, какъ про величайшій подвигъ христіанства. Сестры ухаживали за ранеными, какъ за родными братьями, и раненные любили ихъ какъ родныхъ сестеръ, находя въ нихъ величайшее утѣшеніе, отъ нихъ получая облегченіе.

Наташѣ казалось, что нигдѣ она не будетъ такъ нужна теперь, какъ тамъ, на полѣ битвы, въ лазаретѣ; что нигдѣ она не найдетъ такого утѣшенія, какъ тамъ, отдавая всѣ силы для ухода за страждущими, облегчая ихъ страданія, ухаживая за ними. И чѣмъ больше она думала объ этомъ, тѣмъ больше крѣпло въ ней желаніе идти въ сестры милосердія.

Подъ конецъ вечера она окончательно рѣшила, но отложила до утра разговоръ объ этомъ, чтобы обдумать, какъ лучше заговорить съ Алексѣемъ Акимовичемъ, котораго, конечно, и поразить, и огорчить это рѣшеніе, равно какъ и его сыновей. Кромѣ того, Наташа не знала еще, на какія средства она можетъ ѣхать. Она не сидѣла безъ дѣла и за все время пребыванія своего у Тарантьева, кромѣ занятій по хозяйству, работала очень много, сдѣлавъ туалеты всѣмъ окрестнымъ помѣщицамъ, женамъ и дочерямъ уѣздныхъ чиновниковъ, дочерямъ приходскаго батюшки и даже самой уѣздной предводительшѣ, которая нашла, что платьѣ, сдѣланное Наташею, лучше туалетовъ изъ мастерской первой модистки въ губернскомъ городѣ. Какъ не мало платили за работу уѣздныя франтихи, но все-же у Наташи скопилось болѣе ста рублей. Она хотѣла было отдать эти деньги Алексѣю Акимовичу, но добрый старикъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, говоря, что онъ за хлѣбъ за соль денегъ не беретъ, что считаетъ Наташу за родную дочь и что заработанные ею деньги составляютъ ея неотъемлемую собственность. Наташа сосчитала вечеромъ свои капиталы и нашла, что у нея есть сто-сорокъ рублей серебромъ, но она не знала, хватитъ-ли этой суммы на поѣздку въ дѣйствующую армію, а главное—она не знала, какъ поступить, то-есть можетъ-ли она ѣхать безъ паспорта. Рѣшить эти вопросы возможно было лишь при помощи Алексѣя Акимовича, и Наташа на другое утро сказала ему объ этомъ.

Старикъ тревожно взглянулъ на Наташу, задергалъ усы, запыхтѣлъ трубкою и долго молчалъ, какъ бы собираясь съ силами.

— То-есть какъ-же это?—заговорилъ, наконецъ, онъ.— То-есть ты, стало-быть, не шутишь?.. Это тово... это нельзя... Мы теперь какъ дочь тебя любимъ и притомъ... и притомъ-же привыкли... И притомъ-же, какъ это? Это невозможно...

— Почему же?—спросила Наташа.— Я вернусь къ вамъ, когда кончится война... Вы вчера сами говорили, что всё должны идти, что вы обоихъ сыновей отпустите, если будетъ нужно...

— И отпущу, отпущу!.. Придетъ нужда—отпущу и самъ пойду, а пока не наде, безъ насъ много... Притомъ же тебя могутъ задержать, открыть правду... Къ Рейсу захотѣла?.. Пойдешь за ранеными ухаживать, а меня... меня умирить хочешь?

Голосъ у старика дрогнулъ.

— Милый, вы такъ любите меня? — спросила Наташа, взявъ старика за руку.

— Нѣтъ, не люблю!...

— Хорошій вы мой!...

Наташа обняла старика и прижалась къ нему.

Ей стало жаль его, особенная нѣжность проснулась въ ней къ этому старику, но мечта идти въ сестры милосердія не покинула ее и она принялась лелѣять ее, отложивъ пока исполненіе.

И у многихъ хорошихъ русскихъ женщинъ явилась тогда эта мечта, многія привели ее въ исполненіе, но позднѣе— въ то время, когда громъ приближающейся севастопольской грозы загремѣлъ по всей Россіи и достигнулъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ ея, разбудивъ въ русскихъ сердцахъ самыя лучшія чувства.

XXIII.

Военная гроза подвигалась все ближе и ближе. На политическомъ горизонтѣ появились зловѣщія тучи, и никто уже не сомнѣвался, что театръ военныхъ дѣйствій перенесется съ

Дунай и расширится, что намъ придется воевать не съ одними турками, надъ которыми мы одерживали побѣду за побѣдою. Эти побѣды начали сильно безпокоить западныхъ сосѣдей нашихъ и они видѣли въ этомъ большую опасность, всегда обезпокоенные возрастающимъ могуществомъ Россіи и съ испоконъ вѣка видя въ ней завоевательные замыслы.

Тревожно слѣдя за дѣйствіями нашей дунайской арміи, Англія насторожилась и грозный флотъ ея быстро и усиленно вооружался, а поощряемая ею Турція выдвигала свой флотъ на Черномъ морѣ къ нашимъ предѣламъ.

Пора было нанести ударъ быстрый и рѣшительный.

Я долженъ остановиться на официальномъ донесеніи генералъ-лейтенанта Ушакова о переправѣ нашей черезъ Дунай и о занятіи Тульчи и Исакчи. Пусть не посѣтуютъ на меня читатели за сухость нѣкоторыхъ главъ. Событія были такъ величавы и такъ знаменательны, что нельзя не остановиться на нихъ въ историческомъ романѣ.

Вотъ что доносилъ генералъ-лейтенантъ Ушаковъ:

„Согласно приказанію вашего сіятельства: совершить 11-го марта переправу черезъ Дунай открытою силою, сдѣланы были мною слѣдующія предварительныя распоряженія: собраны у жителей 147 лодокъ и 4 паромы, къ которымъ гребцами назначены казаки и нижніе чины пограничной стражи. Для переправы выбрано мѣсто въ 800 саженьяхъ ниже раздѣленія рукавовъ Сулинскаго и Килійскаго, тамъ, гдѣ берега сближаются до 120 сажень. 10-го марта придвинуты къ мѣсту раздѣленія рукавовъ Сулинскаго и Килійскаго 15 канонирскихъ лодокъ гребной дунайской флотиліи. На двѣ береговыя батареи, вооруженныя 6-ю крѣпостными орудіями и 4-мя мортирами, поставлено по 4 батарейныя орудія. Того же числа вся пѣхота, артиллерія и Донской № 1-й полкъ сосредоточены на островѣ Читалѣ; пѣхота состояла изъ полковъ: Смоленскаго, за исключеніемъ двухъ ротъ, Витебскаго и Полоцкаго, Егерскихъ и двухъ батальоновъ Могилевскаго пѣхотнаго полка; артиллерія изъ

8-ми орудій батарейной № 1-й, 8-ми орудій батарейной № 2-й, 6 орудій легкой № 1-й, 12 орудій легкой № 2-й и 8-ми орудій конно-легкой № 6-й батареи. Гусарскіе, принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго и фельдмаршала графа Радецкаго, полки и обозы отъ всѣхъ войскъ собраны въ крѣпости Измаилѣ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро перейти на островъ Читаль. Въ полночь съ 10-го на 11-е марта приказано флотиліи стать на разстояніи прицѣльнаго выстрѣла предъ турецкими батареями, десантнымъ войскамъ, расположится позади флотиліи внѣ выстрѣловъ, съ тѣмъ, чтобы по ослабленіи дѣйствіемъ нашихъ орудій огня непріятельскихъ батарей, суда эти могли обогнуть Читалійскій мысъ и спустится по Сулинскому рукаву. Въ то же время артиллерія и пѣхота двинулись къ мѣсту, избранному для переправы, и расположилась въ слѣдующемъ порядкѣ: вся пѣшая артиллерія выстроилась около мѣста переправы. для сильнаго обстрѣливанія непріятельскаго берега, на случай появленія турецкихъ войскъ; конно-легкая № 6-й батарея стала на берегу противъ Сомова-гирла, для воспрепятствованія туркамъ уничтожить мосты на этомъ гирлѣ и дабы поражать непріятельскія войска, если бы они двинулись изъ крѣпости Тульчи на берегу Дуная. Вся артиллерія наша была скрыта за деревьями и кустарниками. Штуцерники отъ всѣхъ полковъ поставлены между орудіями. Пѣхота укрывалась въ камышахъ, позади артиллеріи. 11-го марта, въ 5¹/₂ часовъ утра, былъ открытъ огонь съ нашихъ береговыхъ батарей и флотиліи. Береговыя батареи, управляемыя своими отличными офицерами, штабсъ-капитаномъ Хондзынскимъ и поручикомъ Девелемъ, мѣткими выстрѣлами ослабили до такой степени огонь турецкихъ батарей, что около десяти часовъ утра я могъ уже приказать десантнымъ войскамъ двинутся къ мѣсту переправы. Перевозочныя лодки, употребляемыя лейтенантомъ Степановымъ, дошли бичевою вверхъ по Килійскому рукаву до Читальскаго мыса, но здѣсь, по причинѣ отмели, должны были огигать оную на веслахъ. Какъ только

передовыя лодки показались изъ-за флотиліи, турецкія батареи, несмотря на гибельные, учащенные выстрѣлы съ нашихъ береговыхъ батарей и флотиліи, истощая, повидимому, послѣднія усилія, обратили весь свой огонь на десантныя суда, но лейтенантъ Степановъ, находясь самъ на передней лодкѣ, провелъ подъ непріятельскими выстрѣлами, безъ всякаго поврежденія, всѣ суда къ мѣсту ихъ назначенія. Въ 11^{1/2} час. утра посажены были на лодки: 2-й батальонъ Могилевскаго пѣхотнаго и 2-й батальонъ Полоцкаго егерскаго полковъ, съ 4-мя орудіями легкой № 4-го батареи, и безъ выстрѣла заняли часть непріятельскаго берега. За ними постепенно перевезли: весь егерскій Полоцкій полкъ, другой батальонъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, Витебскій егерскій полкъ и остальные орудія легкихъ батарей. Переправа же батарейныхъ орудій была отложена, по причинѣ сильнаго вѣтра и ненадежности паромовъ. По мѣрѣ выходовъ нашихъ войскъ на берегъ они мгновенно устроились, и два батальона Могилевскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями, подъ командою командира полка, полковника Тяжельникова, двинуты вправо для наблюденія за непріятельскими батареями; колонну эту я поручилъ вести генеральнаго штаба капитану Вагнеру. Полоцкій же егерскій полкъ съ 4-мя легкими орудіями, подъ командою генераль-маіора Копьева направился влѣво, къ Сомову-гирлу; лѣвую колонну велъ дивизіонный квартирмейстеръ штабсъ-капитанъ Будоговскій. Какъ только непріятель узналъ мѣсто нашей переправы, то на высотахъ Старой Тульчи и въ камышахъ, около Сомова-гирла, начали собираться его сконища, а на скатахъ горы поставлена была батарея изъ 8-ми орудій; генераль-маіоръ Копьевъ, прикрываясь цѣпью стрѣлковъ, не смотря на выстрѣлы находившейся на возвышеніи непріятельской батареи, быстро подвигался впередъ. Въ цѣпи завязалась перестрѣлка; застрѣльщики наши усилились резервами и, производя рѣшительное наступленіе, прогнали непріятеля за Сомово-гирло, захвативъ при томъ мостъ на

немъ. Потеря наша во время сихъ дѣйствій была незначительна; убито 2 нижнихъ чиновъ, ранено 2 офицера и 39 рядовыхъ. Рѣшительному успѣху атаки лѣвой колонны генераль-маіора Копьева много способствовали выставленные мною на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Сомова-гирла, конно-легкая № 6-го, батарея № 1-го батарея. Было уже 4 часа вечера, когда стало замѣтно скопленіе значительныхъ силъ на высотахъ Старой Тульчи; въ то же время получено мною свѣдѣніе о движеніи непріятельскихъ войскъ къ крѣпости Исаки; почему, находя нужнымъ обезпечить къ ночи свой правый флангъ и самую переправу, я рѣшился приказать взять штурмомъ береговую батарею, которая казалась совершенно уже ослабленными дѣйствіями нашей артиллеріи. 1-й и 2-й батальоны Могилевского полка пошли на приступъ; ихъ первый ударъ былъ направленъ на ближайшій турецкій редутъ, обороняемый одною пѣхотою, который и былъ тотчасъ взятъ 2-мъ батальономъ, но лишь только головы колоннъ, по занятіи редута, выдвинулись впередъ для штурма другой батареи, какъ ихъ встрѣтили въ 100 саженьяхъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ 6-ти орудій и ружейными выстрѣлами изъ-за обширнаго временнаго сомкнутого укрѣпленія, которое казалось до сего только открытою съ Горжи батареею. При первомъ залпѣ ранены: командиръ полка — полковникъ Тяжелниковъ, командиръ 1-го батальона подполковникъ Амонтовъ (четырьмя пулями) и генеральнаго штаба капитанъ Вагнеръ въ голову. Хотя войска и потеряли своихъ начальниковъ, но бывшіе при 1-мъ батальонѣ старшій капитанъ Добровольскій и дивизионный жалонерный офицеръ, штабсъ-капитанъ Петровъ, перестроили его въ ротныя колонны, повели на приступъ укрѣпленія со стороны рѣки и взшли уже на валъ, но были отбиты. Съ другой стороны командиръ 2-го батальона, майоръ Богуславлевичъ, также устремилъ ротныя колонны своего батальона прямо къ главному входу и также былъ отбитъ. Войска наши, не отступивъ, однако, ни на шагъ, залегли во рвахъ и за де-

ревьями и продолжали сильную перестрѣлку, а дивизіонъ легкой № 2-го батареи, подъ командою полковника Храповицкаго дѣйствовалъ въ 100 саженьяхъ картечью по входу въ укрѣпленіе. Для подкрѣпленія двухъ батальоновъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, я двинулъ, только что переправившіеся, три батальона Смоленскаго полка, изъ которыхъ находившіеся впереди 3-й и 4-й батальоны не шли, а бѣжали на помощь товарищамъ. Съ крикомъ „ура“ они ворвались въ укрѣпленіе, вмѣстѣ съ прежними двумя батальонами. Уже совершенно стемнѣло, но храбрыя наши войска, овладѣвъ главнымъ валомъ, были еще встрѣчены сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ изъ цитадели; здѣсь подослѣлъ къ нимъ на помощь, только-что совершившій переправу, 2-й батальонъ Смоленскаго полка, который ворвался въ укрѣпленіе съ другой стороны. Командиръ этого батальона, подполковникъ Вознесенскій, со знаменемъ въ рукѣ, воодушевилъ всѣхъ своимъ появленіемъ; онъ мгновенно бросился на брустверъ цитадели, войска за нимъ послѣдовали и гарнизонъ былъ большею частью переколотъ; но храбрый подполковникъ Вознесенскій заплатилъ кровью за совершенный имъ подвигъ: получивъ контузію при атакѣ цитадели, онъ былъ раненъ въ плечо на вылетъ въ самомъ укрѣпленіи. Затѣмъ оставался еще одинъ открытый ретраншементъ за главнымъ укрѣпленіемъ, но уstraшенный непріятель недолго сопротивлялся и былъ переколотъ штыками. Въ 9½ часовъ вечера бой прекратился. Трофеями этого штурма были 9 мѣдныхъ орудій, изъ нихъ осадныя: пудовой единорогъ и 36-ти фунтовая пушка, полевыя: четыре 18-ти фунтовыя пушки, одна 6-ти фунтовая пушка и двѣ полупудовыя гаубицы, передки и зарядные ящики; значительные-же запасы пороха, какъ въ готовыхъ снарядахъ, такъ и въ боченкахъ, были потоплены, изъ опасенія взрыва отъ горѣвшихъ внутри укрѣпленія казармъ. Въ плѣнъ взяты: начальникъ укрѣпленія Али-Казимъ-Бей, три офицера и 9 человекъ рядовыхъ; остальной гарнизонъ, силою въ 1,000 человекъ, былъ

большею частью переколотъ; убитъ командиръ турецкаго пѣхотнаго полка, который, по словамъ австрійскаго консула въ Тульчѣ, былъ *ренегатъ Чайковский*, и одни лишь только раненные, при началѣ штурма, въ темнотѣ успѣли уйдти по дорогѣ въ Исакчи. Потеря наша въ этомъ упорномъ бою была также значительна, ибо укрѣпленія, которыя казались только береговыми батареями, имѣли въ дѣйствительности профили крѣпостныхъ валовъ, съ болотистыми рвами, а отчаянная оборона гарнизона дѣлала ихъ почти неодолимыми. Убито у насъ 5 оберъ-офицеровъ, 196 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 48, ранено: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 15 и нижнихъ чиновъ 491. Но за то велики были послѣдствія этого кровопролитнаго штурма. Турки, считавшіе свои укрѣпленія неприступными, послѣ взятія ихъ и совершеннаго истребленія гарнизона, поражены были такимъ паническимъ страхомъ, что Тульча и Исакча въ ту же ночь были очищены ими и войска непріятельскія поспѣшно отступили къ Бабадачу. При семъ отступленіи они оставили сильную, укрѣпленную батареями позицію у г. Тульчи, а также и устроенные въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ретраншементы у г. Исакчи и противъ Сатуновской плотины. 12-го марта была занята нашими войсками Тульча и того же числа казаками сатуновскаго отряда генераль-майора Толстаго, назначеннаго для одной лишь демонстраціи Исакчи. Оставленные въ г. Тульчѣ запасы снарядовъ и пороху доказываютъ, какъ поспѣшно бѣжали изъ этого города турецкія войска. Всѣ чины ввѣреннаго мнѣ отряда, съ начала кононады до окончанія послѣдняго штурма, старались превзойти другъ друга. Не нахожу словъ, чтобъ выразить усердіе, хладнокровіе и распорядительность гг. частныхъ начальниковъ; войска сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Солдаты рвались къ бою. Смоленскаго пѣхотнаго полка, 5-й мушкатерской роты, унтеръ-офицеръ Игнатій Горѣловъ, получивъ рану въ шею и едва перевязавъ ее, спѣшилъ снова къ товарищамъ, чтобы отмстить за нанесенную ему рану, а

подполковникъ Вознесенскій, несмотря на полученные двѣ раны, послѣ перевязки также возвратился къ полку“.

Донесеніе это, напечатанное въ „Русскомъ Инвалидѣ“, облетѣло всю Европу и хотя англичане и французы старались въ своихъ оффиціальныхъ органахъ печати доказать, что успѣхи наши преувеличены, что переходъ черезъ Дунай не представляетъ особой важности, тѣмъ не менѣе, факты оставались фактами, а уничтоженный передъ этимъ доблестнымъ Нахимовымъ турецкій флотъ при Синопѣ былъ особенно краснорѣчивымъ фактомъ, и вотъ враги наши рѣшились дѣйствовать. Жребій былъ брошенъ.

Второго сентября 1854 года огромный союзный флотъ англичанъ и французовъ присталъ къ берегамъ Крыма, близъ Евпаторіи и высадилъ здѣсь многочисленную армію.

Съ этого дня началась безпримѣрная, величайшая по доблести и кровопролитію *севастопольская война*.

Россія грозно заволновалась и возсталла.

Россія ополчилась.

Первое дѣло съ союзнымъ непріятельскимъ войскомъ было при рѣкѣ Альмѣ, въ тридцати верстахъ отъ Севастополя.

Наши войска отступили передъ многочисленнымъ непріателемъ, а чтобы загородить ему входъ съ моря въ Севастопольскую бухту, нами были на самой бухтѣ затоплены наши-же корабли.

Остановивъ свой флотъ въ виду Севастополя, англичане и французы направились своими сухопутными силами на городъ съ южной его стороны, но не рѣшились взять его штурмомъ, а обложили укрѣпленіями и начали правильную осаду, укрѣпленного съ южной стороны Севастополя въ нѣсколько дней.

Надъ укрѣпленіемъ работали наши моряки Черноморскаго флота, работали сухопутныя войска, работали жители города, работали женщины и дѣти.

До сихъ поръ существуетъ за Севастополемъ редутъ, имѣющій названіе „Дѣвичьяго“, такъ какъ землю для насыпей

редута носили исключительно женщины и дѣвушки изъ городскихъ жительницъ.

Укрѣпленный, благодаря нерѣшительности врага, Севастополь грозно всталъ передъ врагомъ этимъ и загремѣли выстрѣлы.

Генераль Чоглоковъ, при первомъ же извѣстїи о вступленїи союзныхъ войскъ на русскую землю, поѣхалъ въ Петербургъ и добился назначенїя въ дѣйствующую армію.

Въ началѣ октября онъ уже выѣзжалъ изъ Москвы съ однимъ камердинеромъ. Слѣлавъ наканунѣ отъѣзда прощальный обѣдъ, на которомъ была „вся Москва“, генераль въ день отъѣзда оставался въ кругу только своихъ.

Запершись въ кабинетѣ, онъ писалъ что-то до половины дня и ровно въ двѣнадцать часовъ вышелъ въ залъ, со всѣмъ готовый ѣхать.

Въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ походныхъ сапогахъ, съ сумкою черезъ плечо, нѣсколько блѣдный, но величаво покойный, онъ подошелъ къ жепѣ и, молча, поцѣловалъ ее три раза.

Генеральша зарыдала, двѣ горничныя подхватили ее подъ руки, усадили въ кресло и приготовили одеколонъ и спиртъ.

— Не плачь, Анфиса Дмитріевна, не хорошо,—сказалъ генераль и обернулся къ сыну.

Сергѣй, блѣдный какъ полотно, едва стоялъ на ногахъ, придерживаясь за спинку стула.

— Ты что?—нахмурился генераль.—Дрожишь?.. Ты еще не заплачь!..

Онъ взялъ сына за руку.

— Прощай, Сергѣй... Иду не на миръ, а на битву... Иду побѣждать, но готовъ и быть побѣжденнымъ... Быть можетъ умру... Умереть я не боюсь, но... но не хотѣлъ-бы оставить тебя слабымъ, безсильнымъ и... и тяжело мнѣ... Будь мужчиною, Сергѣй... Оставлю тебѣ домъ, мать, оставляю достояніе и честное, никогда и ни чѣмъ не запятнанное имя... Домъ оберегай, мать покой, достояніе храни, а

пуше всего будь честнымъ и великодушнымъ, какъ подобаетъ чловѣку... Прощай, Сергѣй... Если буду убитъ—найдешь выраженіе моей воли въ моихъ бумагахъ...

Сергѣй, рыдая, опустилъ голову на грудь отца.

— Возьми, отецъ, и меня съ собою,—сказалъ онъ.

— Рано!—отрывисто отвѣтилъ генералъ. — Будь дома, ты здѣсь нуженъ, но... но если позовутъ всѣхъ — иди!.. Все брось, все и иди!.. Чоглоковы всегда шли умирать за Царя и за родину, когда это было нужно... Прощай!...

Генералъ отстранилъ сына, надѣлъ фуражку и быстро вышелъ.

За заставой его ожидали дворовые и мужики подмосковной деревни. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ, народъ угостили виномъ и пирогами, и генералъ Чоглоковъ уѣхалъ...

XXIV.

Послѣ отъѣзда генерала, въ домѣ Чоглоковыхъ наступила та грустная тишина, которая бываетъ въ домѣ послѣ покойника. Прислуга, очень любившая генерала и скучающая о немъ, ходила печальная, пасмурная и ожидающая чего-то особеннаго. Болѣе храбрые и рѣшительные начали уходить со двора въ трактиры, а робкіе и смирные уныло сидѣли по свримъ каморкамъ и то вздыхали, то переговаривались шепотомъ. Генеральша заболѣла мигренью и никого не принимала, а Сергѣй большую часть дня проводилъ внѣ дома, или сидѣлъ въ своей комнатѣ. Бывали дни, когда Сергѣй совѣтъ не видалъ свою мать, давно уже оставивъ обычай поздравлять ее съ добрымъ утромъ и желать покойной ночи.

Какъ ни хотѣлось Сергѣю побороть въ себѣ чувство неприязни къ матери, онъ не могъ это сдѣлать и ужасно страдалъ отъ этого. Это чувство и было въ немъ господствующимъ теперь.

Сергѣю казалось, что онъ дѣлаетъ большой грѣхъ, питая

къ матери такія чувства, и стыдился ихъ, рѣшивъ пойти къ матери, сказать ей теплое слово любви, участія, прощенія; но какъ только мысль эта приходила ему въ голову, такъ сію-же минуту передъ нимъ вставалъ образъ замученной дѣвушки, которая ему была такъ дорога. И онъ не шелъ къ матери, и не могъ побороть въ себѣ чувства своей непріязни, а послѣ этого чувствовалъ себя несчастнымъ, разбитымъ, больнымъ.

Одинъ разъ утромъ Сергѣй только-что напился кофе и собрался было поѣхать верхомъ, какъ къ нему вошелъ человекъ и сказалъ, что его проситъ къ себѣ генеральша.

Сергѣй, продолжая натягивать перчатки, подошелъ къ окну и задумчиво сталъ глядѣть на дворъ, на виднѣющійся черезъ заборъ садъ съ пожелтѣвшими деревьями, на темно-синее осеннее небо.

Лакей стоялъ въ дверяхъ, ожидая отвѣта, и минутъ черезъ пять слегка кашлянулъ.

Сергѣй оглянулся на него.

— Что ты?—спросилъ онъ.

— Какъ прикажете сказать ихъ превосходительству?

— Ахъ, да... Скажи таман, что я уѣхалъ верхомъ... Постой!... Скажи, что я сейчасъ иду...

Но Сергѣй долго еще стоялъ у окна, глубоко задумавшись, и лишь черезъ полчаса пошелъ къ матери.

Генеральша, въ тепломъ капотѣ, закутанная шалью, сидѣла въ глубокомъ креслѣ у камина и задумчиво глядѣла на тлѣющіеся угли. Наперсница ея Василиса стояла около кресла. При входѣ Сергѣя, Василиса отвѣсила ему низкій, поясной поклонъ и удалилась по знаку генеральши.

Эту женщину Сергѣй положительно не могъ переносить и, завидѣвъ ее гдѣ-нибудь, сворачивалъ отъ нея въ сторону.

Генеральша, сдѣлавъ страдальческое выраженіе лица, слабо улыбнулась подходившему сыну.

Онъ поцѣловалъ ея руку и остановился неподалеку отъ кресла.

— Вы меня звали, татап?

— Да... Ты совсѣмъ забылъ свою блѣдную мать, Сергѣй, но я не затѣмъ позвала тебя, чтобы дѣлать выговоръ... Я хочу тебя видѣть... Садись тутъ, Сережа, побесѣдуемъ... Вотъ сюда сядь, поближе ко мнѣ и дай мнѣ руку...

Сергѣй, колеблясь нѣсколько секундъ, исполнилъ желаніе матери.

Генеральша пристально и долго глядѣла въ блѣдное лицо сына.

— Какъ твоѣ здоровье, Сережа?—спросила она.

— Я здоровъ, татап.

— Ты блѣденъ что-то...

Сергѣй промолчалъ.

Наступило снова довольно продолжительное молчаніе.

— Сережа,—заговорила генеральша,—неужели у тебя ничего не найдется сказать твоей матери?.. Я вотъ больна, я очень огорчена отъѣздомъ отца, я страдаю... Прислуга и та,—я замѣчаю это,—смотритъ на меня съ состраданіемъ, а мой сынъ, мой единственный сынъ, мой мальчикъ, котораго я любила и люблю, не видитъ меня по цѣлымъ днямъ, а увидитъ, молчитъ, не знаетъ, что сказать мнѣ!.. Это жестоко, Сергѣй...

— Не будемъ, татап, говорить о жестокости,—холодно произнесъ Сергѣй.

— Да?.. Это ты намекаешь о томъ, что я жестока?... Да такъ-ли это, Сергѣй? Вѣрно-ли это? Жестока-ли я?.. Только любя тебя, дѣйствовала я такъ, а не иначе, только любя!.. Позволь мнѣ поговорить сегодня о... о той дѣвушкѣ, которая, быть можетъ, и не зная того, положила между нами пропасть... Позволь, Сережа... Я молчала, пока твоя рана была свѣжа, но теперь она должна зажить—вѣдь ты мужчина.

Генеральша помолчала минуту и спросила:

— Могу я говорить? Не сдѣлаю я тебѣ этимъ больно?

— Надѣюсь, татап, что вы не оскорбите память этой дѣвушки и хотя всѣ воспоминанія о ней только тяжелы для меня, но я буду васъ слушать,—проговорилъ Сергѣй.

Генеральша пожала руку сына и заговорила, отливъ изъ поставленнаго рядомъ стакана воды:

— Бѣдная дѣвушка эта погибла трагически, но это не моя вина, Сергѣй, не моя! Я только поступила, какъ поступила-бы каждая мать... Единственный мой сынъ, единственный отпрыскъ громкой и славной фамиліи, гордость отца и матери, избралъ себѣ въ подруги жизни крѣпостную дѣвку, увлекся ея хорошенькимъ личикомъ... Я допущу даже, что она имѣетъ и прочія достоинства, допускаю, что она умна, мила, образована, но вѣдь она только *дворянская!*... Сергѣй, я имѣю сословную гордость, я воспитана въ такихъ правилахъ, что столь неравный бракъ невозможенъ, позоренъ!... Это правило вошло въ плоть и кровь мою—и ты долженъ ихъ уважать... Я удалила эту дѣвушку, увѣренная, что минутное увлеченіе пройдетъ, что это именно увлеченіе, что сынъ мой пойметъ и оцѣнитъ меня... Увы, случилось не такъ!.. Прошло болѣе двухъ лѣтъ и сынъ все еще не простилъ мнѣ...

— Я простилъ, давно простилъ, — тихо проговорилъ Сергѣй. — Я только не имѣю силъ побороть въ себѣ чувство... чувство сознанія, что *она* погибла по вашей винѣ, что вы поступили безчеловѣчно и жестоко... Прощая вамъ все, желая простить, я не могу побороть въ себѣ этого сознанія и отъ этого я такъ далекъ отъ васъ, такъ холоденъ...

Сергѣй далъ себѣ слово не возражать матери, но онъ забылъ это и почувствовалъ потребность говорить, возражать, упрекнуть даже мать.

— Вы должны сознаться, что поступили жестоко, — рѣзко добавилъ онъ. — Пусть вы дѣйствовали какъ любящая мать, но это не оправданіе вашей жестокости...

— Гдѣ-же жестокость? — спросила генеральша. — Я не такъ воспитана, чтобъ быть жестокою, и у меня въ характерѣ нѣтъ жестокости... Сынъ Марьи Платоновны Широной увлекся крѣпостною дѣвушкою одного помѣщика. Дѣвушка эта была куплена у помѣщика, опозорена нака-

заніємъ въ полиціи и сослана,—это вотъ жестокость, а гдѣ же моя жестокость?

— Гдѣ!.. А не жестокость была сослать ее подѣ надзоръ негодя и тирана Рейса, который, очевидно, былъ уполномоченъ тиранить ее и широко пользовался своими полномочіями, потому что... Наташа бѣжала и... и погибла... О, не говорите мнѣ объ этомъ, не говорите!.. У меня кровь леденѣтъ въ жилахъ и сохнетъ мозгъ, когда я подумаю, что съ нею тамъ было, когда вызываю въ воображеніи ея смерть!.. Она замучена, замучена!.. Я призываю къ себѣ христіанское чувство прощенія, но моя душа возмущается, когда я вспомню обо всемъ этомъ!.. Отпустите меня, татап, я пойду..

Сергѣй освободилъ руку изъ рукъ матери и всталъ, но генеральша удержала его за край сюртука.

— Останься, Сережа, умоляю тебя!..

Сергѣй сѣлъ.

— Надо намъ, Сережа, договорить все до конца и тогда, быть можетъ, ты поймешь меня... Я дала тебѣ слово не оскорблять эту дѣвушку и не назову ее дурнымъ именемъ, но я должна напомнить тебѣ одно обстоятельство... Прости, если я сдѣлаю тебѣ больно этимъ воспоминаніемъ, но оно необходимо...

Генеральша остановилась на минуту.

— Ты забылъ, Сережа, что дѣвушка была обвинена въ кражѣ и вина ея въ этой кражѣ доказана...

Сергѣй вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Ты вспомни это, Сережа,—продолжала генеральша.— О, я понимаю, что ты, увлеченный, не могъ допустить, что это правда, но вѣдь это правда, доказанная правда, вѣдь пропавшія у Ушаковыхъ вещи найдены у нея... Неужели ты могъ подумать, что это я выдумала!... Наконецъ, этого нельзя подумать уже потому, что кража случилась раньше, чѣмъ я узнала о твоей любви къ этой странной, непонятной дѣвушкѣ... Ты помнишь-ли это?... Хорошенькая, избалованная вѣтряной и довольно-таки дурной, какъ я узнала,

француженкою, нахватавшаяся кой-какихъ познаній отъ гостей этой француженки, вставшая выше всѣхъ себѣ подобныхъ, дѣвушка эта должна была произвести впечатлѣніе на пылаго, увлекающагося мальчика, какимъ былъ ты тогда, должна была заинтриговать его, какъ это и случилось... Она дѣйствовала умно и тонко и, не случись этой кражи, она-бы достигла своей цѣли... Сережа, дорогой мой, милый, пойми, что она не достойна тебя, что она... дурная!... Избалованная, приученная француженкою къ роскоши, она ловила тебя, а пока... а пока... пока захотѣла имѣть кое-что и сдѣлала кражу...

— Ложь! — крикнулъ Сергѣй, вскакивая. — Ее оклеветали!...

— Кто? Зачѣмъ? — спросила генеральша. — Подумай хорошенько и ты поймешь, что не было нужды клеветать на нее...

— Ложь! — повторилъ Сергѣй.

— Хорошо, пусть такъ, — продолжала генеральша. — Ты глубоко увѣренъ, что это ложь, потому что ты любилъ ее и считалъ чѣмъ-то очень высокимъ и хорошимъ, но я-то могла думать, что она именно похитила вещи у Ушаковыхъ?... Могла я такъ думать?... А разъ я могла такъ думать — и должна была поступить энергично и круто... Не правда-ли?...

Генеральша встала, подошла къ сыну, взяла его за руку и нѣжно, растроганнымъ голосомъ спросила:

— За что-же ты ненавидишь меня?... Въ твоихъ глазахъ эта Наташа была чудная, поэтическая дѣвушка, дѣвушка феноменъ, а въ моихъ она была только исковерканная не свойственнымъ ей образомъ жизни, крѣпостная модистка, избалованная шалунья, дурная по наклонностямъ... Такую дѣвушку обыкновенно стараются исправить наказаніями, а въ этомъ быту наказанія приняты жестокія, но я еще не трогаю ее, я думаю исправить ее мѣрами кротости, ласкою, какъ вдругъ она... она отнимаетъ у меня сына!...

Сережа, еслибъ я приказала ее заколотить на своихъ глазахъ до смерти, то и тогда я должна-бы заслуживать снисхожденія, а ты отвернулся отъ меня, возненавидѣлъ за то лишь, что я отослала ее отъ тебя подальше!... Развѣ я виновата, что она погибла тамъ?... Она тамъ бунтовала, она говорила дерзости уважаемому всѣми управляющему, честному и образованному нѣмцу, его женѣ и въ то время, когда ея подругъ за сотую долю вины ея безъ церемоніи пощѣкали, какъ отбившихся отъ рукъ негодяекъ, ей не смѣли слова сказать и только доносили мнѣ. Вонъ у меня въ бюро письма Рейса—прочти ихъ... Наконецъ, она становится невыносима, ее надо наказать, для ея же пользы надо ее исправить, но и тогда нѣмецъ не рѣшается, а только запираетъ ее, чтобы дожидаться моего приказанія, а она бѣжитъ и погибаетъ... Сережа, не ты-ли жестокъ, отталкивая отъ себя мать, которая живетъ тобою, которая всю жизнь отдала тебѣ?...

Сергѣй сперва пожалъ руку матери, потомъ поцѣловалъ.

— Ахъ, я съ ума схожу!—прогорилъ онъ.— Простите мнѣ все, что я сдѣлалъ дурнаго... Да, вы не такъ виноваты, какъ я думалъ... Вы не виноваты, но... но сердце мое разбито!... Я любилъ эту дѣвушку и она унесла съ собою всю жизнь мою!... До свиданья, не держите меня...

— Ты простилъ мнѣ все и примирился со мною?—нѣжно спросила генеральша.

— Да!...

Сергѣй вырвался отъ матери и убѣжалъ.

Почти цѣлый день онъ ѣздилъ верхомъ, вернулся домой измученный, усталый и заснулъ какъ убитый.

Любовь къ Наташѣ не ослабла въ немъ, онъ все такъ-же жилъ воспоминаніемъ этой первой любви и тоскою о потери ея, но чувство къ матери въ немъ перемѣнилось и онъ теперь искренно и совершенно простилъ ей и жалѣлъ ее.

Онъ теперь опять былъ увѣренъ, что Наташи нѣтъ на свѣтѣ и зажженная на минуту Варенькою надежда умерла

въ немъ на всегда, а къ тоскѣ объ Наташѣ у него прибавлялась тоска о томъ, что мать его можетъ думать, что Наташа похитила вещи у Ушаковыхъ... И не одна значить мать думала такъ... Пятно на дорогой памяти мучило его невыносимо и онъ задалъ себѣ задачу — во что-бы то ни стало снять съ Наташи это подозрѣніе и всѣмъ, всѣмъ доказать, что это была свѣтлая, чистая и непорочная дѣвушка... Опъ вѣрилъ матери въ ея негодование на поведеніе Наташи у Рейса и вѣрилъ, что Рейсъ могъ писать письма съ жалобою на Наташу, но онъ объяснилъ это нетерпимостью деспота Рейса и въ поведеніи Наташи видѣлъ лишь тревогу измученной души и глубоко скорбѣлъ объ этомъ.

Къ задачѣ оправдать Наташу въ возводимой на нее клеветѣ у него присоединилась задача доказать матери, что Наташа и у Рейса вела себя хорошо, что не „бунтъ“ она дѣлала, а лишь возмущалась, глубоко оскорбленная и обиженная...

По уходѣ сына, генеральша приказала позвать къ себѣ Василису.

— Сядь тутъ на полу, около меня,—приказала она своей наперсницѣ.

Та повиновалась.

— Я помирилась съ Сергѣемъ Петровичемъ,—продолжала генеральша.

— Ну, и слава Богу, ваше превосходительство, проздравляю васъ, анделъ вы нашъ,—запѣла Василиса.—Пора, давно пора... Изстрадалась я, гляючи на васъ, красота вы наша!... Вѣдь мы...

— погоди!—перебила генеральша.—Онъ, кажется, совсѣмъ забудетъ скоро эту негодницу Наташку, но, знаешь, я чего боюсь?

— Чего, матушка?

— Вдругъ она жива... Вѣдь я положительно знаю, что она скрылась неизвѣстно куда и безслѣдно пропала, а не

умерла... Ну, утонула-бы, ну, въ лѣсу заблудилась-бы, такъ вѣдь нашлись-же-бы слѣды какіе, а то ничего!... Вдругъ она жива, вдругъ скрылась гдѣ-нибудь и снова грозить мнѣ бѣдою!... Ахъ, я ночей не сплю отъ этой мысли!... Вѣдь можетъ это быть, можетъ?

— Все возможно, матушка...

— Дура! — крикнула генеральша. — Злобная дура!... Хоть-бы попыталась утѣшить, разговорить, а то бухнетъ прямо!... О, злое, глупое животное!...

— Простите вы меня негодную, свѣтлая вы наша барыня! — протянула Василиса руки. — Дура я, какъ есть дурища!...

— Молчи ужъ!... Скажи, что мнѣ дѣлать надо!...

— Это, чтобъ найти негодяйку-то?

— Да.

— Публикацію такую пустить, что вотъ-де дѣвка пропала... Вотъ у Красновыхъ бѣжала дѣвка, такъ публиковали такъ-то и нашли. далеко гдѣ-то нашли...

— Нельзя этого...

— Почему, матушка?

— Можетъ понасть на глаза Сергѣю Петровичу?

— И то правда. матушка барыня, и то правда... такъ какъ-же?

— Я напишу письмо рязанскому губернатору и буду его просить разыскать ее живую или мертвую, а тебя пошлю въ „Лужайки“ и ты должна тамъ жить недѣлю, двѣ, мѣсяцъ и разузнавать... подружись тамъ со старухами, съ деревенскими и разнюхивай...

— Въ ссылку пошлете-то меня, матушка? — робко спросила Василиса. — До смерти меня изведетъ Рейсъ-то...

— Не бойся, — усмѣхнулась генеральша. — Пошлю надзирательницей надъ ткацкой, начальницей будешь и прикажу Рейсу почитать тебя...

Василиса поклонилась, стукнувшись лбомъ объ полъ.

— Только старайся у меня, все разнюхай!... — сказала генеральша.

— Да ужъ вся въ ниточку вытянусь, а узнаю правду!... Что-же вы, матушка, сдѣлаете-то съ Наташей, если она и впрямь жива, да въ бѣгахъ?

— Я?...

У генеральши сверкнули глаза.

— Найду, что сдѣлать... тебѣ подарю!... Ха, ха, ха...

— Подарите, матушка, а я укомплектую какъ слѣдуетъ...

— Знаю тебя и вѣрю... Ну, ступай, я лягу... Послѣ обѣда приказать мнѣ подать карету, выѣхать хочу...

— Слушаю, матушка.

Василиса поднялась съ полу, поцѣловала руку барыни и вышла.

XXV.

Совершенно по-другому встрѣтилъ Рейсъ Василису, когда она второй разъ пріѣхала въ „Лужайки“, снабженная письмомъ генеральши, уполномочивающимъ ее на управленіе ткацкимъ заведеніемъ. До сего времени смотрительницей ткацкаго заведенія была жена Рейса и назначеніе Василисы должно было огорчить ее, но она и вида не показала, что не довольна, боясь огорчить Василису, а съ нею и генеральшу. Исторія съ Наташею навлекла все-таки на Рейсовъ неудовольствіе господъ и они теперь всѣми силами старались выслужиться и угождать. Василиса была полномочнымъ посломъ, по словамъ барыни, и потому ее встрѣтили не только радушно, но и съ почетомъ. Госпожа Рейсъ угощала ее кофеемъ и чаемъ, а самъ Рейсъ говорилъ любезности и на другой-же день торжественно ввелъ ее въ новую должность, представилъ ей всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ ткацкой, а имъ прочиталъ рѣчь о послушаніи и уваженіи къ новой начальницѣ.

Василиса была жестока и зла не менѣе госпожи Рейсъ, но она, помня свое назначеніе, постаралась расположить въ свою пользу подчиненныхъ и заслужить ихъ довѣріе, а по-

тому въ ткацкой наступило житье мирное и тихое; дѣвушки отдохнули и не могли нахвалиться новою начальницей.

Василиса дружно зажила и съ прочей дворнею, и со многими сошлась даже очень близко и каждый вечеръ проводила у кого-нибудь изъ дворовыхъ, или звала къ себѣ „на чашку чаю“. Очень скоро хитрая баба расположила въ свою пользу всѣхъ обитателей „Лужаекъ“, а со старухами не только въ усадьбѣ, но и на деревнѣ передружи-лась. Передъ нею теперь не скрывались, выкладывали ей всѣ свои задушевные думы, рассказывали всѣ продѣлки Рейса и его жены.

Управитель съ женою негодовали на сближеніе Василисы съ дворовыми, но были безсильны что-нибудь сдѣлать противъ этого и только усиленно ухаживали за наперницей барыни, чтобы заслужить ея расположеніе.

Василисѣ такимъ образомъ жилось очень хорошо, но она была недовольна: время шло, а что-нибудь развѣдать о Наташѣ ей не удалось. Вся дворня была убѣждена, что слѣды пропавшей дѣвушки не найдены, что она пропала неизвѣстно куда, но жива-ли она, или погибла — этого никто не зналъ. Со всѣми своими новыми знакомыми Василиса заводила разговоры о Наташѣ и всѣ они могли сообщить ей только одно: Наташа пропала безслѣдно.

— Можетъ быть, и жива, укрывается гдѣ-нибудь, — говорила Василиса.

И всѣ соглашались съ этимъ, всѣ находили это возможнымъ, а нѣкоторые такъ положительно утверждали, что она жива.

— Слѣду нѣтъ, — говорили они. — Ну, допустимъ, она утонула, скажемъ такъ, такъ вѣдь нашли-же-бы гдѣ-нибудь ея тѣло-то!... Вонъ лѣтъ пять тому назадъ на деревнѣ у мужика Андрона дочка зимой утопилась, такъ тоже искали тогда и явки подавали, думали, что сбѣжала, анъ весной и нашли ее, всплыла сердечная; стало быть, и Наташу нашли-бы, утонула она. Нашлась-бы весной, если-бы и замерзла, а вѣдь ни-ни, ни слѣдочка!...

— Такъ гдѣ-же она можетъ быть-то? — допытывалась Василиса, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что Наташа жива.

— Мало-ли, милая, на бѣломъ свѣтѣ мѣста, — говорили ей. — Не всѣ такіе ироды, какъ нашъ управитель, есть и добрые люди, пріютили. Вонъ у господъ Станишиныхъ такъ-то дѣвушка сбѣжала, такъ десять годовъ жила въ бѣгахъ, по мѣстамъ жила въ городѣ и то ничего, — случайно нашли.

Другіе говорили, что Наташа могла замерзнуть гдѣ-нибудь далеко отъ „Лужаекъ“ и найдена въ другомъ уѣздѣ, но на это возражали, что Рейсъ искалъ и объявлялъ по всей губерніи, и будь найдена Наташа, объ этомъ дали-бы знать.

— Жива она, непременно жива! — увѣряла дворня и сама охотно вѣрила этому, симпатизируя Наташѣ.

Относясь къ своей миссіи въ высшей степени добросовѣстно, Василиса ни на одну минуту не забывала ее и не переставала наводить справки, дѣлая это очень осторожно и прикрываясь просто любопытствомъ, заводя разговоры о чемъ-нибудь постороннемъ и незамѣтно переходя къ Наташѣ.

Одинъ разъ Василиса отправилась въ деревню, гдѣ былъ какой-то праздникъ.

Обойдя почти всѣ дома и не брезгуя деревенскимъ угощеніемъ, она зашла и къ одному изъ самыхъ бѣдныхъ мужиковъ, жену котораго недавно вылѣчила отъ лихорадки. Признательная баба встрѣтила „управительницу“ радушно, усадила на почетное мѣсто и принялась угощать.

Баба эта, Степанида по имени и „Тараториха“ по прозванію, была мѣстная вѣстовщица, сплетница, пересудчица и знала тайны не только всѣхъ дворовыхъ и деревенскихъ, но и всѣхъ въ околodкѣ. Она была лѣнива, любила погулять, а мужа, очень смирнаго и придурковатаго мужа, держала въ рукахъ и даже поколачивала.

Онъ, какъ говорили въ вотчинѣ, и бѣденъ былъ изъ-за жены, заживая отъ ея деспотизма и находясь постоянно во враждѣ со всѣми сосѣдями изъ-за язычка своей болтливой и сварливой жены.

Тараториха, не смотря на свои сорокъ съ лишкомъ лѣтъ и рябое, изрытое оспой лицо, была щеголиха, часто ѣздила въ городъ, куда недавно выдала дочь за мѣщанина, большаго пьяницу и очень бѣднаго малаго, но за-то одѣвающимся по-нѣмецки и умѣющаго играть на гитарѣ. Всѣ эти подробности о Тараторихѣ Василиса узнала только въ тотъ день и съ особеннымъ интересомъ пошла къ ней, отказавшись отъ ночевки у зажиточнаго мужика. Для цѣлей Василисы Тараториха была положительно кладомъ.

Угощая дорогую, почетную гостью наливкою и домашнимъ пивомъ, Тараториха такъ и разливалась. Она восторженно восхваляла Василису, съ благоговѣніемъ упоминала о господахъ, бранила мужиковъ, не умѣющихъ цѣнить благодѣянія ихъ, и аттестовала всѣхъ своихъ односельцевъ, передавая въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ ихъ біографіи и образъ жизни.

Василиса слушала съ большимъ вниманіемъ и наводила Тараториху на разговоръ о Наташѣ.

— Истинную ты правду говоришь, Степанидушка: печальники и заботники обо всѣхъ насъ господа наши!—сказала она послѣ какого-то панегерика господамъ.

— Ой, матушка, заботники. ой, благодѣтели!—подхватила Степанида.

— А вотъ цѣнить-то этого мы и не умѣемъ, Степанидушка... Вотъ сослали господа въ вотчину провинившуюся дѣвушку, Наташу, вотъ эту для ея-же пользы сослали, а она вотъ бѣжала, въ бѣга ударилась, хлопотъ огорченій господамъ надѣлала...

— Ахъ, матушка вы наша, такъ развѣ мало неблагоприятныхъ-то?... Взять теперь ключницу Матрену...

Но Василиса перебила словоохотливую хозяйку, нисколько не интересуясь, въ данную минуту, ключницей.

— А надо-бы цѣнить да понимать,—спорила она.—Теперича эта самая Наташа убѣжала; допустимъ. она живетъ гдѣ-нибудь, но вѣдь рано-ли, поздно-ли, а найдутъ-же ее, если она только жива... Вѣдь такъ?

— Понятно, матушка, конечно, у господъ вотъ какъ силъ сила великая, захотятъ, такъ найдутъ...

— А какъ ты полагаешь, Степанидушка, жива она, или нѣтъ?—спросила Василиса.

Мужъ Степаниды, тощій съ обдерганной бороденкой, крайне невзрачный мужиченко, сидѣлъ тутъ-же въ избѣ, но въ пиршенствѣ участія не принималъ. Онъ забился въ уголъ и оттуда посматривалъ на угощеніе, глубоко вздыхая и почесывая спину. При послѣднемъ вопросѣ онъ крикнулъ и какъ-то усиленно завозился. Жена бросила на него выразительный взглядъ.

Ни движеніе мужика, ни взглядъ Тараторихи не ускользнули отъ вниманія Василисы. Она насторожилась.

— Кто-жъ ее знаетъ, матушка, може и жива,— отвѣтила Степанида, какъ-то особенно стрѣльнувъ глазами въ сторону мужа.

— Буде врать-то!—вдругъ заговорилъ тотъ, не проронивъ до сей поры ни единого слова.—Буде врать-то!... Жива... Гдѣ жива?... Давно, чай, умерла...

„Эти что-то знаютъ!“—подумала Василиса и поклялась не уходить отъ Тараторихи, не визнавъ отъ нея всей правды.

— А почему-же ты такъ полагаешь, любезный?—обратилась она къ мужу Степаниды.—На похоронахъ ты у нея не былъ, въ гробѣ ты ее не видалъ, такъ можетъ и жива...

— Нѣ!—монотонно произнесъ мужикъ и вдругъ всталъ.

— Ты не болтай зря-то—серdito накинудся онъ на жену.—Языкъ-то у тебя во-какой!... Болтаешь тутки, а опосля того...

Онъ не договорилъ и полѣзъ на полати.

— Ахъ, ты глупый, глупый, дурень ты эдакій!—тихо засмѣялась Степанида.—Я ни словечка не промолвила, а онъ накосе!... Ой, глупенекъ онъ у меня, матушка, ой, не разумень!... Куда полѣзъ-то!... Выпей иди стаканчикъ винца...

Мужикъ спустилъ ноги.

— Что-жъ, я выпью .. Выпить о праздникѣ не грѣхъ, а только болтать, болтать зря не надо, потому грѣхъ...

Онъ подошелъ къ столу, съ жадностью проглотилъ стаканъ водки, утерся рукавомъ и снова пошелъ къ полатамъ. Схватившись за голбецъ, онъ вдругъ оглянулся на Василису и съ особеннымъ убѣжденіемъ проговорилъ:

— Померла она, ваша милость, померла, нѣтути ее...

— Кто?—спросила Василиса.

— А вотъ дѣвица эта, коя теперича... коя вотъ убѣгла...

Степанида опять тихонько засмѣялась.

— Чаво ржешь? Чаво зубы скалишь?—обернулся къ ней мужъ.—Эка баба эхидная, двуличная!...

Онъ влѣзъ на полати и, что-то бормоча, принялся укладываться спать.

— Васильичъ!—окликнула его жена.

— Ну?

— Ты-бы къ свату Анисиму пошелъ... Звалъ онъ насъ, да я не пойду, гостья вотъ у меня, а ты-бы пошелъ... Блины у Анисима-то пекутъ, гости къ нему изъ Раменья наѣхали, вина, поди, страхъ сколько...

Мужикъ поспѣшно слѣзъ съ полатей и принялся обуваться.

— Что-жъ, я пойду, коли звалъ,—проговорилъ онъ и, на ходу одѣвая кафтанъ, вышелъ.

Только-что затворилась за нимъ дверь, какъ Тараториха подѣсла къ своей гостѣ и, хотя въ избѣ никого больше не было, шепоткомъ заговорила:

— Вѣдь жива бѣглянка-то ваша, матушка, жива!...

— Наташка?—почти крикнула Василиса.

— Да, милая, да... Все я вамъ расскажу, матушка, а только вы меня, горемычную, подъ бѣду не подведите...

— Какал-же можетъ быть бѣда, ежели ты своимъ господамъ пользу сдѣлаешь, бѣглую дѣвку поможешь найти?—спросила Василиса.—Окромя благодарности, ничего тебѣ не будетъ...

— Знаю, матушка, знаю, что господа милостивые награждение сдѣлають, и на вашу милость надѣюсь, а людишекъ я боюсь... сейчасъ это по деревнѣ говоръ пойдетъ, вотъ-де Степанида треклятая дѣвушку выдала, свою-де сестру продала, а на дворнѣ такъ и вовсе бунтъ подымутъ, того гляди голову оторвутъ...

— Нѣшто это возможно!—воскликнула Василиса.—Пальцемъ никто не посмѣетъ тронуть, словечка никто не пикнетъ, ежели ты подъ господскую милость попадешь...

— Охъ, матушка, не даромъ пословица-то сказываетъ, что „царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ!...“ Тайкомъ людишки забижать будутъ, а пожалуй и сожгутъ еще, народъ у насъ волннй, сорви-голова народъ... А вы вотъ что, матушка: вы мнѣ милость особую окажите—ко двору господскому возьмите, Васильичу моему какую-нибудь должность дайте... хозяйство у насъ малое, плохое, скотинки нѣтъ, вовсе нищими мы живемъ, а глядишь, въ городу-то не хуже другихъ будетъ...

— Хорошо, изволь,—съ увѣренностью проговорила Василиса.—Я тебѣ чѣмъ хочешь поручусь, что генеральша за твою услугу все для тебя сдѣлаетъ... Что-же ты знаешь про Наташу? Гдѣ она?

Василиса сгорала нетерпѣніемъ, она такъ и впилась глазами въ Степаниду. А та поплотнѣе притворила дверь. даже въ окно заглянула, не подслушиваетъ-ли кто, и опять—таки шепотомъ заговорила:

— Были мы нонѣ по веснѣ въ городѣ Сапожкѣ,—дочка у меня туда за мѣщанина выдана, такъ навѣститъ ее ѣздила,—прогостили тамоди недѣли двѣ, жили хорошо, кажинный день съ зятемъ-то въ трактирѣ чай пили... Вотъ пьемъ мы эдакъ чай однажды, а по сусѣдству съ нами мужики сидятъ деревенскіе... И говорятъ это мужики промежь себя, что вотъ-де у барина у Тарантаева бѣглая дѣвица замѣсто дочери принята и живетъ-де барышней, а изъ себя-де красивая, бѣлая да нѣжная, ровно и взаправская барышня...

Ѣздилъ, говорятъ, этотъ баринъ куда-то въ отъѣздъ и нашелъ ту дѣвицу и привезъ-де къ себѣ, только объ этомъ онъ да кучеръ его и знаютъ, кучеръ-де и проговорился объ этомъ... Я это слушаю, матушка, и думаю себѣ: не наша-ли, молъ, это Наташа, больно, молъ, сходно что-то... Думала такъ, да мужичковъ-то и спросила—какъ, говорю, зовутъ дѣвицу-то эту. „Зовутъ, говорятъ, ее Натальей, а бѣжала она изъ вотчины какого-то генерала, а вотчина-то въ Раненбургскомъ уѣздѣ...“ Ну, стало-быть, наша и есть... Я было поспросить еще кой-что хотѣла, да мужъ съ зятемъ прикрикнули на меня, не твое, молъ, дѣло, сиди да молчи... И молчала я до сей поры, словечка никому не промолвила... Хотѣла я было госпожѣ въ Москву обо всемъ отписать, а самой мнѣ гдѣ-же поѣхать?... Жива наша бѣглянка, милушка моя, жива, будьте вы безъ сумленія...

Василиса слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и даже разгорѣлась вся отъ волненія.

— Ну, баба,—заговорила она,—коли удастся намъ съ тобой нашу пропажу найти—заживемъ мы!... Ручаюсь тебѣ головой, что генеральша наградитъ тебя хорошо... Эко горе, что грамотой меня Богъ не умудрилъ, а то записала-бы я прозваніе барина-то: не позабыть-бы безъ записи-то... Ну, да ладно, на дворнѣ запишетъ кто-нибудь, тамъ вѣдь не знаютъ зачѣмъ... Тарантаевъ, говоришь, баринъ-то?

— Тарантаевъ, матушка, Тарантаевъ.

— А уѣздъ Сапожковскій?

— Сапожковскій.

Василиса отъ сильнаго волненія не спала всю ночь, оставшись ночевать у Степаниды, встала чѣмъ свѣтъ и отправилась въ „Лужайки“. Рейсъ только-что проснулся и пилъ чай съ женою, какъ Василиса вошла къ нему и, расцѣловавшись съ управляющею, обратилась къ Рейсу:

— Эдуардъ Эдуардовичъ, снаряжайте мнѣ, батюшка, подводу до Москвы, нонѣ я къ генеральшѣ ѣду...

Рейсъ удивился.

— Васъ звали туда, или какъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не звали, а дѣло у меня есть, неотложное дѣло.

— Можетъ претензія?... Мужики жалобу приносили и вы хочеть ѣхать и доложить?... Вы должны очень обидѣть меня и мою Паулину...

— Ахъ, полно-те, Эдуардъ Эдуардовичъ, Богъ съ вами!—махнула рукою Василиса.—Стану я дразги выносить!... По своему дѣлу ѣду, насчетъ племянницы, а объ васъ у меня только и словъ будетъ, что лучше васъ на свѣтѣ нѣтъ.

— Мы будемъ благодарить и мы очень старались,—поклонился нѣмецъ.—Паулина, ты должна наготовить все для дороги и чтобы было все очень хорошо, а я... выберу вамъ лошадей и дать кучера Федора, который есть очень хорошъ и трезвый...

Рейсъ дѣйствительно немедленно отправился хлопотать о подводѣ, а жена его принялась собственноручно печь пирожки и колобки барской наперсницѣ. Супруги очень боялись внезапнаго отъѣзда Василисы и не знали чему приписать его, а Василиса, не дождавшись даже обѣда, выѣхала изъ „Лужакъ“, счастливая удачнымъ исполненіемъ своей миссіи и полная радостныхъ надеждъ и ожиданій...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Севастопольская гроза.

I.

Былъ октябрь мѣсяцъ 1854 года.

Надъ осажденнымъ городомъ Севастополемъ взошло яркое, но холодное осеннее солнце, золотя вершины далекихъ горъ.

Все заблестѣло. все приняло нарядный, праздничный видъ.

Но не къ празднику готовился осажденный городъ Севастополь, хотя тысячи *гостей* расположились вокругъ него и стояли, ожидая приѣма.

Приѣмъ былъ готовъ.

На протяженіи восьми верстъ вокругъ города выросла цѣпь укрѣпленій — земляныхъ окоповъ и насыпей. Грозно царили надъ городомъ высокіе бастіоны и на нихъ сверкали и искрились пушки, пока еще безмолвныя, молчаливыя, но страшныя и въ своемъ молчаніи. Правильными рядами стояли позади бастіоновъ пороховые погреба подъ насыпями, чернѣлись блиндажи, возвышались траверсы.

Семь грозныхъ бастіоновъ стояли кругомъ Севастополя, готовые послать тысячи смертей въ среду окружавшихъ городъ незащищенныхъ незванныхъ гостей.

„Первый“, „второй“, „третій“ и Малаховъ курганъ защищали южную бухту и корабельную сторону, а „четвертый“, „пятый“ и „шестой“ — городъ. Множество мелкихъ батарей было поставлено въ промежуткахъ главныхъ басті-

оновъ. И съ этихъ батарей глядѣли грозныя жерла пушекъ, и отсюда смотрѣла на непріятеля смерть своими холодными очами.

Все заблестѣло, все заискрилось отъ яркихъ лучей восходящаго солнца, а всего болѣе блестѣли и искрились сотни пушекъ, глядящихъ съ укрѣплений. Отъ блеска ихъ слѣпило глаза.

А тамъ, подѣ Севастополемъ, въ широкой долинь, окаймленной высотами, тоже что-то сверкаетъ и блещетъ, и горитъ на солнцѣ. Это непріятель.

Цѣпью укрѣплений обложилъ онъ городъ, возвелъ насыпи, укрѣпились на возвышенныхъ мѣстахъ и тоже грозить оттуда гибелью и смертью.

Жребій брошенъ, роковой часъ наступаетъ и, какъ передъ страшной грозой, затихло все на время, какъ-бы страшась грядущаго.

Съ нашихъ бастіоновъ простымъ глазомъ видно кропотливое движеніе у непріятеля. Краснѣютъ и синѣютъ мундиры англичанъ и французовъ, сверкаютъ штыки перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто пѣхотныхъ отрядовъ, какъ черныя муравьи ползаютъ по насыпямъ саперы, возводя все новыя и новыя укрѣпленія.

Кой-гдѣ вѣютъ знамена, значки, а въ утреннемъ прозрачномъ воздухѣ стоитъ отдаленный гулъ перевозимыхъ орудій.

Такова была картина Севастополя въ октябрѣ 1854 года, передъ страшной, безпримѣрной въ лѣтописяхъ осадой, продолжавшейся одиннадцать мѣсяцевъ.

„Въ эти одиннадцать мѣсяцевъ брошено врагами въ многострадательный городъ, — говоритъ одинъ изъ историковъ — 2.128,000 штукъ метательныхъ снарядовъ, испорчено 330,000 пудовъ пороху и безсчетное количество пуль. Бой происходилъ на землѣ и подѣ землею — въ минныхъ галереяхъ и подкопахъ. Сильный врагъ стоялъ лицомъ къ лицу лишь на разстояніи семидесяти сажень отъ нашихъ

бастіоновъ. Три наши укрѣпленія,—Камчатскій, Селегинскій и Волинскій редуты, по причинѣ ужаснаго огня, который на нихъ былъ направленъ и который они мужественно выносили, прозваны были „тремя отроками во пещи“. Малаховъ курганъ, въ послѣдніе мѣсяцы осады, пѣхотинцы называли „бойней“.

Недаромъ по Высочайшей волѣ каждый мѣсяць этой безпримѣрной осады повелѣно было считать за годъ.

Солнце подымалось все выше и выше. Утро вставало холодное, но ясное.

Выйдя изъ душнаго блиндажа подъ Малаховымъ курганомъ и умывшись холодной водою, пять человекъ матросовъ усѣлись на бревнахъ и расположились было закусить сухарями, размоченными въ водѣ, какъ послышалась команда: „прислуга къ орудіямъ!“

— Стало быть, хотятъ нонѣ бомбардированіе начать,—проговорилъ одинъ матросъ, закивая сухари въ карманъ.

— Стало быть!—отвѣтилъ другой, хлебнулъ воды, застегнулся и вбѣжалъ на укрѣпленіе.

Вдали, подъ яркими лучами высоко уже вышедшаго солнца, видѣлись непріятельскія укрѣпленія и, какъ черныя бархаты, подымались недавно возведенные изъ сыраго чернозема валы, а надъ ними сверкали орудія.

И тамъ, и здѣсь, и вездѣ, куда видѣлъ глаза, подымались укрѣпленія, копошились люди.

— Перрррвое!.. раздалась команда.

Что-то оглушительно ахнуло, дымъ засталъ глаза, сверкнулъ огонь и свистя полетѣлъ снарядъ, удаляясь съ батареи.

— Господи, благослови!—прошептали солдаты.

Снарядъ упалъ какъ разъ въ непріятельскій редутъ, взрылъ землю, пустилъ клубъ бѣлаго дыма и разорвался, отдаленнымъ гуломъ донесаясь до нашего бастіона.

Это былъ первый выстрѣлъ, раздавшійся со стѣнъ Севастополя.

— Второе!..

Снова раздался оглушительный гулъ, снова пламя и дымъ...

Непріятель отвѣтилъ на наши выстрѣлы, и началась кононада...

Въ это время въ городѣ, въ маленькомъ домикѣ матросской жены Аграфены Никитиной, сидитъ за чайнымъ столикомъ генералъ Петръ Григорьевичъ Чоглоковъ. За этимъ-же столомъ сидѣлъ подчиненный генералу полковой командиръ, невысокій полнокровный человѣкъ съ умными и хитрыми глазами, которые онъ все опускалъ книзу и лишь изрѣдка вскидывалъ ихъ, „стрѣлялъ“ ими въ начальника. Онъ былъ въ мундирѣ, въ новыхъ, очень пышныхъ эполетахъ и со многими орденами на высокой плотной груди. Высокій воротникъ мундира давилъ тучную шею полковника и подпиралъ его двойной подбородокъ, отъ чего полковникъ, видимо, раздражался и былъ не въ духѣ. Онъ отхлебывалъ чай небольшими глотками и каталъ изъ хлѣба шарики, укладывая ихъ въ рядъ. По мѣрѣ того какъ онъ раздражался, шарики скатывались все быстрѣе, и ихъ накопилось болѣе дюжины. Генералъ Чоглоковъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ бѣломъ жилетѣ, только-что выбритый, умытый и надушенный, хорошо отдохнувшій съ недавней дороги, вышелъ къ чаю въ томъ бодромъ, здоровомъ расположеніи духа, которое получается послѣ хорошо проведенной ночи въ свѣтлое ясное утро. Споръ съ полковникомъ и видъ этого раздраженного, чѣмъ-то недовольнаго полковника испортили расположеніе духа генерала, и онъ начиналъ тоже раздражаться, раза два прикрикнулъ на камердинера, который разливалъ чай, и началъ барабанить пальцами по столу, что всегда служило признакомъ неудовольствія.

Между двумя маленькими съ зеленоватыми и мутными

стеклами окнами стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и за этимъ столомъ сидѣлъ адъютантъ генерала, очень молодой и застѣнчивый офицеръ. Адъютантъ прихлебывалъ чай и дѣлалъ какія-то отмѣтки синимъ и краснымъ карандашами на большой картѣ окрестностей Севастополя.

— Я говорилъ вамъ, полковникъ, что не бомбардированіе намъ нужно, а рѣшительная атака непріятеля!—ударяя рукою по столу послѣ каждого слова, говорилъ генераль.—Общая атака, всѣми силами... Мы выбьемъ его изъ укрѣпленій и отбросимъ съ громаднымъ урономъ... Мнѣ очень грустно, полковникъ, что вамъ не угодно согласиться со мною... Именно въ васъ я хотѣлъ и мечталъ найти поддержку моего мнѣнія, именно вы мнѣ нужны для подачи моего мнѣнія!..

— Сожалѣю, ваше превосходительство, что не нахожу возможнымъ согласиться съ вами, весьма сожалѣю! — отвѣчалъ полковникъ, опустивъ глаза и закатывая новый шарикъ.—Непріятель превосходитъ насъ силами, позиція его выгодна и наша атака была-бы отбита... Отъ одного артиллерійскаго огня мы потеряли - бы половину людей... Извольте вспомнить дѣло при Альмѣ: непріятель далеко не былъ въ столь выгодныхъ условіяхъ, и то мы были подавлены численностью. Мы...

— Что вы мнѣ говорите про Альму?—перебилъ генераль.—Я считаю дѣло при Альмѣ за громадную стратегическую ошибку...

Полковникъ промолчалъ, не желая обсуждать ошибки начальства.

— Это была сплошная ошибка,—продолжалъ генераль,—а теперь мы ея не сдѣлаемъ. Ударъ нуженъ, рѣшительный ударъ, или мы дадимъ средство непріятелю окончательно укрѣпиться и тогда уже атака будетъ невозможна...

— Огнемъ артиллеріи мы можемъ повредить ему гораздо больше и съ меньшими потерями...

— Ахъ, знаютъ огонь вашъ!.. Русскіе тѣмъ и брали

всегда, что шли на проломъ... Я берусь-вотъ съ однимъ полкомъ опрокинуть дивизію, если атака будетъ быстра и неожиданна... И я дѣлалъ это, вы должны знать, если вы знаете только венгерскую компанію...

— Мнѣ хорошо извѣстна безпримѣрная храбрость вашего превосходительства и ваше военное искусство,—поклонился полковникъ.

— Я знаю только то, что въ духѣ нашего войска отличительная черта — любовь къ движенію впередъ... Я подалъ записку главнокомандующему и думаю, что ему угодно будетъ принять мое мнѣніе, и если-бъ ко мнѣ присоединилось пять-шесть такихъ офицеровъ, какъ вы,—я былъ-бы увѣренъ въ успѣхѣ...

Вдругъ домикъ матросской жены дрогнулъ весь, стекла въ окнахъ задребезжали, даже стаканы на столѣ зазвенѣли и подпрыгнули... За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, третій и такъ далѣе, въ перемежку съ другими, отдаленными ударами.

— Кононада!—произнесъ полковникъ, вставая.

— Да...

Генераль тоже всталъ и перекрестился.

— Дай-же, Господи, одолѣть намъ врага и дай, Господи, разумъ нашимъ вождямъ!—проговорилъ онъ.—Поручикъ, прикажите подать мнѣ лошадь.

Полковникъ поспѣшно допилъ свой чай, оттянулъ книзу туго охватывающій его тучную фигуру шарфъ и щелкнулъ каблуками, поклонившись генералу.

— Я тоже поѣду сейчасъ къ бастіонамъ, ваше превосходительство,—сказалъ онъ.

— Да, да, поѣдемъ вмѣстѣ... Быть можетъ къ вечеру вы поведете свой полкъ въ атаку—готовы-ли вы?

— Я и мои солдаты всегда готовы умереть, ваше превосходительство...

Полковникъ взялъ съ окна свою шляпу, поклонился еще разъ и поспѣшно вышелъ.

Грохотъ канонады усиливался и усиливался. Стрѣльба началась со всѣхъ бастіоновъ главной оборонительной линіи.

Проводивъ генерала, камердинеръ началъ убирать чайную посуду и при каждомъ ударѣ боязливо косился на окна и набожно крестился. Въ комнату вошелъ Каплинъ, франтовски одѣтый въ новую форму генеральскаго деньщика.

— Хорошо палятъ, Митрій Даниловичъ!—сказалъ онъ.— Ажъ въ ушахъ звенить!..

— Страшно ужъ очень,—отвѣтилъ камердинеръ.— Можетъ, вѣдь, и сюда залетѣтъ бомба, ими нѣтъ?

— Очень даже можетъ!.. Слободку знаете?

— Знаю.

— Сейчасъ домишко матросскій въ дребезги тамъ разбило и бабу убило...

— Господи!.. Бабу-то за что-же?

— Рази бомба можетъ разсуждать? Она глупа, она летитъ зря и ей дѣла нѣтъ—баба тамъ или мужикъ...

— Спаси Господи!.. Стало-быть, мы отсюда переѣхать должны?

— Эхъ, Митрій Даниловичъ, отъ смерти, батюшка, не уйдешь, а умирать-то все-равно надо...

Каплинъ насмѣшливо поглядѣлъ на камердинера и началъ приводить въ порядокъ разбросанныя по столу бумаги.

Подъ окномъ задребезжали колеса.

— Никакъ пріѣхалъ кто-то? —оглянулся камердинеръ.

— Пріѣхалъ и то...

Каплинъ подошелъ къ окну.

— Почтовая бричка,—сказалъ онъ.—Баринъ какой-то партикулярный... Батюшки мои, да вѣдь это нашъ Сергѣй Петровичъ!..

Каплинъ бросился къ дверямъ и столкнулся съ Сергѣемъ.

Въ дорожномъ пальто изъ толстаго драпа, въ высокихъ сапогахъ, загорѣлый и запыленный, Сергѣй казался старше лѣтъ на пять и мужественнѣе. Глаза его блестя оживле-

ніемъ, грохотъ долетающей кононады видимо бодрилъ его и ажитировалъ.

— Здорово, Каплинь!—весело привѣтствовалъ онъ любимаго имъ Каплина.

— Здравія желаю, ваше благородіе!—по военному отвѣтилъ Каплинь, вытягиваясь.

Камердинеръ бросился было поцѣловать руку молодого барина, но Сергѣй отстранилъ его и потрепалъ по плечу.

— Здорово, Данилычъ? — сказалъ онъ. — Чаю мнѣ, голубчикъ, и чего-нибудь поѣсть... Отъ Симферополя ничего не ѣлъ, а тамъ дали такую курицу, что я и жевать ее не могъ!.. Батюшка гдѣ?..

— На линію изволили уѣхать, Сергѣй Петровичъ... Вотъ у насъ нонѣ какая музыка-то поднялась, батюшка...

— Да, да, слышу... Я еще по дорогѣ услыхалъ и узналъ, что сегодня начали бомбардированіе... Отецъ здоровъ?

— Слава Богу, Сергѣй Петровичъ... Я, батюшка, побѣгу завтракъ вамъ готовить, пусть Каплинь вамъ служитъ пока... Одни изволили пріѣхать-то?

— Одинъ сюда пріѣхалъ. Взялъ Василья, да онъ захворалъ—и я его въ Симферополь оставилъ...

Сергѣй сбросилъ пальто и остался въ бархатномъ дорожномъ сюртукѣ. Умывшись и причесавшись, онъ выглядѣлъ опять моложе и нѣжнѣе, только глаза его еще больше ушли какъ-то въ глубь да между бровей легла морщинка, придавшая лицу выраженіе серьезной и затаенной грусти.

— Не въ военную-ли службу изволите поступить, ваше благородіе?—спросилъ Каплинь, любовно глядя на Сергѣя.

— Думаю, Каплинь, думаю... У тебя вотъ учиться буду, сдѣлай изъ меня хорошаго солдата.

— Рады стараться, ваше благородіе!.. Хорошее дѣло изволили задумать, ваше благородіе, дай Богъ до генерала дослужиться...

— А если убьютъ?—усмѣхнулся Сергѣй.

— Богъ милостивъ, ваше благородіе, а коли и убьютъ, такъ все лучше чѣмъ отъ лихоманки, либо отъ холеры какой помереть...

Канонада все усиливалась.

Не смотря на холодный октябрьскій воздухъ, Сергѣй отворилъ окно и прислушивался къ красивому, грозному и возбуждающему звуку пушечной пальбы. Сперва будто охало какое-то чудовище, потомъ съ грохотомъ и трескомъ раскатывалось эхо, дробясь въ далекихъ горахъ, и не успѣвало затихнуть, какъ снова раздавался глухой гулъ, трескъ; что-то раскатывалось будто и все дрожало кругомъ, все трепетало отъ грозныхъ звуковъ...

По улицѣ спѣшно шли жители, громко и оживленно разговаривая; неслись какіе-то повозки; отбивая тактъ ногамъ и слегка громяхая ружьями, проходили отряды пѣхоты; рысью прошла сотня казаковъ...

А канонада все усиливалась и усиливалась...

II.

Сергѣй тревожно и напряженно и какъ-то жадно прислушивался къ звукамъ канонады, забывъ и отца, котораго всю дорогу ему страшно хотѣлось видѣть, и самого себя, и все на свѣтѣ. Красивые, грозные, возбуждающіе звуки пушечной пальбы охватывали его всего и будоражили нервы. Онъ не замѣчалъ холоднаго вѣтра, который врывался въ отворенное окно, не замѣчалъ, что озябъ, и съ остановившимися глазами слушалъ грохотъ орудій, а въ воображеніи его вставали картины войны, величавыя, красивыя, съ громомъ музыки, съ развѣвающимися знаменами, съ блестящими рядами войскъ...

— Здорово жарятъ, ваше благородіе, — вывелъ его изъ задумчивости голосъ Каплина.

Сергѣй вздрогнулъ, оглянулся и закрылъ окно, теперь только почувствовавъ ознобъ.

— Страсть, поди, народу перебыютъ такой жарней!— продолжалъ Каплинъ.

Красивые эффекты войны мигомъ исчезли изъ воображенія Сергѣя отъ этихъ словъ и взаимно ихъ, какъ въ калейдоскопѣ, замелькали инныя—картины разрушенія, смерти, крови...

— Батюшка тамъ?—тревожно спросилъ онъ у Каплина, подразумѣвая подъ этимъ „тамъ“ мѣсто разрушенія и смерти.

— Такъ точно, ваше благородіе, изволили поѣхать къ укрѣпленіямъ...

— Ахъ, такъ и я туда, и я!—заволновался Сергѣй. — Гдѣ это?.. Какъ это и куда надо ѣхать?

— Партикулярнаго человѣка не пропустятъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ Каплинъ.—Да вы не извольте беспокоиться: ихъ превосходительству ничего не можетъ быть, потому какъ это дѣло артиллерійское. ваше благородіе.

Сергѣй почти не понялъ Каплина, толкующаго о какомъ-то „партикулярномъ человѣкѣ“ и объ „артиллерійскомъ“ дѣлѣ, но увѣренный, спокойный тонъ деньщика, очень любящаго генерала, успокоилъ Сергѣя. Онъ съ аппетитомъ принялся за поданные битки и чай и началъ разспрашивать Каплина про отца, про жизнь въ Севастополѣ, про войну.

Сергѣй быстро и совсѣмъ неожиданно рѣшилъ поѣхать въ Севастополь и поступить въ военную службу. Когда онъ объявилъ объ этомъ матери, генеральша чуть было не слегла въ постель и готова уже была сообщить сыну только-что полученное извѣстіе о томъ, что Наташа жива, что она будетъ очень скоро привезена въ Москву и что будетъ благословлена за Сергѣя, лишь-бы онъ отложилъ свое „ужасное намѣреніе“, но Сергѣй поспѣшилъ успокоить мать и сказалъ, что онъ поступитъ въ штабъ, что никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ не подвергнется опасности, что онъ ѣдетъ дѣлать военно-мирную, такъ сказать, карьеру, бросивъ за болѣзнь университетъ и потерявъ надежду на ученую карьеру, о которой онъ когда-то мечталъ. Онъ говорилъ такъ

убѣдительно, въ фигурѣ его, въ прошлой жизни, въ характерѣ, наконецъ, такъ мало было воинственнаго, что генеральша повѣрила и даже посмѣялась внутренно надъ своими страхами. О Наташѣ она, конечно, ничего не сказала и отпустила сына въ Севастополь, снабдивъ его множествомъ рекомендательныхъ писемъ и еще большее множество посылвъ таковыхъ въ Петербургъ, а мужу написала, что она вполне надѣется на его благоразуміе, вполне надѣется на то, что ихъ „мальчикъ“ не услышитъ даже выстрѣла, а будетъ пристроенъ гдѣ-нибудь при штабѣ, при интендантствѣ, или т. п.

Сергѣй, успокоивая мать и увѣряя ее, что онъ ни за что не пойдетъ „въ настоящую“ военную службу, только и мечталъ объ этой „настоящей“ службѣ, твердо рѣшивъ начать ее съ рядоваго и съ первыхъ-же дней идти въ дѣло. Это не было желаніемъ „умереть геройской смертью“. Нѣтъ, Сергѣю, напротивъ, очень хотѣлось жить и онъ ожидалъ отъ жизни еще многого, не особенно, впрочемъ, надѣясь на личное счастье—но ему хотѣлось забвенія, успокоенія онъ искалъ своей больной, измученной душѣ. И онъ надѣялся найти это забвеніе въ отрадахъ военной жизни, въ опасности, въ кипучей дѣятельности. Тоска давила его не только лишь отъ потери любимой дѣвушки, а и оттого еще, что причину гибели онъ видѣлъ въ матери, и эта жестокость, безчеловѣчность матери дѣлали его положительно несчастнымъ. Какъ ни старался онъ найти оправданіе матери—онъ не могъ этого сдѣлать и сегодня, рѣшая, что она поступила лишь какъ мать, что въ ея поступкахъ нѣтъ ничего ужаснаго и преступнаго—завтра приходилъ къ заключенію, что мать его жестока, зла, безпощадна, безсердечна, и видѣлъ подтвержденіе этого во всей жизни матери. Это не давало ему покоя, гнало его изъ дома, но и внѣ дома не находилъ онъ утѣшенія, жестоко страдая, чувствуя себя несчастнымъ и думая, что никогда и ни въ чемъ не найдетъ онъ успокоенія.

И онъ уѣхалъ къ отцу съ твердымъ намѣреніемъ поступить въ военную службу.

А генеральша отпустила его, мечтая видѣть его блестящимъ адъютантомъ, гвардейцемъ, настоящимъ представителемъ „фамиліи Чоглоковыхъ“. Въ то же время она надѣялась, что сынъ окончательно забудетъ при новой дѣятельности, на новомъ мѣстѣ свою „глушую страсть“, а пока рѣшила принять кое-какія мѣры относительно Наташи, которая „объявилась“, какъ говорила дворня.

Василиса примчалась изъ своей командировки, сломя голову, что называется и, не раздѣваясь съ дороги, обстоятельно обо всемъ доложила барынѣ. а затѣмъ, получивъ щедрую награду и надежду на новыя милости, рассказала обо всемъ и дворнѣ.

— Приведутъ, ее голубушку, скоро приведутъ!—говорила она про Наташу, рассказавъ всѣ свои похождения. По этапу приведутъ, какъ арестантку пригонять и будетъ ей здѣсь, бѣглянкѣ скверной!.. Небось, спустятъ теперь шкуру-то нагульную, собьютъ спѣсь, произведутъ изъ барышней въ скотницу, или въ прачки!..

— Что вы это такъ ехидничаете-то, Василиса?—говорили ей въ дворнѣ.—Подвели подъ бѣду свою-же сестру, крѣпостную, да и радуетесь, словно не вѣсть какое доброе дѣло сдѣлали!.. Ой, грѣхъ вамъ будетъ за это!..

— Грѣхъ?—закипала Василиса негодованіемъ.—Грѣхъ?.. А не грѣхъ господское дите съ толку сбить, съ пути истиннаго совратить? Не грѣхъ у Ушаковыхъ серебро красть? Не грѣхъ изъ господскаго дома, гдѣ ее, противницу, какъ куколку одѣвали, съ барскаго стола поили, кормили, не грѣхъ въ бѣга идти!.. О, да я бы ее сквернавку расказнила, по кусочкамъ-бы розняла, запорола-бы до смерти, коли-бы моя надъ ней воля была!.. Зазнавалась-то какъ, голову-то какъ несла, какъ бариновой любовницей сдѣлалась!.. Мнѣ смѣла грубить, на меня молодому барину жаловалась и довела до того, что нашъ голубчикъ глазами на меня не глядѣлъ!..

— Вотъ за это-то вы на нее и зубы точите, — говорили кто по-смѣлѣй. — За то, что она васъ начальницей не почитала, да за то еще, что мѣсто вашей племянницы заняла.

— Ой-ли? Смотри, какъ-бы тебѣ, защитнику, не попало за это, за потворство бѣглянкѣ да воровкѣ! — шипѣла Василиса.

— Наушничай барынѣ, такъ попадетъ, а тебѣ не привыкать-стать наушничать-то!

Но Василиса даже не особенно сердилась на такихъ, вся отдавшися мысли о томъ, что ей пришлось „рассказать“ Наташу.

Это чувство ненасытной злобы, могущее показаться за фальшь, за утрировку, было очень понятно въ такой женщинѣ, какою была Василиса.

Ничто такъ не развиваетъ въ человѣкѣ подлости и злобы, какъ роль шпиона, а Василиса была именно шпиономъ, и шпиономъ не столько по призванію, сколько по необходимости. Стоя по должности ближе всѣхъ къ барынѣ, она волей неволей должна была докладывать ей о просупкахъ дворни и это обратилось у нея въ привычку, въ необходимость.

Получая съ одной стороны благоволеніе и терпя съ другой множество оскорбленій, страдая по-своему отъ насмѣшекъ, отъ презрѣнія равныхъ, она озлоблялась все болѣе и болѣе и входила во вкусъ роли шпиона, донося уже не только по приказанію, а и по своей волѣ, мстя доносами за обиды, за пренебреженіе, за нелюбовь.

Затѣмъ у такой женщины очень быстро возрастало честолюбіе; близость къ барынѣ дѣлала ее гордою, заносчивою, приобретаемое благосостояніе заставляло чувствовать себя выше всѣхъ прочихъ дворовыхъ и малѣйшее пренебреженіе раздражало, оскорбляло самолюбіе и вызывало гнѣвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро росла жажда къ наживѣ и почестямъ.

Такою была „Василиса, старшая горничная и управительница“ въ домѣ генеральши Чоглоковой.

Появленіе Наташи, одно уже только появленіе возбудо-

ражило ее. Приѣхала дѣвушка изъ Петербурга, ловкая, красивая, нарядная, искусная, — очевидно, ей суждено занять очень скоро видное мѣсто. Она уже вотъ отбила мѣсто главной модистки у племянницы, а потомъ можетъ и Василису оттереть отъ барыни. Василиса насторожилась. Василиса уже ненавидѣла Наташу. Ненавидѣла еще и потому, что такія женщины, какъ Василиса, мечтающія еще о любви и счастіи съ какимъ-нибудь „обстоятельнымъ кавалеромъ“, смертельно пенавидятъ всѣхъ хорошихъ.

Первый промахъ Наташи доставилъ ей величайшую радость и она подготовила ей паденіе, а теперь ликовала по поводу ея гибели и все была готова сдѣлать для этой гибели.

Такія женщины были при каждой большой дворнѣ. Онѣ есть и теперь, но, конечно, только на крѣпостной почвѣ могла развиться и вполне развернуться такая натура.

А Наташа жила въ тепломъ гнѣздышкѣ, которое свили ей Тарантаевы, и не чаяла страшной грозы, которая собиралась надъ нею.

Тихо и мирно неслась жизнь въ имѣніи Тарантаевыхъ и лишь одно смущало немного обитателей уютнаго домика — это все чаще и чаще высказываемое желаніе Наташи идти въ сестры милосердія.

„Русскій Инвалидъ“, принося извѣстія о ходѣ войны, очень часто упоминалъ о полной самоотверженіи и чисто христіанскаго подвига дѣятельности сестеръ милосердія, а Наташа, слушая и читая газету, все болѣе и болѣе стремилась туда, на поле сраженія, гдѣ геройски умирали защитники отечества, гдѣ эти защитники страдали и нуждались въ уходѣ, въ словѣ ободренія, въ ласкѣ, въ женскомъ нѣжномъ участіи. Ей такъ хотѣлось отдать себя всю благому дѣлу, что даже любовь къ Тарантаевымъ, совсѣмъ родственная привязанность къ нимъ и ихъ дому не удерживали ее — она рвалась, куда звало ее сердце; въ ней

съ каждымъ днемъ все крѣпло и крѣпло желаніе ѣхать къ Севастополю, куда перенесся уже главный театръ военныхъ дѣйствій. И старикъ Тарантаевъ, и его милая добрая экономка и молодые Тарантаевы, и вся дворня знали о желаніи Наташи и глубоко грустили, боясь, что она покинетъ ихъ. Старикъ намеками говорилъ, что его убѣдетъ отъѣздъ Наташи, что она ему все равно какъ дочь, и, одобряя желаніе Наташи въ принципѣ, не могъ допустить его на дѣлѣ, стараясь доказать, что задуманное ею дѣло тяжело, очень трудно, что ей не вынести всѣхъ трудовъ и лишеній, что, наконецъ, невозможно ей ѣхать и потому, что она не имѣетъ никакого вида.

Экономка приходила въ комнату Наташи ночью, садилась около ея кровати на скамеечку, обнимала иногда засыпающую или спящую Наташу и плакала, уткнувшись лицомъ ей въ грудь и говоря, что она не перенесетъ разлуки съ своей „доченькой“, а молодые Тарантаевы молча скорбѣли и шептались между собою, рѣшивъ идти въ военную службу, если Наташа не перемѣнитъ своего намѣренія. Они и ей сказали какъ-то объ этомъ, а Аркадій, особенно пылко и нѣжно любившій Наташу, сказалъ даже, что онъ убѣжитъ на войну, если отецъ не отпуститъ его добровольно.

— Убѣгу-съ и самъ на штыки непріятельскіе брошусь!— говорилъ онъ.

Наташа страдала не менѣе этихъ добрыхъ людей, но рѣшеніе идти въ сестры милосердія не ослабѣвало въ ней и если она не приводила его въ исполненіе, то потому лишь, что не имѣла паспорта и не знала, какъ ей устроиться безъ него.

Помимо этого, утруждающаго всѣхъ, обстоятельства, все въ усадьбѣ Тарантаевыхъ жило мирной и тихой жизнью. Этотъ уголокъ былъ оазисомъ въ окружающей сутолкѣ, толчеѣ жизни и ангелъ покоя, мира, тихаго счастья не покидалъ его...

Вдругъ все всполошилось, все взновалось и черное горе,

какъ коршунъ, опустилось въ тихое гнѣздышко труда, любви и дружбы!..

Какъ-то рано утромъ, скрипя полозьями по недавно выпавшему и схваченному крѣпкимъ морозомъ снѣгу, къ крылечку Тарантаевского домика подъѣхалъ рогожей покрытый доморощенный возокъ, запряженный тройкою мохноногихъ коней гусемъ. Издали еще слышавъ колокольчикъ, „даръ Валдая“, на крылечко вышелъ самъ Тарантаевъ и издали узналъ, по возку и лошадямъ, что ѣдетъ это бывший исправникъ, а нынѣ просто помѣщикъ и дворянинъ Иванъ Ильичъ Бусаевъ, бывший у него и предупреждавшій насчетъ Наташи.

У старика екнуло сердце.

„Зачѣмъ это онъ?—подумалось ему.—Въ гости если, такъ онъ не бывалъ у меня, да притомъ и не любитель онъ компаніи безъ шампанскаго, безъ борзятниковъ, безъ пира на весь міръ, а у меня какой-же ему пиръ?.. Не с проста онъ ѣдетъ, ой, не с проста!.. А впрочемъ, вѣдь онъ не исправникъ ужъ, другаго дворянство выбрало на его мѣсто-то... Да, зря испугался... Видно, по дорогѣ завернулъ, пображничать за моимъ столомъ захотѣлъ... Что-жъ, милости просимъ, угостимъ чѣмъ Богъ послалъ“...

Бывшій исправникъ, между тѣмъ, подъѣхалъ и вылѣзаль изъ возка, путаясь въ громадной и тяжелой медвѣжьей шубѣ.

— Другъ сердечный, тараканъ запечный, Алексѣй Акимовичъ, здорово!—проговорилъ онъ,—вели, братъ, курицу рѣзать да жарить, самоваръ грѣть: ѣсть и пить во какъ хочу!.. Здорово, милый человекъ!..

Онъ обнялъ Тарантаева и расцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Ухъ, растрясло всего!.. Да води-же въ комнаты-то гостя, Акимычъ! Али на морозѣ держать хочешь?

— Идемъ, Иванъ Ильичъ, идемъ, милости просимъ!—спохватился Тарантаевъ.—Эй, кто тамъ? Коней поставить въ конюшню, сѣна имъ, овса, а кучера въ людскую, да завтракъ намъ, живо!

Алексѣй Акимовичъ ввелъ гости въ кабинетъ, усадилъ его поближе къ печкѣ, собственноручно набилъ и подаль ему трубку и сѣлъ напротивъ, вопросительно поглядывая ему въ глаза.

Въ сосѣдней комнатѣ уже громыхали посудой, накрывая столъ для чая и завтрака.

— Что глядишь?—спросилъ Бусаевъ.—Не бойся, не за недоимками прѣхаль! Хе, хе, хе...

— Я не боюсь, притомъ-же у меня недоимокъ нѣтъ... Притомъ-же, ты уже не тово, не исправникъ...

— Ау, братъ, нѣтъ!... Послужилъ дворянству два трехлѣтія и теперича свѣженькаго выбрали... Богъ съ ними, я и самъ-бы ушелъ, потому усталъ, хочу отдохнуть... Пусть, Алеша, новый послужить, какъ я служилъ, пусть...

Бывшій исправникъ долго говорилъ о своей службѣ, бранилъ преемника и горько жаловался на дворянство, но Алексѣй Акимовичъ плохо слушалъ его, занятый своими думами и, наконецъ, рѣшился прямо спросить о цѣли прѣзда.

— Ты это тово... какъ-же въ наши края попалъ?.. Притомъ-же снѣга, морозы и, напримѣръ, вдругъ, ѣдешь...

— Я-то?

Бусаевъ выпустилъ клубъ дыма.

— По дѣлу, къ тебѣ, Алеша...

— По дѣлу?

— По дѣлу, друже, по дѣлу... Ты, братъ, первымъ дѣломъ, нашъ братъ, столбовой дворянинъ, а не то что изъ разночинцевъ какой, а второе дѣло, ты военный... Она хоша пѣхота ты, а не то что нашъ братъ, гусаръ, ну, а все-же военная кость, и я это помню... Помню, Алеша и люблю тебя, и на какого-нибудь Замыкина не промѣняю...

— Это новый исправникъ у насъ Замыкинъ-то?

— Онъ самый. Дано ему, Алеша, предписаніе у тебя обыскъ сдѣлать и проживающую у тебя дѣвку генерала Чоглокова отобрать и этапнымъ порядкомъ къ генералу Чоглокову водворить, а съ тобою поступить по строгости законовъ...

Алексѣй Акимовичъ какъ-то особенно глубоко ушелъ въ свое кресло, точно его втиснулъ туда кто. Лицо его покрылось смертельной блѣдностью, трубочка выпала изъ рукъ и разбилась.

— Экъ какъ тебя опарашило!—съ удивленіемъ произнесъ Бусаевъ.—Знать, очень ты любишь ее?.. А ты не бойся, чудакъ, есть время спрятать, затѣмъ и притащился я къ тебѣ, затѣмъ и вязъ въ снѣгу... Пусть Мишка Замыкинъ поищетъ, пусть!.. Онъ сюда, а дѣвица-то тютю!.. Какъ, молъ, такъ? А такъ, молъ. Ты, молъ, зачѣмъ? Ты, молъ, какъ смѣлъ?.. Хе, хе, хе... Не бойся Алексѣй Акимовичъ, онъ еще у тебя наплачется, а не то что!.. И ты его, эдакъ, по-военному приструнь, и губернаторъ-то его спросить, какъ-де вы бѣглую дѣвку нашли?.. Хе, хе, хе... Какъ я только узналъ, Алеша, что онъ такое предписаніе получилъ, такъ и къ тебѣ...

Въ эту минуту дверь въ кабинетъ отворилась и быстро, весело, съ улыбкою на румяномъ свѣжемъ личикѣ, вспорхнула Наташа, одѣтая просто, но мило и съ тѣмъ изяществомъ и вкусомъ, съ какимъ умѣютъ одѣваться лишь только француженки.

Наташа поклонилась гостю легкимъ, граціознымъ поклономъ и сказала Тарантаеву:

— Папочка, завтракъ поданъ и самоваръ готовъ, идите...

Бусаевъ оперся руками о ручки креселъ, чтобы приподнять свое грузное тѣло и отвѣтить на поклонъ, но Наташа уже выпорхнула за дверь и голосокъ ея звенѣлъ въ столовой.

— У тебя развѣ есть дочка, Алексѣй Акимовичъ? — спросилъ Бусаевъ, глядя на дверь, въ которую, какъ видѣніе, исчезла дѣвушка.

— Нѣтъ,—глухо отвѣтилъ Тарантаевъ.—Нѣтъ у меня дочери...

— А эта барышня кто-же.

— Это?.. Это та крѣпостная бѣглая дѣвка, которую... которую хотятъ...

Старикъ не договорилъ и закрылъ лицо руками, а бывшій исправникъ широко раскрылъ свои заплывшіе жиромъ глазки, долго сидѣлъ, не произнося ни слова, и, наконецъ воскликнулъ:

— Эта-то вотъ?.. Эта то барышня бѣглая дѣвка?!.. Алеша, да вѣдь это изъ арабскихъ сказокъ фея какая-то, вѣдь это тре жоли персонъ!..

III.

Бывшій исправникъ долго сидѣлъ пораженный, ахалъ, качалъ головою и все повторялъ:

— Положительно, братецъ, тре жоли персонъ, положительно! Красавица можно сказать, и жантиль, барышня вышешаго круга!..

— Да, вотъ она какова! — съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Тарантаевъ. — Красавица, именно красавица, и при томъ-же душа у ней, сердце — золотыя!.. И при томъ-же люблю я ее, какъ дочь родную люблю... И Аркадій любить... Вижу я, замѣчаю и при томъ одобряю... Я — дворянинъ, старый русскій дворянинъ, фамилія Тарантаевыхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ встрѣчается, а я непрочь, совѣмъ непрочь, чтобы мой Аркадій на ней женился, на Наташенькѣ то-есть...

— Твой Аркадій! — усмѣхнулся Бусаевъ. — Нашъ предводитель и тотъ не погнушался-бы такую дѣвицу женою называть... Почему она бѣжала-то отъ Чоглокова? Знать со-лоно пришлось?

Алексѣй Акимовичъ подробно разскалъ своему пріятелю исторію Наташи и заключилъ разсказъ словами:

— Такъ вотъ и посуди, каково мнѣ теперъ!.. Привыкъ я къ ней, полюбилъ, всѣ мы сжились съ нею — и вдругъ... и вдругъ мою-то Наташеньку по этапу?.. Мою Наташеньку

отнимуть у меня, увезуть, да еще куда!.. Эхъ, не сносить мнѣ головы, пропалъ я, совсѣмъ пропалъ!..

Старикъ закрылъ лицо руками, склонилъ голову и зарыдалъ.

— Полно, пріятель, перестань!—подошелъ къ нему Бусаевъ.—Ты, чай, мужчина, военный человѣкъ, подобаетъ-ли тебѣ реветъ по бабѣ!.. Услышать тамъ, — Бусаевъ кивнулъ на дверь,—всполошатся, ни вѣсть что подумаютъ...

— Рано или поздно, а придется узнать,—сквозь слезы выговорилъ старикъ.

— А ты не ной, не отчаивайся... Пойдемъ туда, ободришь, приди въ себя... Выпьемъ по чарѣ водки и обдумаемъ, авось у двухъ стариковъ хватить разума-то... Пойдем-ка, друже, умой ликъ-то свой!..

Въ столовой дѣйствительно встревожились, видя, что Алексѣй Акимовичъ не выходитъ со своимъ гостемъ очень долго, и слыша, что въ кабинетѣ идетъ оживленный и продолжительный разговоръ шепотомъ. Наташа грустно сидѣла у окна, сложивъ на колѣняхъ руки съ работою и задумчиво глядя на занесенный снѣгомъ дворъ; оба молодые Тарантаевы присмирѣли и молча поглядывали на нее, а экономка сокрушалась, что испеченныя ею оладьи простынуть, и жарившійся гусь подгорить.

Наконецъ пріятели вышли.

Уже по одному виду тщетно бодрящагося Алексѣя Акимовича Наташа узнала, что произошло что-то неладно, и почти догадалась, въ чемъ дѣло. Она слегка поблѣднѣла, но совладала съ собою и любезно отвѣтила на изысканный поклонъ экзекутскаго и исправника. А онъ подошелъ къ ней, щелкнулъ каблуками и молодецки тронувъ правый усь, проговорилъ:

— Весьма радъ, мадемуазель, видѣть васъ и представиться вамъ... Мѣстный помѣщикъ и дворянинъ, штабс-ротмистръ въ отставку Иванъ Ильичъ Бусаевъ...—Бусаевъ снова щелкнулъ каблуками.

— Очень рада,—отвѣтила Наташа, привѣтливо улыбаясь.

— Ву зеть...—заговорилъ было Бусаевъ по-французски, но забывъ нужное слово, крикнулъ и по-русски продолжалъ:— вы не родственница моего друга Алексѣя Тарантаева, вы гостья и я знаю, кто вы, но пріѣхалъ сюда для того, чтобы спасти васъ... Повѣрьте старому гусару, мадемуазель!..

— Спаси?—притворно удивилась Наташа. — Отъ чего спасти? Развѣ я въ опасности?

— Вы...

Но Тарантаевъ перебилъ Бусаева. Онъ быстро дернулъ за рукавъ и сердито проговорилъ:

— А ты иди водку-то пить!.. Прилипъ тутъ къ хорошенькой барышнѣ и не оттащишь!..

Отведя его, старикъ шопотомъ сказалъ:

— Болтунъ!.. Успѣешь еще горемъ-то ее обидѣть?.. Надо сперва обдумать все, а потомъ и сказать...

— Я, Алеша, ободрить хотѣлъ, утѣшить, она что-то грустна очень, знать почувало сердечко-то...

Послѣ завтрака старики снова заперлись въ кабинетъ и держали совѣтъ до самаго обѣда. Долго говорили они, придумывая тысячи способовъ укрыть Наташу, но ни одинъ проектъ Бусаева не выдерживалъ критики Тарантаева и наоборотъ.

Старики даже поссорились.

Укрыть оказалось невозможно, такъ какъ въ дѣло замѣшивалось имя слишкомъ извѣстнаго генерала Чоглокова и полиція была постановлена на ноги, исправникъ получилъ отъ губернатора строжайшій приказъ во что-бы то ни было арестовать проживающую у помѣщика Тарантаева „бѣглую дворовую дѣвку“ и немедленно представить въ губернію, а самого Тарантаева привлечь къ отвѣтственности. Такимъ образомъ увезти куда-нибудь Наташу было почти невозможно—ее-бы нашли непременно. Надо было укрыть гдѣ-нибудь по близости, чтобы не возбуждать подозрѣнія, но

это представлялось дѣломъ далеко не легкимъ: новый исправникъ отличался энергіей, желалъ, конечно, отличиться на первыхъ порахъ и нашелъ-бы бѣглую вездѣ, тѣмъ болѣе, что гдѣ-бы не укрылась Наташа—народный говоръ открылъ-бы ее присутствіе, на скромность и на молчаніе дворни полагаться было мудрено.

Мудрено было и увести куда-нибудь Наташу, не имѣющую вида и тщательно разыскиваемую.

— Надо видно сдаться, старина, вотъ что, — рѣшилъ Бусаевъ.

Алексѣй Акимовичъ такъ и встрепнулся.

— Какъ сдаться?—воскликнулъ онъ.

— Такъ. Пусть она ѣдетъ къ своимъ помѣщикамъ, а ты слѣдомъ за нею ступай и прямо къ генералу. Такъ-де и такъ, ваше превосходительство, жить не могу безъ этой дѣвицы, сына на ней хочу женить, отпустите ее на волю... Ну, и отпустить...

Алексѣй Акимовичъ заходилъ по кабинету, усиленно дымя трубкою.

— А если... если не ожидая, женить на ней Аркадія?—спросилъ онъ, сдѣлавъ крутой оборотъ на право кругомъ и становясь передъ Бусаевымъ.

— То-есть безъ разрѣшенія помѣщика?

— Да.

—хлопотъ надѣлаешь, бѣду наживешь...

— Какая тамъ бѣда?.. Что-жъ, жену дворянина что-ли они посмѣютъ взять?

— Да жена-то будетъ не тово, не по закону... Допустимъ, что попъ и обвиняетъ,—хотя врядъ-ли,—но вѣдь все-же это, другъ, преступленіе, на бѣглой-то жениться... А она пойдетъ за твоего Аркадія?

Алексѣй Акимовичъ затруднился отвѣчать на этотъ вопросъ. Наташа очень любила обоихъ братьевъ, какъ любила и ихъ отца, въ этомъ Алексѣй Акимовичъ не сомнѣвался, но любила-ли она Аркадія на столько, чтобы

идти за него, — онъ не зналъ. Такъ онъ и отвѣтилъ Бусаеву.

— Такъ ты спроси... Открой ей все дѣло и спроси, а сперва съ нимъ-то поговори...

Алексѣй Акимовичъ подумалъ, медленно подошелъ къ двери, отворилъ ее и крикнулъ. „Аркадій!“.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату.

Аркадій былъ похожъ на свою покойную мать. Въ его простомъ широкомъ лицѣ съ крупными чертами было много добродушія и прямоты, темно-каріе глаза глядѣли открыто и довѣрчиво. По первому взгляду, выраженіе этихъ глазъ поспѣшный человѣкъ назвалъ-бы глупымъ, но они не были глупы, эти добрые, ласковые глаза. Они горѣли порою свѣтло и ясно, а порою блестѣли несокрушимой энергіей и волей. Могуче сложенный, высокій и стройный, съ едва замѣтными темными усами надъ полными румяными губами, съ массой густыхъ вьющихся волосъ, Аркадій былъ очень красивъ и на уѣздныхъ барышенъ производилъ впечатлѣніе. Онъ былъ застѣнчивъ, очень спленъ и хаживалъ на медвѣдя одинъ на одинъ, но передъ дѣвицами робѣлъ и краснѣлъ, а съ мужчинами, если это были не мужики, говорить не любилъ и дичился ихъ.

— Что прикажите, батюшка?—спросилъ Аркадій.

— Притвори за собой дверь, да присядь вотъ здѣсь, поговорить надо.

Аркадій повиновался.

— Аркадій, — началъ Алексѣй Акимовичъ, выпустивъ густой клубъ дыма и исчезая за нимъ, — тебѣ нравится Наташа?

Лицо юноши покрылось густымъ румянцемъ.

— То-есть какъ, батюшка?—спросилъ онъ, опуская глаза.

— Ну, то-есть такъ... то есть, какъ дѣвица и все такое... При томъ-же я говорю понятно... То-есть ежели-бы жениться тебѣ на ней...

Аркадій хрустнулъ пальцами, потунился еще ниже и потомъ вскинулъ на секунду глаза.

— За великое-бы счастье почелъ, батюшка, но...

Голосъ его задрожалъ.

— Но что?

— Развѣ это возможно-съ! Развѣ онѣ пойдутъ за такого, какъ я?.. Нѣтъ-съ...

— Почему-же, то-есть?.. Ты малый тово... При томъ-же ты, слава Богу, потомственный дворянинъ, Тарантаевъ ты, а Тарантаевы сотни лѣтъ царямъ своимъ служили, а она...

— А она принцу развѣ какому-нибудь пара!—перебилъ Тарантаевъ. —Вы поглядите на нее, батюшка: вѣдь такихъ-то и среди первыхъ дворянокъ нѣтъ...

— Она точно что... Она тово и притомъ-же ангель она, но все-же... Ну, если она согласится — готовъ жениться на ней?

— Говорю, батюшка, что за великое счастье почту...

— Такъ ступай, больше ты мнѣ не нуженъ, а Наташеньку сюда пошли.

— Вы... вы хотите сказать ей? — робко спросилъ Аркадій.

— Ступай, ступай, позови ее сюда!

Аркадій долго стоялъ за дверью, долго приводилъ въ порядокъ свои мысли и потомъ быстро пошелъ къ Наташѣ, которая помогала хлопотать экономкѣ съ обѣдомъ для гостя.

— Наташенька, васъ папаша въ кабинетъ зовутъ, — сказалъ онъ, не смѣя взглянуть въ лицо дѣвушки.

— Сейчасъ иду... Что это вы какой, Аркаша? Здоровы-ли вы?

— Я-съ?.. Я здоровъ...

— Вы красный весь, дрожите...

— Напугался-съ... Братъ лошадь объѣзжалъ, а я помогать ему, лошадь разбила-было насъ...

— Ахъ, какъ я боюсь этихъ вашихъ затѣй съ лошадьми,

Аркаша,—снимая передникъ и отирая руки о полотенце.— Сохрани Богъ, разобьютъ, искалѣчатъ...

— А вамъ развѣ жаль?

— Васъ-то? Кого-же мнѣ и жалѣть, милый мой, какъ не васъ? Вы—мой братишко, другъ мой, славный мой медвѣдь, Илья Муромецъ!.. Берите меня, несите до кабинета на рукахъ, я устала.

Молодые люди часто играли, шалили иногда какъ дѣти, и силачъ Аркадій носилъ Наташу по комнатѣ, а лѣтомъ и по полю, и по лѣсамъ.

Онъ съ счастливою улыбкой обхватилъ ее, поднялъ какъ ребенка и понесъ, сопровождаемый ласковой бранью экономки, запыхавшейся съ пирогами и разными печеньями.

Аркадій донесъ Наташу до дверей кабинета и поставилъ на полъ.

— Наташенька,—робко сказалъ онъ.

— Что?

— Тамъ папаша вамъ говорить будутъ, такъ вы не сердитесь... Это не я, это они сами...

— Что будетъ говорить папочка?

— Тамъ одно дѣло-съ... Это не я, это они сами...

Аркадій быстро удалился, а Наташа вошла въ кабинетъ.

Старикъ достаточно приготовился, достаточно былъ подбодренъ Бусаевымъ и почти покойно объяснилъ Наташѣ все дѣло. Ее ищутъ, ее нашли уже и ей надо ѣхать къ генеральшѣ. Ее ждетъ горе, быть можетъ страданіе, бѣда, но есть исходъ—это выйти за Аркадія замужъ. Старикъ самъ поѣдетъ къ генералу, будетъ просить, умолять, на колѣни встанетъ, дастъ, наконецъ, выкупъ за Наташу, если этого пожелаютъ ея господа.

Она будетъ счастлива съ Аркадіемъ, онъ ее любитъ, онъ хорошій, добрый, а ей давно пора быть хозяйкою усадьбы Тарантаевыхъ, ее сама судьба привела сюда.

Вся краска сбѣжала съ лица дѣвушки и сердце пере-

стало биться, когда она услышала страшную вѣсть... Она найдена, она снова будетъ тамъ...

Рейсъ, его страшная жена, Василиса...

Стиснувъ руки, закинувъ голову назадъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, сидѣла Наташа и потомъ съ рыданіемъ бросилась къ своему названному отцу на грудь...

Она покинетъ его, покинетъ этотъ домъ, эту вторую родину!.. Она также тосковала, когда ее увозили отъ мадамъ Фріо, но вѣдь тогда она не подозрѣвала существованіе Рейсовъ, Василисы, тогда она не была „бѣглою“, а теперь... „Розогъ сюда и позвать изъ прачешной бабъ!“... вставала передъ Наташей страшная фраза, какъ живая, вставала жена Рейса, озлобленная, властная, вооруженная розгами, беспощадная...

Исходъ есть... Но любить-ли она Аркадія настолько, чтобы быть его женою? Честно-ли она поступитъ, согласившись быть его женою?.. А Сергѣй?..

Но что-же Сергѣй?.. Ахъ, онъ, конечно, давно забылъ ее, быть можетъ женатъ, да и давно она порѣшила вырвать его изъ своего сердца, онъ—не пара ей, между ними всегда лежала цѣлая пропасть, стояла возмущенная, оскорбленная и проклинаящая ихъ мать... Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй умеръ для нея!.. Въ Аркадія она не влюблена, но она любить его какъ брата, уважаетъ... Тихую приступъ и уже на-вѣки найдетъ въ этомъ домѣ. Отъ такой жизни не далеко и до счастья, а уже покой-то будетъ, миръ полный... Да, да, она согласна, она спасена...

Генеральша, конечно, не будетъ противъ: женитьба на Наташѣ Аркадія навѣки гарантируетъ Сергѣя „отъ позорнаго брака“, отъ возможнаго увлеченія...—молніей пронесли эти мысли въ головѣ молодой дѣвушки. Рыдая на груди у рыдающаго-же Алексѣя Акимовича, она проговорила:

— Да, да, я согласна, возьмите меня, если я стою вашего сына... Не забудьте, что я, дорогой отецъ, мой другъ!..

Я составлю ему счастье, я буду его вѣрной и любящей женой, а вашей дочерью...

— Го...голубка!—всхлипывая, говорилъ старикъ, цѣлуя русую головку дѣвушки.—Хорошая моя, радость!..

— Двадцать два года не плакалъ! — говорилъ онъ. — Растрогали старика!.. На похоронахъ жены плакалъ отъ горя, а теперь вотъ и самъ не знаю, отчего плачу — горя то вѣдь нѣтъ!..

— Ахъ, много горя! — обратилась къ нему Наташа, усаживая Алексѣя Акимовича, и сядя на ручку его кресла. — Ахъ, много горя!..

— Да гдѣ-же оно, мадемуазель? — спросилъ Бусаевъ. — Вы зетъ... то-есть я хочу сказать, что вы внѣ опасности, такъ сказать... Ужли-же генеральша Чоглокова не согласится васъ выдать за Аркашу?

— Не знаю, но вѣдь горе и безъ этого есть... Вѣдь... невѣста-то *былая*, вѣдь ее какъ арестантку повезутъ!.. Каково это Аркашѣ?.. Ахъ, я не знаю, что дѣлать, я съума сойду!..

— Не волнуйтесь, мадемуазель, прошу васъ! — подошелъ къ Наташѣ Бусаевъ — Вы поѣзжайте въ Москву съ Алексѣемъ — вотъ и все!.. Онъ явится къ генеральшѣ, объяснитъ все, а вы будете ждать въ номерѣ рѣшенія и если согласія не послѣдуетъ...

Бусаевъ замолчалъ.

— Ну, тогда придумаемъ что-нибудь, — договорилъ онъ.

Бусаевъ остался ночевать, и до глухой ночи сидѣли пріятели, разговаривая о своемъ дѣлѣ. Плохо спали и прочіе обитатели тихаго деревенскаго домка, надъ которымъ собралась гроза. Наташа горячо молилась Богу въ своей маленькой уютной комнаткѣ, а Аркадій, которому сообщили о ея согласіи, то плакалъ, то смѣялся и обнималъ брата, то становился на колѣни передъ иконою Спасителя и тоже горячо молился. На разсвѣтѣ онъ одѣлся, взялъ ружье и ушелъ на охоту.

— Душа рвется, — говорилъ онъ брату, — тѣсно мнѣ какъ-то, душно, авось верстъ двадцать промахая, такъ уляжется все, а то такъ вотъ и кружить всего!.. Хотя-бы медвѣдя поднять что-ли!..

Часу въ десятомъ, рано по-деревенски, сѣли всѣ завтракать. Паташа еще спала послѣ тревожной ночи и Алексѣй Акимовичъ не велѣлъ ее будить. Только-что налили старики по чаркѣ водки, какъ Алексѣй Акимовичъ вздрогнулъ и чутко прислушался.

— Что ты? — спросилъ его Бусаевъ.

— Не слышишь развѣ?

— Нѣтъ...

— Колокольчикъ... Это онъ, исправникъ, ѣдетъ...

Оглушительный звонъ колокольчика скоро сталъ слышенъ очень ясно и черезъ двѣ, три минуты, къ крыльцу лихо подлетѣла тройка гусемъ. Плотный, преземистый мужчина, въ енотовой шубѣ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, бодро выскочилъ изъ щегольскихъ дорожныхъ саней и вбѣжалъ на крыльцо.

— Эй, ты, — крикнулъ онъ дворовому парню, — скажи поди барину, что исправникъ пріѣхалъ... Живо, ворона!..

Алексѣй Акимовичъ быстро удалился и черезъ пять минутъ вышелъ въ зальце, одѣтый въ мундиръ безъ эполетъ и съ крестикомъ на груди

По срединѣ зальца стоялъ господинъ исправникъ. Это былъ плотный человекъ лѣтъ сорока пяти, высокій и съ краснымъ, какъ-бы налившимся кровью лицомъ, очень чопорный, щеголеватый, съ Владиміромъ въ петлицѣ и съ Анною на шеѣ. Онъ брилъ усы, какъ гражданскій чиновникъ, и пмѣлъ бачки сосисками, носилъ хохолокъ и височки, держался съ достоинствомъ, смотрѣлъ грозно, а лицо у него было злое, отталкивающее, тонкія губы совсѣмъ ушли туда во внутрь и зеленоватые съ красными вѣками глаза не обѣщали ничего хорошаго.

— Исправникъ здѣшняго уѣзда Ардаліонъ Платоновичъ

Замыкинъ, надворный совѣтникъ и кавалеръ,—официально представился исправникъ, слегка наклоня голову.

— Весьма радъ... Прошу покорно... Тарантаевъ... Алексѣй Тарантаевъ,—растерянно наклонился Алексѣй Акимовичъ и подалъ руку.—Милости просимъ хлѣба-соли откушать... По-деревенски, чѣмъ Богъ послалъ... При томъ-же холодно...

Исправникъ втянулъ въ себя воздухъ и выпятилъ губы.

— Приѣхалъ по предписанію господина губернатора,—внушительно сказалъ онъ.—Его превосходительство изволили предписать мнѣ произвести у васъ, милостивый государь, обыскъ и арестовать находящуюся у васъ бѣглую дѣвку генераль-маіора Чоглокова Наталью... Полагаю, что обыскъ не нуженъ, ибо вы безъ сопротивленія отдадите оную дѣвку... Впрочемъ, понятыя и нижніе чины полиціи ѣдутъ слѣдомъ за мною...

Алексѣй Антоновичъ растерялся еще больше. Онъ заговорилъ что-то, замолчалъ, обдернулъ полы своего старенькаго мундирчика, пощипалъ усы и снова предложилъ исправнику хлѣба-соли.

— Весьма сытъ, а спиртуозныхъ напитковъ не употребляю-сь,—сухо отвѣтилъ исправникъ.—Покорнѣйше прошу дать объясненіе по дѣлу: бѣглая дѣвка генераль-маіора Чоглокова находится у васъ?

— То-есть... то-есть Наташенька... Наташа...

Вдругъ Алексѣй Акимовичъ выпрямился, гордо откинулъ голову и энергично закрутилъ усы.

— Означенная дѣвица, государь мой, невѣста моего сына, потомственнаго дворянина Аркадія Алексѣевича Тарантаева, — проговорилъ онъ и особенно внушительно добавилъ.

— И зовутъ ее, государь мой, Натальей Панкратьевной. Исправникъ опять сопнулъ носомъ.

— И вы имѣете отъ помѣщика оной Натальи законное разрѣшеніе на бракъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, пока нѣтъ, но я... я получу... Я отвезу ее, самъ отвезу ее къ генералу...

— Я обязанъ представить ее въ губернское правленіе и прошу васъ немедленно сдать ее мнѣ, а послѣ дѣлайте, что вамъ угодно... Именемъ закона объявляю вамъ это, милостивый государь, и дальнѣйшіе разговоры считаю излишними, а неповиновеніе ваше долженъ буду почесть за сопротивленіе властямъ.

Въ дверяхъ показался Бусаевъ, а на порогѣ прихожей, какъ изъ земли, выросла рослая фигура Аркадія.

Блѣдный какъ полотно стоялъ онъ, облокотившись на ружье, и смотрѣлъ на исправника.

Наступило продолжительное молчаніе. Слова исправника какъ громомъ поразили всѣхъ присутствующихъ, а онъ стоялъ невозмутимый, гордый и самоувѣренный. Въ прихожей теперь тѣснились, кромѣ Аркадія, Павелъ, экономка Алексѣя Акимовича, старикъ кучеръ, котораго давно уже грызла совѣсть за легкомысленную болтовню, старая стряпуха и дѣвушка, прислуживающая Наташѣ.

— Такъ вы... вы желаете непременно сейчасъ-же увезти Наташеньку?—проговорилъ, наконецъ, Алексѣй Акимовичъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Всенепремѣнно-съ,—отвѣтилъ исправникъ.—Исполняю то, что мнѣ предписано, и не могу уклоняться отъ своихъ обязанностей...

— Хорошо-съ, хорошо, но вы, конечно, дозволите мнѣ отвезти ее въ губернію?

— Никоимъ образомъ не могу этого сдѣлать, государь мой. Я долженъ лично препроводить ее законнымъ порядкомъ... Предлагаю немедленно сдать мнѣ означенную бѣглую дѣвку генерала Чоглокова и не задерживать меня...

Выведенный мною исправникъ вовсе не представлялъ собою „злодѣя“... Совсѣмъ нѣтъ. Онъ могъ быть совершенно не злымъ человекомъ, очень милымъ и обходительнымъ въ обществѣ, прекраснымъ семьяниномъ, но онъ былъ именно

тѣмъ, чего отъ него требовали, назначая его на мѣсто прежняго исправника, запустившаго, по добродушію и свойственной русскому человѣку халатности, дѣла.

Дворянство обыкновенно выбирало на должность исправника симпатичнаго ему, добраго, простаго человѣка, хлѣбосола и притомъ небогатаго, чтобы онъ могъ существовать жалованьемъ, разорившись, или позамотавшись. Такой исправникъ и служить себѣ часто многіе годы, до тѣхъ поръ, пока добродушіе его и халатность не выходили за предѣлы возможнаго, или пока во главѣ губернской администраціи не вставалъ энергичный исполнитель и требовательный человѣкъ. Тогда всѣ единогласно приходили къ заключенію, что надо призвать человѣка дѣятельнаго, исполнительнаго, строгаго и обыкновенно избирали такого изъ среды „новаго дворянства“, то есть изъ числа тѣхъ, которые пріобрѣтали помѣстья, прослуживъ въ чиновникахъ до полученія „Владимира“, который давалъ право потомственного дворянства. Такъ было и съ Бусаевымъ, котораго замѣнилъ Замыкинъ.

Замыкинъ и былъ тѣмъ энергичнымъ, крайне исполнительнымъ до послѣдней степени формалистомъ чиновникомъ, который признавалъ лишь одно — власть начальства и неукоснительно слѣдилъ за буквой закона. При этомъ у него могла существовать нѣкоторая ненависть къ особамъ женскаго пола, какъ у многихъ пожилыхъ людей, извѣдавшихъ на своемъ вѣку не мало горя отъ легкомыслія, вѣтренности и измѣнчивости женскаго нрава.

Нашъ Замыкинъ — лицо вымышленное, но смѣемъ думать, что такихъ Замыкиныхъ было не мало.

— Такъ я... я долженъ сейчасъ-же сдать вамъ Наташеньку? — едва владѣя собою, спросилъ Алексѣй Акимовичъ.

— Немедленно-съ.

— Да?.. Такъ не отдамъ-же я вамъ ее!.. Слышите?.. Она теперь больна, она не можетъ ѣхать съ вами!..

Исправникъ пожалъ плечами.

— Долженъ произвести у васъ обыскъ и взять бѣглую силою. Сейчасъ придутъ понятые и чины земской полиціи,—невозмутимо отвѣтилъ онъ.

Бусаевъ подошелъ-было къ своему преемнику и сталъ уговаривать, но исправникъ холодно отвѣчалъ, что онъ удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣкъ, такъ много прослужившій на этой должности, не знаетъ обязанностей этой должности.

— Вотъ я медвѣдя-то ходилъ искать — вотъ онъ медвѣдь-то! — проговорилъ Аркадій обращаясь къ брату и сверкающими глазами глядя на исправника.

— Господь съ тобою, Аркаша!—проговорилъ Павелъ.— Уйди ты отсюда, а то еще бѣды надѣлаешь... Не горюй, все уладится Божіей помощью...

Аркадій зарыдалъ и вышелъ, сопровождаемый братомъ.

Старики упросили исправника переждать часика два, пока Наташа какъ слѣдуетъ снарядится для длинной дороги. Онъ согласился, но отъ угощенія отказался.

Часа черезъ два Наташа была готова. Она не плакала.

Блѣдная, молчаливая, простилась она со всѣми и только прерывающимся голосомъ просила не плакать и не тосковать, говоря, что она увѣрена въ благополучномъ исходѣ дѣла. По усиленной просьбѣ Алексѣя Акимовича и Бусаева, согласился исправникъ посадить ее съ собою въ сани, а не сдать на руки прибывшимъ полицейскимъ.

— Дѣлаю уступку-съ,—сказалъ онъ,—но долженъ предупредить сію дѣвицу, что при малѣйшей попыткѣ къ побѣгу принужденъ буду заковать ее въ кандалы и въ ближайшей-же становой квартирѣ учинить ей наказаніе по тѣлу черезъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ...

Наташа поблѣднѣла и сказала исправнику, чтобъ онъ не беспокоился.

Слѣдомъ за исправникомъ выѣхалъ и Алексѣй Акимовичъ на своихъ мохноногихъ шведкахъ, а Бусаевъ поѣхалъ къ покровительствующему ему графу М., чтобы взять у него

рекомендательныя письма къ рязанскому губернатору и въ Москву къ генералу Чоглокову.

Громъ севастопольской грозы раздавался все громче и громче и грозовыя тучи все надвигались и надвигались...

Не умолкая, грохотала кононада, тысячи раскаленныхъ бомбъ посылались непріятелемъ въ осажденный городъ, тысячами бомбъ и ядеръ отвѣчали защитники Севастополя...

Смерть летала надъ осажденнымъ городомъ и собирала обильную жатву, а на помощь защитникамъ вѣры Христовой пришла суровая зима съ морозами, вѣтрами и мятелями...

Дѣло принимало грозный оборотъ.

Вотъ что писалъ одинъ изъ участниковъ славной севастопольской обороны отъ 14-го декабря 1854 года: „Я все нахожусь на 4-мъ бастионѣ, но уже командиромъ праваго фаса. Бомбардировка стала немного живѣе, но новаго нѣтъ ничего. Мы ждемъ войско, чтобы начать полевою войну. Каждый день къ намъ перебѣгаетъ человѣкъ до 20-ти непріятеля, жалующихся на тяжелое положеніе войска. Если не будете получать отъ меня писемъ каждую почту, пожалуйста не беспокойтесь: не всегда можно найти время писать. Тороплюсь вамъ сказать нѣсколько словъ. Изъ того, что я пишу, вы можете заключить, что я, благодаря Бога, здоровъ и продолжаю на 4-мъ бастионѣ переговариваться съ непріятелемъ съ помощью мортиръ; но теперь положеніе наше на бастионѣ очень облегчено уже тѣмъ, что намъ приходится дежурить черезъ день. Я вамъ писалъ, что намъ сдѣлали погребъ, въ немъ надежнѣе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, также въ свободныя минуты есть мѣсто, куда можно укрыться и даже отдохнуть. Непріятель продолжаетъ работать дни и ночи съ цѣлью приблизиться къ намъ, а мы осыпаемъ его бомбами etc. и, кажется, не мало приносимъ ему вреда. Я угостилъ его залпомъ, отъ котораго, надѣюсь, ему не поздоровилось. Представьте себѣ картину:

въ одну секунду 160 гранатъ различной величины завизжали въ воздухъ, и музыку, которую они должны были произвести въ непріятельской траншеѣ своимъ разрывомъ. Къ какому концу приведетъ война, одинъ Богъ знаетъ. Мы ждемъ со дня на день новаго войска, и, говорятъ, Меншиковъ самъ хочетъ начать наступательную войну.

Видите, непріятель отложилъ намѣреніе дѣлать высадку въ Перекопъ; я вамъ говорилъ, что онъ не имѣетъ достаточно войска, чтобы раздѣлить свои силы. Но Богъ поможетъ намъ изгнать враговъ нашей дорогой Россіи. Великіе князья въ Севастополѣ; имъ тоже приходится переносить разныя неудобства; они заѣхали на батарею къ одному изъ нашихъ офицеровъ и съ удовольствіемъ выпили очень дурнаго кофе и закусили хлѣбомъ съ колбасой: Тотлебенъ крѣпко боленъ; боятся воспаленія мозга.

Я встрѣтилъ новый годъ у С. Такъ было весело, что всѣ забыли объ осадномъ положеніи; тамъ собралось нѣсколько человѣкъ, всѣхъ родовъ оружія и состоянія. Теперь на Севастополѣ сильно начинаетъ выказываться осадное положеніе, — очень мало домовъ, сохранившихъ свой прежній видъ; всѣ повреждены бомбами, или завалами; въ домѣ, гдѣ жила сестра, стоитъ постой изъ матросовъ съ ближайшей батареи. Вчера былъ приказъ Сакена: „Желая сбить непріятельскія батареи, рекомендую господамъ батарейнымъ командирамъ сосредоточить орудія въ назначенныхъ направленіяхъ“. Вотъ вамъ всѣ новости, касающіяся Севастополя; пока онѣ еще не дурны, но что мы должны ожидать весной? Ужасно: поля усеяны трупами людей и животныхъ. На-дняхъ были похороны мичмана Мессера, братъ его горько плакалъ, отецъ-же спокойно шелъ за гробомъ и, наконецъ, сказалъ сыну: „не грѣхъ-ли тебѣ плакать, развѣ ты не понимаешь, за какое святое дѣло онъ легъ, ежели-бы и ты былъ убитъ, я жалѣлъ-бы объ одномъ, что не имѣю еще сына, который занялъ бы ваше мѣсто въ рядахъ“. Это въ духѣ времени, въ духѣ русскомъ.

Здѣсь станціи уже не существуетъ, — нѣтъ возможности поддержать ее при страшныхъ дорогахъ, запасовъ корма для лошадей нѣтъ нигдѣ. Воловая подвода отъ Севастополя до Симферополя стоитъ 20 рублей. Не удивительно: отъ послѣднихъ чиселъ октября до этихъ поръ не прекращались дожди, теперь-же снѣгъ выпалъ такой, что любой англичанинъ зароется въ немъ съ головой; въ добавокъ, сегодня свѣжій, сѣверный вѣтеръ съ порядочнымъ морозомъ. Ежели люди встаютъ противъ насъ, то Богъ за насъ; въ первый морозъ, который доходилъ всего до 3-хъ градусовъ, къ намъ перебѣжало нѣсколько человѣкъ, даже съ отмороженными носами, а по сказанію ихъ, у непріятеля до 800 человѣкъ отморозило ноги, такъ что 170-ти надо ихъ отрѣзать.

Положеніе непріятеля ужасное, наши пользуются холодами и дѣлаютъ каждую ночь вылазки въ непріятельскія траншеи — это совершенно варооломеевскія ночи: замершіе непріатели не въ состояніи защищаться, а ихъ въ это время грудами накалываютъ наши матросики.

Разсказываютъ, что во время этихъ вылазокъ они стоятъ и плачутъ, тѣхъ же, которые получили болѣе легкія раны, берутъ въ плѣнъ, и надобно видѣть, что это за несчастный народъ и какъ они рады, когда попадаютъ въ наши руки. Канроберъ писалъ Меншикову, просилъ укротить звѣрство нашихъ солдатъ, а между тѣмъ взглянулъ-бы онъ на то, что дѣлается у него. Представьте себѣ, что непріатель завалы своихъ траншей утолщаетъ трупами нашихъ, ежели какимъ-нибудь образомъ они остаются въ ихъ рукахъ.

Я видѣлъ самъ, какъ они положили пять труповъ на наружную сторону своего завала. Между тѣмъ, англичане выдумываютъ всевозможные теплые костюмы. На-дняхъ прибѣжалъ одинъ англичанинъ въ теплой мѣховой шапкѣ, въ родѣ шапокъ Наполеоновской гвардіи, въ тепломъ бѣльѣ, сверхъ котораго было надѣто на немъ два теплыхъ пальто, замшевые сапоги выше колѣнъ, а сверхъ всего — гуттаперчевое пальто съ капюшономъ. Такимъ образомъ у нихъ одѣто

500 человекъ вновь присланныхъ артиллеристовъ. Когда его спросили, почему онъ перешелъ, онъ сказалъ: „вся армія ждетъ полушубковъ, чтобы бѣжать, потому что знаютъ, что въ Россіи холодно“. Удивительная война: воюетъ одна дисциплина; война совсѣмъ не въ духѣ нашего непріятеля“.

Почти въ то-же время получено письмо начальницы Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, г-жи Стаховичъ, изъ котораго мы извлекаемъ наиболѣе интересное: „Я отправилась въ городъ,—говоритъ г-жа Стаховичъ,—и, закупивъ кое-что въ лавкахъ, поѣхала на Павловскій Мысокъ. Бомбардировка длилась; мы съ трудомъ доѣхали до пристани, я взшла на перевязочный пунктъ и нашла всѣхъ въ дѣлѣ при операціяхъ. Послѣ того я отправилась на сѣверную и меня окружилъ цѣлый адъ: надъ головой лопались бомбы, кругомъ свистѣли ядра, которыя такъ и падали на бухту; вѣтеръ былъ сильный со стороны Черной рѣчки; наши пароходы разводили пары и дымъ отъ нихъ закрылъ бухту и часть города; залпы оглушили. Только-что мы поровнялись съ Павловской батареей, какъ начали стрѣлять съ нашихъ кораблей и пароходовъ; намъ нельзя было проѣхать подъ нашими выстрѣлами и потому мы переѣхали черезъ бухту и хотѣли подъ № 4-мъ проѣхать въ бараки, но и оттуда начали стрѣлять; я велѣла везти себя на Михайловскую батарею: вотъ была страшная минута и картина. Въ этой сторонѣ, гдѣ корабельный мостъ, отъ дыма пароходовъ и выстрѣловъ была тьма кромѣшная и эта темнота освѣщалась только залпами; съ моря начали пускать ракеты, которыя вились змѣей въ черномъ дыму надъ частью города. Мы доѣхали до Михайловской батареи, я вбѣжала на валъ, взглянула на эту страшную картину съ высоты и видѣла, какъ въ полумракѣ мелькали тысячи ружейныхъ выстрѣловъ, бомбы и ядра летѣли на сѣверную сторону; голоса нашихъ храбрыхъ воиновъ были слышны, когда они бросались, съ крикомъ „ура!“ на непріятеля. Послѣ этого, повидавшись съ сестрами, я отправилась съ ними на берегъ и еще ви-

дѣла и слышала крики сражавшихся, это было близко: только-только через бухту. Тяжело было слышать эти крики, раздирающіе душу. Возвратившись домой, мы начали готовить для перевязокъ. Въ десятомъ часу къ намъ привезли на баркасахъ раненыхъ и всѣ мы отправились въ палатки, куда несли ихъ. Я схватила фонарь и велѣла принести нѣсколько ведеръ водки; сестры отправились съ цѣлой толпой раненыхъ въ палатки и вмѣстѣ съ докторами занялись перевязкой раненыхъ; раздавали водку и хлѣбъ приходящимъ раненымъ, — кому виноградное вино, а кому и питье изъ клюквенной эссенціи. Всѣ отъ десяти до третьяго часа были въ бѣготнѣ. Вокругъ меня составила огромная толпа изъ нѣсколькихъ сотенъ солдатъ и каждый изъ нихъ рассказывалъ свое удалство, кто потчивалъ отнятыми у французовъ галетами; упрашивали: „Матушка, попробуй какъ вкусно“. Я, изъ угожденія, хотѣла откусить, но это было сухо какъ камень; я поблагодарила и сказала, что я старуха, у меня зубовъ нѣтъ. Одинъ поднесъ флягу съ ромомъ и кричить: „Матушка, попей вражей водки! я отнял у пьянаго французa“, и тутъ я должна была утѣшить браваго солдата (но не пьянаго), попробовала — прекрасный и душистый ромъ; другой мнѣ дѣлалъ подарокъ: шапку французскаго солдата преусердно отдавалъ. Одинъ подползъ ко мнѣ и кричить: „Барыня, а барыня! посмотри, какъ у меня плечо отбито, проклятый англичанинъ камнемъ меня билъ, а я его за ногу, да въ бухту швырнулъ окаяннаго“. И дѣйствительно, многіе изъ нашихъ солдатъ были ранены камнями. Всѣ сестры трудились съ удивительнымъ усердіемъ. Раненыхъ приносили на Павловскій Мостъ и тамошнія сестры перевязывали ихъ цѣлыя сутки.

IV.

Генеральша Чоглокова съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдила за войной и читала положительно все, что касалось Сева-

стополя, отъ русскихъ и иностранныхъ газетъ до частныхъ переписокъ. У генеральши, конечно, было много знакомыхъ, мужа, братья, сыновья или просто друзья которыхъ были на войнѣ, и она каждый день дѣлала визиты въ такіе дома и жадно перечитывала письма севастопольскихъ героевъ, имѣя встрѣтить что-нибудь о сынѣ. Мужа она совсѣмъ забыла, совсѣмъ не думала о немъ и лишь для приличія говорила про него въ гостинныхъ, гдѣ часто упоминалось имя генерала Чоглокова, оказывающаго подвиги, удостоеннаго милостивымъ вниманіемъ Государя и уже дважды награжденнаго чиномъ и орденомъ. Всѣ думы генеральши сосредоточивались на сынѣ.

Сергѣй недавно поступилъ въ военную службу, юнкеромъ въ В—скій пѣхотный полкъ, и не только участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, но успѣлъ уже отличиться въ славной вылазкѣ, гдѣ онъ участвовалъ „охотникомъ“ и былъ за дѣло это награжденъ георгіевскимъ крестомъ и представленъ къ офицерскому чину.

Со слезами радости и сотни разъ прочитывала генеральша приказъ объ этомъ въ „Инвалидѣ“, возила по знакомымъ этотъ приказъ, а потомъ отдѣлала его за стекло въ богатую рамку и повѣсила въ своемъ будуарѣ рядомъ съ дагерротипнымъ портретомъ Сергѣя.

Но, радуясь, генеральша и тревожилась до болѣзненныхъ припадковъ, представляя сына въ опасномъ дѣлѣ, представляя его раненымъ, растерзаннымъ, убитымъ.

— Боже мой, — говорила она рѣшительно всѣмъ, — вѣдь онъ герой, этотъ мой мальчикъ!.. Онъ не то, что сынъ княгини З., или Анны Павловны, или моей кузины Маріе!.. Тѣ слушаютъ въ штабѣ, тѣ врядъ-ли слышатъ выстрѣлы, а онъ вѣдь въ дѣлѣ былъ, онъ дрался, какъ простой солдатъ, онъ каждую секунду подвергаетъ свою жизнь опасности!..

Дома генеральша то плакала, то молилась и каждую минуту звала къ себѣ Василису „поговорить о Сережѣ“.

— Пойми ты, пойми, Василиса, гдѣ онъ и что съ нимъ! — говорила генеральша своей наперсницѣ. — Въ какомъ-то тамъ

„блиндажѣ!..“ Знаешь-ли ты, что такое „блиндажѣ“? Это землянка подѣ батареей, куда уходятъ отдыхать смѣнившіеся съ дежурства, съ караула, вернувшіеся съ вылазки... Землянка!.. И мой Сережа, мой милый, нѣжный мальчикъ, въ этой землянкѣ вмѣстѣ съ солдатами!..

— Господи, ужаси какія!—воскликала Василиса съ не-притворнымъ ужасомъ. — Да неужто-же, ваше превосходительство, господскому, генеральскому дитю не дадутъ лучше мѣста-то?

— Нѣтъ тамъ „лучшихъ мѣстъ“! Тамъ вездѣ смерть, разрушеніе, всюду враги!.. Да и не хочетъ Сережа ничего лучшаго, хочетъ быть наравнѣ со всѣми... Ахъ, Василиса, я не понимаю Петра Григорьевича и скажу тебѣ по секрету, что начинаю ненавидѣть его!

— За что-же, матушка вы наша? Онъ герой вѣдь, ска-зываютъ вонъ, что самъ царь изволилъ похвалить ихъ...

— Да пусть онъ герой, пусть за это ему честь и слава, но зачѣмъ онъ отнялъ у меня сына? Зачѣмъ?

— Да вѣдь сами Сергѣй-то Петровичъ пожелали, ма-тушка...

— Молчи, дура! — нервно и раздражительно прервала генеральша свою любимицу.

— Сами пожелали!.. Онъ — ребенокъ, онъ энтузіастъ... Ты не понимаешь, что такое значить энтузіастъ?

— Чинъ такой это, ваше превосходительство?

— Дура!.. Ну, да все равно... Сережа—мальчикъ, его не могла остановить слабая мать, но отецъ долженъ, дол-женъ былъ остановить его! А ужъ если не могъ остановить, то онъ долженъ былъ дать ему назначеніе не такое... А онъ пускаетъ его въ дѣло, да еще хвалится этимъ!.. Вчера вотъ пишетъ, что Сережа герой, „истинный русскій солдатъ“. Это безумство такъ жестоко отнимать у матери послѣдняго сына!

Василиса, конечно, поспѣшно соглашалась съ генеральшей и еще подливала масла въ огонь, причитая о Сергѣѣ, охая

и ахая, рисуя мрачныя картины, и доводила барыню до обмороковъ.

Не менѣе раздражали генеральшу и ея свѣтскія пріятельницы. Такъ Валентина Михайловна Ушакова сказала ей однажды, что теперь долгъ каждого русскаго человѣка отдать свою жизнь на „алтарь отечества“, какъ витіевато выразилась она.

— Ты посмотри, та сѣге, какіе геройскіе подвиги совершаются тамъ,—говорила Ушакова.— Это Троя какая-то нашъ Севастополь, а его защитники — герои Гомера, ихъ подвиги надо воспѣвать!.. Вонъ въ газетахъ пишутъ, что старикъ Мессеръ, сына котораго, мичмана, убили тамъ, упрекнулъ другаго, оставшагося въ живыхъ, сына за слезы о братѣ и сказалъ: „Не грѣхъ-ли тебѣ плакать, развѣ ты не понимаешь, за какое святое дѣло онъ легъ? Ежели-бы и ты былъ убитъ, я жалѣлъ-бы объ одномъ, что не имѣю еще сына, который занялъ-бы ваше мѣсто въ рядахъ!“

— Ахъ, Мессеръ не любилъ сына!—воскликнула генеральша.

— Пустое, та сѣге, пустое!—возразила ей на это Ушакова.—Моя родная сестра Клавдія знаетъ старика Мессера и знаетъ, что онъ очень любитъ своихъ дѣтей, а убитый былъ его любимцемъ...

— Ну, и пусть, и пусть! Пусть опи шлютъ своихъ дѣтей подъ пули, а я не хочу, не хочу, я не понимаю этого!.. И ты такъ говоришь потому, что у тебя нѣтъ сыновей, а были-бы, ты ни за что не отпустила-бы ихъ на войну!

— Клянусь тебѣ, отпустила-бы!.. Да я Варю отпускаю въ сестры милосердія и она ѣдетъ въ Крестовоздвиженскую женскую общину въ отрядъ Акуниной... Всѣ мы готовы на жертвы, всѣ!

— Удивительныя жертвы! — со злобою почти возразила генеральша на это сообщеніе Валентины Михайловны.— Всѣ эти Акунины, всѣ эти барыни и барышни ѣдутъ туда, чтобы

подцѣпить обожателей или жениховъ!.. Ну, и пусть ихъ, я понимаю это и даже готова одобрить, а не будетъ этого—я выдрала-бы всѣхъ этихъ затѣйницъ!

— Ахъ, жаль руки-то у тебя коротки для этого!—совсѣмъ обиженная и оскорбленная, воскликнула Валентина Михайловна. — За женихами, за поклонниками!.. Какъ у тебя языкъ поворачивается говорить это, Анфиса Дмитриевна?.. Онѣ тамъ тяжкіе труды несутъ, ходятъ за ранеными, какъ за родными братьями, рискуютъ заразиться болѣзнями, рискуютъ быть убитыми даже, а ты такъ грѣшишь!..

— Ну, и грѣшу, ну, и пусть!..

Генеральша уѣхала отъ своей пріятельницы послѣ этого разговора очень раздосадованная и долго не показывалась къ ней.

Въ душѣ генеральши, которая вся отдана была любви къ сыну, не укладывалось никакое другое чувство и она не понимала той величавой доблести, которая вела на явную смерть ея мужа, сына, вела тысячи русскихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній. Доблесть эта просыпалась въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ и ее будило сознаніе долга, а долгъ сознавался тогда рѣшительно всѣми, какъ это бываетъ лишь въ великіе моменты исторіи. Очень не много людей, которые въ такіе моменты остаются эгоистами, и эти люди суть тѣ, натура которыхъ мелка, сердце черство и жестоко, а душа погрязла или въ меркантильныхъ разчетахъ, или въ злобѣ, въ зависти, въ сильной ненависти къ людямъ. Но и такимъ людямъ не чужда любовь къ дѣтямъ. Извѣстно, что величайшій изъ злодѣевъ всѣхъ временъ — Малюта Скуратовъ, нѣжно любилъ своего сына и, возвращаясь домой послѣ пытки какого-нибудь несчастнаго, со слезами счастья цѣловалъ своего первенца и благословлялъ его окровавленными руками...

Анфиса Дмитриевна далеко не была „злодѣйкою“. Для настоящаго злодѣйства у нея не хватило-бы ни силъ, ни характера, но она очерствѣла отъ того, что слишкомъ рано

угасла въ ней любовь, слишкомъ рано сознала она свое одиночество, живя съ нелюбимымъ мужемъ, и слишкомъ много говорили ей въ дѣтствѣ о злобѣ людской, о коварствѣ, а всѣ окружающіе только подтверждали эти слова своимъ поведеніемъ, своими правами. Но все это не могло убить въ ней материнскую любовь, и любовь эта замѣнила ей все, а что, хоть сколько-нибудь мѣшало этой любви, возбуждало въ ней злобу, ненависть, презрѣніе. Она ревновала сына къ мужу, къ знакомымъ, къ дѣлу, а всего болѣе ревновала къ Наташѣ. Такія матери дѣлаются ужасными свекровями, невыносимыми тещами, а въ народѣ отъ такихъ матерей гибнутъ цѣлыя семьи, „обливаются горячими слезами“ невѣстки и гибнутъ въ буквальный смыслъ этого слова.

Страдая за сына, волнуясь ежечасно ожиданіемъ чего-то ужаснаго, то изнывая въ молитвѣ, то разражаясь припадками гнѣва, то приходя въ отчаяніе и болѣя, жила Анфиса Дмитріевна, когда ей доложили, что бѣглая дѣвушка ея Наталья найдена, привезена въ Москву и сидитъ подъ арестомъ, ожидая распоряженій.

Генеральша встрепенулась. Она лежала въ постели и кушала кофе, когда Василиса принесла ей эту вѣсть и сообщила, что въ пріемной ожидаетъ ея отвѣта полицейскій офицеръ. Генеральша оттолкнула подносъ съ кофейнымъ приборомъ, накинула шлафрокъ безъ помощи Василисы, кое-какъ одѣла туфли и нервно заходила по комнатѣ.

Василиса молча слѣдила за нею, не смѣя заговорить, и лишь послѣ долгаго молчанія осмѣлилась спросить о томъ, какой отвѣтъ дать полицейскому.

— Пусть пришлютъ ее ко мнѣ,—приказала генеральша.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство...

Василиса не трогалась и переминалась съ ноги на ногу.

— Что-же ты?—оглянулась на нее генеральша.—Ступай, скажи, что я прошу немедленно прислать ее сюда...

— А не прикажете-ли, матушка, при полиціи наказать ее?—несмѣло спросила Василиса.— Чѣмъ здѣсь-то съ нею

возиться, да срамъ отъ нея принимать, пусть-бы лучше тамъ, въ части, ее наказали изрядненько, а я-бы наблюдала, чтобы потачки не давали...

— Молчать!—вдругъ взвизгнула генеральша.—Молчать, гадина!.. Я тебя прикажу въ части наказать, если ты еще разъ осмѣлишься!.. Слышишь?..

Генеральша быстро подошла къ Василисѣ и схватила ее за плечи.

— Слышишь?.. Я тебя прикажу отодрать въ полиціи, если ты осмѣлишься такъ говорить со мною!.. Она кто?... Кто она, спрашиваю я тебя?.. Ее любилъ сынъ мой, Сергѣй Петровичъ Чоглоковъ ее любилъ!.. Сергѣй Петровичъ Чоглоковъ руки у ней цѣловалъ, а ты осмѣлилась!..

— Простите, ваше превосходительство!.. По глупости, по великому рабскому усердію сказала!—дрожа всѣмъ тѣломъ, пролепетала Василиса.

— Я тебѣ дамъ усердіе, злобная ты баба!.. Я тебя служить ей заставлю, башмаки ее будешь снимать, стулъ за ней понесешь, на вытяжку встанешь передъ нею!..

— Ой, встану, матушка, ой, понесу! Ручки, ножки ей выцѣлую, если прикажете, не гнѣвайтесь только, не разстраивайте себя!..

— То-то!.. Пошла, скажи, чтобы прислали ко мнѣ... Стой!.. Скажи Анисиму, чтобы съѣздили за нею въ каретѣ,—расхожая тамъ карета есть, голубая—а то вѣдь они пѣшкомъ ее по городу-то поведутъ, съ солдатами пожалуй... А, да ты, дура, ты перевернешь все!.. Позвать ко мнѣ дворецкаго, я сама распоряжусь...

Василиса вышла блѣдная, съ поджатыми губами и, переступивъ порогъ барской опочивальни, злобно что-то зашептала, а изъ глазъ ея брызнули слезы оскорбленія, злобы, невыносимой душевной боли. Она всѣхъ глубоко ненавидѣла въ эти минуты и горько пришлось отъ нея въ этотъ день порученнымъ ей надзору дворовымъ дѣвушкамъ и дѣвочкамъ.

Генеральша, отдавъ приказаніе дворецкому, медленно ходила по спальнѣ изъ угла въ уголъ, не спрашивая одѣваться и позабывъ про недопитый кофе.

Крѣпкими думами были заняты мысли генеральши.

Вотъ средство вернуть сына изъ грознаго Севастополя, думалось ей. Написать ему, что Наташа жива, что она въ Москвѣ — и онъ все забудетъ и пріѣдетъ, и останется... Минуетъ генеральшу черное горе, которое всю охватило ее съ отъѣздомъ сына и особенно сильно терзаетъ ее теперь, когда дорогой сынъ подвергается опасностямъ, когда его драгоценной жизни грозитъ каждую секунду вражья пуля, бомба... Онъ пріѣдетъ, непременно пріѣдетъ... Ну, а потомъ что?..

Генеральша останавливалась, когда передъ нею вставалъ вопросъ „а потомъ что?“ и нервно ломала руки.

Что-же потомъ?

Женить его на этой дѣвчонкѣ, на этой бѣглой, которую вонъ привезли откуда-то по этапу, подъ конвоемъ, которая сидитъ въ части и про которую Василиса сейчасъ говорила, что ее всего лучше наказать въ той-же самой части... И это невѣста Сергѣя Чоглокова!..

Онъ пріѣдетъ офицеромъ, пріѣдетъ героемъ, украшеннымъ знакомъ отличія, перейдетъ, конечно, въ гвардію, передъ нимъ блестящая дорога, за него съ удовольствіемъ отдадутъ Зину Трубецкую, которая вотъ недавно кончила институтъ съ шифромъ и назначена фрейлиною. Красавицу, умницу, богачку Трубецкую отдадутъ за него, а онъ пріѣдетъ, чтобы жениться на крѣпостной дѣвкѣ, которая „сидитъ въ части“, которую, быть можетъ, везли связанною, быть можетъ, и наказывали ужъ тамъ...

Никогда этому не бывать, никогда!.. Но вѣдь можно какъ-нибудь уладить все, лишь-бы вернуть его, лишь-бы видѣть его тутъ, около себя, лишь-бы избавить его отъ страшныхъ опасностей...

Можетъ быть, онъ вотъ въ эту самую минуту лежитъ

раненный, обезображенный, умирающій, или уже умеръ, убить...

Генеральша съ тоскою заломила руки и изъ груди ея вырвался стонъ.

И изъ-за кого все это? Изъ-за кого онъ ушелъ, бросилъ мать? Изъ-за этой все, изъ-за дѣвчонки... О, какъ жестоко поплатится она, если Сергѣй будетъ убить!.. Но что-же дѣлать теперь?

Надо принять ее, надо простить, приласкать и дать знать Сергѣю, а тамъ что будетъ. Пусть-бы онъ только пріѣхалъ, пусть-бы только обнять его, прижать къ груди, а тамъ ужъ никто и никогда не оторветъ его отъ этой груди!..

— Наталпу привезли, ваше превосходительство, — доложила Василиса, появляясь въ дверяхъ.

Генеральша встрепелась и вышла изъ задумчивости.

— Гдѣ она?

— Въ пріемной, ваше превосходительство...

— Какова она?.. Подурнѣла? Похудѣла? Плохо одѣта?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Таково нарядно, чисто одѣта, барышней, раздобрѣла такъ, словно еще глаже стала, красивѣе, а только испугана, стало-быть — блѣднѣетъ все, вздрагиваетъ...

— Ее не обидѣли тамъ, въ полиціи?

— Кто-же ее смѣетъ тронуть безъ вашего вѣдома?.. Гнѣва вашего превосходительства боится...

— Дай мнѣ капоть и позвать Машу причесать меня, а Наталю отведи на верхъ... Освободить ей ту комнату, въ которой она жила...

— Слушаю-съ.

— Не успѣла еще генеральша одѣться и причесаться, какъ ей доложили о пріѣздѣ „господина Тарантаева“.

— Кто такой?—переспросила она.

— Господинъ Тарантаевъ, помѣщикъ... Это, ваше превосходительство, тотъ баринъ, у котораго жила Наташа.

— А, пристанодержатель-то, укрыватель бѣглыхъ!.. Что ему угодно отъ меня?

— Не могу знать, просили доложить.

— Молодой онъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, старикъ, сѣдой ужъ. Изъ отставныхъ военныхъ надо полагать, потому въ мундирѣ въ военномъ и съ крестикомъ...

— Ну, попроси обождать, да подай мнѣ другое платье... Черное шелковое подай и персидскую шаль мою...

Алексѣй Акимовичъ мелкими нервными шажками ходилъ по бархатному ковру пріемной, когда къ нему вышла генеральша, строгая, величественная, гордая, въ шумящемъ шелковомъ платьѣ, красиво и эффектно драпируясь въ дорогую нарядную шаль.

Алексѣй Акимовичъ обробѣлъ, покраснѣлъ, уронилъ свою трехъуголку, зацѣпилъ шпагою за стулъ и, кое-какъ оправившись, поклонился и подошелъ къ ручкѣ генеральши, вспомнивъ старинныя, давно, давно преподанныя ему правила вѣжливости и этикета...

V.

Вѣжливо, но очень сухо указала генеральша своему гостю на стулъ и сѣла сама поодаль на диванѣ.

— Pardon, — сказала она, — я не совѣмъ хорошо слышала вашу фамилію... Таран... Тарас... Тарантас...

— Тарантаевъ, ваше превосходительство, — поклонился Алексѣй Акимовичъ. — Алексѣй Акимовичъ Тарантаевъ...

— Скажите, пожалуйста, мосье Тарантаевъ, какъ это вы будучи дворяниномъ и офицеромъ, рѣшили давать въ своемъ домѣ пріютъ бѣглому дѣвкѣ моей? Смѣю думать, что такое дѣло несомнѣстимо со званіемъ дворянина, и очень удивлена...

— Ваше превосходительство, — съ жаромъ воскликнулъ Алексѣй Акимовичъ и привсталъ-было, желая подойти къ

генеральшѣ, но снова сѣлъ.—Ваше превосходительство, дозвольте сказать слово въ оправданіе... Я не виновать, ваше превосходительство... То-есть, я виновать, я держалъ Наташеньку, но я не виновать... Сердце я имѣю, и при томъ же, жаль было... Ёду по дорогѣ, вижу, лежитъ въ безчувственномъ состояніи на холодномъ снѣгу дѣвица... Взялъ, повезъ... Рассказываетъ дѣвица повѣсть о жестокостяхъ, о злобѣ, о низости...

— О чьихъ-же это жестокостяхъ и низостяхъ она вамъ рассказывала?—строго спросила генеральша.

— Не о вашихъ, мадамъ, не о вашихъ!...

Алексѣй Акимовичъ даже руками замахалъ.

— О низостяхъ нѣмца и его жены рассказала она... Она...

— И лгала!—строго перебила генеральша.—Мой управляющій нѣмецъ, человѣкъ честный, умный, справедливый и разумно строгій...

— Неправда, ваше превосходительство!...

— Какъ неправда?—вспыхнувъ, произнесла генеральша.

— Неправда-съ, суцая неправда!... Я былъ у него на счетъ землицы, одной и онъ очень... очень не хорошъ и при томъ-же невѣжа-съ... онъ...

— Ну, это у каждаго свой взглядъ,—опять перебила генеральша,—но какъ-бы то ни было, а вы должны были дать знать о томъ, что нашли бѣглянку, а не укрывать ее у себя... Это—поступокъ, не достойный дворянина и офицера, и преслѣдуется закономъ.

— Знаю, ваше превосходительство, знаю, но не могъ передать Наташеньку въ руки мучителя!—чуть не со слезами воскликнулъ Алексѣй Акимовичъ.—Вѣдь какая дѣвушка-то она! Вѣдь это ангелъ суцій!... Какъ дочь свою полюбилъ я ее, ваше превосходительство, какъ родную дочь!

Старикъ былъ готовъ заплакать, а генеральша слезъ не любила, онѣ раздражали ей нервы. Она наморщилась, понюхала обильно напитанный одеколономъ платокъ и сухо проговорила:

— Ну, это ваше мнѣніе о ней, господинъ Тарантаевъ, а у меня другое мнѣніе, и я ее больше знаю, чѣмъ вы... Но не въ томъ дѣло. Я хочу знать, чѣмъ я обязана видѣть васъ... Вы имѣете до меня дѣло?

Алексѣй Акимовичъ всталъ, сложилъ руки на груди, опять уронилъ свою трехуголку и прерывающимся отъ волненія голосомъ произнесъ:

— Имѣю, ваше превосходительство, имѣю... Большое дѣло имѣю, ваше превосходительство, и отъ васъ зависитъ, отъ васъ все зависитъ, при томъ же и сынъ мой... то-есть Аркаша, мой старшій сынъ... И онъ отъ васъ зависитъ...

— Я плохо понимаю васъ, господинъ Тарантасовъ, — сказала генеральша, съ большимъ интересомъ слушая Алексѣя Акимовича.

— Тарантаевъ я, матушка генеральша, Тарантаевъ, а не Тарантасовъ... Э, да это все равно! Зовите Тарантасовымъ, Телѣгинымъ, Дрожкинымъ, а только не губите!... Не губите, ваше превосходительство!...

— Вы желаете, чтобъ я не возбуждала противъ васъ преслѣдованія за укрывательство бѣглой дѣвушки моей?— спросила генеральша.

— Нѣтъ-съ, не то... Возбуждайте, преслѣдуйте, подъ судъ меня отдавайте, а только...

— Что?—спросила генеральша, видя, что старикъ замолчалъ.

— Отдайте намъ Наташеньку, ваше превосходительство!... Генеральша нахмурилась.

— То-есть какъ это?... Вы желаете купить мою крѣпостную?

— Не то-съ!... То-есть я выкупъ готовъ дать готовъ... Я все продамъ, деревушку свою заложу, а дамъ выкупъ, но я не про то-съ... Я пріѣхалъ просить, чтобъ вы отдали Наташеньку за моего сына Аркадія... Замужъ то есть...

— А, вотъ что!...

По лицу генеральши мелькнуло свѣтлое облако, глаза

засверкали радостью и оживленіемъ, но она моментально совладала съ собою и холодно поглядѣла на подошедшаго къ ней Тарантаева.

— Вы хотите женить на ней вашего сына?—спросила она.

— Да-съ... Отдайте, матушка, не лишайте сынишку моего счастья, а меня, старика, спокойствія!... Вѣкъ будемъ молить Господа о вашемъ здравіи, о счастьи дѣтей вашихъ!...

— Вы садитесь, не волнуйтесь,—немного отодвинулась отъ старика генеральша.—Садитесь, пожалуйста, мнѣ такъ неловко разговаривать съ вами...

Алексѣй Акимовичъ покорно опустился на стулъ и устремилъ на генеральшу глаза, полные тревоги, мольбы, надежды...

— Что-жь, полюбилъ что ли вашъ сынъ Наташу? —спросила генеральша.

— Ахъ, какъ полюбилъ!... Провожая меня въ Москву, прямо сказалъ: я, говорить, папашенька, живымъ не останусь, если вы не привезете мнѣ Наташу!... На перваго попавшагося медвѣдя, говорить, съ голыми руками брошусь и погибну, говорить!...

— Ну, а Наташа? Она тоже любитъ его?..

— Господи, да какъ же ей не любить-то? Какъ братъ съ сестрою жили, дышалъ на нее, на рукахъ, какъ малое дитя, носилъ!...

— Онъ молодъ, красивъ?—спросила генеральша.

— Аркадій-то? Подковы руками ломаетъ, вотъ онъ какой!... Съ эту дверь ростомъ, въ плечахъ косая сажень, румяный, кудрявый, умница!... Матушка-генеральша, ваше превосходительство, не губите вы насъ, дайте согласіе!...

Старикъ быстро поднялся, схватилъ руки генеральши и покрылъ ихъ поцѣлуями и замазалъ немного нафабранными и густо напозаженными усами.

Генеральша спрятала руки подъ шаль, пригласила Алексѣя Акимовича сѣсть и, немного подумавъ, сказала:

— Что-жь, я согласна...

Алексѣй Акимовичъ вскочилъ и на весь домъ крикнулъ:

— Согласны?!... Согласны вы?... Матушка благодѣтельница, голубушка!...

— Садитесь, мосье Тарантаевъ, или я уйду!... нетерпѣливо произнесла генеральша. — Вы меня пугаете, да и не желаю я, чтобъ весь домъ зналъ, о чемъ мы говоримъ... Садитесь и будьте терпѣливы... Хорошо, я отдамъ Наташу за вашего сына, если она согласна, но, во-первыхъ, это надо сдѣлать все поскорѣй, чтобы не помѣшалъ мой мужъ, а во-вторыхъ вы должны сохранить все это въ тайнѣ...

— Подъ пыткой никому не скажу, ваше превосходительство!...

— Позвольте! — опять остановила генеральша. — Тайна необходима для того опять-таки, чтобы не узналъ генераль и не переѣмилъ моего рѣшенія. Я думаю, что онъ будетъ противъ брака Наташи съ вашимъ сыномъ, какъ человѣкъ очень упрямый; мнѣ же симпатиченъ этотъ бракъ...

— Голубушка! — съ умиленіемъ сказалъ Алексѣй Акимовичъ. — Вѣдь вы — ангелъ доброты, вѣдь вы — мать своимъ людямъ, а про васъ говорили, что вы и мучительница-то, и злодѣйка-то...

Генеральша слегка сдвинула брови.

— Да?... Кто же это говорить? Наталья?

— Нѣтъ!... Клянусь вамъ, нѣтъ! Ни единого худаго слова она не говорила про васъ... Тамъ, въ Лужайкахъ я слыхалъ, ну, и здѣсь то же говорили... А вы — ангелъ, благодѣтельница... Дозвольте ручку облобызать, дозвольте, ваше превосходительство!

Алексѣй Акимовичъ звонко расцѣловалъ обѣ руки генеральши.

— Такъ я, стало быть, могу взять съ собою Наташеньку-то, ваше превосходительство? — спросилъ онъ.

— О, нѣтъ!... Я же вамъ говорю, что все это надо сдѣлать тихонько и въ тайнѣ. Вы поѣдете домой, приве-

зете сюда вашего сына; Наташа приготовить тѣмъ временемъ себѣ приданое и мы тихонько безъ шуму сыграемъ свадьбу, а потомъ хоть на всю Москву пиръ дѣлайте...

— Правда, ваше превосходительство, правда!... Такъ я сегодня же махну въ свое гнѣздо, медлить не буду... То-то Аркашка-то мой обрадуется!... Ну, ваше превосходительство, не ожидалъ я такого счастья, видить Богъ, не ожидалъ!... Какъ наговорили мнѣ про васъ всякихъ ужасовъ, такъ и думалъ я, что вы турнете меня, лакеямъ своимъ прикажете меня выгнать, а Наташу сей же моментъ къ нѣмцу подъ начало!... Анъ не то вышло-то, не то!... Глазамъ своимъ, ушамъ не вѣрю, ваше превосходительство. ей Богу!... А ужъ для полного моего благополучія дозвоьте мнѣ Наташу-то повидать, ваше превосходительство, дозвоьте ей-то объявить радость нашу!... Можно ваше превосходительство?...

Генеральша отвѣтила не вдругъ. Этого обстоятельства она не касалась въ обдумываніи широкаго плана, которымъ была занята во все время свиданія съ Тарантаевымъ.

Ее поразило и обрадовало извѣстіе о желаніи Наташи „выйти за молодого Тарантаева“. Значить эта дерзкая дѣвчонка выкинула изъ головы мысль о Сережѣ, — думала генеральша. — О, ее превосходно будетъ выдать за сына этого смѣшнаго дикаря! Это навѣки положитъ между ею и моимъ Сережей пропасть, а вѣдь онъ все еще думаетъ о ней и, быть можетъ, безумная страсть его снова вспыхнетъ, если онъ узнаетъ, что она жива... Не замужъ бы надо выдать эту скверную интриганку, эту гадину, которая отняла у меня сына!... О, я нашла бы, что съ нею надо сдѣлать, да боюсь, Сережи боюсь... Пусть выходитъ, пусть, съ глазъ ее долой!... Сережѣ напишу, что она нашлась, что она здѣсь, и онъ поѣдетъ...

Генеральша съ тоскою остановилась на этомъ мѣстѣ своихъ размышленій и до крови прикусила губы.

„Къ матери не ѣдетъ, — подумала она, — а къ этой дѣв-

— Продиктуйте мнѣ...

— Пиши: „Я жива и здорова, живу въ Москвѣ, въ домѣ вашей татаи, которая очень милостива ко мнѣ. Очень, очень желала бы видѣть васъ!.. Наташа...“

— Написала?

— Да...

— Возьми конвертъ, напиши адресъ и запечатай...

Генеральша изъ-за плеча Наташи окинула письменный столъ взглядомъ.

— А запечатай вотъ этимъ своимъ кольцомъ,—сказала она, указавъ кончикомъ мезинца на колечко съ сердоликомъ, надѣтымъ на пальцѣ Наташи.

— Сергѣй Петровичъ знаетъ это кольцо?

— Да...

— Еще бы! Вѣдь онъ руки тебѣ цѣловаль... ну ступай теперь...

Наташа медленно пошла къ двери.

— Постой!—остановила ее генеральша.— Можешь готовить себѣ приданое. Я прикажу выдать тебѣ сегодня же нужную сумму и дамъ въ помощь дѣвушекъ-портнихъ... Я не хочу, чтобъ изъ дома генерала Чоглокова выходили кой-какъ, хотя-бы это была только горничная. Изволь всю сумму, которую я передамъ тебѣ, потратить на приданое, но держать это въ тайнѣ. Я прикажу сказать, что это шьется приданое одной изъ воспитанницъ... Иди... постой, еще одно слово!..

Генеральша быстро подошла къ Наташѣ, положила ей руку на плечо и близко, близко приблизила свое лицо къ лицу дѣвушки.

— Не вздумай написать Сергѣю другаго письма! съ сильнымъ выраженіемъ сказала она.

Наташа вспыхнула и потупилась.

— Ага, я отгадала твои мысли!—продолжала генеральша.— Сохрани тебя Богъ! Тогда никакой пощады, никакой... Поняла? Я буду слѣдить за тобою, ты не будешь отлучаться изъ дому, а если бы кто-нибудь осмѣлился отнести твое

письмо на почту, то этимъ ты погубишь того человѣка, какъ погубишь и себя... Иди теперь, но помни, что я сказала!...

Наташа вышла, поднялась къ себѣ въ комнату, упала лицомъ въ подушку узенькой чистой кровати и зарыдала...

Письмо ея въ этотъ же день полетѣло въ Севастополь, въ дѣйствующую армію.

VII.

Надъ Севастополемъ стоялъ теплый, но пасмурный мартовскій вечеръ. Съ моря дулъ сильный вѣтеръ и гналъ по небу тяжелыя свинцовыя тучи, грозившія дождемъ. На темномъ небѣ только кой-гдѣ мерцали звѣзды, а молодой серпъ луны то показывался на небосклонѣ, то закрывался тучами, словно ныряя. По улицамъ города, не оставленнаго еще жителями, брелъ народъ, изрѣдка мелькали шляпки и цвѣтныя платочки женщинъ, но всего больше попадались фигуры военныхъ—офицеровъ, солдатъ, конныхъ казаковъ.

Издалека доносился глухой гулъ орудій, отъ звука которыхъ гудѣло въ ушахъ и сотрясалась земля.

Кононада не умолкала ни на минуту. Бу-у-умъ!.. Бу-у-умъ! постоянно слышалось въ воздухѣ, словно раскаты грома. Съ сѣверной стороны порою несло запахомъ пороху.

Неподалеку отъ бульвара, въ небольшомъ одноэтажномъ, но довольно высокомъ домѣ во всѣхъ окнахъ свѣтились огни, а одно окно было отворено и вѣтеръ пощелкивалъ наполовину спущенной коленкоровой занавѣскою. У воротъ дома, около полосатой будки, стоялъ часовой съ ружьемъ, нѣсколько верховыхъ лошадей было привязано къ забору, а на крыльцѣ два казака и усатый пѣхотный солдатъ играли въ карты.

Домъ этотъ занималъ генералъ-лейтенантъ Петръ Григорьевичъ Чоглоковъ.

Въ маленькой передней, освѣщенной огаркомъ сальной свѣчи, сидѣлъ на скамьѣ знакомый читателямъ Каплинъ и читалъ священную книгу, а другой солдатъ, вѣстовой, дре-

малъ на низенькомъ табуретѣ, не снимая съ себя каски съ застегнутою чешуею.

Слѣдующая комната была зало, но она же служила и пріемною, и канцеляріей, и столовою. За однимъ изъ столовъ молоденькій адъютантъ что-то спѣшно писалъ на печатномъ бланкѣ. Другой адъютантъ смотрѣлъ на его работу, облокотившись руками о столъ. Два пожилыхъ офицера въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ пили за круглымъ столомъ чай и не громко разговаривали, а высокій статный полковникъ съ эксельбантомъ примостился тутъ же и втыкалъ въ большую карту разноцвѣтныя булавки, отмѣчая что-то у себя въ записной книжкѣ. Дверь въ слѣдующую комнату, кабинетъ и спальню генерала, была притворена.

Въ этой комнатѣ, освѣщенной четырьмя свѣчами въ ржавыхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, было отворено окно. Теплый вѣтеръ трепалъ занавѣску, шелестилъ бумагами на большомъ сосновомъ столѣ и колебалъ пламя свѣчей, отчего на стѣнахъ и по потолку тѣни словно бѣгали и гонялись другъ за другомъ.

На походной кровати, покрытой ковромъ, сидѣлъ молодой жавый генераль-артиллеристъ, поджавъ подъ себя ноги, и пилъ пуншъ, покуривая сигару. Самъ генераль Чоглоковъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, стоялъ у окна и задумчиво глядѣлъ на открывающійся за крышами домовъ горизонтъ. По темному фону неба то и дѣло сверкали дугообразныя огненные линіи, показывая направленія выстрѣловъ съ нашихъ батарей и изъ непріятельскихъ укрѣпленій. Каждая такая линія, сверкнувъ метеоромъ, сопровождалась громомъ разорвавшагося снаряда, а предшествовала ей глухой звукъ далекаго выстрѣла.

Непрерывно сверкали эти дугообразныя линіи и непрерывно раздавались звуки, то улетаая, то приближаясь, смотря по силѣ и направленію вѣтра.

— Сильно начали стрѣлять!—проговорилъ генераль Чоглоковъ, не оборачиваясь отъ окна.

— Да,—отвѣтилъ артиллеристъ совершенно хладнокровно, какъ давно уже привыкшій къ этому.

— Я вотъ много разъ замѣчалъ, что послѣ усиленнаго бомбардированія они атакуютъ насъ,—продолжалъ Чоглоковъ.

— Ну, и пусть ихъ...

— Да, но мы должны бы предупреждать эти атаки...

— Усиленными вылазками и контръ-атаками?—чуть насмѣшливо спросилъ артиллеристъ.

— Непремѣнно!.. Ты, кажется, смѣешься, но я тебѣ говорю, что наша побѣда зависить отъ рукопашнаго дѣла...

— Начальство, mon cher, знаетъ, что дѣлать,—зѣвая, возразилъ артиллеристъ и допилъ пуншъ.

— Но оно можетъ ошибаться... Начальство... Вѣдь люди, я полагаю, а не боги и наша обязанность говорить, совѣтовать, настаивать!..

— Не согласенъ. Что до меня, то я иду туда, куда посылають и дѣлаю то, что велятъ...

Чоглоковъ обернулся.

— А развѣ я не то же дѣлаю?.. Но я хочу и совѣтовать...

— Не совѣтую совѣтовать... Ха, ха, ха!.. Будетъ намъ, Петръ Григорьевичъ, играть въ Наполеона да въ Суворова, дѣлай ты свое дѣло...

Чоглоковъ вспыхнулъ.

— Я не играю, сударь, не играю-сь!—возвысилъ онъ голосъ.—Я слуга моему государю и сынъ своего отечества и я хочу сдѣлать для моего государя и моего отечества какъ можно больше!.. Я и самъ пришелъ сюда умирать, и единственнаго сына своего привелъ, но я...

— Да не горячись, Петръ Григорьевичъ, я вѣдь не хотѣлъ тебя обижать,—перебилъ артиллеристъ.—Ну, хорошо, ну, совѣтуй, ну, дѣлай диспозиціи, ну, ходи на военные совѣты и подавай особыя мнѣнія... Оставимъ объ этомъ, а вотъ лучше скажи мнѣ, гдѣ Сережа?

Генераль Чоглоковъ опять обернулся къ окну и слегка вздохнулъ.

— Тамъ,—кивнулъ онъ головою по направленію къ выстрѣламъ.

— Въ ложементахъ?

— Да... Каждая вотъ эта огненная дуга можетъ принести съ собою смерть моему Сергѣю... И быть можетъ принесла уже!..

— Напрасно!—покачалъ головою артиллеристъ.

— Что напрасно?

— Пускаешь его напрасно. Одинъ человѣкъ ничего не значить и ты съ успѣхомъ могъ бы оставить его здѣсь, прикомандировать къ штабу...

— Да? Странно! Еслибъ каждый разсуждалъ такъ,—мы отдали бы Севастополь безъ бою, а мы стоимъ за него и сотни тысячъ людей умираютъ тутъ по доброй волѣ и еще сотни тысячъ придутъ умирать!.. Но погоди... Что это такое?

— А что?—спросилъ артиллеристъ, спуская съ кровати ноги.

— Стрѣльба рѣдѣетъ, слышны ружейные выстрѣлы... Вотъ, вотъ!.. Да, это ружейный уже огонь по всей линіи...

По гладкой мостовой загремѣли подковы во весь карьеръ мчавшейся лошади. Всадникъ подскакалъ къ воротамъ генеральскаго домика и разомъ осадилъ коня.

— Къ генералу!—крикнулъ онъ на чей-то окликъ.

— Здѣсь я, сюда!—высунулъ изъ окна генераль Чоглоковъ.

Всадникъ круто повернулъ коня и подѣхалъ къ окну. Это былъ офицеръ на взмыленной, тяжело дышащей лошади.

— Ваше... ваше превосходительство!—задыхаясь, началъ онъ.—Французы а... атаквали... Ложементы атаквали!.. Массы, массы идутъ!.. Полковникъ Крамской убить... Под.. подкрѣплений надо... Я... я раненъ...

Офицеръ пошатнулся и свалился съ сѣдла...

Выбѣжавшіе изъ квартиры генерала вѣстовые подняли раненаго, положили его на тотчасъ же поданныя носилки и понесли къ госпиталю, ярко освѣщенные окна котораго виднѣлись отъ дома, занимаемаго Чоглоковымъ.

Самъ Чоглоковъ, въ сопровожденіи артиллерійскаго генерала, красиваго штабнаго полковника и молоденькаго адъютанта, черезъ пять минутъ крупной рысью ѣхалъ къ бастіонамъ, отъ которыхъ теперь все яснѣе и яснѣе долетали звуки не только уже усилившейся кононады, а частаго, дробнаго, горохомъ раскатывающагося ружейнаго огня.

Трогая шенкелемъ своего кровнаго коня, который все наддавалъ и наддавалъ рыси, ѣхалъ генераль Чоглоковъ, устремивъ глаза въ туманную даль, поминутно освѣщавшуюся выстрѣлами.

На встрѣчу попадались раненые. Что ни шагъ, то ихъ становилось больше и больше. Шли цѣлыми группами, шли поодионочкѣ, опираясь на ружья; нѣкоторыхъ несли на носилкахъ.

Генераль нѣсколько разъ останавливалъ лошадь и спрашивалъ встрѣчныхъ раненыхъ о дѣлѣ.

— Страсти, что дѣлается, ваше превосходительство!— почти одинаково отвѣчали всѣ, какъ сговорившись.

— Канатчиковъ,—обратился генераль къ молоденькому адъютанту,—скачите во весь опоръ къ полковнику Толбухину и скажите ему, чтобъ онъ бѣглымъ шагомъ велъ N—скій полкъ къ четвертому бастіону...

— Слушаю-сь!..

Адъютантъ взялъ вправо, пришпорилъ коня и скрылся во мракъ ночи.

Шаговъ за триста до бастіоновъ генераль Чоглоковъ и его спутники спѣшились, отдали лошадей казакамъ и пѣшкомъ пошли дальше, придерживаясь траверсовъ.

Смерть собирала здѣсь обильную жатву.

Раненые стали попадаться на каждомъ шагу. Непріятельскія бомбы летѣли прямо надъ головами, свистя и звеня,

ударялись въ траншею, по которой шель Петръ Григорьевичъ, и съ оглушительнымъ трескомъ разрывались, разя направо и налево. Нѣсколько разъ генералу и его спутникамъ приходилось ложиться, ввиду прямо на нихъ летѣвшаго снаряда, свѣтлая точка котораго все приближалась, приближалась, слѣпила глаза, падала и разрывалась, а кругомъ за этимъ разрывомъ яростно свистали осколки и взрытые камни.

Послѣ одного такого взрыва Чоглоковъ оглянулся и уже не нашелъ за собою товарищей: они отстали.

Генералу Чоглокову нужно было отдать приказаніе начальнику батареи, блиндажъ которой былъ уже въ двадцати-въ тридцати шагахъ, но эти двадцать шаговъ могли принести двадцать смертей!..

Можно было отдать приказаніе чрезъ кого-нибудь и самому остаться за стѣнкою батареи, но Чоглоковъ только одну секунду подумалъ объ этомъ. Онъ мысленно перекрестился, придержалъ рукою саблю и бодро, высоко поднявъ свою красивую сѣдую голову, пошелъ впередъ.

Въ блиндажѣ этомъ долженъ быть находиться и Сергѣй, который командовалъ взводомъ и былъ командированъ въ распоряженіе начальника батареи.

Со свистомъ пролетѣла надъ головою генерала бомба, ударилась въ брустверь, съ оглушительнымъ трескомъ разорвалась и одинъ изъ осколковъ провизжалъ надъ самымъ ухомъ генерала, слегка контузивъ его.

Но вотъ и входъ въ землянку—блиндажъ.

Блиндажъ этотъ, отведенный для начальника батареи, былъ сдѣланъ особенно тщательно и почти совершенно безопасенъ. Мы говоримъ „почти“ потому, что бывали случаи, когда бомба проникала чрезъ земляной потолокъ блиндажа и, разрываясь, убивала всѣхъ находившихся въ немъ.

Стѣны блиндажа были оклеены обоями, подъ потолкомъ висѣла лампа, которая дрожала и слегка звенѣла отъ сотрясеннаго выстрѣлами воздуха, но звукъ этихъ выстрѣловъ

въ блиндажѣ былъ гораздо слабѣе и походилъ на раскаты отдаленнаго грома. Только тогда, когда стрѣляли съ расположенной надъ блиндажомъ батареи, выстрѣлъ оглушалъ и сотрясалъ самыя стѣны землянки, а стоявшая на столѣ посуда дрожала и звенѣла, и съ потолка порою осыпалась земля сквозь настилку изъ громадныхъ бревенъ.

Когда Чоглоковъ вошелъ въ блиндажъ, начальникъ батареи, тучный, краснолицый генералъ, сидѣлъ за стаканомъ чаю и читалъ какое-то донесеніе. За этимъ же столомъ сидѣли два морскіе офицера и пили красное вино, не громко разговаривая.

При входѣ Чоглокова офицеры встали, а начальникъ батареи, подчиненный Чоглокову, застегнулъ мундиръ и тоже хотѣлъ было встать, тяжело опершись руками о столъ, но Чоглоковъ попросилъ всѣхъ заниматься своимъ дѣломъ и присѣлъ самъ, не выходя еще изъ того тревожнаго, сильно подымающаго нервы чувства, которое охватываетъ человѣка въ минуты опасности,—въ минуты, когда смерть глядитъ въ глаза и грозитъ каждое мгновеніе.

Вздохнувъ съ облегченіемъ всѣми легкими, генералъ Чоглоковъ провелъ рукою по вспотѣвшему лбу и оглянулъ уютную, словно-бы и совсѣмъ домашнюю обстановку блиндажа.

По стѣнамъ стояли три кровати. На одной изъ нихъ генералъ увидалъ крѣпко, повидимому, спящаго человѣка, съ головою, укутанною сѣрымъ байковымъ одѣяломъ. Начальникъ батареи любезно предложилъ Сергѣю Чоглокову помѣщеніе въ своемъ блиндажѣ и онъ жилъ тутъ уже болѣе мѣсяца. Генералъ сперва и принялъ-было спящаго за сына, но, взглянувъ еще разъ, увидалъ, что изъ-подъ края одѣяла торчали ноги въ сапогахъ со шпорами, которыхъ Сергѣй не имѣлъ, и слегка вздохнулъ, переносясь мыслями совсѣмъ въ другую обстановку...

— Не угодно ли вамъ чаю, ваше превосходительство?—спросилъ начальникъ батареи.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Вотъ я попрошу у господъ моряковъ стаканчикъ вина...

Генераль принялъ отъ одного изъ офицеровъ вино, поблагодарилъ, отпилъ глотокъ и, стараясь быть совершенно покойнымъ и хладнокровнымъ, спросилъ у начальника батареи о сынѣ.

— Въ вылазку попросился Сергѣй Петровичъ, ваше превосходительство, въ вылазку... Удивительно храбрый офицеръ, ваше превосходительство!.. Я не отпускалъ было, но онъ настоялъ, припомнилъ мнѣ распоряженіе вашего превосходительства о томъ, чтобы его не удерживать, ну, я его и отпустилъ...

— Что-жъ, пусть его, — промолвилъ Чоглоковъ и подтянулъ шарфъ. — Очень у васъ жарко сегодня...

— Можно дверь пріотворить, ваше превосходительство...

— Нѣтъ, я не то. Я говорю, что дѣло жаркое.

— Ахъ, ужасъ что такое!.. Три атаки было, ваше превосходительство, и всѣ нами отбиты, но съ большимъ урономъ.

— Ложементы остались за нами?

— Всѣ до одного, ваше превосходительство. Это такіе герои, такіе герои наши солдаты, что удивительно на нихъ!.. Это... — Начальникъ батареи не докончилъ и прислушался. Грохотъ кононады стихъ, но ужасающе затрещалъ ружейный огонь и гдѣ-то послышалось оглушительное и дружное „ура“.

— Должно быть новая атака, — сказалъ начальникъ.

Въ ту же минуту дверь землянки отворилась и вбѣжалъ адъютантъ.

— Атака, ваше превосходительство, — захывшись, доложилъ онъ, держа дрожащую руку у каски. — Французы большими силами устремились на наши укрѣпленія...

Начальникъ батареи всталъ и вопросительно взглянулъ на Чоглокова.

— Узнайте, подошли ли наши резервы, — обратился Чоглоковъ къ адъютанту. — Я приказалъ подвести N—скій полкъ.

— Онъ пришелъ, ваше превосходительство.

Чоглоковъ надѣлъ каску, застегнулъ чешую и еще туже затянулъ шарфъ.

— Я самъ поведу его въ дѣло,—сказалъ онъ,—а вы, генераль, откройте усиленный огонь по непріятелю и пошлите людей на земляныя работы: я слышалъ, что очень много укрѣплений разрушено выстрѣлами...

Генераль Чоглоковъ допилъ вино, взглянулъ на икону Спасителя, поставленную въ переднемъ углу блиндажа, и поспѣшно вышелъ.

На воздухѣ грохотъ выстрѣловъ былъ до того ощутителенъ, что ломило въ ушахъ. Густой пороховой дымъ стоялъ облакомъ и разстилался по влажной землѣ. Огонь выстрѣловъ освѣщалъ кругомъ большое пространство. Раздавались крики, стоны, цѣлыми транспортами несли убитыхъ и раненыхъ. Откуда-то издали неслись крики и шумъ битвы. Огненные линіи бороздили небо по всеѣмъ направленіямъ. Высоко, высоко стояли звѣзды на темно-синемъ, безконечно далекомъ небѣ.

Генераль Чоглоковъ нашелъ стоявшій подъ ружьемъ N—скій полкъ, принялъ надъ нимъ команду, выхватилъ молодецкимъ, привычнымъ жестомъ саблю и звонко, отчетливо, весело скомандовалъ:

— Стройся въ колонны!.. Правое плечо впередъ, шагомъ маррршъ!..

Полкъ дрогнулъ, зазвенѣлъ ружьями, заколебался и двинулся стройной массою.

„Я сегодня буду убитъ“! — вдругъ пришло въ голову генералу, и сердце его съ тоскою сжалось.

„Э, что это я!.. Вѣдь каждый человѣкъ изъ этихъ сотенъ думаетъ то же самое, но не всѣ будутъ убиты“... Онъ оглянулся на солдатъ и весело крикнулъ:

— Покажемъ, ребята, силу нашего молодецкаго штыка!.. Ура!.. Впередъ!..

— Уррра-а-а!.. загремѣло въ воздухѣ и полкъ скрылся въ пороховомъ дыму.

VIII.

Веденному генераломъ Чоглоковымъ полку надлежало занять позицію у Селенгинскаго редута, на который, по предположенію Чоглокова, должны были устремиться французы. производившіе атаку за атакой. Редутъ усиленно обстрѣливался въ теченіе шести часовъ и выдержалъ адскій огонь. Четыре орудія на батарее были подбиты, прислуга убывала въ ужасающей пропорціи и именно теперь представлялось наиудобнѣйшимъ образомъ атаковать его, что генераль Чоглоковъ предвидѣлъ, а потому и повелъ полкъ, не дождавшись распоряженія. Полкъ шелъ по изрытой ядрами почвѣ форсированнымъ маршемъ, не страдая пока отъ непріятельскаго огня, направленнаго на укрѣпленія. Но вотъ непріятель замѣтилъ движеніе и открылъ по полку убійственный огонь.

Сперва снаряды ложились, перелетая полкъ и не причиняя ему вреда, но скоро дѣло приняло другой оборотъ и надъ полкомъ засвистала картечь.

— Картечью пустилъ проклятый!—замѣтилъ Чоглокову толстенькій, коротенькій полковникъ, едва поспѣвая идти за бодро шагающимъ генераломъ.—Половины теперь не доведешь, ваше превосходительство...

Чоглоковъ ничего не отвѣтилъ и пытливо глядѣлъ впередъ, рассчитывая разстояніе, которое надобно пройти.

Удачный выстрѣлъ вырвалъ изъ строя пять человѣкъ.

— Сомкнись!—раздалась команда.

Еще выстрѣлъ—и еще жертва въ пять, шесть человѣкъ.

— Сомкнись!...

Въ десяти шагахъ отъ лѣваго фланга полка упала бомба.

— Ложись!—скомандывалъ Чоглоковъ, замѣтивъ упавшій снарядъ, и оглянувшись на полкъ.

Цѣпляясь штыками, мѣшая другъ-другу, ложились солдаты, стараясь какъ можно плотнѣе прильнуть къ землѣ всѣмъ тѣломъ—и главное—укрыть голову.

Это заняло не болѣе полминуты времени и вся сѣрая

масса полка лежала на землѣ, похожая издали на взборозженное поле.

Генераль убѣдился, что все исполнили команду, и медленно опускаясь на страдающія отъ ревматизма колѣни, взглянулъ на бомбу.

Она шипѣла и крутилась волчкомъ, будто мѣшая воздухъ огненной трубкой.

Близко, близко была она отъ генерала. Когда онъ легъ ему казалось, что онъ могъ бы достать ее рукою. Секунды двѣ глядѣлъ онъ на нее и закрылъ глаза.

„Вотъ она смерть!—подумалось ему—и въ ту же секунду раздался оглушительный трескъ, звонъ и миллионъ осколковъ, камней, комьевъ земли съ визгомъ пронеслись надъ полкомъ. Двумя осколками, которые рикошетомъ взбороздили землю, было убито три челевѣка и камнемъ разбило голову приподнявшемуся въ моментъ взрыва офицеру.

Полкъ пошелъ дальше.

Бывшіе много разъ въ дѣлѣ говорятъ, что нѣтъ ничего тяжелѣе, когда не принимаешь въ немъ активнаго, такъ сказать, участія, но подвергаешься сильной опасности. Это то же ощущеніе, которое испытываетъ, вѣроятно, челевѣкъ, подвергнутый разстрѣлу.

Когда челевѣкъ самъ стрѣляетъ или дерется въ рукопашномъ бою—большая часть опасности не замѣчается имъ, онъ даже совсѣмъ забываетъ опасность, увлеченный своимъ дѣломъ, разгоряченный имъ, озлобленный, но когда челевѣкъ идетъ или стоитъ подъ выстрѣлами, онъ переживаетъ ужасныя минуты, онъ весь отдается мысли о смертельной опасности и невыразимо страдаетъ.

Самые храбрые, самые хладнокровные въ битвѣ люди теряютъ присутствіе духа, находясь подъ огнемъ, не занятые битвою.

Полкъ, веденный Чоглоковымъ, былъ именно въ такомъ состояніи, и Чоглоковъ зналъ это.

Онъ ободрялъ его, ободряясь своими словами самъ.

— Впередъ, ребята, впередъ!—покрикивалъ онъ.—До штыковъ сейчасъ дойдемъ, ребята, до работы молодецкой!.. Покажемъ *ему*, проклятому, работу нашу!.. Впередъ, ребята, впередъ!..

— Бѣгомъ бы приказать,—не смѣло замѣтилъ баталіонный командиръ.

— А устанемъ если?—услыхалъ его Чоглоковъ. Намъ силы надо сберечь: вотъ, вотъ встрѣтимъ мы непріятеля...

— Не пойдетъ, пожалуй, въ атаку-то,—замѣтилъ толстый полковникъ,—подъ огнемъ весь полкъ потеряемъ...

Генераль Чоглоковъ грозно оглянулся на полковника.

— Стыдно, полковникъ!—сказалъ онъ.—Мы пришли сюда умирать—и отъ штыка, или отъ пули умремъ мы—это, полагаю, все равно... Впередъ, ребята, впередъ!... Всякому изъ насъ дай Богъ такъ умереть, какъ умерли наши товарищи!...

Гдѣ-то впереди, за невысокимъ холмомъ, ярко блеснула цѣлая линія огня, раздався трескъ и рой пуль просвисталъ надъ головами полка.

— Вотъ онъ!—крикнулъ почти весь полкъ.

Въ ту же секунду густая колонна французовъ выросла какъ изъ земли на гребнѣ холма и двинулась навстрѣчу полку.

— Ружья на руку!—яростно скомандовалъ генераль, выхвативъ саблю.—Впередъ!...

Затрещало, засвистало кругомъ, на секунду освѣтилось поле отъ залпа французовъ—и потомъ все слилось въ какой-то гулъ, стонъ и звонъ.

Враги сошлись грудь съ грудью.

Генераль Чоглоковъ, чувствуя невыносимую боль въ колѣняхъ, побѣждалъ первый, но сейчасъ же его обогнала одна фигура, другая, третья и онъ очутился въ срединѣ бѣгущаго и яростно кричащаго полка.

Потомъ все смѣшалось въ кучу и все кричало, стонало, проклинали и безпощадно рѣзало, кололо и било другъ друга... Генераль то падалъ и спотыкался, то снова, вставая,

шелъ впередъ, махая саблей, и отличалъ своихъ солдатъ отъ синихъ французовъ по сѣрымъ шинелямъ.

Синихъ было очень много.

Точно растревоженный муравейникъ копошился кругомъ, а темно-синія фигуры все прибывали и прибывали, все давили своей массою.

Генералъ не понималъ уже—впередъ, къ французскимъ укрѣпленіямъ, или назадъ, къ нашему редуту, движется онъ въ общей массѣ. Люди бѣжали, кричали, кололи другъ друга, и врядъ ли кто-нибудь зналъ, по какому направленію онъ движется.

— Впередъ, ребята, впередъ!—кричали русскіе.

— *En avant, en avant!*—яростно кричали французы и все кругомъ наполнилось ими.

Это была атака Селенгинскаго редута корпусомъ Целисье, отбитая безпримѣрнымъ мужествомъ русскихъ, которыхъ приходилось по одному человѣку на двадцать французовъ. Поведенный на вылазку N—скій полкъ былъ весь перебитъ въ этомъ дѣлѣ, осталось лишь нѣсколько человѣкъ солдатъ и полковой командиръ, спасшійся какимъ-то чудомъ.

Искрошивъ этотъ полкъ въ куски, французы устремились на редутъ, но были встрѣчены ополченскою дружиною, которая побросала ружья и ринулась на нихъ съ топорами; опрокинули эту дружину, всю положивъ на мѣстѣ, снова атаковали редутъ и были отбиты съ большимъ урономъ.

Ополченскія дружины, не имѣя той надлежащей выправки, которой отличались наши войска, не уступали имъ въ храбрости и любви къ родинѣ. Онѣ шли умирать, какъ на пиръ, и дрались, какъ львы, часто поражая непріятеля безпримѣрнымъ геройствомъ.

Вотъ что говорятъ очевидцы изъ нашихъ ополченцевъ знаменитой Севастопольской години, когда вся Россія ополчилась на грознаго врага:

„Ополченскія дружины горятъ святою ревностью стать грудью за родину. Подъ вліяніемъ этого чувства, военное

ученье было для других потѣшнымъ занятіемъ, а для остающихся дома—веселымъ зрѣлищемъ. Пѣсни ратниковъ предъ ученьемъ и послѣ работы, многолюдныя толпы односельчанъ ихъ, стеченіе зрителей изъ гражданъ, постоянное угощеніе ополченцевъ со стороны городскихъ обывателей и ратныхъ начальниковъ, давали этому времени видъ оживленнаго праздника, а смотры, которые послѣдовательно дѣлались всѣмъ дружинамъ, представляли рядъ истинно-торжественныхъ дней. Результаты смотровъ, произведенныхъ со всѣми подробностями воинскаго устава и всякій разъ обставленныхъ множествомъ зрителей, превзошли ожиданія: ружейные приемы, а также построенія и движенія фронта и колоннъ исполнялись съ ловкостью регулярнаго войска. Успѣхи, достигнутые дружинами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ набора, свидѣтельствуя о развитой смысленности ярославскаго крестьянина и примѣрномъ усердіи ратниковъ къ изученію военнаго дѣла, признаны ручательствомъ, что и слабѣйшіе изъ нихъ, послѣ дальнѣйшаго упражненія, могутъ черезъ самое непродолжительное время стать съ достоинствомъ лицомъ къ лицу противъ врага, гордаго своимъ образованіемъ. Но самую лучшую, торжественнѣйшую сторону этихъ смотровъ представляетъ то, что при нихъ высказался, въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, глубокій патріотизмъ, указывающій на неистощимое богатство нравственныхъ силъ русскаго народа.

Въ городѣ Никополѣ, Екатеринославской губерніи, 11-е іюля было торжественнымъ днемъ для этого города: въ этотъ день они встрѣтили дружину № 4-й курскаго ополченія—первую шедшую въ Крымъ на помощь храбрымъ нашимъ воинамъ. Въ 10 часовъ утра звуки трубъ и барабанный бой возвѣстили приближеніе дружины; стройные ряды ея показались въ виду города. Духовенство никопольской Покровской церкви, предшествуемое хоругвями, при колольномъ звонѣ, вышло за городъ и встрѣтило дружину съ крестомъ и св. водою. Послѣ окропленія св. водою, дружина,

въ стройномъ порядкѣ, съ пѣснями, подъ звукъ барабановъ и трубъ, вступила въ городъ и расположилась по квартирамъ. Черезъ часъ того же числа вошла въ городъ дружина № 50-й. Обѣ дружины имѣли въ Никополѣ дневку и производили стрѣльбу въ цѣль. 13-го числа обѣ дружины переправились черезъ Днѣпръ.

Въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ формировались шесть казачьихъ полковъ, замѣнившихъ тамъ ополченіе свѣрныхъ и среднихъ губерній. — „Глазамъ не вѣрится! — говоритъ историкъ: — вообразите себѣ красивѣйшихъ черноглазыхъ и черноусыхъ молодцовъ, статныхъ и бойкихъ, въ темно-синихъ кафтаныхъ, подрѣзанныхъ коротко, по теперешнему покрою военныхъ кафтановъ, съ алыми кушаками, высокими шапками, съ пунцовымъ выметомъ на маковкѣ: это полтавскіе и черниговскіе казаки. Нѣтъ ничего красивѣе этихъ молодцовъ, когда они учатся или идутъ черезъ городскія площади. Въ первомъ ряду театра и въ городскомъ саду мелькаютъ усачи-офицеры и генералы. Въ сѣлахъ размѣщаются уже готовые сотни новыхъ казаковъ. Полковыми командирами избраны представители лучшихъ изъ здѣшнихъ старинныхъ фамилій. Полтавская сотня — верхъ красоты, всѣ казаки на подборъ. И надо видѣть, съ какимъ восторгомъ эта новая картина здѣшней жизни принимается украинцами! Всѣ ждутъ не дождутся минуты, когда очереди двинуть новобранцевъ туда, гдѣ рѣшается великій вопросъ нашей родины“.

Полку, приведенному Чоглоковымъ, надлежало показать силу русскаго рукопашнаго боя и лечь костью на полъ брани. Онъ исполнилъ это, свято сохранивъ завѣты родины, преподанные ему командирами, пѣтые въ народныхъ пѣсняхъ, всосанные съ молокомъ матери.

Генераль Чоглоковъ замѣтилъ, наконецъ, что полкъ подавленъ численностью непріятеля и долженъ погибнуть.

Онъ рѣшилъ погибнуть съ полкомъ.

Отбѣжавъ въ сторону, гдѣ человекъ тридцать нашихъ

солдатъ отбивались отъ сотни яростно нападающихъ французъ, старающихся выбить нашихъ изъ небольшой ложбинки, Чоглоковъ ободрилъ ослабѣвающихъ храбрецовъ крикомъ и бросился впередъ, взмахнувъ саблею.

Солдаты устремились за нимъ. Рослый французскій гренадеръ, только что заколовъ штыкомъ нашего солдата, быстро повернулся къ бѣгущему генералу, выбилъ у него ловкимъ приемомъ саблю, сдѣлалъ „на руку“, сверкнулъ глазами изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей и всадилъ штыкъ въ грудь генерала, не много повыше шарфа. Два другіе гренадера подбѣжали и приняли падающаго генерала на штыки съ обѣихъ сторонъ.

Онъ взмахнулъ руками, опрокинулся и соскользнулъ со штыковъ на землю. Кровь ручьями брызнула изъ трехъ страшныхъ зіяющихъ ранъ, а по трупу убитаго героя уже бѣжали десятки, сотни, тысячи французовъ, устремляясь къ реду, съ котораго летѣлъ огонь и множество снарядовъ.

Почти въ эти же самые часы Сергѣй Чоглоковъ, отираившись на вылазеу въ качествѣ взводнаго офицера, стоялъ съ своимъ взводомъ у стѣнки батареи „третьяго бастиона“, дожидаясь очереди выступить въ поле съ тремя ротами стрѣлковъ. Крѣпко прижавшись къ стѣнкѣ батареи и находясь внѣ выстрѣловъ, Сергѣй глубоко задумался.

Солдаты взвода стояли „вольно“, курили, разговаривали и Сергѣй прислушивался къ ихъ говору, отрываясь порою отъ своихъ думъ.

Онъ не думалъ о войнѣ, объ опасности, не думалъ о той цѣли, которая привела его сюда.

Передъ нимъ вставалъ образъ, начинавшій уже изглаживаться изъ памяти,—образъ Наташи.

Почему онъ вспомнилъ эту „безвременно погибшую“ дѣвушку,—онъ не зналъ. Богъ вѣсть, какъ пришла мысль о ней въ этой не подходящей для такихъ воспоминаній обстановкѣ.

Какъ живая, вставала передъ нимъ милая дѣвушка и

онъ переживалъ то, что испыталъ когда-то, любя ее, надѣясь на счастье, находясь такъ близко, близко къ ней.

— И какъ я вспомнилъ ее? — думалось ему. — Какъ этотъ милый призракъ вздумалъ посѣтить меня на этомъ полѣ смерти, разрушенія?.. Не пришелъ ли онъ звать меня въ иной міръ и не пришло ли время уходить туда?.. Что-же, я готовъ... Да, я готовъ умереть. Это не разочарованіе, — эта готовность моя умереть, нѣтъ. Это что-то иное. Очень ужъ много вижу я смертей, чтобы самому думать о смерти и тѣмъ болѣе бояться ея. Конецъ неизбѣженъ и самое лучшее время придти ему — это теперь... Что ждетъ меня въ жизни?.. А быть можетъ радость, счастье, любовь — я не потерялъ вѣры въ жизнь, но дѣло въ томъ, что все это — пустяки, все это, въ сравненіи вотъ съ тѣмъ, что я вижу кругомъ... Это вотъ только не пустяки — смерть, а прочее...

Сергѣй даже засмѣялся, вспомнивъ свое горе, волненія, заботы.

— Не пустяки только одна неизбѣжная, великая и таинственная смерть! — повторилъ онъ. — Ахъ, въ дѣло бы скорѣе, въ дѣло бы и умереть бы!..

— Бѣда, братцы, ежели вотъ въ плѣнъ попадешь! — долетѣлъ до Сергѣя голосъ солдатака.

— А что? — спросили кругомъ.

— Очень скверно, говорить!

И Сергѣй вдругъ съ ужасомъ подумалъ о томъ, что онъ можетъ попасть въ плѣнъ.

— Ахъ, это ужасно!.. Ужасна эта одинокая, подневольная жизнь на чужбинѣ съ тоскою въ душѣ.

Сергѣй слыхалъ, что плѣннымъ жить очень плохо, и это была правда. Оффиціальныя донесенія о состояніи нашихъ плѣнныхъ были таковы:

„Находившіеся въ непріятельскомъ госпиталѣ раненые русскіе офицеры и нижніе чины лежали на полу, на грязныхъ соломенныхъ матрацахъ, безъ простынь и подушекъ.

Больныхъ не лѣчили. Находящійся въ плѣну Суздальскаго пѣхотнаго полка рядовой Островскій добровольно вызвался перевязывать раны своихъ несчастныхъ соотечественниковъ и исполнилъ этотъ священный долгъ съ необыкновенною дѣятельностью и до нѣкоторой степени искусствомъ, которому многіе изъ раненыхъ обязаны своимъ спасеніемъ. Нѣкоторые изъ легко раненыхъ перевезены были въ Константинополь въ казармы Касимъ-паши, гдѣ держали ихъ взаперти, подъ строгимъ присмотромъ грубаго англійскаго сержанта. Штабсъ-ротмистръ Абуковъ около двухъ мѣсяцевъ находился въ страдальческомъ положеніи, безъ всякихъ медицинскихъ пособій, кромѣ тѣхъ, которыя оказывалъ ему рядовой Суздальскаго пѣхотнаго полка Островскій. Всѣ вообще раненые наши, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, терпѣли большую нужду въ бѣльѣ. По два и по три мѣсяца они оставались въ однихъ и тѣхъ же рубашкахъ, часто въ тѣхъ самыхъ, въ какихъ привезены были съ поля битвы; на нѣкоторыхъ не было вовсе рубахъ. Леди Редклифъ, послѣ посѣщенія этого госпиталя, подарила всѣмъ русскимъ раненымъ офицерамъ и на нѣсколько человѣкъ солдатъ по одной тиковой рубашкѣ. Содержаніе, отпускаемое здѣсь, было весьма дурное: полфунта бѣлаго хлѣба, чай и за обѣдомъ что-то въ родѣ супа съ кускомъ козлятины составляли ежедневную пищу больныхъ.

Чай приготавливали въ тѣхъ же котлахъ, въ которыхъ варили супъ. На жалобы раненыхъ не было обращено никакого вниманія. По мѣрѣ выздоровленія, больныхъ отправляли въ казармы Касимъ-паши, гдѣ они получали по семи шиллинговъ въ день. Денегъ этихъ едва было достаточно для того, чтобы быть сытымъ, ибо англійскіе служители, доставлявшіе военно-плѣннымъ провизію, брали за нее, что хотѣли. Больные могли ходить только по корридору и впоследствии—по двору казармъ. Изъ казармъ не выпускали никого, подъ предлогомъ опасенія, чтобы турки не наносили русскимъ оскорбленій.

Впоследствии нѣкоторые изъ выздоровѣвшихъ офицеровъ

и нижнихъ чиновъ отвезены были въ Англію; остальнымъ же, признаннымъ медиками неспособными къ службѣ, позволено за конвоемъ ходить по городу, съ запрещеніемъ посѣщать лавки и гостиницы. 18-го мая сего года русскіе раненые офицеры и нижніе чины, оставшіеся въ Константинополь, были посажены на военный пароходъ „Циклопъ“, который буксировалъ транспортъ съ сардинскими войсками и присталъ въ Балаклавъ“.

Сергѣй вспомнилъ донесенія эти и ему стало невыразимо жутко.

„Нѣтъ, нѣтъ, лучше смерть! — подумалъ онъ. — Живой не дамъ, развѣ раненаго возьмутъ... И вдругъ возьмутъ?...“

Стрѣлковая рота вышла изъ укрѣпленія и пошла на вылазку съ присоединившимся къ ней взводомъ Сергѣя.

На землю спускалась густая мгла, моросилъ дождь...

IX.

Отрядъ шелъ подъ покровомъ ночи, сохраняя полнѣйшее молчаніе. Предполагалось занять пододвинутое слишкомъ близко къ намъ непріятельское укрѣпленіе штурмомъ и надо было подойти намъ, какъ можно тише.

Запретили курить, разговаривать, брякать ружьями.

Взятый въ плѣнъ нашими пластунами французскій солдатъ съ этого укрѣпленія сказалъ, что укрѣпленіе вооружено четырьмя орудіями подъ прикрытіемъ двухъ съ половиною ротъ и что люди этихъ ротъ очень утомлены и очень страдаютъ отъ дурной погоды. На основаніи этого успѣхъ экспедиціи ожидался несомнѣнный, если только къ сегодняшнему дню не пришло подкрѣпленіе или утомившіеся роты не замѣнены свѣжими. Не смотря на благопріятныя условія, этотъ отрядъ шелъ безъ оживленія, и на лицахъ солдатъ замѣчалось утомленіе, какое-то недовольство или тупое выраженіе полнѣйшей апатіи.

Ноги вязли въ размытой дождями глинистой почвѣ; мелкій, но частый и холодный дождь пронизывалъ насквозь, хлесталъ въ лицо, стекалъ съ шапокъ за воротники шинелей и—что всего хуже—мочилъ ружья. Кремневые ружья, которыми были вооружены наши войска во время севастопольской обороны, представляли громадное неудобство, и нѣкоторыми военными историками именно эти ружья выставлены причиной нашихъ неудачъ.

Кромѣ того, насильственное молчаніе очень способствовало дурному настроенію отряда.

Офицеры чувствовали это настроеніе, но ничего не могли сдѣлать противъ него и сами имъ заражались.

Стараясь сохранить зарядники ружей и сумки съ патронами отъ сырости, хмуро шагали солдаты по липкой грязи и старались не глядѣть другъ на друга.

Слышались тяжелые вздохи.

— Что ты, лѣшій, на ноги-то ступаешь! Али ослѣпъ!— слышался порою сердитый шопотъ.

— А ты что за мамзель такая, что тебѣ нельзя на ногу ступить?

— Молчи, мордастый, а-то вотъ такъ и суну пркладомъ-то!

— Сунь!

— И суну... Ты гляди, авось не залило глядѣлки-то...

— Тс!—раздавался сердитый возгласъ офицера.

Солдаты умолкали, и снова слышалось лишь осторожное шлепанье ногъ по грязи, да порою раздавался глубокій вздохъ.

По словамъ трехъ пластуновъ, до укрѣпленія осталось не болѣе четвертой части версты. Начальникъ отряда скомадовалъ: „стой!“ и подозвалъ къ себѣ пластуновъ.

— А что, ребата, если вы пойдете да караулы снимите, а?—одобрительно подмигнулъ онъ пластунамъ.—За одно-бы уже и пушки заклепали... Можно, вѣдь, ребята?

Высокій, сутуловатый пластунъ, пожилой уже и сѣдой человѣкъ, поправилъ шапку и поглядѣлъ на товарищей.

— Что-же, можно, — сказалъ онъ. Товарищи молча кивнули головами.

— А коли можно, такъ и ай-да, ребята! — поощрилъ офицеръ. — Черезъ четверть часа мы за вами бѣглымъ шагомъ и на „ура!“...

— Рано, — отрывисто сказалъ пластунъ.

— Что рано?

— Надо ползкомъ намъ идти, а вы подойдите поближе и слушайте, когда коростель закричитъ. Коростель — это я. Крикну, ступайте тогда.

Пластунъ подтянулъ поясъ, передвинулъ кинжалъ на спину, застегнулъ на плечѣ погонъ винтовки, подвязалъ ремennыя оборки своихъ „шептуновъ“ (веревочной обуви въ родѣ лаптей), кивнулъ головою товарищамъ, и всѣ они скрылись во мракѣ все темнѣющей и темнѣющей ночи.

Вы знаете, что такое *пластунъ*?

Пластунъ — пѣшій черноморскій казакъ, вооруженный какъ ему заблагоразсудится, одѣтый въ длинную, всегда страшно затрепанную и испачканную черкеску, въ веревочныхъ „шептунахъ“ на ногахъ, въ рваной шапченкѣ на затылкѣ, всегда молчаливый, невозмутимый, всегда готовый на какой-угодно подвигъ.

Во время севастопольской обороны на ряду съ безпримѣрными героями, которыхъ даже и враги наши считали тысячами и десятками тысячъ, пластуны отличались особеннымъ геройствомъ и въ развѣдочной службѣ были незаменимыми. Ползкомъ добраться до непріятельскаго укрѣпленія, „снять“, то-есть пырнуть кинжаломъ зазѣвавшагося часоваго, заклепать пушку, — было для нихъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, равно какъ и „добыть языка“, то-есть привести плѣннаго или высмотрѣть расположеніе непріятельскаго войска.

— Надо плѣннаго какого-нибудь, — говорили пластунамъ.

— Ну, такъ что-жъ, — дѣшнво отвѣчалъ какой-нибудь изъ нихъ.

— Добудешь?

— А бисъ его знае!.. Тай если не убьетъ—то добуду...

— Ну, ступай, добудь.

Пластунъ отправлялся и въ громадномъ большинствѣ случаевъ приводилъ плѣннаго „синяго“ или „краснаго“, то-есть француза или англичанина, сдавалъ его—кому слѣдуетъ, апатично выслушивалъ похвалу и шелъ спать въ блиндажъ, а всего чаще—на батарею, гдѣ его могли убить каждую секунду.

Невозможнаго для пластуновъ не было, и они шли, куда-бы ихъ ни посылали.

Отрядъ, въ которомъ находился Сергѣй Чоголковъ, безмолвно стоялъ подъ усилившимся дождемъ и напряженно прислушивался, какъ-бы замеръ.

Теперь не слышалось уже ни шепота, ни вздоховъ. Если-бы надъ отрядомъ пролетѣла муха—ея полетъ былъ-бы слышенъ. Шумѣлъ только вѣтеръ, да издали доносились звуки непрекращающейся съ бастионовъ пальбы. Огненные линіи летящихъ отъ насъ и на насъ снарядовъ были хорошо видны на темномъ, почти черномъ фонѣ неба. Становилось холодно; ноги коченѣли въ грязи, руки едва держали ружья.

Сергѣй стоялъ сбоку отряда и не замѣчалъ усталости, словно задремавъ.

Онъ, кажется, и задремалъ, не разбирая сновъ отъ дѣйствительности. То ему становилось жутко и холодно—и онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, то охватывало его тепломъ—и усталые глаза начинали слипаться, ноги подкашивались и мысль улетала куда-то далеко-далеко.

Вставали давно забытые образы, вспоминалась Москва. домъ, веселые вечеринки и балы, товарищи. Порою ярко выступалъ надъ всѣмъ образъ Наташи, и сладкая истома охватывала душу; но сейчасъ-же рѣзкій порывъ вѣтра прогонялъ грезы, и невеселая дѣйствительность давала себя

знать. Ныли ноги, страдало все тѣло отъ холода и сырости, усталость валила на землю и приходилось собирать всѣ силы, чтобы не лечь на землю, а тамъ снова сладкая дрема смежала очи и слетали сны...

Отца видѣлъ передъ собою Сергѣй. Онъ смотрѣлъ на него умными, добрыми глазами и ласково улыбался, а потомъ лицо его точно темнѣло, точно уходило куда-то въ даль, и Сергѣю казалось, что отецъ грустно киваетъ ему головою, какъ-бы прощаясь съ нимъ...

— Гдѣ-то отецъ?—подумалъ Сергѣй, открывая глаза и прогоняя дремоту.—Увижу-ли я его?.. Увижу-ли я вообще кого-нибудь изъ тѣхъ, которыхъ нѣтъ тутъ со мною?.. Странно какъ-то... Неужели я когда-нибудь буду сидѣть въ нашемъ московскомъ домѣ за самоваромъ, при свѣтѣ свѣчей и камина, сухой, неизмученный?... Кажется, этого не можетъ быть, это представляется чѣмъ-то невозможным... Быть можетъ, это предчувствіе смерти... Что-жъ, я готовъ, тысячу разъ готовъ; но одно смущаетъ меня—это „что будетъ тамъ“?.. Но будетъ, будетъ что-то, не могу я кончиться совсѣмъ, не могу, не могу я не слиться вотъ съ этимъ необъятнымъ небомъ, которое я такъ люблю и которое такъ чудно-прекрасно, такъ вѣчно!.. Меня не будетъ вотъ здѣсь, не будетъ дома; это-вотъ тѣло, прострѣленное пулями или проколотое штыками, распадется, разрушится; но у меня есть что-то кромѣ этого тѣла—и это что-то будетъ жить, будетъ вѣчно жить!..

Сергѣй поднялъ глаза къ темному далекому небу и сталъ молиться. Онъ не повторялъ извѣстныхъ ему молитвъ, а мысленно произносилъ свои слова, но молитва его была горяча и исходила отъ самаго сердца...

Вдругъ среди шума дождя и свиста вѣтра ясно, отчетливо и гдѣ-то очень близко, какъ показалось всѣмъ, раздался крикъ коростеля,—скрипучій, звенящій крикъ этой ночной птицы, водящейся по всей Россіи.

Всѣ вздрогнули и схватились за оружіе. Усталость, сонъ,

грезы прошли, кровь быстро прилила къ головѣ и отуманило ее.

Начальникъ отряда махнулъ шпагою и тихо прошепталъ:
— Впередъ, ребята, на штурмъ!... Бѣглымъ шагомъ маршъ!...

Отрядъ бросился впередъ и съ криками „ура“ ворвался въ укрѣпленіе.

Пластуны превосходно исполнили свое порученіе: они перерѣзали часовыхъ и заклевали пушки.

Съ криками ужаса, въ беспорядкѣ, хватаясь за оружіе, не понимая происшедшаго, вскочили спавшіе подъ охраною часовыхъ французы, дали беспорядочный залпъ, бросились къ пушкамъ, отступили, снова бросились въ штыки и были не только выбиты, но и переколоты почти всѣ.

Сергѣй одинъ изъ первыхъ вбѣжалъ на валъ укрѣпленія, ударилъ схватившаго паланикъ француза саблею по головѣ, ринулся впередъ,—но почувствовалъ страшную боль въ лѣвомъ бедрѣ, остановился, выпустилъ саблю и, ловя руками какой-нибудь предметъ, чтобы удержаться, упалъ на лѣвый бокъ, ударившись лицомъ объ ноги того француза, котораго онъ только-что свалилъ саблею... Послышался трескъ ружейной палубы, раздались крики и смѣшались съ какимъ-то гуломъ и звономъ въ головѣ, въ ушахъ, въ груди, точно тысячи колоколовъ загудѣли внутри Сергѣя. Онъ судорожно ухватился руками за землю, закричалъ что-то и полетѣлъ, какъ показалось ему, въ бездонную пропасть, переставъ понимать, чувствовать, дышать...

Онъ былъ раненъ пулею, которая скользнула по бедру, ударилась о ножны сабли и рикошетомъ отскочила въ правую сторону живота, засѣвъ подъ нижнимъ ребромъ.

Отрядъ вернулся назадъ, ведя съ собою сорокъ человѣкъ плѣнныхъ и имѣя трофеями знамя, четыре орудія мелкаго калибра и множество штуцеровъ. Потеря съ нашей стороны была незначительна, а изъ офицеровъ былъ раненъ одинъ только Чоглоковъ.

Онъ очнулся въ госпиталѣ раннимъ утромъ слѣдующаго дня и вспомнилъ все случившееся. Первая мысль Сергѣя была объ отцѣ.

Превозмогая сильную боль въ бедрѣ и животѣ, Сергѣй подозвалъ къ себѣ фельдшера, тутъ же промывающаго инструменты, и попросилъ его узнать о генералъ-лейтенантѣ Чоглоковѣ.

Фельдшеръ отправился къ заведующему госпиталемъ и передалъ просьбу офицера.

— Убить генералъ Чоглоковъ и сегодня его хоронять, но объ этомъ нельзя говорить его сыну,—сообщилъ докторъ.—Скажи ему, что генералъ раненъ и отправленъ на излѣченіе въ Николаевскій госпиталь... Да погоди, я самъ пойду къ нему...

Докторъ, только что усѣвшійся-было пить чай послѣ бессонной ночи, отправился въ офицерскую палату и подошелъ къ Сергѣю.

— Здравствуйте, голубчикъ,—поздоровался докторъ и присѣлъ на край кровати, съ участіемъ глядя на раненаго добрыми ласковыми глазами.

— Ну, какъ вы чувствуете себя?... Операция, слава Богу, удалась, пуля вынута и я вамъ ее потомъ на память подарю... Порядкомъ васъ царапнула она, проклятая, двѣ дырки на новомъ мѣстѣ сдѣлала, да хорошо—ушла не глубоко... Ну, а все-же вамъ, голубчикъ, долгонько придется лежать...

— А долго-ли, докторъ?

— Да при самомъ удачномъ лѣченіи, мѣсяцъ, а то и больше... Тихорадочки пойдутъ... ну, да и дырки-то не скоро замажешь... Какъ теперь себя чувствуете?

— Больно, докторъ, но терпѣть можно... Я просилъ тутъ узнать о генералъ-лейтенантѣ Чоглоковѣ, — нельзя это сдѣлать поскорѣе?

— Ахъ, да, да, слышалъ я, слышалъ,—отворачиваясь отъ раненаго и растерянно теребя за сѣдья баки, проговорилъ докторъ.

Докторъ этотъ, любимецъ всѣхъ раненыхъ и обожаемый сестрами милосердія, совсѣмъ не умѣлъ лгать и всегда смущался, когда приходилось безнадежно больному говорить о пустяшности его раны. Смутился докторъ и теперь, но Сергѣй не замѣтилъ этого и, морщась отъ боли, повторилъ свою просьбу.

— Да, да, слышалъ я, слышалъ, — опять сказалъ докторъ. — Это, вѣдь, батюшка вашъ, генераль Чоглоковъ-то?

— Да, это мой отецъ.

— Такъ, такъ... Онъ, голубчикъ вы мой, тоже тово, раненъ... Да, да, раненъ онъ, раненъ...

— Опасно? — тихо спросилъ Сергѣй и пытливо посмотрѣлъ на доктора.

— Н-нѣтъ... То-есть оно неизвѣстно еще, но вы не тово, не беспокойтесь... Дѣло, знаете, такое, голубчикъ, — война... Затѣмъ и шли сюда, чтобы умирать... Страхъ какъ быють, ужась! Пуля — она дура, ей все равно, простой-ли то солдатикъ или генераль, — одинаково убьетъ, проклятая.

Сергѣй долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на доктора, выпросталъ изъ-подъ одѣяла руку и положилъ ее на грудь, какъ-бы останавливая біеніе сердца.

— Отецъ мой убить? — тихо и спокойно спросилъ онъ. Докторъ махнулъ рукою.

— Ахъ, не умѣю я врать, не умѣю! Да, голубчикъ, убить, вчера убить, вѣчная ему память, герою доблестному!

Сергѣй медленно перекрестился и тихо, тихо зарыдалъ. Боль въ ранѣ усилилась, голова закружилась и онъ лишился чувствъ.

— Ахъ, не умѣю я врать, не умѣю! — съ сожалѣніемъ повторилъ докторъ и хлопотливо принялся приводить его въ чувство.

Х.

Еслибы генераль Чоглоковъ умеръ въ мирное время отъ какой-нибудь болѣзни, смерть его глубоко поразила бы и

огорчила Сергѣя, повліяла-бы на него очень сильно, а благодаря ранѣ потрясенному организму могла-бы окончательно убить молодого человѣка, вообще очень впечатлительнаго, не говоря уже о сильной любви его къ отцу; но смерть на войнѣ, смерть на-ряду съ тысячами другихъ смертей, смерть тамъ, гдѣ къ ея жертвамъ такъ всѣ привыкли, наконецъ смерть геройская, съ оружіемъ въ рукахъ—въ очень значительной степени ослабляла горе Сергѣя и онъ, послѣ обморока, спокойно выслушалъ подробности объ убитомъ отцѣ, вздохнулъ, перекрестился и сдѣлалъ распоряженіе о торжественной панихидѣ, а вернувшимся солдатамъ погибшаго N—скаго полка велѣлъ выдать по пяти рублей на человѣка.

Хладнокровно сдѣлавъ эти распоряженія, Сергѣй спросилъ доктора, можно-ли ему писать, чтобы лично увѣдомить мать о смерти генерала.

— Оно ничего, голубчикъ, — отвѣтилъ докторъ, — да трудно вамъ будетъ приподняться-то... А вы продиктуйте письмецо, ну а подпишетесь-то сами...

— Нѣтъ, докторъ, — сказалъ Сергѣй, — я не хочу, чтобы мать знала о томъ, что я раненъ: для нея и одного горя слишкомъ достаточно... Я напишу самъ, ничего...

Закусивъ губы отъ сильнѣйшей боли въ потревоженной ранѣ, Сергѣй сѣлъ, твердой рукою взялъ перо и на пристроенномъ у кровати столикѣ принялся писать, стараясь чтобы рука не дрожала.

„Дорогая матушка!—писалъ онъ.—Судьбѣ угодно было послать намъ тяжкое испытаніе и лишить насъ самаго близкаго человѣка, самаго дорогаго! Въ ночь на вчерашнее число мой милый отецъ убитъ во главѣ полка, который онъ лично повелъ на вылазку.

„Отецъ умеръ героемъ и его имя за то никогда не умретъ въ рядахъ нашей арміи. Молитесь за него и не тоскуйте. Я здоровъ и скоро надѣюсь обнять васъ и лично утѣшить въ горѣ. Сынъ вашъ Сергѣй Чоглоковъ“.

Сдѣлавъ подпись, Сергѣй со стономъ упалъ на подушку

и выронилъ перо. Тѣмъ не менѣе, онъ самъ надписалъ адресъ и сейчасъ-же попросилъ отправить письмо чрезъ почтовую полевую станцію.

— Ну и герой-же вы, голубчикъ, право герой!—восторженно воскликнулъ докторъ, приготовляя бинты для перевязки раны Сергѣя, котораго онъ полюбилъ почему-то, какъ сына.

— Какой я герой, докторъ!—усмѣхнулся Сергѣй.—Здѣсь дорогой мой докторъ, трудно прослыть героемъ,—здѣсь всѣ герои! Я самъ видѣлъ солдатика, который шелъ въ госпиталь съ руками, раздробленными выше локтей; я видѣлъ солдатика, ведущаго раненаго товарища, тогда какъ у него у самого сидѣла пуля въ ключицѣ и онъ истекалъ кровью...

— Да, да, голубчикъ, герои, герои, Гомеровскіе герои!—восторженно воскликнулъ докторъ. Послѣ перевязки, которая опять сопровождалась обморокомъ Сергѣя, докторъ самъ привелъ его въ чувство и приготовилъ ему питье.

— Сидѣлку-бы вамъ хорошую, милый,—говорилъ онъ.—Рана-то ваша не ахти какая опасная, да уходъ за вами нуженъ большой, слабы вы...

— А развѣ трудно достать сидѣлку?—спросилъ Сергѣй.

— Много ихъ тутъ и одна другой лучше. Тоже героини все сестрицы наши милосердныя, да раненыхъ-то ужъ очень много. Не покладая рукъ работаютъ сестрицы, измучились, а вотъ-бы свѣженькую, отдѣльно-бы для васъ... Нѣтъ у васъ въ Москвѣ какой-нибудь на примѣтъ?

„Вотъ-бы Наташа была жива“, подумалъ Сергѣй и глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—То-есть можно-бы попросить мнѣ прислать кого-нибудь, да къ чему это? Не безпокойтесь докторъ, я и безъ сидѣлки пробуду...

— А все-же я попрошу сестрицъ этой палаты лучше за вами ходить... Милыя тутъ сестрицы, ахъ какія милыя!.. Вотъ я къ вамъ приведу сейчасъ одну...

Докторъ пошелъ между кроватями на другой конецъ палаты.

Въ палатѣ этой лежали сравнительно легко раненные. Тяжело раненные помѣщались внизу, а выздоравливающихъ отвозили въ Симферополь, въ Николаевъ, въ Бахчисарай и въ Одессу, но тѣмъ не менѣе и тутъ было не только много раненныхъ, но много и умирающихъ. *Легкая* утромъ рана къ вечеру обращалась въ *тяжелую*, перемѣщать больного было неудобно, и часто-часто изъ этой палаты выносили мертвеца...

Ту сидѣлку, которую докторъ пошелъ искать, онъ нашелъ въ концѣ палаты у кровати, на которой лежалъ человекъ, закрытый съ головою.

Изъ-подъ тонкаго одѣяла рѣзко выступали ступни ногъ, контуры лица и сложенные на груди руки.

Сестра милосердія, молоденькая дѣвушка съ матово-блѣднымъ миловиднымъ личикомъ, съ грустными и какъ-то подѣтски испуганными голубыми глазками, стояла, облокотившись рукою о спинку кровати, и тихо-тихо плакала.

— Кончился?—спросилъ докторъ, угрюмо кивнувъ головою на койку.

— Да, пять минутъ тому назадъ... Ахъ, какъ онъ страдалъ, докторъ, какъ онъ страдалъ!.. И не столько физически, какъ душевно: мать у него въ Россіи, и онъ единственный сынъ ея... Еще... еще вчера писалъ... писалъ, что пріѣдетъ на Пасхѣ и... и вотъ...

Сестра милосердія закрыла лицо передникомъ и зарыдала.

Съ подушки сосѣдней койки поднялась голова; раненый съ блѣднымъ, обросшимъ бородою лицомъ тоскливо поглядѣлъ на сестру, вздохнулъ и снова опустилъ голову.

— Ну, перестаньте, голубушка! перестаньте, барышня!—ласково сказалъ докторъ. Слезами горю не поможешь... Богъ съ нимъ, царство ему небесное.. Я васъ пришелъ позвать къ новому раненому... Молодой тоже, а выглядитъ таки совсѣмъ мальчикомъ—хрупкій, тонкій, нѣжный, впечатлительный, а тутъ еще и отца у него убили...

— Ахъ, это Чоглоковъ?—сказала сестра милосердія.— Да, я видѣла его... Онъ опасный?

— Не очень, а все-же надо беречь... Ядовитая рана— въ животъ, да бедро разбито... Вы походите за нимъ, тоже одинъ сынъ у матери, которая и вдова еще теперь...

— Хорошо, хорошо. Ему письмо у меня есть...

— Изъ Москвы?

— Да, изъ Москвы; женскій почеркъ на конвертѣ.

— Ну, это отъ матери. Стунайте, голубушка, утѣшите, а я... я этого прикажу снарядить...

Сестра милосердія бросила тоскливый взглядъ на умершаго, какъ-бы прощаясь съ нимъ, и пошла къ Сергѣю.

Милое нѣжное личико молодой дѣвушки произвело на Сергѣя пріятное впечатленіе послѣ тяжелыхъ картинъ страданія, смерти, послѣ утомленныхъ, или озлобленныхъ, или тоскливо апатичныхъ лицъ, которыхъ онъ такъ много видѣлъ въ эти дни. Онъ взялъ руку дѣвушки и поцѣловалъ.

— Ахъ, что вы!— сконфузилась дѣвушка, бѣдная провинціальная дворяночка-сирота, не привыкшая къ такимъ нѣжностямъ.

— Я цѣлую вашу руку, какъ братъ,— сказалъ Сергѣй.— И вы—истинная сестра наша, сестра всѣхъ страдающихъ... Какъ вы блѣдны, бѣдная!.. Вы очень устаете?

— Ахъ, нѣтъ!.. Не замѣчаешь, знаете, усталости, и кругомъ такъ много настоящаго страданія, что своихъ маленькихъ не замѣтно. Стыдно и думать о нихъ...

Сестра сѣла около кровати.

— Ваша фамилія Чоголковъ?—спросила она.

— Да. Сергѣй Петровичъ Чоголковъ. А васъ какъ звать?

— Меня Мароой зовутъ. Мароой Ивановной. Я васъ потому о фамиліи спросила, что у меня есть письмо прапорщику Чоголкову, изъ штаба вчера прислали...

— Ахъ, дайте, дайте!—оживился Сергѣй.

Онъ чувствовалъ страшное одиночество, и мать, которая еще такъ недавно была далека ему, вдругъ сдѣлалась дорога, близка, и ему страстно захотѣлось прочесть ея письмо.

Сестра милосердія достала изъ кармана передника письмо и подала Сергѣю.

Онъ взялъ, глянулъ на адресъ и весь вздрогнулъ. Лицо его всникнуло яркимъ румянцемъ и потомъ поблѣднѣло, кровь отлила къ сердцу, и оно забилося тревогою, страхомъ, счастіемъ и потомъ замерло въ какой-то истомѣ...

Далекимъ прошлымъ, неизъяснимо милымъ пахнуло на Сергѣя. Точно въ мрачной, сырой, съ тяжелымъ воздухомъ и лишенной свѣта темницѣ узника отворили окно и на него пахнуло запахомъ цвѣтовъ съ родныхъ полей, роднымъ воздухомъ, а яркіе теплые лучи солнца ворвались вмѣстѣ съ воздухомъ и все наполнили, все оживили.

Сергѣй узналъ на конвертѣ руку Наташи.

Онъ судорожно сжалъ письмо, поднесъ было къ губамъ, но руки беспильно спустились и упали на грудь.

Легкій стонъ вырвался изъ груди Сергѣя...

— Что съ вами?—спросила сестра милосердія. — Вамъ дурно?

— Нѣтъ... Дорогая моя, оставьте меня... Я хочу быть одинъ... Потомъ, потомъ придите... Или нѣтъ—останьтесь!.. Останьтесь тутъ, я... я боюсь... Боже, да что-же это? Сонъ это, бредъ? Возьмите меня за руку... Я не сплю? Не брежу я?

Сестра милосердія тревожно наклонилась къ Сергѣю и дотронулась до его головы.

— У васъ жаръ небольшой, вы не бредите.. Васъ взволновало это письмо?

— Да, да... Оно... Вѣдь она-же умерла, вѣдь нѣтъ ея!.. Это мнѣ показалось, это галлюцинація... Возьмите это письмо и прочитайте вслухъ...

Онъ быстро подаль письмо сестрѣ милосердія и закрылъ глаза рукою.

— „Я жива и здорова“, — начала читать сдѣлка, — „живу въ Москвѣ, въ домѣ вашей маман, которая очень милостива ко мнѣ. Очень, очень желала-бы видѣть васъ! *Наташа*“.

— Такъ это правда?—воскликнулъ Сергѣй.—Такъ это письмо отъ нея? Она жива?... Господи, да что-же это?..

Онъ хотѣлъ приподняться, оперся руками о матрацъ, но застоналъ и опустился, а глаза его сверкали счастьемъ, любовью.

— О, какъ-бы хотѣлъ я быть теперь здоровымъ!—воскликнулъ онъ. — Какъ-бы хотѣлъ летѣть туда, къ ней!.. Милая моя!..

Сергѣй поймалъ руку сестры милосердія и покрылъ ее поцѣлуями.

— Идите, дорогая, идите, оставьте меня одного! Я буду здоровъ, я завтра-же встану... Ахъ, какъ я счастливъ!..

Дѣвушкѣ казалось, что больному вредно такое волненіе, и она пошла позвать доктора. Дѣйствительно, къ ночи у Сергѣя сдѣлался жаръ, онъ всталъ въ забытьи, бредилъ, метался во снѣ, хотѣлъ вставать, и сидѣлка провозилась съ нимъ до утра. Къ утру онъ заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ, но потревоженная рана потребовала новой перевязки; она грозила гангреной, и докторъ объявилъ, что она надолго удержитъ Сергѣя въ постели.

И вотъ началась у Сергѣя новая жизнь, раздѣленная на двѣ половины: на жизнь тѣла и на жизнь души, чувства.

Тѣло порою страдало, давало себя знать, требовало ухода, лѣченія,—но Сергѣй старался не думать о немъ и часто достигалъ этого. Во время приступа сильной боли онъ ложился на спину, скрещивалъ на груди руки, крѣпко стискивалъ зубъ и, закрывши глаза, начиналъ думать о Наташѣ. И чѣмъ больше онъ думалъ о ней, тѣмъ больше забывалъ о физическомъ страданіи, какъ-будто его и не было. Все существо его наполнилось любовью къ Наташѣ, и онъ жилъ этой любовью, чувствуя, что она необходима ему—какъ рыбѣ вода, какъ птицѣ воздухъ. И чѣмъ больше онъ сознавалъ это, тѣмъ больше и больше любилъ Наташу.

Онъ чувствовалъ ее около себя, онъ иногда бесѣдовалъ съ нею, то докторъ, то сидѣлка выдали, какъ онъ улыбал-

ся съ закрытыми глазами и что-то говорилъ, тихо, тихо говорилъ.

Онъ ждалъ ее.

На другой день послѣ полученія письма онъ отпривилъ въ Москву деньщика покойника генерала—извѣстнаго намъ Каплина,—снабдилъ его деньгами на безостановочную и скорую дорогу и письмами. Матери онъ писалъ, что онъ здоровъ, что онъ прикомандированъ къ штабу и не подвергается опасности, а Наташѣ написалъ двѣ строчки: „Нѣтъ границъ моему счастью! Летѣль-бы къ вамъ, но теперь грѣхъ оставлять этотъ облитый кровью лучшихъ людей городъ. Сергѣй“...

Кромѣ этого письма, Каплину было поручено на словахъ сказать Наташѣ, что Сергѣй раненъ и что онъ ждетъ Наташу къ себѣ.

На случай, если генеральша не отсутитъ ее, Каплину было поручено увезти ее тайно или тайно съ кѣмъ-нибудь отпривить.

И Сергѣй ждалъ.

Его томительно-сладостное ожиданіе принимало тотъ особенный поэтический характеръ ожиданія, который принимаетъ всякое ожиданіе съ наступленіемъ весны. Весною и любится сильнѣе, и ждется особенно мучительно-страстно, и манитъ куда-то, и будоражитъ всего человѣка, а на выздоравливающего больного это вліяніе весны особенно сильно дѣйствуетъ, да еще весны южной, крымской.

Быль еще мартъ, но весна въ Севастополѣ давала знать себя на каждомъ шагу. Вѣяло другимъ воздухомъ, по другому свѣтило солнце, небо дышало тихой пѣгой и, голубое-голубое, точно подымалось все выше и выше, точно дѣлалось прозрачнѣе и манило въ свою высь. Кое-гдѣ разцвѣтали уже деревья; въ тѣхъ мѣстахъ, куда не долеталъ грохотъ кононады и не проникалъ ѣдкій запахъ пороховаго дыма, начинали пѣть птицы.

Но такихъ мѣстъ не было въ осажденномъ городѣ Сева-

стополю, и птицы не залетали въ него, развѣ только хищныя, жадныя до крови и труповъ.

Приближалась Пасха.

Этотъ великій праздникъ обновленія, праздникъ славнаго Воскресенія, въ 1855 году приходился 27-го марта, и южная весна приготовила свои дары для встрѣчи великаго торжественнаго дня, но—увы!—некому было любоваться этими дарами въ Севастополь.

Обрызганныя кровью поля открывались воюющимъ, запахъ дыма да разлагающихся труповъ носился въ воздухѣ. и день Свѣтлаго Христова Воскресенія, день „праздника праздниковъ,“ —былъ встрѣченъ при кононадѣ пушекъ, которыя посылали смерть въ день воскресенія!...

Ядра и бомбы свистали въ великій день надъ городомъ и несли разрушеніе.

Вотъ, что пишетъ очевидецъ про это время: „Злодѣи французы! У нихъ въ этомъ году праздники совпадаютъ съ нашими праздничными днями (?), а они въ такой день открыли бомбардировку! Секунды не проходятъ безмолвно.

„Говорятъ, Львову, племяннику Лазарева, оторвало обѣ ноги.

„Ночь на Селенгинскомъ редутѣ наканунѣ Пасхи представляла картину торжественную, религіозную! Возлѣ бруствера ниша, въ которой помѣщена икона съ лампадою. Священникъ служитъ молебствіе; всѣ на колѣняхъ.

„Бомбы непріятельскія, падаѣ на редутъ, не смѣютъ задѣть никого изъ молящихся. Да поможетъ Господь перетерпѣть это время! Здѣсь всѣ увѣрены, что Наполеонъ пріѣхалъ въ армію. и что для него открыли эту бомбардировку“.

Послѣ молебствія, во время котораго не было убито ни одного человѣка, всѣ сѣли разговляться.

Это была чудная, торжественная картина, и она давно просить кисти художника.

Тутъ-же на батареяхъ и разговлялись!

Около самой пушки стоит барабанъ, на немъ въ бѣлой салфеткѣ красныя яица, куличъ, пасха. Къ матросамъ пришли изъ города разговляться жены, христосуются съ ними, цѣлуются.

Появилась послѣ разговѣнья и водка. Чарка обходитъ всѣхъ, а съ нею и веселье появилось, и шутка. На крикъ вѣстоваго: „бомба!“ — усатый, съ закоптѣлымъ въ пороховомъ дыму, хотя и тщательно вымытымъ къ празднику лицомъ матросъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Ничего, братцы, не тронетъ: это она летитъ съ праздникомъ насъ поздравить!..

И дружный хохотъ встрѣтилъ веселую шутку, а бомба могла упасть десятью шагами ближе — и тогда положила-бы всѣхъ на мѣстѣ.

Нахимовъ, этотъ безсмертный герой, этотъ рыцарь безъ страха и упрека, далъ солдатамъ отдыхъ на два дня и прекратилъ пальбу, несмотря на усиленную бомбардировку непріятеля.

Къ полудню втораго дня Пасхи ослабилъ огонь и непріятель, но совсѣмъ не прекращалъ.

Данные для отдыха два дня солдаты, послѣ молитвы и разговѣнья, проводили весело, точно это и не было въ осажденномъ городѣ, гдѣ смерть не переставала ни на секунду уносить жертву за жертвою...

Пѣсня зазвенѣла въ воздухѣ, затренькала балалайка и на платформахъ, между пушками, подъ непріятельскими выстрѣлами дробью затонали тяжелые, подбитые гвоздями сапоги въ разливой пляскѣ и звукъ любимой между солдатами пѣсни: „Ужъ вы сѣни, мои сѣни“ — въ чудной, дико-прекрасной гармоніи сливался съ грохотомъ выстрѣловъ и порою прерывался стономъ раненаго или трескомъ резорвавшейся бомбы.

Это было время героическое, чудное, безпримѣрное, и никогда, никогда не забудется оно русскимъ народомъ.

XI.

Алексѣй Акимовичъ Тарантаевъ чуть не загналъ своихъ лохматыхъ выносливыхъ и добрыхъ лошадокъ, поспѣшая изъ Москвы домой, а потомъ—обратно въ Москву съ Аркадіемъ.

Старикъ былъ такъ счастливъ, веселъ, такъ оживленъ, что его не узнавали домашніе. Попыхивая трубочкою, лихо закручивая усы, заломивъ на бекрень свою военную фуражку, вихремъ леталъ онъ по двору, по скотнымъ дворамъ и конюшнямъ, отдавая приказанія, весело покрикивая и всѣмъ расточая милости. Онъ освободилъ отъ солдатчины пропившагося и излѣнившагося мужеченку, котораго совсѣмъ было собрались везти въ рекрутское присутствіе, отдалъ мужикамъ сосѣдней деревни выгонъ, недавно еще обиженный ими и судившійся съ ними, отпустилъ лѣсу на избу ушедшему „на волю“ крестьянину, подарилъ корову пожелавшему сѣсть на тягло дворовому, далъ въ заемъ сто рублей ассигнаціей торгующему ситцами, баранками и гармониками мѣщанину, а дворовыхъ поилъ водкою, чаемъ и выпивалъ съ ними самъ „за здоровье жениха и невѣсты“.

— Постарайтесь, ребятушки, постарайтесь, — говорилъ онъ, отдавая передъ отъѣздомъ въ Москву приказанія домашнимъ. — Молодую барыню привезу къ вамъ, такъ чтобы все было хорошо и исправно... Жили безъ барыни, холодеячками жили, на казарменный ладъ все было, — ну, а теперь, тово, теперь въ нашемъ гнѣздѣ хозяйшка будетъ, такъ чтобы ладно все было и притомъ-же красиво и нарядно... Сдана крѣпость новому коменданту и комендантшѣ, такъ чтобы не осудили старика... Пусть меня увольтъ съ честью и пенсію дадутъ, а то, пожалуй, подѣ штрафъ попадешь!..

Дворня быстро заражалась веселымъ расположеніемъ барыня, оживлялась и охотно работала, мыла, чистила, гладила.

— Ужъ и хозяйка-же у Аркадія Ликсѣича будетъ, ба-тюшко-баринъ!.. На диво всѣмъ красавица да умница! — совершенно искренне восторгались дворовые, очень любившіе Наташу.

— Ну, что ужъ!.. Лучше ужъ не надо! — весело вторилъ Алексѣй Акимовичъ и подмигивалъ на Аркадія, который точно выросъ, точно расцвѣлъ и весь дышалъ сча-стіемъ, какъ-то радостно и гордо поглядывая кругомъ. Онъ не вѣрилъ въ свое счастье, ему порою казалось, что все это сонъ, и онъ испуганно озирался, тревожно настороживался какъ-то и радостно, счастливо улыбался, когда сознавалъ, что это все правда, что онъ дѣйствительно женихъ Наташи и вотъ-вотъ будетъ ея мужемъ.

Онъ часто подходилъ къ брату, стискивалъ ему до боли руку и, смотря на него сіящими глазами, хотѣлъ что-то сказать, излить свои чувства хотѣлъ, но только и могъ про-говорить:

— Ахъ, Паша, Паша, да что-же это такое?.. Вѣдь это... это какъ-то не такъ... Вѣдь она... она ангелъ!.. Ахъ, Паша, Паша!..

Павелъ отвѣчалъ на пожатіе руки, улыбался и произ-носилъ каждый разъ одну и ту-же фразу:

— Наталья Панкратьевна Тарантаева... Ха, ха, ха!.. Наташа — Аркашина жена!..

И весь домъ ликовалъ, точно въ большой торжественный праздникъ. Весело и хорошо было всѣмъ, хотя всѣ работали не покладая рукъ, приводя въ порядокъ домъ и стараясь услужить всѣми силами.

Только одинъ кучеръ ворчалъ, ежедневно давая лошадямъ двойную порцію овса и особенно ухаживая за ними.

— Вовсе сморимъ коней! — говорилъ онъ. — Теперича въ Москву гнали, изъ Москвы гнали сломя голову, а теперь вотъ опять въ Москву, а тамъ свадьба, опять, стало быть, гоньба... Сморимъ коней, ей Богу, сморимъ!.. Кони теперича тысячные — и вдругъ такая гоньба имъ...

— Ужъ и тысячные!—застѣнчиво улыбался Алексѣй Акимовичъ, понимая жалость кучера и стараясь его задобрить, разсмѣшить. — Ужъ и тысячные!.. Повезти въ городъ на конную, тамъ и сотни за нихъ не дадутъ, а каураго мерина и за четвертную не продать... Доморощенные клячи вислоухія, а онъ говоритъ „тысячныя“!.. Скажетъ тоже, чудакъ!..

— Вамъ все клячи, вамъ, конечно, не жалъ животное, а они эво-на какъ съ тѣла-то спали!—закричалъ кучеръ. — На конную!.. На нашей конной и цѣны-то больше трехъ красненькихъ не бываетъ, а вонъ въ Москвѣ мнѣ купецъ за нашихъ лошадей тысячу сулилъ... Продай, говоритъ, я, говоритъ, тысячу дамъ...

— Ври не дѣло то!..

— То-то што не вру!.. Вамъ, конечно, вамъ што, а я чувствую...

— Что-жъ,—уступилъ какъ-то Алексѣй Акимовичъ,—можно у мужиковъ принимать лошадей и на чужихъ съѣздить. У Абрама Косоглазаго хорошая чалая лошадь, а пристяжную можно у Васьки-Зайца взять. Пашину молодую кобылу можно взять...

— Гмъ!—насмѣшливо улыбнулся кучеръ. — За невѣстой ѣдемъ, жениха-барина въ столицу веземъ — и вдругъ на мужицкихъ лошадяхъ!.. Што не дѣло-то говоришь, Ляксѣй Акимычъ! Што зра-то толковать?.. Я вниманія не возьму на мужицкихъ лошадяхъ и въ Рязань ѣхать, а не то что въ Москву!..

— То-то-же!.. А ты давай имъ больше овса, ну, и ничего... Да и самъ-то, тово... Ну, выпей тамъ, побольше выпей...

— Што ужъ тутъ „выпей“!.. Выпей—не выпей, а ѣхать надо...

Въ концѣ-концовъ кучеръ развеселился и снарядилъ тройку на славу: выпестилъ сбрую, натеревъ ремни, добылъ какой-то особенный колокольчикъ, а въ гривы лошадей вялеть ленты всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Въ Москву Алексѣй Акимовичъ съ сыномъ пріѣхалъ рано утромъ и, поспѣшно напившись на постояломъ дворѣ чаю, заторопилъ Аркадія ѣхать въ домъ генеральши.

Аркадій очень рѣдко ѣздилъ куда-нибудь къ сосѣдямъ и еще рѣже въ городъ, и у него не было наряднаго платья. Приходилось купить все въ Москвѣ, и Алексѣй Акимовичъ захотѣлъ отличиться, то-есть купить все очень хорошее, самое модное и дорогое, начиная со шляпы и кончая сапогами. Пришлось купить и шубу, такъ какъ у Аркадія, кромѣ барашковаго тулупа, ничего не было.

Купили все на Никольской, и купецъ утверждалъ, что все платье послѣдняго фасона, самое модное и очень хорошее, но отпустилъ „заваль“, то есть такой товаръ, который въ Москвѣ было продать уже некому. Аркадій преобразился и отецъ пришелъ въ восторгъ, увидавъ его во фракъ съ очень узенькими и короткими фалдами, въ атласномъ жилетѣ и въ широкихъ панталонахъ. Парикмахеръ на Тверской, какой-то „Ларионовъ изъ Парижа“, подстригъ Аркадія аля-мужикъ, какъ тогда носили, всыпнулъ его духами и далъ совѣтъ, какъ надо держать шляпу и какъ расшаркиваться; а Алексѣя Акимовича выбрилъ, нафабрилъ ему усы и съ особеннымъ шикомъ взбилъ хохоль.

Преобразившіеся, благоухающіе „амбре“, радостные и очень довольные собою, отправились Тарантаевы на Поварскую въ домъ Чоглоковыхъ, взявъ очень хорошаго извозчика „по часамъ“.

Оба они были довольно смѣшны и жалки въ преображенномъ видѣ. Старикъ былъ и красивѣе, и симпатичнѣе въ просторномъ военномъ сюртукѣ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами, а со своимъ хохолкомъ, во фракъ, въ высокомъ галстукѣ, напыщенный и какъ-то раздувшійся весь, онъ напоминалъ пѣтуха, а усы отливали у него зеленымъ цвѣтомъ и пачкали руки. Аркадій конфузился, старался быть изящнымъ, боялся смять воротнички манишки и тоже какъ-то пыжился весь и надувался. Въ своемъ простомъ домашнемъ пальто или въ

русской сорочкѣ, въ высокихъ сапогахъ, рослый, статный, широкоплечій, онъ былъ похожъ на богатыря-славянина и къ нему удивительно шли русыя кудри его, въ безпорядкѣ сбѣгающія на лобъ, локонами падающія на шею. Подстриженный, наномаженный, затянутый въ узенькій, дурно сшитый, фракъ и въ перчаткахъ, съ растопыренными отъ непривычки пальцами, онъ былъ каррикатуренъ и смѣшонъ.

Швейцаръ у Чоглоковыхъ строго и гордо оглядѣлъ гостей и объявилъ, что генеральша никого не принимаютъ по случаю траура.

— Какъ это то-есть?—испуганно спросилъ Алексѣй Акимовичъ.—То-есть по случаю какого-же траура?..

Его превосходительство Петръ Григорьевичъ, генералъ-лейтенантъ Чоглоковъ, убиты въ Севастополѣ, прошлаго марта мѣсяца, въ шестнадцатый день,—еще строже и значительноѣ сказалъ швейцаръ.—Изволите видѣть...

И онъ показалъ свою траурную ливрею и флеръ на рукавѣ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, какое несчастіе—воскликнулъ Алексѣй Акимовичъ и перекрестился.

— Вѣчная ему память, герою доблестному!.. Такъ какъ же это теперь? Вы, голубчикъ, тово, вы спросите тамъ у кого-нибудь... Мы, вѣдь, собственно не въ гости, а тово... То-есть мы на счетъ... Вообще, то-есть надо узнать отъ кого-нибудь...

Въ это время съ лѣстницы сбѣжалъ лакей и сказалъ, что ея превосходительство изволила видѣть господъ Тарантаевыхъ изъ окна и проситъ пожаловать.

— Вотъ теперича пожалуйста, а то я не зналъ и не могъ докладывать,—значительно мягче сказалъ швейцаръ и снялъ съ гостей шубы.

Бросивъ бѣглый взглядъ на себя въ зеркало и оправивъ фракъ на сынѣ, Алексѣй Акимовичъ шепнулъ Аркадію, чтобъ онъ держалъ себя съ достоинствомъ, и оба они пошли за лакеемъ по лѣстницѣ.

Мучительно краснѣя, чувствуя себя крайне неловко во фракѣ, сильно взволнованный шелъ Аркадій за отцомъ. Юношу, взволнованнаго неожиданной радостью, поразила Москва, ошеломилъ ея шумъ, поразило невиданное никогда оживленіе, а тутъ еще этотъ визитъ къ важной генеральшѣ, у которой швейцаръ—и тотъ похожъ на важнаго барина. Все это такъ подѣйствовало на Аркадія, что онъ ногъ подъ собой не чувствовалъ и боялся, какъ-бы ему не упасть.

Поразила его и богатая обстановка дома генеральши. Онъ не зналъ, какъ говорить ему съ генеральшей, какъ держать себя, какъ поступить, когда выйдетъ Наташа, о которой онъ такъ сладостно мечталъ всю дорогу.

Приведя гостей въ пріемную, лакей попросилъ ихъ подождать тутъ и скрылся.

— Къ ручкѣ, Аркаша, подойди,—въ сотый разъ принялся учить Алексѣй Акимовичъ сына.—Какъ войдетъ генеральша, такъ ты сейчасъ шаркни эдакъ ногою, приложи шляпу къ груди—какъ тебя учили парикмахеръ-то этотъ,—склони голову и скажи, что очень де счастливъ ты, видя ея превосходительство, а потомъ подойди, поцѣлуй ручку и въ вѣжливыхъ эдакъ выраженіяхъ проси руки Наташи... Осчастливьте де, ваше превосходительство, милостивымъ согласіемъ, ну и еще тамъ что-нибудь такое... Да что ты какой?.. Ты не робѣй, Аркаша, помни что ты дворянинъ и мужчина, — авось, братецъ, тебя не обругаютъ, не побьютъ!.. Держи себя молодцомъ, выпрямись, руку эдакъ въ бокъ...

Дверь отворилась невидимою рукою, и въ пріемную вошла генеральша, одѣтая во все черное, съ бѣлыми плерезами на платьѣ и мантильи, въ черной кружевной косынкѣ на головѣ, величавая, гордая, сдержанно-печальная, но сильная и въ несчастіи.

Алексѣй Акимовичъ шаркнулъ ногою, поклонился, подошелъ къ генеральшѣ и поцѣловалъ ея руку, заначкавъ фаворю усовъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ моего сынишку, — сказалъ онъ. — Вотъ онъ, Аркадій мой... Прошу любить и жаловать... Аркаша, подойди къ ихъ превосходительству...

Аркадій, совершенно забывъ наставленіи отца и уроки парикмахера, неуклюже поклонился, покраснѣлъ, выронилъ шляпу и, совершенно растерявшись, остался на мѣстѣ.

Генеральша снисходительно улыбнулась и попросила гостей садиться, а чтобы дать оправиться молодому человѣку, обратилась къ Алексѣю Акимовичу.

— Я никого не принимаю и нигдѣ не бываю, кромѣ церкви, — заговорила она, — но для васъ я сдѣлала исключеніе, откладывая на время мою великую скорбь о погибшемъ геройской смертью мужѣ моемъ...

— Да, ваше превосходительство, имѣлъ я несчастье, слышать о вашемъ горѣ и скорбю! — со вздохомъ отвѣтилъ Тарантаевъ. — Героємъ погибъ доблестный генералъ, вѣчная ему память!.. Велика, конечно, скорбь ваша, но и утѣшеніе вы имѣете: супругъ вашъ легъ за Царя, за вѣру, за отечество!..

Генеральша приложила къ глазамъ надушенный платокъ и осталась въ этой позѣ секундъ десять.

— Да, генералъ умеръ героємъ, — сказала она. — О немъ говорятъ теперь не только въ русскихъ, но и въ заграничныхъ газетахъ... Самому государю было угодно почтить его память вниманіемъ...

Генеральша набожно перекрестилась, поднявъ глаза къ потолку.

Наступило молчаніе. Генеральша украдкой разглядывала Аркадія и чуть-чуть усмѣхнулась, прикрывъ губы платкомъ.

— Конечно не время-бы теперь говорить о свадьбѣ хотя-бы и постороннихъ мнѣ людей, — заговорила она, — но я не хочу, чтобы свѣтлая память генерала была отуманена какими-нибудь сѣтованіями и не буду имѣть ничего противъ свадьбы Наташи. Можете сдѣлать ее, когда хотите, а у меня все готово... Не могу только допустить, чтобы свадьба была

въ моемъ домѣ, и не могу принимать въ ней никакого участія...

— Какъ вашему превосходительству будетъ угодно, такъ и будетъ,—поклонился Тарантаевъ.—Поблагодарите же, Аркадій... Что же ты такъ-то?..

Аркадій проговорилъ что-то и поправилъ галстукъ, опять мучительно краснѣя.

Генеральша взглянула на него, прищуривъ глаза.

— Что-жъ, очень вамъ нравится ваша невѣста?—спросила она.—Влюблены вы въ нее?

— Да-съ...

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать пятый пошелъ со Срѣтенья-съ...

— А, такъ вы почти ровестникъ невѣстѣ—ей двадцать два, кажется... Желаете вы ее видѣть?

— Весьма желаю-съ...

— Привезли конфектъ, подарокъ какой-нибудь?

Аркадій покраснѣлъ окончательно и бросилъ умоляющій взглядъ на отца.

Тотъ хлопнулъ себя по лбу ладонью и воскликнулъ:

— А вѣдь забыли мы про это, ваше превосходительство!.. То-есть совсѣмъ изъ головы вонъ!.. Я тово-съ, я сейчасъ слетаю, у меня извозчикъ-то по часамъ взятъ.

— Ну, послѣ можно,—сказала генеральша и позвонила.—Наташа помѣщена мною во флигелѣ для этого случая,—туда васъ и проводятъ, тамъ и можете бывать, ну, а свадьбу отпраздновать можете въ наемномъ домѣ гдѣ-нибудь... Проводить господина Тарантаева во флигель,—приказала она вошедшему лакею,—и послать ко мнѣ Илью... Ну-съ, а пока до свиданья, мосье Тарантаевъ... Мною сдѣлано все и все готово, можете вѣнчать вашего сына, когда угодно, а за всѣмъ нужнымъ обращайтесь къ тому дворецкому... Генеральша величаво поклонилась и удалилась во внутреннія комнаты, мягко шурша шлейфомъ своего шерстяного траурнаго платья.

— Пожалуйте за мною,—обратился лакей къ Тарантаевымъ, сейчасъ-же по уходѣ генеральши измѣнивъ выраженіе испуганно-почтительнаго лица на то насмѣшливо-нахальное и презрительно-вѣжливое, съ которымъ говорятъ лакеи, имѣя дѣло съ „пустяшными господами“.

Пройдя приѣмную, лакей еще развязнѣе обратился къ Аркадію и поздравилъ его съ „запорученной невѣстой“. Алексѣй Акимовичъ далъ полтинникъ на водку. Много такихъ полтинниковъ, четвертаковъ и гривенниковъ пришлось ему раздать въ этотъ день. Прислуга положительно атаковала Тарантаевыхъ, но надо отдать ей справедливость, что не желаніе получить „на водку“ главнымъ образомъ руководило ею, а желаніе поглядѣть по-ближе, „на барина, который беретъ Наташу“.

Аркадія разглядывали, какъ заморскаго звѣря, и подвѣргли всесторонней критикѣ. Большинство нашло его очень хорошимъ, и только нѣсколько дворовыхъ дѣвушекъ, въ тайнѣ завидующихъ Наташѣ, остались имъ недовольны, презрительно отзываясь о немъ. Пришедшій дворецкій турнулъ дворню и прикрикнулъ на нее, а то Тарантаевыхъ проводили-бы до самаго флигеля. Флигель этотъ помѣщался въ саду и служилъ когда-то квартирою семейства Сергѣева гувернера. Двѣ комнаты въ этомъ флигелѣ и были отведены для Наташи, такъ какъ генеральша находила неудобнымъ свиданіе дѣвушки съ женихомъ въ самомъ домѣ, да кромѣ того не доставляло генеральшѣ удовольствія и видѣть Наташу, чувство неприязни къ которой у старухи выросло снова, послѣ того, какъ маневръ не удался и сынъ не пріѣхалъ.

Генеральша ничего не знала о письмѣ, полученномъ отъ Сергѣя Наташею. Не знала она и о ранѣ сына.

— Желаютъ быть тамъ,—отрапортовалъ Канлинъ, пріѣхавшій съ извѣстіемъ о смерти генерала и съ письмами.— Находятся при штабѣ, обѣщали скоро быть...

Больше онъ ничего не сказалъ.

Генеральшѣ большаго труда стоило удержаться и не раз-

спросить Каплина о томъ, какъ принято Сергѣемъ извѣстіе о Наташѣ, и если она удержалась, то потому лишь, что не надѣялась, во-первыхъ, на разговорчивость еще болѣе угрюмаго и молчаливаго теперь Каплина, а во вторыхъ—думала, что Каплинъ и не можетъ знать интимной жизни молодого барина.

Надо было скорѣй обвинчать Наташу, развязаться съ нею, а затѣмъ генеральша надѣялась уже удержать сына около себя, лишь-бы онъ пріѣхалъ только.

И не знала генеральша, что свадьбѣ не бывать.

Знали это только два человѣка—сама Наташа и Каплинъ, привязавшійся теперь къ ней и не отходившій отъ нея ни на шагъ, какъ бывало онъ не отходилъ отъ покойнаго генерала. Каплинъ долженъ былъ снова ѣхать въ Севастополь.

— Сергѣй Петровичъ приказали, — говорилъ онъ, — и воля ихъ превосходительства покойнаго генерала на то была. Завсегда говорилъ мнѣ, чтобъ я съ сынкомъ ихнимъ былъ и имъ служилъ, ежели что...

Съ Каплинымъ рѣшила ѣхать и Наташа—и рѣшила какъ-разъ наканунѣ того дня, въ который къ ней пріѣхалъ счастливый женихъ ея, Аркадій Тарантаевъ.

Трудное объясненіе предстояло ей съ женихомъ, и очень она боялась этого объясненія.

ХII.

Наташа послѣ того, какъ написала вынужденное угрозами письмо Сергѣю, находилась все время въ ажитированномъ состояніи, боясь, что Сергѣй все еще любитъ ее и пріѣдетъ. Пріѣдетъ тогда, когда она принадлежитъ уже другому, когда она невѣста уже этого другого...

Она рѣшила сказать всю правду ему и ждать его суда. Но ей было мучительно страшно встрѣтить его, пріѣхавшаго для нея, къ ней; а Тарантаева ей было жаль.

Выборъ изъ тревожнаго, мучительнаго, фальшиваго положенія былъ не краснорѣчивъ: приходилось или отказаться отъ Сергѣя, любовь къ которому была въ Наташѣ, и конечно, воскресла-бы съ новою силою,—или жестоко огорчить, обидѣть, оскорбить бѣднаго Аркадія, который такъ беззавѣтно любилъ ее.

Все это время Наташа не переставала думать о своемъ положеніи и находилась въ сильно-возбужденномъ состояніи, не зная, на что рѣшиться, что предпринять.

Написать Сергѣю *настоящее*, свое письмо нечего было и думать. Дѣвушка, можетъ быть, и не испугалась-бы угрозъ генеральши и пожертвовала-бы собою, но, во-первыхъ, надо было подвергнуть сообщника жестокому наказанію, — а безъ сообщника письмо отправить было немислимо, — во вторыхъ, за нею былъ такой бдительный надзоръ, что не представлялось никакой возможности написать письмо и отправить его съ кѣмъ-нибудь на почту.

И Наташа рѣшилась ждать, отдаваясь на волю судьбы, словно по теченію плыть пустилась.

Ея положеніе именно похоже было на положеніе пловца, потерявшаго руль, парусъ, потерявшаго путь и отдавшагося на волю волнъ, которыя могли прибить и къ тихой пристани, и бросить, разбивъ въ дребезги, на подводные камни. Наташѣ часто приходило на умъ такое сравненіе и она даже закрывала глаза, уже безъ тревоги, а въ какомъ-то полузабытіи ожидая конца этому неопредѣленному положенію.

Въ такомъ состояніи она готовила себѣ приданое, и порою ей очень хотѣлось скорѣе выйти за Тарантаева, чтобы „все кончить“, какъ думала она.

„Выйду, уѣду и знать ничего не буду, а онъ забудетъ, конечно, меня, если еще не забылъ... Если и любить, такъ поздно ужъ будетъ... Напишу ему все, все скажу и прошусь на вѣки... Аркашѣ я составляю счастье... Я буду его любить, беречь, вся, вся буду принадлежать ему, и онъ

ничѣмъ не можетъ упрекнуть меня... Ахъ, скорѣе-бы шло время, скорѣе-бы кончить все!..“

Но это былъ постъ и ожидать приходилось нѣсколько недѣль, которыя и были посвящены Наташею на приготовленіе приданого, а Алексѣемъ Акимовичемъ—на устройство дома.

Вдругъ Наташа получила отъ Сергѣя письмо.

„*Нѣтъ границъ моему счастью!*—писалъ онъ. — Лѣтѣль-бы къ вамъ, но теперь грѣхъ оставить этотъ облитый кровью лучшихъ людей городъ. Сергѣй“.

Каплинъ, передавшій это письмо,—онъ умѣлъ обмануть самый бдительный надзоръ,—сказалъ, что онъ ждетъ ее къ себѣ.

— Ужъ такъ-то-ли просили, чтобы вы пріѣхали къ нимъ!—говорилъ Каплинъ. — Лежатъ это въ госпиталѣ, блѣдные такіе, отъ боли шевелиться не могутъ, а такъ-бы вотъ и полетѣли!.. Глядятъ на меня, глаза это у нихъ горьмя-горятъ, и просятъ, чтобы я васъ къ нимъ представилъ... Доставлю, говорю, ваше благородіе! А они ажъ заплакали!..

Боясь проронить слово, слушала Наташа рассказъ Каплина и задыхалась отъ волненія, отъ нахлынувшего счастья. „Такъ онъ все еще любитъ ее и ждетъ теперь“... „Нѣтъ границъ моему счастью“,—вспомнилась ей фраза изъ его письма, и голова шла кругомъ отъ сотни думъ...

— Какъ-же быть теперь?

Конечно, надо ѣхать, конечно!

— Ничто меня не удержитъ, ничто!—думала она. — Онъ тамъ одинъ, онъ среди чужихъ, раненый, быть можетъ умирающій, и я поѣду къ нему!.. Я убѣгу, а если меня поймаютъ и вернуть, я вымолю у его матери позволеніе ѣхать для того, чтобы ходить за нимъ, быть его сидѣлкою... Ёду, не откладывая, ёду!.. — И сейчасъ-же передъ нею вставалъ симпатичный, добрый, любящій Аркадій Тарантаевъ... Отецъ его вставалъ, замѣнившій ей отца въ тяжелые дни ея жизни.

Она не знала, что скажетъ она этимъ людямъ.

Она могла ѣхать сестрою милосердія, какъ объ этомъ когда-то и было говорено. Ее отпустить Тарантаевы. Съ тоскою, съ горемъ, со слезами, но отпустить. Ну, а потомъ?

Потомъ она вернется къ нимъ и будетъ женою Аркадія. Она принесетъ ему жертву, она не возьметъ назадъ даннаго слова, не разобьетъ его жизнь... И лишь только успокаивалась она на этомъ и рѣшала такъ сдѣлать, какъ сейчасъ-же снова мысли ея начинали кружиться въ страшномъ водоворотѣ, и она не знала, что сказать Сергѣю, какъ быть съ нимъ.

Вѣдь, если онъ любитъ ее—онъ убить будетъ извѣстіемъ, что она невѣста другого, онъ не отдастъ ее никому.

Ей думалось, что любовь Сергѣя—не минутное увлеченіе, какъ ей представилось когда-то. Это было похоже на сильную, мощную страсть мужчины, а не на увлеченіе юноши. Ни время, ни что не изгладило у него память о ней—такъ это увлеченіе?.. Вотъ Аркадій—это не увлеченіе-ли?.. Онъ увидалъ чуть-ли не первую молоденькую дѣвушку, которая притомъ была поставлена въ исключительныя условія, и полюбилъ. Это такъ естественно, такъ просто, и быть можетъ, такъ-же мимолетно...

Она такъ и скажетъ ему, спроситъ его и, если онъ будетъ пораженъ, если она прочтетъ въ его глазахъ отчаяніе—она пойдетъ за него, что-бы тамъ ни было!..

И сейчасъ-же, какъ только она увидала Тарантаевыхъ, рѣшеніе это пропало и явились сотни другихъ рѣшеній. Ей было и жалко, и стыдно сказать такъ Аркадію, и страшно чего-то, а добрые глаза старика Тарантаева, а его жалкій, смѣшной видъ въ неуклюжемъ фракѣ, которымъ онъ хотѣлъ щегольнуть и поразить, такъ растрогали Наташу, что она разрыдалась до истерики и говорила жалкія, бессмысленныя слова, цѣлуя руки старика, и сердце ея переполнилось страданіемъ и жалостью къ этимъ людямъ. Именно

это была *жалость*, а не любовь, но жалость трогательная, охватывающая человека всецѣло, — та жалость, которая составляет особый, такъ сказать, видъ любви и про которую упоминается въ старинной, народомъ сложенной и народомъ пѣтой пѣснѣ:

„Я пришла къ тебѣ, родимый мой,
Я пришла къ тебѣ *жалить* тебя.
Пожалѣю, посижу съ тобой,
Такъ авось-же ты восчувствуешь!..“

Старикъ понялъ слезы дѣвушки по своему, поплакалъ самъ и утѣшилъ ее словами:

— Ну, полно, Наташенька! Полно, голубка! Теперича все кончится и заживемъ мы въ радости, въ счастіи, въ родимомъ гнѣздышкѣ заживемъ!..

Аркадій молча глядѣлъ на эту сцену, стиснулъ рукою спинку кресла такъ, что кресло трещало, и любилъ въ эти минуты, какъ никогда.

И онъ тоже *жалѣлъ*, любя, и чувствовалъ тотъ приливъ нѣжности, который охватываетъ человека въ минуты полнѣйшей любви, готовый на самоотверженіе, на жертвы всѣмъ. Онъ бросился-бы теперь по одному слову Наташи въ огонь, задушилъ-бы самого себя... Наташа понимала, что чувствуютъ эти люди, и еще болѣе страдала. Ей хотѣлось-бы крикнуть имъ: — Не вѣрьте, не вѣрьте мнѣ, не люблю васъ, я брошу васъ по одному слову другаго!.. Я брошу васъ и безъ слова этого другаго, а потому лишь, что онъ, одинъ онъ дорогъ мнѣ!.. Идите отсюда, идите, или убейте меня, если вамъ очень тяжело!..

Но она только махала рукою, рыдая на груди старика Тарантаева, какъ-бы отгоняя что-то, и выбѣжала потомъ изъ комнаты проговоривъ:

— Сейчасъ, сейчасъ... Умоюсь, образумлюсь, въ себя приду... Ахъ, какъ я люблю васъ, милые вы мои, бѣдные вы мои!..

Эту сцену видѣлъ дворецкій и Каплинъ, который при-

строился во флигелѣ въ качествѣ истопника, хотя истопниковъ и безъ того было трое.

Дворецкій Илья Савельичъ и Каплинъ видѣли все это, а приставленная къ Наташѣ пожилая дѣвушка,—ея служанка и генеральшинъ шпіонъ,—слышала все изъ сосѣдней комнаты.

— Какъ разрыдалась, сердечная!—замѣтила эта дѣвушка, когда дворецкій и Каплинъ вошли къ ней.

— Да, — задумчиво произнесъ Илья Савельичъ. — Отъ радости это она... Что не говори, а неволя не сладка. Опять-же и случай такой — за дворянина идетъ, барыней будетъ...

Каплинъ ничего не сказалъ. Онъ поспѣлъ въ усы, а около глазъ его чуть-чуть заиграли мускулы отъ сдержанной улыбки.

„Врете!—подумалъ онъ.— Не оттого она плачетъ!.. Плачетъ она изъ-за того, что жаль ей энтихъ... Жалѣетъ она ихъ, ну, а любитъ-то она другого... Да!..“

Каплинъ досталъ изъ кармана трубочку, высѣкъ огня на трутъ, закурилъ и пошелъ на крыльцо. Илья Савельичъ вышелъ за нимъ. Онъ нюхалъ табакъ, но порою любилъ затянуться крѣпкимъ „тютюномъ“, и если не держалъ трубки и этого „тютюна“, то единственно лишь потому, что считалъ это несовмѣстимымъ со своимъ званіемъ и дома курилъ жуковскій табакъ изъ длиннаго чубука.

— А-ну, дай, Каплинъ, курнуть! — стараясь обратить эту просьбу въ шутку, обратился онъ къ денщику покойнаго генерала.

Строгій и холодный съ дворней, Илья Савельичъ не брезговалъ обществомъ Каплина, котораго генераль любилъ и ставилъ очень высоко.

— А-ну, курни..

Каплинъ подалъ трубку, обтеревъ кончикъ крохотнаго чубучка о рукавъ.

— Стало быть, вишневаго листу подбавляешь?—спросилъ Илья Савельичъ, съ наслажденіемъ затягиваясь.

— И вишневаго листу прибавляю, и черносливнымъ настоємъ сбрызгиваю...

— Ничего, а все-же мой „Жуковъ“ лучше... Деликатный табакъ.

Каплинъ молча взялъ трубку обратно и пустилъ черезъ носъ струю дыма.

— Теперь тебѣ, Каплинъ, и на табакъ, и на водку перепадетъ,—продолжалъ Илья Савельичъ.

Каплинъ вопросительно поглядѣлъ на него.

— Отъ жениха перепадетъ, потому ты во штатѣ его невѣсты состоишь, Наталья Панкратьевнѣ горницы топишь...

— Женихъ!—презрительно произнесъ Каплинъ.

— А что-же?.. Али не нравится тебѣ?

— Мнѣ что, мнѣ все равно, а только рази имъ такого надо!.. Ты погляди, прикинь глазомъ-то...

— Что-же такое?.. Я полагаю такъ, что очинно много даже чести для Наташи. Онъ дворянинъ, помѣщикъ, баринъ, а она не болѣе того, какъ хамка...

— Кто?—спросилъ Каплинъ и прищурился на дворецкаго.

— Да Наталья-то наша.

Каплинъ поглядѣлъ на Илью Савельича долгимъ, долгимъ взглядомъ, надвинулъ на глаза свою солдатскую фуражку однимъ движеніемъ лба, сплюнулъ, сунулъ трубку въ карманъ и медленно пошелъ по двору, припадая на прострѣленную во время венгерской еще кампаніи ногу.

Илья Савельичъ вернулся въ комнаты, чтобы приказать подать чай и завтракъ пріѣхавшимъ къ Наташѣ гостямъ.

— Везетъ Наташѣ! — думалъ онъ. — Безпремѣнно племянницъ своихъ опредѣлю къ французенкѣ въ ученіе и въ барышни ихъ выведу!

Наташа между тѣмъ оправилась, умылась, надѣла новое, очень идущее къ ней платьѣ и вышла къ жениху. Дѣлая туалетъ, она придумывала, что сказать Тарантаевымъ и—какъ это часто бываетъ—думала совѣтъ не о томъ, тщетно заставляя себя остановиться на мысли о данномъ положеніи.

И ничего не придумала до самой послѣдней минуты.

— Просто и прямо скажу, что должна ѣхать въ Севастополь, въ этотъ городъ, „облитый кровью лучшихъ людей!“ — рѣшила она, выходя къ гостямъ.

И не сказала.

Лица Алексѣя Акимовича и Аркадія сіяли такимъ полнымъ счастьемъ, что ей жалко было огорчить ихъ, не хватило силъ сказать рѣшающее слово, и она принялась лгать, не желая этого и будучи, вообще, не лживою и не двуличною.

Мучилась и лгала.

— Все теперь устроено, Наташенька, все! — говорилъ Алексѣй Акимовичъ. — Домикъ нашъ точно заплѣлъ, точно переродился, а наши комнаты совсѣмъ-таки игрушки... Оно, положимъ, съ домомъ ея превосходительства нашимъ коморочкамъ не ровняться, да вѣдь за-то тамъ-то все родное, все свое, ну, а тутъ чужбина, холодкомъ отъ всего вѣетъ... Впрочемъ, генеральша очень милостивы къ намъ и, несмотря на свое горе, приняли насъ, обласкали...

Старикъ схватилъ сына за плечи и толкнулъ его къ Наташѣ.

— Ты чего сидишь пентюхомъ? — весело сказалъ онъ. — Ручки у невѣсты цѣлуй, комплименты ей говори!..

Аркадій счастливо и застѣнчиво улыбаясь, взялъ руки невѣсты и сталъ цѣловать.

— Каковъ молодецъ-то сталъ нашъ Аркаша, — продолжалъ старикъ. Столичнымъ франтомъ смотреть, фу-ты, ну-ты, прахъ возьми!.. Ха-ха-ха... „При манишкѣ, при часахъ, при козловыхъ сапогахъ“, какъ въ пѣснѣ поется... Оно хоть и стыдно своего сына хвалить, Наташенька, а, право, можно сказать, что Аркашка у меня хоть куда!.. И ростомъ, и дородствомъ взялъ... Да что-же вы въ молчанку-то играете?..

— Вы все говорите, мы слушаемъ, — сказала Наташа улыбаясь.

Она пожала руку Аркадія и взглянула на него.

— Здоровъ?

— Я-то?—усмѣхнулся юноша. — Не знаю, какъ и болѣютъ!

— Паша здоровъ-ли?

— Ничего. Все съ лошадьми своими. Вамъ... тебѣ, то есть, лошадь для верховой ѣзды приготовляетъ. Непремѣнно, говоритъ, Наташеньку надо верхомъ научить ѣздить... Ты не прочь будешь?

— Очень рада.

Наташа освободила руку изъ рукъ Аркадія и встала...

— Надо сказать, чтобы чай подали, закуску,—сказала она.—Генеральша позволила мнѣ все въ тутъ распоряжаться, какъ дома...

— А ну, угощай, угощай, хлопочи, хозяйшка! — обратился къ ней старикъ, не переставая счастливо улыбаться.

Наташа была очень рада уйти, чувствуя себя, какъ на иголкахъ, но Илья Савельичъ успѣлъ уже распорядиться и двѣ дѣвушки подали въ комнаты Наташи самоваръ, закуску на подносахъ и посуду.

Наташа осталась хозяйничать.

— Вотъ такъ и у насъ скоро захозяйничаєте, Наташенька,—обратился къ ней Алексѣй Акимовичъ, присаживаясь къ столу.

— Да,—улыбнулась она.

— Милая картина будетъ!.. Спокойно я отойду въ вѣчность, глядя на ваше счастье, зная, что мой первенецъ не одинокъ, что домишко мой не безъ хозяйки... Не знаю какъ благодарить Создателя за то счастье, которымъ онъ награждаетъ насъ!..

„Господи, да что-же это такое за пытка!—подумала Наташа.—Не поѣду я, ни за что не поѣду, не могу!..“

— Да, счастлива и я... Когда наша свадьба папочка?

— Да чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... У тебя все готово?

— Все.

— Ну, и мы готовы... Пошлемъ за Павломъ и сыграемъ свадьбу...

— Отлично...

Наташа принялась разливать чай.

„Напишу *ему*, что не могу ѣхать что не принадлежу себѣ, — думала она. — И правда, я не принадлежу себѣ. Больше не принадлежу себѣ чѣмъ любая крѣпостная. Крѣпостная можетъ бѣжать, а я не смѣю, не должна, права не имѣю!..“

Тарантаевы просидѣли часа три и уѣхали, обѣщая быть завтра и спросить у генеральши окончательнаго отвѣта и разрѣшенія.

Наташа осталась одна.

Угостившись остатками отъ закусокъ, приставленная къ ней служанка легла спать, и храпъ ея одинъ нарушалъ тишину въ уединенномъ флигелѣ.

Вошелъ Каплинъ съ вязанкою дровъ.

— Топить не надо?—спросилъ онъ, складывая дрова у печки.

— Нѣтъ, тепло вѣдь совсѣмъ,—отвѣтила Наташа.

Каплинъ взялся за скобку.

— Завтра ѣду въ Севастополь, — угрюмо заговорилъ онъ.—Что прикажете сказать?..

Наташа дрогнула вся и схватилась за грудь.

— Скажи... скажи... Я напишу *ему*, сегодня напишу...

— Сами, стало-быть, не поѣдете?—еще угрюмѣе продолжалъ Каплинъ.—Гдѣ-жъ вамъ и ѣхать отъ жениха!.. Должонъ я теперича какую ни на есть женщину найти въ сидѣлки къ барину... Есть и тамоди сестры милосердія, да сморились совсѣмъ, работы много, а барину уходъ надобенъ... Счастливо оставаться затѣмъ, прощенья просимъ...

— Поймай!—остановила его Наташа.—А если... если я поѣду?..

Каплинъ взглянулъ на нее.

— И слѣдъ вамъ ѣхать! — сказалъ онъ.— Любить-то

вась какъ, сокрушается-то какъ!.. И опять то взять—рази его можно съ этимъ сравнить?.. Эхъ, глаза-бы мои не глядѣли!..

— Но какъ-же ѣхать, какъ?.. Вѣдь у меня нѣтъ паспорта, вѣдь меня вернуть съ дороги...

— А я то на что?.. Такъ отвезу, что никому не догнать!.. Все придумано, все приготовлено...

— Да?..

Наташа стиснула руки.

— Да?.. Такъ ѣдемъ-же!.. Сегодня, сегодня ночью ѣдемъ, я не могу ждать до завтра!..

— Сегодня, такъ сегодня... Ужотко я скажу, что и какъ, а пока до увиданья...

Каплинъ ушелъ, а Наташа схватила бумагу и быстро принялась писать Тарантаеву...

ХІІІ.

Оставшись одна, Наташа отворила выходящее въ садъ окно и полной грудью вдохнула свѣжій, холодный къ вечеру апрѣльскій воздухъ.

Сумерки быстро спускались на землю; густыя тѣни падали отъ деревьевъ; гдѣ-то въ кустахъ начинающей уже цвѣсти черемухи не громко, словно боясь чего-то, шелкалъ соловей. Издалека неся гулъ экипажей по мостовымъ.

Наташа сѣла на подоконникъ и подняла лицо къ далекому темно-синему небу, на которомъ тамъ и сямъ зажигались звѣздочки.

Легкій вѣтерокъ чуть-чуть трогалъ вершины опущенныхъ первой зеленью деревьевъ и будто спѣшилъ куда-то, перелетая съ дерева на дерево. И неслись слѣдомъ за этимъ легкимъ вѣтеркомъ думы молодой дѣвушки.

Далеко, далеко неслись.

— И тамъ, въ грозномъ Севастополѣ, такая-же ночь,—

думала Наташа.— Тамъ она еще лучше, теплѣе, душистѣе, но не до нея тамъ... Тамъ смерть, страданія, болѣзни, кровь... Въ душевной палатѣ госпиталя лежитъ тамъ мой милый, мой хорошій... Лежитъ одинъ... О, какъ нужно ему ласковое слово, участіе, какъ нуженъ ему уходъ!.. И не ему одному, а всѣмъ, которые лежатъ тамъ, всѣмъ этимъ измученнымъ героямъ, облитымъ кровью... Нельзя, нельзя оставаться здѣсь, когда тамъ такъ много страданія... Туда, туда надо идти... Не затѣмъ я иду, чтобы искать любви, счастья... О, нѣтъ!.. Синее, далекое, кроткое небо! ты видишь, что я говорю правду, и передъ тобою клянусь я, что я не измѣню Аркадію!.. Нѣтъ... Я принесу тамъ, сколько могу, пользы и вернусь къ нему и буду его любить... Я хочу обмануть его только тѣмъ, что тихонько уйду... Но вѣдь я не могу же, не могу сказать ему объ этомъ, силъ у меня не хватитъ!.. Не могу и оставаться здѣсь... Ну, пусть я виновата, пусть я дѣлаю нехорошо, но я не могу сдѣлать иначе... Но какъ я уйду?..

Наташа вздрогнула и повела плечами.

— Вѣдь меня могутъ вернуть, и что ждетъ меня тогда?.. Аркашу что ждетъ!.. Меня тогда замучаютъ, быть можетъ, снова пошлютъ къ этому страшному Рейсу... Какъ я уйду, какъ?.. Вѣнчаться сперва и потомъ ѣхать?..

Наташа остановилась на этой мысли, но не надолго. Было бы слишкомъ жестоко бросить мужа черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы. Жестоко и теперь бросить жениха, но менѣе жестоко, менѣе... А если не бросать ни тогда, ни теперь?..

— Да не могу я этого!— вслухъ крикнула Наташа и стиснула руки.

— Съ кѣмъ это вы, Наташенька, разговариваете тамъ?— окликнула ее служанка и вошла въ комнату.

— Ни съ кѣмъ... Такъ я вскрикнула, летучей мыши испугалась...

— Теперь ихъ нѣтъ еще, это, стало-быть, птица какая-нибудь.

Служанка подошла къ окну и выглянула въ садъ.

— Чтой-то вы у открытаго-то окна сидите?—сказала она.—Долго-ли простудиться такъ-то—ишь сивѣрно какъ да свѣжо...

Наташа ничего не сказала.

— Я пойду ужинать въ людскую, Наташенька, а дверь-то припру,—продолжала служанка.—Вамъ ничего не надо?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я пойду... Охъ, грѣхи, грѣхъ!.. Поздравляла давече васъ, выпила стаканчикъ французской водки, и вотъ-то голова разболѣлась!.. Поужинаю да и завалюсь спать... Ложились-бы и вы, Наташенька, коли ужинать не хотите...

— Я скоро лягу,—проговорила Наташа.

Служанка удалилась.

Оставаясь на окнѣ, Наташа продолжала вдыхать ароматъ весенней ночи и думать свою неотвязную думу о немъ, о Сергѣѣ, все болѣе и болѣе проникаясь желаніемъ идти туда, идти къ нему, въ городъ этотъ, „облитый кровью лучшихъ людей“...

Вдругъ подъ самымъ окномъ раздался шорохъ и сдержанный кашель.

Наташа вздрогнула и отодвинулась.

— Наталья Панкратьевна, вы?—окликнулъ ее знакомый голосъ, какъ-то странно прозвучавшій въ мертвой тишинѣ ночи.

Она узнала голосъ Каплина, подошла къ окну и снова сѣла.

— Да, я... Эта вы, Каплинъ?

— Я, сударыня...

Каплинъ осторожно кашлянулъ, подошелъ вплотную къ окну и потихоньку спросилъ:

— Вы однѣ тутъ?

— Одна.

— А вѣдьма-то эта старая дрыхнетъ, что-ль?.. Я ей

вкатилъ добрыхъ два стакана вишневки, — разобрало, чай, ее бестію...

— Она проснулась, но ея нѣтъ, ужинать она въ людскую ушла.

— Ну, пріятнаго ей пекита... Чтобъ костью ей подавиться!...

Каплинъ помолчалъ минуту.

— А я, стало быть, къ вамъ, Наталья Панкратьевна, — заговорилъ онъ.

— Что вамъ, Каплинъ?

— Да на счетъ, значить Севастополя... Ёдете, али нѣтъ!.. Я завтра отправляюсь, стало-быть, въ походъ, генеральша всѣмъ снарядила, гостинцевъ наготовили Сергѣй Петровичу, а я такъ полагаю, что самый-то пріятный гостинецъ привезу ему я, ежели вы поѣдете...

Наташа тяжело дышала и крѣпко схватилась руками за грудь, точно удерживая біеніе сердца.

Каплинъ помедлилъ немного, трубку закурилъ, набитую знаменитымъ „тютюномъ“ съ вишневыми листьями, и заговорилъ снова.

— Слѣдъ вамъ ѣхать, Наталья Панкратьевна, право слѣдъ!.. Сохнетъ теперича безъ васъ баринъ молодой, вовсе изведется!.. Женихъ у васъ теперича... Гм!.. Да какое-же сравненіе онъ съ бариномъ нашимъ?.. Нашъ теперича офицеръ, прой, кампанію кончитъ — живо до капитана дойдетъ, а тамъ и пошелъ, и пошелъ... Генераломъ будетъ, потому ему особенное предпочтеніе, какъ есть онъ сынъ генералъ-лейтенанта Чоглокова... А душа у барина какая!.. Отецъ, а не господинъ!.. Ранили его, такъ рота плакала, а ужъ не въ диковину ей смерти-то командировъ!..

Каплинъ, вѣроятно, во всю жизнь не говорилъ такъ много словъ сразу. Онъ закашлялся, махнулъ рукой и закончилъ:

— Да что ужъ тутъ! Надо вамъ ѣхать — и шабашъ!..

— Какъ?.. Какъ я поѣду, Каплинъ? — со слезами въ

голосъ проговорила Наташа. — Не пустятъ меня, а убѣжать... Ахъ, не убѣжишь, не доѣдешь и только горе новое будетъ!.. Я ужъ не про то думаю, что меня избыютъ, истерзаютъ, оскорбятъ, измучаютъ, а про то, что и бѣднаго Аркадія Алексѣевича убьютъ горемъ моимъ, а онъ хорошій, добрый человѣкъ, Каплинъ, его грѣхъ обидѣть.

— А Сергѣй Петровича не грѣхъ?.. Эхъ, не слушалъ-бы!.. Вы спервоначалу ему свое рѣшеніе дали, такъ къ нему и надо вамъ... Да... Аркадій Алексѣевичъ!.. Ну, погрузитъ—да и забудетъ, пойметъ, что чужой каравай не всегда тоже слопаешь... А убѣжать, убѣжимъ и доѣдемъ...

— Какъ?..

— Сроду не кралъ, а васъ выкраду!.. Вотъ въ это самое окно прыгайте завтра ночью, а изъ саду въ калитку въ переулокъ... Калитку я отопру, возьму васъ и на постоялый, а тамъ ужъ тройка... На счетъ виду сумлевайтесь?.. Вотъ онъ видъ-то, въ карманѣ у меня!.. Племянница, сестрина сестра, въ милосердныя сестры собралась, и видъ я ей выхлопоталъ,—а она захворала, не ѣдетъ, случай помогъ, а не будь случая—я-бы и другимъ манеромъ обошелъ... Согласны, что-ль?..

Наташа тяжело дышала и долго не отвѣчала ничего Каплину.

— Согласны, молъ, что-ли?—повторилъ онъ вопросъ.

— Да, согласна!..

Каплинъ весело крикнулъ.

— Вотъ люблю!.. Эхъ, счастье-то какое Сергѣю Петровичу будетъ!.. Черезъ недѣлю выздоровѣетъ и на выписку!.. Такъ завтра въ эту пору я жду... Счастливо оставаться, спокойной ночи...

Солдатъ быстро, но неслышными почти шагами скрылся въ темномъ саду. Около двора на него залаяла была собака, но сейчасъ-же перестала, ласково взвизгивая.

Наташа осталась опять одна.

Поперемѣнно то радость, то тревога наполняли ея сердце,

но когда она вспомнила о завтрашнем свиданіи съ женихомъ — ей сдѣлалось страшно, какъ въ ожиданіи пытки. Пыткою и казалось ей предстоящее свиданіе. Что скажетъ она бѣдному Аркадію? Какъ она будетъ говорить съ нимъ?.. Самое лучшее — сказать больною... Да, такъ она и сдѣлаетъ.

Она до самаго разсвѣта писала Аркадію письмо, въ которомъ объяснила ему, что ѣдетъ въ Севастополь, но — она клянется въ этомъ, — не затѣмъ, чтобы принадлежать Сергѣю, а только затѣмъ, чтобы быть тамъ, гдѣ такъ много страданія, крови, смертей, чтобы быть въ этомъ городѣ, который „облитъ кровью лучшихъ людей“.

Она употребила эту фразу изъ письма Сергѣя.

Написавъ письмо, Наташа собрала въ узелокъ нѣсколько бѣлья, платье, приготовила себѣ на дорогу драповый бурнусикъ, сшитый еще въ Петербургѣ, и завязала въ платокъ тѣ деньги, которыя она заработала, живя у Тарантаева.

Сдѣлавъ все это, она легла въ постель, но вдругъ вспомнила, что не написала въ письмѣ къ Аркадію *главнаго*, и вскочила.

„Знай, — прибавила она въ письмѣ, — что я твоя, и, какъ только кончится война, мы обвѣнчаемся. Никому, кромѣ тебя я не буду принадлежать, дорогой мой, мой добрый Аркадій!“

Снова запечатавъ письмо, она легла, когда совсѣмъ уже разсвѣтало, и заснула крѣпкимъ, но тревожнымъ сномъ, а проснувшись, разбуженная служанкою, дѣйствительно больная, точно разбитая.

Утромъ мысли всегда принимаютъ другой оборотъ, особенно когда вечеромъ онѣ созрѣли при сильномъ волненіи. Наташа нашла теперь, что неудобно ей не принять Тарантаевыхъ, и вышла къ нимъ, собравъ всѣ силы. Къ счастью ея, у старика оказалось болѣе такту и наблюдательности, чѣмъ она предполагала, и онъ очень скоро уѣхалъ съ сыномъ, сказавъ, что у нихъ много дѣлъ. Онъ замѣтилъ, что Наташа „не по себѣ“, хотя и не зналъ, почему это.

День кое-какъ прошелъ.

Наташа то ложилаь и засыпала въ нѣсколько минутъ, то вставала и переписывала письмо Аркадію, стараясь какъ можно мягче объяснить ему причину отъѣзда и увѣрить его, что она не измѣняетъ, что она его невѣста и будетъ его женою, что-бы не случилось.

Наконецъ, насталъ вечеръ.

Часовъ въ десять служанка опять вошла къ Наташѣ и объявила, что пойдеть ужинать въ людскую.

Опять Наташа осталась одна.

Торопливо надѣвъ свой бурнусъ, схвативъ приготовленный узелокъ, Наташа положила письмо Аркадію на видное мѣсто и подошла къ окну.

Ночь была темная, по небу медленно и тяжело ползли тучи, грозя дождемъ.

— Господи, благослови!—прошептала Наташа, отворила окно и выпрыгнула въ садъ.

Четыре сильныя цѣпкія руки схватили ее съ обѣихъ сторонъ.

Она закричала было, но кто-то зажалъ ей ротъ, больно сдавивъ щеки, а другой человѣкъ закрутилъ ей назадъ руки такъ, что у нея захрустѣли кости.

— Не рвись, милая, не вырвешься!—проговорилъ кто-то злобнымъ шопотомъ.

Наташа узнала голосъ Василисы.

— Ишь ты, опять въ бѣга ударилаь!—продолжала старуха.—И жениха своего бросила, невѣста непутевая!.. Погоди, будетъ тебѣ ужо!.. Тащи ее, Марѳуша, къ генеральшѣ...

Не чувствуя толчковъ и щипковъ, которыми награждала ее Василиса, шла Наташа по мокрой травѣ, подталкиваемая сзади. Она чуть-чуть понимала, что съ нею происходитъ.

„Узнали, подслушали, донесли, — отрывочно думала она.—Что-же теперь? Все пропало?.. Что все?.. Жизнь пропала... Да, да, надо-бы умереть... Больно гдѣ-то...

Ахъ, это Василиса толкаетъ и щиплетъ... Пустяки... Будутъ бить... Ужели такъ, какъ тамъ, какъ я видѣла въ Петербургѣ?... Божемой!.. Ахъ, убили-бы, убили-бы лучше!.. “

Бабы прошли садомъ во дворъ и вошли въ открытую галлерекъ, которая вела въ домъ.

Василиса опустила руки Наташи и сказала:

— Иди толкомъ, да подними голову-то: генеральша не желаютъ, чтобы вся дворня знала, какой ты срамъ дому наносишь!..

Черезъ минуту бабы отворили дверь въ дѣвичью, гдѣ теперь никого не было, и Василиса пошла съ докладомъ къ генеральшѣ.

Служанка, приставленная къ Наташѣ, превосходно знала сторожевую службу и отлично поняла ту роль, которую ей дали у „барской-барышни“, такъ прозвали Наташу въ дворнѣ. Эта служанка была крестурою Василисы, которая очень дружила съ нею. Слѣдя за каждымъ шагомъ Наташи, она ужъ въ одномъ появленіи около нея Каплина усмотрѣла нѣчто особенное и усилила свой надзоръ. Подслушавъ вчера звукъ отворяемаго окна, она сказала, что пойдетъ ужинать, а осталась въ сосѣдней комнатѣ и слышала весь разговоръ Наташи съ Каплинымъ.

Доложили генеральшѣ.

— Поймать ее въ саду и привести ко мнѣ, но чтобы никто, кромѣ васъ, не зналъ ничего!—приказала генеральша, щедро наградивъ усердіе Марѣи.

И вотъ Наташа была приведена...

Долго, долго ожидала она въ дѣвичьей, стоя у притолки. Предавшая ее служанка, вѣжливая и услужливая еще сегодня утромъ, бранила ее, издѣвалась надъ нею.

— Ужо тебѣ, верченой!—говорила она.—Спустить шкуру, да пошлютъ свиней пасти, такъ будешь знать!.. Мало тебѣ, животной, что тебя, какъ барышню содержали, за помѣщика замужъ выдать хотѣли!.. Къ генеральскому сыну въ любовницы захотѣла!.. Будетъ тебѣ генеральскій сынъ!..

За конюха тебя отдать, за пастуха, негодницу!.. Ужъ такъ-ли тебя драть надо, такъ-то-ли драть, чтобъ небо тебѣ съ овчинку показалось!.. Да ужъ и будетъ тебѣ, ужъ достанется!..

— Ступай къ ихъ превосходительству?—громко объявила Василиса, входя въ дѣвичью.

Наташа автоматически отдѣлилась отъ стѣны и пошла за Василисою.

Въ кабинетѣ своемъ ожидала ее генеральша.

Закутавшись въ черную кашмировую шаль, сидѣла генеральша въ углу комнаты, и Наташа не вдругъ замѣтила ее.

— Ступай, Василиса,—тихо приказала Валентина Михайловна.

Василиса удалилась.

Если-бы въ глубинѣ малоосвѣщенной и потому мрачной комнаты поставить палача, а кругомъ разложить оружія пытки, то сцена-бы напоминала картину инквизиціи,—такъ похожа была трепещущая, блѣдная Наташа на жертву, а генеральша, въ своемъ черномъ платьѣ, грозная и мрачная—на великаго инквизитора.

— Куда ты собралась?—тихо, но внятно спросила генеральша, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Въ Севастополь...

— Къ Сергѣю Петровичу?

— Да... То-есть нѣтъ, нѣтъ... О, клянусь вамъ, что я не бѣжала къ нему затѣмъ, чтобы... чтобы принадлежать ему!..

— Зачѣмъ-же?

— Я хотѣла ходить за нимъ... Онъ одинъ, онъ раненъ...

Генеральша вздрогнула и поднялась.

— Какъ?—тревежно воскликнула она.—Какъ, онъ раненъ?..

— Да...

— Но это вздоръ!.. Я не слыхала объ этомъ, онъ не пишетъ... Отъ кого ты узнала?

— Онъ передалъ мнѣ объ этомъ черезъ Каплина... Онъ раненъ въ бедро и животъ... Но вы не бойтесь—онъ не опасенъ, рана заживаетъ... Онъ не хотѣлъ тревожить васъ...

Генеральша сильно позвонила.

— Каплинъ ждетъ въ саду, позвать его ко мнѣ,—приказала она вошедшей Василисѣ.—Скажи ему, что я приказала придти и что Наталья у меня..

Василиса ушла.

— И ты ѣхала ходить за нимъ?—продолжала генеральша.

— Да... И не за нимъ однимъ, а за всѣми... Я ѣхала въ сестры милосердія...

— А женихъ твой?

— Я вернулась-бы къ нему, если-бъ осталась жива.

— Да?.. Ты лжешь, негодная дѣвченка, ты ѣхала къ Сергѣю не только затѣмъ, чтобъ быть у него сестрою милосердія!..

— Клянусь...

— Молчи, негодная!.. Почему-же ты не вышла за Тарантаева и не поѣхала послѣ свадьбы?... Ужъ если ты такая героиня и такая сострадательная, такъ ты могла-бы ѣхать и послѣ свадьбы... Могла-бы и супруга взять...

— Онъ не пустилъ-бы меня, конечно...

— Ага!.. Да, тебѣ, конечно, лучше быть любовницею Сергѣя Петровича Чоглокова, чѣмъ женою какого-то Тарантаева... Или, быть можетъ, ты думаешь быть женою Сергѣя Петровича?

— Я никогда объ этомъ и не думала.

— И не думай!.. Слышишь?.. Я предпочту засѣчь тебя до смерти, чѣмъ допустить до этого!.. Я предпочту видѣть Сергѣя мертвымъ, чѣмъ мужемъ бѣглой дворовой дѣвки, заподозрѣнной въ воровствѣ!.. Поняла ты это?.. Я тебя спрашиваю—поняла ты это?

— Да,—прошептала Наташа.

— Что-жъ, онъ звалъ тебя туда?—продолжала генеральша.

— Да... Онъ поручилъ Каплину увести меня тайкомъ, если я не могу пріѣхать такъ...

Генеральша быстро прошла по кабинету раза три и остановилась предъ Наташей.

— Вотъ что,—рѣзко заговорила она,—выходи немедленно за Тараятаева и поѣзжай потомъ въ Севастополь... Я напишу княгинѣ Трубецкой, и тебя зачислятъ въ сестры милосердія, а мужу твоему дадутъ мѣсто при санитарномъ отрядѣ... Я дамъ тебѣ средства ѣхать туда съ комфортомъ, я дамъ тебѣ приданое, не какъ горничной, а какъ родственницѣ моей... Хочешь сдѣлать такъ?..

— Да...

— Такъ завтра-же твоя свадьба, или... или я тебя отправлю снова къ Рейсу, и второй разъ ты не убѣдишь уже!.. Садись, ты устала...

Наташа медленно опустилась на кресло около двери.

XIV.

Каплинъ вошелъ въ кабинетъ генеральши, вытянулся у дверей, выкатилъ глаза и гаркнулъ своимъ ужасающимъ басомъ, какъ бывало крикивалъ генералу:

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

Генеральша поморщилась, отошла подальше отъ дверей и сѣла.

— Я не знала, Каплинъ, что ты, такъ любимый покойнымъ генераломъ, будешь способенъ на гадости, будешь помогать бѣгать моимъ горничнымъ, — сказала она, стараясь быть какъ можно суровѣе. — Я не ожидала отъ тебя этого...

— Такъ точно, ваше превосходительство!—брякнулъ Каплинъ.

— Что „такъ точно“?.. И, пожалуйста, не кричи—ты не на ученѣ и не въ казармахъ...

— Такъ точно, ваше превосходительство!..

Генеральша насупилась.

— Ты, кажется, хочешь прикинуться дурачкомъ,—сказала она.—Я говорю съ тобою, какъ съ любимымъ слугою моего мужа, и прошу тебя помнить, что я вдова твоего генерала... Скажи мнѣ, зачѣмъ ты хотѣлъ увести Наташу?.. Говори!..

Каплинъ усиленно замигалъ глазами и продолжалъ вытягиваться, угрожая лопнуть отъ натуги.

— Говори-же, Каплинъ!—повторила генеральша.

— Приказано было, ваше превосходительство!..

— Кѣмъ?

— Ихъ благородіемъ, ваше превосходительство...

— Сергѣемъ Петровичемъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство...

— Оставь ты это „превосходительство!“ — съ досадою сказала генеральша.—Ты не передъ командиромъ... Встань, пожалуйста, свободнѣе и говори толкомъ...

Генеральша обратилась къ Наташѣ:

— Выйди отсюда, я потомъ позову тебя...

Наташа вышла.

— Расскажи мнѣ, Каплинъ, все о Сергѣѣ Петровичѣ,—начала генеральша.—Ты обидѣлъ вдову твоего командира,—это нехорошо, Каплинъ... Ты не сказалъ мнѣ, что Сергѣй Петровичъ раненъ, что онъ лежитъ въ госпиталѣ...

— Не-приказано было, ваше пре... матушка барыня... Строго изволили наказать, чтобы ни слова вамъ о ранѣ ихней не говорить...

— Опасная рана?

— Никакъ нѣтъ, Богъ миловалъ отъ опасности, а только ходить нельзя, ну, и побаливаетъ, конечно... Для ухода за собою и приказали привезти Наташу, ваше превосходительство...

— Что-же, развѣ тамъ мало сестеръ милосердія?

— Достаточно, ваше превосходительство, а только и раненыхъ очинно много... Ну, а притомъ-же...

Каплинъ замялся.

— Что?—спросила генеральша.

— Очинно любятъ они ее, ваше превосходительство, осмѣлюсь доложить... Все-то о ней, все-то о ней толкуютъ и наказали мнѣ безпримѣнно ее привезти... „Не смѣй,—говорятъ,—и пріѣзжать безъ нея“...

Генеральша прошла по кабинету.

— Почему-же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ?—спросила она.

Каплинъ опять вытянулся, опять выкатилъ глаза и опять гаркнулъ:

— Не могу знать, ваше превосходительство!..

— Ну, хорошо, хорошо!—махнула генеральша рукою.— Ты поѣдешь къ Сергѣю Петровичу и повезешь Наташу, но... но надо подождать нѣсколько дней...

— Слушаю, ваше превосходительство!..

— А теперь ступай, и чтобы никто не зналъ объ этомъ...

— Слушаю, ваше превосходительство, счастливо оставаться!..

Каплинъ повернулся налѣво кругомъ и вышелъ, а генеральша опять позвала Наташу и сказала ей, чтобъ она завтра-же объявила Тарантаеву о немедленной свадьбѣ, а затѣмъ обвинчалась-бы и ѣхала, если желаетъ, въ Севастополь.

— Но помни, — строго добавила генеральша, — что до свадьбы ты не должна говорить своему жениху о поѣздкѣ!... Слышишь?.. Если узнаю, что ты сказала ему, — тебѣ будетъ худо... Ступай!..

Наташа, къ великому изумленію Василисы и Марѣы, которыя ожидали немедленной расправы, прошла въ свой флигелекъ и заперлась тамъ.

— Опять простили!—съ изумленіемъ сказала Василиса.— Право, она колдунья, Марѣуша, повѣрь ты мнѣ!.. Ужъ она-ли не творила дѣловъ, ужъ она-ли не бѣдокурила!.. Другую

задрали-бы, за это, а ей все ничего, все съ рукъ сходитъ...

— Ужъ и не говорите, Василисушка!—произнесла Марѳа и развела руками.

На другой день Тарантаевы, по обыкновенію, довольно рано пріѣхали къ Наташѣ. Алексѣй Акимовичъ отдалъ ей гостинцы и сейчасъ-же уѣхалъ хлопотать по дѣламъ.

Наташа, безъ сна проведя и эту ночь, рѣшила, что скажетъ Аркадію о своемъ намѣреніи ѣхать въ Севастополь и скажетъ теперь-же, что бы тамъ ни было.

Она считала безчестнымъ не объявить ему объ этомъ, а не ѣхать она не могла,—она чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ.

Она старалась увѣрить себя, что ѣдетъ не для Сергѣя, что ее призываетъ туда долгъ и что она вернется потомъ къ Аркадію. Еслибъ Аркадій сказалъ ей, что онъ отпуститъ ее послѣ свадьбы,—свадьба эта состоялась-бы, Наташа пошла-бы за Аркадія; но вышло то, чего никогда не ожидала Наташа...

Аркадій выслушалъ ее, поблѣднѣвъ, какъ полотно, всталъ со стула и послѣ долгаго, долгаго молчанія проговорилъ:

— Нѣтъ... нѣтъ, это не то... этого быть не можетъ!.. Я простой человѣкъ, я глупый, но я... я понимаю все... И я не виню васъ, Наташа...

Аркадій перевелъ духъ.

— Вы любите Чоглокова и онъ любитъ васъ... Будьте счастливы... Я не генеральскій сынъ, не Чоглоковъ, но... милостыни не принимаю и я... Прощайте, будьте счастливы...

Аркадій пошатнулся и пошелъ было. Наташа остановила его.

— Милый, хорошій, честный мой, рыцарь мой!—съ рыданіями говорила она, склоняя ему на грудь голову. — Но вѣдь и ты, и ты вѣдь любишь меня!..

— Что-жъ дѣлать?—тихо спросилъ Аркадій.—Не мнѣ, знать, думать о такомъ счастіи, а разбивать чужое я не хочу... Господь съ тобою, будь счастлива, а я...

Аркадій потряхнул головою.

— А я тоже въ Севастополь поѣду!.. Ополченцемъ поѣду... Вонъ папашѣ прислали повѣстку, на дворянское собраніе вызываютъ его въ Рязань, ополченіе собирается. — Ну, вотъ и поѣду... Убьютъ, такъ по-крайности за Вѣру Христову, за Царя жизнь положу; а живъ останусь, такъ авось когда-нибудь и счастье свое найду...

Быть можетъ, при другихъ условіяхъ Аркадій не такъ скоро и не такъ легко отказался-бы отъ своего желаннаго счастья, но это было время такое, когда умолкали личныя чувства и когда гражданская доблесть брала верхъ надъ всѣмъ. Случаи, когда единственный сынъ отъ матери, женихъ отъ невѣсты шли тогда въ Севастополь, были не рѣдки.

Россія ополчалась дружно и единодушно, слыша о безпримѣрныхъ подвигахъ геройства, о безпримѣрной доблести, слыша о томъ, какъ живутъ въ осажденномъ городѣ не только военные, но и мирные обитатели его, даже служители церкви.

Вотъ что рассказываетъ о Севастопольской жизни того времени протоіерей Петропавловской севастопольской церкви отецъ Александръ Демьяновичъ: „Объ ужасахъ осады рассказывать не буду,—они всѣмъ извѣстны. Я въ то же время уже овдовѣлъ и жилъ съ матерью и пятью дѣтьми. Не долго уцѣлѣлъ мой домъ: на третій день осады старикъ, который жилъ у насъ въ работникахъ, сидѣлъ около меня на полу и кормилъ цыплятъ. Вдругъ раздался страшный трескъ, и густой дымъ разостлался пеленой предъ моими глазами. Когда онъ разсѣялся, я увидалъ около себя дѣтей и, наконецъ, обезображенный трупъ бѣднаго старика. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я не могъ опомниться, потомъ осмотрѣлъ домъ: бомба разгромила балконъ и попортила стѣны. Однако, мы тутъ остались, къ намъ приходили что ни день знакомыя лица, лишившіяся крова. Въ это страшное время каждый шелъ въ открытыя ворота, не дожидаясь приглашенія хозяина; мой подвалъ наполнился женщинами. Онѣ тутъ жили нѣсколько дней, но ракета пробила кровлю и,

къ счастію, зарылась въ перинѣ, лежавшей въ подвалѣ. Его жильцы были такъ напуганы, что бросились съ крикомъ на дворъ. Тогда рѣшились и мы съ матерью убираться по-добру по-здорову: непріятель подошелъ уже слишкомъ близко и мы переселились въ пустой домъ, стоявшій недалеко отъ насъ. Съ каждымъ днемъ снаряды сыпались на насъ гуще, за то мы къ нимъ привыкали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Сначала было очень страшно, а потомъ—крѣпко спать бывало подъ свистъ бомбъ и гранатъ, а идешь по улицѣ—не обращаешь на нихъ вниманія. Мы думали, что отъ нашей церкви ничего не останется, и всю ночь около нея ходили; однако на этотъ разъ она уцѣлѣла.

„Въ числѣ другихъ снарядовъ мы увидали конгревовую ракету, направленную въ нашу сторону. Не знаю—почему мнѣ показалось, что она не минуетъ моего жилища, и когда она упала, я пошелъ къ себѣ на дворъ. Ракета пробила, дѣйствительно, кровлю кухни, но зарылась въ вязанку дровъ, не причинивъ дальнѣйшаго вреда. Пока я стоялъ надъ ней, думая о томъ, что мое семейство было спасено какимъ-то чудомъ, раздался около меня голосъ моей матери: „Святъ, святъ, святъ Господь Богъ!“

„Становилось все опаснѣе въ нашей сторонѣ, непріятель все приближался, а мы все удалялись. Много было пустыхъ домовъ, и мы переходили свободно изъ одного въ другой. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля я попросилъ у начальства позволенія оставить городъ; меня не пустили; тогда я уговорилъ мать уѣхать въ Могилевскую губернію съ тремя изъ дочерей. При себѣ я оставилъ двухъ сыновей: одного—семи, другаго—пяти лѣтъ.

„У меня жилъ въ рабочихъ матросъ Еремѣй. Онъ состоялъ на государственной службѣ, но его командиръ, видя, какъ мнѣ приходится жутко съ большою семьей и рассчитывая очень вѣрно, что отсутствіе одного человѣка не принесетъ ущерба дѣлу, согласился мнѣ его уступить. Когда люди стали убывать каждый день въ страшномъ количествѣ,

онъ писалъ мнѣ, что требуетъ его назадъ, но я отвѣчалъ, что умоляю надо мной сжалиться и что Еремѣй не отстоятъ Севастополя. Такъ онъ и остался у меня, и очень привыкли мы другъ къ другу. Онъ спалъ съ маленькимъ моимъ сыномъ въ небольшой галлерей, пристроенной къ дому, гдѣ я тогда жилъ. Въ одну ночь меня разбудилъ изступленный крикъ: я узналъ голосъ сына и не помню, какъ очутился въ одну минуту на дворѣ. Но все было темно и тихо; однако, этотъ голосъ раздавался въ моихъ ушахъ. Я растерялся до такой степени, что не зналъ, куда броситься, звалъ громко Еремѣя и требовалъ огня. Сосѣди прибѣжали на мой крикъ и принесли свѣчу.

„Въ двухъ шагахъ отъ меня лежало тѣло бѣднаго Еремѣя; руки были оторваны, голова разсѣчена на-двое. Я не остановился даже надъ нимъ и побѣжалъ къ галлерей. Мѣсто, гдѣ спалъ ребенокъ, было засыпано мусоромъ и стеклами; я крикнулъ: „Коля!“ Болѣзненный звукъ отвѣчалъ на мой голосъ, и что-то шевельнулось подъ мусоромъ. Руки мои дрожали, пока я освободилъ мальчика отъ хлама, покрывавшаго его. Коля лежалъ безъ чувствъ. Я поднялъ его на руки. Онъ вскрикнулъ: „нога!“ и лишился опять сознанія.

„Только тогда я увидалъ, что нога его висѣла, какъ плеть: снарядъ, пробившій стѣну, контузилъ его, кость колѣна была раздроблена.

„Я уложилъ мальчика на свою постель и ждалъ съ замираніемъ сердца разсвѣта. Лишь только проглянула заря, я нанялъ яликъ и поѣхалъ на Сѣверную. На перевязочномъ пунктѣ я засталъ Пирогова съ Гюбенетомъ и показалъ имъ сына. Они осмотрѣли его и переговорили по-латыни. Я хорошо знаю латинскій языкъ, и все дрогнуло во мнѣ отъ ихъ словъ.

„— Нѣтъ, Николай Ивановичъ,—сказалъ я, обращаясь къ Пирогову,—я ноги пилить не дамъ.

„— А! вы латинистъ, батюшка?

„— Латинистъ, и повторяю, что не соглашусь на ампутацію.

„— Ампутація самое вѣрное средство, но на вашъ страхъ попробуемъ другаго.

„— Ради самого Бога.

„Они сбинтовали раненую ногу и уложили мальчика; когда онъ успокоился, я уѣхалъ домой.

„Тутъ мнѣ предстояла грустная забота. Я жалѣлъ душевно о моемъ вѣрномъ слугѣ и, кромѣ того, меня мучила мысль, что его командиръ можетъ пострадать за снисхожденіе, оказанное мнѣ. Матросъ не имѣлъ права покидать укрѣпленій, и слѣдовало скрыть, что онъ убитъ у меня на дому, потому что отвѣтственность за его отлучку лежала на начальствѣ. Я написалъ немедленно къ командиру, что жду его распоряженій. Распоряженія были ясны и кратки: отослать трупъ на Сѣверную.

„На Сѣверной были два склада, которые накопились каждый день и исчезали каждую ночь: одинъ состоялъ изъ труповъ, другой—изъ отдѣльныхъ членовъ. Члены зарывались, а трупы складывались въ общую могилу, получившую въ послѣдствіи имя „братской“, и предавались съ молитвой землѣ. Я велѣлъ обмыть тѣло Еремѣя, одѣть его въ чистую рубашку, отслужить по немъ панихиду и отправить въ складъ. Снарядъ, причинившій мнѣ столько горя, упалъ въ кухню, пробивъ стѣну дома и раздробивъ на мелкія части печь. Когда стали очищать кухню отъ мусора и камней, нашли зарытую въ нихъ руку Еремѣя.

„Я устроилъ себѣ на Сѣверной палатку и перевезъ въ нее часть своего имущества. Къ больному сыну, начинавшему поправляться, я отослалъ его старшаго брата, которому было позволено оставаться въ госпиталѣ. Насчетъ дѣтей я былъ покоенъ: когда не могъ быть самъ при нихъ, меня замѣнялъ отецъ Арсеній Ледединцевъ. Мы провели съ нимъ поочередно сидѣльную службу и я многимъ обязанъ его дружбѣ. На южной сторонѣ мнѣ жилось легче одному, не за кого было бояться.

„Всѣ ненавидѣли англичанъ, но надо сказать, что, не смотря на жестокую борьбу, мы не питали къ французамъ непріязненныхъ чувствъ, и они, съ своей стороны, относились къ намъ дружелюбно, какъ скоро замолкали пушки. Великій постъ подходилъ къ концу, и братія Георгіевскаго монастыря обратилась къ французамъ съ просьбой доставить кому-нибудь письмо во время перемирія. Лишь только во-друзили бѣлый флагъ, французъ подлетѣлъ къ демаркаціонной линіи, подымая письмо надъ головой. Одинъ изъ нашихъ его принялъ. Братія просила насъ прислать ей все нужное для разговѣнія. Всѣмъ захотѣлось участвовать въ этомъ дѣлѣ: наготовили куличей, пасохъ и накрашили яицъ. Грустно встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ, и на слѣдующій-же день началось съ зари бомбардированіе.

„Однако всеневная жизнь шла своею очередью. Торговля не прекращалась. Среди площадей стояли цѣлый день столы съ разнымъ товаромъ. Случалось не рѣдко, что непріятельскій снарядъ разгромить столъ и убьетъ его хозяина. Тогда прочіе торговцы удаляли трупъ, сдвигали столы и принимались опять за свое дѣло. Но все становилось страшно дорого: за фунтъ сахару мы платили 75 копѣекъ; больше всего страдали отъ недостатка воды: всѣ источники находились въ рукахъ непріятеля. Оставался послѣдній колодезь, но французы подошли къ нему такъ близко, что идти къ нему—значило идти подъ пули; однако, каторжники, выпущенные изъ тюрьмы при началѣ осады, бодро черпали воду изъ колодеза и продавали ее по 50 копѣекъ ушатъ. Въ ту минуту, когда воздвигали севастопольскія укрѣпленія, выпустили изъ тюрьмы преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ. Они помогали землекопамъ и во все время осады вели себя безукоризненно. Ихъ употребляли на разные работы, и послѣ сдачи города многіе были помилованы, для другихъ посмягчили значительно наказаніе.

XV.

Вѣсти о жизни въ осажденномъ Севастополѣ, съ одной стороны, и вообще воодушевленіе въ ополченной Россіи, съ другой — производили на каждаго русскаго человѣка той знаменитой эпохи сильнѣйшее впечатлѣніе и подымали духъ. Подвиги самоотверженія были далеко не рѣдкость въ то время, и помимо тѣхъ изъ нихъ, которые сдѣлались достояніемъ исторіи, было много такихъ, которые прошли не замѣченными.

Можно смѣло сказать, что не было ни одного общества, ни одного учрежденія, не говоря уже о цѣлыхъ сословіяхъ, которыя не рвались-бы такъ или иначе выразить свою готовность помочь общему дѣлу, — дѣлу великой войны съ тремя союзниками, соединившимися поколебать русское могущество. Со всѣхъ сторонъ стекались пожертвованія, изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ необъятной Россіи шли ратники и охотники, покидая дома и семью.

Москва и сосѣдніе съ нею города особенно дружно и единодушно шли на помощь общему дѣлу.

Московское дворянство, всегда идущее во главѣ всѣхъ историческихъ событій Россіи, выставяло полки за полками, дружины за дружинами и шло само на войну, жертвуя при этомъ громадныя деньги на военныя нужды.

Отзывчивое на все доброе, на все русское, московское купечество не отставало и готово было на всевозможныя жертвы.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 года московскій военный генералъ-губернаторъ объявилъ по Москвѣ, что въ наступившее теперь военное время предстоить потребность заготовленія въ шестимѣсячный срокъ запаса госпитальныхъ вещей для дѣйствующей арміи на 18,300 человѣкъ больныхъ и вызывалъ на торги, упоминая при этомъ о значеніи данной минуты и приглашая назначить цѣны по возможности доступныя. Московское купеческое общество, выслушавъ пред-

ложене генераль-губернатора, единодушно положило принять на свой счет заготовленіе нужныхъ госпитальныхъ вещей, и подписка на этотъ предметъ въ одинъ день дала 527,750 рублей, каковая сумма и была представлена генераль-губернатору.

Когда это было доведено до свѣдѣнія Государя Императора, московское купечество было осчастливлено слѣдующею Высочайшей грамотою:

„Нашему любезному московскому купеческому обществу.

„Московскій военный генераль-губернаторъ довелъ до Нашего свѣдѣнія, что купеческое общество первопрестольнаго града Нашего вновь ознаменовало издревле отличающую его вѣрнопопданническую преданость значительнымъ денежнымъ приношеніемъ на заготовленіе госпитальныхъ вещей для войскъ, подвизающихся нынѣ противъ враговъ Христіанской вѣры. Разрѣшая обратить это приношеніе къ цѣли, столь близкой Нашему сердцу, Намъ особенно пріятно изъявить московскому купечеству Нашу искреннюю признательность за теплое его сочувствіе къ храбрымъ защитникамъ священныхъ правъ Церкви, Престола и Отечества. При семъ утѣшительномъ для насъ случаѣ удостовѣряемъ всѣхъ московскихъ гражданъ въ Нашемъ неизмѣнномъ къ нимъ благоволеніи.

Николай“.

О полученіи этой грамоты купечество было извѣщено повѣстками и собралось четвертаго января къ десяти часамъ утра въ общественномъ домѣ.

Вереницами тянулись экипажи къ общественному дому, и все именитое московское купечество собралось сюда прослушать Царское слово. Въ служебныхъ мундирахъ, въ жалованныхъ кафтанахъ, во фракахъ, сюртюкахъ, а старинной складки купцы — въ сибиркахъ и чуйкахъ, ожидали въ залѣ появленія городского головы.

— Слышно, что грамота получена отъ Государя Императора, — слышались разговоры.

— Да. Его Величеству угодно было высказать свое благоволеніе за нашу посильную жертву...

— Что-жъ, развѣ мы прочь отъ жертвы?... Мы всегда готовы...

— Все отдадимъ, а не то что!—говорили тамъ и сямъ.— Заложимъ женъ и дѣтей, коли нужно будетъ!..

Ровно въ десять часовъ пріѣхалъ городской голова, и Высочайшая грамота, вынесенная на малиновой бархатной подушкѣ, была прочитана.

Громкій, долго неумолкающій, единодушный крикъ „ура“ былъ отвѣтомъ на нее.

Многіе плакали.

— Благодарить насъ Батюшка нашъ, ровно не вѣсть-что сдѣлалъ мы!—говорили старики.— Да скажи онъ слово, такъ мы все отдадимъ и сами пойдемъ!..

— Пойдемъ, братцы, пойдемъ, не привыкать-стать русскому народу на врага вставать!..

Городской голова благоговѣнно поцѣловалъ Собственно-ручную подпись Государя на грамотѣ, и все купечество кинулось послѣдовать его примѣру.

Слыша о жертвахъ дворянства и купечества, видя, какъ къ Севастополю все идутъ и идутъ ополченскія дружины, получая извѣстія о безпримѣрномъ геройствѣ защитниковъ Севастополя, дружно подымался на жертвы и простой народъ.

Весною 1855 года на ситцевой фабрикѣ братьевъ Прохоровыхъ въ Москвѣ былъ какой-то праздникъ.

Фабричные собрались вокругъ главнаго корпуса и играли въ „орлянку“.

Одинъ изъ фабричныхъ, грамотей,— а такихъ тогда было очень немного,— отошелъ въ сторону отъ товарищей и читалъ брошюрку о дѣйствіи нашихъ войскъ въ Севастополѣ. Сперва къ грамотею подошелъ одинъ фабричный, затѣмъ другой, третій и скоро вокругъ собралась цѣлая толпа слушателей.

— Эй, вы!— крикнулъ одинъ изъ слушателей играющихъ въ „орлянку“.— Полно вамъ зря время-то проводить, да трудовую копѣйку ребромъ ставить,—идите-ка лучше сюда, да послушайте, что вонъ Игнашка про войну читаетъ...

Отъ играющихъ отдѣлилось еще нѣсколько человѣкъ и стали слушать чтеніе.

Брошюрки, выходившія тогда съ описаніемъ подвиговъ русскаго войска, порою имѣли слащаво-приторный тонъ и поддѣлывались и языкомъ и направленіемъ подъ понятія народа, не достигая цѣли, но за-то были и такія, которыя читались простымъ народомъ легко и близко принимались къ сердцу. Читаемая фабричнымъ братьевъ Прохоровыхъ была, вѣроятно, одна изъ таковыхъ. Она произвела на слушателей сильное впечатлѣніе.

Скоро вся партія рабочихъ слушала чтеніе, не нарушая его ни единымъ словомъ, напряженно слѣдя за чтеніемъ и тяжело дыша отъ напряженія.

— Вотъ оно дѣло-то какое!—сказалъ старикъ фабричный, когда книжка была прочитана.—Мы тутъ въ орлянку играемъ, водку дуемъ, а тамъ-то люди кровь свою проливаютъ!..

— Да,—сказалъ другой.—А не легко, поди, умирать подъ пулями-то, да подъ бомбами...

— Гдѣ ужъ легко!..

— А еще тяжелѣе, братцы, раненому!.. Лежитъ, сердечный, въ госпиталѣ, рана у яво болитъ, кругомъ все чужіе люди, поди, попить подать—и то некому.

— А сестры-то милосердныя?

— Што сестры? Сестеръ-то нѣшто хватить на всѣхъ? Вонъ ихъ, раненыхъ-то, сколько, такъ нѣшто на всѣхъ хватить?..

— Што толковать—страда! Иному сердятъ захочется чайку хлебнуть, али тамъ кисленькаго чего, а у него и воды-то нѣтъ...

— А что, братцы...

Всѣ оглянулись на недоговорившаго эти слова парня. Это былъ молодой, совсѣмъ еще молодой малый, бѣлокурый, голубоглазый, робкій и застѣнчивый отъ постоянныхъ насмѣшекъ товарищей, которые не могли простить ему ни его робости этой, ни его усиленной набожности, ни его преданности „чужому дѣлу“. Всѣ рабочіе хозяйское дѣло считаютъ чужимъ дѣломъ, но часто среди нихъ попадаются такіе, которые отдаются ему всецѣло и не отличаютъ его отъ своего.

Бѣлокурый малый былъ именно такой.

— Что ты?—спросили у него.

Парень покраснѣлъ.

— Да я вотъ хотѣлъ молвить, что можно-ли, молъ, ежели тепереча...

— Ну?.. Да говори, лѣшій, полно мямлить-то!

— Можно-ли, братцы, собрать промежду себя сколько ни на-есть денегъ и послать раненымъ?

Кругомъ засмѣялись. Это было принято—смѣяться надъ мнѣніями работающаго и смиреннаго Никона.

— Ну, ужъ Никашка!.. Ужъ скажетъ что-нибудь!..

— А, что-жъ, Никашка говоритъ правду,—сказалъ самый авторитетный рабочій, непременно силачъ, нахаль и непременно превосходный мастеръ.

Никашка покраснѣлъ отъ восторга.

— Истинную правду сказалъ, братцы, за-то ему спасибо отъ меня!.. Аль наша копѣйка щербата?.. Вонъ купечество, слышно, полмилліона пожертвовало, ну, и мы, по силѣ своей и возможности, дадимъ... Никашка, подставляй шапку!.. Вотъ выигралъ я нонѣ въ орлянку полтора цалковыхъ—и жертвую, да своихъ полтину прибавлю... Ребята, давай кто что можетъ!..

Полы чучекъ и армяковъ отворотились, загремѣли мѣдяки въ кожаныхъ кошелькахъ и шапка Никашки въ одинъ мигъ наполнилась мѣдными и серебряными деньгами. Дали знать о сборѣ пожертвованій въ другой корпусъ, бабъ пригласили

къ пожертвованію, и къ вечеру этого дня владѣльцемъ фабрики было доставлено московскому генералъ-губернатору 600 рублей серебромъ, собранныхъ рабочими. Графъ Закревскій приказалъ, чтобы деньги эти были доставлены ему лично самими рабочими, и благодарилъ ихъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, называя ихъ жертву „высоко-христіанскимъ дѣломъ и патріотическимъ подвигомъ“.

И такая жертва была далеко не единична. Не было уголка въ Россіи, гдѣ-бы не откликнулись на нужды нашего войска, гдѣ-бы не явилась готовность пожертвовать на общее дѣло средствами, трудами, жизнью...

Жертвовали офицеры, чиновники, духовенство, учителя, приказчики, ученики, крестьяне, институтки, дѣти.

Крестьяне Острогожскаго и Бобровскаго уѣздовъ пожертвовали въ пользу нижнихъ чиновъ первой драгунской дивизіи сто двадцать овчинъ, сопогъ на сто двадцать человѣкъ и такое-же количество теплыхъ чулокъ. Мастеровыя фабрики купца Горѣлина въ Шуйскомъ уѣздѣ пожертвовали двѣсти пятьдесятъ рублей пятьдесятъ копѣекъ, отказавшись для этой цѣли отъ вина въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Въ апрѣлѣ 1855 года къ московскому генералъ-губернатору графу Закревскому явился отставной чиновникъ Пятницкій и изъявилъ желаніе жертвовать на раненыхъ въ Севастополѣ десятую часть получаемой имъ пенсіи по день смерти, а вдова штабсъ-ротмистра Чебышова для той-же цѣли пожертвовала пятнадцать тысячъ серебромъ.

Ополченскія дружины двигались къ Севастополю со всѣхъ сторонъ и всюду встрѣчались съ оваціями, съ хлѣбомъ и солью.

Многія изъ дружинъ остались на севастопольскихъ поляхъ, обливъ ихъ своею кровью.

Въ эту пору сильнаго подъема духа, въ эту пору всеобщаго ополченія не рѣдкость были подвиги самоотверженія, и Аркадію Тарантаеву, быть можетъ, не очень тяжело было отказаться отъ Наташи, найдя утѣшеніе въ готовности пожертвовать собою, и, жертвуя, забыть личное горе.

Москва въ то время особенно сильно могла вліять на подъемъ духа: она вся кипѣла живѣйшей дѣятельностью и билась, какъ сердце живущаго полной жизнью организма...

— Идите къ нему, идите къ тому, котораго вы любите, а я... я пойду умирать!—говорилъ Аркадій и чувствовалъ готовность умереть.

— Зачѣмъ-же умирать, мой милый, хорошій братъ?—виновато спрашивала Наташа, ласкаясь къ нему.— Вы найдете свое счастье, вы достойны его...

— Я и иду счастье искать... Развѣ не счастье умереть за родину?.. Мнѣ тутъ теперь и дѣлать нечего... Доведись такой случай въ другое время—спился-бы я съ круга, какъ вонъ у насъ помѣшникъ Полозовъ отъ любви, да отъ измѣны спился,—ну, а теперь... теперь я на дѣло сгожусь...

Наташа страдала, видя, что бѣдному юношѣ очень больно, но она не находила другаго исхода. Она была увѣрена теперь, что не можетъ быть его женою, если-бъ и захотѣла отказаться отъ Сергѣя: она слишкомъ уже принадлежала душою этому Сергѣю.

Старику рѣшили не говорить всей правды. Рѣшили такъ сказать ему: теперь не такое время, чтобы думать о свадьбѣ,—теперь всѣ нужны тамъ, „въ городѣ, облитомъ кровью лучшихъ людей“, и женихъ съ невѣстою поѣдутъ туда, первый—ополченцемъ, вторая—сестрою милосердія, а генералышѣ скажутъ, что они обвѣнчались. Поѣдутъ будто-бы подъ вѣнецъ, пробудутъ у Тарантаевыхъ до вечера и выѣдутъ въ Севастополь.

Пусть это будетъ обманъ, но онъ необходимъ.

Старикъ поблѣднѣлъ, когда услышалъ это рѣшеніе.

— Какъ-же это такъ?—растерянно заговорилъ онъ.— Ожидалъ свадьбы, вотъ, думалъ, на радость, на счастье сына погляжу, невѣстку въ домъ къ себѣ привезу, внуковъ ждать буду, а тутъ... а тутъ Аркаша на смерть идетъ...

— Батюшка, вы сами говорили, что пошлете обоихъ

сыновей на войну, когда время для этого пріспѣтъ, — оно пріспѣло! — сказалъ Аркадій. — Не горюйте, батюшка, вы старый воинъ и дворянинъ, а теперь такое время, что дворянамъ надо показать собой свой примѣръ... Благословите меня, а Богъ дастъ мы еще и поживемъ, и попируемъ...

— Такъ, если такъ — я пойду! — воодушевился старикъ. — Вонъ у насъ въ Рязани ополченіе собирается, я запишусь въ него и пойду...

— А домъ, батюшка!.. Вы стары, вы едѣляли свое...

— Такъ лучше... лучше ужъ старикамъ умирать, а вамъ... вамъ-бы жить надо, ребятки, жить-бы...

Старикъ горько заплакалъ, но не противился и благословилъ сына.

Вечеромъ этого дня генеральшѣ объявили, что свадьбу желаютъ отпраздновать въ имѣніи Тарантаевыхъ, и она отпустила Наташу, выдавъ ей узаконенное разрѣшеніе на бракъ съ дворяниномъ Аркадіемъ Тарантаевымъ и пять тысячъ на приданое.

XVI.

Варенька Ушакова окончательно рѣшила ѣхать сестрою мплосердія въ Севастополь и объявила, со свойственной ей энергіей, что если ее не пустятъ добровольно, то она *убь-житъ*.

Какъ ни было поднято патріотическое чувство старухи Ушаковой, — рѣшеніе дочери сильно озадачило ее и испугало. Добрая Валентина Михайловна раздѣляла желаніе дочери лишь до тѣхъ поръ, пока не пришло время исполнить это желаніе.

Теперь она сильно испугалась и огорчилась. Сперва она попробовала отговаривать дочь, рисовала ей картины ужаса, который ожидаетъ ее въ осажденномъ Севастополѣ; но когда никакое краснорѣчіе не поколебало рѣшенія Вареньки, Валентина Михайловна объявила напрямикъ, что она ее не пуститъ.

— Не пушу я тебя, да вотъ и все!—рѣшительно сказала она въ одинъ изъ дней, когда Варенька особенно настойчиво требовала разрѣшенія ѣхать.—Одна ты у меня дочь—и вдругъ поѣдешь въ этакій ужасъ! Тамъ-вонъ дѣтей убиваютъ, въ Севастополѣ этомъ страшномъ, а не то что взрослыхъ! Люди, какъ мухи, отъ болѣзней мрутъ... Не пушу, ни за что не пушу!..

— А я тихонько уѣду, убѣгу,—объявила Варенька, все уже приготовившая къ поѣздкѣ.

— А я графу Закревскому доложу, предводителя буду просить и тебя не пустять, съ дороги вернуть!.. Вернуть, да еще по этапу сюда вышлютъ, какъ вонъ бѣглыхъ высылаютъ... Честное слово, поѣду къ Закревскому и буду просить, чтобы уняли тебя!.. Вонъ у помѣщицы Ивакиной сынъ бунтовалъ, сорванецъ эдакій-же, какъ и ты,—такъ Ивакина поѣхала къ предводителю и пожаловалась,—парня и выдрали, не смотря на то, что ему девятнадцатый годъ... Возьму-вотъ да и тебя выдеру!..

Варенька засмѣялась.

— Можете, шампан, ѣхать къ Закревскому, къ предводителю, къ кому вамъ угодно, но я все-таки поѣду!—говорила она.—У Ивакиной сынъ буннилъ, окна билъ, въ дворовыхъ изъ ружья стрѣлялъ, а я иду на патріотическій подвигъ и за это не сѣкутъ, а награждаютъ... Графъ васъ-же пристыдитъ, и вамъ-же будетъ стыдно... И все это не правда—никакого тамъ ужаса для сестеръ нѣтъ!.. Акунина мнѣ пишетъ, что никакихъ заразныхъ болѣзней нѣтъ, что сестры поставлены въ превосходныя условія...

— Ужь Акунина эта твоя!—съ негодованіемъ говорила въ послѣднее время Валентина Михайловна.—Эксцентричная барыня, фантазерка она, вотъ что!..

— И этой фантазеркѣ дана награда по Высочайшему повелѣнію,—отпарировала Варенька.

Валентина Михайловна мало-по-малу сдавалась и, наконецъ, сдалась совсѣмъ, когда узнала, что въ отрядъ Аку-

ниной, въ Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, ѣдетъ княжна Оболенская, совѣмъ еще молоденькая дѣвушка и красавица.

Что касается Бориса Павловича, то онъ довольно индифферентно относился къ желанію Вареньки и давно изъявилъ желаніе отпустить ее.

Если-бъ въ сестры милосердія ѣхали какія-нибудь дочери п жены разночинцевъ только, онъ ни за что-бы не отпустилъ дочь, возсталъ-бы энергично и употребилъ-бы всю родительскую власть,—но разъ ѣхали такія, какъ Акунина, какъ Оболенская—онъ ничего не имѣлъ противъ и смотрѣлъ на эту поѣздку такъ-же, какъ на поѣздку за-границу „на воды“, какъ на что-то такое, что теперь „принято“. Да ему и некогда было думать о Варенькѣ: все это время Борисъ Павловичъ устраивалъ обѣды въ клубахъ и кормилъ офицеровъ и ополченцевъ, отправляющихся въ дѣйствующую армію.

Съ обѣдами, которые давились чуть не каждый день, было множество хлопотъ, а Борисъ Павловичъ состоялъ старшиною двухъ клубовъ и слылъ прославленнымъ гастрономомъ и хлѣбосоломъ.

Кромѣ того на экстренномъ дворянскомъ собраніи его выбрали пріемщикомъ жертвуемыхъ для арміи лошадей, и это занятіе отнимало у него все время, свободное отъ завтраковъ и обѣдовъ. Онъ до того отдался общему теченію, что хотѣлъ даже идти въ ополченіе и уже сшилъ себѣ ополченскій костюмъ и щеголялъ въ немъ пять дней, но снялъ, когда узналъ, что въ Севастополѣ, а особенно въ дорогѣ до него, придется терпѣть большія лишенія въ столѣ. Онъ ужаснулся когда до него дошли слухи, что даже великіе князья, пріѣхавшіе въ Севастополь, терпѣли лишенія, а одинъ день принуждены были питаться лишь кофе съ цикоріемъ.

Ужаснулся и вышелъ изъ ополченія.

— Не могу я!—съ тоскою говорилъ онъ.—У меня же-

лудокъ не варить ничего эдакого, а безъ пюре изъ ершей я жить не могу!..

Однѣ тогдашній острякъ сказалъ по этому поводу, что Борисъ Павловичъ Ушаковъ во всякое время готовъ положить *жизнотъ* за родину, но ни за что не пожертвуетъ *желудкомъ*.

Борисъ Павловичъ много смѣялся надъ этою шуткою и согласился, что она справедлива.

— Пусть, матушка, ѣдетъ, пусть, — говорилъ онъ женѣ про Вареньку. — Это теперь очень принято... Вотъ Леокадія Николаевна Ганъ даже костюмъ эдакій изобрѣла для сестеръ милосердія: черное бархатное платье и вотъ здѣсь кружева, все кружева... Очень эффектный костюмъ, очень! Леокадія въ немъ восхитительна. Ты и Варенькѣ сшей такой...

— Твоя Леокадія вертячка и кокетка! — сердито крикнула Валентина Михайловна. — Она по баламъ рыскаетъ въ этомъ костюмѣ да изъ батисту корпію щиплетъ, второй говоритъ фунтъ нащипала въ пять мѣсяцевъ, — а Варя ѣдетъ на войну, въ госпиталь!.. Тамъ не въ бархатѣ ходятъ, а въ холстинѣ, въ каленкорѣ, въ крови всѣ тамъ, въ гноѣ!.. Тамъ отъ тифа мрутъ, тамъ убиваютъ!..

— Ну, вздоръ, вздоръ!.. Убиваютъ солдатъ, военныхъ, а дѣвушку приличную развѣ убьютъ?.. Не такая это нація французы, чтобы дѣвушекъ убивать... Вотъ какъ на счетъ стола она тамъ будетъ?.. Говорятъ, ни цыплятъ, ни дичи, ни телятины порядочной...

Валентина Михайловна только рукой махнула...

У нея осталось одно средство удержать Вареньку, и это средство было — женихъ. Еще въ началѣ зимы Варенькѣ сдѣлалъ предложеніе блистательный чиновникъ провіантскаго вѣдомства Аполлонъ Генриховичъ Клейгельсъ, и предложеніе было принято, но свадьбу отложили до весны. Теперь какъ-разъ пришло время для свадьбы, и Клейгельсъ пріѣхалъ изъ дѣйствующей арміи въ Москву. Онъ дѣлалъ карьеру

еру, получилъ недавно чинъ, орденъ и блисталь еще болѣе. Его прїѣзду предшествовали не очень-то для него лестные слухи. Говорили, что въ партіи принятой имъ муки нашлось очень много совсѣмъ негодной, а принятые имъ сапоги развалились на первомъ переходѣ и солдаты пришли на мѣсто босикомъ; но эти слухи господинъ Клейгельсъ опровергнуть своимъ повышеніемъ и наградою, а держаль себя онъ съ такимъ величавымъ достоинствомъ, былъ такъ обольстительно милъ и благороденъ видомъ, что злые языки замолчали, а дамы-патронессы приняли Клейгельса подъ свое покровительство.

Онъ прїѣхаль и потребоваль немедленной свадьбы: его призываль долгъ службы, онъ и такъ сдѣлаль уступку, отпросившись на мѣсяць и выхлопотавъ командировку въ Москву для покупки громадной партіи сукна и кожи. На дальнѣйшую отсрочку онъ не изъявилъ согласія и обдалъ Валентину Михайловну ледянымъ холодомъ, доказывая ей, что она оскорбляетъ его, заговаривая объ отсрочкѣ, а Бориса Павловича такъ даже напугаль, „поставляя ему на видъ“, что свадьба рѣшена, что о предложеніи знаютъ князь Б. и графъ З., что сама княгиня Е. ждетъ этой свадьбы и отложила для этого поѣздку за-границу, что дѣло пахнетъ дуэлью, если свадьба не состоится.

Варенькѣ онъ ни о князѣ Б., ни о княгинѣ Е., ни о дуэли не говорилъ, но онъ былъ правъ, „умоляя“ ее тотчасъ же сдѣлать свадьбу—онъ ѣхаль, заручившись словомъ невѣсты, боясь, считая секунды и на смерть загоняя лошадей.

Валентина Михайловна обрадовалась и схватилась за Клейгельса, какъ за якорь спасенія.

— Ну, что-же, — рѣшила Варенька, — я пойду за него и сейчасъ-же послѣ свадьбы поѣду...

Господинъ Клейгельсъ на это согласія не изъявилъ.

— Жена Клейгельса должна быть въ Петербургѣ, ее тамъ ждетъ уже ma tante баронесса Шприцъ, и жена Клей-

гельса не можетъ быть сестрою милосердія,—объявилъ онъ Варенькѣ.

— А если не можетъ, такъ и не надо,—совершенно покойно рѣшила Варенька.—Возвращаю вамъ ваше предложеніе и беру свое согласіе быть вашею женою назадъ.

— Но сіе не можно,—изыскано вѣжливо, но твердо сказалъ господинъ Клейгельсъ.—Я есть уже вашъ женихъ, а вы уже есть моя невѣста передъ большимъ свѣтомъ, и я не могу быть передъ симъ свѣтомъ компрометтированъ. Репутація Клейгельсъ есть совсѣмъ свѣтлая репутація и это будетъ давать ей одно большое пятно... Если вы возьмете ваше слово назадъ, то-есть обратно, то я буду требовать у вашего отца сатисфакція, то-есть дуэли. И только большая кровь можетъ смывать большое пятно на моей чести... И вашъ папаша, какъ господинъ Борисъ Ушаковъ, дворянинъ и рыцарь, не можетъ отказаться отъ дуэли...

Клейгельсъ говорилъ такъ твердо, глаза его такъ ровно и холодно блестѣли стекляннымъ блескомъ, что Варенька не могла не повѣрить его угрозамъ. Напугать Бориса Павловича дуэлью и оскандалить на всю Москву—было не трудно, а вызовъ только вплесть-бы новый лавръ въ вѣнокъ героя-провіантмейстера.

Варенька сказала, что подумаетъ, и чуть не заплакала, глядя на красивую, но точно изъ дерева выточенную фізіономію жениха, удивляясь, какъ это она могла дать согласіе быть женою этого накрахмаленнаго чиновника нѣмца. Она совсѣмъ забыла, чѣмъ она мотивировала свое согласіе зимою, и готова была побить себя.

А согласилась она *такъ какъ-то*, какъ соглашается иногда дѣвица идти замужъ, когда приспѣетъ время. Сердце ее было свободно, женихъ былъ изященъ и представительнъ, родные пришли отъ него въ восторгъ,—ну, и согласилась, разсуждая, что надо-же вѣдь выходить за кого-нибудь, всѣ-же вѣдь выходятъ. Теперь Варенька поняла, что она поступила страшно опрометчиво, и ужаснулась

Она не могла вообразить себя женою Клейгельса, она ненавидѣла его теперь!.. Но выхода не было. Кейгельсъ непременно, непременно,—она была увѣрена въ этомъ,—вызоветъ ея отца и оскандалитъ старика на вѣки...

Случай, просто случай выручилъ Вареньку.

Братъ Акуниной, блестящій молодой человѣкъ, немножко повѣса, немножко фантазеръ, немножко поэтъ, богачъ и красавецъ, поѣхалъ въ Севастополь ополченцемъ и отличился въ трехъ дѣлахъ, показавъ чудо храбрости. Его наградили, о немъ говорили и подражали ему даже въ костюмѣ. Онъ при ополченскомъ кафтанѣ съ краснымъ кушакомъ носилъ широчайшія казацкія шаровары и фуражку съ ополченскимъ крестомъ на околышѣ одѣвалъ на затылокъ, какъ носилъ свою фуражку Нахимовъ. Господинъ Клейгельсъ, состоя провіантскимъ чиновникомъ, въ Москвѣ щеголялъ въ ополченскомъ костюмѣ, и костюмъ этотъ былъ сдѣланъ по образцу костюма Акунина. Даже свой гражданскій крестикъ Клейгельсъ носилъ какъ-то особенно и какъ-то особенно сдѣлалъ розетку изъ Владимірской и Андреевской лентъ, такъ что онѣ походили на Георгіевскую, особенно издали. Не внушая своими манерами и чванствомъ симпатіи, надменный и нетерпимый, порою даже дерзкій, Клейгельсъ имѣлъ много враговъ среди молодежи и его не любили. На одномъ обѣдѣ въ честь новой ополченской дружины юнымъ поэтомъ изъ московской золотой молодежи, мальчикомъ очень смѣлымъ, находчивымъ, бреттеромъ и большимъ повѣсою, было сказано стихотвореніе,—тогда, къ слову сказать, дня не проходило безъ новаго патріотическаго стихотворенія. Стихотвореніе молодого поэта, Френева, по фамиліи, было, быть можетъ, и не важно, но оно дышало искренностью, было совсѣмъ по времени, пылало огнемъ патріотизма, и его встрѣтили восторженно. Только г. Клейгельсъ не одобрилъ его. Онъ насмѣшливо улыбнулся и бросилъ листочекъ со стихотвореніемъ, которое роздали гостямъ.

— Это есть стихи, за которые сѣкутъ въ школы маль-

чиковъ,—сказалъ онъ,—и аплодировать за него надо вотъ такъ...

Онъ показалъ, какъ даютъ подшлепники дѣтямъ...

Юноша-поэтъ всыхнулъ.

— Да?—проговорилъ онъ.—А хотите я *вамъ* скажу экспромптъ?

Клейгельсъ величественно поглядѣлъ на него и поправилъ свои ордена.

— А ну, скажите...

— Извольте...

Поэтъ подмигнулъ сосѣдямъ и громко произнесъ, обратившись къ Клейгельсу:

„Милый другъ, вѣдь ты мерзавецъ,
И о славѣ брось мечты.
По характеру—ты заяцъ,
По штанамъ—Акунинъ ты!..

Кругомъ захохотали, а Клейгельсъ поблѣднѣлъ и вышелъ изъ-за стола.

— Вы дадите мнѣ удовлетвореніе!—грозно сказалъ онъ.— Я пришлю къ вамъ секундантовъ...

— Да полагаю, что иначе вамъ и дѣлать нечего. А что до меня, то я съ особеннымъ удовольствіемъ разможжу вашу прилизанную голову!—отвѣтилъ Френевъ.

Слухъ объ этой исторіи дошелъ до Вареньки.

— Неужели онъ не будетъ стрѣляться съ Френевымъ?—подумала она.

Но господинъ Клейгельсъ, вѣроятно, „пренебрегъ“: онъ не посылалъ вызова ни въ этотъ день, ни на другой, ни черезъ недѣлю.

А тутъ подошелъ срокъ, когда Варенька должна была дать окончательный отвѣтъ о днѣ свадьбы.

Клейгельсъ явился въ назначенный день и часъ.

— Ну-съ?—коротко спросилъ онъ, разглаживая шляпу и глядя своими стеклянными глазами на Вареньку.

— Что-съ?—спросила она.

— Когда день нашей свадьбы?

— А вы имѣете право спрашивать меня объ этомъ, мосье Клейгельсъ?

— То-есть какъ?

— А то-есть такъ! Васъ публично оскорбили, вы пригрозили дуэлью и не думаете о ней, а Френева ожидаетъ и рассказываетъ по Москвѣ о томъ, какъ онъ васъ опозорилъ, общаетъ еще разъ оскорбить васъ!.. Что-же вы!.. Въдь вы „господинъ Аполлонъ Клейгельсъ, дворянинъ и рыцарь“, такъ какъ-же это васъ безнаказанно оскорбляютъ?..

Варенька встала и гордо выпрямилась.

— Я запрещаю вамъ бывать у меня до тѣхъ поръ, пока вы не вызовете Френева!—сказала она.—Слышите? Вы грозили дуэлью моему отцу, слабому и больному старику, и позорно бѣжите, когда васъ дѣйствительно оскорбляютъ!.. И вы осмѣливаетесь пріѣзжать ко мнѣ и требовать моей руки... Извольте уходить, мосье Клейгельсъ, и благодарите Бога, что у меня нѣтъ молодаго брата, который могъ-бы защитить меня!..

Господинъ Клейгельсъ удалился и вечеромъ этого-же дня уѣхалъ, оставивъ для покупки сукна и кожи коммисіонера.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ этимъ послѣднимъ препятствіемъ, Варенька быстро засобиравлась и въ началѣ мая уѣхала вмѣстѣ съ двумя сестрами милосердія изъ общества, къ которому принадлежала Варенька. Не обошлось дѣло безъ слезъ, а Валентинъ Михайловичъ даже сдѣлалось дурно въ послѣднюю минуту прощанья, но, въ общемъ, все сошло благополучно, и Варенька была счастлива, какъ никогда, порываясь на подвигъ самоотверженія. Она очень боялась, что не выдержитъ съ непривычки дальней дороги, а затѣмъ усиленныхъ трудовъ, и еще задолго до отъѣзда пріучала себя къ трудамъ и лишеніямъ, тайкомъ отъ матери вставая очень рано, моясь холодною водою, питаясь самой скромною пищею, и даже устроила себѣ очень жесткую и неудобную постель. Варенька ничего не дѣлала на-половину и ужъ если отда-

валась чему, то отдавалась всецѣло. Такое рвеніе въ большинствѣ случаевъ не приноситъ пользы и „зарвавшійся“ человѣкъ всегда надсадится задолго еще до настоящаго дѣла. Такъ случилось и съ Варенькой: она пменно „надсадила“ себя, очень ужъ сильно порываясь къ дѣлу, и заболѣла въ дорогѣ. Подруги принуждены были оставить ее въ Николаевѣ и уѣхали однѣ...

XVII.

Бѣдная Варенька пришла въ отчаяніе, когда подруги оставили ее въ Николаевѣ. Помимо того, что она рвалась на театръ военныхъ дѣйствій и страстно хотѣла видѣть Сергѣя Чоглокова, она боялась еще умереть, такъ какъ въ городѣ былъ пятнистый тифъ и смертность увеличивалась съ каждымъ днемъ. Подруги наняли Варенькѣ квартиру на окраинѣ города и приставили къ ней сидѣлку, добродушную старушку, вдову матроса. Эта старушка и скрасила тяжелую, одинокую жизнь Вареньки въ г. Николаевѣ. Валентинъ Михайловнѣ письмо, написанное Варенькою, было послано изъ Севастополя, чтобы успокоить ее. Болѣзнь Вареньки не представляла никакой опасности, но выходить на воздухъ ей было воспрещено. И вотъ, дѣвушка, сидя по цѣлымъ днямъ у окна, глядѣла на страшное оживленіе въ г. Николаевѣ. Мимо ея квартиры двигались войска, транспорты съ ранеными и партіи плѣнныхъ. Вся та масса людей, которая подымалась, ополчалась изъ всей Россіи, проходила тутъ. Раненыхъ оплакивали. Входившихъ встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Съ хлѣбомъ и солью и провожали ихъ извнутри Россіи.

Вотъ какъ описано въ частныхъ письмахъ изъ разныхъ городовъ прощаніе жителей съ войсками, которыя уходили въ Севастополь. Напримѣръ, офицеръ гренадерскаго фельд-маршала графа Румянцева-Задунайскаго полка, который выступалъ изъ города Порхова, Псковской губерніи, пишетъ слѣдующее:

„Нельзя не записать этого дня въ лѣтописяхъ патріархальнаго города Порхова; чувство полной признательности къ добрымъ его сограждапамъ и истиннаго уваженія къ справедливому начальству невольно заставляетъ меня взять перо, чтобы сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ современныхъ событій, характеризующемъ этотъ небольшой, но истинно русскій городъ.

„По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, назначено было квартировавшему въ Порховѣ гренадерскому фельдмаршала графа Румянцева - Задунайскаго полку выступить, 8-го марта, изъ постоянныхъ квартиръ въ Варшаву. Восемнадцати-мѣсячное примѣрное квартированіе этого полка въ Порховѣ, пріобрѣло ему полное уваженіе и постоянное къ нему расположеніе всѣхъ и каждаго изъ жителей этого города. Начиная съ предводителя дворянства, отставнаго генераль-маіора А. П. Бибикова, до послѣдняго жителя, задунайцы видѣли постоянно одно лишь вниманіе къ ихъ полку, украшенному именемъ героя Румянцева - Задунайскаго. Добрые порховцы вознамѣрились 8-го марта окончательно выразить свое уваженіе къ квартировавшему въ ихъ городѣ полку. Утромъ, по распоряженію г. бригадирнаго командира, весь полкъ собранъ былъ на городской площади. По прибытіи на мѣсто высшихъ начальниковъ и при стеченіи жителей всего почти города, отслужено было передъ соборомъ напутственное молебствіе полковымъ священникомъ С. Г. Соловьевымъ. Общія, теплыя молитвы были возсылаемы къ престолу Всевышняго за здравіе и благоденствіе Государя Императора и храбрыхъ Его воиновъ. Послѣ того, этимъ-же священникомъ, извѣстнымъ своими назидательными проповѣдями, сказано было приличное случаю слово, съ изліяніемъ искреннихъ чувствъ его при прощаніи. По окончаніи этого торжественнаго обряда, весь полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ кругомъ площади, при полномъ хорѣ музыки. Наконецъ, добрые порховцы, руководимые собственными чувствами, принялись угощать солдатъ

истинно по-русски. Настоящая весенняя погода много благоприятствовала этому торжеству, продолжавшемуся нѣсколько часовъ сряду. Порядокъ, тишина, радушіе, гостепріимство, признательность, веселость замѣтны были на каждомъ шагѣ. Когда задунайцы были угощены, граждане предложили г. штабъ и оберъ-офицерамъ позавтракать въ клубѣ, находящемся противъ городской площади. Предложеніе ихъ было принято съ благодарностью. Въ часъ пополудни всѣ собрались въ залѣ Порховскаго клуба. По прибытіи г. предводителя дворянства и всего почти купечества, приготовившаго для насъ завтракъ на дорогу, всѣ усѣлись за столъ, приготовленный на сотню приборовъ, при хорѣ полковой музыки. Одинъ тостъ смѣнилъ другой. Первый, предложенный г. городскимъ головою Ардамацкимъ, за здравіе Его Величества Государя Императора, глубоко отозвался въ сердцахъ нашихъ и возбудилъ громкое „ура!“ въ залѣ и на площади. Второй, предложенный имъ-же, градскимъ головою, за здравіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, принять былъ съ тѣмъ-же восторгомъ и громкимъ „ура!“ Слѣдующіе за тѣмъ тосты находили тотъ-же отвѣтъ въ сердцахъ задунайцевъ, признательныхъ къ ихъ добрымъ начальникамъ и порховскому купеческому обществу; пріятно вспомнить намъ объ этомъ теперь, съ дороги, и послать послѣднее прости добрымъ порховцамъ за ихъ восемнадцати-мѣсячное радушіе и гостепріимство“.

„2-е и 3-е марта останутся навсегда памятными для жителей города Валдая по трогательному прощанію съ храбрыми воинами стоявшаго здѣсь около полутора года его высочества гротъ-герцога Мекленбургскаго карабинерскаго полка. Лишь только разнеслась молва о выступленіи онаго, всѣ единодушно горѣли желаніемъ проводить защитниковъ отечества, по русскому обычаю, съ Божіемъ благословеніемъ и хлѣбомъ-солью и, по сдѣланной подпискѣ, охотно жертво-

вали на угощеніе дорогихъ гостей. Въ 11-мъ часу пополудни 2-го марта весь полкъ былъ собранъ на Троицкой площади, гдѣ передъ святыми иконами мѣстнымъ городовымъ духовенствомъ, по прочтеніи полковымъ священникомъ Тигорскимъ Высочайшаго манифеста о разрывѣ политическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею, въ присутствіи его превосходительства г. бригаднаго начальника, генераль-маіора Сергѣя Николаевича Ивашенцова, гг. полковаго командира Д. П. Дарагана, уѣзднаго предводителя Семенскаго, городничаго Кенига, мѣстныхъ властей и жителей города, совершенно было напутственное храбрымъ воинамъ съ колѣнопреклоненіемъ къ Господу Богу молебное пѣніе, окончившееся возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, всему Августѣйшему Дому и храброму русскому воинству. По прочтеніи Евангелія, здѣшнимъ о. протоіеремъ Михайловскимъ произнесена была приличная обстоятельствомъ рѣчь, въ которой особенно сильны и трогательны до глубины души были послѣднія слова, когда онъ отъ лица жителей города и уѣзда вручилъ г. бригадному начальнику генераль-маіору Ивашенцову въ вызолоченной рамѣ, съ изображеніемъ Іакова праведнаго и Иверской обители, икону Иверской Божіей Матери, какъ небесной спутницы и покровительницы защитниковъ православія. Сердца присутствующихъ были проникнуты чувствомъ молитвеннаго упованія на помощь небесную въ правомъ дѣлѣ защиты православія, многіе плакали отъ умиленія. Тутъ-же, между святыми иконами, находилась и принесенная наканунѣ сего торжества монашествующими Иверской обители въ даръ полку икона Иверской Божіей Матери. Послѣ молебна ряды воиновъ окроплены были св. водою, и при словахъ г. бригаднаго начальника Ивашенцова къ воинамъ о мужественной борьбѣ съ врагами, единодушно ими выражена была готовность умереть за Вѣру, Царя и Отечество. Съ окончаніемъ духовной церемоніи, дворянство и купечество предложили солдатамъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго дома по чаркѣ водки на

каждаго и на приготовленныхъ столахъ сытый, здоровый обѣдъ. При крикахъ „ура!“ и игрѣ музыкантами всегда близкаго русскому сердцу народнаго гимна: „Боже, Царя храни!“, войны пили заздравную чарку за Царя и надежду отечества и всей его Августѣйшей Фамиліи и питались предложеннымъ обѣдомъ. Передъ тѣмъ г. уѣздный предводитель Семенскій, обратившись, съ благодарственною отъ лица всѣхъ сословій къ гг. бригадному начальнику и полковому командиру чаркою вина, за мирное стояніе въ нашихъ предѣлахъ ввѣреннаго имъ полка, высказалъ дорогія для каждого русскаго слова: „этотъ бокаль да будетъ на гибель врагамъ православія!“ Громкое, единодушное „ура!“ было откликомъ на эти слова. Затѣмъ гг. бригадный начальникъ, полковой командиръ, штабъ и оберъ-офицеры угощаемы были дворянствомъ и купечествомъ въ квартирѣ г. городничаго прощальнымъ обѣдомъ, гдѣ, при крикахъ „ура!“ и игрѣ полковой музыкѣ, предложены были тосты за благоденствіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, славу храбраго русскаго воинства, здоровье бригаднаго начальника Ивашенцева и отъ него благодарственный тостъ въ честь г. уѣзнаго предводителя и въ лицѣ его всѣхъ сословій, за ихъ радушное гостепріимство.

На другой день, 3-го марта, въ 10-мъ часу утра, въ стройномъ порядкѣ, при звукахъ музыки, весело, какъ-бы на пиръ, по тракту въ Новгородъ выступили храбрые воины, сопровождаемые жителями города, за самую черту онаго. Вскорѣ потомъ съ Троицкой площади выступилъ и остальной баталіонъ подъ командою маіора барона Витте, по озеру на станцію желѣзной дороги Кузнецова, для переѣзда оттуда къ мѣсту назначенія въ Царское Село.

Такъ мы простились съ дорогими гостями и каждый напутствовалъ ихъ желаніемъ побѣды на славу Царя Православнаго и Русскаго оружія. Мирное безукоризненное пребываніе ихъ въ нашихъ краяхъ оживляетъ насъ сладкою надеждою, что они, какъ свойственно русскому воину, по-

ражая грозно вооруженнаго врага, будутъ великодушны къ побѣжденному“.

„24-го марта сего года городъ Ржевъ былъ свидѣтелемъ трогательной и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественной сцены прощанія гражданъ съ квартировавшимъ въ Ржевскомъ и Зубцовскомъ уѣздахъ, Тверской губерніи, гусарскимъ его Императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича полкомъ.

Только что разнесся слухъ, что гусары получили Высочайшее повелѣніе выступить, какъ дворяне Ржевскаго и Зубцовскаго уѣздовъ, желая отблагодарить гостей своихъ за тихую стоянку и проститься съ ними, устроили великолѣпный балъ, на которомъ танцовали до 4-хъ часовъ утра, при звукахъ прекрасной полковой музыки; за ужиномъ гг. предводители дворянства провозгласили тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома. Раздалось громкое „ура!“ Всѣ присутствующіе встали, и народный гимнъ „Боже, Царя храни!“ увѣнчалъ торжественность этой минуты.

На другой день здѣшній городской голова, отъ имени всѣхъ гражданъ г. Ржева, просилъ г. командира полка дозволить гусарамъ квартирующаго въ городѣ дивизіона обратиться въ полковомъ манежѣ, гдѣ и угощалъ ихъ обѣдомъ, а послѣ того пригласили всѣхъ гг. офицеровъ на завтракъ. Въ три часа всѣ гости собрались въ домъ купца Филатова, и при громкихъ кликахъ „ура“ и звукахъ народного гимна, снова пили за здоровье Государя Императора и всей Императорской Фамиліи, шефа полка, его Императорскаго высочества князя Константина Николаевича, за славу русскаго оружія, за здоровье полка и наконецъ, по желанію всего купечества, коммерціи совѣтникъ Василій Васильевичъ Образцовъ предложилъ тостъ за славу русскаго флота. Затѣмъ ржевскій городской голова препроводилъ, отъ имени всего общества, къ г. командиру полка 700 руб. серебромъ на винныя порціи для гусаръ, во время похода, а здѣшній

откупщикъ Геннадій Васильевичъ Карцевъ просилъ принять и раздать нижнимъ чинамъ 1.500 чарокъ водки, 1,000 калачей и 15 ведеръ пива.

24-го марта, съ самаго ранняго утра, многочисленныя толпы народа стекались на главную нашу площадь, на которой были построены подмостки для аналоя и поставлены столы. Въ 9 часовъ утра квартировавшіе въ городѣ эскадроны построились передъ аналоемъ и все ржевское духовенство, съ хоругвями и образами, въ полномъ облаченіи, прибыло на площадь и приступило къ служенію молебствія. Трогательно было видѣть эту огромную толпу народа на колѣняхъ, соединившую сердца свои въ теплой молитвѣ къ Богу за Государя Императора, Августѣйшій Домъ Его, за Христолюбивое русское воинство и за успѣхъ войны, подъятой въ защиту вѣры православной. Когда кончилось молебствіе и духовенство обошло ряды гусаръ и окропило ихъ и штандартъ св. водою, тогда городской голова Александръ Алексѣевичъ Берсенева поднесъ полку икону св. Діонисія, прося принять отъ гражданъ города это напутственное благословеніе. Командиръ полка, генералъ-маіоръ баронъ Винценгероде, въ краткихъ словахъ благодарилъ отъ имени всѣхъ своихъ подчиненныхъ, какъ гг. дворянъ, такъ и гражданъ, за то постоянное радушіе, которое они оказывали полку во время квартированія, и тогда гусары, слѣзши съ лошадей, подошли къ столамъ, гдѣ г. зубцовскій дворянскій предводитель, Петръ Павловичъ Клокачевъ, предложилъ имъ приготовленные дворянствомъ пироги и водку, а предводитель Ржевскаго уѣзда Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ угощалъ гг. офицеровъ завтракомъ. Послѣ этого гусары снова сѣли на лошадей и въ стройномъ порядкѣ, съ музыкой и пѣснями, высту или изъ города, сопровождаемые многочисленными толпами народа и напутствуемые благословеніями здѣшняго населенія. Такъ простились ржевляне съ гусарами, которые мирною стоянкою заслужили вообще любовь и уваженіе“.

„Начался теперь переходъ храбрыхъ войскъ Россіи черезъ маленькій нашъ городокъ Изюмъ—на югъ, на святую брань, на защиту креста и отечества. Первые полки были драгунскіе: Его Высочества великаго князя Николая Николаевича и князя варшавскаго, и двѣ конныя батареи, потомъ пѣхотные: Рязанскій, Рязскій и Московскій, и егерскіе: Тульскій, Бѣлевскій и Бородинскій съ ихъ бригадами артиллеріи. Шествіе заключало два баталіона безсрочно отпускныхъ 18-й пѣхотной дивизіи. Во все это время въ Изюмѣ былъ истинно патріотическій праздникъ: ежедневно, при переходѣ этихъ войскъ, не смотря ни на какую погоду, въ ближайшемъ домѣ отъ харьковской дороги, священникъ со святымъ крестомъ, святою водою и хоромъ пѣвчихъ, ожидалъ прихода дорогихъ гостей, въ присутствіи большой части городскихъ жителей и въ особенности городскихъ чиновниковъ. По окропленіи святою водою съ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и съ провозглашеніемъ многолѣтія Царю православному съ христолюбивымъ воинствомъ онъ привѣтствовалъ входящихъ. Славные солдаты наши, перекрестясь, подходили къ столамъ, разставленнымъ на улицѣ, близъ волостнаго правленія (лучшаго дома на краю города), гдѣ всякій кушалъ большую чарку водки и получалъ хорошій бѣлый крупчатый пирогъ, смотря по времени и обычаю православныхъ: съ говядиной, сыромъ или капустой. Г. окружной начальникъ Сологубовскій постоянно встрѣчалъ всѣ войска въ домѣ волостнаго правленія. Г. городничій города Изюма Ковалевскій, находясь постоянно при встрѣчѣ, старался доставить войскамъ приличное и удобное помѣщеніе при входѣ ихъ въ городъ. Кромѣ этого, гг. городничій, окружный начальникъ, градскій голова и другіе чиновники, проводивъ одинъ полкъ, тотчасъ спѣшили, съ большимъ усердіемъ, на встрѣчу другому, при чемъ семейства ихъ постоянно и ежедневно собирались въ домѣ волостнаго правленія съ приготовленнымъ чаемъ и завтракомъ для гг. офицеровъ, и это безъ малѣйшаго ослаб-

ленія и съ усердіемъ дѣлалось въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ. Сверхъ этого всѣ чиновники нашего города, по предложенію г. городничаго, дѣлали для гг. офицеровъ собранія съ музыкой и угощеніемъ, причемъ, истинное радушіе и изобиліе угощенія вполне заслуживали искреннюю благодарность дорогихъ гостей и неоднократно провозглашаемы были тосты за здоровье Государя Императора съ Августѣйшимъ Домомъ, всего христіанскаго воинства и въ особенности за здоровье войска, идущаго на югъ, и за всѣхъ командировъ его. На этихъ собраніяхъ вполне была видна усердная заботливость г. городничаго о доставленіи нашимъ воинамъ всѣхъ возможныхъ удовольствій. При выходѣ каждаго изъ означенныхъ полковъ, на городской площади, у дома почтеннаго нашего городского головы Извъкова, опять ежедневно прощались съ гостями: тѣ-же молитвы и благословенія, та-же чарка водки съ пирогомъ солдатамъ и то-же угощеніе гг. офицерамъ въ домѣ головы.

Радостно было старому инвалиду смотрѣть на это новое поколѣніе хозяевъ и гостей — не переродившихся прививками дряхлѣющаго запада.

Смѣло скажу, что ни одинъ солдатъ изъ перешедшихъ нашъ Изюмъ не вспомнить радушно-посильнаго приѣма безъ помысла: „Спасибо, дай Богъ здоровья изюмцамъ“. Должно порадоваться, что во все время перехода до 50,000 войска не случилось ни одной жалобы отъ жителей ни на какую обиду — чему обязанъ городъ полиціи, которая, распредѣленіемъ солдатскихъ квартиръ по средствамъ жителей, совершенно уничтожила всѣ могущія быть, въ противномъ случаѣ, жалобы. Проводивъ войска, мы возсылаемъ единогласныя теплыя молитвы: да благословитъ Богъ намъ, православнымъ, дожидаться скораго и благополучнаго возвращенія нашихъ дорогихъ богатырей, украшенныхъ новыми лаврами чести и славы и снова предложить имъ нашу радушную хлѣбъ-соль.

XVIII.

Алексѣй Акимовичъ Тарантаевъ горевалъ очень сильно, но всѣми силами старался не показать этого своимъ „дѣткамъ“ и хлопотливо собиралъ ихъ въ далекую дорогу.

Домашнимъ онъ говорилъ, что теперь не такое время, чтобы о свадьбѣ думать, что теперь надо родину защищать.

— Моя обязанность хоть одного сына на войну послать,—говорилъ онъ.— Всѣ идутъ, всѣмъ люди для родины жертвуютъ, такъ не слѣдъ и Тарантаевымъ отставать... Тарантаевы старинные дворяне и всѣ царю служили,—такъ я не желаю, чтобы на меня и на дѣтей покоръ былъ, не желаю этого!..

— Такъ ты-бы, батюшка Ликсѣй Акимычъ, Павла-то Ликсѣича послалъ,—говорили ему мужики.—Оно, конечно, для родителя оба они дороги, все равно, какъ вотъ пальцы на рукѣ, а только Павелъ-то Ликсѣичъ слободиѣ, ну а Аркадій Ликсѣичъ женихъ, невѣсту имѣетъ, ему-бы честнымъ пиркомъ да за свадебку, а то что-же онъ невѣсту броситъ?..

— Самъ пожелалъ, самъ... Я, говоритъ, старшій, мнѣ, говоритъ, и идти... И невѣста съ нимъ ѣдетъ...

— Она-то куда-же, батюшка?

— Въ милосердныя сестры... Дочери генераловъ вонъ идутъ, княжны, графини... И я не противлюсь имъ, нѣтъ, пусть идутъ... Вонъ у генеральши-то Чоглоковой, у госпожи-то Наташиной, супруга убили, а сынъ на войнѣ, единственный сынъ, представитель рода и наслѣдникъ всего достоянія, юноша въ цвѣтущихъ лѣтахъ и притомъ-же, говорю, единственный сынъ, единственный!..

Говоря такъ съ мужиками, Алексѣй Акимовичъ сына пытался нѣсколько разъ отговорить, но,—увы!—тщетно.

— Ты-бы, Аркаша, тово, — робко заговорилъ старикъ съ сыномъ, оставаясь съ нимъ наединѣ,—остался-бы ты...

Невѣста у тебя, и при томъ-же любимая... Ну, я-бы пошелъ... я солдатъ, сабля не выпадетъ у меня изъ рукъ, и хоть я старикъ, а я полезнѣе тебя буду, потому какъ я службу знаю и порохъ нюхивалъ... Я не то чтобы противлюсь,—нѣтъ, храни меня Богъ отъ этого,—а только я замѣнить хочу... Наконецъ, Папа можетъ идти, онъ желаетъ... Останься, Аркаша, утѣшь старика!..

Едва сдерживая слезы, Аркадій отказывался на-отрѣзъ.

— Я далъ обѣщаніе идти—и пойду, батюшка,—говорилъ онъ.— Не бойтесь, мы вернемся и проживемъ хорошо, а вы тѣмъ временемъ Папѣ тутъ невѣсту найдите, двѣ свадьбы и отпирuemъ за разъ.

— Такъ-то такъ, а жутко, Аркаша: ты-то на страшную больно свадьбу ѣдешь!.. Какъ вонъ въ старинной-то пѣснѣ поется: „насъ сосватала сабля острая, уложила спать калена стрѣла!..“ Ну, какъ... какъ и тебя уложить спать вражья пуля?..

— Божья воля, батюшка!.. Вы сами много разъ изволили говорить, что убитому на полѣ брани на сей землѣ слава, а на томъ свѣтѣ великая награда...

— Такъ, Аркаша, такъ, а только...

Старикъ не зналъ, что возразить и уныло склонялъ голову.

Одинъ разъ онъ предложилъ сыну жениться на Наташѣ теперь-же и потомъ ѣхать.

Аркадій смутился и потупилъ глаза.

— Зачѣмъ-же это, батюшка?—спросилъ онъ, все болѣе и болѣе затрудняясь лгать отцу и собираясь сказать ему правду.

— Какъ зачѣмъ, Аркаша?.. Поѣдете мужъ съ женою, а не то что Богъ знаетъ какъ... Такъ-то и зазорно ѣхать даже, да и обидѣтъ каждый Наташу можетъ, особливо когда ты ее одну оставишь...

— Ну... ну, а если меня убьютъ? — попытался уклониться этимъ средствомъ Аркадій.— Что-же, она вдовою-то останется?..

— Храни отъ этого Богъ!—набожно перекрестился старикъ.—Ну, а если... если тому быть суждено, такъ Наташѣ все-же лучше быть вдовою дворянина Тарантаева, чѣмъ дворовою дѣвкою генеральши Чоглоковой... Я даже для того и говорю, чтобы ты женился теперь... то-есть на случай... на случай, если тебя убьютъ... Война дѣло такое, Аркаша, съ войны не всѣ приходятъ цѣлыми... Вѣдь если это случится—генеральша имѣетъ право взять Наташу къ себѣ, и Богъ знаетъ, что ждетъ ее!.. Послушай, Аркаша, отцовскаго совѣта—женись теперь-же!..

Аркадій въ эту минуту чуть-чуть не сказалъ отцу всю правду.

— Не женихъ я ея!—хотѣлось ему крикнуть.—Не моя она, чужая, къ другому я везу ее, а самъ ѣду, чтобы положить тамъ голову, благо случай хорошій есть, за хорошее дѣло голову-то можно сложить...

Но онъ удержался. У него была еще слабая надежда.

— Нѣтъ, батюшка, я не хочу такъ, — твердо сказалъ онъ.—Пока я свободенъ, и могу идти, куда меня влечетъ, а женатымъ я долженъ при женѣ быть...

Старикъ пересталъ настаивать и покорился своей долѣ.

Наташа въ это время держалась какъ-то особнякомъ и видимо удалялась и отъ старика, и отъ обоихъ сыновей его, и отъ всѣхъ обитателей укромнаго угла, въ которомъ она провела много, много хорошихъ дней.

Кое-кто изъ обитателей догадывался, что у Наташи съ женихомъ что-то „не ладно“. Такъ, напримѣръ, экономка Алексѣя Михайловича была увѣрена въ этомъ и все покачивала головою, все шептала что-то себѣ подъ носъ и пытливо приглядывалась къ Наташѣ. Старуха въ своихъ предположеніяхъ была близка къ истинѣ, зная изъ разсказовъ Наташи о ея исторіи съ Сергѣемъ Чоглоковымъ.

Замѣчалъ что-то неладное и Павелъ Тарантаевъ. Это былъ юноша не столь пылкій, какъ Аркадій, но очень любящій и поэтому очень чуткій. Онъ былъ и наблюдательнѣе

брата, и умнѣ его. Онъ тоже приглядывался къ брату и Наташѣ, осторожно слѣдилъ за ними и видѣлъ, что у нихъ что-то есть недоговоренное, тайное.

Онъ долго крѣпился и, наконецъ, заговорилъ съ братомъ, спросилъ, какъ и что.

— Не лги. Аркаша, — сказалъ онъ, когда братъ началъ уклончиво отвѣчать на вопросы и путать. — Не лги... я вижу, что у васъ что-то не такъ... Или я тебѣ не другъ, не братъ, что отъ меня ты тайшъ?.. Отцу не говоришь, старость его жалѣя, а мнѣ почему не сказать?.. Я вынесу все и совѣтъ тебѣ дамъ...

Аркадій не могъ болѣе противиться, зарыдалъ, бросившись на грудь брата, и все рассказалъ ему.

— И ты рѣшился уступить ее Чоглокову? — угрюмо спросилъ Павелъ.

— Да... Что-же мнѣ дѣлать больше?

— Ей... ей стыдно это... Полюбила, согласіе дала, а какъ поманилъ тотъ, такъ и къ нему?.. Я не ожидалъ отъ нея этого... И я не допущу этого!..

— Бога ради, что ты хочешь дѣлать? — испуганно вкликнулъ Аркадій. — Ни слова ей объ этомъ, ни слова!..

— Нѣтъ, я скажу! — твердо проговорилъ Павелъ. — Развѣ такъ можно?.. Это не честно и это жестоко, братъ!..

— Ахъ, да вѣдь она... она соглашается идти за меня!.. Хотя сейчасъ вотъ свадьбу играть... Да я-то, я не хочу этого!... Развѣ счастье да любовь силкомъ берутъ, Паша?.. Она вонъ его любить, имъ дышетъ, а я ее удерживать буду, о какомъ-то тамъ словѣ ея говорить буду, вотъ-де вы мнѣ слово дали, моя-де вы... Нѣтъ, Паша, нѣтъ, я поступаю такъ, какъ надо...

— А она? — сурово спросилъ Павелъ.

— А она... она хочетъ быть моей волѣ послушна, но любить... любить не меня!

— Пусть полюбитъ! — рѣзко крикнулъ Павелъ.

— Да развѣ-жъ это можно, Паша?

— Должно!..

Павелъ глубоко засунулъ руки въ карманы своей домашней бекешки и пошелъ изъ комнаты брата.

Аркадій остановилъ его.

— Паша, ты ничего не скажешь ей? — спросилъ онъ, пытливо заглядывая въ глаза брата.

Павелъ молчалъ.

— Не говори, Паша, незачѣмъ это: если она и согласится, такъ я не соглашусь!.. Я, Паша, не хочу чужой вѣкъ заѣдать, не хочу, чтобъ Наташенька шла за меня не по своей волѣ... Я хочу, чтобъ она счастлива была, — она, ну, а я... я сгожусь на другое дѣло...

Павелъ темнѣе ночи ушелъ отъ брата и бродилъ съ ружьемъ до слѣдующаго дня.

Это былъ день отъѣзда Аркадія съ Наташею.

Ополченская дружина, въ которую былъ зачисленъ молодой Тарантаевъ, вышла уже изъ Рязани, торжественно провожденная городомъ, и Аркадій долженъ былъ догнать ее на пути.

Все было готово къ отъѣзду, и собрались послать въ село за священникомъ, чтобы отслужить напутственный молебенъ.

— Нельзя сегодня ѣхать, — угрюмо объявилъ Павелъ, войдя въ столовую, гдѣ собрались всѣ обѣдать въ послѣдній разъ.

Старикъ тревожно встрепнулся отъ этой вѣсти, которая удерживала любимаго сына на лишній день. Наташа слегка измѣнилась въ лицѣ, а Аркадій пытливо взглянулъ на брата и спросилъ:

— Почему нельзя?

— Вятки обезножили отъ гоньбы; мою тройку ладили вамъ, а у буланого коренника нога заболѣла: должно-быть заковали вчера...

— Можно „Степняка“ въ корню пустить, Паша, — замѣтилъ Аркадій.

— Съ гнѣдыми-то моими?.. Ты съ ума сошелъ, братъ!.. Онѣ и его зарѣжутъ, и сами надорвутся... Пару деньковъ переждите, буланый поправится...

— Тяжело откладывать, Паша, — робко замѣтила Наташа. — Приготовились, простились почти, и опять... Это очень тяжело... Лучше нанять лошадей до Рязани...

Павелъ мелькомъ взглянулъ на нее.

— Нельзя, — сказалъ онъ.

— Почему?

— Гдѣ-же взять ихъ?.. Безкормица у мужиковъ, весна, лошади отощали, а тутъ пахать надо... Не довезутъ и до Сапожка...

Онъ подсѣлъ къ столу и принялся за щи.

Наступило неловкое молчаніе.

Старикъ обрадовался было сперва, но замѣтивъ тревогу Аркадія, опечаленное лицо Наташи и какую-то непонятную мрачность Павла, сконфузился и поникъ головою.

— Успѣете еще! — вдругъ раздался среди тишины насмѣшливый голосъ Павла.

— Что, Паша? — спросилъ его старикъ.

— Успѣютъ, говорю... Аркадій успѣетъ голову подъ пули подставить, а Наташа — раненыхъ своихъ исцѣлять...

Наташа вспыхнула. Она догадалась, что Аркадій открылъ брату ихъ тайну.

— Своихъ раненыхъ! — повторила она. — Это, Паша, раненые всѣхъ насъ, они всѣмъ намъ одинаково близки и дороги, они страдаютъ за всѣхъ насъ, за родину...

Павелъ устремилъ на нее пристальный взглядъ.

— А вы ѣдете сестрою милосердія ради родины? — спросилъ онъ.

Наташа выдержала его испытующій и полный нѣмого укора взглядъ и отвѣтила слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Конечно... А то для чего-же?

— Ну, честь вамъ и слава. А только я не поѣхалъ-бы на вашемъ мѣстѣ...

— Почему?

— Вы невѣста... Дѣлаете вотъ вы доброе дѣло, которое, къ слову сказать, и безъ васъ сдѣлаютъ, а брата страдать заставляете да и отца вонъ измучили... Не пойму я такого добраго дѣла...

— Да?.. Ну, а тѣ, которые идутъ умирать туда и умираютъ, развѣ они не оставляютъ женъ, матерей, братьевъ, отцовъ?..

— Оставляютъ...

— Такъ почему-же мы не можемъ?

— Почему?..

— Да.

— А потому... Потому, что у насъ на умѣ-то не родина!.. Э, что толковать, вы сами знаете!..

Павелъ съ шумомъ отодвинулъ стулъ и всталъ.

— Умирать за родину, — крикнулъ онъ — святое дѣло, великое и я самъ иду въ ополченіе, первый брошусь въ огонь и умереть съумѣю, а брату... брату не слѣдъ ѣхать, не слѣдъ, не по своей онъ волѣ ѣдетъ и не поѣхалъ-бы, коли-бъ не...

Павелъ махнулъ рукою и вышелъ.

— Что это съ нимъ? — спросилъ Алексѣй Акимовичъ, съ изумленіемъ оглянувшись.

Наташа сидѣла блѣдная и дрожала всѣмъ тѣломъ, а Аркадій низко-низко наклонилъ голову и изъ глазъ его капали слезы.

— Что это вы всѣ? — продолжалъ старикъ. — Вы что-то таите отъ меня, у васъ вышло что-то... Аркадій, скажи мнѣ... Что у васъ?.. Что это, дѣтки, съ вами?..

Экономка стояла все это время около стола и прислуживала, принимая блюда отъ парня, который приносилъ ихъ. Она пивала чай послѣ обѣда съ Алексѣемъ Акимовичемъ и иногда обѣдала съ нимъ, но при молодыхъ Тарантаевыхъ она даже не садилась.

Когда Алексѣй Акимовичъ проговорилъ это и спроси-

тельно взглянулъ на сына и на Наташу, ожидая отвѣта, экономка подошла къ нему и заговорила:

— А то, батюшка, случилось, что Наташенька обманула насъ горе-горькихъ и обидѣла всѣхъ!..

Экономка всхлипнула и отерла слезы концомъ шейнаго платка.

— Горько, горько обидѣла за нашу хлѣбъ-соль, не въ укоръ ей будетъ сказано!.. Такъ я своимъ глупымъ разумомъ мерекаю, что отказала она нашему соколику, Аркадію Алексѣвичу нашему, и ѣдетъ она къ генеральскому сыночку, а Аркадій нашъ Алексѣвичъ, доброта добръющая, ее отпускаетъ и съ горя подъ красную шапку идетъ!.. Такъ я все время мерекала, а понѣ, послѣ словъ и выходки Павла Алексѣвича, и вовсе вижу, что такъ!.. Допроси ее, батюшка, самъ, скажетъ она тебѣ правду, а правда-то на личикѣ ея, на бѣломъ написана — вонъ она, правда-то, краску вызвала, слезы выжала!.. Ой, Наташенька, Наташенька, не губи ты нашего соколеночка, не мѣняй ты его на орла сизокрылаго! Заключутъ тебя орлы-то, не изъ ихняго ты гнѣзда, а мы тутъ съ горя изведемся, прѣпадомъ пропадемъ...

Наташа громко зарыдала.

— Молчать! — крикнулъ Алексѣй Акимовичъ на экономку. — Молчать!.. Что ты тутъ городишь, дура старая?.. Хлебнула, знать, на прощаніе вишневки, да и осовѣла!.. Ты тово, ты не слишкомъ!.. Притомъ-же...

Старикъ всталъ, застегнулся, поправилъ орденокъ, и гладилъ височки и прошелся.

— Вы тово... то-есть ты, Наташа, тово... То-есть ежели баба дура вретъ, такъ ты тово... Я взыщу, я не позволю...

Наташа быстро вытерла глаза, выпила воды и, собравшись съ силами, тихо, но твердо и ясно проговорила:

— Нѣтъ, Алексѣй Акимовичъ, нѣтъ, мой дорогой папочка, мой другъ, она не вретъ!..

— Не... не вретъ?..

Наташа опять выпила воды.

— Она говоритъ правду. Я сдѣлала васъ всѣхъ несчастными и много-много принесла горя за то, что вы всѣ сдѣлали мнѣ очень много добра... Да, я ѣду къ Сергѣю Чоглокову и люблю его... Я не мечтаю быть его женою, о, нѣтъ!.. Быть можетъ, я умру тамъ около него; быть можетъ, меня опять запрутъ у Рейса, или заколотятъ до смерти,—но я ѣду къ нему... Сперва я любила Аркадія, я шла за него, любя его... Я и потомъ думала, что я поѣду въ Севастополь только сестрою милосердія, что я могу быть женою Аркадія, но онъ самъ остановилъ меня отъ ужаснаго шага и отказался отъ меня... Онъ все понималъ!.. Я могу только жить около Сергѣя Чоглокова, или умереть... Виновата-ли я, нѣтъ-ли, дѣлаю-ли я нехорошо—я не знаю... Я знаю, что я вся, вся принадлежу Сергѣю и готова сдѣлать все, что онъ прикажетъ мнѣ!.. Я буду у него сидѣлкою, горничною, любовницею, женою... Я принадлежу ему и... и умру безъ него!..

Наташа упала головою на столъ и зарыдала.

Экономка увела ее въ сильнѣйшей истерикѣ.

Долго молчали Алексѣй Акимовичъ и Аркадій, оставшись одни.

Старикъ присѣлъ около окна, закурилъ было свою трубочку, но она потухла, и онъ сосалъ ее, не замѣчая этого; Аркадій сидѣлъ за столомъ, положивъ голову на руки.

— Что-жъ теперь дѣлать, Аркаша?—вдругъ заговорилъ старикъ.—Воля Божья, Аркаша... За терпѣнье, ежели сносишь его безъ ропота, бываетъ и награда отъ Господа... Покорись Аркаша, и... и ступай, куда шелъ, не нарушай своего общанія... Да благословить тебя Господь...

Старикъ поднялся.

— Эй!—крикнулъ онъ властнымъ, помолодѣвшимъ какъ-то голосомъ.

Вошелъ парень.

— Узнать, какъ тамъ нога у буланого коренника, да

коли правда, что заковали его, такъ взять на деревнѣ у Парфена Хмурова караковаго жеребца и запрягать... Живо, чтобы у меня! Постой!.. Павла Алексѣвича позвать ко мнѣ...

Парень удалился поспѣшнѣ обыкновеннаго.

Павель вошелъ минутъ черезъ пять и молча остановился около двери.

— Павель,—заговорилъ Алексѣй Акимовичъ,—ты все знаешь?

— Знаю...

— Ты не долженъ противиться... слышишь?

— Не долженъ противиться, когда брата-то моего губять да и отца раньше срока въ могилу кладутъ?.. Такъ-ли, батюшка?..

— Не долженъ! — торжественно повторилъ старикъ. — На все воля Провидѣнія, и не намъ спорить съ нею!.. Ежели ты пойдешь противу предначертанной намъ судьбы—хуже выйдетъ... Притомъ-же... притомъ-же я приказываю тебѣ не прекословить... я, отецъ твой, покорился сему и такъ сіе должно быть... Ты нагаль, что буланый хромаеть?

— Я самъ заковалъ его...

— Ну, я послалъ за лошадыю къ мужикамъ. Аркадіѣ ѣдетъ сегодня... и онъ, и Наташа...

— Да?—спросилъ Павель, тревожно взглянувъ на брата.

— Да,—отвѣтилъ старикъ.

Павель сдѣлалъ ему знакъ выйти изъ комнаты и, отрывисто проговоривъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этого, ушелъ. Старикъ вышелъ за нимъ.

— Что ты хотѣлъ сказать мнѣ?—спросилъ онъ у Павла, который ждалъ его въ сѣняхъ, прислонившись къ стѣнѣ и задумчиво пощелкивая своими сильными пальцами.

— Я ужъ попротивился,—угрюмо отвѣтилъ Павель.

— То-есть это буланаго-то заковалъ?

— Буланаго заковалъ, хотѣлъ деньковъ на пять, на

шесть задержать, а на верховомъ чаломъ Мишку Бурнаева въ Москву послалъ...

— Зачѣмъ?

— Да къ генеральшѣ Чоглоковой съ вѣсточкой... Дѣвица-де ваша, Наталья, согласія идти за Аркадія Тарантева не изъясляетъ и собирается-де въ Севастополь къ вашему сыну, такъ употребите-де власть и заставьте ее идти, а буде не захочетъ, такъ въ Севастополь не пускайте...

— Боже, что ты сдѣлалъ!—воскликнулъ Алексѣй Акимовичъ, схватившись за голову. — Сейчасъ-же, сейчасъ-же послать за Мишкой погоню и вернуть его!..

— Поздно, батюшка: Мишка уѣхалъ вчера въ обѣдъ, а ѣхать я ему приказалъ по-машинѣ, онъ далеко теперь...

Старикъ всплеснулъ руками и опустился на приступочекъ, а Павелъ угрюмо глядѣлъ куда-то въ даль.

XIX.

Долго сидѣлъ Алексѣй Акимовичъ въ глубокой задумчивости, склонивъ голову.

Старикъ не зналъ—бранить-ли ему сына, или-же поблагодарить, похвалить. Выходка Павла, подвергая большой опасности Наташу, могла остановить ее отъ намѣренія ѣхать въ Севастополь, могла оставить старику любимого сына и сдѣлать его счастливымъ.

Но старикъ боялся за Наташу. Круто могла поступить съ нею генеральша, а, кромѣ того, старикъ не умѣлъ опредѣлить, худо или хорошо они сдѣлаютъ, если „принудятъ“ дѣвушку выйти за Аркадія. „Стерпится—слюбится“ было стариннымъ правиломъ Алексѣя Акимовича, онъ слышалъ его сотни разъ; сотни разъ приходилось и на дѣлѣ провѣрить это правило, и самъ онъ женился на своей горячо любимой женѣ безъ ея согласія;—„выдали“ ее за него, побили даже не разъ строгіе, старо-завѣтные родители упиравшуюся было

невѣсту, но это не помѣшало ей прожить съ Алексѣемъ Акимовичемъ много-много счастливыхъ годовъ, не помѣшало полюбить его до самозабвенія, горячо привязаться къ нему... „Да, такъ въ старину бывало, а такъ-ли это теперь?—думалось старику.—Пожалуй, Наташу и не выдать силою, а если и выдать, такъ на горе, на страданіе... Вотъ она какая... Старуха моя, даромъ что изъ благородныхъ, совсѣмъ не такая была... Эта не вынесетъ, захирѣетъ... Любить вонъ Чоглокова какъ... По-романному какъ-то любить: наши барышни такъ-то и не любивали... Не надѣлать-бы бѣды, жизни-бы не загубить“...

Старикъ поднялъ голову и взглянулъ на Павла. Тотъ угрюмо, сосредоточенно глядѣлъ куда-то въ уголь, скрестивъ на груди руки и прислонившись крупнымъ, мощнымъ тѣломъ своимъ къ стѣнѣ, точно поддерживая ее.

Ишь-ты! — подумалъ старикъ. — Не ладно скроенъ, да крѣпко сшить... Словно изъ желѣза сбить, да и нравъ-то желѣзный... Въ дѣда пошелъ, въ материна отца, — тотъ вотъ такой-же былъ кряжъ... Аркадій тоже не въ меня, тоже въ женину родню выдался, а помягче, почувствительнѣе, не даромъ его мать баловала, да нѣжила...“

— Павелъ! — окликнулъ старикъ.

Сынъ медленно повернулъ къ нему голову.

— Что?

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Павелъ?.. Зачѣмъ генеральшѣ письмо послалъ?

— Гмъ!..

Павелъ сердито отвернулся отъ отца.

— Зачѣмъ, вишь, сдѣлалъ! Да какъ-же не сдѣлать, ежели она, — онъ подразумѣвалъ Наташу, — брата сгубить желаетъ?.. Я ей не зла хочу; я ее, можетъ, не меньше Аркашинаго люблю, а только развѣ такъ можно?.. Осчастливила брата, превыше небесъ его вознесла, затуманила голову ему счастьемъ, а потомъ внизъ, въ самую пропасть бездонную!.. Это хуже, чѣмъ убить... Это надругательство... За что?..

Павель оживился. Лицо его загорѣлось румянцемъ. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, сильно жестикулируя.

— Похудѣлъ малый, поблѣднѣлъ, ходитъ—какъ къ смерти приговоренный... Я ужъ не говорю о томъ, что ему невѣсту жаль, что онъ тоскуетъ, ровно ему обѣ руки отсѣкли,—это ужъ видимо, а теперь взять срамъ, который онъ понесетъ... Мы не Чоглоковы, у насъ не тысячи душъ, а и мы свою гордость имѣемъ, честь свою не дадимъ въ обиду, батюшка... Прокричали по уѣзду-то, что невѣста вотъ, что свадьба, домъ отдѣлали, гоняли коней, звону на всю губернію надѣлали, а невѣста... Эхъ, не говорилъ-бы!.. Какъ вамъ, батюшка, угодно, а я того не допущу, не дамъ брата погубить!..

— Да что-же дѣлать-то, Паша?—съ тоскою спросилъ старикъ.

— Пусть идетъ за Аркадія!..

— Да коли она не любитъ его?.. Коли ей пуще свѣта бѣлаго милъ тотъ, сынокъ генеральскій?

— Тотъ?.. А будь онъ проклятъ, сынокъ этотъ генеральскій!.. Забуди его!.. Сказала слово Аркадію—и иди!.. Развѣ надругаться такъ можно?.. Она къ счастію пойдетъ, она жить да любить хочетъ, а брата загубить? Не бываетъ этому, батюшка!..

— Ну, ты сообрази, ты подумай, Павель,—заговорилъ старикъ, все еще не убѣжденный сыномъ, все еще не знающій, какъ надо поступить и что дѣлать.—Ты подумай... ну, что-бы ты сдѣлалъ на мѣстѣ Аркадія?.. Такъ-таки вотъ и заставилъ-бы Наташу идти за себя?

Павель нахмурился.

— Нѣтъ,—тихо отвѣтилъ онъ.

— А что-же бы ты сдѣлалъ?

— Бросилъ-бы все и ушелъ-бы подъ француза!..

— Ага, ага!.. Вотъ, вотъ!.. Такъ зачѣмъ-же ты хочешь брату-то мѣшать?

Старикъ всталъ и положилъ руки на плечи сына.

— Нѣтъ, Паша, не будемъ мы мѣшать!—сказалъ онъ.— Видитъ Богъ, какъ тяжело мнѣ...

Голосъ старика дрогнулъ, на сѣдые усы закапали крупныя слезы.

— Видитъ Богъ, какъ тяжело мнѣ Аркашу отпускать, какъ тяжело на его горе смотрѣть, а я покоряюсь, вижу въ этомъ волю Провидѣнія, Паша... Буди Его святая воля!.. Коли суждено моему сыну замѣсто свободы на брань идти, родину свою защищать, такъ тому, стало-быть, и должно случиться, а силкомъ жену брать не слѣдуетъ. Я вижу въ этомъ дѣлѣ, Паша, наказаніе мнѣ... Да, наказаніе, и притомъ-же заслуженное: люди идутъ на святую брань, покидаютъ отцовъ, матерей, женъ, дѣтей, а мы свадьбу пировать затѣяли!.. Негоже!.. А еще солдатъ я, еще дворянинъ!.. Иной теперича пиръ русскіе пируютъ, и надо имъ сыновьямъ на томъ пиру быть!.. Не держу Аркадія, благословляю его и безропотно перенесу испытаніе...

— Такъ пустите и меня въ ополченіе, батюшка,—тихо сказалъ Павелъ.

— Тебя?..

Старикъ дрогнулъ, помолчалъ минуту и широко, размашисто благословилъ сына.

— Иди!—торжественно сказалъ онъ.—Да никто не посмѣетъ сказать, что Алексѣй Тарантаевъ побоялся сыновей своихъ на защиту родины отпустить?.. Иди, Паша, Господь съ тобою, иди!..

Старикъ и плакалъ, и благословлялъ сына, и глубоко страдалъ, и свѣтлая радость освѣтила его невидимымъ лучомъ...

И это было такъ въ годину Севастополя. Случай, когда отецъ отпускалъ двоихъ сыновей на войну, были не рѣдки. Чувство долга брало верхъ надъ всѣми другими чувствами и все побѣждало.

Счастлива та страна, гдѣ такъ высоко чувство долга: она прочно стоитъ на своихъ устояхъ, и нѣтъ въ мірѣ

силы, которая пошатнула-бы ее. И чувство долга крѣпко живетъ въ русскомъ человѣкѣ. Оно не замѣтно въ обычное время. Мелкія чувствованія, крохотные интересы, меркантильныя заботы царятъ въ народѣ и всецѣло поглощаютъ его, когда Клія дремлетъ въ бездѣйствіи, когда событія мелки и ничтожны, когда жизнь вошла въ узенькое русло и течетъ медленно, порою засоряемая мелочами жизни; но стоитъ ударить роковому часу—и все подымается. Люди перестаютъ быть ничтожными и мелкими, эгоизмъ уступаетъ мѣсто чувству долга, интересы принимаютъ характеръ общенности, и совершаются подвиги такими людьми, отъ которыхъ никогда и никто не ждалъ подвиговъ.

Являются тогда и герои.

Но въ то время, когда во главѣ толпы встаютъ Дмитріи Донскіе, Пожарскіе, Минины, Суворовы, Кутузовы, Нахичевановы, Корниловы, Хрулевы, Скобелевы, — въ это время въ рядахъ, идущихъ за этими героями, въ отдаленныхъ уголкахъ страны, въ госпиталяхъ, въ землянкахъ блиндажей, во рвахъ укрѣпленій, въ казармахъ, въ битвѣ съ непріателемъ совершаются подвиги, не столь громкіе и свѣтлые, какъ подвиги героевъ, отмѣченныхъ гениемъ, но столь-же величавые, столь-же почтенные и столь-же доблестные... Офицеръ, вчера еще только думавшій о производствѣ, вчера еще танцовавшій на балу франтикомъ, — сегодня ведетъ роту въ бой и первымъ умираетъ, чтобы показать собою примѣръ. Вчерашній франтикъ сегодня идетъ десятки верстъ подъ проливнымъ дождемъ, стоитъ по колѣни въ грязи, по цѣлымъ недѣлямъ не мѣняетъ бѣлья, ночуетъ подъ открытымъ небомъ около лафета орудія, питается наравнѣ съ солдатами черствымъ хлѣбомъ и кладетъ свою молодую жизнь за это, ввѣренное ему орудіе, — кладетъ жизнь безъ эффектовъ, просто, въ тишинѣ ночи, не на-показъ, а тутъ-же, рядомъ съ этимъ орудіемъ, рядомъ съ простымъ солдатикомъ... Онъ-же умираетъ въ госпиталѣ и умираетъ какъ герой, съ улыбкою на устахъ, со словомъ одобренія...

„Удивительно просто умираетъ русскій человѣкъ!“—говорить въ одномъ мѣстѣ Тургеневъ.

Да, а особенно просто умираетъ онъ на войнѣ. Кругомъ ужасъ и смерть, кругомъ кровь и гибель, а онъ покойно стоитъ тутъ, потому что *надо стоять*, и покойно умираетъ.

Это храбрость. И это храбрость русскаго человѣка.

Французъ храбръ, но онъ бравируетъ, онъ старается сдѣлать изъ смерти зрѣлище, старается показать себя и рвется къ бою, кричитъ, говоритъ громкія фразы... Русскій остается тамъ, гдѣ надо быть. Онъ почтетъ за грѣхъ подвергать себя опасности безъ нужды, не рискнетъ, когда этого не нужно, но за-то почтетъ за грѣхъ и бѣжать, когда бѣжать нельзя, когда долгъ призываетъ оставаться тутъ, когда надо умереть для долга.

Графъ Толстой попросилъ одного стараго кавказскаго офицера опредѣлить, что такое храбрость.

— Храбрость? — отвѣчалъ офицеръ. — Храбрость, это быть тамъ, гдѣ нужно и исполнять то, что слѣдуетъ...

И этотъ офицеръ, скромный, застѣнчивый и пожилой уже человѣкъ, единственный кормилецъ своей престарѣлой матери, преспокойно курилъ трубку подъ непріятельскими выстрѣлами и хладнокровно отдавалъ приказанія въ то время, когда кругомъ его падалъ солдатъ за солдатомъ.

А доктора, которые проводятъ дни и ночи въ зараженномъ госпиталѣ? А молоденькія дѣвушки — сестры милосердія, перевязывающія гнойныя кровяныя раны и проводящія всѣ ночи у изголовья чужихъ имъ людей.

А санитары, которые *добровольно* шли на войну и убирали раненныхъ подъ выстрѣлами, рискуя каждую минуту быть убитыми? А люди, которые отдавали въ минуту, когда отечество было въ опасности, свое послѣднее достояніе? А люди, которые посылали единственнаго сына на войну?.. Развѣ все это вымыслы? Развѣ этого не было?.. Я сдѣлалъ отступленіе, чтобы не подумалъ читатель о моемъ скромномъ героѣ Тарантаевѣ, какъ о человѣкѣ исключительномъ, не-

обыкновенномъ. Нѣтъ, это былъ одинъ изъ многихъ, и не героевъ рисую я: герои давно воспѣты и прославлены...

Выслушавъ отца, съ чувствомъ отвѣтивъ на его жаркіе поцѣлуи, Павелъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Что-жъ, ежели такъ, то пусть такъ и будетъ... Не горюйте-же, батюшка, что мы васъ оставимъ... Богъ милостивъ—свидимся еще, проживемъ...

— Вѣрю въ Его милость и покоряюсь Ему!—проговорилъ старикъ. — Ступай Паша... А Наташенькѣ... Наташенькѣ прости, Паша... Брату твоему тяжелѣй, да и то онъ простилъ...

— Что-жъ, Богъ съ нею,—угрюмо отвѣтилъ Павелъ.

— Ну, а какъ-же генеральша-то? Вдругъ она—да нагрянетъ сюда, да возьметъ Наташу!..

— Гдѣ-жъ ей!.. Я было съ умысломъ задержать Наташу, а коли такъ вышло—медлить нечего, сегодня-же выѣдемъ... Далеко будемъ, пока рѣшеніе придетъ, а вы...

Павелъ задумчиво пощипалъ молодой усъ свой.

— А вы, если генеральша всполыхнется да пришлетъ сюда, скажите, что Аркадій-де женился на Наташѣ и тогда ужъ уѣхалъ, а письмо, молъ, по злобѣ кѣмъ-то послано, изъ зависти-де къ Наташѣ... Генеральша мою руку не знаетъ, а Мишку можно настроить: онъ скажетъ, что не баринъ-де посылалъ меня...

Такъ и рѣшили.

Вечеромъ этого дня Алексѣй Акимовичъ проводилъ обоихъ сыновей своихъ и Наташу.

Много слезъ пролилъ онъ въ эту ночь, и много такихъ „невидимыхъ міру“ слезъ было пролито въ ту тяжелую годину. И слезъ, и крови...

А война все разросталась и разросталась.

Многострадальный городъ Севастополь былъ буквально засыпаемъ огнемъ непріятеля, но доблестные защитники его муже-

ственно выносили непримѣрную осаду и отражали штурмъ за штурмомъ, атаку за атакой.

Непріятель, видя, что осада города не приводитъ къ желаемымъ результатамъ и городъ не сдается, производилъ штурмъ за штурмомъ. Перечислять всѣ эти штурмы—значить исписать цѣлые тома. Это не входитъ въ задачу нашей исторіи, да и описано это давнымъ-давно и очевидцами, и историками Севастопольской кампаніи.

Сергѣй Чоглоковъ жадно слѣдилъ за ходомъ дѣла, прочитывая донесенія, разспрашивая раненыхъ, которые все прибывали и прибывали, и стиралъ нетерпѣніемъ снова принять участіе въ оборонѣ Севастополя, который сдѣлался для него чѣмъ-то неизъяснимо дорогимъ и близкимъ. Рана удерживала Сергѣя. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, но разбитое бедро совершенно парализировало ноги, и онъ не могъ даже встать съ койки. Поминутно раздражался на свою раненую ногу, досадливо браня докторовъ, которые не могли и не умѣли, какъ онъ думалъ, вылѣчить его.—Сергѣй не зналъ, чѣмъ убить скучное время, и болѣлъ всего болѣе досадою, раздраженіемъ, разстроенными нервами. Значительно сильно облегчала его страданія эта хорошенькая, милая, симпатичная сестра милосердія — Марѳа Ивановна Томилина. Она кротко, краснѣя и робѣя, уговаривала его, читала ему и чуть не со слезами умоляла быть терпѣливѣе и не раздражаться.

— Вотъ не злюсь-же я, а ужъ какъ порою тяжело да больно бываетъ!—говорила она.

— Ахъ, вы совсѣмъ не то! — досадливо возражалъ ей Сергѣй.—Вы дѣлаете свое дѣло, вы исполняете долгъ, а я лежу и ничего не дѣлаю, когда кругомъ люди умираютъ, не знаютъ ни дня, ни ночи... Это больно, это досадно, Марѳа Ивановна!.. Да хоть бы больной былъ, а то вѣдь совсѣмъ здоровый!.. Ымъ вотъ какъ быкъ, готовъ два раза въ день обѣдать, сигары вотъ курю, вино пью, а тамъ... Ахъ, это ужасно, ужасно!..

Полнѣйшее невѣдѣніе того, что происходитъ съ Наташею, страшная неизвѣстность, что будетъ съ нею—еще болѣе мучили Сергѣя, и онъ положительно на находилъ мѣста. Эти обѣды, сигары, вино, которыми укорялъ себя Сергѣй, скоро совсѣмъ были брошены, и онъ не на шутку захворалъ нервами, обезпокоивъ доктора и Мароу Ивановну.

Какъ разъ въ это время, словно на выручку Сергѣю, въ госпиталь поступилъ Скосыревъ, выздоровѣвшій отъ первой раны на Дунаѣ, перешедшій въ N—скій гусарскій полкъ и снова раненый.

Сергѣй невыразимо обрадовался Скосыреву и точно ожилъ.

XX.

Скосыревъ былъ раненъ утромъ 13-го мая при Черной рѣчкѣ. Въ этотъ день непріятельскія войска, въ числѣ сорока семи тысячъ человѣкъ, направились отъ Сапунъ-горы для занятія лѣваго берега Черной рѣчки и Байдарской долины, чтобы имѣть тамъ превосходный подножный кормъ и пользоваться водою.

Двѣ первыя непріятельскія колонны перешли черезъ рѣку Варнутку, оттѣснили казачьи аванпосты и возвратились на высоты у селенія Комары, войска же главной колонны, состоящія изъ кавалерійскихъ дивизій Морриса и Далонвиля, пѣхотныхъ дивизій Конробера и Брюно и трехъ турецкихъ дивизій подъ командою Омеръ-пашы, атаквали съ разсвѣтомъ чоргунскую позицію съ праваго фланга. Кавалерія въ числѣ двѣнадцати эскадроновъ съ конною артиллеріею, на рысяхъ, перешла каменный мостъ на рѣкѣ и направилась въ обходъ Телеграфной горы. Въ этомъ-то мѣстѣ и встрѣтилъ непріятеля N—скій гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ теперь Скосыревъ. Гусары были подкрѣплены двумя сотнями казаковъ и, несмотря на значительное превосходство непріятельскихъ силъ, выдержали осаду.

Видя громадную массу непріятельскихъ войскъ, гусары дрогнули было, но полковой командиръ выскочилъ впередъ и, съ саблею на-голо, крикнулъ:

— Господа офицеры, останемся здѣсь умереть, а кому жизнь дороже чести, тотъ можетъ отступать!... Впередъ, кому дорога честь и слава русскаго оружія, господа!...

Онъ далъ шпоры коню и бросился на встрѣчу непріятельской колонны.

Весь полкъ послѣдовалъ его примѣру, а казаки съ гикомъ ударили на непріятеля въ шашки.

Натискъ этотъ былъ положительно неожиданный и поразилъ непріятеля небывалымъ геройствомъ. Конная артиллерія, не сдѣлавъ ни единого выстрѣла, обернулась назадъ и на рысяхъ же отступила, прикрывая бѣгомъ отступающую пѣхоту Омеръ-паши, а французскіе кирасиры, бывшіе во главѣ отряда, встрѣтили нашихъ гусаровъ грудью и сразились.

Подъ Скосыревымъ былъ недавно купленный карабахъ, еще мало выѣзженный. Онъ взвился отъ шпоръ на дыбы, сдѣлавъ прыжокъ и бросился впередъ, обгоняя полкъ и несущихся въ карьеръ казаковъ. Скосыревъ бросилъ поводья, закрылъ глаза и врѣзался въ средину кирасировъ. Онъ кого-то ударилъ саблею, кого-то сбилъ конемъ и вдругъ почувствовалъ, какъ и во время первой раны на Дунаѣ, что падаетъ.

Онъ и дѣйствительно падалъ: лихой карабахъ его сломалъ себѣ ногу. Цѣпляясь за гриву, хотѣлъ было Скосыревъ встать, но рослый, рыжій, на громадной вороной лошади кирасиръ ударилъ его палашемъ по плечу, и Скосыревъ потерялъ сознаніе.

Ударъ, впрочемъ, пришелся вскользь и разрубилъ только темя до самой кости, да разбилъ ключицу. Обыкновенно французскіе кирасиры ударомъ своего тяжелаго палаша разрубали человѣка пополамъ, и если ударяли по плечу, то палашъ проникалъ до сердца и разсѣкалъ всю грудную клѣтку.

Скосырева смяли-бы конями, но въ это время ударили отбой, и французы быстро отступили... Увы, это блестящее дѣло нашихъ гусаръ было бесплодно!...

Отбитый непріятель обратилъ свои эскадроны противъ нашего батальона, стоявшаго у подошвы Телеграфной горы. Батальонъ, построившись въ каре, встрѣтилъ кавалерію огнемъ и нанесъ ей значительный уронъ, но вдругъ оказалось, что у насъ не хватило патроновъ.

— Мы штыками удержимъ позицію, ваше превосходительство! — говорили они пачальнику отряда. Но оставить батальонъ тутъ — значило отдать его на вѣрную и бесполезную гибель. Одинъ изъ самыхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя — генераль Александръ Петровичъ Хрущовъ — приказалъ начать отступление по Шулинской дорогѣ, а непріятель въ большихъ массахъ, занявъ высоты Телеграфной горы, открылъ оттуда убійственный артиллерійскій и ружейный огонь, между тѣмъ какъ отряды его двинулись по всѣмъ направленіямъ долины лѣваго берега Черной рѣчки, а часть пѣхоты переходила на правый. Въ этотъ день мы потеряли убитыми и ранеными очень много.

Между тѣмъ настали сильные жары, и у насъ начались все чаще и чаще случаи заболѣванія. Болѣзни уносили народу болѣе, чѣмъ убійственный огонь непріятели и его непрерывныя атаки.

Во второй половинѣ мая заболѣлъ, измученный непосильными трудами, генераль Хрущовъ, присутствіе котораго было страшно дорого.

Все шло къ тому, чтобы Россія оглянулась на себя, чтобы она, послѣ страшно-тяжелаго кризиса, начала новую жизнь. И заря этой новой жизни занималась уже на горизонтѣ...

Скосыревъ сейчасъ же внесъ въ госпиталь свою, *скосыревскую* жизнь. Онъ развеселилъ пріунывшихъ было раненыхъ, голосъ его зазвенѣлъ и затрещалъ по всей палатѣ,

появилось вино, карты явились и всё точно здоровье стало. Это, впрочемъ, была палата сравнительно легко раненныхъ, что не мѣшало этимъ „легко“ раненымъ умирать, а ходившимъ за нимъ сестрамъ милосердія не звать покоя ни днемъ, ни ночью. Но эти измученныя, изстрадавшіяся сестры повеселѣли съ прибытіемъ Скосырева и какъ-то оживились.

Онъ началъ съ того, что всёмъ имъ объяснился въ любви. Сдѣлай это въ такомъ мѣстѣ и въ такое время другой— было-бы пошло, гадко, противно, но у Скосырева это было лишь забавно и весело. Онъ отлично зналъ границы отношеній своихъ съ женщинами и никогда не переходилъ ихъ. Что позволялъ онъ себѣ съ шаловливою и обманывающей мужа баронессою Воль, того никогда не позволилъ бы съ Варенькою Ушаковою. Что говорилъ онъ игривой водевильной актрисѣ Зяночкѣ Померанцевой, того никогда не сказалъ-бы простой, беззащитной, но скромной и совѣмъ порядочной Марѣ Ивановнѣ Томилиной, сестрѣ милосердія Сергѣя Ушакова. Съ сестрами онъ вообще былъ только веселъ, остроуменъ и ни разу не позволилъ себѣ, хоть-бы легкимъ намекомъ, оскорбить самую худшую изъ нихъ.

— Онѣ святые, онѣ подвиги совершаютъ,—говорилъ онъ, и чуть было не вызвалъ на дуэль какого-то адъютанта, явившагося въ госпиталь по порученію и позволившаго себѣ „игриво“ отнестись къ хорошенькой мѣщаночкѣ—сестрѣ милосердія.

— У меня вотъ лѣвая рука въ бинтахъ, плечо разбито, но я еще владѣю правой рукою, чортъ васъ возьми, и я васъ изрублю!—кричалъ онъ адъютанту.

— Вы убирайтесь въ гостиную, если васъ пускаютъ только въ гостиныя, и тамъ эти фигли-мигли ваши пускайте, а здѣсь госпиталь, здѣсь умираютъ, чортъ васъ возьми!... Сегодня же драться, сегодня же! Присылайте рекундантовъ или извиняйтесь сію минуту!... И передъ нею извиняйтесь, и передъ всѣми нами!

Адъютантъ понялъ, что онъ сдѣлалъ не хорошо, и охотно извинился.

И этотъ же Скосыревъ объявился всѣмъ сестрамъ въ любви и всѣ онѣ весело смѣялись, балагурили, а черезъ два дня звали его Володею или даже „Володькою“. Онъ до-бывалъ откуда-то конфектъ, устраивалъ въ госпиталѣ „пикники“, переходя отъ койки одного больного къ койкѣ другаго, въ дальній уголъ, писалъ сестрамъ стихи, а офицеровъ смѣшили анекдотами.

Доктора косились было на него первые два-три дня, но потомъ полюбили его и говорили, что его безснечное веселье дѣйствуетъ на больныхъ лучше всѣхъ лѣкарствъ.

Особенно благотворно подѣйствовалъ Скосыревъ на Сергѣя.

Не смотря на разницу характеровъ и даже образа жизни, у Сергѣя со Скосыревымъ все же было много общаго, и самымъ главнымъ изъ этого общаго были московскія воспоминанія. Сергѣй зналъ о Москвѣ только по газетамъ, да по письмамъ матери, которыя, впрочемъ, касались болѣе личныхъ дѣлъ; Скосыревъ же получалъ множество писемъ отъ своихъ знакомыхъ и зналъ все, что дѣлалось въ Москвѣ; а кромѣ того, у нихъ съ Сергѣемъ было, чѣмъ и вспомнить Москву. Центромъ, такъ сказать, этихъ воспоминаній у Сергѣя была Наташа, а у Скосырева—Варенька Ушакова.

Онъ до сихъ поръ восторженно отзывался о Варенькѣ, сверкалъ глазами, говоря о ней, и мечталъ рано или поздно обладать ею. Очень много говоря о Варенькѣ, Скосыревъ умѣлъ и слушать, понимая по себѣ, какъ пріятно Сергѣю говорить о Наташѣ.

Сергѣй, лежа на койкѣ, взялъ въ обѣ руки сухую жилистую руку Скосырева, говорилъ о томъ, какъ дорога ему Наташа, какъ онъ любитъ ее, какъ страстно ждетъ.

— Она пріѣдетъ, Володя,—говорилъ онъ,—я чувствую, что она пріѣдетъ, что я увижу ее!...

— Желаю, голубчикъ, чтобы твои ожиданія не обманули тебя, но боюсь—говорилъ Скосыревъ.

— Почему?

— Не отпустить ее твоя мать, повѣрь ты мнѣ и не жди напрасно... Ежели генеральша въ Москвѣ боялась твоего сближенія съ нею, не смотря на бдительный надзоръ, такъ сюда-то, гдѣ ты будешь всегда tête-à-tête съ Наташею, она ни за что ее не отпустить...

— А я тебѣ говорю, что Наташа будетъ здѣсь!—горячо возразилъ Сергѣй. — Ты вѣришь предчувствіямъ?.. Я имѣю вполнѣ вѣрю и знаю, что Наташа пріѣдетъ, мнѣ сердце это говоритъ, сердце, а оно меня никогда не обманывало...

Но время шло, а Наташи не было. Не было отъ нея никакихъ и вѣстей. Пропалъ и Каплинъ.

Каплину было поручено Сергѣемъ привезти Наташу, а въ случаѣ неудачи онъ долженъ былъ пріѣхать одинъ и сообщить обо всемъ томъ, что дѣлается у Чоглоковыхъ въ Москвѣ, а главное — что дѣлается съ Наташею. И этотъ Каплинъ, на которомъ теперь сосредоточивалось все, что было дорого Сергѣю, не ѣхалъ и не писалъ.

Каплинъ не ѣхалъ потому, что положительно растерялся и не зналъ, что дѣлать.

Ему было поручено привезти Наташу.

— Нельзя будетъ ѣхать ей, не отпустить ее—увези!—сказалъ Сергѣй.

И Каплинъ дѣйствовалъ по этимъ инструкціямъ своего барина, но вышло нѣчто неожиданное: во-первыхъ, побѣгъ Наташи не удался, а во-вторыхъ, она выходитъ замужъ.

Каплинъ задумался и растерялся, не зная, что теперь дѣлать. Когда генеральша отпустила Наташу къ Тарантасовымъ, снабдивъ ее „вольною“ и приданными деньгами, Каплинъ былъ призванъ къ генеральнѣ и получилъ приказаніе ѣхать къ Сергѣю Петровичу.

— Немедленно поѣзжай, — говорила генеральша. — Отвезешь Сергѣю Петровичу деньги, бѣлье, гостинцы; во всемъ этомъ онъ нуждается, и ты пожалуйста, не медли, не жалѣй въ дорогѣ денегъ и торопись...

— Слушаю, ваше превосходительство, — угрюмо проговорилъ Каплинъ. — Сегодня и ѣхать мнѣ?

— Сегодня, непременно сегодня!...

— А на-счетъ Натальи Панкратьевны что прикажете сказать мнѣ?... Мнѣ не приказано, ваше превосходительство, безъ нихъ пріѣзжать...

Генеральша улыбнулась на такую преданность солдата. Ей было и досадно на Каплина, и жаль его, но надъ всѣми этими чувствами преобладало чувство довольства отъ успѣшнаго и благополучнаго окончанія дѣла. Конечно, генеральша была вполне увѣрена, что если сынъ и увидитъ Наташу, то увидитъ ее женою Тарантаева.

— Что сказать про Наталью Панкратьевну? — насмѣшливо улыбнулась генеральша. — А скажи, что Наталья Панкратьевна вышла замужъ за господина Тарантаева...

Каплинъ былъ пораженъ и не зналъ, что дѣлать.

Если-бъ ему не удалось увезти Наташу, ему было-бы тяжело, самолюбіе его страдало-бы, но все-же онъ понималъ-бы свое положеніе и зналъ, что ему надо дѣлать, что говорить. Теперь онъ не зналъ.

„Какъ-же это такъ! — угрюмо думалъ онъ, медленно собираясь въ дорогу. — Какъ-же я барину-то скажу?“...

Онъ поѣхалъ сильно огорченный и умышленно опаздывалъ, словно отдаляя тяжелое объясненіе съ бариномъ.

И вотъ Сергѣй ждалъ его, считая минуты и проклиная медлительность вѣрнаго слуги и его недогадливость послать письмо, если нельзя пріѣхать самому. Не будь Скосырева, Сергѣй совсѣмъ-бы измучился и изстрадался-бы, захворалъ-бы, а Скосыревъ умѣлъ оживить его, какъ умѣлъ и успокоить.

Наконецъ, Каплинъ пріѣхалъ.

Какъ-то утромъ, Томилаина пришла къ Сергѣю съ бинтами и корпіей для перевязки. Рана Сергѣя подживала, и Марѳа Ивановна отлично умѣла перевязывать ее.

— Ну-съ, Сергѣй Петровичъ, — сказала она, весело и

ласково улыбаясь по обыкновенію,—сдѣлаемъ перевязку, а потомъ вы можете дать аудіенцію...

— Кому?—лѣниво спросилъ Сергѣй.

— Пріѣхалъ изъ Москвы вашъ деньщикъ, милѣйшій вашъ Каплинъ...

Сергѣй такъ и подпрыгнулъ.

— Зовите его!—крикнулъ онъ, простирая руки къ Томилиной.—Бога ради, зовите!...

— А перевязка, Сергѣй Петровичъ?...

— Ахъ, чортъ съ нею, съ перевязкою!... Зовите, сію минуту зовите!... Два слова Каплина спасутъ меня лучше ста вашихъ перевязокъ, компрессовъ, бинтовъ!... Зовите его, Бога ради, зовите!...

Каплинъ вошелъ, и уже по одному виду его Сергѣй догадался, что случилось что-то очень грустное.

— Здравія желаю, ваше благородіе!—очень официально поздоровался Каплинъ, безсмысленно выкативъ глаза на Сергѣя.

— Здравствуй, Каплинъ... Сюда... Сюда подойди, ближе... Ну, что?...

Сергѣй задыхался отъ нетерпѣнія, глаза его лихорадочно блистали, руки тряслись.

— Письмо вамъ, ваше благородіе, отъ ихъ превосходительства, а это вотъ бѣлье, ваше благородіе, а это...

— Къ чорту съ этимъ!—крикнулъ Сергѣй.—Что Наташа?...

Каплинъ пошевелилъ усами.

— Онъ ничего, ваше благородіе... Тутъ вотъ, ваше благородіе, гостинецъ вашему благородію...

— Да ты смѣешься надо мной, что-ли?—упавшимъ голосомъ спросилъ Сергѣй.—Жива она?... Въ Москвѣ она?...

— Въ письмѣ, чай, все сказано, ваше благородіе... Вотъ письмо-то ихъ превосходительства...

Сергѣй разорвалъ конвертъ и впился глазами въ письмо матери.

„Дорогой, безцѣнный, хорошій мой Сережа...“

Сергѣй пропустилъ нѣсколько строкъ. Пропустилъ пожеланія матери, совѣты беречься, новости изъ Москвы, что-то объ Ушаковыхъ...

Гдѣ-же про Наташу?... А, вотъ оно...

Въ припискѣ было написано: „Каплинъ скажетъ тебѣ кое-что про Наташу, и ты, конечно, исполнѣ забудешь эту— и обольстительную, быть можетъ, но очень ужъ прозаическую, чтобы не сказать болѣе, дѣвицу“.

— Ничего нѣтъ,—сказалъ Сергѣй.—Мать пишетъ, что ты мнѣ скажешь о Наташѣ... Что съ нею? Гдѣ она?

— Онѣ, стало-быть, тамъ, ваше благородіе... Какъ есть онѣ вышедши замужъ, за барина Тарантаева, такъ онѣ, стало-быть, при нихъ!...

Сергѣй почти съ ужасомъ глядѣлъ на Каплина.

— Замужъ онѣ вышли, — продолжалъ Каплинъ. — За помѣщика Тарантаева вышли, и вины моей въ томъ, ваше благородіе, нѣтъ...

XXI.

Сергѣй выронилъ письмо матери на полъ, спустилъ голову, руки его безсильно, словно плети, свѣсились, смертная блѣдность покрыла его лицо.

„Вышла замужъ... Наташа вышла замужъ!“—будто повторялъ ему кто-то надъ самымъ ухомъ, и кровь точно перестала обращаться въ его тѣлѣ.

Еще немного—и онъ потерялъ-бы сознаніе, но Каплинъ догадался подать ему стаканъ воды и Сергѣй пришелъ въ себя, жадно опорожнивъ стаканъ. Когда онъ пилъ, стаканъ дробно ударялся по губамъ и вода плескалась на грудь.

Молча протянувъ опорожненный стаканъ Каплину, Сергѣй поднималъ голову.

— Замужъ вышла?—тихо спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше благородіе...

— Да?.. Ну, что-же... ну, хорошо... Хорошо, говорю я... Сергѣй стиснулъ руки и легъ лицомъ въ подушку.

Онъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто какой-то хирургъ неумѣлыми руками, тупымъ инструментомъ и очень неосторожно, очень грубо вынималъ у него по кускамъ сердце... Больно вотъ, мучительно больно, отдираетъ невидимая рука живое тѣло, и кромѣ боли какая-то пустота чувствуется въ груди, что-то уходитъ, причиняя невыносимыя страданія...

Сергѣй все это время жилъ надеждою видѣть Наташу, и въ этой надеждѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалась вся его жизнь. Всѣ помысленія его были отданы этому предмету, а объ остальномъ онъ думалъ такъ себѣ, потому что окружающіе люди заставляли, развлекали, но мысль лишь ненадолго отклонялась отъ постоянного, отъ главнаго, основнаго предмета, а затѣмъ опять обращалась къ нему, какъ цвѣтокъ постоянно обращается къ свѣту, какъ бы его садовникъ ни исправлялъ, какъ-бы ни ухищрялся. Сегодня садовникъ дастъ такую-то искусственную форму растенію, а завтра оно, подъ вліяніемъ свѣта, принимаетъ опять свою форму, опять тянется къ свѣту, къ солнцу...

Сергѣю говорили, что сегодня было дѣло на Оедюхиныхъ высотахъ и что нашихъ вышло изъ строя пять тысячъ человѣкъ.

— Ахъ, это ужасно!—говорилъ онъ, и сейчасъ-же мысль переходила къ любимому, къ постоянному предмету.

„Вотъ Наташа пріѣхала-бы, я тогда скоро поправлюсь и опять пойду въ ряды... Я не боюсь умереть и не умру,— я чувствую, что я буду еще счастливъ, что Наташа будетъ моею... Ахъ, скорѣй-бы пріѣзжала она, скорѣй-бы!“

— Поручикъ Ивановъ, этотъ милый, славный юноша, этотъ герой, умеръ сегодня отъ ранъ! — говорили Сергѣю товарищи по госпиталю.

— Да неужели?!

— Да, да, вотъ его сейчасъ хоронятъ, мимо оконъ по-

несутъ... Не правда-ли, какъ жаль этого славнаго, хорошенькаго мальчика?

— Ужасно жаль!...

„Вотъ плакала-бы Наташа! — сейчасъ же думалъ Сергѣй. — Она вообще много будетъ тутъ плакать... Скорѣй-бы кончилась война!.. Мы побѣдимъ, мы непременно побѣдимъ, насъ ждетъ слава... Я раненъ, у меня Георгіевскій крестъ, и я въ Москвѣ... Свадьба наша... Ахъ, я знаю, что очень многіе будутъ осуждать меня за бракъ съ Наташею, но какъ все это незначительно!.. Она моя, она жена моя — вотъ что важно, вотъ въ чемъ настоящее счастье, а все остальное ужасно мелко!...“

Чувство любви къ Наташѣ у него росло, какъ растетъ зерно, посѣянное въ очень хлѣбородную и хорошо удобренную почву. Это чувство съ каждымъ днемъ становилось сильнѣе, подымалось и все крѣпче и крѣпче пускало корни во внутрь, и все мощнѣе, сильнѣе становилось, вызываемое къ росту постоянными думами.

Разлука всегда способствуетъ росту любви, если зародышъ этой любви былъ зароненъ въ нѣжное, любвеобильное сердце и если человѣкъ, полюбившій другого человѣка, не испорченъ, не развратенъ и не одну лишь чувственную сторону воспиталъ въ своей любви.

И Сергѣй былъ именно такимъ человѣкомъ, а любовь его къ Наташѣ была такимъ именно чувствомъ молодого, нѣжнаго, любвеобильнаго и совсѣмъ не развратнаго сердца.

Любовь эта умерла было, когда Наташи какъ-бы не стало, — но эта смерть была такой-же, какъ смерть природы зимою. Время разбудило ее и она ожила съ новою силою, она наполнила все существо, и какъ только ее отняли — ощутилась пустота, абсолютная пустота, при которой человѣкъ жить не можетъ. Человѣкъ, если отнять у него все то, чѣмъ онъ живетъ духовно, такъ-же не можетъ существовать, какъ и лишенный органовъ, необходимыхъ для жизни физической. Отсюда идутъ самоубійства, сумасшествіе, быстрое

угасаніе человѣка отъ чахотки. Это ужъ зависитъ отъ темперамента и отъ субъективныхъ свойствъ человѣка.

И у Сергѣя было отнято все.

Онъ долго лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, и врядъ-ли что-нибудь онъ думалъ въ это время. Если человѣка положить на жаровню и медленно жечь,—онъ, конечно, не будетъ ни о чемъ думать и все его существованіе сосредоточится на ощущеніи боли, а крики будутъ результатомъ этой боли. Душевное страданіе тоже порою вызываетъ крикъ, слезы, стонъ, и порою можетъ такъ-же скоро разрушить человѣка, какъ и сильное физическое страданіе.

— Ваше благородіе!—окликнулъ его Каплинъ.

Звукъ голоса отвлекъ страдающую мысль отъ предмета страданія, далъ ей толчокъ.

Сергѣй поднялъ голову и взглянулъ на Каплина.

— Не убивайтесь, ваше благородіе... Что-же, такъ тому, стало, быть слѣдуетъ... Много и безъ нихъ барышень-то...

Сергѣй сѣлъ, закурилъ папиросу. Вернулась способность мыслить и понимать и ощущать не одну только боль.

Человѣка сняли съ жаровни, на которой его жгли.

— Какъ-же...

Сергѣй не договорилъ. Онъ потеръ лобъ, мучительно сморщившись; легкій стонъ вырвался у него изъ груди.

— Какъ-же это было?—спросилъ онъ.

— Свадьба-то, ваше благородіе?

— Да... То-есть все это какъ было?

Въ это время подошелъ Скосыревъ. Онъ по лицу Сергѣя понималъ, что произошло что-то ужасное: можетъ быть Наташа умерла, убили ее, сослали, замучили.

— Что, братъ, Сережа?—спросилъ Скосыревъ.

Сергѣй бросился къ нему на грудь и зарыдалъ.

Слезы спасаютъ въ такія минуты, и если человѣкъ заплакалъ—онъ съ ума не сойдетъ, онъ спасенъ, хотя на время.

Черезъ полчаса Каплинъ рассказывалъ подробности Сергѣю и Скосыреву.

— Какъ приказали это вы мнѣ привезти ихъ къ вамъ, такъ я и пошелъ дѣйствовать... Вижу это я, женихъ ѣздить, баринъ этотъ Тарантаевъ... Верзила эдакій, хоша-бы въ гвардію парня, а только вислоухъ и не кураженъ, ровно вотъ рекрутъ изъ Калужской губерніи... Ну, готовятъ тамъ все къ свадьбѣ, дѣвушки шьютъ, кроютъ, дворянъ это ласы точить, вотъ-де счастье какое Наташ... Натальѣ Панкратьевнѣ привалило—за барина-де, за помѣщика замужъ идетъ, дворянкою будетъ... А я это вижу, что Натальѣ Панкратьевнѣ это счастье вродѣ вотъ какъ-бы изъ строя къ французу въ плѣнъ, на покой, на готовый хлѣбъ... Поди, спроси у любого солдата, вотъ что подъ ядрами землю копаютъ, что иди-де на покой, на отдыхъ, къ французу въ плѣнъ—не одинъ не поидетъ,—спасибо-де, лучше ужъ тутъ при работѣ буду... Такъ и тамъ... Личико это у нихъ облачно, колеръ пропалъ и смотрятъ они на жизнь эдакъ не вульгарно, съ душевнымъ прискорбіемъ... Эхъ, думаю, не велико это у нихъ счастье!.. Порѣшилъ такъ-де—и въ одинъ вечерокъ подъ окошечко къ нимъ и шастъ!.. Такъ, молъ, и такъ, Сергѣй Петровичъ васъ весьма ожидаютъ... Всколыхнулись это онѣ, ровно вотъ исправный солдатъ передъ генеральнымъ смотромъ, взыграли!.. Я, говорятъ, весьма согласна... Ну, и условились это мы...

Каплинъ пошевелилъ усами и вздохнулъ.

— Перехватили ихъ!.. Вѣдьма эта Василиса пронюхала наше намѣреніе и тово... Слышу я, что Наталью Панкратьевну взяли и къ барынѣ повели, а потомъ и меня позвали... Ну, я отпрапортовалъ какъ слѣдуетъ...

— Что-же ты сказалъ?—спросилъ Скосыревъ, слушая съ величайшимъ вниманіемъ.

— Приказано, говорю, ваше превосходительство, ихъ благородіемъ...

— Ну?

— Ну, шпынять меня начали...

— Ну?

— А потомъ слышу я, что Наталья Павкратьевна за барина этого безпрекословно выходятъ, и вижу, что къ нему въ усадьбу уѣхали...

— Велѣли ей?—рѣзко спросилъ Сергѣй, чувствуя непобѣдимую ненависть къ матери.

— Извѣстно, ужъ приказали, ваше благородіе.

— Можетъ, грозили, били ее?

— Слуховъ не было, ваше благородіе... Василиса хвасталась, что теперь-де будутъ ее стегать, а только облыжно говорила, не было ничего такого...

Сергѣй снова легъ на койку.

— Стунай, Каплинъ, спасибо тебѣ,—сказалъ онъ.

— Радъ стараться, ваше благородіе, а только не за что благодарить... Не исполнилъ я вашей воли, ваше благородіе, и есть по этому дѣлу я негодяй...

У добраго солдата навернулись слезы на глазахъ, и онъ нетвердыми шагами вышелъ изъ палаты.

— Любить она меня, Володя, любить!.. Силой ее выдали, при...

Сергѣй опять зарыдалъ.

Скосыревъ усиленно затыкнулся изъ трубки, швырнулъ ее и злобно задержалъ свои усы.

— Ну, что онъ?.. Ну, надо тово... Надо покориться, Сергѣй!—сказалъ онъ.—Чортъ васъ знаетъ, чувствительныхъ этихъ!.. Говорилъ я тебѣ—иди въ уланы, брось бабство это... Наслушался ты вотъ—и вышелъ рябчикомъ такимъ!.. Люблю вотъ я Вареньку Ушакову, то-есть даже въ головѣ что-то такое дѣлается отъ любви этой, кровь вотъ вся ходитъ во мнѣ, хмѣль не беретъ, а случись, что-выйдетъ она замужъ...

Скосыревъ не договорилъ и махнулъ рукою.

— Тоже, пожалуй, ревъ подыму!—закончилъ онъ совершенно неожиданно.—Ну, да, да, ревѣть буду, а потомъ попойку эдакую устрою, скандалъ сдѣлаю, лошадь загоню, пустивъ ее къ чорту куда-нибудь, и приду въ себя!.. Ну, не

плачь-же, ну, успокойся, Сережа!.. Напьемся давай, Сережа! право, напьемся!.. У меня чудное бордо есть, отъ всѣхъ недуговъ вылѣчить...

Скосыревъ наклонился къ Сергѣю и тронулъ его за плечо.

— Принести бутылочку, Сережа? Принести, голубчикъ?..

Сергѣй махнулъ рукою и закрылъ голову одѣяломъ.

— Ну, что-же, въ такомъ случаѣ,—съ тоскою спросилъ Скосыревъ.—Ну, надо-же какъ-нибудь!.. Убью я этого Тарантаева какого-то, чортъ его возьми!.. Ба, а вѣдь это идея, Сережа!.. Слушай-же ты, будетъ тебѣ нюнить!.. Вернемся въ Москву послѣ кампаніи, вызову я этого Тарантаева, ухлопаю его, а ты на вдовѣ и женишься!... А, Сережа?..

Сергѣй тихо рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Эхъ, не умѣю я утѣшать!—съ досадою проговорилъ Скосыревъ и пошелъ пить свое бордо одинъ. По дорогѣ къ своей койкѣ онъ встрѣтилъ Марю Ивановну Томилину и рассказалъ ей все.

— Вотъ подите—эту рану перевяжите ему!—заклучилъ онъ.—Эту вотъ рану уврачуйте, такъ я вамъ въ ножки поклонюсь, на вѣкъ вашимъ рабомъ буду!

— Если очень много любишь, Владиміръ Ивановичъ, и если очень много вѣришь, можно каждую рану исцѣлить,—съ глубокимъ убѣжденіемъ сказала дѣвушка, поднявъ на Скосырева свои голубые, лучистые глаза.

— Правда?

— Правда, Владиміръ Ивановичъ.

— Такъ вы-же умѣете любить и вѣра въ васъ горами можетъ ворочать!

— Ахъ, нѣтъ!.. Я-бы хотѣла, но гадкая я, слабая, грѣшная...

— Вы-то грѣшная?

— Ахъ, очень!

— Да вы святая, вы идеаль чистоты, невинности и протости.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хвалите меня, не надо!.. Но я все-

же пойду къ Чоглокову, попробую... О, еслибъ я могла утѣшить его и заставить вѣрить, что нѣтъ неутѣшнаго горя, нѣтъ; что Господь только любя насъ посылаетъ намъ горе! Я пойду, я попробую...

— Попробуйте, Марѳа Ивановна!—пожалъ Скосыревъ руку дѣвушки.

— Попробую...

— Не хотите-ли, голубушка, сперва стаканчикъ бордо выпить? Замѣчательно это бордо вдохновляетъ и этакъ... окрыляетъ мысли!.. Это мнѣ одинъ поэтъ говорилъ: онъ у меня по три бутылки выпивалъ и потомъ все поэму какую-то писалъ... И написалъ-бы, да спился, знаете, въ сумасшедшій домъ его посадили... Выпейте, голубушка, стаканчикъ!.. Сыръ у меня есть.

— Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, я вина не пью... Пустите руку, Владиміръ Ивановичъ, я пойду къ Чоглокову, мнѣ очень жаль его, очень!

— Ну, идите... Охъ ужъ эти мнѣ миндальности!.. Говорилъ я ему, чорту, чтобъ въ уланы шель—не послушался... Идите, голубушка, идите, не держу!..

Марѳа Ивановна своей ровной, плавной походкой подошла къ койкѣ Сергѣя и тихонько окликнула его, все еще лежащаго подъ одѣяломъ и рыдающаго.

— Что вамъ, Марѳа Ивановна?—спросилъ Сергѣй, приподнимаясь.—Вы съ перевязками?.. Послѣ, Марѳа Ивановна, послѣ, позвольте мнѣ остаться теперь одному...

Марѳа Ивановна сѣла на табуретку рядомъ съ койкою и тихо, застѣнчиво, не глядя на Сергѣя, сказала:

— Я хочу попробовать излѣчить вашу душевную рану, Сергѣй Петровичъ... Я слышала, что у васъ горе... Не приходите въ отчаяніе, постарайтесь въ самомъ себѣ найти утѣшеніе...

— Ахъ, нѣтъ!—съ тоскою проговорилъ Сергѣй и сморщилъ лицо, какъ отъ сильной физической боли.—Нѣтъ... Есть такое горе, которое не проходитъ, которое оставляетъ

слѣдъ въ человѣкѣ на всю жизнь, если только не убиваетъ его совѣсть... Мое горе такое, оно не можетъ пройти, нѣтъ ему утѣшенія!..

— Неправда, Сергѣй Петровичъ,—тихо, но твердо, съ убѣжденіемъ сказала Томилина.

— Что?

— Неправда... Если вы захотите—пройдетъ всякое горе и вамъ будетъ легко...

— Да?... Вы думаете?..

Сергѣй сѣлъ на койкѣ, глаза его засверкали, лицо сдѣлалось злымъ, какъ будто передъ нимъ сидѣла именно та, которая была причиною его несчастія.

— Вы такъ думаете?... Я скажу вамъ, если вы такъ думаете, что у васъ не было горя, что вы не понимаете его!.. Когда у человѣка вырвутъ все то, чѣмъ онъ жилъ, у него остаются только страшная боль и злоба на того, кто вырвалъ!.. Все, все, говорю я вамъ, все!.. Если еще останется у человѣка надежда—онъ можетъ спастись, а у меня нѣтъ надежды!

— Надежда должна быть у каждого человѣка...

— Вздорь!.. Вы говорите вздорь!.. Какая-же можетъ быть у меня надежда, если вотъ возьмутъ, да на моихъ глазахъ и сожгутъ то, чѣмъ я жилъ?

— Надежда на забвеніе, Сергѣй Петровичъ, надежда на милость Бога...

— Да!..

Сергѣй снова легъ.

— Я и надѣюсь, что Богъ дастъ мнѣ силу покончить съ собою и проститъ меня...

— Ахъ, что вы говорите!—вся встрепенулась Марѳа Ивановна.—Да развѣ объ этомъ просятъ у Бога?.. Вы просите терпѣнія, вы... вы попробуйте найти облегченіе въ томъ, что вы прощаете... Простите тому, кто сдѣлалъ вамъ больно и вамъ будетъ легче...

— Нѣтъ!—крикнулъ Сергѣй.—Не говорите мнѣ этого,

вы меня обижаете и бередите мою рану... Простить!.. Я могу простить, если-бъ кто-нибудь убилъ самаго дорогаго для меня человѣка нечаянно, по злобѣ, по ненависти, съ желаніемъ ограбить его... Мотивъ былъ — и убили: звѣрь убивалъ, а не человѣкъ, — и я прощаю звѣрю, забываю его... Но если... если меня терзають нѣсколько лѣтъ изъ-за предразсудковъ, изъ-за гадкаго эгоизма, изъ-за каприза и если терзающій меня человѣкъ моя мать — я не могу простить!.. Вы знаете мою исторію?.. Ахъ, молчите, молчите!.. Во мнѣ все поругано и все отнято у меня, а того человѣка, котораго я любилъ больше жизни, отдали на потѣху, на мученье, оскорбивъ, измучивъ, опозоривъ!.. Не смѣйте мнѣ говорить о прощеніи, я запрещаю вамъ!.. И не утѣшайте меня... Утѣшеніе въ моемъ горѣ лишь оскорбительно... Оставьте меня, я боленъ...

Сергѣй легъ и отвернулся.

— Сергѣй Петровичъ, — съ мольбою въ голосъ заговорила Томилина, — я умоляю васъ объ одномъ: все время думайте о Христѣ, и вамъ будетъ легче, и вы перенесете свое горе...

Она перекрестила Сергѣя и удалилась, сдерживая рыданія.

Сергѣй лежалъ, не поднимая головы до вечера.

Зажгли огонь. Въ госпиталѣ все стихло, лишь кое-гдѣ негромко разговаривали больные сосѣди, да въ дальнемъ углу играли въ карты выздоравливающіе офицеры. Сергѣй сѣлъ на койкѣ, спутивъ босыя ноги на холодный полъ. И вдругъ онъ почувствовалъ страшное одиночество, словно его бросили въ какую-то глубокую мрачную пропасть, на дно которой не доходилъ даже звукъ жизни.

Невыносимая тоска сдавила его грудь; слезъ уже не было.

— Кончится кампанія — въ отставку выйду, — говорилъ гдѣ-то неподалеку тихимъ голосомъ больной.

— Какая-же это радость въ отставкѣ-то? — спрашивалъ другой, покашливая и поплеывая, должно быть курия трубку.

— А та и радость, что хочу домкомъ пожить... На-

дошло, братъ, бродить, усталъ... Домишко у меня есть въ деревнѣ, усадьба, мать-старуха хозяйничаетъ тамъ, ну, и смѣню ее...

— Женишься стало-быть?

— Непремѣнно... Ангельчика этакого бѣлокураго возьму, деревенскую барышню какую-нибудь, которал не испытала еще тревоженій городской жизни, и заживу... Хорошо, братъ, право хорошо!..

— Пенсію, чай, дадутъ тебѣ...

— Дадутъ. Я буду причисленъ къ раненымъ перваго разряда, ну, и Георгій есть... Нѣтъ, братъ, худа безъ добра...

— Это вѣрно...

Покашливающій зѣвнулъ и, должно-быть, легъ и замолчалъ.

Сергѣй всталъ, открылъ ящикъ стоявшей у койки тумбочки и досталъ шкатулку, недавно полученную имъ послѣ отца. Въ шкатулкѣ лежала пара дорогихъ бельгійскихъ пистолетовъ, приборъ для заряда, пули, порохъ въ серебряной пороховницѣ.

Сергѣй медленно зарядилъ одинъ изъ пистолетовъ и, чтобы не стучать, забилъ пулю, накрывъ пистолетъ краемъ одѣяла.

— Покойной ночи,—сказалъ тотъ, который мечталъ о женитьбѣ.

— Спасибо...

— Да, спасибо,—прошепталъ Сергѣй.—Да, покойной ночи... Ахъ, какой полный и вѣчный покой ждетъ меня!.. Хорошо!.. Простить надо,—говорила Марѳа Ивановна... Что-жъ, я не прочь... Прощаю, всеѣмъ прощаю и прошу меня простить... Самое лучшее—это сію-же минуту покончить съ собою... Одно движеніе пальцевъ,—вотъ такъ,—и все кончено!.. Все кончено!.. Наташа, прощай, милая, прощай, хорошая моя!.. Передъ тобою я очень, очень виноватъ, такъ прости-же меня... Хорошая моя, дорогая!..

Сергѣй взвелъ курокъ и приложилъ холодное дуло къ виску...

XXII.

Когда холодное, какъ ледъ, дуло пистолета коснулось лба, Сергѣй вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и быстро отнялъ руку съ пистолетомъ, болѣе инстинктивнымъ движеніемъ, чѣмъ съ сознаніемъ.

— Что-же я, трушу?—прошепталъ онъ.

Пистолетъ дрожалъ въ его рукѣ. Онъ не могъ-бы поднять его и снова приставить къ виску въ эту минуту.

— Неужели трушу?.. Почему-же не трусилъ я, когда въ дѣлѣ смерть была такъ близка, такъ возможна?.. Ахъ, какой позоръ!.. Но я умру, я долженъ умереть!..

Онъ схватилъ пистолетъ обѣими руками и плотно приставилъ его уже къ лѣвой сторонѣ груди, но сейчасъ-же отнялъ и застоналъ, какъ будто-бы сотни ножей вонзились ему въ сердце.

— Да, я боюсь!—сказалъ онъ совершенно громко.

Съ сосѣдней койки приподнялся раненый и вытянулъ голову, стараясь разглядѣть сосѣда въ полумракѣ палаты.

— Вы зовете сидѣлку, Чоглоковъ?—спросилъ раненый.— Не пить-ли вамъ? Я подамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ лихорадочною поспѣшностью отвѣтилъ Сергѣй и быстро спряталъ пистолетъ подъ подушку.— Нѣтъ, я такъ... Я во снѣ...

Сосѣдъ улегся, вздохнулъ и долго ворочался и кряхтѣлъ, закутываясь съ головою въ одѣяло.

Сергѣй напряженно слѣдилъ за нимъ и прислушивался.

Сосѣдъ, кажется, заснулъ. Дыханіе его стало ровнѣе, онъ началъ слегка всхрапывать. Затихло и кругомъ, только порою слышался легкій стонъ раненаго да гдѣ-то тревожно бредилъ больной.

Уснули измученныя за день и дежурныя сестры милосердія.

Сергѣй долго прислушивался къ замирающимъ звукамъ и снова досталъ пистолетъ.

Теперь Сергѣй не дрожалъ, рука его твердо и крѣпко держала пистолетъ.

— Нѣтъ, я не боюсь!—прошепталъ онъ.—Я умру покойно и безъ боязни... Меня остановила мысль о томъ, „что будетъ тамъ“, но... но мнѣ не можетъ быть хуже того, что наполнило теперь всю жизнь мою и отравило ее... Такъ жить нельзя, нельзя, нельзя, не могу я жить, не могу!..

Онъ поднялъ пистолетъ.

Двѣ нѣжныя, теплыя, дрожащія руки схватили его сзади. Пистолетъ выпалъ.

— Боже, я во время посѣла!—услыхалъ Сергѣй тревожный, полный страха, но полный и любви голосъ.

Онъ быстро оглянулся и въ пяти вершкахъ отъ своего лица увидалъ блѣдное, взволнованное, съ сверкающими отъ ужаса глазами, лицо Марѣы Ивановны. Дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ, и едва лишь взяла она пистолетъ и отбросила его за подушки, какъ силы оставили ее и она опустилась на койку, склонивъ голову и закрывъ лицо руками.

Сергѣй услышалъ мучительныя, за душу хватающія рыданія, которыя дѣвушка старалась сдержать, опуская голову все ниже и ниже и, наконецъ, уткнувшись лицомъ въ подушку.

— Марѣа Ивановна!—произнесъ Сергѣй, наклоняясь къ дѣвушкѣ. — Голубушка, милая, успокойтесь!.. Вамъ жаль меня?.. Вы слѣдили за мною?..

Марѣа Ивановна долго рыдала, заглушая рыданія, и только дѣлала знаки рукою, чтобъ Сергѣй оставилъ ее, да поминутно схватывала пистолетъ и какъ можно глубже засовывала его за подушки, за матрацъ, рискуя произвести выстрѣлъ.

Вдругъ она перестала плакать, поднялась, стиснула руки, скрестила ихъ на груди, устремивъ на Сергѣя полный тоски и отчаянія взглядъ.

— Что вы... что вы хотѣли сдѣлать?—вырвалось у нея изъ груди.—Боже, Боже, что вы хотѣли сдѣлать!..

— Тише!—остановилъ ее Сергѣй и, наклонившись, поцѣловалъ ея руку.—Добрая вы моя!.. Что-же васъ смутило? Что васъ напугало такъ?.. Не видите-ли вы кругомъ страданія, кровь, тысячу смертей?... Не все-ли равно—умереть отъ турецкой пули или отъ той вотъ, которую я готовилъ себѣ?...

— Ахъ, что говорите вы!...

Марѳа Ивановна обошла кругомъ койки и сѣла на табуретъ.

— Боже, какъ счастлива я, что поспѣла во-время!... Я ложилась спать, помолившись за васъ Богу, и вдругъ... вдругъ я подумала, что отчаяніе можетъ побороть васъ... Я вскочила, одѣлась и... и пошла... Ахъ, это Богъ внушилъ мнѣ!... Вы руку подымали на себя, вы чуть-чуть не сдѣлались самоубійцей!... И вы не боялись грѣха?... Вы... вы вѣрующій-ли?

— О, да, Марѳа Ивановна!... Я вѣрую, Богъ живетъ во мнѣ, и я, надѣясь на его милость, хотѣлъ поднять на себя руку... Да, это грѣхъ, грѣхъ, но если силы нѣтъ переносить?... Милая вы моя, вѣдь я чувствую себя совсѣмъ погибшимъ!... Вѣдь это не шутка, не увлеченіе любовь моя эта!... Вѣдь вся жизнь ушла въ нее... Ну, я слабъ, я глупъ, я безхарактеренъ, да вѣдь, не виноватъ-же я въ этомъ!... Все, все дала мнѣ любовь и все отнято у меня, когда я потерялъ ее!...

— И вы искали...

— Забвенія, покоя искалъ я, моя дорогая сестра!...

— Да?... А какъ вы смѣете такъ дерзко думать, что вамъ будетъ данъ покой?... Вы рѣшили, что тамъ ничего нѣтъ, кромѣ покоя и тлѣнія?... Вы, не жившій, ничего не знающій мальчикъ, — рѣшили это, а надъ этимъ думаютъ тысячи лѣтъ самые мудрѣйшіе люди и ничего еще не выдумали!... Ну, найдите мнѣ, покажите мнѣ, покажите мнѣ чловѣка, который смѣло и честно и увѣренно сказалъ-бы, что тамъ ничего нѣтъ!... Пусть онъ скажетъ это и дока-

жетъ!... Вамъ тяжело, вамъ больно, и вы пошли въ невѣдомый вамъ міръ искать покоя, не зная, что тамъ ждетъ дерзкаго, который не послушался законовъ людскихъ и законовъ Божьихъ!... А если тамъ не покой, котораго вы искали, а еще болѣе тяжелая мука и мука вѣчная?... Вы смѣете-ли сказать, что нѣтъ, что не такъ?... Откуда это вы взяли?... Кто знаетъ это?... А Христосъ?... Какъ онъ страдалъ!.. Поруганный, отнятый отъ Матери, отъ учениковъ, отъ великаго ученія Своего, пригвожденный на крестъ, испустилъ духъ Божественный Учитель—и ни слова жалобы, ни слова укора!.. Развѣ не поучалъ Онъ насъ страдать?... Сережа, Сережа, что вы хотѣли сдѣлать!... Молитесь, Сережа, молитесь, просите милости и прощенія и терпѣнія!..

Сергѣй съ широко раскрытыми глазами слушалъ эту вдохновенную рѣчь дѣвушки и не узнавалъ такъ хорошо знакомой ему Марѣы Ивановны, всегда молчаливой, всегда застѣнчивой и немногорѣчивой. Онъ не узнавалъ лица ея. Оно горѣло румянцемъ, глаза сверкали ясно и какъ-то особенно лучезарны были въ полумракѣ госпитальной палаты,—свѣтлая мысль и глубокая вѣра свѣтились въ нихъ. Самый голосъ былъ твердъ и рѣзокъ. Это не былъ голосъ робкой и застѣнчивой дѣвушки. Это былъ голосъ проповѣдника, глубоко вѣрующаго въ правоту своихъ словъ. И это „Сережа“ было какъ-то ново и необычайно. Словно Марѣа Ивановна забыла, что передъ нею чужой человѣкъ, словно она говорила съ братомъ. Сосѣдъ Сергѣя, пожилой пѣхотный маіоръ Парнасовъ, застѣнчивый и угрюмый человѣкъ, но весьма любимый за простоту и безхитростность,—проснулся, разбуженный еще рыданіями дѣвушки, и сидѣлъ теперь на койкѣ, свѣсивъ ноги безъ туфель, и широко раскрытыми глазами глядѣлъ на Марѣу Ивановну, напряженно слушая ее. Онъ слышалъ все и все понималъ. Когда Марѣа Ивановна кончила говорить и снова зарыдала, закрывшись руками, маіоръ всталъ, подошелъ къ койкѣ Сергѣя и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Убить себя хотѣлъ?—тихо и участливо спросилъ онъ,

заглядывая въ лицо Сергѣя добрыми печальными глазами. — Ахъ, мальчикъ, мальчикъ!.. Велико, знать, горе?.. Милый, нѣтъ такого горя, которое не прошло-бы!.. Я вотъ... Э, да что намъ говорить о себѣ при чужомъ горѣ!.. Ну, вѣрю, вѣрю, что большое у тебя горе, а развѣ не горе принималъ ты, руку-то на себя поднимая?.. Чай, мать есть, близкіе люди... Эхъ, мальчикъ, мальчикъ!.. А ты-бы снова на ба-стіоны, опять-бы въ дѣло — глядишь, и ожилъ-бы, а ужъ коли умеръ-бы, такъ за дѣло святое, за родину... Ишь, сестрица-то какая у насъ!...

Маіоръ взялъ руку дѣвушки, крѣпко пожалъ и потомъ поцѣловалъ нѣсколько разъ.

— Не подосиѣй она во время—совершился-бы великій грѣхъ!—продолжалъ маіоръ.—А я лежу тутъ, слышу, что молодецъ не спитъ, говоритъ самъ съ собою,—ну, думаю, рана передъ погодой разболѣлась, и заснулъ-было, анъ дѣло-то вонъ куда пошло!.. Ахъ, Чоглоковъ, Чоглоковъ, мальчикъ вы мой!.. Теперь, чай, отдумали?..

Маіоръ наклонился къ Сергѣю и заглянулъ ему въ лицо.

— Отдумали?

— Да,—прошепталъ Сергѣй.

И онъ дѣйствительно „отдумалъ“.

Вдругъ ему захотѣлось жить, страстно захотѣлось, и сейчасъ призываемая смерть ужаснула его. Точно въ темную бездонную пропасть заглянулъ онъ, и оттуда повѣяло на него сыростью, непроглядная мгла окружила его.

Вопросъ: что будетъ тамъ?—съ новою силою всталъ передъ нимъ, и страшнымъ представился ему отвѣтъ на этотъ вопросъ... Мудрость вѣковъ, религія, голосъ народа, все это говорило о возмездіи за насильственную смерть. Какое-же онъ право имѣлъ не вѣрить этому?

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не наложитъ на себя руки!.. Другое дѣло—смерть естественная или на полѣ битвы. Она законна, она придетъ сама собою, и легко тогда будетъ отойти въ иной міръ...

А если нужно жить—онъ будетъ жить.

У него много дѣла; онъ въ волнахъ живительнаго труда найдетъ успокоеніе и хотя не полное забвеніе.

Онъ теперь помѣщикъ многихъ сотъ душъ, отъ него зависитъ судьба и жизнь этихъ сотенъ сѣрыхъ, бѣдныхъ, трудящихся пахарей; и онъ имъ посвятитъ себя. Имъ не легко отъ всѣхъ этихъ Рейсовъ, отъ управленія барыни... Вѣдь и Наташа была жертвою этого режима, а мало ли еще такихъ жертвъ!

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не смѣетъ умереть, не имѣетъ права. Онъ принадлежитъ этимъ сѣрымъ, непросвѣщеннымъ труженикамъ, и имъ отдастъ онъ себя.

Сергѣй обратился къ Марѣ Ивановнѣ и сказалъ ей:

— Благодарю, вы спасли меня!.. Вы возвратили меня къ новой жизни, и никогда, никогда не забуду я вамъ этого, моя дорогая сестра!..

— Вы... не сдѣлаете уже этого? —спросила Марѣ Ивановна, снова дѣлаясь застѣнчивою, снова робѣя и краснѣя,

— Клянусь вамъ—нѣтъ!.. Я понялъ, что вы правы... Вы вѣрите мнѣ?

— О, да!..

Марѣ Ивановна встала.

— Теперь вамъ нуженъ сонъ, отдыхъ,—ложитесь и постарайтесь заснуть... Конечно, все это будетъ тайною между нами троими... Не правда-ли, маіоръ?

— Ну, вотъ еще!..

Маіоръ пожалъ руку Сергѣя и сдѣлалъ знакъ Марѣ Ивановнѣ, отходя отъ койки.

— Что вы, маіоръ!—спросила дѣвушка.

— Уберите отъ него ящикъ съ пистолетами-то... Храни Богъ, опять задумаетъ...

— Нѣтъ, маіоръ, онъ не задумаетъ этого больше... Прощайте, маіоръ, покойной ночи...

Дѣвушка беззвучно удалилась и скрылась въ темнотѣ. Маіору показалось, что она заплакала, и онъ, покрутивъ

головою, улегся на койку, оиать долго кряхтѣль, ворочался, поправляль одѣяло и заснулъ, когда стало совершенно уже свѣтло.

Сергѣй, измученный, глубоко потрясенный, заснулъ очень скоро крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, но скоро проснулся, оглядѣлся кругомъ, вспомнилъ все, и ужасъ охватилъ его. Онъ закрылъ глаза, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и сталъ забываться въ тяжеломъ снѣ, то засыпая на нѣсколько минутъ, то снова просыпаясь отъ мучительныхъ сновидѣнй.

Передъ нимъ, какъ въ калейдоскопѣ, проходили лица, событйя, знакомыя мѣста, то въ обычномъ, то въ страшномъ, уродливомъ видѣ.

Онъ видѣлъ мать, которая будто-бы убивала Наташу, и Наташа въ ужасѣ вырывалась отъ нея, бѣжала и попадала въ руки Рейса. Рейсъ являлся полководцемъ громадной армйи, которая кольцомъ окружила Севастополь и наступала на него, давила его со всѣхъ сторонъ, и жители гибли подъ обломками домовъ, подъ градомъ бомбъ и картечи... Падалъ отъ этого града отецъ Сергѣя, падалъ онъ самъ, а Рейсъ держалъ въ рукахъ Наташу, — и вдругъ все несмѣтное войско его начинало колоть ее, рубить, съ криками вырывало у Рейса и куда-то уносило, а Сергѣй лежалъ подъ развалинами и кричалъ отъ мучительной боли... И вдругъ этой болью являлась мать. Это она давила Сергѣя, охватила его голову тисками, и онъ бился, бился, крича отъ ужаса и боли, а Марѳа Ивановна спасала его. Наташа то появлялась передъ нимъ, какъ бывало въ Москвѣ, въ своемъ синемъ шерстяномъ платицѣ, въ бѣломъ передничкѣ, то какая-то сила отнимала ее у него, и Наташа пропадала, а на мѣсто ея выростали ряды синихъ французовъ, красныхъ англичанъ, кричали, стрѣляли, бросались на Сергѣя, и онъ падалъ и уходилъ въ землю, глубоко, глубоко; свѣтъ пропадалъ у него изъ глазъ, а жить мучительно хотѣлось, и онъ цѣплялся руками за сырую землю, кричалъ, старался вырваться изъ объятйи хватающей его земли, но все глубже и глубже уходилъ куда-то и забывалъ все, умиралъ.

Подъ утро Сергѣй заснулъ крѣпкимъ сномъ, и нервы улеглись, молодость и крѣпость организма побѣдили все.

Проснулся Сергѣй отъ какого-то говора около койки.

Онъ открылъ глаза и вскрикнулъ.

Передъ нимъ стояла Наташа.

Да, да, это она!.. Она это, милая, изящная, граціозная, въ своемъ синемъ платьѣ, въ легкомъ бурнусѣ, въ шляпкѣ съ клѣтчатыми лентами, улыбающаяся, сіяющая счастьемъ и свѣтлой радостью... Сергѣй вскрикнулъ и протянулъ къ ней руки. Она схватила эти руки, зарыдала, склонилась къ нему... Сладкій сонъ!.. Да вѣдь это-же не сонъ, нѣтъ. Вѣдь онъ ощущаетъ теплоту ея нѣжныхъ рукъ, ея дыханіе, шелковистые волосы ея щекочуть его лицо, онъ слышитъ запахъ ея духовъ, ея молодого свѣжаго тѣла... Это она, его Наташа, живая, радостная, любящая...

Онъ покрывалъ ея руки поцѣлуями и сквозь слезы увидалъ тутъ-же стоящихъ Скосырева, какую-то хорошенькую, но очень блѣдную и худую дѣвушку, Мароу Ивановну, маіора Парнасова, который запахивалъ одною рукою халатъ, а другою крутилъ свои сивые усы, навивая ихъ на палецъ и рискуя оторвать.

А это кто?..

Очень высокій, загорѣлый, плотный и могучесложенный молодой человѣкъ въ ополченскомъ костюмѣ стоялъ немного поодаль и, схватившись рукою за спинку желѣзной койки маіора, смотрѣлъ на Сергѣя пристальнымъ взглядомъ, не спуская глазъ, и глаза эти были печальны, мрачны, а красивое, хотя очень простое лицо было блѣдно и подергивалось судорогою...

А, это *мужъ*!.. Это мужъ Наташинъ... Онъ ревнуетъ, онъ недоволенъ. Его жена не смѣетъ, не имѣетъ права полулежать въ объятіяхъ *посторонняго* мужчины, а этотъ посторонній мужчина не смѣетъ такъ цѣловать ея руки.

„Я *посторонній*, она не моя, она жена вотъ этого“!— какъ огнемъ прожгла Сергѣя мучительная мысль, и онъ отпрянулъ отъ Наташи, отстраняя ее отъ себя.

Она подумала, что онъ хочетъ взглянуть ей въ лицо, и взглянула на него, улыбаясь и смѣясь сквозь слезы.

— Что ты... что вы?—спросила она, замѣтивъ тревогу и муку на его лицѣ.—Вы больны?.. Боже, вѣдь вы ранены, а я...

— Нѣтъ, нѣтъ, я здоровъ... Я... Вы должны познакомиться меня съ вашимъ мужемъ... Я...

— Съ мужемъ?—изумилась Наташа.—Съ мужемъ?.. Такъ вамъ сказали, что я замужемъ?.. Боже! Нѣтъ, нѣтъ, не замужемъ я, я... я...

Наташа прижалась къ Сергѣю и шепнула ему:

— Я къ тебѣ пріѣхала, я *твоя*!..

— Моя?..

— Да, да... Ахъ, что было со мною и какъ все случилось это!.. Это мой другъ, мой братъ...

Наташа обернулась.

— Аркаша, идите сюда, я познакомлю васъ...

И вдругъ личико дѣвушки омрачилось. Она увидала Аркадія Тарантаева и поняла, какъ онъ страдаетъ, какъ онъ любитъ ее...

Онъ подошелъ. Его не узнали-бы отецъ и братъ,—такъ много въ немъ было гордости, самообладанія и какой-то внутренней силы.

XXIII.

— Радъ познакомиться съ вами, — твердо заговорилъ онъ, протягивая Сергѣю руку.—Наташа замѣнила мнѣ сестру, и я люблю ее—какъ сестру, а она зоветъ меня братомъ... Я знаю васъ и люблю за то, что васъ любитъ она... Я Аркадій Тарантаевъ, дворянинъ и офицеръ ополченской Рязанской дружины... Я привезъ вамъ Наташу и...

Голосъ его дрогнулъ, силы измѣнили ему.

— И я сдѣлалъ все, что я могъ сдѣлать, — съ невѣроятными усиліями владѣть собою сказалъ онъ.—Теперь она

среди своихъ, и я долженъ... я долженъ явиться къ начальнику дружины... Мы еще увидимся, конечно...

Онъ поклонился и пошелъ изъ госпиталя.

Сергѣй, крѣпко стиснувъ руки Наташи, точно удерживая около себя, глядѣлъ ему въ слѣдъ.

— Онъ былъ тво... женихомъ вашимъ?—спросилъ онъ...

— Да... Но послѣ, послѣ, вѣдь я теперь надолго сюда, вѣдь я сestroю милосердія, и меня назначили въ этотъ госпиталь... Это вотъ она... Вѣдь это Варвара Борисовна Ушакова...

Сергѣй только теперь узналъ въ хорошенькой блѣдной дѣвушкѣ Вареньку.

— Варенька!—крикнулъ онъ.

— Сережа!...

Дѣвушка освободила руку, которую держалъ Скосыревъ, и бросилась къ Сергѣю.

— Милый, я не хотѣла мѣшать вашему свиданію!... Здравствуй, Сережа! здравствуй, голубчикъ!... Ты не узналъ меня?... Ахъ, я чуть не умерла въ Николаевѣ, я не могла даже писать!... И вотъ тамъ, тамъ познакомилась съ Наташею, оттуда и привезла ее тебѣ... Ахъ, какъ она мила, ахъ, какъ мила, какъ я полюбила ее!... И все свои, все друзья!... А ты-то, ты-то какой сталъ!... Совсѣмъ ты мужчина!... А Скосыревъ... Ха, ха, ха!... Онъ все влюбленъ въ меня и все пьетъ!... Я застала его, придя въ госпиталь, за коньякомъ!...

— Я одну рюмку для подкрѣпленія силъ, Варвара Борисовна,—подошелъ Скосыревъ, весело улыбаясь и сверкая своими цыганскими глазами.—Теперь я не бу...

— Онъ ужъ мнѣ предложеніе сдѣлалъ!—захохотала Варенька и принялась цѣловать Сергѣя и Наташу попеременно.

Офицеры съ сосѣднихъ коекъ подымались одинъ за другимъ и подходили къ койкѣ Чоглокова, а въ открытое окно сосѣдней палаты доносился гулъ канонады, и Севастополь ждалъ приступа, сильнѣйшаго, чѣмъ всѣ предыдущіе...

Прочитавъ все предыдущее, читателю, быть можетъ, придетъ на мысль, что интимныя сцены любви, дружбы, личныхъ мелкихъ отношеній не могли имѣть мѣста въ осажденномъ Севастополѣ, гдѣ совершалось великое общее дѣло, гдѣ грозно царила смерть, унося ежесекундно десятки жертвъ и ежесекундно грозя каждому человѣку. А между тѣмъ въ этомъ осажденномъ, засыпаемомъ бомбами и уничтожаемомъ смертію городѣ личная жизнь продолжала существовать, какъ и обыкновенно, и всѣ самыя мелочныя проявленія являлись своимъ чередомъ, словно ничего особеннаго и не совершалось кругомъ. Люди ссорились, мирились, интриговали, бились изъ-за гроша, заботились, какъ и всегда, о завтрашнемъ днѣ, хотя на завтра ихъ засыпали землею, цѣлыми возами спроваживали на кладбище или бросали черезъ брустверь въ ровъ, не имѣя времени предавать погребенію.

И это было всюду.

Еще неудивительно, если въ госпиталѣ люди забывали о дѣйствительности, забывали о томъ, что городъ бомбардируютъ, жгутъ и жадно хотятъ взять приступомъ и предать уничтоженію. Тамъ людямъ лишь видъ больныхъ да раненыхъ напоминалъ о войнѣ, а сравнительно удобныя условія жизни, покой, мирныя занятія, любящія женщины—сестры милосердія давали возможность забыть о ней и предаться своимъ личнымъ заботамъ и радостямъ. Но даже на берегахъ и бастіонахъ, въ оборонительныхъ казармахъ, лицомъ къ лицу съ непріателемъ, лицомъ къ лицу со смертію люди продолжали быть и кропотливыми, и мелочными, и эгоистами, продолжали жить своею жизнью, уходя въ нее, какъ въ раковинку, и копошась въ маленькихъ дѣлишкахъ, неукоснительно совершая и великое дѣло—защиту родины, идя умирать, какъ идетъ чиновникъ писать бумаги.

Всѣ эти люди, будучи очень обыкновенными, совсѣмъ не героями, продолжали, конечно, интересоваться мелочами жизни, а за ними и всѣ тѣ, которыхъ привели сюда высшія со-

ображенія, всасывались въ эту обычную жизнь и продолжали оставаться тѣмъ, чѣмъ были, что не мѣшало ни тѣмъ, ни другимъ совершать подвиги, идти хладнокровно умирать и оставаться на высотѣ призванія.

„Люди и въ аду привыкають“, говоритъ пословица. Да, человѣкъ можетъ привыкнуть ко всему и всюду останется тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Трудно вообразить себѣ, чтобы въ городѣ, окруженномъ непріателемъ, — въ городѣ, который буквально былъ засыпаемъ раскаленными бомбами и ядрами, могла идти обычная кропотливая жизнь, — а между тѣмъ это было. Люди привыкли къ грохоту орудій, къ жертвамъ безпощадной смерти и точно забыли, гдѣ они.

Въ землянкахъ блиндажей офицеры съ жаромъ говорили о производствѣ, о наградахъ, хлопотливо высчитывали расходы, играли въ карты, волнуясь отъ выигрыша и проигрыша въ нѣсколько десятковъ рублей, ссорились, мирились, интриговали и умирали, умирали, умирали...

— Что-жъ, Семенъ Семеновичъ, — говоритъ какой-нибудь офицеръ вернувшемуся съ бастиона товарищу, — вы должны дать мнѣ реваншъ; вы вчера меня на сорокъ монетъ обшелканили...

— Да вѣдь у васъ денегъ нѣтъ, Петръ Ивановичъ, а на мѣлокъ какая ужъ игра...

— Я досталъ; я у казначея подъ вторую треть взялъ.

— А если достали — играемъ, заложу я банчикъ... Господа, кому угодно?

Въ душномъ, тѣсномъ блиндажѣ устраивался „банчикъ“. Сію минуту хладнокровно стоявшій подъ убійственнымъ огнемъ офицеръ волновался теперь, краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожащими руками гнулъ карты и, забывая все на свѣтѣ, глядѣлъ на руки банкмета.

— Петръ Ивановичъ, пожалуйста на батарею, командиръ приказалъ, — объявлялъ вбѣжавшій въ блиндажъ юнкерокъ, только-что обстрѣленный и уже привыкшій къ огню, къ смерти, къ крови.

— Ахъ, какая досада, а я только было началъ отыгрываться!.. Да, вѣдь, тамъ же Егоровъ, на батарее-то?...

— Егорова убили, Петръ Ивановичъ...

— Неужели?—подымали головы офицеры.

— Убили, господа. Осколкомъ вотъ въ это мѣсто, даже и не пикнулъ!...

— Славный былъ товарищъ и храбрый офицеръ, царство ему небесное...

— Да, хорошій былъ малый... Ну, что же, Петръ Ивановичъ, смѣнитесь, — отыграетесь; часть вчерашняго ужъ вернули.

— Хороша „часть“!... Ну, да я ужъ васъ отдѣлаю, мнѣ сегодня везетъ, я сонъ такой видѣлъ...

Офицеръ шелъ на батарею и переходилъ въ тотъ міръ, гдѣ ни печали, ни воздыханія...

И такъ шло день за днемъ, такъ все было мелко и неважно съ виду, но величаво, грандіозно по существу, по внутреннему строю этой обыденной какъ будто бы жизни...

Аркадій Тарантаевъ былъ всѣмъ этимъ пораженъ до глубины души и растерялся въ сотняхъ недоразумѣній, разочарованій, неожиданностей.

Севастополь!...

Юноша ждалъ чего-то грандіознаго, величаваго, блестящаго, поражающаго... Герои защищаютъ городъ, герои осаждаютъ его.

Онъ рисовалъ этихъ героевъ совсѣмъ не такими, какими пришлось увидеть ихъ. Ему воображалось что-то очень красивое, грозное, блестящее. Ему представлялись распушенные знамена, блестящіе полки съ грозными командирами впереди, блескъ металла, ряды войска, идущіе при громѣ музыки, слышались побѣдные клики... Ему даже самая смерть представлялась чѣмъ-то эффектнымъ, привлекательнымъ. „Сраженнаго воина“ окружаютъ товарищи, кладутъ на „носилки“, закутаннаго въ боевой плащъ, несутъ.

Онъ еще живъ, но смерть витаетъ уже надъ нимъ.

— Прощайте, братья! — говоритъ онъ слабымъ голо-
сомъ. — Я умираю и благословляю васъ продолжать подвигъ...
Впередъ, друзья, впередъ, а надо мною пусть грянетъ вашъ
похоронный залпъ, пока я еще живъ... Я хочу умереть
подъ крики побѣды, подъ грохотъ палъбы!...

И ничего этого не было.

Знамена Аркадію попадались съ кожанымъ чехломъ, му-
зыки онъ совсѣмъ не слыхалъ еще, стройныхъ, блестящихъ
рядовъ войска не видалъ, о громкихъ рѣчахъ не было и
помину, а умирали люди удивительно просто и совсѣмъ не
картинно.

— Ба-а-а-а-тюшки, родимые! — раздавался вопль, и сол-
датыкъ, сію минуту балагурившій съ товарищами, падалъ
около лафета орудія.

Къ нему подходили товарищи и съ суровыми, угрюмы-
ми лицами подымали, чтобы положить на носилки.

— Ой, братцы, братцы, ой! Оставьте, ой смерть моя! —
кричалъ раненый.

— Ну, ну, чего орешь-то?... А ты будь довольно уменъ,
не ори зря-то!... Клади его, братцы...

— Чего его класть-то? Видишь *отходитъ*...

Солдатыкъ лежитъ, устремивъ глаза къ далекому-далеко-
му небу, и жизнь оставляетъ его.

— Го... го...

— Что, Подшивкинъ?... Сказать, что ли, что хочешь?

— Го... голенищи новыя у меня, такъ... такъ Марке-
лову ихъ...

— Долженъ что ли ему?

— До... долженъ... Рупь бралъ... А въ кисетѣ пол-
тина денегъ, такъ... земля... землякамъ отдайте... въ де-
ревню...

— Отдадимъ, Подшивкинъ, не сумлѣвайся...

Раненый мучительно дрогнетъ, слабо застонетъ и отхо-
дитъ въ вѣчность.

— Бомба! — кричитъ вѣстовой.

И снова взрывъ, и снова жертва.

А хоронили героевъ такъ и совсѣмъ ужъ просто. Очень ужъ много убивали ихъ!...

Убитыхъ на бастіонахъ свозили въ полковыхъ фурахъ къ берегу бухты и укладывали рядами. Если товарищи находили у убитаго чистое бѣлье, они одѣвали его въ него, а то клали прямо въ окровавленной шинели и давали въ руки свѣчку желтаго воска. Это ужъ каждому, непременно ужъ.

Длинными рядами лежали тутъ мертвые, со сложенными на груди руками, блѣдные, окровавленные, величавые въ своемъ покоѣ. Особенно обезображенныхъ товарищи зашивали въ шинели или въ холсты.

Нѣсколько разъ въ сутки подходила къ этому мѣсту съ „Сѣверной стороны“ большая лодка, „шаланда“, принимала мертвецовъ и отвозила ихъ на „Сѣверную“ къ общему кладбищу, извѣстному теперь подъ названіемъ „Братскаго кладбища въ Севастополѣ“.

Тихо-тихо плыла лодка по чернымъ волнамъ бухты и мерцали на ней восковые свѣчи, зажженные передъ трупами, а матросикъ-кормчій стоитъ у руля и управляетъ лодкою съ страшнымъ грузомъ.

Сколько тутъ тѣлъ! Боже, сколько тѣлъ!... И все это жило, волновалось, хлопотало и умерло, не зная того, что совершаетъ подвигъ, не понимая своего собственного величія и своей доблести, а тихо, скромно, безропотно, за вѣру, за Царя, за родину...

На „Сѣверной сторонѣ“ убитыхъ перекладывали изъ лодки въ длинные татарскія телѣги-маджары и везли къ кладбищу. Могилы уже готовы,—для каждаго пятидесяти человѣкъ одна.

Укладывали покойниковъ, зажигались свѣчи, ладанъ курился и голубыми струйками вился къ небу. Старичекъ священникъ съ солдатомъ-причетникомъ служилъ общую паннихиду, и могила засыпалась. А тамъ подѣвжалась слѣ-

дующая маджара, слѣдующая, еще, еще и такъ безъ конца и края...

Офицеровъ клали въ досчатый, окрашенный розовою краскою гробъ и покрывали коленкоровымъ покрывомъ. И сколько тоже было этихъ розовыхъ гробовъ!...

— Такъ вотъ онъ, Севастополь-то!—думалъ Тарантаевъ.

И вдругъ ему показалось, что, пожалуй, это еще торжественнѣе и значительнѣе, чѣмъ война со знаменами, съ музыкою, съ блестящими полками, съ рѣчами, съ трескомъ и эффектными сценами.

— Тутъ-то вотъ и надо имѣть мужество,—думалъ онъ,—въ этомъ-то вотъ и подвигъ... И я отдамся этой жизни, я все-все забуду для нея... Скорѣй бы только заявить себя чѣмъ-нибудь, скорѣй бы къ дѣлу!...

Онъ, наблюдая севастопольскую жизнь или, правильнѣе — смерть, забылъ Наташу. Ея образъ отошелъ куда-то далеко-далеко, словно его застлало пороховымъ дымомъ и дымомъ ладана на кладбищахъ.

Полный тревоги, полный готовности служить общему дѣлу, Аркадій не зналъ, съ чего начать, куда идти. Дружина ополченцевъ, въ которой былъ Аркадій, занималась укрѣпленіями, но гдѣ именно она была — онъ не зналъ и ходилъ отъ казармъ до казармъ, отъ командира одной части до командира другой. Павелъ Тарантаевъ остался въ дорогѣ: ему было поручено конвоированіе плѣнныхъ, отправляемыхъ во внутрь страны.

Въ одной изъ оборонительныхъ казармъ Аркадій встрѣтилъ знакомаго офицера, когда-то товарища по гимназін и тоже мелкаго рязанскаго помѣщика. Офицеръ, недавно назначенный „за ротнаго“, сидѣлъ у бѣлаго досчатаго стола, пилъ портеръ, закусывая черствымъ, крѣпкимъ, какъ камень, сыромъ, и считалъ пачку денегъ. Передъ нимъ стоялъ бравый сѣдоусый фельдфебель въ каскѣ.

— Безпремѣнно надо лошадь для фуры, ваше благородіе,—говорилъ онъ, вытянувшись, но покровительственнымъ

и докторальнымъ тономъ юному офицеру. — Совсѣмъ сморился Карый, а вѣдь работы много...

— Да, чорта я тебѣ куплю! — сердито отвѣчалъ офицеръ. — Вотъ она, экономія - то, вся тутъ, а вѣдь намъ надо еще овса...

— Надо, ваше благородіе...

— Ну, такъ что же ты толкуешь?...

— А вы, ваше благородіе, добавочныхъ суммъ потребуйте...

— Развѣ можно?

— Можно, ваше благородіе... Я ужотко вамъ лепортичку подамъ, а вы ее къ полковнику, ваше благородіе...

— Что вамъ? — сухо обратился офицеръ къ подошедшему и остановившемуся около стола Тарантаеву.

— Вы не узнали меня, Суховъ?...

Офицеръ передвинулъ языкомъ сигару, которую мулявилъ, налѣво и прищурился.

— Да неужели это ты, Тарантаевъ? — весело воскликнулъ онъ. — Аркаша?

— Я...

— Ахъ, чортъ тебя возьми!... Симоненко, стулъ барину и стаканъ!...

Офицеръ обнялъ Аркадія, усадилъ его, налилъ ему портеру и, удерживая его за рукавъ, отдалъ приказаніе фельдфебелю на счетъ „лепортички“ и на счетъ какого-то мошенника, Сасандулова, а потомъ снова расцѣловалъ Аркадія.

— Въ ополченіе пошелъ? — спросилъ онъ, окидывая взглядомъ Аркадія. — Молодецъ!...

— Да, пошелъ... И братъ тоже...

— Ахъ, и Паша?... А какъ же старикъ вашъ?

— Да одинъ пока...

— Такъ, такъ... Гдѣ покупалъ сѣрое сукно?... Славное, братъ, сукно, а у насъ тутъ чортъ знаетъ что, ничего не купишь!... Пальто теперь всѣ шьютъ, новое это, по новой формѣ, а купить негдѣ, такая все дрянь!...

И ни слова о войнѣ, ни слова о побѣдахъ, о славѣ, объ опасности...

„Такъ вотъ онъ, Севастополь - то?“ снова думалъ Аркадій...

XXIV.

Аркадій Тарантаевъ никогда ничего не пилъ, и стакана два-три портера, которымъ угощалъ его пріятель, немного повліяли на него; въ головѣ зашумѣло, кровь быстрѣе начала течь въ жилахъ и обычная застѣнчивость оставила его, онъ сталъ разговорчивѣе и откровеннѣе.

— Такъ отечество защищать пріѣхалъ? — немного насмѣшливо спросилъ Суховъ, попывая портеръ и затягиваясь сигарой.

— Да, да, конечно... А ты развѣ не за тѣмъ здѣсь?

— Эй, вѣстовой, портеру еще подай!.. Да ты не хочешь-ли поѣсть, Аркадій? Я велю кое-чего подать, у насъ тутъ теперь есть, недавно транспортъ съ провизіей пришелъ... Хочешь?

— Нѣтъ, спасибо. Ты вотъ вели кому-нибудь проводить меня къ своимъ, я пойду...

— А гдѣ ваши-то?

— Да вотъ записку мнѣ дали, а найти не знаю какъ...

Суховъ взглянулъ.

— А, это въ первой оборонительной линіи... Если нужно, такъ я велю проводить, а если нѣтъ спѣху, такъ посидимъ, выпьемъ...

— Нѣтъ, я ужъ пойду.

— Ну, какъ знаешь... Эй, вѣстовой!..

Явился солдатикъ, такой маленькій, худенькій, съ какимъ-то птичьимъ лицомъ и маленькими, робкими глазками. „Должно-быть трусь большой и его въ деньщики назначили... Жалкій онъ какой-то“, — подумалъ Тарантаевъ.

— Чего изволите, ваше благородіе? — тоненькимъ голоскомъ, точно ребенокъ, спросилъ солдатикъ.

— Вотъ проводи барина въ первую оборонительную линію, къ батарейному командиру Касовурову... Найдешь?

— Такъ точно, ваше благородіе!

Суховъ радушно простился съ Тарантаевымъ, звалъ его опять къ себѣ и опять повторилъ совѣтъ беречься.

Тарантаеву сдѣлалось невыносимо тяжело; холодная, тупая тоска сдавила ему сердце. Онъ потерялъ Наташу, которую любилъ всѣми силами души, онъ уступилъ ее другому, которому она принадлежала. Ему это было очень тяжело сдѣлать, но онъ понималъ, что иначе нельзя, что какой-нибудь другой путь невыносимъ, что нельзя брать въ жены дѣвушку, которая любитъ не его, а другаго, и онъ уступилъ ее этому другому, нашелъ утѣшеніе въ подвигѣ, на который онъ пошелъ. Онъ твердо вѣрилъ, что дѣлаетъ подвигъ, исполняетъ долгъ, идетъ на дѣло хорошее и важное, идетъ туда, гдѣ онъ нуженъ, гдѣ его примутъ съ восторгомъ, одобрятъ, похваляютъ... Ему было пріятно сознавать это, и боль сердца затихала, тоска о пролетѣвшемъ счастьи уступала мѣсто чувству сознанія долга, чувству благородной гордости... И вдругъ!..

Слова Сухова повергнули его въ неизмѣримую бездну тоски и отчаянія.

Онъ тутъ совсѣмъ ненуженъ, лишній онъ тутъ, даже, быть можетъ, вреденъ, но ужъ во всякомъ случаѣ лишній...

Лишній!..

А онъ такъ мечталъ, такъ ухватился за это, такъ много нашелъ утѣшенія, такъ наполнилась его жизнь, сдѣлавшаяся пустою и безсодержательною послѣ потери Наташи... Лишній... Да, пожалуй, и такъ. Вотъ тутъ сколько такихъ, какъ онъ, и онъ лишь песчинка въ этомъ морѣ людей... Убьютъ—и все кончено... Зачѣмъ-же онъ шелъ?.. Положимъ, умереть не худо въ такомъ положеніи, — хорошо даже; но вѣдь ему хотѣлось жить, ему хотѣлось чего-нибудь такого, что замѣнило-бы ему мимолетное счастье, и онъ вѣрилъ во что-то, что-то манило его...

Суховъ отнялъ это „что-то“... Лишній, ненужный...

„Береги себя, не ходи туда, гдѣ опасно... А зачѣмъ-же онъ пришелъ-то?.. Его *дѣло* звало, и онъ вѣрилъ въ это дѣло и любилъ его, и искалъ въ немъ забвенія“...

Теперь изъ всего *дѣла* осталось лишь одно самоубійство. Онъ можетъ найти тутъ только смерть, а жизни уже нѣтъ; нечего ему и мечтать о чемъ-то великомъ, важномъ. Умереть, только умереть онъ можетъ. Лучше, конечно, умереть тутъ, чѣмъ отъ собственной руки, отъ самоубійства совсѣмъ обыкновеннаго; не грѣхъ можетъ тутъ искать смерти, гдѣ умираютъ очень много, но жизни ему не найти. Все, все пропало для него!..

Суховъ, конечно, правъ. Что можетъ сдѣлать тутъ бѣдный Аркадій? Какую онъ пользу принесетъ? А вѣдь онъ именно шелъ сюда затѣмъ, чтобы принести пользу, и мечта объ этой пользѣ спасла его отъ полного отчаянія, замѣнила ему до нѣкоторой степени Наташу... И теперь ничего этого не осталось, вся вѣра въ пользу пропала, осталась лишь надежда—въ смерти найти забвеніе и покой... Скорѣй-бы ужъ, одинъ-бы конецъ... Прощай все... Прощай, отецъ, милый братъ, Наташа, родина, скромное, но любимое дѣло на этой родинѣ... Только одна смерть осталась впереди, а дорога до нея пустынна, холодна, тосклива, страшно безсодержательна... Скорѣй бы!..

— Держитесь къ стѣнкѣ, ваше благородіе, а то задѣнетъ,—сказалъ идущій сзади солдатикъ.

Аркадій оглянулся.

Солдатикъ шелъ, лѣвясь къ какой-то стѣнѣ, и грызъ, уморительно морща лобъ и щеки, черствую булку, смазанную чѣмъ-то липкимъ и краснымъ. Онъ не стѣснялся „чужаго“ барина, да еще ополченца; онъ признавалъ только своихъ офицеровъ.

Аркадій увидалъ, что они идутъ по какой-то узенькой улицѣ, съ одной стороны которой возвышались горами развалины, а по другой тянулась кирпичная стѣна. Гдѣ-то

близко ухали выстрѣлы, а надъ головами что-то свистѣло и съ трескомъ падало въ развалины, подымая оттуда пыль и мусоръ.

— Что задѣнетъ?—спросилъ Аркадій.

— А, вишь, палить... Эвона куда снаряды-то падаютъ— за стѣну, а тутъ осколки летятъ да каменья... Ишь ты, надъ самой головой ровно шмель жужжитъ, того гляди задѣнетъ и голову раскромсаетъ!..

— А ты боишься?

— А то какъ-же? Убить можетъ, баринъ... Тутъ намереніи нашъ солдатикъ битки несть барину на батарею, такъ его, сердешнаго, солдатика-то нашего, к-а-а-акъ шаркнетъ осколкомъ!..

— Убило?

— Въ дрызгъ!.. Баринъ ждуть битковъ, а они вотъ тутъ валяются...

— А ты не былъ въ дѣлѣ?—спросилъ Аркадій, инстинктивно прижимался къ стѣнѣ.

— Былъ, ваше благородіе. Мы строевые. Меня въ мартѣ, аккуратъ во второй день Пасхи, задѣло по ногамъ; всѣ вотъ эти мѣста оторвало, да спасибо,—кость не повредило... А недавно вотъ въ ляжку штыкомъ саданулъ французъ, да вскользь, малость самую... На вылазкѣ мы были подъ Шварцовскимъ редутомъ.

— Такъ чего-же ты боишься, если ты въ дѣлахъ былъ? спросилъ Аркадій, съ уваженіемъ уже глядя на маленькаго солдатика.

— А какъ-же, баринъ? Можетъ убить вѣдь...

А осколки все чаще и чаще свистали надъ головами, грозя размозжить голову каждую минуту.

„И вдругъ тутъ вотъ смерть!—подумалъ Аркадій.—Идемъ въ какомъ-то корридорѣ, одни, ни товарищей, ни звуковъ побѣды, ни непріятеля—и вдругъ смерть... Обломкомъ картечи убьетъ, какъ собаку... Подвигъ-ли это“?..

Ему представился солдатикъ, который несть своему офицеру битки и былъ убитъ... Подвигъ-ли это?

„Конечно, конечно! — вдругъ рѣшилъ Аркадій. — Онъ исполнялъ долгъ, онъ несъ службу и онъ такой-же герой, какъ и тотъ, который съ саблею на-голо идетъ впереди отряда на штурмъ, на приступъ... Вотъ этотъ маленькій солдатикъ развѣ не герой?.. Послали его — и идетъ. Два раза раненъ ужъ, видалъ смерть въ глаза, испыталъ боль, пролилъ кровь свою за общее дѣло, а и не думаетъ объ этомъ...

— Что это ты ѣшь?—спросилъ Аркадій.

— Булку, ваше благородіе... Не кушали ее ихъ благородіе, черства вишь очень, ну, и отдали...

— А въ чемъ это она?

— Въ вареньѣ... Хе, хе, хе... Прислали барину изъ дому двѣ банки. А одну деньщикъ и разбилъ, ну мы съ Тарасюкомъ и взяли... Не угодно ли, баринъ, булочки-то? Скучная очинно, особливо съ вареньемъ-то...

Аркадію очень хотѣлось ѣсть, онъ ничего не ѣлъ еще сегодня.

— Ты мнѣ продай половину, я заплачу тебѣ,—сказалъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, хлѣбомъ-солью не торгуютъ, я такъ дамъ...

Солдатикъ отломилъ половину, досталъ изъ кармана шинели жестянку съ вареньемъ и подаль.

Аркадій съ большимъ аппетитомъ съѣлъ это незатѣйливое кушанье. Минуть черезъ пять они миновали улицу и вышли къ пустынной площади или полю,—Аркадій такъ и не разобралъ. Площадь эта вся была залита жидкой грязью и изрыта бомбами. Бомбы и теперь падали тутъ, шипѣли, свистѣли и съ грохотомъ разрывались, взбрасывая цѣлый столпъ грязи, камней и осколковъ. Не болѣе, какъ въ десяти саженьяхъ, виднѣлись наши батареи, валы съ траверсами, чернѣли, какъ лазы въ нору, блиндажи, а на батареяхъ, на валу, подъ нимъ копошились люди.

Гулъ орудій стоялъ въ воздухѣ, сотрясая его. По всѣмъ

направленіямъ летѣли снаряды, густой дымъ волнами стлался въ воздухѣ и подымался къ небу, а далеко-далеко, у непріятеля, то и дѣло вспыхивали огни, вылетали шары бѣлаго дыма, грохотали выстрѣлы и сливались съ нашими и съ какими-то еще другими, очень далекими, съ какимъ-то непонятнымъ гуломъ и стономъ.

— Ну, теперь, ваше благородіе, бѣгомъ, а то живо ухлопають!—сказалъ солдатикъ.

— Да зачѣмъ-же бѣгомъ?

Но солдатикъ подобралъ уже полы шинели и бросился бѣжать по грязи, разбрасывая ее во всѣ стороны.

Аркадій послѣдовалъ за нимъ.

Аркадій замѣтилъ во время бѣга черезъ площадь, что по всему протяженію нашихъ укрѣпленій въ этомъ мѣстѣ человѣкъ триста сѣрыхъ фигуръ таскали фашиинникъ, землю, что-то копали, куда-то скрывались и снова показывались. Надъ копошившимися этими сѣрыми фигурами пролетали бомбы и падали, застилая все дымомъ и землею.

Ни знаменъ, ни музыки, ни побѣдныхъ кликовъ не было и тутъ.

Сопровождавшій или, скорѣе, ведущій теперь солдатикъ, запыхавшись, остановился подъ стѣнкою батареи и обратился къ солдатамъ, которые сидѣли тутъ на бревнахъ и курили трубку:

— А что, землячки, гдѣ тутъ батарейнаго командира Касовурова найтить?

Солдаты встали и спрятали трубки, замѣтивъ Аркадія.

— Эвона гдѣ,—указалъ одинъ.—Вонъ его блиндажъ.

— Пожалуйте, ваше благородіе, тамоди спросите,—сказалъ вѣстовой Аркадію.

Аркадій далъ ему серебрянный рубль на водку, видимо поразивъ всѣхъ, и отправился по указанному направленію.

Деньщикъ батарейнаго командира недружелюбно и презрительно оглядѣлъ Аркадія и пошелъ о немъ доложить. Блиндажъ, куда ввелъ затѣмъ Аркадія деньщикъ, походилъ

на крохотную комнату какого-нибудь постоялаго двора, или на избу, занимаемую во время зимней стоянки зажиточнымъ и значительнымъ офицеромъ. Полъ и стѣны были устланы коврами, потолокъ изъ громадныхъ дубовыхъ балокъ былъ чистъ, и съ него спускалась лампа, вздрагивающая и звенящая отъ выстрѣловъ стоявшихъ надъ блиндажомъ пушекъ; у стѣны стоялъ столъ, накрытый цвѣтною салфеткою, другую стѣну занимала кровать съ сѣрымъ байковымъ одѣяломъ и горкою подушекъ; на столѣ горѣли двѣ свѣчки въ мѣдныхъ шандалахъ; повѣшенная поперекъ блиндажа полость дѣлила его на двѣ части, и первая была помѣщеніемъ деньщика и вѣстовыхъ. Тутъ кипѣлъ самоваръ и молоденькій юнкеръ около полочки хлопотливо приготавливалъ бутерброды, раскраснѣвшійся и весь отдаваясь своему дѣлу.

Впослѣдствіи этого молоденькаго, хорошенькаго юнкера Аркадій видѣлъ разорваннаго бомбою на двѣ части и превращеннаго въ куски окровавленнаго мяса. Батарейный командиръ, красивый брюнетъ съ холоднымъ и строгимъ лицомъ, писалъ что-то за столомъ и при входѣ Аркадія сурово оглянулся на него, заботливо отирая перо суконкою. Другой офицеръ, полный, краснощекій блондинъ съ добрыми и ласковыми глазами, набивалъ папиросы, пристроившись на складномъ стулѣ къ кровати.

Аркадій, неловко поклонившись, и не зная какъ надо здороваться и говорить съ командиромъ, объяснилъ, что онъ причисленъ къ отряду ополченской дружины, назначенному состоять въ распоряженіи его, господина Косовурова.

— Такъ-съ, — проговорилъ командиръ, снисходительно выслушавъ не знающаго субординаціи ополченца. — Весьма пріятно... Юноша еще совсѣмъ, мальчикъ! — обратился онъ къ другому офицеру. — Удивляюсь я на нихъ, на этихъ волонтеровъ!.. Ну, что я съ нимъ буду дѣлать? Ну, куда я его дѣну?..

— Ахъ, не говорите, Павелъ Семеновичъ!.. Это, батюшка, герои, это люди самоотверженные, они заслуживаютъ уваже-

нія... Вѣдь не всѣ-же по попутнымъ городамъ кутятъ да формою дѣвицъ прельщаютъ,—вѣдь вотъ онъ въ самое пекло идетъ, а вѣдь онъ понимаетъ, что тутъ бьютъ, что тутъ смерть... Нѣтъ, это герои, это молодцы!..

— Да знаю я, знаю,—смягчился командиръ,—а жаль мнѣ ихъ... Какъ ваша фамилія?

— Тарантаевъ.

— Дворянинъ.

— Да.

— Есть отецъ, мать, сестры?

— Отецъ есть и братъ... Онъ тоже въ ополченіи...

— Братъ-то?

— Да.

— Ну, вотъ видите!.. А тамъ старикъ, поди, плачетъ, ночи не спитъ... Да, да, пожалуй, что и герои! пожалуй, что и правы вы, Николай Николаевичъ... Садитесь, господинъ Тарантаевъ... Эй, чаю живѣе да хлѣба, сыру дать!.. Ну-съ, господинъ Тарантаевъ, угощу я васъ вотъ чайкомъ, а тамъ и въ дѣло...

У Аркадія немного потемнѣло въ глазахъ, и руки, державшія фуражку, задрожали.

— Гдѣ у насъ ополченцы-то, Николай Николаевичъ?

— Да на работѣ, валь чинятъ; матросы изъ силъ выбились и перебили многихъ; я очень радъ, что подошли ополченцы, а то хотъ плачь...

— Ну, вотъ и пойдете, господинъ Тарантаевъ... Толку вы, конечно, въ работѣ не знаете, а ваше дѣло будетъ по-нукать своихъ ребятъ, покрикивать, ну, и примѣръ показать...

— Мнѣ бы вотъ саблю надо,—не смѣло сказалъ Аркадій.—Я купилъ, да плоха, желѣзная... Я...

— И эту здѣсь оставьте!—перебилъ командиръ.—Тамъ, батюшка, никакихъ сабель не надо, а надо глотку здоровую. Вы помѣщикъ?

— Да.

— Ну, вотъ ходили, чай, на сѣнокосъ, кричали на работниковъ,—такъ и тутъ... Тамъ косили, а здѣсь...

Командиръ обрадовался удачному, по его мнѣнію, каламбуру и громко захоталъ.

— А здѣсь насъ косятъ!.. Ха, ха, ха!.. Вѣрно, Николай Николаевичъ?.. Давайте-же чаю-то намъ!.. Миша, хозяйка моя, гдѣ-же вы?

— Сейчасъ-съ!..

Молоденькій юнкеръ внесъ подносъ съ бутербродами, а деньщикъ—самоваръ и посуду.

XXV.

Копотившаяся масса сѣрыхъ людей, которую замѣтилъ Тарантаевъ, подходя къ бастиону, состояла изъ ополченцевъ и выпущенныхъ на свободу арестантовъ, производившихъ работы на разрушенныхъ непріятельскими выстрѣлами укрѣпленіяхъ.

Разрушенія постоянно были такъ велики, людей убывало такъ много, что главнокомандующій нашелъ нужнымъ выпустить на свободу заключенныхъ въ севастопольскомъ тюремномъ замкѣ и арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства. Когда главнокомандующій рѣшилъ это, ему чиновники города насулили множество ужасовъ отъ этого мѣропріятія.

— Арестанты разбѣгутся, ни единого изъ нихъ не останется на работѣ и по городу начнутся грабежи, убійства,—говорили главнокомандующему.—Всѣ окрестности подпадутъ подъ страшную блокаду этихъ порочныхъ людей, а теперь не до того, чтобы наблюдать за ними и ловить ихъ и вновь судить...

Но главнокомандующій зналъ лучше душу простаго русскаго человѣка и не обратилъ вниманія на предостереженія.

Онъ приказалъ дать свободу арестантамъ и выѣхалъ смотрѣть ихъ.

— Братцы, — сказалъ онъ имъ, — согрѣшили вы предъ Богомъ и Государемъ!... По высочайше дарованной мнѣ власти, довѣряю вамъ помогать отраженію враговъ. Испустите трудами вашими грѣхи, братцы, покажите, что вы все-же люди съ душою и сердцемъ. Павшему при исполненіи святаго долга Господь проститъ прегрѣшенія, а церковь будетъ за него молиться. Оставшійся-же въ живыхъ возобновитъ свои права, какъ защитникъ престола и отечества... Ступайте съ Богомъ!...

И эти отторженные отъ общества люди были вполнѣ достойны своего призванія. Ни единого случая побѣга, неповиновенія, ни единого случая кражи не было среди арестантовъ во все время осады, а вѣдь имъ была предоставлена полнѣйшая свобода!...

Подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, терпя страшныя лишенія, неся тяжелые труды, день и ночь, работали эти люди, не отставая отъ матросовъ, солдатъ и ополченцевъ. И ни слова ропота, ни тѣни неудовольствія или тоски.

И матросы, и солдаты, и ополченцы, и эти отверженные люди — арестанты — работали подъ огнемъ, какъ свое собственное дѣло, а умирали — какъ герои.

Преосвященный Иннокентій, пріѣхавшій въ Севастополь по порученію Государя Императора для поощренія защитниковъ пастырскимъ словомъ и поученіемъ, писалъ потомъ свои знаменитыя слова: „Я пріѣхалъ въ Севастополь не учить, а учиться самъ мужеству, храбрости и терпѣнію у защитниковъ Севастополя!“

Одинъ изъ историковъ севастопольской осады говорить по этому поводу: „Это не была пастырская скромность, или витіеватость, или игра словъ, — нѣтъ, эти истинныя слова выходили прямо изъ глубины души при видѣ всей окружающей обстановки и выражали вѣрно чувство каждаго посторонняго человѣка, даже не наблюдателя. Русскій видѣлъ и признавалъ неустойку, но терпѣливо сносилъ всѣ тягости осады, признавалъ свое геройское положеніе, храбро переносилъ“

силъ всѣ лишенія и невзгоды, терпѣлъ, надѣялся и не уступалъ непріятелю“.

Аркадій Тарантаевъ вышелъ на работы, когда совсѣмъ уже стемнѣло.

По темному фону неба огненными линіями обозначался полетъ снарядовъ. Воздухъ гудѣлъ и стоналъ отъ безпрестанныхъ выстрѣловъ. Земля дрожала.

Тррррахъ-та, та, тахъ!... Трахъ!—гудѣло непрерывно, а затѣмъ тамъ и сямъ съ оглушительнымъ грохотомъ взрывало бомбу и со свистомъ летѣли осколки, а свистъ ихъ непрерывно сопровождался стономъ и крикомъ раненаго.

— Охъ, родимые, ноги оторвало!... О-о-охъ!...

— Носилки!...

И безъ конца раненые и убитые, и безъ конца носилки и кровь!...

Содрогаясь всѣмъ тѣломъ, не отъ страха быть убитымъ, а отъ какого-то ужаса безпредѣльной тоски, шелъ Аркадій къ мѣсту работъ. Онъ думалъ увидать тутъ удрученныхъ горемъ людей, обреченныхъ на смерть, блѣдныхъ, измученныхъ, утомленныхъ, молчаливыхъ, какъ трупы...

— Ха, ха, ха! — донесся до слуха Аркадія хохотъ, когда онъ подошелъ къ линіи укрѣпленій. И это былъ хохотъ веселый, безпечный, залихватскій. Прикрытая только что возведеннымъ валомъ, отдыхала группа рабочихъ, состоявшая изъ ополченцевъ и арестантовъ. Дымились трубочки, кипѣла въ котелкѣ вода, для заварки кѣмъ-то добытаго чаю, лилась пріятельская бесѣда, заглушаемая немного выстрѣлами да взрывами неподалеку падающихъ снарядовъ, да порою—стономъ раненаго. Бородатые ополченцы, совсѣмъ мужички по виду, только въ фуражкахъ съ крестами, сидѣли на корточкахъ группами, а какой-то арестантъ, въ лихо заломленной шапкѣ на бритой головѣ, потѣшалъ ихъ рассказами.

— Ахъ, штобъ тебѣ! — смѣялись ополченцы. — Во парень-то!... Да вѣдь тебя ранили, Парменовъ, нонѣ?

— Ранили, братцы... Командиръ говорилъ намъ, „эвона, — говоритъ, — ложементъ пустуетъ, надо-бы его занять, да укрѣпить, братцы!... Мы это и бросились, а тутъ какъ разъ хранцузъ изъ ружей на насъ и ахнулъ!... Ровно горохъ сыпанулъ, а одна горошина мнѣ по ногѣ цапъ... На цѣломъ мѣстѣ, братцы, дырочку сдѣлала!...

— Ахъ, штобъ тебѣ!... Такъ что-же ты въ ошпиталь-то не пошелъ?

— Эвона!... Что я — барышня, что-ли? Я сейчасъ землицей приложилъ рану, портянкой обернулъ я ничего, только свербитъ малость, ровно пчела тутъ присосалась... Я, братики, человѣкъ очипно равнодушный, веселый я человѣкъ...

— Веселый и то!...

— А ежели убьютъ, Парменовъ?

— Меня-то?... Не смѣетъ хранцузъ казеннаго человѣка убить, я еще отсиживать срокъ долженъ...

— Ха, ха, ха!... Тутъ, братъ, кого хошь убьютъ!...

— А убьютъ, такъ и слава Богу, — серьезно сказалъ степенный пожилой ополченецъ. — Умирать-то, братцы, надо; сидни-ли, завтра-ли, черезъ десять-ли годовъ, а все надо, — такъ ужъ лучше за матушку Расею умереть, чѣмъ отъ какой-нибудь лихоманки. Все же отпущеніе грѣховъ тебѣ будетъ... Одному, безъ міра умирать тяжело, а съ міромъ, въ народѣ, на людяхъ умереть дай Богъ всякому...

Аркадія поразили эти слова мужика.

„Умереть на міру, умереть среди другихъ, умереть, когда кругомъ такъ много и такъ хорошо умираютъ — легко! — подумалъ онъ. — Я ждалъ подвиговъ, я думалъ, что очень нуженъ я здѣсь, и когда Суховъ, когда другіе сказали мнѣ, что я не нуженъ, что я *лишний*, — мнѣ тяжело и страшно сдѣлалось, точно отняли у меня что-то... Нѣтъ, нѣтъ не лишній я, нуженъ я тутъ!“...

Аркадію сдѣлалось легко и хорошо. Онъ не понималъ, что именно произошло съ нимъ, не могъ формулировать своихъ ощущеній, но почувствовалъ нѣчто такое, что сдѣлало его счастливымъ, радостнымъ.

Это *нѣчто*—была великая сила среды живыхъ людей общества, человѣчества. Это было то ощущеніе, когда не эгоистичная, любящая душа вдругъ почувствуетъ, что она слилась съ великимъ цѣлымъ, безконечно малую часть котораго она составляетъ, какъ будто она растворилась, въ немъ, этомъ великомъ цѣломъ, отдала ему всѣ свои силы, всецѣло забывая о себѣ, и въ то же время наполнилась этимъ цѣлымъ.

Только очень любящіе люди могутъ ощущать это, и это ощущеніе даетъ величайшую радость, даетъ максимумъ наслажденій.

„Всѣ для меня и я для всѣхъ“—служить девизомъ для этихъ людей, но они не носятъ этотъ девизъ на виду, они даже не признаютъ его, онъ живетъ у нихъ въ душѣ, а они живутъ имъ для него.

Мужикъ—ополченецъ, слова котораго оживили Аркадія, не зналъ никакихъ философскихъ теорій, онъ не зналъ, быть можетъ, грамотѣ, но въ немъ отъ природы жило сознаніе, что „міръ“, то-есть общество, люди, человѣчество, есть величайшая сила, и что внѣ общихъ интересовъ нѣтъ ни счастія, ни жизни. Простая душа Аркадія носила то же въ себѣ это сознаніе, и оно проснулось теперь и воскресило Аркадія.

Онъ съ жаромъ отдался новому дѣлу и безъ оружія, безъ музыки, безъ шума знаменъ, безъ побѣдныхъ кликовъ принялъ участіе въ великой войнѣ и понималъ, что онъ нуженъ, полезенъ, какъ нужны и полезны эти тысячи сѣрыхъ, согнувшихся на работѣ людей. Съ лопатами, кирками, заступами и тачками они тутъ нужны были такъ-же, какъ другіе—съ пушками, саблями, ружьями.

Это было время, когда непріятель начиналъ приходить

въ отчаяніе отъ бесплодности своихъ усилій и особенно яростно нападалъ, готовясь къ рѣшительному и послѣднему штурму.

Тарантаевъ подошелъ къ одной группѣ бесѣдующихъ ополченцевъ и поздоровался.

— Здравія желаемъ,—отвѣчали ему ополченцы и поднимались, снимая шапки.

— Садитесь, ребята, садитесь, — сказалъ Тарантаевъ и сѣлъ самъ.—Отдыхаете?

— Точно такъ... Съ полдень валъ чинили, а танерича вонъ смѣна вышла...

— Много перебили?

— Народу-то?... Много, ваша милос... ваше благородіе... Жарить *онъ* и конечно дѣло. Ну, иначе мы много и поработали. Такой тутъ вотъ валъ своротили, что зубы обломаетъ, какъ братъ его зачнетъ!...

— Что-жъ, страшно, ребята?

— Извѣстно дѣло, робко, баринъ, потому кажинную минуту можетъ тебя либо убить, либо искалѣчить...

— Однако, работали же, не бѣжали...

Ополченцы засмѣялись.

— Работали...

— Какъ же можно бѣжать, нельзя этого, — замѣтилъ одинъ.—Если всякій бѣжать будетъ, такъ и Расею некому защищать...

— Отъ смерти не убѣжишь, она вездѣ найдетъ, — замѣтилъ другой сурово и обратился къ товарищамъ:

— Что-жъ, братцы, надо хлѣбушка пожевать да поспать малость. На разсвѣтѣ, сказано, опять на работу...

— Вы спать, а я портняжничать, — улыбаясь сказалъ маленькій сухощавый ополченецъ съ тихими свѣтло-голубыми глазами.

— Что такъ, Матвѣичъ?

— Да кафтанъ очинно изодралъ, хворостъ таскавши. Все на плечахъ, все на плечахъ, безъ всякаго приспособленія,—ну, и изодралъ...

— Была неволя чинить! — засмѣялся молодой ополченецъ, съ пренебреженіемъ оглядывая свой собственный кафтанъ, весь изодранный и запачканный.

— Нельзя не чинить, милый, въ рваномъ-то не способно да и холодно ночью...

— Убьютъ, такъ и въ рваномъ ничего...

— А убьютъ—такъ пусть другому исправный достанется, пусть другой на меня не жалится и добрымъ словомъ помянетъ...

И мужикъ усердно принялся чинить кафтанъ, думая о томъ, что кафтанъ годится еще другому,—такъ пусть этому другому будетъ хорошо въ немъ и удобно.

„А я все о себѣ только думалъ, все о себѣ! — пришло въ голову Аркадію.—Жилъ лишь своимъ горемъ, мечталъ только о своей радости... О другомъ надо думать, о другомъ... О томъ невѣдомомъ, неизвѣстномъ мнѣ братѣ, которому вотъ готовить этотъ мужикъ кафтанъ, идя умирать, отдавая заботѣ для этого данный на отдыхъ часъ...“ Аркадій пошелъ къ работающимъ.

— Баринъ!... Ваше благородіе!—кликнулъ его пожилой ополченецъ.

— Что?

— Вы куда-же это? Тамъ вѣдь жарко, убить могутъ...

— Я назначенъ на работы...

— Надсматривать? Такъ вы изъ-за вала вотъ глядите. Десятника прикажете?

— Нѣтъ, я ужъ самъ...

Аркадій пошелъ.

Надъ головами работающих проносились снаряды, упавъ иногда среди нихъ и разрываясь. Съ недалекихъ непріятельскихъ ложементовъ долетали пули и шлепались, пролетая со свистомъ, въ землю, въ груди фашинника, въ тѣло людей. Аркадію сперва показалось, что это какіе-то жучки летятъ, посвистывая и разсѣкая воздухъ, и только тогда, когда одинъ такой „жучокъ“ свалилъ ополченца,

такъ что тотъ и не пикнулъ, — Аркадій понялъ, что это пули.

Онъ не ощущалъ страха.

Слишкомъ ли много видѣлъ онъ сегодня смертей, труповъ, гробовъ, или же нервы его такъ настроились, что перестали быть чувствительными, но Аркадій шелъ подъ выстрѣлами, совершенно не чувствуя того леденящаго кровь страха, который свойственъ самому храброму, самому привычному къ опасности человѣку.

Онъ даже не думалъ о смерти, какъ не думаетъ о ней человѣкъ, занятый своими дѣлами и идущій по полю, надъ которымъ летаютъ только бабочки да рѣютъ птицы.

— Ишь ты, ровно гуляетъ! — замѣтилъ арестантъ, кивнувъ головою на Аркадія и стараясь такъ нести связку фашичника, чтобы защитить себя имъ отъ пули.

— Да, бравый, — сказалъ другой. — Что-жъ, изъ господъ тоже есть отважные...

— А, поди, имъ труднѣе еще нашего, потому бѣлоручки, да и жизнь у нихъ красная, сытая...

Въ взводимый дружными усиліями рабочихъ валъ ударилась бомба, взрыла землю, выкинула цѣлый снопъ земли и камней и съ трескомъ разорвалась, засыпавъ осколками и камнями рабочихъ. Послышались стоны, толпа отхлынула отъ образовавшейся бреши, и въ нее засвистѣли уже непріятельскія пули, а земля осыпалась, какъ дождь.

Аркадій схватилъ изъ рукъ опрокинушагося навзничъ съ разбитою головою ополченца заступъ и бросился къ валу.

— За мной, ребята! — крикнулъ онъ звучнымъ, веселымъ, молодымъ голосомъ, какъ крикивалъ бывало, идя по полю во главѣ косцовъ.

Смѣлый голосъ этотъ, высокая фигура Аркадія, его примѣръ сразу ободрили ошеломленныхъ рабочихъ, и они съ крикомъ послѣдовали за нимъ.

— Дружнѣе, ребята, дружнѣе! — кричалъ Аркадій, бросая землю громадными двупудовыми глыбами. — Засынай

пробоину, хворостомъ кидай сюда!... Выше, выше кидайте, въ одно мѣсто, вотъ сюда!...

Брешь мигомъ была задѣлана, и рослая фигура Аркадія выросла на валу, открытая выстрѣламъ.

— Молодецъ, ополченецъ, браво! — услыхалъ Аркадій сочный голосъ съ мягкими грудными нотками пожилаго, но здороваго и сытаго человѣка.

Аркадій оглянулся.

— Молодецъ, ополченецъ, молодецъ! — повторилъ полный, румяный морской офицеръ, который сидѣлъ, заломивъ свою фуражку „по-нахимовски“, за грудой фашинника и наблюдалъ работы, покуривая сигару.

Видная, представительная фигура его то и дѣло освѣщалась огнемъ выстрѣловъ, а кругомъ разрывались и лопались бомбы.

— Сойдите съ вала! — крикнулъ за тѣмъ морякъ. — Убьютъ зря...

Аркадій повиновался.

— Подойдите сюда, — продолжалъ морякъ. — Дворянинъ?

— Да, — отвѣтилъ Аркадій, смущенный похвалами и устремленными на него взглядами.

— Ваша фамилія?

— Тарантаевъ... Аркадій Алексѣвичъ Тарантаевъ.

Морякъ досталъ записную книжку.

— Какой дружины?

— Рязанской.

— Молодецъ!... Я васъ представлю къ наградѣ, голубчикъ: вы львомъ бросились къ пробоинѣ, и ради васъ задѣлали ее въ одинъ мигъ... Ступайте, голубчикъ, дѣйствуйте, только не подвергайте себя опасности безъ толку.

Аркадій не понималъ, за что его хвалилъ и хотѣлъ представить къ наградѣ этотъ важный представительный офицеръ, но ему стало отрадно и хорошо.

„Значить, и я тутъ не лишній, и я нуженъ, — думалъ

онъ.—Если убьютъ—отецъ узнаетъ о наградѣ, порадуетъ, утѣшенъ будетъ... Братъ Паша узнаетъ... Наташа"...

Аркадія словно кольнуло что-то въ сердце.

Онъ опять схватилъ заступъ и опять бросился къ валу.

Свистъ и грохотъ позади заставили его оглянуться. Въ пяти шагахъ крутилась, сверкая фитилемъ, бомба, затѣмъ грохнуло что-то, блеснулъ огонь — и Аркадій упалъ ничкомъ.

Темная, темная мгла окружила его и стала давить къ землѣ, и все кончилось, пропало куда-то...

XXVI.

Со стороны непріятельскихъ ложементовъ и ближайшихъ укрѣпленій послышался яростный крикъ, засверкалъ и затрещалъ ружейный огонь и по полю замелькали тѣни множества бѣгущихъ людей.

— Штурмъ!—крикнулъ кто-то на возводимомъ валу.

— Французы бѣгутъ, французы!—раздалось въ другомъ мѣстѣ.

— Приступомъ берутъ валъ, приступомъ!..

— Ахти, ребята, смерть наша пришла!—закричалъ кто-то визгливымъ, полнымъ отчаянія и страха, „заячьимъ“ голосомъ.—Спасайся, ребята, уноси ноги!..

Крикъ, полный тревоги и отчаянія, въ роковую минуту грозящей опасности производитъ страшное впечатлѣніе на толпу, вселяетъ въ нее паническій страхъ, и толпа отдается первому впечатлѣнію, теряется и бѣжитъ съ ужасомъ, какъ стадо барановъ.

— Впередъ!—яростно крикнулъ тотъ морякъ, который поощрялъ Аркадія.—Куда вы?! Впередъ, ребята, за мной!.. За вѣру, за царя, за отечество!.. Ура!..

Онъ схватилъ желѣзную кирку и бросился на валъ. И какъ скоро поддавалась толпа робкому крику ошеломленнаго

ужасомъ челоуѣка, такъ скоро она и ободрилась призывнымъ кличемъ мужества.

— Ура-а-а!..—загремѣло со всѣхъ сторонъ, и ополченцы, арестанты, матросы рванулись къ валу, перелѣзли черезъ него и бросились на встрѣчу бѣгущимъ французамъ. Затрепщаль барабанъ, выскочили изъ блиндажей солдаты, стоявшіе неподалеку отъ вала двѣ роты Владимірскаго полка тоже кинулись сюда, и за валомъ завязался рукопашный бой.

Ополченцы безъ ружей, безъ топоровъ, съ одними лопатами и кирками, а многіе и просто съ голыми руками—львами кинулись на непріятеля.

Это было нѣчто похожее на то, что ранѣе случилось съ курскими ополченцами, которые, не умѣя хорошенько владѣть ружьями и очень страдая отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, озлобились, ожесточились и, связавшись кушаками, чтобы „не разбиваться“, бросились всей массой на непріятеля въ топоры и полегли *всѣ до одного*, произведя, впрочемъ, страшное опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ.

Такъ было и тутъ, съ той лишь разницею, что здѣсь ополченцевъ и арестантовъ подкрѣпляла превосходно обученная и храбрая регулярная пѣхота наша. Роты владимірцевъ и рота другого полка удержали безумный порывъ, дали ему форму правильнаго натиска, и штурмъ былъ блестяще отраженъ, укрѣпленіе осталось за нами, французы отступили въ безпорядкѣ и были-бы перебиты всѣ до одного, еслибъ не подоспѣвшая конная артиллерія, которая ужасающимъ огнемъ заставила нашихъ отступить къ укрѣпленію. Ударили „отбой“. Началась уборка раненыхъ и убитыхъ. Непріятель прекратилъ огонь по всей линіи.

При свѣтѣ занимающейся зари ополченцы клали на носилки убитыхъ и раненыхъ и уносили за валъ.

— Ишь-ты, сколько перебито нашихъ-то!—говорили ополченцы, окидывая глазами поле, усыянное трупами.

— Не мало и *его* полегло...

— Да, порядкомъ!..

— Красивый баринъ-то, молодой, который даве соколомъ на валъ взлетѣлъ и насъ съ собой умчалъ—убить!—сказалъ одинъ ополченецъ и показалъ глазами на лежащаго ничкомъ Аркадія.

— Да, ухлопали сердечнаго!.. Ишь ты, въ бокъ сада-нуло... Крови-то сколько, крови-то!..

— Да... Хорошій былъ баринъ, важеватый...

— Что-жъ дѣлать, линія ему такая... Царство ему небесное, ежели хорошій... Подымай, Матвѣичъ, клади его...

Ополченцы наклонились и взяли Аркадія за плечи и за ноги.

Онъ застоналъ.

— Живъ!—крикнулъ одинъ.—Батюшки мои, глаза открылъ, смотреть!.. Легче, легче, Матвѣичъ!.. Клади аккуратно...

Къ нимъ подошелъ морякъ, который хвалилъ Аркадія.

— Убить?—спросилъ морякъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, живъ, дышетъ, глаза сейчасъ открывалъ. .

Офицеръ наклонился къ Аркадію, взялъ его за руку, заглянулъ въ блѣдное окровавленное лицо его и назвалъ по фамилии.

Аркадій открылъ глаза.

— Гдѣ я?—тихо спросилъ онъ.

— Среди друзей, храбрый мой юноша, среди друзей... Больно вамъ?...

— Нѣтъ... Ахъ, больно, больно!... Вотъ тутъ... грудь... Ахъ, я умру!... Отцу... отцу дайте знать и... брату и... и ей... Наташ...

Аркадій закрылъ глаза, и двѣ свѣтлыя, свѣтлыя слезинки скатились ему на щеки, упали на молодые темные усы.

— Богъ милостивъ голубчикъ,—сказалъ морякъ.—Вотъ этотъ крестъ пусть спасетъ васъ и призоветъ къ жизни...

Онъ досталъ Георгіевскій крестъ и нацѣпилъ на грудь Аркадія.

— Вы достойны его, мой милый мальчикъ... Осторожнѣе, ребята, несите, не встряхивайте...

Ополченцы подняли носилки и мѣрно шагая пошли. Аркадій застоналъ.

Стонали и сотни другихъ людей. Только этотъ стонъ и слышался теперь въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ.

Война достигала кульминаціонной точки. Наступалъ кризисъ. Пора было такъ или иначе рѣшить дѣло, пора было или укротить ярость нападающихъ, или устать защищающимся.

Слишкомъ много крови пролилось, слишкомъ много пало жертвъ, а геройство русскихъ принимало размѣры грандіозные.

Вотъ что пишетъ объ этомъ времени адъютантъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, поручикъ Наумъ Александровичъ Горбуновъ:

„Русскій солдатъ жилъ на бастіонахъ, въ ложементахъ, на банкетахъ и траншеяхъ, совершенно не стѣсняясь, какъ дома; солдата и въ это время не оставляли свойственный русскому человѣку юморъ, врожденная удалъ и явное пренебреженіе къ смерти. Въ каждой группѣ можно было примѣтить въ любое время кого-либо поющего, какую-либо затѣйливую бесѣду или, чаще всего, слышать рассказъ какого-нибудь будто-бы забубеннаго солдатика, между тѣмъ видимаго храбраго и честнаго человѣка. Если въ котель попадали иногда осколки бомбы, ядро или какой-нибудь снарядъ, то подобное прибавленіе къ пищѣ не только не отнимало аппетита, а, напротивъ, служило предлогомъ къ каламбурамъ.

„Однажды случилось, что подъ котель унало рикошетомъ ядро, опрокинувъ котель и выбросивъ пищу на полъ; это не принесло горя или досады солдатикамъ, а послужило только предметомъ къ смѣху и пищей къ остроумію.

„Во 2-ой мушкатерской ротѣ былъ рядовой Бѣленскій, Моисеева закона, о которомъ нельзя не вспомнить. Бѣленскій постоянно находился на банкетахъ—онъ былъ хорошій

портной и отличный стрѣлокъ, ходилъ въ ложементы, храбро дрался на вылазкахъ и во время нападеній. Не желая перейти въ православіе, онъ уклонился отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему снисхожденій, не желалъ производства въ унтеръ-офицеры и не получилъ знака отличія военнаго ордена, который вполне и неоднократно заслужилъ.

„Словомъ, личность этого еврея - солдата заслуживаетъ вдвойнѣ похвалы—какъ храбраго защитника, такъ и твердаго въ убѣжденіяхъ человѣка. А сколько подвиговъ геройскихъ совершили русскіе солдаты! Однажды утромъ рано я вышелъ вмѣстѣ съ барономъ Дельвигомъ изъ блиндажа, на 3-мъ бастіонѣ. Поздоровавшись съ адмираломъ Церелешинымъ, мы завели общій разговоръ, прерванный возлѣ насъ близко упавшей бомбой съ тлѣющимъ фитилемъ. Въ то же мгновеніе очень молодой матросъ повернулся къ бомбѣ и погасилъ ее собственными руками. Мы ожидали взрыва бомбы, но его не послѣдовало, и восхищались находчивостью матроса. Адмиралъ подозвалъ къ себѣ матроса, далъ ему денегъ за то, что онъ молодецъ, но, напомнивъ ему приказъ начальства, которымъ обязывались солдаты себя беречь и не злоупотреблять напраснымъ удалствомъ, подвергъ его взысканію.

„Съ половины мая непріятель обратилъ, казалось, вновь главное вниманіе на корабельную сторону, но веденіе приступовъ противъ Малахова кургана, названнаго Корниловымъ бастіономъ (въ честь павшаго на немъ славнаго адмирала), было замедлено огнемъ нашихъ штуцерныхъ изъ-за валовъ передъ Камчатскимъ люнетомъ, а потому непріятелю потребовалось, во что бы то ни стало, отнять Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій редуты, которые въ этомъ мѣстѣ составили нашу передовую оборонительную линію.

„Въ полдень 26 - го мая открытъ былъ смертоносный огонь по редутамъ и Малахову кургану. Сначала выстрѣлы наши были весьма удачны, взорвали у непріятеля по-роховой погребъ, но подъ вечеръ выстрѣлы съ нашей сто-

роны почти прекратились — все было изуродовано. Утромъ 26-го мая на нашихъ передовыхъ укрѣпленіяхъ оказались совершенныя развалины, брустверовъ какъ бы не существовало, — все было превращено въ беспорядочную массу земли, фашиновъ и туровъ. Остатки нашихъ войскъ кое-какъ укрылись за этимъ мусоромъ отъ остатковъ вала. А непріятель между тѣмъ продолжалъ канонаду.

„Вечеромъ непріятельскія войска вдругъ стремительно напали на редуты и отняли ихъ. Внезапно захвативъ редуты, французы устремились къ бастионамъ, но были встрѣчены градомъ картечи. Завязался кровавый бой впереди Малахова кургана и французы отступили. Слѣдуя за ними по пятамъ, наши снова было овладѣли Камчатскимъ люнетомъ, но непріятельскіе резервы опять отбили его.

„Баронъ Дельвигъ съ 2-мъ баталіономъ одинъ изъ первыхъ бросился на помощь къ Камчатскому редуту, но уже было поздно, и пришлось отступить за верки подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Крѣпко досталось 2-му баталіону: командующій имъ маіоръ Шведковскій убитъ, замѣнившему его капитану Розонову прострѣлили обѣ ноги и его вынесъ на себѣ деньщикъ, котораго фамилію, къ сожалѣнію, не помню. Знаю только, что деньщикъ капитана Розонова былъ молодецъ и за неоднократно оказанное мужество на вылазкахъ, по приговору нижнихъ чиновъ, награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Деньщикъ этотъ не отставалъ ни на шагъ отъ своей роты и, кромѣ принадлежностей скуднаго офицерскаго хозяйства, съ гордостью носилъ черезъ плечо, какъ охотникъ, англійскій штуцеръ, отбитый имъ у непріятеля.

„Когда мнѣ дали знать, что командиръ полка баронъ Дельвигъ убитъ и отнесенъ на свою квартиру, то я немедленно побѣжалъ съ бастиона туда и засталъ барона безъ чувствъ, всего въ крови.

„По осмотру врача оказалось, что онъ раненъ осколкомъ въ голову. Послѣ поданной первоначально помощи, баронъ

диктовалъ мнѣ донесеніе о нападеніи на Камчатскій редутъ и не успѣлъ окончить, какъ снова впалъ въ безсознательное состояніе.

„5-го іюня, съ разсвѣтомъ, былъ открытъ огонь по Корабельной слободкѣ, и къ полудню страшная канонада распространилась по всей оборонительной линіи. Небо помрачилось отъ дыма, а воздухъ оглашался однимъ общимъ гуломъ отъ непрерывнаго изверженія тысячъ снарядовъ.

„6-го іюня, едва начинало разсвѣтать, масса непріятельскихъ войскъ, какъ туча, устремилась на приступъ 1-го, 2-го бастіоновъ и Малахова кургана. Владимірскій полкъ находился въ то время на 2-мъ бастіонѣ. Съ нашихъ укрѣпленій грянулъ залпъ картечи; кромѣ осадныхъ орудій, заряженныхъ картечью, находились полевые орудія, подъ начальствомъ генерала Шейдемана.

„Колонны штурмующихъ смѣшались и отступили; нѣкоторые храбрецы, правда, достигли вала и полѣзли на него но ихъ взяли въ плѣнъ или посадили на штыки. Какъ теперь вижу одного стараго, сѣдого француза, который буквально былъ исколотъ штыками. Наши солдатики взяли его подъ руку и повели на перевязочный пунктъ, приговаривая: „вишь, какой старый, а какой молодецъ!“ Въ это время наши пароходы приближались къ устью бухты Кимнъ-балки и начали черезъ головы наши посылать гранаты, весьма удачно попадавшія въ массы непріятельскихъ войскъ. Французы еще два раза пытались броситься на бастіоны, но были каждый разъ отбиты съ большою потерей. Въ это время генералу Хрулеву дали знать, что на правомъ фасѣ Малахова кургана непріятель будто овладѣлъ батареей Жерве, куда генераль Хрулевъ немедленно бросился.

„Такимъ образомъ, штурмъ 6-го іюня былъ совершенно и удачно отраженъ, причемъ непріятель понесъ громадный уронъ. Слава и честь этого дня вполне принадлежала распорядительности, бдительности и личному примѣру неустрашимости и храбрости прославленнаго бойца Степана Алек-

сандровича Хрулева. На другой день мнѣ нужно было по службѣ лично видѣть генерала Хрулева. На Павловскомъ мыскѣ, гдѣ была его квартира, я не засталъ его, и мнѣ сказали, что онъ купается и скоро возвратится. Въ ожиданіи возвращенія, я вышелъ на улицу и направился къ бухтѣ, дойдя до которой увидалъ, какъ Степена Александровича два казака держали и по временамъ опускали въ воду. Увидавъ меня, генералъ сказалъ: „Вотъ видите-ли, я, кажется, не трусь, а одинъ въ воду ни за что не пойду, безъ посторонней помощи“. На это я замѣтилъ, что генералъ раненъ и потому, можетъ быть, не въ силахъ одинъ опуститься въ воду, къ тому же, можетъ быть, не умѣетъ плавать. „Нѣтъ“,—отвѣчалъ Степанъ Александровичъ,—„надобно сознаться, что храбрый генералъ Хрулевъ очень боится воды и въ этомъ отношеніи совершенно трусь“.

„На 7-е іюня была назначена уборка тѣлъ; передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ все пространство было усыяно трупами, по преимуществу французами, а передъ 3-мъ бастиономъ англичанами. Сначала тѣла переносились на носилкахъ, а потомъ стали возить ихъ на возахъ.“

„Перемирія для уборки убитыхъ, бывшія всегда послѣ сильныхъ стычекъ, замѣчательны по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя вступали русскіе съ непріятелемъ. Французы всегда казались болѣе сообщительными, нежели англичане. На демаркаціонной линіи начальники и офицеры вели въ это время между собой разговоры, причемъ знакомство начиналось, большей частью, предъявленіемъ визитной карточки со стороны французовъ.“

„Не потому, что у русскихъ не было подобное въ обычаѣ, но мы вели такую грязную, тяжелую жизнь, нуждались такъ много въ болѣе существенныхъ предметахъ потребностей, что не держали при себѣ, какъ они, визитныхъ карточекъ. Солдатики же наши дружились, разговаривали и мѣнялись разными вещами.“

„Однажды послѣ уборки тѣлъ на одномъ нашемъ матро-

съ оказался французская шапка. Это объяснилось тѣмъ, что французъ находился на противоположной батарее, также какъ нашъ матросъ, возлѣ орудія, поэтому они, узнавъ о сходствѣ въ ихъ положеніи, и помѣнялись на память шапками.

„Послѣ уборки тѣлъ, на второй или на третій день, непріятель опять возобновилъ канонаду и усилилъ штуцерный огонь, который до того наносилъ намъ вредъ, что нельзя было зарядить орудія безъ того, чтобы кого-нибудь не ранило. Даже щиты, повѣшенные въ амбразурахъ, мало помогали. Нельзя было пройти мимо амбразуры безъ того, чтобы въ это мгновеніе возлѣ не пролетѣло нѣсколько пуль.

„Въ эти-то дни вечеромъ былъ смертельно раненъ храбрый адмиралъ Нахимовъ. Подходя къ 3-му бастиону изъ корабельной слободки, я встрѣтилъ толпу матросовъ, которые съ осторожностью и грустнымъ почтеніемъ несли его на рукахъ.

„Нужно было находиться въ то время между моряками, чтобы понять и оцѣнить ихъ глубокую печаль, когда дошла вѣсть, что Синопскаго побѣдителя не стало. Передать это тяжелое впечатлѣніе безмолвнаго отчаянія словами невозможно. Надобно было быть очевидцемъ всего этого!“...

XXVII.

Если чувства защитниковъ Севастополя были приподняты и всѣ жители этого города, не говоря уже о военныхъ, жили полною тревогою и волненій жизнью, то много было живущихъ такою-же напряженною жизнью и во всѣхъ уголкахъ Россіи.

Не было деревеньки въ пять дворовъ, которая не интересовалась-бы вопросомъ о войнѣ, которая не имѣла-бы своего представителя на этой войнѣ.

Москва особенно много, конечно имѣла своихъ жителей

въ стѣнахъ осажденнаго Севастополя и особенно сильно, поэтому, волновалась, кипѣла, хлопотала.

Собирались пожертвованія, устраивались спектакли, концерты, щипалась корпія, снаряжались отряды волонтеровъ и сестеръ милосердія.

Волновалась и проливала горькія слезы и генеральша Анфиса Дмитріевна Чоглокова.

О комъ?

Не о мужѣ-ли, который погибъ смертью героя и память котораго почтена была самимъ государемъ? Нѣтъ. Генеральша давно помирилась съ мыслию, что она вдова, что Петра Григорьевича уже нѣтъ. Жизнь вдовы, — хотя генеральша и старалась казаться несчастною, — давала ей много неизвѣданныхъ еще радостей, и первою радостью была радость сознать свою власть. Затѣмъ генеральша, подолгу разглядывая себя въ зеркало, нашла, что она еще не старуха, не дряхлая, что она еще имѣетъ основаніе подумать о второй молодости, — а среди ея знакомыхъ, солидныхъ, положительныхъ, пожившихъ, но еще мощныхъ и свѣжихъ людей, много найдется такихъ, которые далеко не-прочь связать свою судьбу со вдовою генераль-лейтенанта Чоглокова, у которой, помимо мужняго наслѣдства, наберется до ста тысячъ годового дохода.

Генераль былъ — это Анфиса Дмитріевна „выстрадала“ — человѣкомъ сухимъ, холоднымъ, очень ужъ пунктуальнымъ, очень ужъ военнымъ и не въ мѣру черствомъ. Она и не видала проведенной съ нимъ молодости, она и не жила еще, — такъ почему-же не пожить теперь? Слѣдуетъ, положительно слѣдуетъ.

Вонъ Василиса, раздѣвая и одѣвая барыню, по пахвалится ея стройностью, ея красотою, свѣжестію...

Надо пожить, надо.

И, такимъ образомъ, не о мужѣ кручинилась и тосковала генеральша.

О сынѣ?

Да вѣдь онъ выздоравливаетъ, никакой опасности нѣтъ. теперь,—это главный военный докторъ сообщилъ генеральшѣ и скрѣпилъ свое сообщеніе честнымъ словомъ.

Сергѣй скоро пріѣдетъ, въ дѣло ему идти нельзя, онъ будетъ уволенъ награжденный, отличившійся. Онъ герой и достоинъ носить фамилію Чоглоковыхъ, которые были всѣ до одинаго или героями, или вѣрными, полезными и видными слугами своего государя и отечества.

— Въ опасности!.. Въ опасности!—съ тоскою повторила генеральша, читая письмо главнаго доктора и судорожно комкая бумагу. — Въ опасности... Да, Господь избавилъ его отъ смерти, рана лишь отвратила его отъ опасности быть убитымъ, онъ выздоравливаетъ, онъ выздоравливаетъ, вернется, но... но съ нимъ она, эта отвратительная, эта проклятая дѣвка!.. Вѣдь онъ тамъ ласкаетъ ее, цѣлуетъ, мать свою забывая, цѣлуетъ ее!.. Быть можетъ—женится...

Генеральша ломала руки и рвала въ клочки кружева и ленты своего шикарнаго траурнаго платья.

— Зачѣмъ, зачѣмъ я отпустила ее?.. Обошла меня, окаянная, околдовала точно... Ужъ не колдунья-ли она и есть?.. Все вѣдь можетъ быть, все... Вотъ такъ бывало выразительно говорилъ Мочаловъ въ „Гамлетѣ“: „на свѣтѣ, другъ Горацио, есть вещи, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ“... И точно, всего на свѣтѣ есть... Были-же Каліостро разные, Пинетти-вонъ, колдуны знаменитые... Можетъ, и она... Ахъ, вздоръ все это, вздоръ!.. Не колдунья она, а ловкая интриганка, а я дура, рохля,—ну, и вышло вотъ все такъ... Да нѣтъ, нѣтъ, не-бывать этому!... Всѣхъ на ноги подыму, а не быть, чтобы Сергѣй Чоглоковъ женился на дворовой дѣвкѣ, на отставной любовницѣ какого-то Тарантаева, на воровкѣ!.. Военный министръ не допуститъ... Государя буду просить... Не опоздать-бы только, ахъ, не опоздать-бы!..

Читатель помнитъ, какъ Павелъ Тарантаевъ послалъ на лихомъ конѣ верховаго извѣстить генеральшу о томъ, что

Наташа отдумала идти за Аркадія, не хочетъ и ѣдетъ въ Севастополь къ Сергѣю Петровичу Чоглокову.

Надо было-бы вернуть верховаго, да было уже поздно.

Если чалый конь отличался выносливостью и быстротою и былъ выкормкомъ умѣлаго ѣздока и охотника, то и го-нецъ, Мишка Бурнаевъ, стремянной и доѣзжачій молодаго барина Тарантаева, былъ ловокъ, смѣтливъ, усерденъ и не-утомимъ.

Черненкій, худощавый, но съ желѣзными мускулами, юркій, какъ заяцъ, и смѣлый, какъ зимній волкъ—Мишка умѣлъ исполнять порученія.

— Коня загони, а скачи во весь духъ, но чтобъ письмо было доставлено въ срокъ!—сказалъ Павелъ Тарантаевъ, снаряжая Мишку.

— И коня не загоню, а въ срокъ поспѣю, Палъ Лексѣичъ!—отвѣтилъ Мишка.

И поспѣлъ.

Въ карьеръ подскакалъ къ генеральскому дому на По-варской и спрыгнулъ съ коня передъ самымъ носомъ швей-цара, только что отворившаго парадный подъѣздъ и чистив-шаго бронзовыя скобки.

— Къ ея превосходительству генеральшѣ Анфисѣ Мит-ревнѣ Чоглоковой съ письмомъ!—выпалилъ онъ швейцару, задыхаясь отъ скачки.

— Откуда?

— Изъ Рязанской губерніи, Саложковского уѣзда...

— Ишь ты!—удивился швейцаръ.—А отъ кого?

— Отъ Палъ Ликсѣича Тарантаева.

— Давай письмо...

— Нѣтъ, дяденька, не отдамъ, потому приказано въ руки самой генеральшѣ отдать.

Важный швейцаръ окинулъ запыленного, забрызганнаго съ ногъ до головы грязью гонца презрительнымъ взглядомъ.

— Прытокъ ты очень, погляжу я! Къ генеральшѣ не допускаютъ посланныхъ отъ князей, отъ графовъ, въ со-

тенныхъ ливреяхъ, въ галунахъ не допускають,—а тебя, оборванца, отъ какого-то Тарантасова допустить?.. Не жирно-ли будетъ?

— А коли нельзя, дяденька, такъ и не надо... Я вернусь и доложу своему господину, что меня-де не допустили... До увиданья...

Мишка вдѣлъ ногу въ стремя.

— Ишь, вьюнь! — недобрительно проговорилъ швейцарь.— Подожди, доложу я ихъ превосходительству, а только онѣ еще почивають...

— Я подожду...

Мишка ослабилъ подпруги у взмыленнаго коня, потеръ ему ноздри, чтобы усталый конь отфыркался, и потомъ присѣлъ на рундучекъ крыльца.

— Введи клячу-то во дворъ, дай ей сѣнца, а тебя въ людской покормятъ пока, — уже болѣе ласково пригласилъ швейцарь и принялся чистить бронзовыя скобки.

„Ваше превосходительство, милостивая государыня Анфиса Дмитриевна!—писалъ Павелъ Тарантаевъ на листкѣ довольно сѣрой бумаги, довольно блѣдными, укусомъ разбавленными чернилами.—По приказу нашему, дворовая дѣвица ваша Наталія прибыла въ имѣнье ваше для бракосочетанія съ братомъ моимъ Аркадіемъ, но теперича, вопреки воли вашей и желанія нашего, а равно и просьбъ, на бракосочетаніе огласіе не изъявляетъ и идти за брата моего Аркадія не хочетъ, а намѣрена оная дѣвица Наталія послѣдовать въ Севастополь, яко-бы сestroю милосердія, но съ умысломъ инымъ, почему и братъ, и родитель, и я весьма огорчены и обижены, а сію обиду снять можно только вашему превосходительству. Будьте милостивы и прикажите Натальѣ за брата моего идти и позора на нашъ дворянскій домъ не класть и обиды не причинять, а въ Севастополь ее не пускать. Во всемъ вышесказанномъ просимъ мы васъ всѣ, а

письмо сіе пишу я, вашего превосходительства покорный слуга и навсегда преданный вамъ, милостивая государыня, Павелъ Тарантаевъ“.

Гонецъ стоялъ, вытянувшись въ струнку, пока генеральша читала письмо, и не спускалъ съ нея глазъ.

Письмо задрожало въ рукахъ генеральши, лицо помертвѣло, руки опустились... Порывисто схватила генеральша воду, налила въ стаканъ, глотнула, совлала съ собою.

— Ты знаешь, о чемъ пишетъ мнѣ твой баринъ?—спросила она у Мишки.

— Никакъ нѣтъ-съ... Приказали доставить въ собственныя руки и чтобы не медля... Коня, говорятъ, загони, а чтобы не опоздать... На четвертыя сутки прискакалъ, ваше сіятельство, конь очинно способный, а дороги-то вѣдь триста съ лишнимъ верстъ...

— Слышалъ ты, что невѣста твоего барина... какъ его звать-то?.. Старшаго сына твоего помѣщика какъ зовутъ?

— Аркадіемъ Ликсѣичемъ, ваше сіятельство.

— Слышалъ ты, что невѣста его въ Севастополь на войну ѣдетъ?

— Говорили въ дворнѣ, что собираются, коней готовили, а только, отложили, слышь, поѣздку-то.

— Почему?

— Да коренникъ захромалъ, а остальные-то кони сбиты, сморены, потому ѣзды много было, ваше сіятельство... Отложили, слышно, дня на три, на четыре...

— И сегодня... сегодня, можетъ, выѣдутъ...

Генеральша нервными, торопливыми шагами прошла по комнатѣ, взглядывая въ письмо.

„Онъ еще задержать, — думала она, — не отпустить до моего распоряженія... А можетъ быть, что и уѣдетъ гадина эта, убѣжитъ... Видъ есть, деньги есть... Ахъ, что я надѣлала, что я надѣлала!..“

— Ты верхомъ?—круто повернулась она къ Мишкѣ.

— Такъ точно-съ.

— А ежели на тройкѣ, на очень хорошей тройкѣ ѣхать до васъ—когда можно попасть?

— На тройкѣ медлительнѣе, ваше сіятельство, потому дороги-то всяческой есть, а верховому вездѣ дорога...

— До Рязани на почтовыхъ можно, а тамъ... отъ Рязани далеко-ли вы?

— Верстѣ сто считаемъ до нашего мѣста; отъ Сапожка мы, отъ уѣзда-то нашего, верстѣ на полтора ста поближе...

Генеральша позвонила.

— Приказать дворецкому, чтобы выдалъ этому вотъ человѣку десять рублей серебромъ и накормилъ его, угостилъ, а ко мнѣ позвать Пальмирова,—приказала она вошедшему лакею.—Ступай, любезный, спасибо тебѣ за ловкую службу...

Мишка отвѣсилъ поясной поклонъ, покраснѣвъ отъ удовольствія.

— Прикажете ѣхать домой, ваше сіятельство?

— Можешь, когда найдешь нужнымъ.

Федоръ Федоровичъ Пальмировъ, секретарь покойнаго генерала, приводилъ въ порядокъ дѣла и завѣдывалъ теперь всей дѣловою перепискою генеральши, велъ всѣ книги, писалъ прошенія, отзывы и заявленія во всѣ присутственныя мѣста и учрежденія. Дѣла у него было много, но онъ исполнялъ все съ большимъ умѣньемъ, скоро, умно, и генеральша, недружелюбная ко всему штату покойнаго мужа, дорожила Пальмировымъ и прибавила даже ему жалованья, а женѣ и дѣтямъ его дѣлала подарки.

Скромный, застѣнчивый и робкій по виду, Пальмировъ былъ дѣлецъ и законникъ, а дѣловыя бумаги писалъ съ неподражаемымъ искусствомъ и изумительно красивымъ почеркомъ.

Онъ вошелъ и, почтительно поклонившись, всталъ у дверей.

— Изволили звать, ваше превосходительство?

— Да... Садитесь, Федоръ Федорычъ... Вы писали бумагу Натальѣ, которая... которой я дала позволеніе выйти замужъ за мелкопомѣстнаго помѣщика Тарантаева?

— Такъ точно-съ.

— Подписала ее, но я не помню... Скажите, была-ли эта „вольная“, то-есть вотъ такая бумага, которая дается вольноотпущеннымъ, или только разрѣшеніе на бракъ?

— Лишь разрѣшеніе на бракъ... Въ данномъ случаѣ вольной и не требовалось, ваше превосходительство, достаточно разрѣшенія помѣщика-съ...

— Да... А можетъ она съ этой бумагой ѣхать... вообще ѣхать куда-нибудь... путешествовать!

— Свободно-съ. Бумага даетъ ей разрѣшенія вступить въ бракъ, рука вашего превосходительства законнымъ порядкомъ засвидѣтельствована, и дѣвица можетъ выбрать мѣсто для совершенія брака, гдѣ угодно-съ... По такой бумагѣ хоть заграничный паспортъ такъ дадутъ...

Генеральша хрустнула пальцами и закусила губу.

— Ахъ зачѣмъ было давать такую бумагу!..

— Изволили приказать...

Пальмировъ потянулъ свою длинную худую шею изъ накрахмаленнаго воротничка манишки.

— Можно, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ эквивоковъ, отсбратъ-съ,—сказалъ онъ.

— Можно?

— Можно-съ.

Генеральша прошла, понюхала мимоходомъ о-де-колону, виски имъ помочила.

— Надо отобрать, во что-бы то ни стало, Федоръ Федорычъ,—сказала она, снова садясь.—Отобрать, а Наталью вернуть... Я буду съ вами откровенна, вы были ближнимъ и довѣреннымъ лицомъ покойнаго мужа...

И генеральша, то краснѣя, то блѣднѣя, ломая руки, безпрестанно вставая и снова садясь, рассказала Пальмирову *все*.

Она даже плакала, когда говорила о сынѣ и о той опасности, которая грозитъ ему черезъ эту „гадкую интриганку“, эту „скверную дѣвчонку“.

— Ее задержалъ теперь братъ этого Тарантаева,—за-

ключила она разсказъ,—и извѣстилъ меня... Вы немедленно поѣзжайте къ Тарантаевымъ и верните эту гадину, или пусть она вѣнчается при васъ, свидѣтелемъ будьте, а нѣтъ—ко мнѣ ее!.. Связать ее, негодную, заковать!.. Но если... если она уѣхала уже?..

Генеральша дрогнула.

— Догоните!.. Ступайте за нею въ Севастополь, тамъ захватите ее!.. Я дамъ вамъ довѣренность, рекомендательныя письма, я напишу главнокомандующему, военному министру!.. Пальмировъ, голубчикъ, спасите моего сына!..

— Да я, ваше...

— Спасите его!—перебила генеральша.—Онъ вѣдь одинъ. одинъ у меня, одинъ Чоглоковъ и вдругъ... вдругъ онъ—мужъ этой гадины!.. Боже, да что-же это такое?!.. Любвица какого-то недоросля, моя дворовая дѣвка, воровка—и жена, жена моего Сережи, невѣстка моя!..

Генеральша зарыдала, упавъ головою на край стола.

— Успокойтесь, ваше превосходительство, не извольте убиваться, поправимъ какъ-нибудь-съ...

— Поправите? Спасете?

— Приложу всѣ старанія-съ... Довѣренность отъ вашего превосходительства у меня есть общая, а вотъ письмами благоволите снабдить... Рязанскому вотъ губернатору, предводителю-съ, а мнѣ позвольте эдакое открытое письмецо на вашей гербовой бумагѣ, что вотъ-де явитель сего такой-то, и я-де, вдова генераль-лейтенанта Чоглокова, прошу лицъ и учрежденія оказать ему нужное содѣйствіе... Имя извѣстное-съ, многія двери откроетъ... Ну, и деньгами долженъ быть снабженъ въ достаточномъ количествѣ, потому предстоятъ могутъ расходы... тово-съ, усиленные...

— Ахъ, берите, берите!.. Я награжу васъ, Пальмировъ, я для васъ все сдѣлаю, дѣтямъ вашимъ дамъ дорогу и ходъ, но спасите мнѣ сына, умоляю васъ!..

— Извольте приказывать, ваше превосходительство, а не умолять...

— Умоляю!.. на колѣни встану!..

— Ахъ, помилуйте-съ!.. Я ваше превосходительство, составлю смѣту расходовъ, въ коихъ дамъ въ послѣдствіи отчетъ-съ, и сегодня-же выѣду...

— Сегодня, сегодня, непременно!.. Прикажите дать тройку, или на почтовыхъ поѣзжайте, но чтобы скорѣе, скорѣе!..

— Не замедлю-съ.

Пальмировъ поклонился и вышелъ быстро, но едва ступая мягкими сапогами по коврамъ и паркету.

Къ вечеру Пальмировъ уже выѣхалъ.

Не заставъ въ имѣніи Алексѣя Акимовича Наташу и получивъ отъ глубоко огорченного и убитого горемъ старика извѣстіе, что Наташа „съ женихомъ“ уѣхала въ Севастополь, Пальмировъ, не медля ни секунды, поѣхалъ за нею слѣдомъ, но по дорогѣ не догнавъ, наводя справки и совѣтуясь въ каждомъ городѣ съ дѣльцами и стряпчими, такъ что долженъ былъ ѣхать въ самый Севастополь, о чемъ и извѣстилъ генеральшу „страховымъ“ письмомъ уже изъ Земли Войска Донскаго, куда завелъ его слѣдъ ополченской дружины, за которой онъ слѣдовалъ, постоянно сбиваясь съ дороги...

XXVIII.

Госпиталь, въ которомъ лежалъ Сергѣй Чоглоковъ, былъ переведенъ въ полномъ составѣ въ Симферополь.

Въ Симферополь отправили и раненаго Аркадія Тарантаева, хотя онъ нѣсколько дней лежалъ въ Севастополѣ. Ни Наташа, ни Сергѣй не знали о ранѣ Тарантаева, хотя очень заботились о немъ и постоянно наводили справки.

Марѳа Ивановна какъ-то вошла въ палату, гдѣ лежалъ Сергѣй, и, взволнованная, огорченная, заплаканная, сообщила, что привезли Тарантаева.

— Гдѣ-же онъ? Куда онъ раненъ? Нѣтъ-ли опасности?—

въ одинъ голосъ спросили Сергѣй и Наташа, которая была въ это время съ нимъ.

— Тутъ, въ той вонъ палатѣ... Вы не ходите теперь къ нему—онъ въ забытѣ... Ахъ, онъ очень, очень опасень!.. Онъ пять дней лежалъ въ Севастополѣ, всѣ думали, что онъ умретъ, а онъ поправился было немного, повезли его сюда и вотъ ему хуже... Какъ хотите, а семьдесятъ слишкомъ верстъ дороги въ такомъ положеніи очень тяжелы... Докторъ говоритъ, что будетъ чудо, если онъ выздоровѣетъ... Ахъ, какъ жаль, какъ жаль его!.. Это такой, славный, такой симпатичный человѣкъ!..

Наташа блѣдная, какъ ея пелеринка, страшно пораженная, точно пришибленная, слушала простодушную рѣчь Марѣы Ивановны.

Она сознавала, она понимала, что этотъ „славный и симпатичный“ человѣкъ умиралъ изъ-за нея. Ею брошенный. пришелъ онъ сюда и нашелъ свою смерть...

Съ ужасомъ подумала Наташа о старикѣ Тарантаевѣ, о Павлѣ, которые такъ горячо любили Аркадія... Быть можетъ, и Павелъ убить, быть можетъ, старику придется одиноко скоротать свой вѣкъ и кончить его въ глубокой скорби о дѣтяхъ...

— Это ужасно, ужасно! — воскликнула Наташа, ломая пальцы и съ тоскою глядя куда-то вдаль.

Это было первое облачко на свѣтлой радости, которая окружала Наташу послѣдніе дни. Этой радости не могли омрачить сотни происходящихъ вокругъ смертей, видъ страданія не омрачалъ ее.

Наташа болѣла душою за раненыхъ, за умирающихъ, но собственное счастье ея было такъ велико, такъ полно, что брало верхъ надъ всѣмъ, и она отдавалась ему вся, лишь на время отвлекаясь работами, обязанностями, лишь временно мучаясь отъ вида крови и страданій и потомъ снова отдыхая душою около любимаго человѣка, котораго она оживила, воскресила къ новой жизни и тѣмъ болѣе радовалась.

Сергѣй быстро поправлялся, чувствовалъ себя здоровымъ. просился даже „на выписку“ и если не уходилъ, то потому лишь, что докторъ не отпускалъ его.

Не отпускала его и Наташа.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—вздрагивая всѣмъ тѣломъ, говорила она, когда Сергѣй говорилъ о войнѣ, о службѣ. — Нѣтъ... Быть можетъ, я эгоистка, быть можетъ, я не хорошо дѣлаю, но я не пущу тебя, не пущу!.. Теперь ты мой, только мой... Ты уже принесъ свою жертву, ты кровь тутъ пролилъ, былъ на краю смерти и теперь жить, жить!..

Сергѣй, быть можетъ, и не послушался-бы Наташи, считая долгомъ быть въ рядахъ защитниковъ Севастополя, но докторъ не пускалъ его и собирался отправить во внутрь Россіи для окончательной поправки.

И въ ожиданіи этого, Сергѣй жилъ въ госпиталѣ и былъ счастливъ такъ, какъ никогда, ни до этого, ни послѣ...

Точно свѣтлое облако окружило его и унесло куда-то отъ міра съ его печальми, заботами, муками, смертями. И ничего не видѣлъ Сергѣй за этимъ облакомъ, все скрыло оно отъ него и лишь милое, дорогое лицо любимой дѣвушки—было передъ нимъ.

Любовь Ромео и Джульетты не сказка, какъ вообще не сказка полная, все наполняющая любовь. Быть можетъ, такая любовь странна въ нашъ вѣкъ, въ вѣкъ меркантильный и очень ужъ холодный, очень дѣловой, но люди начала пятидесятихъ годовъ знали такую любовь и жили ею, и завѣщали ее дѣтямъ, и пѣли ее въ пѣсняхъ.

Пѣсни эти порою вспоминаются еще дѣтьми людей пятидесятихъ годовъ, но завѣты отцовъ забыты... Теперь нѣтъ такой любви, но за-то теперь телефоны, микрофоны, фонографы и прочіе плоды цивилизаціи. Не все-же вдругъ, что-нибудь одно.

Любовь Сергѣя и Наташи была именно любовью Ромео и Джульетты быть можетъ потому еще, что оба они были похожи на этихъ „героевъ любви“.

И они не хотѣли ничего знать, кромѣ наполнявшаго ихъ чувства, какъ не хочетъ и не можетъ ничего знать чело-вѣкъ, весь захваченный болью, весь страдающій. Кто-то изъ поэтовъ-философовъ, чуть-ли не Гейне, сравнилъ сильную любовь съ сильной же зубною болью.

Сравненіе это очень остроумно.

Зубная боль, обыкновенно не смертельная и не продолжи-тельная, захватываетъ челоуѣка всецѣло, не выпускаетъ его, не даетъ ему ни о чемъ думать, наполняетъ его всего. Та-кова и сильная любовь, а особенно у людей нервныхъ, впечатлительныхъ, увлекающихся. Такъ вотъ и любили Сергѣй и Наташа другъ друга.

Наташа порою забывала даже свои обязанности и воз-буждала нѣкоторое негодованіе въ подругахъ, особенно въ тѣхъ, которыя завидовали ей, а зависть есть всюду, даже на полѣ битвы, гдѣ смерть царить, кажется, надъ всеѣмъ.

Иногда даже кроткая Марѣа Ивановна обижалась на Наташу и вся красная отъ волненія, отъ застѣнчивости, отъ какого то еще чувства, ей одной извѣстнаго, замѣчала Наташѣ, что такъ нельзя, что здѣсь госпиталь, а онѣ сестры милосердія.

— Охъ, ревнуетъ смиренно-мудрая Марѣа! — смѣялись прочія сестры. — Вѣдь она влюблена въ Чоглокова-то, а тутъ эта красotka явилась, и все кончилось для нашей Марѣы!..

Одинъ разъ такая шутка дошла до Марѣы Ивановны и повергнула дѣвушку въ полное отчаяніе. Она заплакала, наговорила шутницѣ непріятностей и долго не подходила къ Сергѣю, а съ Наташею старалась быть особенно ласкова, любезна и внимательна. Это не всеѣмъ удавалось Марѣѣ Ивановнѣ, но Наташа не замѣчала этого, опять-таки вся занятая любовью.

И вотъ первое облачко затмило свѣтлое настроеніе На-таши. Въ душу ея закралось раскаяніе и мучило ее. Она считала себя виноватою, она брала на себя отвѣтственность за смерть Аркадія, которая грозила ему.

— Бѣдный, бѣдный, добрый мой Аркадій!—со слезами сказала она.— Неужели онъ умретъ?.. Ахъ, это было-бы ужасно!.. Я буду ходить за нимъ, Сережа, я не отойду отъ него, пока не...

— Позвольте мнѣ ходить за нимъ,—перебила Марѳа Ивановна, краснѣя.—Мнѣ и докторъ это назначилъ и...

— Что?

— И я желаю этого...

— Милая, мы будемъ ходить за нимъ обѣ!.. Хорошо!.. Я и васъ не лишаю этого права, тѣмъ болѣе, что вы выходили уже одного, вотъ его, Сережу, но и я хочу быть около Аркадія...

— Вы ужъ здѣсь будьте, вамъ не до того, а я и ночи умѣю не спать, и крови не боюсь, и раны не пугаютъ меня... Въ этомъ дѣлѣ, Наталья Панкратьевна, мало одного желанья, нужно еще и умѣнье, и терпѣніе...

Это было похоже на упрекъ, но Наташа опять-таки не замѣтила ничего.

— Хорошо, милочка, ходите, вытакъ умѣете,—сказала она.— А я буду около васъ... Ему будетъ пріятно меня видѣть, онъ очень, очень любитъ меня!..

„Всѣ, всѣ любятъ тебя,—хотѣла сказать Марѳа Ивановна, но ничего не сказала и лишь глубоко вздохнула.

Вечеромъ Аркадій пришелъ въ себя и попросилъ Марѳу Ивановну позвать Наташу. Онъ зналъ, что она тутъ.

Наташа подошла, сдерживая рыданія и стараясь быть покойною и веселою, чтобы не огорчить Аркадія.

Онъ лежалъ на спинѣ, глубоко вдавивъ голову въ подушку, и взглянулъ на Наташу, не поворачивая головы. Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ, щеки осунулись и поблѣднѣли, губы запеклись, грудь часто и высоко подымалась, на лицѣ было написано невыносимое страданіе. Запахъ разлагающейся раны и окровавленного бѣлья такъ и ударилъ въ нозъ Наташи; она едва совладала съ собою, чтобы не закрыться надушеннымъ платкомъ.

Аркадій попытался улыбнуться, но только скривилъ ротъ, наморщился и протянулъ Наташѣ горячую сухую руку.

— Умираю!—сказалъ онъ.

Наташа наклонилась къ нему, поцѣловала его въ запекшіяся губы, чуть содрогнувшись, и проговорила что-то утѣшительное, что-то ласковое, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ.

— Нѣтъ, умираю!—упрямо и настойчиво проговорилъ Аркадій.—Умираю, какъ солдатъ, и... и радъ этому... Отца жаль.... Павла.... Жалѣлъ-бы васъ.... тебя, да вѣдь ты счастлива... Слава Богу...

— Аркаша, я виновата во всемъ, прости меня! — уже не сдерживая слезъ, сказала Наташа, становясь на колѣни около койки.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—часто замахалъ Аркадій рукою, отдѣляя отъ одѣяла только кисть ея.—Почему?... Судьба... во всемъ судьба... Умираю за дѣло святое... Вотъ, крестъ заслужилъ...

Аркадій, не поднимая головы, посмотрѣлъ черезъ подбородокъ на георгіевскій крестикъ, который лежалъ у него на груди рядомъ съ тѣльнымъ крестомъ.

— Умираю хорошо... Не горюй обо мнѣ и не думай... Отца не забывай, навѣсти... Паша гдѣ-то?... Быть можетъ, и... и онъ умеръ... Отецъ тогда...

Онъ не кончилъ и двѣ слезинки скатились у него изъ глазъ.

— Будь-же счастлива, Наташа... Какъ я радъ, что... что ты *съ нимъ*... Я его люблю, онъ хорошій, а я... я не стою тебя, я простой, деревенскій я... Въ деревнѣ-бы мнѣ и лечь... Нельзя?... Конечно... Зароютъ тутъ, крестъ поставятъ... Два креста заслужилъ... И все кресты, все... Пули, ядра, смерть... Сѣнокось... А, что ты?... Ты говоришь сѣнокось?... Да, да... Пахнетъ цвѣтами, вѣтерокъ, пѣсни, папаша хлопочетъ и все... и все кресты... Ахъ, какъ много крестовъ!... А это не они, это мужики наши... И Паша пришелъ... Ты за крестомъ?... Разъ, два, три, сорокъ...

Да, да, сорокъ, сорокъ... Рѣка течеть... Холодно... Топоръ... Возьмите топоръ, упадетъ, убьетъ... Разъ, два три...

Наташа стиснула зубами платокъ, быстро поднялась съ колѣнъ, отошла и, упавъ на чью-то пустую койку, зарыдала.

Марей Ивановна подошла къ Аркадію, умѣлыми руками положила ему на голову компрессъ, поправила подушку и сѣла рядомъ, не спуская глазъ съ лица снова забывшагося и начинающаго бредить Аркадія.

Такъ и просидѣла она тутъ всю ночь до утра, подавалъ Аркадію питье, мѣняя компрессы, поправляя сбившуюся съ подушки голову.

Наташа помогала ей, но въ половинѣ ночи почувствовала себя разбитою, усталою и заснула на порожней койкѣ. Утромъ она прозябла, свернулась калачикомъ и Марей Иванова заботливо укутала ее своимъ старенькимъ, вытертымъ, но очень теплымъ одѣяльцемъ, привезеннымъ изъ дому. Оно было ей не нужно, она спать не ложилась.

Утро встало свѣтлое, ясное, радостное.

По улицамъ Симферополя задвигались толпы горожанъ, отправляющихся на рынокъ, загромыхали зарядные ящики, идущіе въ Севастополь, а на встрѣчу имъ рядами тянулись транспорты съ ранеными, шли плѣнные, тамъ и сямъ гремѣли оружіемъ отряды кавалеріи, артиллеріи, пѣхоты; щеголевато галошировали адъютанты, летали на дрожкахъ интендантскіе чиновники, во весь карьеръ неслись фельдшерскія тройки.

Главный, завѣдующій всѣми госпиталиями и санитарными отрядами докторъ, полный осанистый генераль, хлопотунъ и непосѣда, только что всталъ съ постели и въ халатѣ пилъ кофе, просматривая рапорты, донесенія, приказы, предписанія, циркуляры. Два юные доктора и фельдшеръ то входили къ нему съ бумагами, то уходили, и главный докторъ суетливо допивалъ свой кофе, поминутно вскакивая и подбѣгая къ письменному столу, заваленному бумагами, инструментами, пробами медикаментовъ и какими-то свертками.

— Ваше превосходительство, васъ желаетъ видѣть какой-то господинъ, — доложилъ фельдшеръ.

— Какой еще тамъ господинъ? Что ему нужно?... Кофе не дадутъ глотка выпить, черти!.. Что за господинъ? Что ему нужно?

— Не могу знать-съ. Пальмировъ какой-то.

— Ну, вотъ... Пальмирова еще какого-то принесло, не было еще у насъ такого страннаго... Зови его... Погоди!... Дай мнѣ сюртукъ...

Докторъ торопливо одѣлъ сюртукъ, допилъ кофе, закурилъ сигару и сталъ ждать посѣтителя.

Оедоръ Оедоровичъ Пальмировъ вошелъ такой благопристойный, чистенькій, превосходно выбритый, въ новомъ синемъ фракѣ, въ коричневыхъ панталонахъ, въ ослѣпительно чистой манишкѣ и съ новенькою шляпою въ рукахъ.

— Имѣю честь представиться вашему превосходительству — отставной губернскій секретарь Оедоръ Оедоровъ Пальмировъ, — учтиво, но съ сознаніемъ собственного достоинства проговорилъ главный управляющій и секретарь генеральши Чоглоковой. Онъ и этотъ титулъ свой добавилъ, увѣренный, что имя Чоглокова господину доктору извѣстно.

— Весьма пріятно-съ — поклонился докторъ. — Прошу присѣсть... Чѣмъ могу быть полезенъ, сударь?

Пальмировъ досталъ изъ кармана бумагу.

— Извѣстился я, ваше превосходительство, что въ одномъ изъ ввѣренныхъ вамъ госпиталей находится въ качествѣ сестры милосердія бѣглая дворовая дѣвушка моей доверительницы, Наталья Панкратьевна Серпова...

— Какъ бѣглая? — воскликнулъ докторъ. — У насъ, сударь, положимъ, всякія тутъ есть, есть и героини, истинныя сестры раненыхъ, есть и авантюристки, но бѣглыхъ, кажись, нѣтъ; всѣ онѣ законныя виды имѣютъ...

— Имѣетъ видъ и эта дѣвица, ваше превосходительство, но не вполне собственно законный... Дѣло вотъ въ чемъ-съ: она дѣвица выпросила у г-жи своей свидѣтельство на бракъ

съ нѣкимъ дворяниномъ Тарантаевымъ, но съ нимъ, съ Тарантаевымъ этимъ, не обвѣнчалась, а пріѣхала сюда, яко-бы съ женихомъ, и для цѣлей иныхъ и госпожѣ ея нежелательныхъ; посему господа и желаетъ или понудить ее выходомъ замужъ за означеннаго Тарантаева, или-же водворить на мѣсто жительства... Сіе вполне законное требованіе ея превосходительства генеральши Чоглоковой нашло уже распоряженіе администраціи, вотъ и бумага на сей предметъ, а вы, ваше превосходительство, благоволите только предписать оную дѣвицу Серпову изъять изъ корпораціи сестеръ милосердія и передать мнѣ, какъ имѣющему на сіе полномочія... Вотъ бумаги-съ...

Докторъ позвонилъ.

— Письмоводителя ко мнѣ!—приказалъ онъ человѣку.

Письмоводитель, измученный страшною перепискою, блѣдный молодой человѣкъ, вошелъ и остановился въ дверяхъ.

— Списки сестеръ милосердія съ ихъ видами у васъ?—спросилъ докторъ.

— У меня-съ.

— Дайте мнѣ сію минуту справку о сестрѣ.. Какъ ее?..

— Дворовая дѣвица генеральши Чоглоковой, Наталья Серпова,—подказалъ Пальмировъ.

— Вотъ.. Сію-же минуту дайте... Все, батюшка, можетъ быть,—обратился докторъ къ Пальмирову по уходѣ письмоводителя.—Наплывъ ужасный, суета, а народъ былъ нуженъ, ну, и брали зря, только-бы не совѣмъ *слѣпая* была... Видно, набѣдокурила дѣвочка-то? Шалунья?

— Да-съ, недостойнаго поведенія.

— Ну, вотъ. У насъ тутъ всякія были, говорю. Были героини, ангелы во плоти, были и тово... Пару такихъ я съ конвоемъ отправилъ, да-съ...

Письмоводитель вернулся и сообщилъ, что сестра милосердія Наталья Серпова дѣйствительно есть, находится въ госпиталѣ такомъ-то, а записана по виду, выданному помѣщицей „на предметъ бракосочетанія съ дворяниномъ Тарантаевымъ“.

XXIX.

— Такъ, такъ,—сказалъ докторъ.—Ну, кто-жъ ее знаетъ, что ей только бракосочетаніе разрѣшено, а не пребываніе во всѣхъ мѣстахъ Имперіи? Мы въ это не входимъ... Такъ вамъ выдать ее, господинъ Пальмировъ!

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Слушаю-съ... Василій Ивановичъ, напишите предписаніе господину Пальмирову о передачѣ въ его распоряженіе дворовой дѣвки генеральши Чеглоковой, Натальи Серповой и снабдите его этимъ предписаніемъ тотчасъ-же... Получайте, господинъ Пальмировъ, получайте и поступайте съ нею, какъ вамъ заблагоразсудится, а мнѣ пора, охъ, пора!.. Батюшки, девять часовъ уже, а въ одиннадцать къ намъ генераль-инспекторъ будетъ!..

— Эй, Скопининъ, мундиръ мнѣ!..

— Не смѣю задерживать, ваше превосходительство, — поднялся Пальмировъ. — Имѣю честь откланяться, весьма благодаренъ вамъ...

— Не стоитъ, батюшка, не стоитъ... А вы ее, шалунью-то, тово, чикъ - чикъ немножко, припарочку эдакую горячительную... Хе, хе, хе... Помогаетъ!..

— Помогаетъ, ваше превосходительство, помогаетъ... Хе, хе... До увиданья-съ.

— До увиданья, голубчикъ... Эй, Скопининъ, мундиръ-мнѣ, живо!..

Вошли деньщикъ доктора и фельдшеръ.

— Лавровъ, ты не знаешь у насъ въ госпиталѣ сестру милосердія Наталью Серпову?—спросилъ докторъ у фельдшера, напаяливая мундиръ.

— Знаю-съ.

— Что за птица?

— Одна изъ лучшихъ. Красавица, умница...

— Ишь ты!.. Ее вотъ взяли пріѣхали, вотъ былъ тутъ стрюцкій такой...

— Слышалъ я. Въ нее влюбленъ сынъ Чоглоковой-то, офицеръ нашъ раненый, къ нему она и пріѣхала.

— Да неужели?!. Это сынъ героя-то, генераль-лейтенанта Чоглокова?

— Да-съ.

— Вотъ дѣла-то какія!.. Жаль, очень жаль, а ничего не подѣлаешь, потому предписаніе начальства, довѣренности и все такое эдакое... Значить, подъячій-то этотъ спасаетъ ее и фють!..

— Да, ужъ конечно-съ. Хороша, хороша, а сыну генерала Чоглокова не пара...

— Да, милый, да...

Докторъ одѣлся и улетѣлъ, какъ вихрь.

Наташа проснулась часовъ въ двѣнадцать свѣжая, здоровая и счастливая, если-бъ не Тарантаевъ, о которомъ она сейчасъ-же вспомнила и сейчасъ-же затуманилась.

„Я вонъ какая,—здоровьемъ отъ меня такъ и пышетъ, а онъ, быть можетъ, умираетъ,—съ тоскою подумала она,—быть можетъ, и умеръ уже...

Она встала и тревожно оглянулась въ ту сторону, гдѣ стояла койка Тарантаева.

Длинное недвижимое тѣло лежало на койкѣ, покрытое простынею.

„Умеръ!“—какъ ножомъ рѣзнуло Наташу, и она опустилась на койку, словно ноги у нея подкосилъ кто.

Мареа Ивановна подошла къ ней блѣдная, утомленная бессонной ночью, но съ глазами счастливыми и сверкающими.

— Что онъ?—отрывисто спросила Наташа.

— Лучше, спать крѣпкимъ, крѣпкимъ сномъ, а докторъ говоритъ, что сонъ для него спасеніе... Докторъ говоритъ, что это богатырь, что онъ не видалъ еще такихъ... Та-кими, говоритъ, были, вѣроятно, наши Ильи Муромцы, Алеши Поповичи... Она ручается теперь за выздоровленіе Аркадія Алексѣевича...

— Слава Богу!—съ облегченіемъ воскликнула Наташа и бросилась цѣловать Марѳу Ивановну. — А вы не спали всю ночь, милая Марѳа Ивановна?.. Какая вы славная, хорошая, какая вы героиня!.. А я скверная, лѣнтяйка!.. Я могла заснуть въ такія минуты... Я никогда не прощу себѣ этого, никогда!..

— Ну, что-жъ тутъ такого?—съ кротою улыбкой проговорила Марѳа Ивановна. — На это нужна привычка, а вы еще недавно. Съ непривычки люди засыпаютъ у постели умирающаго родственника, а вѣдь Тарантаевъ вамъ посторонній...

— Ближе всякаго родственника!—съ жаромъ воскликнула Наташа. — Если-бъ вы знали, что это за человѣкъ! Если-бъ вы знали, какъ онъ любитъ меня!..

Марѳа Ивановна потупилась.

— Да, онъ очень васъ любитъ,—проговорила она. — Въ бреду онъ ваше имя поминалъ чаще, чѣмъ имя отца и брата.

— Ахъ, это такой хорошій человѣкъ!.. Вотъ вы видите, какъ онъ любитъ меня, и вѣдь отдалъ-же меня, безъ единого слова упрека отдалъ...

— Да,—тихо проговорила Марѳа Ивановна и пошла.

— Вы куда, моя милочка?—спросила Наташа.

— Выпью пойду чаю и усну часа два. Докторъ сказалъ, что онъ проспигъ теперь долго, ну, а если проснется, такъ я велѣла разбудить себя...

— Зачѣмъ-же, милочка? Я пробуду съ нимъ, посижу...

Марѳа Ивановна чуть-чуть покраснѣла.

— Нѣтъ, вы ужъ оставьте его,—сказала она. — Я думаю, что видѣть васъ ему тяжело. Я скажу, что васъ послали къ раненымъ въ другой госпиталь...

Она поклонилась Наташѣ и ушла своей торопливой, озабоченной походкой.

Наташа отправилась къ Сергѣю.

— Какая это святая дѣвушка, эта Марѳа Ивановна!—говорила она Чоглокову. — Это чудная дѣвушка!..

— Да, очень хорошая, — согласился Сергѣй. — Я ей обязанъ всѣмъ, Наташа...

— А я? Вѣдь не будь ея — я-бы... я-бы не видала тебя!.. Страшно вспомнить!

— Мнѣ очень хотѣлось-бы чѣмъ-нибудь особенно хорошо отблагодарить ее, — продолжалъ Сергѣй. — Она очень бѣдная дѣвушка и, конечно, нуждается, но я не знаю, какъ-бы лучше предложить ей помощь... Она очень застѣнчива и очень горда; не смотря на это смиреніе свое, ее легко обидѣть предложеніемъ помощи...

— Да, но, если ты захочешь, я возьму это на себя. Мы съ нею дружны, и я сдѣлаю очень умно и осторожно... Ахъ, Сережа, я такъ счастлива, такъ счастлива, что всѣмъ дѣлала-бы добро, но я не знаю, какъ это надо и чѣмъ я могу сдѣлать!.. Я и всегда-то была такая... незнающая... Ха, ха, ха!.. Да, право. А поживъ въ уютномъ гнѣздышкѣ Тарантаевыхъ, гдѣ меня воспитывали, какъ ребенка, я со-всѣмъ стала избалованная и какая-то чуждая людскимъ интересамъ... Право, Сережа!.. Меня положительно избаловали, такъ изнѣжили, это очень портить...

— У кого такое золотое сердце, Наташа, и такой свѣтлый умъ, какъ у тебя, тотъ нигдѣ и никогда не испортится! — сказалъ Чоглоковъ. — Мы придумаемъ что-нибудь для Марѣ Ивановны, оба придумаемъ... Будемъ чай пить, Наташа?

— Одну чашку я выпью и пойду къ раненымъ — въ четвертую палату сейчасъ привезутъ новый транспортъ, и туда нужны сестры... Я вѣдь здѣсь, Сережа, сперва сестра милосердія, а потомъ уже невѣста...

И Наташа, торопливо выпивъ чашку чая, ушла.

Часу въ первомъ къ Сергѣю подошелъ дежурный докторъ, — симпатичный молодой человекъ изъ только-что кончившихъ курсъ, — и, поздоровавшись съ Сергѣемъ, сѣлъ, безпокойно ерзая рукою по длиннымъ вьющимся волосамъ.

— Тутъ исторія одна вышла, Сергѣй Петровичъ, — не-

рѣшительно заговорилъ онъ. — Скверность такая, чортъ ее возьми!..

— Что такое?

— Да какъ ужъ и сказать—не знаю... Скверность, вообще... Вы... тово... не огорчайтесь, потому, быть можетъ, что и... тово... Ахъ, чтобъ ихъ!..

— Да что такое? Вы меня пугаете, докторъ!

— Изъ Москвы тамъ пріѣхалъ какой-то хлюсть... Наталья-то Панкратьевна живетъ здѣсь по незаконному виду, такъ вотъ за этимъ... Бумаги тамъ у него какія-то, предписанія, и на основаніи ихъ онъ тутъ... Нашъ главный докторъ,—не знаетъ онъ вѣдь ничего про ваши отношенія,—велѣлъ отдать Наталью Панкратьевну этому господину...

Сергѣй слушалъ съ широко раскрытыми глазами и чувствовалъ, какъ щеки его блѣднѣли и холодѣли.

— Что такое?—упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Какой господинъ? Что ему надо?

— А вотъ тутъ онъ, въ пріемной... Видите-ли, въ чемъ дѣло: Наталья Панкратьевна получила отъ вашей матушки бумагу, по которой она могла выйти замужъ за помѣщика этого, за Тарантаева, а ѣхать сюда и жить тутъ она съ этой бумагой не имѣетъ права,—ну, вотъ онъ и пріѣхалъ, и требуетъ ее... Предписаніе у него тамъ, полномочія, на законномъ онъ основаніи дѣйствуетъ...

Въ госпиталѣ всѣ давнымъ-давно знали „романъ Чоглокова“, задолго еще до пріѣзда Наташи, и всѣ сочувствовали Чоглокову, очень жалѣли его и очень радовались, когда Наташа пріѣхала. „Романъ“ этотъ давно перешелъ и за стѣны госпиталя, его знали всѣ, тѣмъ болѣе, что фамилія Чоглокова была извѣстна. Докторъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ, которые особенно близко принимали къ сердцу всю эту исторію и особенно любили Чоглокова и его „невѣсту“.

Сергѣй, блѣдный, съ трясущейся отъ волненія челюстью, съ засверкавшими глазами, пошелъ было, но вернулся и сѣлъ на койку.

Его убило, уничтожило, ошеломило это извѣстіе.

Такъ, значить, страшное, преступное, какъ ему казалось, упрямство матери не останавливается ни передъ чѣмъ. Оно и сюда привело ея агента, ея клевету, и здѣсь Наташа не свободна отъ преслѣдованій...

Но онъ не дастъ ее въ обиду здѣсь-то, здѣсь-то она его, а онъ не тотъ мальчикъ, которымъ помыкали когда-то, которымъ распоряжались, какъ вещь, котораго обманывали...

Онъ—Чоглоковъ, онъ единственный представитель этой фамилии и наслѣдникъ отца, онъ офицеръ, награжденный Георгіевскимъ крестомъ, ему двадцать три года, онъ давно совершеннолѣтній...

Но какъ все это странно и странно!.. Ему и въ голову не приходило о какомъ-то „видѣ“ Наташи, о томъ, съ какою бумагою она живетъ. Онъ видѣлъ ее, чувствовалъ, что она его, на-вѣки теперь его—и больше ничего не хотѣлъ знать, а тутъ вдругъ что-то грозить, что-то опять страшное и, быть можетъ неотразимое... Да нѣтъ, это пустяки!.. *Теперь* онъ не боится ничего... Да, Наташа не свободный человекъ, Наташа „крѣпостная“ господъ Чоглоковыхъ, но вѣдь онъ и есть этотъ Чоглоковъ, единственный и полноправный господинъ всего достоянія этихъ Чоглоковыхъ!...

— Кто-же это пріѣхалъ, кто?—спросилъ онъ.—Полименъ? Чиновникъ?

— Вашей матушки повѣренный какой-то, Пальмировъ какой-то, — отвѣтилъ докторъ.

— А, знаю!.. Позовите его ко мнѣ, дорогой докторъ, и Бога ради скройте это все отъ Наташи...

— Да ужъ, конечно, конечно... А господина я этого позову, онъ тутъ вотъ...

Пальмировъ вошелъ въ госпиталь и вѣжливо, почтительно поклонился Сергѣю, котораго зналъ еще мальчикомъ.

— Боже, какъ вы измѣниться-то извоили, Сергѣй Петровичъ!—говорилъ онъ, пока Сергѣй вопросительно и враждебно глядѣлъ на него.—Ужаси, какъ измѣнились!.. Му-

жественны стали, окрѣпи, героемъ смотрите... Да вѣдь герой и есть-съ — награждены... Съ Монаршей милостью имѣю честь поздравить, съ крестомъ-съ... А давно-ли вотъ такимъ мальчикомъ бѣгали?.. Ахъ, Боже мой, Боже мой, время какъ идетъ-съ!..

Сергѣй сѣлъ на койку и указалъ глазами на стулъ.

Пальмировъ принялъ предложеніе съ достоинствомъ и сѣлъ, раскинувъ фалдочки своего новаго опрятнаго фрака.

— Вы ко мнѣ, Пальмировъ?—спросилъ Сергѣй, стараясь владѣть собою и быть холодно-вѣжливымъ и твердымъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ Пальмировъ, и въ хитрыхъ пронзительныхъ глазахъ его сверкнула насмѣшка, которую онъ сейчасъ-же замаскировалъ выраженіемъ простодушія и наивности.

— Никакъ нѣтъ-съ. Даже поклона вамъ не передаю отъ ихъ превосходительства, вашей матушки, потому онѣ не знали, увижу-ли я васъ и попаду-ли въ Севастополь или сюда-съ... Еслибъ знали, такъ безъ сомнѣнія послали-бъ поклонъ и гостинецъ. Очень жалѣть будутъ-съ...

— Такъ зачѣмъ вы здѣсь?

— Я-съ по дѣлу-съ...

— Именно.

— Да такъ-съ, кляузное дѣльце-съ... Дѣвушка ихъ превосходительства, вашей матушки, по легкомыслію и свойственной молодости глупости, убѣжала-съ и, модою увлеченная-съ, въ сестры милосердія ушла-съ...

— Какая... Какъ-же зовутъ ее?

— Дѣвушку-то?

— Да!..

— А какъ ее...

Пальмировъ зналъ всю исторію задолго еще до полученнаго полномочія, и имя Наташи ему было извѣстно, какъ свое собственное, но онъ почему-то сдѣлалъ видъ, что забылъ. Это ужъ входило въ число его дипломатическихъ соображеній.

Онъ досталъ бумажникъ, порылся въ немъ, нашелъ ба-
кую-то записку и сказалъ:

— Натальей зовутъ-съ... Наталья Серпова.

Сергѣй втянулъ въ себя воздухъ, тяжело вздохнулъ и
выговорилъ тихо и спокойно:

— Да?.. Ну, такъ вы можете не трудиться искать эту
дѣвушку и хлопотать изъ-за нея: она моя невѣста...

Пальмировъ высоко поднялъ брови.

— Невѣста-съ?

— Да.

— Изволите шутить, Сергѣй Петровичъ?

— Во-первыхъ, такими вещами не шутятъ, а во-вто-
рыхъ, я позволяю себѣ шутить только съ пріятелями, съ
друзьями, съ товарищами.

— Такъ-съ... Странно-съ... Бѣглая вдругъ дѣвица, можно
сказать...

— Я повторяю, что она моя невѣста!—возвысилъ го-
лосъ Сергѣй, и въ голосѣ этомъ прозвучала та твердая,
желѣзная нотка, которая была извѣстна Пальмирову еще у
покойнаго генерала.

Онъ всталъ.

— Виновать-съ... Позвольте принести поздравленіе съ
запорученной невѣстою, но въ то-же время долженъ сказать,
что обязанъ взять *ихъ* и отвезти въ Москву...

— Кого?

— Вашу невѣсту-съ.

— Да вы съ-ума сошли, господинъ Пальмировъ?—вспых-
нулъ Сергѣй. — Кто-же смѣетъ отнять у меня невѣсту и
куда-то везти ее?

— Тотъ, кому она принадлежитъ, пока не получить
доблестной фамиліи Чоглоковыхъ. Она пока крѣпостная ва-
шей матушки, вдовы генераль-лейтенанта Чоглокова, а я
лицо, снабженное довѣренностію ея превосходительства...

— Да?.. Но вы забываете, что я полноправный наслѣд-
никъ моего отца и совершеннолѣтній!

— Никакъ нѣтъ-съ, хорошо знаю-съ.

— Ну, такъ что-жъ вы? Наталья Панкратьевна крѣпостная Чоглоковыхъ, а я единственный Чоглоковъ...

— Гмъ!—усмѣхнулся Пальмировъ. — Вы весьма образованный и весьма храбрый офицеръ, но вы не законникъ, Сергѣй Петровичъ, извините меня-съ... Насколько мнѣ извѣстно-съ, — Наталья... Наталья Панкратьевна крѣпостная вашей матушки, а не покойнаго родителя вашего, да еслибъ она была и его крѣпостною—право надъ нею принадлежитъ вашей матушкѣ, ибо онѣ опекуныша надъ имѣніемъ, а вы еще не утверждены въ правахъ наслѣдства и не введены во владѣніе-съ...

У Сергѣя точно полъ ушелъ изъ-подъ ногъ.

Пальмировъ улыбнулся одними глазами и продолжалъ:

— Да-съ... Безъ сомнѣнія, ихъ превосходительство снабдятъ свою дѣвушку, удостоенную вашимъ выборомъ, законнымъ разрѣшеніемъ, а пока я долженъ препроводить ихъ къ мѣсту жительства, на что уполномоченъ генеральшею и имѣю всѣ права, такъ какъ снабженъ предписаніями подлежащихъ властей...

Пальмировъ сдѣлалъ шагъ впередъ и положилъ руку на грудь.

— Простите-съ, быть можетъ, причиняю невольное огорченіе, но въ семъ не повиненъ: творю волю пославшаго меня, творю приказаніе моей довѣрительницы и госпожи... Не поставьте въ вину-съ, я готовъ всѣмъ служить сыну моего благодѣтеля, генерала Петра Григорьевича, готовъ жизнью жертвовать и скуднымъ достояніемъ-съ...

— Такъ что-жъ вы хотите дѣлать?—спросилъ Сергѣй, чувствуя, что вотъ-вотъ упадетъ въ обморокъ.

— Взять дѣвицу Наталію и доставить по принадлежности.

— Ну, вамъ заплатятъ за это, денегъ дадутъ... Сколько?.. Я вамъ въ десять разъ больше дамъ, во сто, въ тысячу разъ!.. У меня теперь мало, но вѣдь я единственный

наслѣдникъ отца, вѣдь все мое будетъ... Сколько платить вамъ мать? Сколько вамъ обѣщано за это дѣло, за это скверное, нехорошее, нечестное дѣло?.. Я вамъ дамъ вексель въ десять тысячъ... Хотите?

„Воспитаніе моихъ дѣтей и милости генеральши стоятъ дороже, да и неудобно брать векселя съ этого юноши, попадешься еще и пропадешь!“ — подумалъ Пальмировъ и сказалъ:

— Я служу, какъ вѣрный слуга ея превосходительства, а не какъ наймитъ, и совѣстью не торгую-съ... Да и бесполезно: меня купите—другаго пошлютъ... Долженъ исполнить волю ихъ превосходительства, Сергѣй Петровичъ, а вы ужъ хлопочите, какъ вамъ угодно...

Сергѣй закрылъ лицо руками и долго оставался такъ.

— Можете вы повременить два-три дня? — глухо спросилъ онъ.—Ну, недѣлю?..

— Это зачѣмъ-же-съ?

— Я пошлю эстафету матери.

— Гмъ... Хорошо-съ, извольте посылать...

Сергѣй вздохнулъ съ облегченіемъ...

XXX.

Сергѣй, выпросивъ у Пальмирова, на сторонѣ котораго были право и сила, отсрочку, совѣмъ не думалъ о посылкѣ матери эстафеты. Онъ хорошо зналъ, что никакая просьба не поможетъ и генеральша не измѣнитъ своего рѣшенія, хотя-бы ей пришлось видѣть сына мертвымъ. Она предпочтетъ его смерть его *позору*. Она доказала уже это.

Въ первую минуту, прося Пальмирова объ отсрочкѣ, Сергѣй ничего не думалъ,—онъ былъ въ это время тѣмъ утопающимъ, который хватается за соломинку. Но потомъ у него явилась блестящая мысль, и онъ съ лихорадочной торопливостью схватился за ея исполненіе. Въ осуществленіи

этой мысли онъ видѣлъ единственное спасеніе и свое, и Наташи.

Онъ, когда Пальмировъ удалился, позвалъ того молодаго доктора, который принесъ извѣстіе о пріѣздѣ Пальмирова, и спросилъ—можетъ-ли онъ выйти изъ госпиталя.

— Я полагаю, что можно, — отвѣтилъ докторъ. — Вы оставлены до окончательнаго поправленія, но если вы пожелаете выписаться,—я думаю, что васъ не удержатъ...

— Такъ устройте-же, докторъ, это какъ можно скорѣе. Я сегодня-же долженъ выйти. — Сергѣй взялъ доктора за руки, привлекая его къ себѣ и продолжалъ:—Вы-же, докторъ, должны помочь мнѣ устроить одно дѣло... Дѣло, отъ успѣха котораго зависитъ не только мое счастье, но и жизнь...

— Говорите, дорогой Сергѣй Петровичъ, говорите, я буду очень радъ все для васъ сдѣлать,—отвѣчая на пожатіе руки, сказалъ докторъ.

— Вы должны устроить вѣнчаніе мое съ Наташею...

— Вѣнчаніе?

— Да... Я не буду говорить вамъ, какъ все это случилось, почему все это. Вамъ это все равно... Вы знаете, какъ и всѣ тутъ, что я люблю Наташу, слышали, быть можетъ, подробности о моемъ грустномъ, тяжеломъ романѣ и... Однимъ словомъ, я долженъ немедленно жениться на Наташѣ, или мы оба погибли... Вы понимаете? Я говорю *погибли*, и это не фраза, это именно такъ. Помогите-же, докторъ, устройте...

Докторъ усиленно взъерошилъ свои волосы.

— Скоро это надо устроить?—спросилъ онъ.

— Сегодня, завтра, послѣ-завтра, но чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше... Я имѣю очень короткій срокъ...

— Гмъ... Вамъ, конечно, дадутъ разрѣшеніе, и этого достаточно; но вотъ она, Наталья Панкратъена... Вѣдь у нея нѣтъ документовъ... Ахъ, какая бѣда, чортъ возьми?..

Докторъ ударилъ себя по лбу и всталъ.

— Погодите, я придумалъ кое-что... Сейчасъ придетъ

старшій докторъ, и вы проситесь у него на выписку и хлопчите потомъ о разрѣшеніи вступить въ бракъ; вамъ дадутъ,—вы все-же Чоголковъ, для васъ всѣ двери отворятся, — а я... я полечу къ одному знакомому... Устрою, Сергѣй Петровичъ, ей-богу, устрою, женимъ мы васъ и на свадьбѣ попируемъ!..

Докторъ убѣждалъ, озабоченный, но сіяющій и точно вспрыснутый живой водою.

Докторъ этотъ, Василій Павловичъ Радугинъ, былъ однимъ изъ тѣхъ „друзей человѣчества“, которыми такъ богаты лѣтописи севастопольской обороны.

Не будучи „знаменитостью“, не отличаясь даже особыми познаніями, совсѣмъ еще юный, онъ дѣлалъ чудеса въ своей области, и раненые глядѣли на него, какъ на спасителя, глубоко вѣруя въ его познанія, въ его искусство.

Какъ братъ къ брату, подходилъ онъ къ больному со словомъ утѣшенія, съ участіемъ, съ любовью и съ желаніемъ помочь ему и помогать всегда.

Уже во взглядѣ кроткихъ, добрыхъ глазъ доктора больной видѣлъ утѣшеніе и находилъ облегченіе, а затѣмъ докторъ сидѣлъ съ нимъ ночи, тревожно слѣдя за нимъ, съ любовью матери ухаживая за нимъ, и это спасало больного лучше и вѣрнѣе, чѣмъ искусство, особенно ежели это искусство не согрѣто любовью.

Кромѣ того, докторъ Радугинъ былъ добродушный, веселый человѣкъ, человѣкъ-рубаха, какъ выражается народъ, и его любили его пациенты до безумія, а особенно солдаты, съ которыми онъ былъ какъ ровня.

Онъ писалъ имъ письма на родину, читалъ получаемыя, пробовалъ присылаемые изъ дому гостинцы, приносилъ свои, говорилъ съ солдатами о домѣ, о деревнѣ, о заботахъ, зналъ солдата во всѣхъ его подробностяхъ.

Сдѣлать что-нибудь пріятное кому-бы то ни было доставляло доктору величайшее наслажденіе, и вотъ, теперь онъ ухватился за дѣло Сергѣя, какъ за свое собственное.

Онъ, освободившись отъ дежурства, полетѣлъ къ знакомому священнику, настоятелю одного изъ отдѣльныхъ и бѣдныхъ симферопольскихъ храмовъ.

Священникъ осматривалъ въ огородѣ ульи, когда пришелъ къ нему докторъ.

— А, эскулапъ! — привѣтствовалъ батюшка, улыбаясь изъ-подъ сѣтки, которая закрывала его сѣдую голову и добродушное, открытое лицо отъ пчелъ. — Не подходи сюда, не подходи — зажалать пчелы-то!.. Ишь, прыткій какой!..

— Ничего, батюшка, меня не тронуть! — отвѣчалъ Радугинъ. — Надо мной въ Севостонолѣ такъ-то вотъ пули летали да жужжали, да и то ничего, а то пчелы!.. Меня не тронуть...

Дѣйствительно, пчелы кружились надъ головою доктора, жужжали, налетали на него цѣлыми роями, но не трогали и улетали обратно.

Батюшка съ удивленіемъ глядѣлъ на это и, наконецъ, развелъ руками.

— Фу-ты, шутъ тебя возьми! — проговорилъ онъ. — Да что-же это ты за магъ и чародѣй? Я хозяинъ, знаютъ меня пчелы, а и то въ эту пору года я не рискую подходить къ нимъ безъ сѣтки, — а ты, на-поди, смѣлехонько идешь — и ничего!..

Докторъ засмѣялся.

— Ага, батюшка, поражены?.. Ха, ха, ха... Вы и въ самомъ дѣлѣ не подумайте, что это что-нибудь необычайное...

— Такъ что-же это? — спросилъ батюшка, недоумѣвая.

— А то, что я пропахнулъ всякими госпитальными спеціями, въ родѣ карболокъ всякихъ; ну, пчелы и боятся, не любятъ...

— Хо, хо, хо! — раскатисто засмѣялся батюшка. — Ахъ, ты, чтобъ тебя!... А вѣдь я думалъ, что и ни вѣсть что!... Ну, здорово, милый, здорово. Спасибо, что навѣстилъ...

— По дѣлу, батюшка, а не съ визитомъ...

— О?... Такъ-то и не заглянуль-бы?...

— Некогда, дѣла по горло...

— Вѣрно, вѣрно, завалены вы дѣлами, завалены... Ну, пойдемъ чай пить, матушка сегодня пироги съ морковья некла, настойка на смородиновыхъ почкахъ поспѣла...

— Обожаю... Но сперва дѣло, батюшка...

Докторъ взявъ священника подъ руку, отвелъ отъ ульевъ къ сторонкѣ, усадилъ на скамью подъ тѣнью развѣсистой березки и сѣлъ самъ.

— Свадебку одну надо обвѣнчать, батюшка,—сказалъ онъ.

— А можетъ и подъ бѣду подведешь?.. Хо, хо, хо!... Упечъ родственничка-то желаешь?...

— То-есть какъ?

— То-есть такъ... Пошелъ-бы ты за семь верстъ киселя хлебать, если-бы не особенное что-нибудь!...

Радугинъ шелъ, чтобы немного обмануть родственника. Онъ хотѣлъ сказать ему, что генеральша Чоглокова не имѣла права давать Натальѣ разрѣшенія отъ своего имени, что господинъ Наташи есть Сергѣй Чоглоковъ, и бумага, данная генеральшею, только удостовѣряетъ личность Наташи,—но прямо поставленный батюшкою вопросъ обезоружилъ его и онъ рассказалъ все дѣло, какъ оно было.

Докторъ успокоилъ священника, говоря, что никакой „исторіи“ выйти не можетъ, что генеральша Чоглокова и не подумаетъ заводить ее, а еслибъ и завела, то все на сторонѣ ея сына.

Налившись у священника чаю и закусивъ, Радугинъ поѣхалъ въ госпиталь, полный самыхъ радужныхъ мечтаній и счастливый своей удачею.

Наташа точно разцвѣла, когда узнала, что она *невеста* Сергѣя, что вотъ еще день, два—и она будетъ его женою.

Счастіе принимало совсѣмъ опредѣленныя формы, переставало быть призракомъ, осуществлялось.

Дѣвушка, дрожа отъ этого прилива полного счастія,

робко замѣтила было Сергѣю о разладѣ съ матерью, который грозилъ ему, но онъ успокоилъ ее.

— О, нѣтъ!.. Разладъ кончится, когда мать узнаетъ, что ты моя жена, когда фактъ совершится... Да и что намъ загадывать о будущемъ, Наташа, когда наше настоящее такъ хорошо.

— Но вѣдь она мать, Сережа, мать!..

— Да... Но что мнѣ дѣлать, если она не понимаетъ моего счастья?.. Уступить ей?.. Ахъ, Наташа, да развѣ это не разладъ, когда я буду чувствовать себя убитымъ, уничтоженнымъ, глубоко несчастнымъ, и когда виною этого несчастья я буду считать мою мать?.. О, это страшный разладъ, непоправимый! Ну, а теперь я надѣюсь на прощенье, на забвеніе, а если нѣтъ...

Сергѣй обнялъ Наташу.

— Ты утѣшишь меня, моя милая, моя хорошая, моя любимая!..

Наташа начала готовиться къ свадьбѣ, взявъ отпускъ. Она поговѣла, причастилась, заставивъ сдѣлать это и Сергѣя, и начала шить себѣ подвѣнечное платье, желая исполнить обрядъ торжественно, чтобы онъ на - вѣки запечатлѣлся въ ея памяти и являлся въ воспоминаніяхъ блестящимъ, торжественнымъ, праздничнымъ. Она очень жалѣла, что нѣтъ Вареньки Ушаковой. — Варенька была оставлена по своему желанію въ Севастополѣ на перевязочномъ пунктѣ.

Наташѣ особенно хотѣлось-бы видѣть теперь Вареньку, которая умѣла понимать ее, умѣла оцѣнить и ея горе, и ея счастье. Марья Ивановна иногда навѣщала въ эти дни Наташу, поселившуюся на квартирѣ въ одномъ домѣ съ Сергѣемъ, но отдѣльно отъ него.

Кроткая сестра милосердія была внимательна, ласкова, помогала Наташѣ, но что-то было въ ея отношеніяхъ къ Наташѣ не искреннее, холодное и обѣ онѣ чувствовали это, и обѣ тяготились этимъ. Приходили къ Наташѣ и другія

сестры милосердія, но и этими руководило лишь чувство любопытства, да зависть сквозила чрезъ притворно-ласковыя отношенія. Этими посѣтителницами Наташа тяготилась, и любимымъ гостемъ ея въ эти дни, кромѣ Сергѣя, былъ докторъ Радугинъ. Этотъ умѣлъ не хуже Вареньки понимать ее, и съ нимъ Наташа чувствовала себя отлично; по всего лучше ей было, когда она оставалась одна. Цѣлыми роями радостныхъ, свѣтлыхъ мысли слетали къ ней тогда и она жила всѣми фибрами своего существа въ эти минуты. Картины, одна другой свѣтлѣе и радостнѣе, рисовались передъ нею, и будущее манило ее, а любовь къ Сергѣю все сильнѣе и сильнѣе росла въ ней.

— Женихъ мой, женихъ!—вслухъ думала она.—Милый мой!.. Ну, какъ я съумѣю отплатить ему за то счастье, которое онъ далъ мнѣ?.. Какъ я буду съ нимъ жить, какъ войду въ его кругъ?... Не будетъ-ли ему стыдно за меня?.. О, какъ я буду стараться, чтобы быть достойною его!.. Милый мой, хорошій!..

О матери Сергѣя она старалась не думать. Холодный ужасъ охватывалъ ее, когда она вспомнила о генеральшѣ, и она старалась обходить ее въ своихъ думахъ.

Пришелъ и день свадьбы.

Пальмирова Сергѣй и Наташа не боялись: онъ уѣхалъ въ Севастополь „поглядѣть на войну“, какъ онъ говорилъ.

— Быть въ семидесяти верстахъ отъ театра войны и не видать ее—непростительно,—говорилъ онъ.—Поѣду, послушаю грохотъ выстрѣловъ, во-очію увижу доблестныхъ защитниковъ сей современной Трои, а къ тому времени придетъ и отвѣтъ ея превосходительства, согласно которому буду дѣйствовать...

Усердный слуга генеральши никоимъ образомъ не думалъ, что дѣло можетъ принять такой оборотъ, какой оно принимало, и былъ покоенъ. Отказать Сергѣю онъ нашелъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что Сергѣй являлся наслѣдникомъ

громднаго состоянія Чоглоковыхъ и могъ очень пригодиться искательному Пальмирову.

Онъ долженъ былъ прїѣхать изъ Свастополя какъ - разъ въ тотъ день, который былъ назначенъ для бракосочетанія.

Надо было торопиться, а иначе Пальмировъ могъ помѣшать и все погубить.

XXXI.

Весь отдавшись заботамъ о бракосочетаніи Сергѣя, точно свою собственную свадьбу устраивая, докторъ Радугинъ сдѣлалъ все на славу, и оставалось одно—обвѣнчать жениха и невѣсту. Докторъ умѣлъ найти ходъ къ одному вліятельному и очень значительному лицу, которое отнеслось къ Сергѣю и его невѣстѣ очень сочувственно и быстро, по военному, „въ двадцать четыре часа“ все устроило, дало всѣ необходимыя бумаги, исполнило всѣ формальности.

— Ну, милые, женитесь, плодитесь и размножайтесь!—задыхаясь отъ волненія и усталости, объявилъ докторъ, вбѣгая въ день свадьбы къ Сергѣю.—Все устроилъ!..

— Да неужели все, дорогой докторъ?—радостно воскликнулъ Сергѣй, все еще сомнѣваясь, все еще боясь чего-то.

— Все!... Вотъ онѣ, бумаги ваши... Живо, голубчикъ, живо!... Невѣста готова, и я ее сейчасъ, въ качествѣ шафера, въ церковь привезу, а вы напередъ поѣзжайте...

— Милый вы мой, какъ мнѣ благодарить васъ!—смѣясь отъ радости, сіяя весь отъ счастья, бросился Сергѣй къ доктору и принялся обнимать его.

— Послѣ, батюшка, послѣ отблагодарите, а теперь одѣвайтесь живо и маршъ!

Сергѣй позвалъ Каплина, который все время состоялъ при немъ, и сталъ одѣваться въ приготовленный для этого дня новый мундиръ.

Наташа непременно пожелала, чтобъ онъ сдѣлалъ это, одѣлся во все новое.

— Надо всё́мъ, всё́мъ отличить этотъ день отъ другихъ!—говорила она, сама хлопотливо и радостно приготавлиаясь къ свадьбѣ.

Когда ей пришлось ѣхать къ вѣнцу, ею овладѣло такое волненіе, что докторъ побѣждалъ въ госпитальную аптеку и принесъ успокоительныхъ капель какихъ-то.

— Что съ вами, Наталья Панкратьевна?—спрашивалъ онъ.—Вы боитесь?

— Вы думаете того, что нашу свадьбу разстроятъ? О, нѣтъ, я этого не боюсь... Я вѣрю теперь, что она состоится, но мнѣ страшно дѣлать тотъ шагъ, который я дѣлаю, докторъ... Вѣдь я связываю свою жизнь съ чужою, докторъ, я беру на себя отвѣтственность страшную! Вы видите, какой онъ,—она знала, что докторъ догадывается, о комъ она говоритъ,—вы понимаете его... Онъ не отъ міра сего, онъ ангелъ, и я боюсь, найдется ли во мнѣ силъ любить его такъ, какъ это нужно...

— Э, полно вамъ,—успокаивалъ докторъ.—У васъ да не найдется любви!.. Собирайтесь-ка скорѣе, а то ждетъ женихъ-то... Понятно ваше волненіе—обычное оно у дѣвушки-невѣсты,—а что до сомнѣній какихъ-то, такъ это вы совсѣмъ напрасно.

Но Наташу не убѣдили слова доктора.

Она съ трепетомъ, именно съ трепетомъ, вступала въ храмъ, изъ котораго должна была выйти женою Сергѣя.

Ее пугали новыя обязанности ея. Точно къ таинственной двери подходила она, и сгорая желаніемъ отворить ее, и боясь, ужасаясь даже того *неизвѣстнаго*, которое ждетъ ее за дверью.

Ей думалось, что она не такъ любить своего жениха, какъ это нужно; она находила свою любовь недостаточною для того, чтобы отдаться другому и взять этого другого. Ей думалось, что такая любовь, которая должна быть въ сердцѣ невѣсты, такъ велика, что поглотить человѣка всего, не оставить въ немъ мѣста для другихъ чувствъ, для другихъ мыслей.

— Жена!—думала она, приближаясь къ церкви.—Вѣдь это только мы привыкли къ этому слову,—обычнымъ и простымъ сдѣлалось оно,—а вѣдь оно великое, страшное слово!... Вѣдь онъ будетъ навсегда моимъ, навсегда вѣдь я должна быть такъ хороша, чтобы всю свою жизнь онъ не могъ подумать о другой женщинѣ, потому что другая женщина для него преступленіе, несчастіе, грѣхъ, а для меня гибель... Такая-ли я!... Смѣю-ли я брать на себя такую отвѣтственность?... Боже, Боже, какъ страшно и какъ ново все, какъ неожиданно!...

Она съ трепетомъ вошла въ церковь и съ трепетомъ подошла къ аналою, отъ котораго должна отойти женою Сергѣя.

Она со священнымъ ужасомъ прислушивалась къ словамъ, которыя произносилъ священникъ во время обряда, и эти слова вполнѣ отвѣчали ей настроенію...

Въ церковь набралось довольно много любопытныхъ, и всѣ они, восторгаясь красотою невѣсты, находили, что она очень блѣдна и печальна.

Ея думы были, дѣйствительно, похожи на печаль, хотя она и испытывала вмѣстѣ съ тревогою величайшее счастье...

— Жена моя!—назвалъ ее Сергѣй, когда обрядъ кончился.

— Да, Сережа, жена,—тихо, почти шепотомъ проговорила Наташа.—Какъ это все хорошо и какъ страшно...

Сергѣй не понималъ думъ Наташи, не зналъ ихъ, а тѣ, которыя она ранѣе высказывала, забылъ и засмѣялся теперь.

— Ничего нѣтъ страшнаго, мой милый другъ!—сказалъ онъ.—Наше страшное теперь кончилось, теперь одно радостное пойдетъ!..

Онъ былъ не только счастливъ, но и радостенъ до игривости, до той веселости, которая овладѣваетъ человѣкомъ, когда ему совсѣмъ хорошо и когда онъ не ждетъ уже ничего нехорошаго.

Онъ щедро заплатилъ за вѣнчаніе, щедро наградилъ пѣв-

чихъ, трехъ какихъ-то бѣдно одѣтыхъ мѣщанъ-любителей, давалъ деньги какимъ-то солдатамъ, которые стояли у церкви и съ любопытствомъ глядѣли на выходящихъ „молodyхъ“, бросилъ нѣсколько монетъ мальчишкамъ, собравшимся въ ограду, цѣловалъ доктора и другого шафера молоденькаго офицера, недавно прибывшаго изъ Россіи и отправляющагося въ Севастополь.

Марѳа Ивановна была въ церкви, она взяла на себя обязанности хозяйки и приготовляла въ квартирѣ Сергѣя шампанское, шоколадъ и закуску для молодыхъ и гостей. Она застѣнчиво, краснѣя и блѣднѣя, поздравила Сергѣя, а Наташу бросилась обнимать и разрыдалась, цѣлуя ее.

Гостей собралось довольно много. Кромѣ Радугина, молоденькаго офицера и Марѳы Ивановны, взявшей отпускъ для торжественнаго случая, было нѣсколько выздоровѣвшихъ и отправляющихся—кто домой, а кто опять на войну—офицеровъ, старушка—жена смотрителя госпиталя, бывшая посаженною матерью Наташи, и кое-кто изъ госпитальнаго начальства.

Всѣхъ этихъ гостей Наташа видѣла, ото-всѣхъ принимала поздравленія, всѣмъ улыбалась и говорила что-нибудь, но вся она, тѣмъ не менѣе, была поглощена своими думами и своимъ тревожнымъ, если такъ можно сказать, счастьемъ. Сергѣй, напротивъ, былъ веселъ, беззаботенъ и походилъ на того Сергѣя Чоглокова, какимъ иногда видала его Наташа въ Москвѣ, давно, давно, и то въ часы, когда его ничто не смущало, ничто не огорчало.

Во время закуски вернулся Радугинъ, который, пріѣхавъ изъ церкви, сейчасъ-же убѣжалъ „къ своимъ больнымъ“.

— Пріѣхаль!.. Ха, ха, ха!.. Пріѣхаль!—задыхаясь отъ хохота, кричалъ докторъ, махая куда-то рукою, а другою придерживая себя за грудь.—Ой, умру отъ смѣха, голубчики мои!.. Ха, ха, ха, ха, ха!.. Пріѣхаль, въ госпиталь сидить!..

— Кто?.. Кто пріѣхаль?—спросили его со всѣхъ сто-

ронъ.—Да будетъ вамъ хохотать-то да мистификацію свою разводить,—скажете толкомъ!..

— Охъ, Пальмировъ пріѣхалъ!.. Ха, ха, ха!.. Господинъ Пальмировъ, посолъ и дипломатъ!.. Ха, ха, ха!.. Теперь онъ больше военачальникъ, чѣмъ дипломатъ,—видъ такой на себя напустилъ, потому „съ театра,—говорить,—военныхъ дѣйствій... Удостоился,—говорить,—битву видѣть своими очами, и смерть,—говорить,—витала надъ моей главою!“.. А нашъ фурштадтскій солдатикъ, который съ нимъ ѣздилъ, рассказываетъ, что г. Пальмировъ версты три бѣжалъ по полю, когда услыхалъ выстрѣлы и увидалъ, какъ бомба разбила стѣну какой-то развалины на Сѣверной!.. А онъ важный такой, саблю какую-то французскую купилъ и всѣмъ показываетъ: съ поля,—говорить,—битвы... Ха, ха, ха!.. О Сергѣй Петровичъ спрашивалъ и о Натальѣ Панкратьевнѣ... Ха, ха, ха!..

— Вы что-же ему сказали?—спросилъ Сергѣй, улыбаясь на доктора, но смущенный.

Пальмировъ напомнилъ ему мать, напомнилъ то *тяжелое*, которое забылось сегодня, совсѣмъ забылось... Оно не прошло еще. Впереди стояла мать, гнѣвная, потрясенная, убитая, быть можетъ.

— А я сказалъ, что вы перешли изъ госпиталя на квартиру... Онъ „аудиенціи“ просить. Такъ и сказалъ—„аудиенціи“... Я, говоритъ, долженъ сегодня *отбыть*... Что ему сказать прикажете?

Сергѣй прошелся по комнатѣ.

— Его надо позвать сюда,—сказалъ онъ.

— Я сейчасъ сбѣгаю, приведу его,—вызвался докторъ.

— Да зачѣмъ-же вы сами, докторъ? Я Каплина пошлю...

— Нѣтъ, я ужъ самъ, потому торжества больше для господина посланника!

Сергѣй поморщился отъ шутки доктора и холодно поглядѣлъ на него, но счастливый докторъ ничего этого не замѣтилъ и побѣждалъ за Пальмировымъ.

Сергѣй принялъ секретаря своей матери въ отдѣльной маленькой комнатѣ, которая играла у него роль кабинета.

Въ комнатку эту доносился говоръ гостей и звонъ посуды, а дверь Пальмирову отворилъ Каплинъ съ такимъ важнымъ и торжественнымъ видомъ, такъ расфранченный и съ такими до неузнаваемости нафабранными усами, что Пальмировъ удивился. Удивилъ его и новый щегольской мундиръ Сергѣя, его добрый, здоровый видъ, его сіяющіе чѣмъ-то особеннымъ глаза.

Самъ Пальмировъ дѣйствительно былъ очень важенъ, и держался немного по военному, вытягивалъ грудь, прищелкивалъ каблуками.

— Сергѣю Петровичу имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе,—сказалъ онъ, склоняя голову и прикладывая руку къ сердцу.—Радъ, что вижу васъ бодрымъ и здоровымъ-съ...

Онъ сѣлъ, по приглашенію Сергѣя.

— Ну, удостоился-съ!.. Вотъ ужъ воочію-то видѣлъ поле брани!.. Умопомрачительно!.. Огонь это, грохотъ, пушки, изрыгающія ядра, смерть и величавое мужество защитниковъ!.. Удостоился и я... Могу сказать, что смерть витала надо мною и, хотя крови не пролилъ на полѣ брани, но былъ на немъ... Истинно доблестные вы сыновья отечества и герои-съ! Ужасъ, ужасъ, кровь леденѣтъ и мозгъ воспаляется!..

Пальмировъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ, помолчалъ, ожидая подтвержденія своихъ словъ, и заговорилъ другимъ тономъ.

— Вы какъ позволите поживать, Сергѣй Петровичъ?

— Да ничего... Выздоровѣлъ вотъ, изъ госпиталя вышелъ.

— Очень пріятно-съ... Отвѣта отъ ихъ превосходительства Анфисы Дмитріевны не получали на посланную эстафету-съ?

— Нѣтъ.

— Гмъ... Долгонько-съ... То-есть оно и ждать нельзя

скоро, потому разстояніе весьма велико — тысяча четыреста слишкомъ верстъ... Да-съ... Долженъ сказать вамъ, Сергѣй Петровичъ, что принужденъ буду отбыть въ Москву и взять съ собою Наташ... Наталью Панкратьевну, согласно волѣ ихъ превосходительства, родительницы вашей...

— Нѣтъ, Пальмировъ, Наталью Панкратьевну вы не возьмете, — сказалъ Сергѣй.

Пальмировъ поднялъ брови.

— То-есть какъ-съ?

— Да, не возьмете...

— Почему-же то-есть?

— А потому, что Наталья Панкратьевна моя жена... Теперь нѣтъ болѣе дворовой дѣвицы Натальи Серповой, а есть жена дворянина и офицера русской службы Наталья Панкратьевна Чоглокова...

Пальмировъ такъ и остался съ поднятыми бровями. Онъ долго сидѣлъ, опустивъ руки по обѣ стороны стула, и глядѣлъ на Сергѣя.

— Изволите... изволите шутить, — сказалъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, я говорю вамъ правду, а вотъ свидѣтельство о моемъ бракѣ... Возьмите, Пальмировъ, прочтите...

Сергѣй подалъ бумагу, которую Пальмировъ долго не бралъ, точно боялся обжечь ею руки.

— Мнѣ пришлось немного одурачить васъ, Пальмировъ, — простите меня, это было необходимо. Вы обладали такими полномочіями, что дѣйствительно могли взять мою невѣсту, а это было невозможно. Для меня невозможно. Я прибѣгнулъ къ мѣрамъ рѣшительнымъ и Наташа моя жена, — сегодня была наша свадьба.

— Но это... это невозможно!.. Это... это пре... про... это проступокъ... преступленіе...

— Ну, объ этомъ мы не будемъ говорить, Пальмировъ... Я васъ не задержу болѣе, и вы завтра можете ѣхать. Я заготовлю вотъ письмо матушкѣ, а скоро выѣду и самъ... На службу меня не принимаютъ, самъ главно-

командующій находить, что я послужилъ достаточно и сдѣлалъ все, исполнилъ долгъ...

Сергѣй всталъ, подошелъ къ Пальмирову и взялъ его за руку.

— Вы не будете виноваты, Пальмировъ, — сказалъ онъ, — вы сдѣлали все, но еслибъ на васъ были въ претензіи — я отвѣчаю за все, и вы будете награждены... Не думайте ничего печальнаго, Пальмировъ, не бойтесь и не огорчайтесь... Пойдемъ поздравить меня и мою жену...

Пальмировъ всхлипнулъ отъ ласковыхъ словъ Сергѣя и заплакалъ...

— Погубили меня, Сергѣй Петровичъ, погубили-сь!.. Всю мою карьеру испортили и будущность моихъ дѣтей!.. Генеральша... генеральша хотѣли наградить, хотѣли дѣтокъ пристроить, обезпечить...

— Все это и будетъ сдѣлано, даю вамъ честное слово... Пальмировъ, вы не имѣете права не вѣрить честному слову сына Петра Григорьевича Чоглокова.

— Вѣрю-сь... Не оставьте, Сергѣй Петровичъ, не погубите, а то вѣдь погибель моя, а къ ихъ превосходительству я ѣхать теперь не могу-сь, другого пошлите-сь...

— Нѣтъ, это ужъ вы поѣдете... а теперь идемте поздравить Наталью Пантратьевну...

— Дн... дипломатъ!.. По... посланникъ! — возопилъ докторъ, указывая на вошедшаго Пальмирова пальцемъ, и упалъ отъ хохота на диванъ.

Не могли удержаться отъ смѣха и прочіе гости, знающіе роль Пальмирова и видя теперь его точно ошпареную фигуру.

На другой день Пальмировъ выѣхалъ въ Москву, имѣя письмо Сергѣя къ генеральшѣ.

Сергѣй писалъ матери:

„Милая матушка! Мнѣ всю жизнь доставляло большое счастье поступать во всемъ такъ, какъ это было угодно вамъ и дѣлать все то, что доставляетъ вамъ удовольствіе.

Думаю, что я всегда былъ почтительнымъ сыномъ, и глубоко огорченъ при мысли о томъ, что своимъ послѣднимъ шагомъ сдѣлалъ вамъ не угодное, огорчилъ васъ. Это лишь и печалить мои свѣтлые дни... Я, матушка, женился на Наташѣ, не дождавшись вашего благословенія, котораго я жду теперь, глубоко увѣренный, что вы простите вашему сыну... Мнѣ пришлось поспѣшить потому, что посланный вами Пальмировъ имѣлъ очень уже серьезные порученія, и, не женись я, онъ увезъ-бы Наташу, а новая разлука съ нею окончательно убила-бы меня. Подумайте, милая мама, что было-бы лучше: моя женитьба на Наташѣ, или смерть, смерть на чужой сторонѣ и послѣ того, какъ я избавился уже отъ нея на войнѣ?.. Я не преувеличиваю, мама, говоря о смерти, клянусь вамъ, нѣтъ! Вы вспомните, какъ недалеко былъ я отъ смерти, когда Наташа пропала, а вѣдь если-бы ее теперь отняли у меня—было-бы еще тяжелѣе...

„Простите, мама, меня и пошлите благословеніе! Назовите насъ своими дѣтьми, дорогая!.. Если-бы я сдѣлалъ что-нибудь такое, что недостойно честнаго человѣка—я не просилъ-бы вашего прощенія,—а вѣдь я... Что я сдѣлалъ? Я не исполнилъ вашей воли въ выборѣ подруги жизни. Это все. Подумайте, мама, и я увѣренъ, что вы простите меня. Моя жена робко и почтительно цѣлуетъ ваши руки, но тоже увѣрена въ вашей милости, увѣрена что вы назовете ее дочерью. Она достойна этого, и ея единственный недостатокъ—ея происхожденіе. Недостатокъ-ли это, мама? Почтительный и глубоко преданный вамъ сынъ вашъ Сергѣй Чоголковъ“.

XXXII.

Былъ августъ мѣсяцъ 1855 года.

Севастопольская гроза кончилась.

Она дошла до того момента, когда слѣдуетъ тишина и начинается то послѣгрозовое время, когда все оживаетъ,

освѣщенное грозою, и лишь издалека доносятся все утихающіе и утихающіе раскаты грома.

Это „начало конца“ замѣчалось во всемъ, а болѣе всего въ томъ утомленіи, которое испытывали и нападающіе, и защищающіеся. Все такъ-же гремѣли выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ, все такъ-же крѣпко и мужественно стояли защитники Севастополя, все такъ-же яростно производили враги штурмъ за штурмомъ, но было что-то такое, что показывало утомленіе.

Въ ночь на двадцать седьмое августа на Шварцовскомъ редутѣ было все покойно, — то-есть относительно покойно, какъ и всегда.

Непріятель продолжалъ бомбардированіе, съ нашихъ батарей ему отвѣчали, а свободные отъ службы офицеры и солдаты мирно спали въ блиндажахъ или бесѣдовали, закусывали, играли въ карты.

Ночь была тихая, теплая; пахло дождемъ.

Солдаты повыходили изъ душныхъ блиндажей и сидѣли подъ стѣнками батарей, любясь огненными полосами пролетающихъ снарядовъ и разговаривая.

— Эхъ, братцы, надоѣло сидѣть, домой хочется!—говорилъ пожилой солдатъ, задумчиво слѣдя за полетомъ ядеръ и покуривая трубочку.

— Теперича скоро кончится и домой пойдемъ, — замѣтилъ другой, молодой еще солдатикъ съ добродушнымъ лицомъ въ веснушкахъ.

— Ишь ты!—засмѣялись солдаты. — Вотъ, братцы, у насъ фельдмаршалъ-то—все знаетъ!..

— Ха, ха, ха!.. Да, точно что фельдмаршалъ... Ужъ ты, Маторинъ, поскорѣй отпусти, сдѣлай милость...

— Не я отпущу, а войнѣ скоро конецъ, вотъ что, — сказала Маторинъ.

— Это тебѣ откуда-же депеша объ этомъ пришла, Маторинъ?.. Ха, ха, ха!..

— Скаль зубы-то!.. Не депеша пришла, а видимое дѣло, что скоро конецъ войнѣ: устали всѣ...

— А онъ, братцы, вѣрно говоритъ,—поддержалъ Маторина старый солдатъ.—Совсѣмъ другое дѣло пошло, срывомъ какъ-то дѣйствуютъ всѣ... Вотъ поглядите, что скоро конецъ...

— Что-жъ, возьмутъ они, стало-быть Севастополь-то?..

— Возьмутъ-ли, нѣтъ-ли, а скоро конецъ — по всему замѣтно...

И всѣмъ хотѣлось этого конца, всѣ чувствовали его приближеніе.

Въ душную, предшествующую непогодѣ ночь спалось плохо, и сонъ пришелъ лишь подъ утро, когда повѣяло прохлагою.

Крѣпко заснули тогда всѣ тѣ, которымъ можно было спать. Это была послѣдняя ночь въ осажденномъ Севастополѣ.

Грозное слово *штурмъ* разбудило утромъ рѣшительно всѣхъ.

По всей оборонительной линіи ударили тревогу, и густыя колонны непріятеля устремились прежде всего на Шварцовскій редутъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго прекратилась канонада съ обѣихъ сторонъ, а ровно въ двѣнадцать пачался штурмъ Малахова кургана, 2-го, 3-го и 5-го бастионовъ. Это былъ штурмъ небывалый по тому упорству, съ которымъ онъ производился, и по той безпримѣрной доблести и мужеству, съ которымъ его отбивали.

Обѣ воюющія стороны шли на смерть не только съ готовностью, но съ какимъ-то страстнымъ желаніемъ, какъ идетъ на свиданіе влюбленный юноша, какъ другъ идетъ на свиданіе съ другомъ.

Въ дыму ружейныхъ выстрѣловъ, частыхъ до того, что они слились въ одинъ гулъ, подъ пѣлымъ градомъ пуль, сходились враги и вступали въ рукопашный бой. Дрались штыками, прикладами, саблями, тесаками, банниками, обломками лафетовъ, руками.

Малаховъ курганъ въ первомъ часу былъ взятъ.

Севастополь сдали неприятелю. Войска оставили городъ и цѣлыми массами переправлялись черезъ бухту на Сѣверную сторону, но, несмотря на это, французы не смѣли еще идти въ оставленный городъ и заняли лишь укрѣпленія, на которыхъ развѣвались теперь ихъ значки и знамена.

Оставленный Севастополь былъ все еще грозенъ и страшенъ. Онъ напоминалъ сданную въ двѣнадцатомъ году Москву. Та грозила врагу пожарами, а онъ, словно мстя за свое паденіе, разрушался отъ взрывовъ.

Взрывали пороховые погреба, шанцы, заложенные мины, и пустой городъ былъ страшенъ и величаво грозенъ.

Самый талантливый лѣтописецъ Севастопольской обороны, графъ Толстой, такъ описываетъ это время: „По всей линіи севастопольскихъ бастіоновъ, столько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенною энергическою жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другимъ умирающихъ героевъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть и, наконецъ, восхищеніе враговъ,—на севастопольскихъ бастіонахъ уже нигдѣ никого не было.

„По изрытой свѣжими взрывами обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковерканные лафеты, придавившіе русскіе и вражескіе трупы; тяжелыя, замолкнувшія на всегда чугунныя пушки, страшною силой сброшенные въ ямы и до половины засыпанные землей, бомбы, ядра, опять ямы, осколки бревенъ, блиндажей.

„Все это освѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

„Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ.

„Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться, но они не смѣли вѣрить еще, подвліяніемъ сильнаго, спокойнаго отпора дня, чтобъ исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, не шевелясь, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи...

„Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную

почь, сливаясь, разливаясь всею своею массою, колыхался у бухты, по мосту и на Сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, — отъ мѣста, одиннадцатъ мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага, и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

„Непонятно тяжело было для каждаго русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія.

„Несмотря на увлеченіе разпородными суетливыми занятіями, желанія выбраться изъ этого мѣста присутствовало въ душѣ каждаго.

„Выходя на эту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился.

„Но за этимъ чувствомъ было другое, болѣе глубокое чувство, какъ будто похожее на раскаяніе. Почти каждый солдатъ, взглянулъ съ Сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимою горечью въ сердцѣ, вздыхалъ и грозился врагамъ“.

Со сдачею Севастополя война еще не кончилась.

Врагъ былъ требователенъ и ставилъ условія для мира тяжелыя.

Молодой Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, царствующій еще менѣе полугода, не согласился на эти условія, и война могла принять грандіозные размѣры.

Лишь въ сентябрѣ главныя силы англо-французовъ оставили Финскій заливъ и война сосредоточилась на югѣ, гдѣ Тотлебенъ, послѣ оставленія нами Севастополя, превращеннаго въ груду развалинъ, строилъ огромныхъ размѣровъ укрѣпленный лагерь. Въ это время Государь Императоръ Александръ Николаевичъ отправился къ театру военныхъ дѣйствій и, не доѣзжая до занятаго непріятелемъ Севастополя, остановился въ Бахчисарѣ, откуда объѣзжалъ войска и сѣверныя наши укрѣпленія.

Войска наши ободрились, видя Государя, и словно ожили.

Вѣсть о мирѣ начала циркулировать въ войскѣ все болѣе и болѣе, и всѣ были убѣждены, что миръ наступаетъ, что

Государь не желаетъ болѣе продолжать ее. И дѣйствительно, генералу Тимашеву поручено было заключить мѣсячное перемиріе. Переговоры объ этомъ перемиріи должны были произойти на Черной рѣчкѣ, и со стороны французовъ уполномоченнымъ явился генераль Мортинпре, начальникъ главнаго штаба французской арміи. Генераль Мортинпре встрѣтился съ нашими уполномоченными на лѣвомъ берегу Черной рѣчки, окруженный громадною и блестящею свитою. На мѣстѣ этомъ были разбиты шатры для приѣма нашихъ уполномоченныхъ. Результатомъ переговоровъ было перемиріе, заключенное на мѣсяцъ, а затѣмъ былъ подписанъ и окончательный миръ.

Севастопольская война кончилась, наступило время мирныхъ заботъ.

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Послѣ грозы.

Война кончилась.

Какъ послѣ сильной грозы все оживаетъ въ природѣ, все принимаетъ какъ будто-бы иной видъ, а воздухъ дѣлается особенно свѣжъ и прозраченъ — такъ и русское общество послѣ военной севастопольской грозы встрепенулось, оживилось и съ живѣйшимъ любопытствомъ начало приглядываться къ новымъ порядкамъ, чутко прислушиваться къ новымъ вѣстямъ, на лету ловя ихъ, толкуя по поводу ихъ, жадно чего-то ожидал.

Все было ново, все перемѣнилось.

Это было время, которое какъ нельзя лучше опредѣлялось стихотвореніемъ: „Новое время—новыя птицы, новыя птицы—новыя пѣсни“.

Съ театра военныхъ дѣйствій возвращались войска и вносили въ общество оживленіе, — приносили множество новостей, — встрѣчались, какъ давно ожидаемые, желанные гости, — чествовались, какъ герои, слава о которыхъ прогремѣла по всему свѣту.

Всюду устраивались для возвращающихся войскъ торжественныя встрѣчи, балы, обѣды. Москва въ этомъ отношеніи сейчасъ-же, какъ и всегда, заняла первое мѣсто и особенно широко распахнула двери для дорогихъ гостей, особенно радушно и гостепріимно встрѣтила ихъ хлѣбомъ-солью.

Угощали военныхъ дворяне, купцы, городъ, отдѣльныя лица; обѣды смѣнялись балами, за балами опять слѣдовали обѣды на широкую ногу, чисто по-московски.

Борисъ Павловичъ Ушаковъ опять, какъ и передъ войною, сбился съ ногъ, разбѣзжая по клубамъ, устраивая подписки, дѣлая грандіозныя обѣды, на которыхъ являлся талантливымъ распорядителемъ.

Онъ теперь особенно торжествовалъ и хлопоталъ: къ общему, такъ сказать, дѣлу у него присоединилось и личное — возвратилась совершенно благополучно Варенька изъ сестеръ милосердія, отмѣченная и отличенная самымъ высшимъ начальствомъ, и сейчасъ-же была объявлена невѣстою Скосырева, который былъ тоже и награжденъ, и отличенъ; кромѣ того, Скосыревъ сдѣлался очень богатымъ человѣкомъ: его тетка недавно умерла и отказала ему все свое громадное состояніе.

Отецъ Скосырева, важный петербургскій сановникъ, всегда неодобрительно относился къ сыну, большому повѣсѣ и кутилѣ въ свое время, но теперь онъ открылъ родительскія объятія награжденному и отличившемуся сыну и пріѣхалъ присутствовать на его свадьбѣ.

Для дочери-невѣсты, для героя-жениха и его товарищей Борисъ Павловичъ задумалъ устроить особенно торжественный и шикарный обѣдъ въ своемъ домѣ, недавно отдѣланномъ.

Готовили для этого обѣда повара англійскаго клуба, весь штатъ прислуги Ушаковыхъ былъ одѣтъ въ новыя ливреи по только-что вышедшей модѣ, а гости поджидались очень сановные, очень важные, въ *pendant* къ которымъ были весьма удобны только-что вернувшіеся съ войны герои съ женихомъ во главѣ.

Наканунѣ обѣда Борисъ Павловичъ, утомленный хлопотами, но довольный, сіяющій отъ предстоящаго обѣда, который долженъ былъ выйти на славу, вошелъ въ комнату жены и, поцѣловавъ руку у Валентины Михайловны, сѣлъ

въ низенькое кресло около камина. Борисъ Павловичъ былъ въ новомъ костюмѣ изъ чернаго сукна, которое теперь совершенно изгнало сукно цвѣтное, въ маленькомъ бѣломъ галстукѣ, былъ превосходно выбритъ, надушенъ и поглаживалъ недавно отпущенныя бакенбарды, которыя быстро входили въ моду.

— Можно, та снѣге, курить?—спросилъ онъ у жены.

— Это скучно, Борисъ Павловичъ!—сказала Валентина Майловна.—Каждый день ты куришь у меня, коптишь и меня и стѣны, и каждый разъ спрашиваешь позволенія!..

— Нельзя-же матушка, нельзя-же, надо-же этикетъ соблюдать... Pardon, я закурю...

Онъ сръзалъ гильотинкою сигару, закурилъ, выпустилъ ароматную струйку дыма и откинулся на спинку кресла.

— А я къ тебѣ, та снѣге, съ очень важнымъ дѣломъ,—заговорилъ онъ,—съ очень важнымъ, съ очень...

— Опять на счетъ стерлядей?

— Ахъ, нѣтъ!.. Стерлядей намъ привезутъ такихъ, что мое почтеніе!.. Василій Шумилинъ говорить, что такихъ не было ни на одномъ обѣдѣ... Вотъ матушка какія, вотъ!..—Борисъ Павловичъ развелъ руки на аршинъ.—Чудо, а не стерляди!.. Нѣтъ, не о стерлядяхъ...

Онъ затянулся и принялъ озабоченный видъ, согнавъ съ лица веселую улыбку, вызванную воспоминаніемъ о стерлядяхъ.

— Я хочу говорить о Сергѣѣ Чоглоковѣ.

Валентина Михайловна взглянула на него.

— О немъ, матушка, о немъ... Звать намъ его на обѣдъ, или нѣтъ?

— Почему-же не звать?—не очень смѣло спросила Валентина Михайловна.

— Очень затруднительный вопросъ, очень та снѣге!.. То-есть вопросъ, требующій большихъ дипломатическихъ способностей!.. Сообрази: если его звать, то надо звать и его жену... Ха, ха... урожденную дворовую дѣвку Наталью.

Серпову!.. Ты понимаешь?.. Не могу-же я звать его и сказать, чтобъ онъ жену не привозилъ!

— Да...

Валентина Михайловна была въ затрудненіи.

— Быть можетъ, у него хватитъ такту не брать ее съ собою,—сказала она.

— Ну, не думаю... Тактъ у него есть, но онъ нарочно привезетъ ее, нарочно! Онъ вѣдь вводитъ ее въ общество и пересталъ бывать тамъ, гдѣ ее не приняли или приняли сухо;—стало быть онъ привезетъ ее и на обѣдъ, тѣмъ болѣе, что она была принята нами.

— Да... Что-жъ, она очень мила и очень прилична... Она вѣдь теперь Чоглокова...

— Чоглокова-аплике... Ха, ха, ха!.. Нѣтъ матушка, я въ большемъ затрудненіи, въ большемъ!.. То-есть вопросъ этотъ на моемъ аппетитѣ отразился, вотъ какъ меня волнуетъ онъ!.. Сегодня подають у Бронницына мое любимое салме, а я ѣсть не могу, въ головѣ у меня кавардакъ!.. Вѣдь будутъ такіе, какъ старикъ Скосыревъ, какъ графиня Д.,—такъ какъ-же я имъ представлю-то ее?.. А Анфиса-то Дмитріевна?.. Вѣдь она будетъ, нельзя-же ее не звать... Вдругъ она и вдругъ ея невѣстка, которую она на порогъ не пустила!.. Скандаль, матушка, скандаль!.. А онъ, Сергѣй-то, пріѣдетъ, нарочно пріѣдетъ!.. Былъ вѣдь онъ съ женою у Голицинскихъ на обѣдѣ, была тамъ и эта старуха Д., исторію ему устроила: онъ знакомить съ нею жену, а Д. и говоритъ: „я, говоритъ, знаю ее, она мнѣ платье шила и чуть-ли еще ее не выѣкли за меня: испортила она платье-то“...

Валентина Михайловна была сильно озабочена, вопросъ представлялся дѣйствительно очень важнымъ.

— Незнаю я... Дѣлай, какъ знаешь!—съ досадою сказала она, чуть-ли не первый разъ въ жизни предоставляя мужу рѣшеніе важнаго, до ея дома касающагося вопроса.

— А ты мнѣ помоги, матушка, помоги, я самъ не могу рѣшить!—раздраженно крикнулъ Борисъ Павловичъ.—Я всеѣ

хлопоты на себя принялъ, я ночи не сплю, аппетитъ потерялъ съ хлопотами, такъ ужъ дѣла внутренняго-то благоустройства ты прими на себя...

— Хорошо, я придумаю,—сухо и тоже съ раздраженіемъ отвѣтила Валентина Михайловна.

— Когда же, та сдѣге? Я сегодня посылаю приглашенія...

— Ну, потомъ, вечеромъ... Посылай, а Чоглокову пожди... Ухъ, какъ ты накурилъ тутъ у меня, силъ нѣтъ!..

Валентина Михайловна позвонила, приказала отворить форточки и ушла.

Она поднялась въ комнату Вареньки.

Поправившаяся съ дороги Варенька, отдохнувшая, очень похорошѣвшая, весело готовилась къ свадьбѣ. Она полюбила за это время Скосырева, найдя въ немъ много достоинствъ, которыхъ не замѣчала до войны, до сближенія съ нимъ въ госпиталѣ. Подъ маскою удалства, разнузданности, напускнаго бреттерства, у Скосырева было много душевной простоты, а сердце онъ имѣлъ доброе, золотое, отзывчивое. Варенька видѣла, какъ его любили товарищи, какъ боготворили солдаты, какъ онъ готовъ былъ на все хорошее, возвышенное, и не ошибалась, думая, что этотъ кажущійся повѣса и удалецъ будетъ превосходнымъ мужемъ, отцомъ и чуднымъ семьяниномъ.

Она шла замужъ, не будучи влюблена въ жениха, но очень уважая его и зная, что это очень хорошій, милый, душевный человѣкъ.

— Ахъ, мамочка, это вы?—оглянулась Варенька на вошедшую мать.—А я тутъ произвожу смотръ своимъ туалетамъ... Сколько хорошихъ, дорогихъ вещей приходится бросать, мама, потому, что онѣ вышли изъ моды!.. Это очень досадно, мама, и очень жаль... Вотъ посмотрите эти платья...

— Послѣ, милочка, послѣ,—остановила Валентина Михайловна дочь.—Я пришла къ тебѣ поговорить... Ты, вертушка, убирайся отсюда, да не смѣй у меня подслушивать, а то я тебѣ уши обдеру!—приказала Валентина Михайловна.

шустрой субреткѣ Вареньки и сѣла рядомъ съ дочерью, когда горничная ушла.

Валентина Михайловна передала дочкѣ разговоръ съ Борисомъ Павловичемъ и попросила ея совѣта.

Роль совѣтчицы Варенька приняла только послѣ войны. Только съ тѣхъ поръ перестала считать ее Валентина Михайловна за ребенка и удостоивала серьезными разговорами, а сегодня она ей была особенно нужна.

— Я-бы не затруднялась,—заклчила свое соображеніе Валентина Михайловна,—я-бы пригласила его съ женою,—это ужъ его дѣло подвергать ее непріятностямъ и ставить въ неловкое положеніе, а для меня она жена Сергѣя Чогокова,—но вѣдь у насъ хотѣла быть Анфиса Дмитріевна, и съ нею встрѣча Натальи невозможна...

— Сережа не повезетъ къ намъ жену, мама,—сказала Варенька.

— А я думаю, что повезетъ... Ему хочется показать, что онъ выше предразсудковъ общества, что онъ пренебрегаетъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые не хотятъ помириться съ его бракомъ... И ему захочется именно при матери показать, какъ его жена мила, какъ она умѣетъ держать себя, какъ она хороша съ нѣкоторыми дамами... Вѣдь Наташа принята у Акуниной и весь кружокъ Акуниной ласкаетъ ее, вывозить, а это теперь самый модный кружокъ...

— Да, мамочка, вы правы, вы отлично знаете Сергѣя, я не сообразила всего этого... Какъ-же быть?.. Анфиса Дмитріевна способна уѣхать съ обѣда, если Наташа приѣдетъ...

— Да... Ты вотъ что: ты съѣзди къ Сергѣю...

— И уговорить его не быть у насъ или быть безъ Наташи?

— Да.

— Тяжелая обязанность, мама, но я возьму ее... Мнѣ очень жаль, если Наташѣ сдѣлають исторію... Да, я поѣду. Прикажите, мама, заложить лошадей...

— Но только, Варенька, ты устрой это понѣжнѣ, поосторожнѣ...

— Не бойтесъ, мама, я научилась на войнѣ обращаться съ самыми чувствительными ранами.

И Варенька поѣхала къ Чоглокову.

Сергѣй пріѣхалъ въ Москву болѣе уже двухъ мѣсяцевъ и жилъ въ нанятой квартирѣ, на Большой Никитской, принимая дѣло по опеку и наслѣдству черезъ Пальмирова, который былъ единственнымъ посредникомъ между нимъ и генеральшею.

Анфиса Дмитриевна не принимала сына и запретила окружающимъ говорить о немъ.

Когда Пальмировъ привезъ ей извѣстіе о свадьбѣ Сергѣя, съ генеральшею сдѣлался нервный припадокъ, и одно время опасались за ея жизнь. Натура и искусство докторовъ отвратили опасность, но поправившаяся къ пріѣзду сына генеральша приказала объявить ему, что она видѣть его не желаетъ.

— Домъ я ему сдамъ со всѣю обстановкою, лишь только будутъ окончены формальности по вводу его во владѣніе этимъ домомъ и имѣніемъ, но видѣть его я ни теперь, ни послѣ не желаю и за сына не считаю,—объявила она. — Не считаю я и бѣглую дворовую дѣвку мою за его жену... Я еще не знаю, что я предприму противъ сдѣланнаго имъ и ею беззаконія, но если эта бѣглянка попадется мнѣ на глаза—я прикажу выдрать ее и выдеру на основаніи моей власти надъ моими дворовыми... Она бѣглянка и воровка...

Къ великому сожалѣнію генеральши, ей пришлось очень скоро отказать себѣ въ удовольствіи считать Наташу воровкою.

Взятый въ ополченіе дворовый человѣкъ Ушаковыхъ—Сашка былъ раненъ при взятіи Малахова кургана и, умирая въ госпиталѣ, при десяткѣ свидѣтелей, покался и

письменно подтвердилъ свое покаяніе, объяснивъ, что онъ похитилъ вещи Валентины Михайловны, а для отвода части похищеннаго подкинулъ Наташѣ, на которую и должно было, какъ на гостью ушаковскихъ дѣвушекъ, пасть подозрѣніе. Умиравшій паренъ указалъ даже на табачную лавочку, въ которой были имъ проданы похищенные вещи, и вещи дѣйствительно тамъ нашлись.

Невинность Наташи, которую, впрочемъ, и безъ того никто почти не считалъ похитительницею, была совершенно доказана, но генеральша, — убѣжденная, конечно, въ ея невинности, — говорила, что это „штуки“, что просто умирающаго челоѣка подкупили и онъ оклеветалъ себя.

Какъ-бы то ни было, но генеральша не хотѣла признать за Наташею никакихъ правъ и продолжала звать ее „бѣглою воровкою“, угрожая при первой-же съ нею встрѣчѣ арестовать ее и выслать въ полиціи.

Сергѣй, предупрежденный еще въ дорогѣ о нежеланіи матери видѣть его, остановился въ гостинницѣ, а къ матери поѣхалъ въ первый-же день приѣзда.

Она не приняла его.

Сергѣй написалъ ей тогда письмо и послалъ съ Пальмировымъ, но письмо было возвращено не прочитаннымъ.

Сергѣй обратился къ одному очень уважаемому генеральшю родственнику и просилъ его о примиреніи съ матерью, но генеральша предложила уважаемому родственнику или бывать у нея и не говорить о Сергѣѣ ни слова, или совсѣмъ оставить его.

Сергѣй нанялъ домъ, меблировалъ его, переѣхалъ туда на житье, а Пальмирову далъ довѣренность утвердить себя въ правахъ наслѣдства и ввести во владѣніе. Онъ желалъ уступить домъ на Поварской матери, но генеральша не взяла этого дома и отдѣлывала себѣ другой, на Чистыхъ прудахъ, гдѣ она родилась.

Она перестала бывать въ тѣхъ домахъ, гдѣ принимали Сергѣя съ женою, и не принимала никого изъ тѣхъ, ко-

торые принимали его. Исключеніе было сдѣлано лишь для Ушаковыхъ, и только потому, что это была единственная семья, которая служила какъ-бы послѣднимъ звеномъ, связывающимъ ее съ сыномъ.

И въ глубинѣ души генеральша носила надежду, что именно эта семья помирить ее съ любимымъ сыномъ, разлука съ которымъ все болѣе и болѣе терзала ее. Она не хотѣла сознаться въ этомъ, но лишь надеждою на это она и жила, и у нея не хватило-бы силъ разорвать связи съ этимъ послѣднимъ домомъ, въ которомъ бываетъ ея сынъ, воздухомъ котораго онъ дышетъ и въ стѣнахъ котораго она когда-нибудь увидитъ его.

Генеральша теперь только и жила мечтами объ этомъ днѣ да надеждою на то, что жена сына можетъ-же умереть...

О, какъ желала она смерти этой женщины и какъ боялась этого желанія, считая его за великій неумолимый грѣхъ!

Изъ живыхъ людей желаніе это знала лишь Василиса и одна сочувствовала ему, одна могла бы помогать его осуществленію.

II.

Сергѣй съ женою сидѣли за чаемъ когда къ нимъ пріѣхала Варенька.

Хорошенькая, свѣженькая и вся дышащая счастьемъ Наташа сидѣла за самоваромъ въ изящномъ домашнемъ туалетѣ, сдѣланномъ лучшею портнихой и очень идущемъ къ Наташѣ.

Все въ квартирѣ „молодыхъ“, отъ чайнаго сервиза и этого туалета хозяйки до обстановки, до костюмовъ прислуги, было новое, свѣжее, нарядное, блистающее новизною и отличающееся вкусомъ, котораго у Сергѣя было вообще много. Хорошенькая, молоденькая хозяйка дополняла картину, и комната съ кипящимъ на столѣ самоваромъ, ярко-освѣщенная стеариномъ, была необыкновенно мила, уютна и

дышала тѣмъ симпатичнымъ миромъ и довольствіемъ, которые встрѣчаются только въ квартирахъ „молодыхъ“.

— Какъ у васъ хорошо!—воскликнула Варенька, входя въ комнату, снимая шляпу и цѣлуя Наташу. — Вотъ уголокъ для полного счастья...

— И оно уже свило тутъ гнѣздышко, Варенька,—сказалъ Сергѣй, цѣлуя руку кухни и подавая ей стулъ. — У васъ съ Владиміромъ не будетъ такъ уютно...

— Почему?

— Онъ все разнесетъ, во все вложитъ свою разрушающую натуру удалаго штабсъ-ротмистра...

— Извините!—засмѣялась Варенька. — Онъ будетъ немедленно укрощенъ. Всѣ эти „разрушительные элементы“ онъ оставитъ, я и теперь уже прибрала его къ рукамъ...

— Онъ поддается?

— Легко!... Это вообще будетъ очень „ручной мужъ“... Ха, ха, ха... Natalie, налей мнѣ чаю и сдѣлай тартинку, я очень голодна и хочу ѣсть... Ахъ, какъ я устаю съ этими хлопотами, съ этими заботами!... Портнихи, бѣлошвейки, магазины, дѣловые визиты!... Я къ вамъ съ дѣловымъ визитомъ...

— Да?—спросилъ Сергѣй.

— Да.

— Въ чемъ-же дѣло, моя дѣловая кухня?

Варенька отпила глотокъ чаю изъ тоненькой китайской чашки и поглядѣла на Наташу.

— Мой дѣловой визитъ есть секретъ отъ вашей супруги, Сергѣй Петровичъ...

Тонъ у Вареньки былъ шутливый, но лицо было серьезно и озабочено, и Сергѣй понялъ, что дѣло дѣйствительно важное.

Онъ отчасти догадался даже, какое это дѣло.

— У меня нѣтъ никакихъ секретовъ отъ супруги. Даже на любовное свиданіе съ Акуниной, которая влюблена въ меня, ты можешь звать меня при ней, — тоже шутливо,

но тоже съ серьезнымъ и озабоченнымъ взглядомъ сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Сережа, я, правда, должна говорить съ тобою безъ жены... Прости, Natalie, но это — чужой секретъ...

— Ахъ, пожалуйста!...

Наташа слегка покраснѣла и приподнялась. Сергѣй удержалъ ее.

— Повторяю тебѣ, Варенька, совершенно серьезно, что у меня нѣтъ и не можетъ быть секретовъ отъ жены, — сказалъ онъ. — Говори, милая, но стѣсняйся, я почти знаю, о чемъ ты будешь говорить...

— Да?

— Конечно!

Варенька потупилась.

— Я такъ и знала: ты вѣдь очень проникателенъ, Сережа... Буду-ли проникательна я, если скажу, что ты сдѣлаешь такъ, какъ я желаю?

— Я не знаю твоего желанія...

Варенька поставила чашку, сдѣлала движеніе на стулѣ и заговорила быстро, съ волненіемъ, точно спѣша какъ можно скорѣе высказать то, что высказывать ей было тяжело и неприятно.

— Мама просила передать тебѣ, что она и папа не знаютъ, какъ поступить съ приглашеніемъ васъ на нашъ завтрашній обѣдъ... То-есть они знаютъ, они знаютъ, они приглашаютъ, но они... они не знаютъ, будете-ли вы... Ты, конечно, не можешь подумать, что они не хотятъ васъ видѣть, ты знаешь, какъ они любятъ и тебя, и Наташу и какъ они принимали васъ, но... но тебѣ, быть можетъ, неизвестно, что на обѣдѣ будетъ твоя мама, и они... они просили сказать тебѣ объ этомъ...

— И намекнуть, чтобы я не пріѣзжалъ? — съ недоброю усмѣшкою спросилъ Сергѣй.

— Никакихъ намековъ нѣтъ тутъ, Сережа!... мама просто извѣщаетъ тебя, что на обѣдѣ будетъ Анфиса Дмитріевна...

— Будемъ и мы, — твердо и холодно проговорилъ Сергѣй. — Да, будемъ и мы, если насъ позовутъ, конечно... Вообще, Варенька, я вотъ какъ разрѣшаю этотъ *вопросъ*: если насъ позовутъ, мы будемъ, прїѣдемъ; если же мы не получимъ приглашенія — между нами все кончено, я вычеркиваю изъ списка своихъ знакомыхъ фамилію Ушаковыхъ, а ихъ прошу вычеркнуть меня...

— Ты какъ будто-бы обиженъ, Сережа, — сказала Варенька и взглянула на Наташу.

Молодая женщина была взволнована, лицо ея покрылось густою краскою, губки вздрагивали.

— Ты не долженъ обижаться, — продолжала Варенька. — Ты очень хорошо знаешь, что мы хотимъ васъ видѣть, и, не будь Анфисы Дмитриевны — не было-бы и никакого разговора... Мама щадить ее и не хочетъ ставить васъ въ неловкое и тяжелое положеніе.

— Ахъ, перестань, Варенька! — воскликнулъ Сергѣй, съ трескомъ поставивъ на столъ свою чашку. — Щадить мою мать!... Вѣдь она уже „убита“ мною, какъ она говоритъ, фактъ существуетъ... Я не могу, живя тутъ, бѣгать отъ матери!.. Я могу встрѣтиться съ нею въ театрѣ, въ концертѣ, на балѣ въ собраніи, гдѣ не сортируютъ гостей по ихъ отношеніямъ другъ къ другу... Я хочу бывать съ моею женою вездѣ, всюду, а на вашемъ обѣдѣ я хочу особенно быть: пусть моя мать видитъ, что моею женою не пренебрегаютъ... Валентина Михайловна и Борисъ Павловичъ щадятъ мою мать, — а почему-же они не хотятъ щадить меня и мою жену? Они должны, должны пригласить насъ, если они желаютъ быть нашими друзьями!...

— И они напрасно думаютъ, что ставятъ насъ, приглашая къ себѣ, въ неловкое или тяжелое положеніе, — заговорила Наташа, едва владѣя собою. — Я не боюсь презрѣнія, которымъ нѣкоторые дарятъ меня...

— Напрасно, Наташа, — сказала Варенька. — Я на тво-

емъ мѣстѣ не подвергала-бы себя добровольнымъ пыткамъ и не шла-бы туда, гдѣ меня могутъ обидѣть...

— Какія пытки?... Ха, ха, ха!.. Да развѣ я придаю этому значеніе? Старая, выжившая изъ ума Д. сказала мнѣ дерзость, и я только засмѣялась и удивилась на Сергѣя, котораго это огорчило... Это только злоба и зависть, моя милая!... Очень многія завидуютъ мнѣ, на которой женился лучший и самый богатый женихъ въ Москвѣ, вотъ и все!.. Онѣ видятъ во мнѣ человѣка, который помѣшалъ имъ завлечь богатаго жениха.

Это было похоже на намекъ.

Варенька когда-то считалась невѣстою Сергѣя.

Варенька всыхнула, но ничего не сказала. Она уѣхала огорченная и обиженная, стараясь не показать этого.

Рѣшеніе ѣхать на обѣдъ къ Ушаковымъ, гдѣ непременно должна была быть генеральша, созрѣло у Сергѣя почти не самостоятельно—Наташа больше настояла на этомъ, чѣмъ онъ хотѣлъ самъ.

Она, дѣйствительно, не боялась презрѣнія, которымъ дарили ее нѣкоторые, и жадно стремилась въ общество, бравируя своимъ положеніемъ и до болѣзненности раздражая самолюбіе.

Сергѣй первое время очень похудалъ, ожидая демонстрацій со стороны нѣкоторыхъ и боясь за Наташу; но онъ скоро убѣдился, что эти демонстраціи не трогаютъ ее, и сперва обрадовался, а потомъ испугался: ему показалось, что эта холодность объясняется отсутствіемъ самолюбія, почти нахальствомъ. Онъ долго думалъ надъ этимъ и постарался увѣрить себя, что это происходитъ отъ очень большой воли Наташи и отъ желанія не показать ему, что ей тяжело.

А ей совсѣмъ не было тяжело. Она знала, что это такъ будетъ, приготовилась къ этому, а желаніе, страстное желаніе попасть въ общество брало верхъ надъ всѣми прочими ея чувствами. Брало даже верхъ надъ чувствомъ жалости къ мужу, который много страдалъ.

Сергѣю раза два пришлось остановить Наташу въ ея стремленіяхъ попасть въ общество, быть въ виду. Такъ, она пожелала ѣздить верхомъ, и Сергѣй строилъ для этого манежъ. Княжны Г., при домѣ которыхъ былъ манежъ, предложили Наташѣ ѣздить пока съ ними, но мать ихъ, очень чопорная и гордая старуха, бросила на дочерей молніеносный взглядъ и сказала, что она очень рада предложить манежъ къ услугамъ *madame Чоглоковой*, но что онъ очень тѣсепъ, а ѣздить въ немъ всѣ ея родные и знакомые, которыхъ очень много.

— Они васъ стѣсняютъ, *ma belle madame Natalie*, — заключила княгиня.

Намекъ былъ очень ясенъ, а взглядъ старухи очень краснорѣчивъ, но Наташа дня черезъ два собралась въ манежъ къ Г.

— Подожди, Наташа, нашъ манежъ будетъ готовъ недѣли черезъ двѣ, — сказалъ Сергѣй.

— Черезъ двѣ недѣли! — надула Наташа губки. — Это очень долго, Сережа, я хочу теперь... У меня готова амазонка, и какъ она идетъ ко мнѣ, если-бъ ты зналъ!.. Я поѣду, Сережа!.. Если ты не хочешь — я поѣду одна...

— Но вѣдь княгиня Г. очень сухо отнеслась къ предложенію дочерей и, видимо, не желаетъ, чтобъ ты ѣздила съ ними...

— Но вѣдь она не отказала-же, а на сухость ея я не обращаю вниманія... Я поѣду, Сережа...

— Нѣтъ, ты не поѣдешь, *Natalie*... Надо быть самолюбивѣе. Наташа, надо пощадить и меня... Ты рискуешь быть не принятою или быть поставленною въ очень неловкое положеніе...

Наташа заплакала и сказала, что несчастлива, принося такъ много огорченій мужу своимъ происхожденіемъ.

Она поѣхала въ манежъ на другой день, не сказавшись Сергѣю, и ѣздила одна: всѣ княжны Г. оказались больными.

Она была утѣшена потомъ тѣмъ, что ѣздила верхомъ въ

кавалькадѣ, состоящей изъ самаго блестящаго общества Акуниной. Кавалькада проѣхала мимо дома генеральши Чоглоковой, и Наташа, въ синей бархатной амазонкѣ ѣхала рядомъ съ французскимъ графомъ де-Труверъ-Артю, который былъ самымъ моднымъ кавалеромъ въ то время.

Бняжны Г. были въ тотъ день на гуляніи тоже верхами, но за ними тряслись на плохихъ лошадяхъ какіе-то кадетики и гувернеръ изъ нѣмецкихъ колбасниковъ.

Кружокъ Акуниной, которая, отбывъ очень тяжелую повинность сестры милосердія, захотѣла „пожить“, состоялъ изъ лучшаго общества, и Сергѣй съ женою были наипочетными членами этого кружка, такъ что Наташѣ завидовали очень сановныя дамы, и это льстило и Сергѣю, и Наташѣ.

На Акунину и ея кружокъ возлагались большія надежды молодыми супругами, которые не безъ волненія отправлялись на обѣдъ къ Ушаковымъ.

Приглашеніе было получено сейчасъ-же послѣ того, какъ Варенька вернулась домой.

Съ ранняго утра Наташа занималась туалетомъ подъ надзоромъ первой модистки въ Москвѣ. Отъ прически, сдѣланной французскимъ парикмахеромъ, выписаннымъ Сергѣемъ изъ Петербурга, до ботинокъ, отъ перчатокъ до послѣдняго бантика—все было дорого, изящно и носило слѣды строгой обдуманности и вкуса, который былъ достаточно развитъ въ Наташѣ, а у Сергѣя онъ былъ прирожденнымъ. Туалетъ изъ чернаго бархата съ полосатымъ атласомъ, который тогда только-что входилъ въ моду, былъ простъ; бѣлыя страусовыя перья украшали головной уборъ; одинокій, но очень дорогой и рѣдкій брилліантъ сверкалъ въ брошкѣ на груди, два брилліанта съ жемчугомъ были въ сережкахъ и нитка крупнаго жемчуга обвивала три раза обнаженную античную шею Наташи.

Она была такъ хороша и эффектна, что Сергѣй ахнулъ отъ восторга, увидавъ ее совсѣмъ готовою.

— Наташенька, ты королева, совсѣмъ королева!—воскли-

кнулъ онъ.—Я, съ моей скромной фигуркою, и въ камердинеры къ тебѣ не гожусь!..

— Неправда, ты лучше меня,—весело отвѣтила Наташа, разглядывая и себя, и мужа въ зеркало.—Я, правду надо сказать, хорошенькая, я даже не думала, что я буду такая,—но въ тебѣ сказывается порода, ты аристократъ съ головы до ногъ и ты красавецъ; недаромъ Акунина говорить, что она не знаетъ мужчины лучше тебя...

Сергѣй былъ дѣйствительно очень красивъ.

Статское платье, которое онъ опять носилъ теперь, очень шло къ его худощавой элегантной фигурѣ; отпущенная бородка красиво оттѣняла его блѣдное лицо, прическа „à la poicjik“, которая входила тогда въ моду, очень шла къ нему: бѣлый Георгіевскій крестикъ былъ очень красивъ и эффектенъ на черномъ фракѣ.

Когда подали карету, Сергѣй взглянулъ на жену и немного удивился: ни тѣни тревоги или волненія не было на ея веселомъ, розовомъ, улыбающемся личикѣ.

— Ты нисколько не взволнована, Наташа? — спросилъ онъ.

— Нисколько!

— А встрѣча съ матерью?.. Вѣдь это будетъ первая встрѣча... Мать тамъ, я посылаю Каплина узнать...

— Такъ что-же?.. Вѣдь она не можетъ теперь позвать Василису и велѣть высѣчь меня!.. Мнѣ хочется увидеть ея, Сережа, очень хочется!.. И я злорадствую, Сережа, должна я сказать тебѣ... Мнѣ доставляетъ удовольствіе раздражить эту злую женщину!..

— Наташа, она моя мать? — строго сказалъ Сергѣй.

— Прости, милый, не буду больше... Но ѣдемъ, пора уже...

Длинный рядъ каретъ стоялъ по улицѣ около дома Ушаковыхъ. Два жандарма гарцовали около подъѣзда. Тучный швейцаръ въ ливреѣ съ гербами отворялъ дверь, лакеи стояли по обѣ стороны уставленной цвѣтами лѣстницы.

Плотно прижимая руку жены, точно боясь, чтобы ее не

похитили, вошелъ Сергѣй по лѣстницѣ и былъ встрѣченъ Борисомъ Павловичемъ.

— Опаздываешь, сударь, опаздываешь,—сказалъ Борисъ Павловичъ, съ любопытствомъ оглядывая туалетъ Наташи и оставаясь доволенъ имъ.—Только старика Тучкова и нѣтъ, а то всѣ собрались... *Bonjour, madame Natalie...* Въ гостиной, въ желтой гостиной *она*,—понизивъ голосъ, сообщилъ онъ Сергѣю, зная, что тотъ пойметъ, кто это „она“.

Сергѣй кивнулъ головою, собралъ всѣ силы и твердою походкою, ведя жену подъ руку, пошелъ въ желтую гостиную, кланяясь знакомымъ. Три-четыре кавалера сейчасъ-же подошли къ Наташѣ, потомъ присоединилось еще человѣкъ пять, и она вошла въ гостиную, сопровождаемая какъ-бы свитою изъ блестящихъ молодыхъ людей.

Старухи и очень почетныя дамы собрались въ гостиной подъ предсѣдательствомъ хозяйки.

У Сергѣя потемнѣло въ глазахъ, когда онъ увидалъ сидѣвшую рядомъ съ Валентиной Михайловной свою мать, одѣтую во все черное.

Акунина, въ розовомъ съ серебромъ атласѣ, сидѣла тутъ-же и съ улыбкою, что-то говоря, обратилась къ Наташѣ.

Сергѣй ничего не слыжалъ, почти не видалъ ничего и какъ-то безотчетно, точно не по своей волѣ, двигался впередъ, все крѣпче и крѣпче прижимая руку жены къ груди.

III.

Сергѣй былъ несказанно радъ, когда Акунина удержала около себя Наташу, взявъ ее за руку, и быстро подошелъ къ сидѣвшей на диванѣ, рядомъ съ генеральшею, Валентинѣ Михайловнѣ и поздоровался съ нею, а потомъ низко поклонился матери, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Генеральша дрогнула, собрала всѣ силы, чтобы остаться холодною и равнодушною и отведя взглядъ отъ стоявшей

неподалеку Наташи, шепнула Ушаковой по-французски, настолько, впрочемъ, громко, что Сергѣй могъ слышать:

— Валентинъ, предупреди Сергѣя Петровича, чтобы онъ не осмѣлился представить мнѣ эту... эту вошедшую съ нимъ особу.

— Не беспокойтесь, маманъ,—отвѣтилъ за Ушакову Сергѣй и отошелъ, здороваясь съ сидѣвшими въ гостиной дамами.

Взгляды всѣхъ гостей между тѣмъ были обращены на генеральшу и на Наташу.

Всѣ тѣ, которыя знали уже Наташу, глядѣли на Анфису Дмитріевну, ловя выраженіе ея лица, а не знакомыя еще съ Наташею жадно разглядывали ее. До генеральши доносились отрывочныя фразы, произносимыя тамъ и тутъ:

— Ахъ, она очень мила, это жена Чоглокова!

— Да, но видно, что это она такая... простая...

— Она хороша, чудо какъ!..

— Фи!.. Что-то мѣщанское и тривіальное...

— Но какой туалетъ!..

— Да вѣдь она сама модистка...

— Бѣдная мадамъ Чоглокова, какое страданіе она должна выносить!..

— Еще-бы!.. Одинъ сынъ, Чоглоковъ и вдругъ жена изъ крѣпостныхъ дѣвокъ!...

— Да, вотъ они, нынѣшніе-то молодые люди...

— Ужасно... Но смотри-же, какъ Акунина мила съ нею, съ этой вчерашней горничной...

— Ахъ, Акунина либералка!..

— Да, говорить, у нея въ домѣ бываетъ ужасное общество...

Акунина весело и оживленно говорила что-то Наташѣ, посадивъ ее рядомъ съ собою.

Наташа улыбалась, разсѣянно слушала свою покровительницу и вся была занята мыслями о своей свекрови. Молодая женщина чувствовала на себѣ взглядъ генеральши и

страстно хотѣла сама взглянуть на нее, но съ досадою сознавала, что не имѣетъ на это силъ, „не смѣетъ“. Ей показалось, что генеральша обожжетъ ее взглядомъ, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, что она близко, близко отъ нея, тутъ-вотъ, въ нѣсколькихъ вершкахъ, что ея дыханіе касается до щекъ Наташи...

Наконецъ Наташа собрала всѣ силы и взглянула на свекровь дѣланно-равнодушнымъ взглядомъ.

Глаза ихъ встрѣтились.

Непобѣдимая злоба и ненависть сверкала въ глазахъ оскорбленной, гнѣвной матери. Какимъ-то холоднымъ, стальнымъ блескомъ сверкали они и словно пронизывали Наташу, словно тонкая и острая игла медленно и глубоко впивалась ей въ сердцѣ... Наташа почувствовала непреодолимый страхъ и потупилась, слегка поблѣднѣвъ.

Она упала-бы въ обморокъ отъ такого взгляда, устремленнаго на нее tête-à-tête.

— Послѣ обѣда ко мнѣ, Natalie, — говорила Акунина. — Мы устраиваемъ сегодня пикникъ и вы должны непременно быть... Natalie, да вы не слушаете меня?

— Pardon... Что вы говорите?

— Ба, какъ вы блѣдны, мое бѣдное дитя!.. Вы такъ взволнованы встрѣчею съ вашей belle mère?

— Да...

— Моя бѣдная!.. Вы все еще не представлены ей?

— Нѣтъ еще.

— Это ужасно!.. Хотите, я сегодня-же, сейчасъ, познакомлю васъ и помирю?

— Бога ради нѣтъ! — взволнованно проговорила Наташа. — Я боюсь ее, ужасъ какъ боюсь.. Мнѣ кажется, что, еслибъ я подошла къ ней, я упала-бы въ обморокъ!..

— Это ужасное состояніе, надо изъ него непременно выйти, и я удивляюсь медлительности Сергѣя Петровича!

— Но что-же онъ можетъ сдѣлать? — тихо спросила Наташа. — Мамап не хочетъ слышать о примиреніи... Ахъ, я

очень хотѣла быть на этомъ обѣдѣ, мнѣ хотѣлось показать генеральшѣ, что я не совѣмъ неприличная, что я знакома со многими изъ ея круга, но теперь я каюсь, теперь я охотно уѣхала-бы... Я просто боюсь, страшно мнѣ въ присутствіи этой женщины!..

— Перестаньте, моя милая!—засмѣялась Акунина.—Эта „страшная женщина“ ничего вамъ не сдѣлаетъ... Будьте равнодушны, веселы, безпечны...

Въ гостиную вошелъ дворецкій и объявилъ, что подано кушать. Всѣ поднялись и направились въ залъ парами. Акунина шла съ блестящимъ гвардейскимъ полковникомъ какъ разъ сзади генеральши Чоглоковой, которую велъ Борисъ Павловичъ.

— Какая прелесть ваша неvěстка, Анфиса Дмитріевна!— сказала Акунина.—Я просто влюблена въ нее!..

Генеральша медленно и величаво оглянулась, скользнула по Акуниной холоднымъ, почти презрительнымъ взглядомъ и проговорила, отчеканивая каждое слово:

— Я очень рада, что моя неvěстка вамъ такъ нравится, мадамъ, и не удивляюсь: у васъ съ нею очень много общаго...

Акунина покраснѣла до конца глубокого вырѣза на лифѣ и прикусила свой остроумный, порою очень болтливый язычекъ.

Обѣдъ для нашихъ героевъ прошелъ благополучно и ничѣмъ не ознаменовался. Ловкій хозяинъ такъ посадилъ гостей, что генеральша не видала свою неvěстку и могла кушать покойно, а Наташа была посажена рядомъ съ Акуниной, не могла, такимъ образомъ, скучать и находилась совѣмъ въ своемъ обществѣ. Впрочемъ, Акунина была, видимо, сильно взволнована язвительнымъ замѣчаніемъ генеральши, относилась къ Наташѣ нѣсколько холодноѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и во весь обѣдъ продумала о больно задѣвшихъ ее словахъ Чоглоковой.

„Это положительная дерзость!—съ тоскою думала она.—

И дерзость, на которую нельзя обидѣться! Я хвалю Наташу, старуха благодарить меня и говоритъ, что не удивляется моимъ похваламъ: у меня много общаго съ тою, которую я хвалю... У меня много общаго съ тою, которая была ея горничною!.. Гадкая, злобная старуха, какъ она меня обидѣла!.. Какъ она умѣла такъ зло, такъ ядовито сказать, не говоря ничего!.. И если она это сказала только изъ желанія уколоть, обидѣть меня, то сколько тутъ такихъ, которыя дѣйствительно могутъ думать, что я изъ-за того такъ сошлась съ женою Чоглокова, что у меня „много общаго съ нею“... Я просто хочу покровительствовать ей... Да, но я бросаю этимъ перчатку всѣмъ тѣмъ, которые не хотятъ простить Наташѣ ея прошлое“...

И Акунина была съ Наташею покровительственно-небрежна, чуть-чуть презрительно и милостиво ласкова. Наташа ничего этого не понимала, не чувствовала и была глубоко благодарна сосѣдкѣ, которая не убивала ее холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, не смотрѣла на нее свысока, а говорила съ нею, шутила, смѣялась и даже ухаживала за нею.

При развѣздѣ Наташа поймала случайно кѣмъ-то произнесенный діалогъ такого рода:

— Чего это Акунина такъ ухаживаетъ за этой хорошенькой женою Чоглокова?—спрашивалъ какой-то баринъ, облокотившись о колонну швейцарской и ожидая экипажа.

— А ты не понимаешь?—отозвался, смѣясь, другой.

— Нѣтъ.

— Да потому, что она ухаживаетъ за самимъ Чогловымъ!

— Ну, вотъ!.. Акунина такъ хороша, что за нею всѣ ухаживаютъ...

— Но вѣдь Чогловъ, въ котораго она влюблена не на шутку, влюбленъ въ свою жену, въ эту красотку изъ дѣвичьей своей матери.

— Ага!.. Стало-быть, madame Акунина въ одно прекрасное утро скушаетъ эту красотку?

— Можетъ быть... А интересно-бы знать, доступна-ли madame Чоглокова?

— Генеральша?.. ха, ха, ха!..

— Нѣтъ, эта, юная-то красавица, съ счастливымъ взглядомъ мѣщаночки.

— А вотъ подожди, пока Акунина овладѣетъ ея мужемъ, если только до того времени я не овладѣю ея сердечкомъ, вчера еще бившимся подъ сарпинкою, а сегодня...

— Карета Кабардинцева!—крикнулъ швейцаръ.

Баринъ не докончилъ и вышелъ изъ-за колонны. Наташа, ожидавшая мужа, который говорилъ на верхней площадке лѣстницы съ одною „изъ почетныхъ старухъ“, узнала въ баринѣ очень часто бывавшаго у нихъ отставнаго кавалериста Кабардинцева, господина очень поношеннаго, но превосходно реставрируемаго парикмахеромъ и парижскимъ портнымъ.

Наташа отказалась отъ приглашенія Акуниной ѣхать на пикникъ и пріѣхала домой усталая, разбитая, утомленная такъ, какъ ей не приходилось утомляться, сидя ночи за туалетами генеральши или въ самые трудные дни госпитальной жизни въ Севастополь.

Она переодѣлась и вышла къ вечернему—очень позднему сегодня—чаю блѣдная, печальная.

— Что съ тобою, Наташенька?—спросилъ Сергѣй, подходя къ женѣ и беря ее за руки.—Ты блѣдная такая, измученная... Ты устала, моя блѣдная?

— Да... Утомилась я какъ-то... На меня встрѣча съ твоей матерью очень, очень тяжело подѣйствовала... Ахъ, какъ она ненавидитъ меня, Сергѣй!..

— Что-жъ дѣлать, Наташа! Авось это пройдетъ и уладится...

— Никогда!.. Твоя мать способна была-бы на своихъ глазахъ замучить меня медленными муками!..

— Не говори такъ, Наташа... Моя мать вовсе не такая злая женщина, а ея теперешнее отношеніе надо извинить...

— Я не имѣю ничего противъ нея Сережа, мнѣ только больно очень...

Наташа высвободила руки изъ рукъ Сергѣя и стала дѣлать чай.

— Акунина тебѣ очень нравится?—спросила она.

— Да. Это милая, хорошая женщина очень любить тебя... А ты развѣ и ее стала находить дурною?

— Нѣтъ... Мнѣ только досадно, что она въ тебя влюблена... Я ревную тебя къ ней...

— Какой вздоръ!—засмѣялся Сергѣй.

— Нѣтъ не вздоръ... Она и за мною ухаживаетъ потому, что влюблена въ тебя...

— Наташа, ты несправедлива, если ты не шүтишь только. Акунина тебя очень любить...

Наташа разлила чай, задумчиво помѣшала ложечкою въ своей чашкѣ, взглянула на призадумавшагося тоже Сергѣя и рассказала ему случайно подслушанный разговоръ.

— Мерзавцы!—вспыльчиво крикнулъ Сергѣй. —Я вызову этого накрашеннаго болвана и разможжу его пустую голову!

— Сохрани тебя Богъ!—вся такъ и подалась къ мужу Наташа.—Подвергать себя опасности изъ-за какого-то болтуна!

— Не изъ-за болтуна, Наташа, а за честь твою!..

— Развѣ она страдаетъ?

— Нельзя трепать такимъ образомъ имя двухъ женщинъ,—это низость, а низость должна быть наказана...

— Двухъ женщинъ,—печально улыбнулась Наташа.—И имя Акуниной, быть можетъ, стоитъ у тебя на первомъ планѣ...

Сергѣй поглядѣлъ на жену долгимъ взглядомъ, всталъ, подошелъ къ ней, присѣлъ на ручку кресла и, наклонившись, заговорилъ.

— Наташа, давай условимся никогда не говорить такъ объ Акуниной... Слышишь?... Ты знаешь, какъ я люблю тебя, и должна знать, что никогда я не полюблю другую жен-

щину... И мнѣ больно, когда ты говоришь такъ, ты пойми это... Не будешь?.. Еслибъ ко мнѣ сегодня, или завтра, или черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ пришли двадцать, тридцать лучшихъ друзей моихъ и сказали, что ты полюбила другаго.

— Я не повѣрилъ-бы, я выгналъ-бы всѣхъ ихъ, и ты тоже должна такъ думать обо мнѣ, и такъ знать меня!.. Наше счастье я нахожу полнымъ и не хочу, чтобъ оно чѣмъ-нибудь было омрачено... Одно облачко есть на немъ—это гнѣвъ матери, но я надѣюсь разсѣять это облачко. Если же мать никогда не проститъ мнѣ—я забуду про это... Слышишь?.. Я глубоко понимаю и цѣню слова, которыя намъ читали въ церкви во время вѣнчанія... Мужъ долженъ „оставить отца и мать и прилѣпиться къ женѣ“... Долой печаль съ лица, Наташа, долой!.. Наше счастье такъ велико, что должно стоять выше, неизмѣримо выше всего того, что смутило тебя сегодня...

Сергѣй обнялъ жену, приподнялъ ее съ кресла какъ ребенка, отнесъ на постель, говоря, что надо отдохнуть, что впечатлѣнія дня были слишкомъ сильны.

Наташа, дѣйствительно, была измучена и уснула крепкимъ сномъ.

Она спала еще, когда Сергѣй всталъ, одѣлся, поспѣшно выпилъ кофе и уѣхалъ.

Онъ рѣшилъ вызвать Кабардинцева, чтобы разъ на всегда положить конецъ пошлымъ, оскорбительнымъ толкамъ и показать, какъ дорого ему имя жены и какъ мало у него охоты шутить со всѣмъ тѣмъ, что касается его жены. Отправляясь послать Кабардинцеву вызовъ, онъ зналъ, что дуэль не будетъ имѣть драматическаго конца, а иначе,—онъ тоже зналъ это,—онъ не сталъ-бы вызывать, перенесъ все, но не подвергая ни малѣйшей опасности свою жизнь, такъ нужную для Наташи и такъ полную лучезарнымъ счастьемъ. Дуэль должна была сыграть роль громоотвода, должна была поднять имя его жены въ обществѣ, и Сер-

гѣй находилъ ее неизбѣжною. Пусть трусоватый, животно-любивый Кабардинцевъ извиняется, но онъ не извинитъ его, хотя ничего не будетъ имѣть противъ самыхъ льготныхъ условій дуэли. Два выстрѣла, хотя-бы на сто шаговъ стоявшихъ другъ друга противниковъ, должны своимъ грохотомъ испугать всѣхъ тѣхъ, кому можетъ придти охота легкомысленно, небрежно, презрительно отнестись къ Сергѣю и его жениху. Эти выстрѣлы могутъ повториться—и уже не съ такимъ благополучнымъ исходомъ, какъ первый разъ.

Сергѣй сперва хотѣлъ позвать въ секунданты Скосырева, но рѣшилъ, что эта роль не для жениха наканунѣ свадьбы, и отправился къ одному своему университетскому товарищу, занимающему частное мѣсто, хорошо обеспеченному и человѣку очень рѣшительному.

Тотъ моментально согласился, одѣлся во фракъ, натянулъ перчатки, прорепетировалъ передъ зеркаломъ свою роль, очень удачно вызвавъ на веселомъ безпечномъ лицѣ выраженіе суровости, холодной важности и почти жестокости, и поѣхалъ.

Кутившій всю ночь Кабардинцевъ еще спалъ, когда пріѣхалъ секундантъ, Горбенко по фамиліи, Тарасъ Харлампіевичъ, и велѣлъ немедленно разбудить экс-кавалериста и вручить свою карточку, написавъ на ней: „по экстренному и важнѣйшему дѣлу“.

— Что за чортъ!—ворчалъ Кабардинцевъ, неохотно вставая и принимаясь при помощи камердинера за очень сложный туалетъ. — Какой тамъ Горбенко еще?.. Вахмистръ-хохолъ у насъ въ полку былъ Горбенко, такъ не онъ-же это!.. Кредиторъ какой-нибудь?

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ камердинеръ. — Кредиторовъ я всѣхъ знаю...

— Да, знаешь ты чорта съ два всѣхъ моихъ кредиторовъ!.. Я и самъ-то ихъ всѣхъ не знаю... Лицо скверное?..

— Измято-съ... Видно, что изволили кутить много...

— Да не у меня, дуракъ, а у этого, у Тараса Бульбы-то, у хохла-то!..

— У господина Горбенко? Нѣтъ-съ, фізіономія эдакая господская, строгая.

— Ну, ежели строгая, такъ кредиторъ... Одѣвай скорѣе, чортъ тебя возьми!.. Дай пальто, не могу-же я безъ корсета сюртукъ одѣть!.. Пудру подай, щипчики для усовъ!..

Наконецъ, господинъ Кабардинцевъ одѣлся и вышелъ.

Горбенко вѣжливо, но съ величавымъ достоинствомъ раскланялся съ нимъ, намекнулъ, что онъ и у самыхъ высокопоставленныхъ лицъ такъ долго не дожидался аудіенціи, и изложилъ причину своего визита.

Кабардинцевъ поблѣднѣлъ.

— Я... я готовъ, всегда готовъ, но... но я не вижу оснований,—заговорилъ онъ.—Сергѣй Петровичъ былъ введенъ въ заблужденіе, ему нагтали, ему насплетничали!.. Я поѣду объясниться съ нимъ, лично съ нимъ, я вамъ не дамъ никакого отвѣта, мосье Тарась... мосье Бульба...

— Я Тарась, но не Бульба, а Горбенко,—холодно поправилъ секунданта.—Сергѣю Петровичу вашъ разговоръ передала его жена, которая слышала вашу откровенную бесѣду, слѣдовательно, о клеветѣ не можетъ быть рѣчи, не можетъ быть рѣчи и о свиданіи съ нимъ. Я уполномоченъ передать вамъ вызовъ, условиться насчетъ часа, мѣста и оружія и отвезти или ваше согласіе, или вашъ отказъ...

— Но это ужасно!.. Это будетъ безпричинное убійство!.. Поймите, мосье Тарась!..

— Зачѣмъ говорить объ убійствѣ, мосье Кахетинцевъ?

— Я Кабардинцевъ, сударь!

— Pardon!.. Горбенко къ вашимъ услугамъ... Зачѣмъ говорить объ убійствѣ? Я мирный гражданинъ и очень миролюбивый человекъ, а я уполномоченъ поставить условія—и поставлю совсѣмъ не страшныя... Шаговъ тридцать безъ барьера и по одному выстрѣлу, не очень васъ напугаютъ?

— Меня ничто не напугаетъ, господинъ Горбенко, прошу васъ запомнить!..

— Тогда можно шаговъ десять, пять...

— Но я не хочу убійства, — продолжалъ Кабардинцевъ. — Понимаете!.. Да-съ, не хочу убійства и принимаю вызовъ, но именно на тридцать шаговъ безъ барьера и по одному выстрѣлу...

Кабардинцевъ съ достоинствомъ выпрямился и закончилъ:

— Да, я готовъ, предоставляю вамъ право назначить время и мѣсто моему секунданту, котораго буду имѣть честь прислать къ вамъ сегодня-же...

Горбенко откланялся и уѣхалъ.

IV.

Господинъ Кабардинцевъ, принявъ вызовъ, совсѣмъ не боялся, а, напротивъ, былъ очень доволенъ предстоящею дуэлью, которая давала ему возможность побравировать и щегольнуть передъ обществомъ, а особенно передъ дамами — своимъ мужествомъ. Какъ ни любилъ господинъ Кабардинцевъ свою веселую, беззаботную жизнь, какъ ни отвыкъ онъ въ долгіе годы отставки отъ запаха пороха, а все-же дуэль только занимала его и поднимала его фонды передъ дамами. Тридцать шаговъ было такое разстояніе, на которомъ убить изъ двухствольнаго пистолета было мудрено, а, кромѣ того, господинъ Кабардинцевъ, которому по праву принадлежалъ первый выстрѣлъ, рѣшилъ быть не только храбрымъ, но и великодушнымъ врагомъ: онъ намѣревался выстрѣлить на воздухъ и затѣмъ геройски подставить грудь подъ выстрѣлъ соперника.

„Послѣ этого Чоглоковъ, конечно, не будетъ стрѣлять, а если и выстрѣлитъ, паче чаянія, то навѣрное дастъ промахъ!“ — думалъ господинъ Кабардинцевъ и былъ передъ дуэлью, до которой оставался цѣлый день, веселъ, беззабо-

тенъ и даже счастливъ, точно опять получилъ наслѣдство отъ тетки, какъ недавно. Онъ завтракалъ у старика Оливье, обѣдалъ въ клубѣ, а вечеръ провелъ въ одномъ знакомомъ домѣ и вездѣ рассказывалъ о дуэли.

— Да-съ, должно быть, для счету: двѣнадцатая дуэль въ моей жизни!—говорилъ онъ.—Не роковалъ-ли?.. Ха, ха, ха!.. Условія дѣйствительно ужасныя: шесть шаговъ!..

— Да это же убійство! — говорили слушатели.

Кабардинцевъ пожималъ плечами.

— Условія предъявилъ Чоглоковъ, а мое дѣло принять!

Дамы закидывали господина Кабардинцева вопросами, добываясь настоящей причины дуэли, а онъ тайноулыбался и лихо крутилъ усы.

— Да неужели-же эта подлая женщина, выведенная мужемъ изъ нищеты, изъ ничтожества, осмѣливается уже измѣнять ему и заводить интриги? — съ ужасомъ восклицали дамы, имѣющія основанія завидовать счастливицѣ.

— Я скромнень, mesdames, и ничего не скажу!—еще болѣе тайноулыбался Кабардинцевъ.

— Конечно-же такъ, а иначе за что бы бѣдный Чоглоковъ стрѣлялся?—говорили другія.

— И еще при такихъ страшныхъ условіяхъ!..

— Ужасъ!.. И вы не боитесь, мосье Кабардинцевъ?

— Чего-съ?

— Да вѣдь васъ могутъ убить!

— О, конечно!

— И вы не боитесь смерти?

— Гмм!.. Одного французскаго кавалера временъ Людовика XV спросила передъ дуэлью его дама, не боится ли онъ смерти. Кавалеръ улыбнулся, пожалъ плечами и отвѣчалъ: „Je n'en vais par la nécessité“!.. Я отвѣчаю вамъ, mesdames, такъ же!..

— Это ужасъ!..

Такимъ образомъ, добрая половина Москвы говорила о предстоящей дуэли, но никто, рѣшительно никто, за исклю-

ченіемъ самихъ дуэлистовъ и ихъ секундантовъ, не зная ея причины.

— Чоглоковъ стрѣляется съ Кабардинцевымъ за жену, — говорили всѣ.

— Неужели же она уже измѣняетъ ему? — спрашивали одни у другихъ.

— Вѣроятно... Чего-же вы ждете отъ какой-то крѣпостной дѣвки? Не сдѣлалась же она порядочною отъ того, что прожила годъ у какой-то французской модистки въ Петербургѣ!.. Напротивъ, я думаю...

— Да, но вѣдь Чоглоковъ молодъ, хорошъ, а Кабардинцевъ старая крашеная кукла!..

— Ну, онъ, знаете, хорошо прошелъ „науку страсти нѣжной“, онъ опытный ловеласъ и живо вскружить голову этой интриганкѣ...

— Какъ жаль Чоглокова!..

— Ужасъ, ужасъ!..

— Да, его жаль, а подумайте, каково его несчастной матери!

— Ахъ, не говорите!..

И строгій ареопагъ московскихъ дамъ единодушно обвинялъ Наташу, призывая на ея голову сотни каръ и казня ее безъ всякой пощады.

А она и не знала о дуэли.

Утромъ, въ назначенный для этой „очистительной“, какъ называлъ Горбенко, дуэли день, Сергѣй очень рано разбудить Наташу совсѣмъ одѣтый и поцѣловалъ ее, не совсѣмъ еще проснувшуюся.

— Сережа, это ты? — съ улыбкою потянулась къ нему молодая женщина, стараясь раскрыть слипающіеся отъ сна глаза. — Противный, будить!.. Я такой славный сонъ видѣла... Будто-бы... Ба, да ты одѣтъ!.. Куда это ты?..

— На охоту, Natalie... Я нарочно не говорилъ тебѣ вчера — ты не пускала-бы меня, а я далъ слово князю Петру... Я вечеромъ вернусь, мы недалеко, подъ Кунцево... До-свиданья, милая, спи себѣ...

— Ну, это скучно, Сергѣй!—надула губки Наташа.— Что я буду дѣлать цѣлый день? Не ѣзди!..

— Нельзя, милая, я въ большомъ долгу у князя... Ты считаешь, займешься, пріѣдетъ Акунина, или ты поѣзжай къ ней... До свиданья...

Сергѣй поцѣловалъ жену и быстро вышелъ. Ему непременно захотѣлось проститься съ нею, поцѣловать ее. „Тридцать шаговъ, тридцать шаговъ, а не даромъ говорятъ, что „пуля дура“... Кто знаетъ, что можетъ быть?“—невольно думалось ему.

Счастливые люди всегда немного трусливы.

Наташа поглядѣла вслѣдъ мужу, опустила голову на подушку, натянула одѣяло на озябшее плечо, свернулась и заснула, не успѣвъ согнать съ лица выраженія маленькой досады на мужа.

Спать ей пришлось недолго.

Какъ это бываетъ очень часто, почти всегда, самые близкіе люди не знали о томъ, что творится съ Сергѣемъ. Въ то время, когда по ресторанамъ, по клубамъ, по семейнымъ домамъ разговаривали о дуэли и толковали на сотни ладовъ — ни жена Сергѣя, ни его мать, ни друзья, вродѣ Скосырева и Вареньки, ничего не знали.

Генеральша все это время выѣзжала очень мало, почти нигде, и не принимала никого. Она давала утромъ аудіенцію Пальмирову, который приводилъ въ порядокъ дѣло по наслѣдству, толковала съ нимъ часъ или два, завтракала, а потомъ принимала архитектора, который отдѣлывалъ ей домъ и строилъ богадѣльню.

Генеральша разглядывала планы, браковала одобренные вчера, придумывала новые, спорила съ архитекторомъ, доводя его до умоизступленія неосуществимыми затѣями или торгуясь до невозможности, потомъ обѣдала, ѣздила за вечерню въ какой-нибудь монастырь, кушала чай съ пригла-

шеннымъ изъ монастыря монахомъ, а проводивъ гостя, ужинала цыпленкомъ или парюю яицъ и отходила ко сну, причемъ ее сопровождала какая-нибудь изъ проживающихъ у ней старушекъ, а всего чаще — Василиса.

Василиса садилась на скамеечку около кровати и должна была рассказывать о Сергѣѣ и о ней.

„Она“ — это была Наташа. Имя ненавистной невѣстки чикогда не произносилось.

Василиса должна была знать, гдѣ былъ въ этотъ день Сергѣй, кого онъ принималъ, какія отдавалъ приказанія, что дѣлала „она“.

Лежа на спинѣ, закинувъ голову и скрестивъ на груди руки, слѣшала генеральша неторопливую, связную и пѣвучую рѣчь своей Василисы, изрѣдка перебивая ее замѣчаніемъ или вопросомъ.

— И строятъ теперича у нихъ манежъ,—говорила Василиса.—Это, стало-быть, „она“ кататься будетъ... Взяли Сергѣй Петровичъ балетора изъ агличанъ, а кромѣ того барыня Акунина ѣздитъ и уроки „ей“ преподаетъ... Намедни „она“ на бульваръ выѣзжала верхомъ-то, сама я видѣла, близехонько, вотъ такъ прошла, но только „она“ меня не замѣтила... Амазонка это у „ней“ изъ синяго бархату, шляпа мужская, въ рукахъ попрутокъ этакій съ ручкой изъ серебра...

— И ѣдетъ?

— Ёдетъ, ангелъ вы нашъ, ѣдетъ, матушка-барыня... Ёдетъ, а агличанинъ сзади и по-французскому зло говоритъ „ей“ что-то, а „она“ смѣется...

— А онъ ѣздитъ съ нею?

— Агличанинъ-то?

— Дура!.. Онъ ѣздитъ-ли?

— Ахъ, они-то, баринъ-то!.. Не видала я, а говорятъ ѣздить...

— „Она“ весела, довольна?

— Ужаси!.. Подобрѣла это, побѣлѣла, не узнаешь, поди!..

— А онъ?

— Они тоже...

— Что?

— Очинно это прекрасны...

— Врешь!.. Онъ блѣденъ, задумчивъ, печаленъ, я знаю...

Ты скверная, ничего не узнаешь толкомъ, только врешь все, сочиняешь!.. Можетъ-ли онъ быть счастливъ съ такою?.. Было увлеченіе и прошло...

Василиса въ такомъ случаѣ отмалчивалась или искусно переводила разговоръ.

— Говорятъ, что „она“ очинно съ господами вольна... Вьются это молодые господа то, потому ровно невиданная птица „она“ для нихъ, а „ей“ любо, ей въ диковинку, и она льнетъ къ нимъ...

— И кончитъ тѣмъ, что убѣжитъ съ кѣмъ-нибудь... Что?

— Извѣстно-съ... Развѣ такая можетъ нашего барина, нашего андила оцѣнить?

— Ахъ, не говори про нее!—обыкновенно заканчивала бесѣду генеральша... Не поминай!.. Разорвала-бы я ее, растерзала-бы!..

— Да прикажите, матушка, намъ, такъ мы...

— Не ври!.. Заусердствовалась, зарাপортовалась!.. Ступай спать...

Василиса цѣловала у барыни руку, поправляла у нея одѣяло и уходила. Спала она рядомъ, въ крохотномъ чуланчикѣ и чутко слухала, не позвонитъ-ли генеральша. Едва генеральша дотрогивалась до маленькаго серебрянаго колокольчика, какъ Василиса была уже тутъ, накинувъ на себя какую-то мантилью и сунувъ ноги въ мягкія туфли безъ задинокъ.

Генеральша спрашивала пить, приказывала оправить лампаду и отпускала Василису или приказывала зажечь свѣчу, и тогда Василиса опять усаживалась на скамеечку и начинался разговоръ.

Въ день дуэли, часу въ пятомъ утра, генеральша позва-

ла Василису и приказала ей зажечь огонь и посидѣть съ собою...

Долго гозорила Василиса о разныхъ предметахъ и начала уже клевать посомъ, сильно утомленная.

— Не спи!—крикнула ей генеральша.—Не можешь какой-нибудь часъ посидѣть, лѣнтяйка!.. Не спится мнѣ, скучно, тоска какая-то...

— Ахъ, вы ангелъ нашъ, страдалица вы безвинная!—запѣла Василиса.—Да какъ тутъ и спать, когда единотробный сынъ жисть свою на смерть несетъ?..

— Что-о?

— О Сергѣѣ-то я Петровичѣ, матушка... Какъ-никакъ, а дуэль-то, сказываютъ, и убійствомъ кончается...

Генеральша вскочила.

— Какая дуэль? О какой ты дуэли говоришь?—вскрикнула она.

— Да развѣ вы не знаете, милостивица вы наша?.. Авѣдъ я полагала, что вамъ извѣстно все, такъ какъ всѣ говорить... Я-то отъ Чертковской дворни слышала...

— Да что такое, что?.. Говори ты скорѣе, негодная!.. Какая дуэль? Съ кѣмъ?

— Съ Кабардинцевымъ бариномъ, матушка, завтра, слышь, по утру... То-есть, стало-быть, и не завтра ужъ выходить, а сегодня—шесть часовъ вѣдъ время-то...

Генеральша соскочила босыми ногами на полъ.

— Одѣваться!—хрипло крикнула она.—Боже мой, что-же это такое!.. Одѣваться мнѣ!.. Карету!.. Бѣги за Ольгой, а Вѣрку пошли карету... Стой!.. Я сама, а ты... а ты говори!.. Платье мнѣ!..

Генеральша яростно зазвонила, и въ обѣ двери спальни вбѣжали изумленные горничныя, на ходу одѣвая платья.

— Карету мнѣ, живо!.. Что-же вы встали?.. Боже, это пытка какая-то.. Василиса, вели-же имъ, вели!..

Василиса живо образумила горничныхъ и прогнала ихъ исполнять приказаніе на счетъ кареты, а сама принялась

одѣвать генеральшу, докладывая ей въ то-же время о дуэли.

Въ передачѣ Василисы дуэль была вызвана тѣмъ, что Наташа „измѣнила“ мужу, позволивъ себѣ что-то съ Кабардинцевымъ, и Сергѣй вызвалъ послѣдняго на дуэль, которая и должна состояться сегодня утромъ.

— Гдѣ-же, гдѣ?—задыхаясь, спрашивала генеральша, заканчивая туалетъ и подбирая волосы подъ чернѣй кружевной чепчикъ.

— А того не сказывали, матушка, не знаютъ...

— Что-же ты мнѣ раньше-то не сказала, проклятая?—рыдая, воскликнула генеральша.

— Полагала, что вѣдомо вамъ, милостивица вы наша, не смѣла языкъ свой въ такое дѣло господское...

— Молчи, змѣя!.. И вдругъ поздно... О, что-же это, что-же это такое!.. Да гдѣ-же дѣвки-то?.. Что-же карету-то мнѣ? Возьми ты ихъ, запри, запори ты ихъ!.. Въ разговорѣ онѣ съ нею, убить онѣ моего сына хотятъ?..

Подъ окнами загремѣла карета и блеснули на стѣнѣ со-сѣдняго дома ея фонари.

Генеральша набросила тальму, спустила на лицо вуаль и бѣгомъ выбѣжала въ прихожую, отталкивая Василису, которая бѣжала за нею съ калошами и шейнымъ платкомъ.

Лакей безъ ливреи, а просто въ казакинѣ и картузѣ, свелъ генеральшу съ лѣстницы, догадываясь, что дѣло касается дуэли, про которую слышалъ и онъ.

— Къ Сергѣю Петровичу!—крикнула генеральша.

Лакей захлопнулъ дверцы и вскочилъ на козлы.

Карета понеслась.

— Не вытерпѣла,—шепнулъ лакей кучеру.

— Еще-бъ тебѣ!.. Чай, мать, а не кто-нибудь..—Гляди, не пустить теперь Сергѣя Петровича-то...

— Гдѣ, чай, пустить, ежели смертоубійство можетъ произойти...

— Да, вотъ оно дѣло-то какое... У насъ ежели такой

случай, оттакалъ жену за косы, а дружку бока намялъ—и дѣло съ концомъ, а у господъ, вишь ты, поединокъ.

— Ну, братъ, за жену и у насъ дѣло до ножей доходить, такое ужъ это бабье сословіе отвлекательное!..

Карета остановилась у воротъ дома, занимаемаго Сергѣемъ.

При блѣдномъ мерцающемъ свѣтѣ разсвѣта генеральша замѣтила у воротъ дворника и позвала его, опустивъ стекло.

— Сергѣй Петровичъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ...

Генеральша подавила стонъ.

— Гдѣ-же?

— Изволили уѣхать съ полчасъ...

— Куда?

— Э... Сказывалъ кучеръ, что на охоту-де, а доподлинно намъ неизвѣстно...

Генеральша вбѣжала на подъѣздъ и позвонила. Электрическихъ звонковъ тогда не было; обыкновенные колокольчики — и тѣ были далеко не у всѣхъ, а звонить въ такой колокольчикъ за длинную, въ нѣсколько сажень проволоку, тянувшуюся на-верхъ, было не легко.

Лакей помогъ, вызвалъ швейцара.

— Баринъ гдѣ?—совсѣмъ уже лишаясь силъ, спросила генеральша.

— Не могу знать, ваше превосходительство, — отвѣтилъ знающій генеральшу швейцаръ, застѣнчиво маскируя воротникомъ пальто свое дезабилье.—Изволили уѣхать съ господиномъ Горбенковымъ...

— А... а... а барыня?

— Почиваютъ-съ.

Генеральша отстранила швейцара и съ легкостью двѣнадцати лѣтней вбѣжала по лѣстницѣ, отворила дверь въ прихожую и по залу, по гостиной, по прочимъ комнатамъ бѣжала впередъ, никѣмъ не удерживаемая.

У двери, задрапированной темно-красною бархатной портьерою, она остановилась и перевела духъ. Маленькая боко-

вая дверца отворилась, и выглянуло заспанное лицо горничной.

— Барыня почиваютъ,—робко сказала она.—Если прикажете, я доложу...

Генеральша распахнула портьеру и вошла въ спальню Наташи.

Сквозь опущенныя шторы пробивался лучъ восходящаго солнца и сливался съ блѣднымъ угасающимъ свѣтомъ фонарика на потолокъ. Пахло тонкими духами и запахомъ молодого, свѣжаго, хорошо выхоленнаго тѣла. Ровное дыханіе раздавалось изъ глубины алькова, въ которомъ стояла кровать. Край голубаго шелковаго полога былъ приподнятъ и закинутъ на бронзовое кольцо. Хорошенькая русая головка тонула въ пуховой подушкѣ, изъ-подъ сбившагося атласнаго бѣлаго одѣяла была видна граціозная, красиво раскинувшаяся фигура женщины, едва прикрытая тонкою, какъ паутина, сорочкою.

Генеральша быстро подошла къ этой спящей женщинѣ и грубо толкнула ее въ плечо.

V.

Наташа вздрогнула отъ грубаго толчка, отодвинулась и открыла глаза.

Крикъ ужаса вылетѣлъ у нея изъ груди, когда она увидала на аршинъ отъ себя блѣдное, взволнованное испугомъ и гнѣвомъ лицо матери Сергѣя.

— Это сонъ!—мелькнуло въ головѣ Наташи.—Кошмаръ... Но это не былъ сонъ.

Генеральша сдернула съ Наташи одѣяло, которымъ та инстинктивно закрылась до самаго лица, и схватила холодными, какъ ледъ, худыми пальцами молодую женщину за обнаженное плечо.

— Гдѣ твой мужъ?—хрипло крикнула она.—Гдѣ Сер-

гѣй?.. Да отвѣчай-же, негодная, отвѣчай!.. Отвѣчай, за-
душу я тебя!..

Наташа хотѣла крикнуть, хотѣла вырваться изъ - подъ сжимающей ее, какъ желѣзными тисками руки, но не находила силъ и съ ужасомъ глядѣла на свекровь, все еще не понимая—сонъ это или дѣйствительность. Въ спальню робко вошла горничная Наташи и остановилась, не зная, что дѣлать, какъ поступать. Горничная эта была нанятая, „вольная“, но она знала генеральшу, что это разгнѣванная, ищущая мести мать ея барина и — какъ не смѣла остановить ее, такъ не смѣла теперь сказать ей слова, не смѣла подойти къ Наташѣ, хотя и понимала, что та нуждается въ помощи, въ защитѣ. Самообладаніе, выдержка и выработанный долгою школою тактъ сейчасъ-же вернулись къ генеральшѣ, лишь увидала она горничную, которая не должна, конечно, знать ничего, а тѣмъ менѣе—присутствовать при объясненіи.

Генеральша обернулась къ горничной и хотѣла ее выслать, но чувство матери взяло верхъ надъ этикетомъ, и генеральша быстро подошла къ дѣвушкѣ.

— Гдѣ баринъ?—задыхаясь, спросила она.—Гдѣ Сергѣй Петровичъ?.. Барыня твоя испугана, она не пришла еще въ себя со сна, она не можетъ говорить... Гдѣ баринъ? Куда онъ поѣхалъ?..

— Я не могу знать, сударыня, они не изволили сказывать,—отвѣтила дѣвушка, понимая, что случилось что-то особенное.

Наташа, пришедшая въ себя съ появленіемъ горничной, тоже поняла это. Она хотѣла встать, протянула руку къ брошенному рядомъ на креслѣ пеньюару, но генеральша опять уже была около нея, выславъ повелительнымъ жестомъ горничную.

— Да гдѣ-же Сергѣй?—крикнула она.—Или ты парочно хочешь погубить его?

— Не сердитесь, тата, не волнуйтесь...

— Не смѣй такъ называть меня!—перебила генеральша.— Никогда!.. Отвѣчай мнѣ: гдѣ мой сынъ?..

— Онъ на охотѣ... Онъ ночью уѣхалъ... Боже, не случилось ли что-нибудь, что вы пріѣхали въ такое время?.. Я не понимаю ничего, я съ ума сойду...

— Онъ сегодня стрѣляется съ Кабардинцевымъ!—крикнула генеральша, снова хватая Наташу за шею и встряхивая ее изо всей силы.

Наташа болѣзненно вскрикнула и вспомнила слова мужа о дуэли.

— Онъ стрѣляется!—продолжала генеральша.—Быть можетъ, онъ убить уже, въ то время, какъ ты спишь тутъ въ этой царской обстановкѣ... Ты, которой мѣсто въ дѣвичьей, въ кухнѣ, въ скотной!... Онъ изъ-за тебя стрѣляется, онъ гибнетъ изъ-за тебя, разъ уже погибнуть!..

— Боже, я ничего не знаю этого!—простонала Наташа и зарыдала.—О, спасайте его!..

Она вскочила, не стѣсняясь уже своего костюма, схватила колокольчикъ и зазвонила изо-всѣхъ силъ.

— Да куда же поѣдемъ мы?—остановила ее генеральша.—Вѣдь ты не знаешь, гдѣ будетъ эта ужасная дуэль...

— Ахъ, люди, вѣроятно, знаютъ... Тамъ... эти... конюхи... лакеи... Они провожали его...

Наташа хватала различныя принадлежности туалета и кое-какъ надѣвала на себя. Вбѣжавшая горничная бросилась было помогать ей, но Наташа отстранила ее.

— Не нужно, не нужно, сама я!.. Иди и узнай, куда поѣхалъ баринъ. Тамъ знаютъ... Спроси у Григорія, у Каплина... Они...

— Они въ Сокольники поѣхали, сударыня,—почтительно перебила горничная.—Люди говорятъ, что у нихъ тамъ поединокъ сегодня... Мы полагали, что вы изволите знать...

— Лошадей?.. Скорѣй, какъ можно, лошадей!

— У меня карета,—сказала генеральша, съ недоумѣніемъ глядя на невѣстку.

Теперь только поняла генеральша, что молодая женщина ничего не знаетъ, что вѣсть о дуэли ее поразила такъ же, какъ она поразила и мать, и что эта молодая женщина, такъ покойно и сладко спавшая минуту тому назадъ, страшно страдаетъ и любить ея сына не меньшей любовью.

Наташа была блѣдна, какъ мертвецъ, подбородокъ ея дрожалъ, ноги подкашивались, она не попадала руками въ рукава лифа, который подавала ей горничная.

Генеральша подошла и помогла ей одѣть лифъ.

— Ъдемъ!—крикнула Наташа, бросаясь къ двери.

— Одѣньте-же что-нибудь на голову и спросите теплые ботинки,—остановила ее генеральша.

— Ахъ, не надо, все равно!..

Но генеральша загородила ей дорогу.

— Вы должны беречь себя, если васъ такъ любить Сергѣй!—холодно сказала она.— Дай барынѣ бурнусъ, шляпу и одѣнь ей теплые ботинки,—приказала она горничной.

Черезъ пять минутъ обѣ женщины ѣхали по направленію къ Сокольникамъ, приказавъ кучеру гнать лошадей.

Наташа рыдала, закрывъ лицо руками и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Долго глядѣла на нее генеральша упорнымъ, пытливымъ взглядомъ и чутко прислушавалась къ ея рыданіямъ, словно желая изучить, насколько онѣ искренни и горьки.

— Вы не знали, стало быть, о дуэли?—спросила она.

— Нѣтъ... Онъ разбудилъ меня передъ разсвѣтомъ, покойно и весело поцѣловалъ и сказалъ, что ѣдетъ на охоту съ княземъ Петромъ... О, если-бъ я знала, куда онъ ѣдетъ.

— Но вы слышали о его ссорѣ съ Кабардинцевымъ?

— Да... Я, я была виновницею этой ссоры!

— Вы?!

Голосъ у генеральши дрогнулъ.

— Да.

— Что вы сдѣлали?

— О, ничего!... Я только сказала ему о разговорѣ Ка-

— Да дальше ѣхать нельзя, ваше превосходительство, — отвѣтилъ лакей соскакивая съ козелъ. — Тутъ дороги нѣтъ-съ... Есть дорога къ Богородскому да она будетъ лѣвѣе, воротиться нужно...

— Такъ вези-же скорѣй, вели ѣхать!.. Зачѣмъ они остановились тутъ, а не ѣхали той дорогой?

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, что отсюда экипажи видать черезъ просѣку... Не иначе, ваше превосходительство, какъ это Сергѣя Петровича лошади и прочихъ господъ...

— Отвори дверцы!..

Обѣ дамы вышли изъ кареты.

— Гдѣ?.. Гдѣ они? — задыхаясь, спросила Наташа.

— А вонъ они-съ... Вотъ сюда извольте глядѣть, по моей рукѣ...

Сквозь рѣдкую въ этомъ мѣстѣ группу сосенъ видна была просѣка, а за нею на полянкѣ, окруженной голыми березами и кустарникомъ, хорошо были видны стоявшіе въ сторонѣ экипажи, а правѣе, въ лобжинѣ, отдѣленной дорогою и какими-то постройками, — движущіяся фигуры людей. Какъ разъ отъ того мѣста, гдѣ остановилась карета, къ просѣкѣ вела тропинка, протоптанная, конечно, желающими сократить путь изъ Сокольниковъ въ село Богородское.

Наташа бѣгомъ бросилась по этой тропинкѣ.

— Постой!... Подожди-же меня! — крикнула ей генеральша, но Наташа не остановилась.

— Дозвольте понести васъ, ваше превосходительство? — обратился къ генеральшѣ колоссальный выѣздной лакей Игнатій, гигантъ ростомъ и силою, который подымалъ за вагу тяжелый дорожный дормезъ одною рукой.

— Неси...

Игнатій поднялъ барыню, какъ ребенка, и понесъ, догоняя путавшуюся въ платьѣ Наташу.

Дуэлисты, находясь въ ложбинѣ, ничего не видали и готовились къ своему дѣлу. Оно было-бы уже кончено, но гос-

подинъ Кабардинцевъ опоздалъ къ назначенному часу, объяснивъ, что онъ писалъ духовное завѣщаніе.

— Нельзя, знаете, — сказалъ онъ секунданту Сергѣя. — Когда ѣдешь подставлять лобъ подъ пулю, то всегда долженъ думать, что эта пуля можетъ попасть въ лобъ...

— Да, а тѣмъ болѣе теперь: Чоглоковъ взбѣшенъ вашей медлительностью и хочетъ сократить разстояніе до десяти шаговъ, — ехидно измыслилъ Горбенко.

Кабардинцевъ поблѣднѣлъ и объявилъ, что это противно правиламъ и что онъ не приметъ новыхъ условій.

— Ахъ, батюшка, — успокоилъ его Горбенко, — Чоглоковъ такъ стрѣляетъ, что и за тридцать шаговъ можетъ убить васъ — это ему все равно...

Кабардинцевъ, далеко уже не съ тѣмъ веселымъ и побѣднымъ видомъ, какой имѣлъ вчера и сегодня утромъ, отошелъ и поручилъ своему секунданту кончить дѣло такъ или иначе. Его очень смущалъ видъ приглашеннаго „на всякій случай“ и по стариннымъ правиламъ каждой дуэли доктора. Докторъ этотъ, старый нѣмецъ весьма педантическаго вида, сосредоточенно отошелъ къ сторонкѣ, присѣлъ на пенекъ и принялся разбирать хирургическіе инструменты, которые такъ и сверкали въ лучахъ высоко уже поднявшагося надъ горизонтомъ солнца.

Храбрился господинъ Кабардинцевъ, насвистывалъ, закурилъ сигару, но былъ очень взволнованъ и очень неувѣренно поглядывалъ кругомъ, избѣгая глядѣть на доктора и на Чоглокова. Сергѣй отошелъ въ сторону, закурилъ папиросу и медленно ходилъ между двумя соснами, заложивъ руки въ карманы сѣрой, отдѣланной бархатомъ бекешки.

Ему было не по себѣ, скверно онъ чувствовалъ себя.

Онъ не боялся нисколько, ни на одну секунду не являлась ему мысль о смерти, — очень ужъ не смертоноснаго вида былъ его соперникъ сегодня, — но Сергѣю было гадко продолжать эту комедію, главную роль въ которой играла

его жена, почему-то особенно дорогая и милая ему въ это свѣжее, ясное утро, оставленная дома, обманутая.

— И пойдутъ теперь трепать ея имя еще больше! — думалъ Сергѣй, считая шаги отъ сосны до сосны. — Непременно пойдутъ трепать... Разъ, два, три, четыре, пять... И нисколько, никакая дуэль не загородитъ рта всѣмъ этимъ Кабардинцевымъ, всѣмъ этимъ господамъ и господамъ... Шесть, семь... Нѣтъ, больше, сбился я... И зачѣмъ это я шаги считаю?..

Онъ остановился.

— Никакая дуэль не поможетъ... Глупость это... Вотъ если я убилъ-бы этого господина — меня стали-бы бояться, но развѣ перестали бы они про меня сплетничать?.. Конечно нѣтъ!.. Зачѣмъ-же все это?.. Я „смываю пятно съ дорогого имя моей жены“... И никакого „пятна“ тутъ нѣтъ, и нисколько я не смываю... Боже, какъ все пошло это и какъ тяжело!.. У меня есть такое милое, симпатичное мнѣ гнѣздышко, такая хорошая подруга у меня въ этомъ гнѣздышкѣ, — а я вотъ бросилъ и гнѣздышко и подругу и вотъ тутъ... И опасность-то не грозила этому гнѣзду, а такъ, что-то... Зачѣмъ?.. Ахъ, уйти надо ото всего этого, уйти!.. А вотъ у меня злоба въ душѣ, мнѣ убить хочется этого безвреднаго, жалкаго человѣка... Простить ему, не обращать вниманія... А онъ еще больше вратъ будетъ, онъ доймется меня до сердца, грязью закидаетъ дорогое для меня, какъ святыня, имя жены... И онъ, и другія... А надо прощать... И надо прощать — и нельзя прощать...

— Господа! — раздался звучный баритонъ секунданта Кабардинцева. — Господа, по обязанностямъ секунданта, я долженъ обратиться къ вамъ съ предложеніемъ кончить дѣло миромъ... Мосье Чоглоковъ, не угодно-ли вамъ будетъ...

— Мнѣ угодно скорѣе приступить къ дѣлу! — рѣзко обрывалъ Сергѣй.

— А, это другое дѣло... Господа, я прошу васъ занять мѣста...

Сергѣй быстро подошелъ къ обозначенному вѣткою своему мѣсту, оболилъ бекешку и порывисто разстегнулъ сюртукъ. Кабардинцевъ, съ пистолетомъ въ рукахъ, большими, но неуверенными шагами подошелъ къ своему мѣсту и оглянулся на секундентовъ, ожидая сигнала. Ему очень хотѣлось какъ можно скорѣе услышать этотъ сигналъ и выстрѣлить на воздухъ.

Но секунданты замедлили почему-то, смѣшались, замахали руками и быстро пошли куда-то въ сторону.

Изъ-за группы сосенъ, по крутому спуску въ ложбинѣ, гдѣ происходилъ поединокъ, быстро сбѣгали генеральша, поддерживаемая теперь лакеемъ подъ руку, и Наташа.

— Не поздно, онъ живъ еще!... — задыхаясь крикнула Наташа и стремительно бросилась къ мужу и повисла у него на шеѣ, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя отъ неожиданности и изумленія.

Генеральша вскрикнула, запаталась и упала на руки подбѣжавшихъ секундатовъ...

VI.

Дуэль, къ великому удовольствію господина Кабардинцева, окончилась примиреніемъ.

Когда генеральша, при помощи доктора, была приведена въ чувство, Кабардинцевъ подошелъ къ Сергѣю, находившемуся при матери, и съ большимъ чувствомъ произнесъ:

— Сергѣй Петровичъ, я вижу въ пріѣздѣ вашей матушки и вашей супруги руку судьбы, которая не желаетъ кровопролитія, а потому, отбрасывая въ сторону ложное самолюбіе, прошу у васъ извиненія... Простите меня, если я невольно оскорбилъ васъ... невольно, клянусь вамъ, невольно!.. Простите меня и вы, Наталья Панкратьевна... Повѣрьте, что ваше имя для меня священо и...

— Оставимъ этотъ разговоръ, Кабардинцевъ! — перебилъ

Сергѣй.—Я очень радъ, что дуэль не состоится, и охотно кончаю это дѣло...

— Я въ восторгѣ!—воскликнулъ Кабардинцевъ.—Повѣрьте, что я не трусь, но я не хочу подвергать опасности вашу жизнь, столь драгоценную для этихъ дамъ...

Кабардинцевъ сдѣлалъ округленный жестъ въ сторону генеральши и Наташи, почтительно поклонился имъ и съ большимъ достоинствомъ отошелъ, хладнокровно уже глядя на доктора съ его страшными хирургическими инструментами.

Сергѣй предложилъ матери поѣхать домой.

— Если вы позволите, я васъ провожу, татап,—сказалъ онъ.

— А твоя жена?—тихо спросила генеральша, не глядя на сына.

— Она доѣдетъ съ Горбенко...

— Проводи...

Генеральша подала сыну руку, и онъ отвелъ ее до своего экипажа, сказавъ лакею генеральши, чтобъ онъ велѣлъ каретѣ ея подъѣхать къ мѣсту дуэли, а Наташу поручилъ Горбенко. Наташа полными слезъ глазами проводила мужа и не могла не крикнуть ему въ догонку:

— Ты пріѣдешь, Сергѣй?.. Я такъ взволнована, я совсѣмъ больна...

Сергѣй молча оглянулся, какъ-бы успокаивая Наташу, а генеральша насмѣшливо бросила ей:

— Не бойтесь, моя милая, я не оставлю вашего мужа у себя!..

Минутъ десять генеральша ѣхала молча.

— За что хотѣлъ ты стрѣляться съ Кабардинцевымъ?—отрывисто и не глядя на сына, спросила она потомъ.

— Онъ позволилъ себѣ неуважительно отозваться о моей женѣ...

— Гмм!—усмѣхнулась генеральша.—Тебѣ придется вызывать на дуэль всю Москву...

Сергѣй промолчалъ.

— Тебѣ придется вызывать всю Москву, говорю я, если неуважительный отзывъ о твоей женѣ можетъ служить поводомъ для дуэли,—повторила генеральша.

— Вы думаете, что „вся Москва“ будетъ отзываться о ней неуважительно?—горько улынувшись, спросилъ Сергѣй.

— Да непременно, *mon cher*... Я не говорю, что она подаетъ къ этому поводъ своимъ поведеніемъ, но ея происхожденіе даетъ поводъ говорить о ней неуважительно...

— Ну, я не придамъ этому значенія, *mon ami*... Пусть...

— Однако-же, ты вызвалъ Кабардинцева, который извѣстенъ за пустаго малаго и болтуна...

— Онъ говорилъ не о происхожденіи моей жены, а о томъ, что онъ заведетъ съ нею интригу. Это разница.

— О такихъ женщинахъ вообще отзываются очень легко...

Сергѣй опять промолчалъ.

— Не красную жизнь создалъ ты себѣ, Сергѣй,—съ глубокимъ вздохомъ проговорила генеральша.—Разорвать связи съ матерью, съ прошлымъ, съ обществомъ тяжело... Ты молчишь, ты не считаешь нужнымъ возражать матери... Ты отплатилъ черною неблагодарностью за мою безпредѣльную, самоотверженную любовь, Сергѣй... Возьмемъ сегоднѣшній случай: пустой болтунъ послѣ обѣда говоритъ о твоей женѣ какой-то вздоръ, а ты вызываешь его на дуэль, подвергаешь свою жизнь опасности, забывая... забывая, что у тебя есть мать, которую убила-бы твоя смерть...

Генеральша всхлипнула и закрыла лицо платкомъ.

— Матушка, я подвергалъ себя большей опасности на войнѣ, но я пошелъ туда, когда меня призывалъ долгъ, а защищать честь жены—тоже долгъ порядочнаго человѣка...

— Любить мать, уважать ее, повиноваться ей—тоже долгъ порядочнаго человѣка и христіанина...

На это возражать было нечего, и Сергѣй угрюмо промолчалъ.

— Ты очень любишь ее?—спросила генеральша.

— Очень, матушка!

— Да, я вижу... Она тоже любить тебя...

— О, да!..

— И оба вы будете страшно несчастны.

— Почему?

— Потому что между вами стоитъ мать... Я не могу простить тебя, не могу назвать ее дочерью...

— Такъ-ли, татап?—спросилъ Сергѣй и взялъ руку матери.—Я думаю, что если вы поищете въ своемъ сердцѣ, то вы найдете тамъ и мнѣ прощеніе, и уголокъ для любви къ Наташѣ... Она стоитъ вашей любви, татап, стоитъ!.. О, какая это чудная, славная женщина, татап!.. Простите насъ, мама, дорогая, милая мама, назовите насъ своими дѣтьми!..

И эти простыл, полныя любви и ласки слова тронули генеральшу. И ледяная кора, покрывшая ея сердце, разбилась, и мать почувствовала себя матерью,—только матерью,—всѣ другія чувства заснули въ ней...

Чего, чего не сдѣлаетъ любовь и смиреніе!.. Все, все въ мірѣ побѣдятъ они и на вѣки умретъ злоба, побѣжденная ими..

Генеральша обняла склонившуюся къ ней голову сына, покрыла ее поцѣлуями, облила слезами.

— Прощаю, прощаю, люблю!—говорила она, рыдая.—Зови ее, зови свою жену, пусть она будетъ моею дочерью... Не могу, не могу я... Силъ у меня нѣтъ... Мои вы, оба мои!..

Сергѣй плакалъ, цѣловалъ мать, смѣялся, какъ давно, давно уже не смѣялся онъ, и довезя мать, поскакалъ къ себѣ за Наташею.

Горбенко уже привезъ Наташу и ходилъ по кабинету Сергѣя, беспощадно дымя трубкою и утопая въ волнахъ дыма.

— Ну, братъ, придется за докторомъ послать!—встрѣтилъ Горбенко Сергѣя.

— А что?—тревожно спросилъ тотъ.

— Да всю дорогу плакала твоя жена, чуть-ли не истерика съ нею... Очень жестоко обошлась съ нею твоя родительница...

— А, если это только, то я сейчас излѣчу безъ доктора!—сказалъ Сергѣй и побѣжалъ въ комнату Наташи.

Молодая женщина лежала на постели и, уткнувшись въ подушку, негромко рыдала.

— Наташа, милая, хорошая, дорогая жена моя! Я пришелъ къ тебѣ вѣстникомъ мира!—воскликнулъ Сергѣй, наклонившись къ женѣ и цѣлуя ее.—Вставай, милая, ѣдемъ къ татап—она простила насъ, она зоветъ насъ къ себѣ, какъ дѣтей своихъ!..

Наташа быстро встала, и радостная улыбка озарила ея покрытое слезами лицо.

— Да неужели?.. Да неужели это правда, Сергѣй?.. Боже, какое счастье!.. Кончено мое страданіе, кончено,—я уже не буду стоять между моимъ милымъ мужемъ и его матерью!.. Миръ, любовь, счастье идутъ къ намъ!.. Да какъ-же это случилось? Какъ вышло все?..

— Расскажу, все расскажу дорогою, а теперь одѣвайся какъ можно скорѣе и ѣдемъ!

Сергѣй позвалъ къ женѣ горничную и вышелъ къ Горбенко.

Добродушный хохолъ съ большимъ интересомъ выслушалъ рассказъ Сергѣя о примиреніи съ матерью и искренно поздравилъ его.

— Ну, ступайте-же скорѣе, а то не раздумала-бы ея превосходительство,—у вашихъ вѣдь свѣтскихъ дамъ семь пятницъ на недѣлѣ!.. Ступай, ступай скорѣй!.. Положимъ, я безъ завтрака по сему казусу, но нехай будетъ такъ, въ Оливье поѣду...

— Да вели себѣ тутъ подать, дружище,—сказалъ Сергѣй.—Тебѣ и завтракъ дадутъ, и вино, и каминъ затопятъ...

— Ну, что-жъ, пуцай такъ. Я поѣмъ да и спать у тебя лягу. А то съ этой бѣсовой дуэлью я совсѣмъ не спалъ...

Наташа, просто, но мило одѣтая, вышла очень скоро, и они поѣхали.

Уже безъ тревоги ѣхала теперь Наташа для встрѣчи съ свекровью, напротивъ — радостное чувство охватывало ее

всю, и она улыбалась, ласкаясь къ мужу, безъ умолку говорила.

У генеральши, видимо, ждали гостей, потому что пріемъ былъ сдѣланъ особенно торжественно и пышно. Швейцаръ величественно блисталъ новой ливреей, лакеи были тоже въ новыхъ ливреяхъ, лѣстницу покрывалъ коверъ, назначенный для торжественныхъ случаевъ. Сергѣя не много смутилъ такой пріемъ, пугая официальнойностью и сухостью, но онъ ошибся. Официальность оказалась только во внѣшности.

Только-что успѣли Сергѣй и Наташа войти въ залу, какъ навстрѣчу къ нимъ бросилась Василиса, одѣтая въ шумящее платье, въ чепецъ и какъ-то особенно причесанная.

— Красавцы наши, голубчики прекрасные, ангелы!—цѣла она, проливая умиленные слезы и цѣлуя руки Сергѣя и Наташи, очень смущенныхъ.—Красота-то какая, парочка-то какая, Господи!.. Наталья-то Панкратьевна какъ разцвѣли да похорошѣли!.. Матушка вы наша, барынька вы наша молодая, владѣтельница наша милостивая!.. Да дозвольте-же ручки-то ваши поцѣловать, не лишайте вы милости рабу свою покорную!!

И старуха хватала руки Наташи, благоговѣйно цѣловала полы ея платья.

„И такъ недавно еще эта женщина могла бить меня и въ клочки рвать съ меня платье, которое она цѣлуетъ теперь!“—подумала Наташа, какъ-то пугливо сторонясь отъ Василисы и прижимаясь къ мужу.

Генеральша встрѣтила „молодыхъ“ въ гостинной. Старый дворецкій, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, торжественно и важно стоялъ немного поодаль съ подносомъ, на которомъ пѣнились бокалы съ шампанскимъ. На маленькомъ столикѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, стояла икона Спасителя въ драгоценной ризѣ. Генеральша благоговѣйно взяла икону и благословила „молодыхъ“, поцѣловала потомъ ихъ и сдѣлала знакъ дворецкому.

— Пью, Сергѣй, за здоровье твое и твоей жены, —

сказала генеральша. — Пью и за нашъ миръ... Все пусть будетъ забыто, все... Прощаю васъ, а вы... вы меня простите...

— Мама! — воскликнулъ Сергѣй, цѣлуя мать.

Наташа склонилась и цѣловала руки генеральши.

Въ залѣ собралась вся наличная дворня генеральши и Сергѣй вышелъ туда подъ руку съ женою. Онъ принялъ поздравленія и подарилъ дворовымъ триста рублей, а генеральша приказала явившемуся Пальмирову выдать старикамъ и старухамъ по пяти, а молодымъ по три рубля серебромъ.

Пальмировъ былъ приглашенъ къ семейному завтраку.

И до завтрака, и во время его Наташа украдкою поглядывала на свекровь, невольно отыскивая въ выраженіи ея лица остатковъ былого гнѣва, притворства, лицемерія, но лицо генеральши сіяло лишь любовью и носило совсѣмъ незнакомое Наташѣ выраженіе нѣжной ласки и кротости. Даже Сергѣй, которому знакомо было это выраженіе, какъ отдаленное воспоминаніе дѣтства, съ удивленіемъ глядѣлъ на мать, не узнавая ее и радуясь.

Очевидно, генеральша переживала хорошія минуты и была рада тому счастью, которое она создала себѣ сама и которое такъ давно могла создать.

Ей любо было прощать, и все злое, черствое, нехорошее ушло куда-то далеко, далеко, уступивъ мѣсто свѣтлому и радостному.

Это свѣтлое и радостное есть въ душѣ каждаго человѣка, и все дѣло лишь въ томъ, что не всегда человѣкъ умѣетъ и хочетъ разбудить его.

— О, какъ былъ-бы счастливъ отецъ, если-бъ онъ дожилъ до этого! — сказалъ Сергѣй.

Генеральша вздохнула.

— Да... Но онъ видитъ все это... Ты вѣришь этому, Сергѣй?

— Вполнѣ, мама!..

Свѣтлое чувство радости не покидало генеральшу, Сергѣя и Наташу весь этотъ день.

„Молодые“ обѣдали у матери, а вечеромъ генеральша непремѣнно захотѣла поѣхать въ театръ, чтобы показать „всей Москвѣ“ свои отношенія къ сыну и его женѣ. Это, по мнѣнію генеральши, должно было сразу поднять положеніе Наташи въ глазахъ свѣта, и это было такъ.

Всѣ бинокли, всѣ лорнеты устремлены были на ложу, въ которой сидѣла генеральша съ Сергѣемъ и Наташею, и, дѣйствительно, такъ-называемая, „вся Москва“ знала о состоявшемся примиреніи, и на утро Наташѣ отдали визиты тѣ дамы, которыя до сихъ поръ упорно не исполняли этого свѣтскаго долга, а затѣмъ Наташа была приглашена на балъ къ князю Т., что явилось особенною честью и ставило Наташу на ряду съ первыми дамами столицы.

Но все это не спасло Сергѣя отъ новыхъ и новыхъ огорченій...

Пока мы оставимъ его съ женою и вернемся къ давно забытымъ другимъ героямъ нашего правдиваго разсказа...

VII.

Какъ ни бодрился Алексѣй Акимовичъ Тарантаевъ, отпустивъ обоихъ сыновей на войну, онъ сильно затосковалъ, когда дѣти уѣхали и старикъ остался въ своемъ уютномъ гнѣздышкѣ одинъ-одинешенекъ.

Еще такъ недавно гнѣздышко это было полно людей, кипѣло жизнью, тамъ и сямъ съ утра до ночи раздавались молодые голоса Аркадія и Павла, нѣжно щебеталъ голосокъ Наташи, всюду сказывалось присутствіе молодыхъ, полныхъ жизнью людей — и вдругъ все затихло, замолкло, точно смерть прошла тутъ съ косою и уничтожила недавнюю жизнь...

И старикъ затосковалъ. Онъ усиленно занялся хозяйствомъ, чтобы найти развлеченіе, но и это не помогало. Выйдетъ старикъ на работу, заглянетъ въ конюшню, на скотный дворъ и вдругъ присядетъ, опуститъ голову на руки и тихо заплачетъ.

— Нѣтъ моихъ сынковъ со мною, нѣтъ голубчиковъ!— говоритъ онъ, а слезы такъ и текутъ по щекамъ, усы смочать.

Вѣрный другъ его—экономка начнетъ утѣшать старика: — Полно-же вамъ убиваться, Алексѣй Акимовичъ, не на вѣкъ проводили вы дѣточекъ, увидайте ихъ, пріѣдутъ они...

— Нѣтъ, не видать мнѣ ихъ, чувствуетъ мое сердце, что не видать. Сложить они свои головушки, оставятъ меня старикомъ горькимъ, одинокимъ!..

И плачетъ старикъ цѣлый день, тоскуетъ до того, что стали за его жизнь бояться. Только и утѣшенія у него было, что чтеніе писемъ отъ сыновей. Получить письмо и оживетъ, просвѣтлѣетъ, дворню всю созоветъ, мужиковъ, имъ читаетъ письмо, наизусть выучить, а потомъ и опять затоскуетъ до новаго письма.

Въ то время, когда Аркадій былъ раненъ и не могъ писать, а Павелъ ничего не зналъ про брата и не могъ дать о немъ вѣсточки, старикъ совсѣмъ затосковалъ, слегъ даже и пришлось послать въ городъ за докторомъ.

Вдругъ получено было извѣстіе сперва о перемиріи, потомъ о заключеніи мира, а затѣмъ оба сына извѣстили старика, что они живы-здоровы и ѣдутъ домой. Старикъ воспрянулъ и ожилъ.

На ввалившихся щекахъ заигралъ опять здоровый старческій румянецъ, глаза заблестали, какъ у молодаго, члены сдѣлались попрежнему гибки и крѣпки, и старикъ залеталъ по своимъ владѣніямъ, какъ орелъ.

Лихо закручивая усы, взбивая свой хохолокъ, заломивъ на бокъ фуражку, леталъ онъ по двору, по службамъ и отдавалъ приказанія, опять заводилъ ремонты, чуть не каждый день гонялъ въ городъ за покупками, созывалъ сосѣлей на обѣдъ, который задумалъ дать „въ честь героев“.

— Герои вѣдь они, сынишки-то мои!— говорилъ онъ.— Аркадій-то святымъ Георгіемъ награжденъ, кровь свою про-

лилѣ, подвигѣ оказалѣ!.. Ну, и Паша молодецъ... Ему не пришлось грудью противу врага стоять, такъ за-то онъ тяжелую службу несъ и тоже отличенъ, отмѣченъ, награжденъ!..

И старикъ считалъ минуты, ожидая сыновей.

Они прїѣхали.

Старикъ встрѣтилъ ихъ въ губернскомъ городѣ и чуть не упалъ въ обморокъ, когда оба сына, загорѣлые, возмужавшіе, нѣсколько грубые въ своемъ преображенномъ видѣ, но счастливые, здоровые, бросились къ нему на грудь.

— Милые!.. милые! Дорогіе вы мои, хорошіе!—всхлипывая, говорилъ старикъ и цѣловалъ дѣтей въ губы, въ щеки, въ глаза, въ головы.

— Ужъ какъ я страдалъ-то, Аркашенька, когда узналъ, что ты раненъ!—говорилъ старикъ послѣ первыхъ восторговъ встрѣчи.—Думалъ, что не пережить мнѣ этого.

— Да, батюшка, едва и я пережилъ,—отвѣтилъ Аркадій.—И знаете, кому я обязанъ, что нахожусь тутъ вотъ, съ вами, въ губернскомъ городѣ Рязани, а не лежу въ севастопольскихъ пескахъ?

— Кому, Аркашенька?

— А вотъ ей...

Теперь только старикъ замѣтилъ, что позади сына, облокотившись о рѣшетку, окружающую постоянный дворъ, у котораго произошла встрѣча, стояла молодая дѣвушка, просто, но мило одѣтая, не столь хорошенькая и эффектная, какъ Наташа, но миловидная, съ добрымъ симпатичнымъ лицомъ. Это была сестра милосердія Марѣа Ивановна, теперь лучший другъ и невѣста Аркадія Тарантаева.

Они сошлись очень скоро и очень скоро полюбили другъ друга.

Оба они послѣ свадьбы Сергѣя почувствовали себя одинокими и несчастными.

Марѣа Ивановна любила Сергѣя, храня эту тайну не только отъ людей, но и отъ самой себя, боясь этой любви, какъ грѣха, какъ преступленія.

Аркадій не переставалъ любить Наташу.

Въ сильномъ горѣ, какъ и при большой радости, человекъ ищетъ друга, товарища, повѣреннаго. Къ Аркадію ближе всѣхъ была его неутомимая, полная самоотверженія сестра милосердія—и онъ привязался къ ней, какъ къ сестрѣ, а она полюбила его, какъ брата.

Старое мнѣніе о томъ, что дружба молодаго человека съ молодою дѣвушкою неизбѣжно перейдетъ въ любовь, какъ нельзя болѣе оправдалось на Аркадіѣ и Марѣѣ Ивановнѣ, и они полюбили другъ друга.

Они точно созданы были одинъ для другаго, и судьба распорядилась очень умно, сведя ихъ.

Когда Аркадій сдѣлалъ предложеніе Марѣѣ Ивановнѣ, она вся зардѣлась отъ радости и счастья, но отвѣчала отказомъ.

— Вы не любите меня, значить?—упавшимъ голосомъ спросилъ Аркадій.—Боже, какъ я ошибся!.. Я... я думалъ, что вы... что вы любите меня...

— Я и люблю...

Аркадій такъ и бросился къ ней.

— Такъ что-же?... Такъ почему-же вы отказываете?

— Я вамъ не пара... Я совсѣмъ простая дѣвушка, очень бѣдная...

— А я?—сказалъ Аркадій.—Развѣ я не простой?.. И я тоже не богатъ... О, если вы боитесь разности положеній, Марѣа Ивановна, то это... это не вѣрно—мы съ вами пара будемъ... И я васъ очень люблю, очень!.. Вы думаете, что вотъ Наташа... что я ее люблю... Да, я любилъ... я еще и теперь... То-есть нѣтъ, теперь я не люблю, теперь ее нѣтъ для меня... Теперь вы моя, васъ я люблю, и знаете что? Васъ я люблю еще больше, чѣмъ ее любилъ... Вы какъ-то ближе мнѣ, роднѣе... Вы для меня и милая дѣвушка-красавица, которую я хотѣлъ-бы имѣть подругою, и хорошая, добрая сестра... Нѣтъ, нѣтъ, вы не отказывайте мнѣ, согласитесь, мы будемъ счастливы...

Марѣа Ивановна согласилась. Она, вѣдучи съ женихомъ на

его родину, все время боялась чего-то. Ей казалось, что отец жениха встрѣтитъ ее холодно, сухо, что онъ будетъ недоволенъ выборомъ сына и не одобритъ этотъ выборъ, будетъ недоволенъ невѣстою-безприданницею. Но когда она увидала Алексѣя Акимовича, всѣ тревоги ея прошли въ одинъ мигъ,—такъ миль, добръ и ласковъ былъ съ нею старикъ, такая сильная любовь видна была въ немъ къ сыну...

Словно боясь, чтобы не случилось опять „чего-нибудь особеннаго“, Алексѣй Акимовичъ заторопилъ свадьбою, и она была отпразднована недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда сыновей.

— Ну, дѣтки,—говорилъ старикъ,—теперь я умру покойно!.. Паша можетъ и безъ меня найти себѣ подругу, мнѣ хоть на свадьбѣ одного-то привелось попить—и то слава Богу!...

И вотъ опять въ тихомъ гнѣздышкѣ Тарантаевского дома пошла жизнь мирная, покойная, безмятежно счастливая. Марѳа Ивановна точно создана была для деревенской жизни, и изъ не ясь первыхъ-же мѣсяцевъ супружеской жизни вышла превосходная „деревенская барыня“, домовитая, разумная, хозяйственная, истинный другъ всѣхъ окружающихъ, умная и толковая помощница во всѣхъ деревенскихъ нуждахъ, прекрасная жена и со всѣми задатками быть хорошей матерью. Все хозяйство очень скоро и всецѣло перешло въ ея руки, но это нисколько не огорчило экономку Алексѣя Акимовича, которая охотно пошла „подъ началь“ молодой барыни, умѣвшей взять бразды правленія съ тактомъ, осторожно, умно и крѣпко.

Сейчасъ-же на всемъ и отразилось умѣнье хорошей, любящей свое дѣло хозяйки.

Сталъ лучше и здоровѣе столъ, а шло на него менѣе, на все легла печать домовитости и порядка, а вкусъ молодой женщины далъ всему въ домѣ тонъ милой красоты, изящества, комфорта, чего не было при доброй и хорошей, но совсѣмъ грубой экономкѣ.

Аркадію легко дышалось въ уютно свитомъ гнѣздышѣ, и его влекло въ это гнѣздышко, хотѣлось ему дѣлать для него какъ можно больше. Деревенская жизнь получила новую прелесть и въ ней не находилось уже и тѣни однообразія и нѣкоторой скуки, которая порою заходила подъ крышу стараго вдовца и молодыхъ одинокихъ людей.

Все это чувствовалось не только Алексѣемъ Акимовичемъ, Павломъ, — не говоря уже объ Аркадіи, — а очень скоро перешло и на мужиковъ

— Я къ барынѣ, — говорилъ какой-нибудь крестьянинъ, приходя на барскій дворъ съ семейнымъ дѣломъ или желая получить лѣкарство отъ какого-нибудь недуга.

— Она еще спитъ, вѣдь только пять часовъ, — говорили дворовые. — Вотъ баринъ старій всталъ, чай у себя кушаетъ, ступай къ нему...

— Нѣтъ, я ужъ къ барынѣ, я ее подожду...

И лихо всѣ стали обращаться къ барынѣ и не только по дѣламъ семейнаго характера, а даже по дѣламъ чисто хозяйственнымъ, общественнымъ, крестьянскимъ.

— Мнѣ, матушка Марѳа Ивановна, лѣску надо на избу, — говорилъ проситель.

— Такъ это ты къ папашѣ иди, иди къ мужу, — говорила Марѳа Ивановна.

— Да ужъ ты сама ужъ... Етъ, гляди, отложить, либо не вникнетъ, а ты избу-то мою знаешь, и дѣло мое тебѣ извѣстно... Ты ужъ прикажи...

Марѳа Ивановна непосредственно никогда не распоряжалась, но она умѣла сдѣлать по своему, зная дѣйствительно нужды мужиковъ и ихъ быть болѣе, чѣмъ мужчины, и болѣе ихъ чуткая къ каждой нуждѣ.

Что касается до бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ, то она сдѣлалась истиннымъ другомъ ихъ и знала ихъ всѣхъ наперечетъ, со всѣми ихъ особенностями, привычками, нуждами, секретами. Бабъ она защищала отъ обиды мужей, помогала имъ въ нуждѣ, дѣвушекъ пристраивала замужъ, по-

могала имъ вести ихъ несложное дѣвичье хозяйство, учила рукодѣлю, дѣтишекъ обмывала, часто обшивала и понемногу начинала учить грамотѣ, что родителями принималось сперва неохотно, а затѣмъ они стали мириться съ этимъ и находить „забаву“ барыни недурною, особенно когда убѣдились, что ребятъ для грамоты не отрываютъ отъ дѣла, а самую грамоту не обращаютъ въ „повинность“, которая такъ нелюба русскому человѣку.

Такъ молодая женщина нашла себѣ дѣло, а въ дѣлѣ нашла смыслъ.

VIII.

Далеко не такое „тихое счастье“ выпало на долю Наташи, которая закружилась въ вихрѣ шумной городской жизни.

Примиреніе съ генеральшею увеличило счастье Наташи, оно разсѣяло то мрачное облако, которое окружало ее и туманило ея свѣтлую жизнь, но сейчасть-же затѣмъ начался непрерывный рядъ мелкихъ огорченій, быть можетъ, незначительныхъ въ отдѣльности, но въ совокупности положительно невыносимыхъ и мучительно тягостныхъ.

Началось съ того, что за молодую женщиною появилась цѣлая плеяда поклонниковъ, несносныхъ ухаживателей, людей очень „пріятныхъ“ и благовоспитанныхъ, но, тѣмъ не менѣе, наглыхъ, противныхъ своей притворною любезностью и оскорбительныхъ своими надеждами на успѣхъ, каковыя надежды такъ и сквозили въ ихъ взглядахъ, въ манерѣ говорить, въ манерѣ держать себя.

Всѣ эти ухаживатели появились съ легкой руки Кабардинцева, который ѣздилъ по городу и съ подленькими улыбочками, съ намеками на что то передавалъ подробности своей ссоры съ Сергѣемъ, доведшей соперниковъ до дуэли.

Всѣ, разумѣется, съ злораднымъ любопытствомъ разспрашивали Кабардинцева о дуэли, и онъ передавалъ подроб-

ности, а затѣмъ на вопросъ: изъ-за чего онъ поссорился съ Чоглоковымъ?—отвѣчалъ неопредѣленно, лукаво улыбаясь.

— Значить, вы имѣли успѣхъ у этой скороспѣлой бабыни, если мужъ вызвалъ васъ?—спрашивали у Кабардинцева.

— Объ этомъ, господа, не говорятъ, — ломался краше-ный Донъ-Жуанъ. — Я рыцарь въ этомъ отношеніи, и репутація женщины для меня священна...

— Что не мѣшаетъ вамъ компрометировать ее?

— Кто-жъ откажетъ себѣ въ удовольствіи поухаживать за хорошенькою женщиною?

— А она довольно благосклонна?

— Ну, это ужъ мое дѣло!

И вотъ кавалеры разныхъ лѣтъ, но болѣе или менѣе благородныхъ профессій принялись ухаживать за Наташею; это обратилось въ какую-то моду.

Наташа была „царицею сезона“ по красотѣ, и ухаживать за нею доставляло удовольствіе всѣмъ поклонникамъ женской красоты и любителямъ чужихъ женъ, а мнимый успѣхъ Кабардинцева поощрялъ этихъ господъ. „Высочка“ Наташа являлась въ ихъ глазахъ очень доступною и должна была съ благодарностью, съ восторгомъ принять благосклонное ухаживаніе блестящихъ кавалеровъ.

Наташа тѣмъ болѣе должна была быть доступною по ихъ мнѣнію, что очень скучала съ тюфякомъ-мужемъ...

Такъ прозвали всѣ Сергѣя, сдѣлавшагося вдругъ домосѣдомъ, кабинетнымъ работникомъ.

Онъ дѣйствительно не показывался почти нигдѣ и сѣлъ за работу, весь отдавшись трудамъ о крестьянскомъ вопросѣ, который сейчасъ-же за войною всталъ на очередь по волѣ Государя Императора, которому угодно было призвать къ участию въ этомъ дѣлѣ дворянство, какъ передовое сословіе, съ одной стороны, и какъ сословіе, ближе всѣхъ стоящее къ крестьянамъ. И Сергѣй весь отдался новому дѣлу. Читалъ все относящееся до этого вопроса, писалъ, собиралъ

матеріалы, и Наташа одна должна была дѣлать визиты, ѣздить на балы, вечера, въ театры. Она охотно оставалась-бы съ мужемъ, но генеральша, разъ взявшись ввести ее въ свой кругъ, упорно преслѣдовала эту цѣль и всюду возила ее, а у нея не доставало смѣлости и характера отказывать свекрови; Сергѣй-же думалъ, что выѣзды доставляютъ женѣ удовольствіе, и, уходя на весь вечеръ въ кабинетъ или бібліотеку, охотно отпускалъ ее.

Наташѣ, пожалуй, и не было особенно тяжело исполнять желаніе свекрови и всюду ѣздить съ нею. Шумная жизнь свѣтской дамы нравилась ей, какъ новинка, увлекала ее новизною, успѣхъ кружилъ голову, а двусмысленнаго отношенія къ ней гостинныхъ Донъ-Жуановъ она не понимала, не оцѣнивала какъ слѣдуетъ, думая, что это такъ принято, что всѣ дамы этого круга обречены на это. Но это было сперва, это было до тѣхъ поръ, пока ухаживанія не дошли до оскорбительныхъ намековъ, пока молодая женщина не поняла что ее оскорбляютъ, что всѣ эти кавалеры желаютъ ни больше, ни меньше, какъ имѣть ее своею любовницею.

Они съ каждымъ днемъ становились назойливѣе, пахальнѣе, и это зависѣло во-первыхъ оттого, что молодая женщина держала себя сдержанно и не подавала повода къ надеждѣ, раздражая этимъ привыкшихъ къ успѣхамъ кавалеровъ, а во-вторыхъ потому, что каждый изъ нихъ хвастался передъ прочими успѣхомъ у Наташи и одинъ хвастунъ вѣрилъ лжи другаго, не смотря на то, что лгалъ самъ.

Всѣмъ имъ, имѣвшимъ успѣхъ у барыни, казалось позорнымъ не имѣть его у „вчерашней горничной“, тѣмъ болѣе, что Кабардинцевъ, этотъ „отставной ловеласъ“, имѣлъ уже успѣхъ.

Ухаживатели перемѣнили тактику. Они рѣшили, что съ „горничной“ надо быть совсѣмъ не на той ногѣ, какъ съ барынею, и что именно поэтому они не имѣли успѣха, что не такъ вели себя.

Первымъ сдѣлалъ это открытіе нѣкто Юсичъ, господинъ

великолѣпной наружности, но довольно темнаго происхожденія, принятый въ обществѣ единственно за свою наружность и за умѣнье дирижировать танцами. Жилъ этотъ Юсичъ неизвѣстно на какія средства, игралъ въ карты и положительно ничего не дѣлалъ.

Его какъ-то поддразнили Наташею на тему, что вотъ-де ты извѣстный Донъ-Жуанъ, прославленный побѣдами, а за Чоглоковою ухаживаешь бесплодно, стало-быть де ты имѣешь успѣхъ только у тѣхъ, которыя очень ужъ сами склонны къ запретнымъ плодамъ, а лишь только встрѣтилась добродѣтельная женщина, такъ ты и пасъ.

Юсичъ былъ задѣтъ.

— Вотъ вздоръ!—засмѣялся онъ.—Я и не думалъ ухаживать за этой хорошенькой куколкою, за этимъ цвѣткомъ, взрощеннымъ въ дѣвичьей, а если захочу, то, повѣрьте, очень скоро добыюсь цѣли!

— Ну, не говори. За нею ухаживалъ и Шьеръ, и князь Базиль, и извѣстный побѣдами виконтъ Дортонель, а однако безъ успѣха.

— Ха!.. Да потому, что всѣ они чудаки! Они ухаживали за нею, какъ ухаживаютъ за женщиною общества, а надо совсѣмъ иначе. Вы забываете, что это вѣдь ни болѣе, ни менѣе, какъ горничная и, очевидно, съ нею нужна другая тактика... Да, что толковать съ вами? Хотите пари?

— Какое?

— Черезъ двѣ недѣли эта красавица будетъ моею и я докажу вамъ это. Условія—ужинъ на всѣхъ вотъ насъ съ тремя дюжинами Клико... Идетъ?

— Идетъ.

Такіе Юсичи были до эпохи, нами разсказываемой, во время этой эпохи, есть теперь и будутъ еще очень долго. Ихъ не переведешь мѣрами вродѣ дуэли, не справишь хлыстомъ, къ которому иногда прибѣгаютъ оскорбленные отцы, братья и мужья, не переведешь ихъ и суровыми мѣрами, къ которымъ прибѣгаетъ народъ.

Ихъ не обуздаетъ и суровый законъ, и только само общество можетъ избавить себя отъ Юсичей, награждая ихъ презрѣніемъ, не давая имъ мѣста среди себя, изгоняя, какъ воровъ, и поставивъ честь женщины выше собственности, покушеніе на которую наказывается суровымъ приговоромъ общества, въ то время когда честь женщины, права семьи, супружеское ложе оскверняется совершенно безнаказанно со стороны общества.

Если-бъ Юсичъ, обыгравъ „навѣрняка“ въ карты неопытнаго юнца, или выманивъ у расчувствовавшейся старухи сто-рублевый билетъ, или стащивъ у мертвецки пьянаго собутыльника бумажникъ,—что онъ и сдѣлалъ въ концѣ своей карьеры,—вздумалъ рассказать объ этомъ своимъ свѣтскимъ пріятелямъ,—они освистали-бы его, возмутились-бы, изгнали-бы его съ позоромъ изъ своей среды; но онъ бросилъ грязью въ имя честной женщины, нагло насмѣялся надъ честью мужа, и никто не счелъ нужнымъ негодовать, напротивъ—все видѣли въ этомъ геройство, молодечество, подвигъ.

Юсичъ смѣло повелъ атаку.

На одномъ изъ вечеровъ онъ особенно много танцовалъ съ Наташею, выразительно глядя ей въ глаза и на открытыя плечи и пожимая руку. Передъ мазуркою онъ отвелъ Наташу въ уютный уголокъ отдаленной гостиной, принесъ ей туда шампанскаго, уговорилъ выпить и наглыми дерзкими глазами сталъ глядѣть ей въ лицо.

Наташа покраснѣла и опустила глаза.

Она поняла взглядъ этого негодяя, опозорившаго десятки женщинъ.

— Зачѣмъ вы такъ смотрите на меня? — въ смущеніи проговорила молодая женщина, уже давно оскорбленная ухаживателями и бывающая среди нихъ лишь въ угоду свекрови, да не желая, боясь сказывать мужу, какъ тяжело ей стало, какъ опротивѣло все.

— Зачѣмъ?—переспросилъ Юсичъ.—Затѣмъ, что я васъ люблю...

Наташа освободила руку изъ рукъ Юсича и вспыхнула.

— Вы... вы не должны мнѣ говорить этого... Вы не смѣете! — прошептала она, удерживая слезы, только боясь скандала.

— Почему?... Развѣ любовь преступленіе?... Я не имѣю силъ сдерживать свою страсть и говорю о ней... И вы не должны гнать меня—я зову васъ къ счастію...

— Оставьте меня!

— Ни за что!.. Въ васъ говоритъ только страхъ передъ мужемъ, передъ обществомъ, передъ вашей свекровью, а то вы не прочь любить... И вы полюбите меня, я добьюсь этого... Одинъ поцѣлуй теперь, одинъ поцѣлуй, онъ будетъ залогомъ нашей любви, нашего счастія!..

Она готова была зарыдать, готова была ударить негодяя, но мысль, что опять можетъ быть исторія, дуэль, удерживала ее, и она не знала, что дѣлать, невыносимо страдая, близкая къ обмороку.

„Неотразимый“ Юсичъ истолковалъ движеніе молодой женщины по своему. „Она вся объята страстью и она моя!“ — подумалъ онъ.

Онъ склонился надъ нею и сталъ цѣловать ея руки.

— Милая, какъ я люблю!—прошепталъ онъ страстно и нѣжно.

— Отойдите-же, или я закричу!—простонала Наташа.— Вы негодяй!..

Юсичъ видѣлъ и не такіе протесты, но никогда не смущался. Онъ наклонился еще ниже, и его завитые надушенные усы коснулись щекъ Наташи...

Чья-то тяжелая рука спустилась на шею Юсича и сдавила ее, какъ тисками.

Юсичъ отпрянулъ и оглянулся.

Передъ нимъ стоялъ Горбенко, блѣдный, со страшнымъ выраженіемъ искажившагося злобою лица.

— Васъ просятъ дамы, господинъ Юсичъ,—тихо и покойно проговорилъ Горбенко,—пожалуйте въ залъ... Раг-

don, Наталья Панкратьевна, я уведу вашего кавалера на минуту...

Горбенко взялъ Юсича подъ руку и отвелъ въ кабинетъ хозяина дома. Тамъ играли въ карты, курили и шумѣли, не обративъ вниманія на вошедшихъ.

— Господинъ Юсичъ, — заговорилъ Горбенко, прижавъ красавца къ стѣнѣ и до боли стискивая его руку повыше локтя, — я всегда зналъ, что вы негодяй и мерзавецъ, но не думалъ, что вы негодяй до такой степени...

— Мосье Гор...

— Ни слова!.. Если ты, кукла, еще раскроешь ротъ, я надаю тебѣ оплеухъ тутъ-же!.. Я все видѣлъ и все слышалъ... Не думай, что я вызову тебя или скажу мужу той женщины, которую ты подло оскорбилъ, — нѣтъ, имя ея слишкомъ дорого, чтобы связывать съ твоимъ, но вотъ я что скажу тебѣ: сію-же минуту убирайся изъ этого дома, а завтра утромъ — изъ Москвы. Слышишь? Если ты не сдѣлаешь этого, я прикажу своимъ людямъ схватить тебя и отодрать на конюшнѣ, куда приведу твоихъ знакомыхъ... Даю тебѣ слово честнаго человѣка, что я исполню это!.. Ступай же сію минуту вонъ!..

— Но... но это разбой, насиліе!.. Я... я властямъ донесу, я...

— Властямъ? Ну, такъ вотъ что: теперь ты уѣдешь благополучно, если-же ты не послушаешься меня, то уѣдешь отодраннымъ и съ конвоемъ. Я отдеру тебя, а потомъ скажу про всѣ тѣ продѣлки, которыя я про тебя знаю, какъ про шуллера и мошенника... Вонъ!..

Юсичъ сократился, отыскалъ свою шляпу и уѣхалъ.

На утро онъ оставилъ Москву, къ великому огорченію своего извозчика, портнаго, сапожника и домохозяина.

На Наташу такъ сильно повліяло нахальство Юсича, что она пріѣхала домой совершенно больная и вся въ слезахъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, рыдая, объявила мужу, что не

пойдетъ больше никуда, что ей все гадко, противно, что ей стыдно.

— Да что-же съ тобою, Наташа? — спрашивалъ сильно встревоженный Сергѣй. — Обидѣлъ тебя кто-нибудь?.. Скажи, моя дорогая... Ты обязана, обязана сказать, я твой мужъ...

— Это для того сказать тебѣ, чтобы ты опять подвергалъ себя опасности?.. Одна мысль о дуэли уже приводитъ меня въ ужасъ...

— А, такъ, стало быть, я не ошибся — тебя обидѣли? — блѣднѣя отъ негодованія, отъ горя, воскликнулъ Сергѣй. — Такъ я положу этому конецъ!.. Я требую, чтобы ты сказала о томъ, что произошло съ тобою!.. Слышишь, Наташа? Я требую!..

Но Наташа только плакала и не говорила. Она рассказала лишь тогда, когда Сергѣй далъ ей честное слово, что онъ оставитъ дѣло „такъ“, не будетъ искать случая наказывать обидчика. Разсказъ Наташи сильно повліялъ на Сергѣя, и онъ задумался не на шутку.

Между тѣмъ пришла весна, а весною человѣка всегда манитъ куда-то, влечетъ въ даль. Сергѣй предложилъ женѣ въ первыхъ-же числахъ апрѣля поѣхать въ деревню и она охотно согласилась, но сперва робко, неувѣренно попросила у него дать слово, что онъ исполнитъ одно ея желаніе.

— Даю, — сказалъ Сергѣй.

— Отпусти меня навѣстить Тарантаевыхъ... Старикъ, говорятъ, очень плохъ уже сталъ, а мнѣ хотѣлось-бы повидать его... Онъ мнѣ замѣнилъ отца...

— Очень радъ, Наташа, исполнить твое желаніе, и знаешь что?

— Что?

— Я самъ поѣду съ тобою. Я долженъ непременно видѣть этого милаго старика, да и молодыхъ хочется мнѣ повидать... Они, я думаю, не будутъ противъ моего пріѣзда...

— Въ восторгѣ будутъ! — весело воскликнула Наташа и живо принялась собираться...

IX.

Тарантаевы, какъ и предсказала Наташа, были несказанно рады прїѣзду Чоглокова. Особенно былъ тронутъ и обрадованъ старикъ, который охотно и давно простилъ Наташѣ тѣ огорченія и тревоги, которыя она принесла ему, и попрежнему называлъ ее „доченькою“ и ласкалъ, какъ ребенка. Былъ радъ и Аркадій, былъ гостепріименъ, радушенъ, но что-то сквозило непріязненное сквозь его кажущуюся любезность. И Сергѣй, обладая большимъ чутъемъ, подмѣтилъ это. Онъ не захотѣлъ больше подвергать и себя, и Аркадія тяжелому испытанію и уѣхалъ въ Москву, позволивъ погостить женѣ еще недѣли двѣ безъ себя. Старику онъ сдѣлалъ большое удовольствіе, уступивъ тотъ участокъ земли, который такъ хотѣлось когда-то купить Алексѣю Акимовичу. Хотѣлъ Сергѣй подарить старику этотъ участокъ, но Аркадій уклонился отъ этого, и Сергѣй долженъ былъ получить деньги.

Онъ уѣхалъ въ Москву съ чувствомъ, похожимъ на зависть, которое возбуждало въ немъ тихое, мѣрное, полное труда, но полное и наслажденій житіе Тарантаевыхъ.

— Въ деревню, въ деревню, тамъ мое мѣсто и тамъ мое счастье!—говорилъ онъ самъ себѣ и торопился въ Москву, чтобы какъ можно скорѣе кончить дѣла и уѣхать въ деревню, которая теперь съ неудержимою силою влекла его.

Между тѣмъ въ Москвѣ кипѣла жизнь, обновленная войною.

Сергѣй остановился, какъ на распутьѣ, и не зналъ, за что ему взяться, какъ приняться за дѣло,—а дѣла хотѣлось, страстно хотѣлось.

Въ это время судьба столкнула его съ однимъ человекомъ, который помогъ ему сдѣлать выборъ и встать на дорогу.

Вернемся немного назадъ и расскажемъ, какъ случилось это.

Высокій, худощавый человѣкъ, лѣтъ тридцати, блѣдный и загорѣлый, немного странно одѣтый, вошелъ утромъ яснаго сентябрьскаго дня въ скверный номеръ скверной московской гостинницы, бросилъ картузъ на столъ, сдѣлалъ два-три шага къ занимающему почти всю стѣну дивану и бросился на этотъ диванъ, уткнувшись лицомъ въ подушку съ ситцевой наволокой. И вдругъ въ номерѣ раздались глухія, но за душу хватающія рыданія. Вошедшій человѣкъ этотъ рыдалъ мучительно, злобно какъ-то, отчаянно, какъ рыдаютъ отъ сильнаго, все ломающаго горя. Широкія костистыя плечи его такъ и вздрагивали; затылокъ, покрытый вьющимися плотно русыми волосами, такъ и ходилъ, то поднимаясь, то опускаясь; большія красныя руки, съ волосами повыше запястья, судорожно сжимали подушку. Прошло болѣе получаса, а рыданія все не у умолкали, все вздрагивали плечи лежавшаго на диванѣ человѣка, все ходилъ кудрявый затылокъ.

Дверь номера снова отворилась и вошла молодая женщина съ простымъ добрымъ лицомъ, одѣтая въ черное люстриновое платье.

Женщина почти съ ужасомъ поглядѣла на лежащаго ничкомъ человѣка, ласковые каріе глаза ея расширились, блесоватыя рѣдкія брови поднялись.

— Борисъ Петровичъ, что съ вами? — нерѣшительно, робко спросила она.

Человѣкъ, такъ отчаянно рыдающій, дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, замолчалъ, быстро всталъ потомъ и, не глядя на молодую женщину, подошелъ къ окну, налилъ изъ стоящаго тамъ графина воды въ стаканъ, выпилъ и потомъ, намочивъ изъ того-же графина платокъ, утерся имъ, смочилъ голову.

— Что съ вами, голубчикъ Борисъ Петровичъ? — повторила молодая женщина.

Она тихо-тихо подошла поближе къ окну и съ участіемъ, сама готовая заплакать, взглянула на лицо высокаго человѣка, поднявъ свою маленькую гладко причесанную головку.

Она была очень маленькаго роста и походила на дѣвочку, хотя по лицу ей можно было дать лѣтъ двадцать семь-восемь.

— Такъ, Марья Васильевна, нервы,—получила она въ отвѣтъ.

— Вижу, что нервы, голубчикъ, да съ чего это они у васъ?.. Вы не изъ слабенькихъ, вы желѣзный человѣкъ, вы вонъ десять пудовъ подымаете одной рукою,—такъ васъ не скоро проймешь, не скоро нервы ваши распатаешь...

— Избаловался я тутъ у васъ въ городѣ, изнѣжился... Да ужъ и истерзали же меня сегодняшній день, ахъ какъ истерзали!.. Сотню плетей перенесъ-бы я, всякія заушенія и оплеванія перенесъ-бы, а сегодняшняго спектакля не вынесъ! Выше это силъ моихъ, доконали меня сегодня ваши цивилизованные горожане, ваши умники и ученые...

— Да вы гдѣ были-то?—спросила Марья Васильевна, а сама присѣла на кончикъ стула, сложила маленькія бѣлыя ручки на колѣняхъ и съ какой-то восторженной тоскою глядѣла на своего собесѣдника.

— Тутъ... ходилъ... Напайте меня чаемъ, Марья Васильевна, пить хочется...

— Пойдемте, голубчикъ, пойдемте!—встрепенулась молодая женщина.—Или, можетъ, сюда подать самоваръ?

— Нѣтъ, лучше къ вамъ—гадко здѣсь очень, грязно. Вы никого не ждете?

— Нѣтъ, нѣтъ... Да я скажу корридорному, чтобъ онъ не пускалъ никого; я всегда такъ дѣлаю, когда занимаюсь... Пойдемте, голубчикъ.

Эта Марья Васильевна, учительница музыки, недавно кончившая консерваторію въ Парижѣ, занимала въ той-же гостинницѣ номеръ. Туда она и привела своего гостя. Номеръ состоялъ изъ одной большой комнаты, раздѣленной перегородкою, за которой стояла кровать. Въ номерѣ было много цвѣтовъ на окнахъ и по стѣнамъ въ жардиньеркахъ: стѣны были украшены гравюрами и портретами композито-

ровъ разной величины, до аршиннаго портрета Листа въ рамкѣ изъ живыхъ цвѣтовъ. Добрую половину комнаты занималъ рояль со грудой нотъ; свѣжій сентябрьскій воздухъ струями лился въ отворенныя окна; чистота была всюду поразительная и особенно замѣтная послѣ грязнаго, вонючаго корридора.

Марья Васильевна проворно, едва касаясь пола обутыми въ какія-то необыкновенно мягкія туфли ногами, накрыла овальный переддвиганный столикъ бѣлой скатертью, принесла посуду и съ нетерпѣніемъ глядѣла на дверь, ожидая самовара.

Гость ея присѣлъ на окно, неосторожно помявъ широкія листья холеной азалии, и разсѣянно глядѣлъ по стѣнамъ, не замѣчая, кажется, композиторовъ.

Корридорный въ красной рубахѣ, въ жилетѣ, по которому вилась серебряная цѣпочка, напомаженный, но босой, внесъ пахнувшій углями самоваръ и поставилъ на столъ.

— Я вамъ въ чашку налью, Борисъ Петровичъ,—сказала Марья Васильевна,—въ вашу любимую, и безъ сахару.

Гость подошелъ къ столу, захватилъ по дорогѣ стулъ, сѣлъ и молча выпилъ чашку чаю въ прикуску.

— Не сыграть-ли вамъ, Борисъ Петровичъ, вашу любимую пьесу пока вы пьете вторую чашку?—спросила молодая женщина, наливая чай.

Гость не слыхалъ вопроса. Онъ всталъ, снялъ съ себя стариннаго покроя пиджакъ, или „сакъ“, съ пряжкой назади, повѣсилъ его на гвоздикъ около двери и, сдѣлавшись еще худощавѣе и костистѣе въ сѣрой блузѣ и высокихъ, выше колѣнъ, сапогахъ съ заправленными въ нихъ суконными панталонами, медленно прошелся по комнатѣ.

Блѣдное лицо его съ небольшой кудрявой бородкою пыльнаго цвѣта, съ густыми усами было теперь покойно; только на высокомъ выпукломъ лбѣ лежали морщины да большіе сѣрые глаза съ длинными густыми рѣсницами глядѣли сурово, печально и строго.

Пройдясь раза три, онъ остановился передъ Марьей Васильевной, горькая улыбка искривила его красивый ротъ, въ глазахъ сверкнулъ огонекъ, точно фосфоръ въ нихъ отразился.

— Былъ я, Марья Васильевна, — заговорилъ онъ, — въ одномъ тутъ пріютѣ... Въ пріютѣ для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Хорошій пріютъ, прекрасно поставленный и гуманное само по себѣ учрежденіе, но онъ навелъ на меня странныя мысли, Марья Васильевна... Когда я вышелъ изъ пріюта и, по обыкновенію своему, пошелъ бродить по улицамъ, я вотъ что думалъ: не лучше ли, думалъ я, тѣ средства, которыя тратятъ на открытіе и содержаніе такихъ исправительныхъ пріютовъ, потратить на такія учрежденія, которыя вліяли-бы на уменьшеніе числа преступленій?.. Хорошая вещь *исправлять* преступника, но еще лучше, если *предупредить* самое преступленіе... А вѣдь это не трудно, право, не трудно!.. Побольше храмовъ, побольше школъ, мастерскихъ, побольше хорошихъ и дешевыхъ книгъ — и число преступленій будетъ уменьшаться и дойдетъ до ничтожнаго *minimum'a*... Право такъ... Я вотъ много бродилъ тутъ по Москвѣ и видѣлъ, что для простаго сѣраго народа слишкомъ много соблазновъ... Кабаки, трактиры съ музыками, съ пѣвцами и пѣвицами, поющими Богъ вѣсть что, кидающаяся въ глаза роскошь... Это плохая школа для неустановившагося народа, для юношества... И потомъ народу мѣсто въ деревнѣ... И каждый человѣкъ, любящій свою родину, долженъ способствовать, чтобы какъ можно больше свободнаго, празднаго, не имѣющаго дѣла народу шло въ деревню — она будетъ служить ему исправительнымъ пріютомъ, она спасетъ празднаго человѣка отъ преступленія... И я буду способствовать этому всѣми силами моими... О, если-бъ мнѣ найти человѣка вліятельнаго, человѣка со средствами — я сдѣлалъ-бы многое!.. Пожалуй, и не понадобились-бы исправительные пріюты, потому что некого было-бы исправлять!..

Внимательная слушательница этого нервнаго, впечатлительнаго человѣка глядѣла на него во все глаза и старалась не проронить ни слова.

Она недавно узнала его, но уже любила, принадлежала ему и готова была идти за него въ огонь и въ воду.

— Послушайте,—живо заговорила она, только что онъ кончилъ и взволнованный опять началъ ходить по комнатѣ,—послушайте, я знаю человѣка, который очень поможетъ вамъ...

— Да?—оглянулся онъ на нее.

— Да. Человѣкъ этотъ богатый помѣщикъ и чудная личность, это нѣкто Чоглоковъ Сергѣй Петровичъ... Я расскажу вамъ его исторію, исторію его женитьбы, это очень интересная исторія... Чоглоковъ этотъ принимаетъ большое участіе въ музыкальной школѣ, гдѣ я училась сперва, и вообще готовъ на все доброе, на все хорошее... А исторія его женитьбы очень интересна и поучительна...

Пока дѣвушка рассказываетъ своему сосѣду знакомую намъ исторію Сергѣя, мы расскажемъ исторію этого новаго лица нашей повѣсти.

Борисъ Петровичъ Кругликовъ былъ сыномъ очень бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина, владѣющаго небольшою деревенькою и десятию душами крестьянъ. Отецъ, несмотря на свои скудные средства, далъ Борису очень хорошее образованіе и снарядилъ его послѣ гимназіи въ московскій университетъ, гдѣ Борисъ и кончилъ курсъ кандидатомъ правъ. Отецъ его умеръ, когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, и Борисъ, по окончаніи университета, пріѣхалъ лишь поклониться могилѣ отца да ввестись во владѣніе скуднымъ наслѣдствомъ, которое затѣмъ и ушло на покрытіе долговъ и казенныхъ недоимокъ. Покончивъ все эти дѣла съ наслѣдствомъ и кредиторами, Борисъ вернулся въ Москву съ двумястами рублей въ карманѣ и съ ящикомъ любимыхъ отцовскихъ книгъ, которыя уцѣлѣли отъ разгрома.

Надо было искать должности, мѣста, но Борисъ не то-

ропился, а продолжалъ учиться, читать, изучалъ жизнь. Это было хорошее время конца пятидесятихъ годовъ, когда всѣмъ хотѣлось работать, учиться, приносить какъ можно больше жертвъ на алтарь родины и народа.

Кругликовъ былъ страшно впечатлительная и нервная натура. Онъ отдавался дѣлу, которое нравилось ему, всецѣло и болѣлъ чужими болѣзнями, страдалъ чужими страданіями, а родину свою любилъ, какъ мать, какъ невѣсту, какъ любовницу.

Сутолока московской жизни ошеломляла его; дурныя условія, при которыхъ развивался простой народъ, все болѣе и болѣе стекаясь въ Москву изъ деревни, приводили нервного Кругликова въ болѣзненное состояніе, и онъ началъ положительно тосковать по деревнѣ, въ которой видѣлъ не только свое спасеніе, но и спасеніе народа.

Онъ, вѣроятно, кончилъ-бы тѣмъ, что ушелъ-бы учителемъ народной школы, которыя начали открываться тогда, или пошелъ-бы безплодно бродить по необъятной Россіи, какъ безплодно бродили Якушкины, которыхъ тогда народилось очень много; но случай свелъ его съ Сергѣемъ Чоглоковымъ и недюжинныя способности Кругликова, его знанія, умъ, его рвеніе къ труду принесли большую пользу.

Имѣнье Чоглокова, село Чистополье, расположенное въ одной изъ среднихъ губерній Россіи, обратилось въ цвѣтущій благоустроенный уголокъ и стало истинно тѣмъ „дворянскимъ гнѣздомъ“, которыя служатъ разсадникомъ всего хорошаго и которыя такъ желаетъ создать теперешнее время, понявшее, что дворянству предстоитъ блестящая будущность въ улучшеніи народнаго быта.

Это было имѣнье, которое, оставаясь чисто-русскимъ, походило, по благоустройству, по внутреннему строю и наружному виду, на имѣнье англійскаго лорда, а по чистотѣ и порядку—на нѣмецкую ферму.

Хорошо жилось въ этомъ благословенномъ уголкѣ и Сергѣю, и Наташѣ, и Кругликову, и Марьѣ Васильевнѣ, и

всѣмъ. И мы поведемъ теперь читателя въ этотъ благословенный Богомъ уголокъ.

Х.

Кругликову Сергѣй обрадовался, какъ драгоценной находкѣ, и, обладая тѣмъ чутьемъ, которое давало ему возможность очень скоро узнавать людей, сразу опредѣлилъ, что это за человѣкъ, и довѣрился ему вполне, назначивъ его управляющимъ своего главнаго имѣнія, сельца Чистополя, по которому числилось тысяча душъ крестьянъ, пахатной земли, луговъ и лѣсовъ болѣе тысячи десятинъ и неудобной—триста. Имѣніе это давало покойному генералу солидный доходъ, но управитель, взятый уже послѣ смерти генерала, въ короткій срокъ успѣлъ такъ похозяйничать, что доходъ уменьшился на половину, а мужики, посаженные съ оброка на барщину, были разорены.

Сергѣй сейчасъ-же прогналъ управляющаго, мужиковъ ссадилъ на оброкъ и прирѣзалъ имъ земли, а въ управляющіе по хозяйственной части назначилъ простаго мужика изъ своихъ-же крестьянъ, превосходнаго хозяина, умницу и пользующагося большимъ вліяніемъ на мужиковъ. Управитель этотъ остался и при Кругликовѣ, который былъ призванъ улучшить внутренній бытъ крестьянъ, не касаясь сельскаго хозяйства, котораго онъ не зналъ. Впрочемъ, мужикъ-управитель долженъ былъ всѣ свои распоряженія и мѣропріятія приносить на разсмотрѣніе Кругликова.

И Сергѣй, и Кругликовъ, не будучи знатоками сельскаго хозяйства, скоро поняли суть его, а главное—скоро убѣдились, что мужикъ Власъ Пахомовъ—новый управитель Чистополя—человѣкъ съ большимъ смысломъ, знатокъ своего дѣла и очень честенъ, а къ мужикамъ относится „по божески“, слѣдовательно—ему можно было довѣриться и учиться у него премудрости деревенскаго хозяйства, отъ распо-

знанія почвы земли до знанія когда что и какъ сѣять, отъ знанія натуры деревенскаго рабочаго, до превосходнаго чутья, обладая которымъ сельскій хозяинъ знаетъ, что ему полезно и вредно, и что нужно дѣлать въ каждомъ случаѣ сельскаго хозяйства.

Сергѣй съ Кругликовымъ, изучая это, взяли за правило не торопиться и прежде, чѣмъ рѣшиться на какую-нибудь мѣру, всесторонне и тщательно обдумывали данный вопросъ.

Впрочемъ, съ такими вопросами, какъ школа, больница, ссудная касса для крестьянъ, думать было нечего, и эти учрежденія были немедленно-же открыты; оставалось только приучить къ нимъ крестьянъ.

Пользу ссуды мужики поняли очень скоро, и передъ первымъ-же посѣвомъ явилось до двухсотъ заемщиковъ. Кругликовъ выработалъ правила этого маленькаго банка.

Каждый крестьянинъ могъ взять изъ ссуды отъ десяти до двадцати пяти рублей съ поручительствомъ пяти чело-вѣкъ, правоспособныхъ и степенныхъ односельцевъ. Такихъ было болѣе ста, выбранныхъ самимъ Сергѣемъ по рекомендаціи управителя, старосты и „міра“. Ссуда давалась до умолота, но могла быть отсрочена при дурномъ урожаѣ. Три годовыхъ процента за ссуду шли на увеличеніе основнаго капитала.

Мужики поняли пользу ссуды и стали ею пользоваться, не только увеличивая посѣвъ, но приобрѣтая даже земледѣльческія машины въ складчину и ощутительно замѣчая пользу отъ этого.

Но не такъ скоро привилась школа и больница.

Кто знаетъ исторію нашего народнаго образованія, тотъ помнитъ, что школа получила права гражданственности и сдѣлалась въ глазахъ мужика необходимою лишь послѣ введенія всеобщей воинской повинности, которая грамотному давала льготы. До этого времени крестьяне неохотно отдавали дѣтей въ школу, а тѣмъ болѣе до освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости.

— Нашто намъ грамота?—говорили они.—Отцы и дѣды жили безъ грамоты, проживемъ и мы.

Надо было непременно поставить дѣло на реальную почву, и Кругликовъ именно сдѣлалъ такъ: каждый мальчикъ, проучившійся въ чистопольской школѣ три зимы, получалъ изъ господской конторы двадцать пять рублей и навсегда избавлялся отъ тѣлеснаго наказанія. Это послѣднее вообще было изгнано изъ употребленія въ Чистопольѣ, но все-же привилегія эта льстила мужикамъ, какъ и денежное вспомоствованіе, и мальчиковъ въ школу набралось ко дню ея открытія до ста человѣкъ, тѣмъ болѣе, что мальчики эти не отрывались отъ дѣла и посѣщали школу лишь въ свободное отъ работъ время. Поставлена школа была такъ, что пришедшія въ нее дѣти соблазнили оставшихся дома, и къ концу первой зимы въ школѣ насчитывали до двухсотъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Надо было привлекать народъ и въ больницу.

Это учрежденіе было сперва встрѣчено еще враждебнѣе школы. Заболѣвающіе предпочитали лежать въ душной и тѣсной избѣ, лѣчились они у знахарки, но не шли въ больницу и смѣялись надъ докторами и акушеркою.

Здѣсь помогли дѣлу дворовые, привезенные изъ Москвы.

Это былъ народъ столичный, „полированный“; его уже цивилизація коснулась очень значительно, и онъ больницу понималъ и цѣнилъ. Заболѣлъ одинъ дворовый и былъ вылѣченъ въ больницу; заболѣлъ другой и тоже скоро поправился; третій, объѣзжая лошадь, переломилъ ногу и въ то время, какъ съ такимъ-же переломомъ мужикъ на деревнѣ остался безъ ноги, дворовый черезъ три мѣсяца свободно ходилъ и даже не хромалъ. Это мужиковъ примирило съ больницею, тѣмъ болѣе, что дворовые, имѣя на деревнѣ родню, очень рекламировали больницу.

Стала посѣщаться и больница, а докторъ, молодой человѣкъ изъ университета, скоро сдѣлался истиннымъ другомъ мужиковъ.

Закипѣла дѣятельная, полная значенія и смысла, полная хорошаго счастья жизнь.

Какъ Сергѣй и Наташа, такъ и ихъ ближайшіе помощники—Кругликовъ и Марья Васильевна, на которой онъ женился, не отказывали себѣ въ удовольствіяхъ, не сдѣлались анахоретами и отшельниками, совсѣмъ нѣтъ. Они часто принимали гостей, часто ѣздили сами въ гости, охотились, ловили рыбу, ѣздили на пикники съ сосѣдями, а Наташа отдалась своей страсти къ лошадамъ и сдѣлалась наѣздницею хоть куда, какъ Марья Васильевна—музыкантшею; но дѣло въ томъ, что удовольствія эти равномерно чередовались съ трудомъ, трудомъ осмысленнымъ, плодотворнымъ. Не говоря уже о чтеніи, которому въ Чистопольѣ было отведено очень много времени,—Сергѣй, Кругликовъ, Наташа и Марья Васильевна часто работали до пота лица.

У Сергѣя и Кругликова всегда было множество дѣла съ большимъ сельскимъ хозяйствомъ, которое лѣтомъ отнимаетъ весь день, и съ управленіемъ тысячею душъ крестьянъ, а Наташа и Марья Васильевна, никогда не покладая рукъ, работали по хозяйству домашнему, которое получило для обѣихъ женщинъ большой смыслъ, когда онѣ узнали, что усталому, измученному мужу хорошо и весело, и пріятно найти дома комфортъ, миръ, покой, отдохнуть душою въ своемъ гнѣздѣ. При этомъ обѣ женщины сдѣлались матерями и обязанности матерей дали имъ еще новыя и новыя наслажденія, а съ любовью къ своимъ дѣтямъ у нихъ выросла и развилась любовь къ дѣтямъ вообще. Матери-крестьянки встрѣтили въ нихъ друзей, помощницъ и наставницъ.

Деревня-же и семейная жизнь вызвали въ Сергѣѣ и Наташѣ любовь къ церкви. Сергѣй былъ всегда религіознымъ человекомъ, но, какъ это часто бываетъ, „носилъ церковь въ сердцѣ“. Эта фраза сдѣлалась даже модною для всѣхъ лѣнчивыхъ и апатичныхъ къ дѣлу церкви людей. По этому поводу рассказываютъ даже анекдотъ, относящійся какъ-разъ къ тому времени.

Одного франта извѣстный въ то время архипастырѣ упрекнулъ на бальномъ обѣдѣ за рѣдкое посѣщеніе храма.

— Въ церковь надо ходить, — говорилъ архипастырѣ: — она соединяетъ вѣрующихъ въ одну великую семью, она учитъ любить и терпѣть, и всѣ народы, всѣ общества имѣють нужду въ церкви...

— У меня, владыко, церковь въ сердцѣ, — отвѣтилъ франтъ съ усмѣшкою.

— Да? А колокольня, вѣроятно, въ головѣ?

Сконфуженный франтъ удалился при громкомъ хохотѣ присутствующихъ. Сергѣй будучи религіознымъ, рѣдко посѣщалъ церковь, живя въ городѣ, но деревня научила его любить церковь.

Надо побывать въ деревенскомъ храмѣ, чтобы видѣть, съ какою великою надеждою молится народъ, и эта молитва располагаетъ къ молитвѣ, хочется вѣрить самому, хочется, чтобы этотъ народъ еще болѣе молился и вѣрилъ, и любилъ свою мать-церковь, которая въ деревнѣ такъ дорога, такъ мила сердцу... Тутъ мужикъ крестился, тутъ вѣнчали его, тутъ крестить онъ свое дитя, тутъ отпѣвали его отца, дѣда и подъ сѣнью этой церкви лежатъ дѣти, отецъ и дѣдъ, ляжетъ и онъ самъ...

Сергѣй обновилъ церковь села Чистополя, улучшилъ положеніе причта, а большая музыкантша Марья Васильевна сформировала превосходный хоръ изъ учениковъ школы и любителей.

И зацвѣло село Чистополе. Наступилъ 1860 годъ.

Сергѣй только-что вернулся изъ губернскаго города, гдѣ онъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, только что окончивъ труды по комиссіи, назначенной для обсужденія крестьянскаго вопроса.

Пополнѣвшая, но нисколько не подурнѣвшая Наташа, мать двоихъ дѣтей, превосходная хозяйка и полная „барыня“, встрѣтила его въ залѣ, боясь по случаю наступившихъ холодовъ выходить на улицу.

— Здоровъ?—спросила она, цѣлуя мужа въ голову и заглядывая ему въ мужественное, обросшее бородою лицо.

— Ужасно!.. Вотъ ты увидишь, какъ я буду сейчасъ обѣдать, и не станешь спрашивать о моемъ здоровьи... Ты какъ?

— Я тоже здорова, но двѣ ночи не спала: у Пети кашель сдѣлался, и я страшно перетревожилась, но теперь, слава Богу прошло... Вѣрочка тоже здорова и сегодня превосходно выговорила „мама“, можешь спросить у няни.

— Вѣрю и тебѣ... Кругликовъ какъ?

— Ахъ, онъ совсѣмъ захлопотался!.. Онъ теперь внушаетъ дворовымъ, что имъ надо сдѣлаться хлѣбопашцами, и бьется съ ними!.. Всѣ эти камердинеры тамап, всѣ эти величественные выездные лакеи, фореиторы, буфетчики— всѣ они считаютъ мужицкій трудъ унижительнымъ и предпочитаютъ идти на оброкъ въ городъ и снова служить лакеями, буфетчиками и фореиторами, а Борисъ Петровичъ бьется имъ доказать, что на землѣ лучше, честнѣе, прибыльнѣе... Двоихъ уговорилъ: выездной покойницы тамап, Гаврила, и буфетчикъ Яковъ согласились и имъ нарѣзываютъ надѣлы, выдаютъ изъ конторы ссуду...

Надо замѣтить здѣсь, что генеральша скончалась годъ тому назадъ.

— За ними и другіе пойдутъ,—усмѣхнулся Сергѣй.— Но я хочу обѣдать, Наташа... Готово?

— Давно, милый, я вѣдь знала, что ты будешь въ эти часы.

— Отлично! Пошли звать Кругликова и Марью Васильевну, я хочу ихъ видѣть и приму отъ Кругликова отчеты за обѣдомъ...

— Сейчасъ пошлю и прикажу подавать, а ты пока можешь сходить въ пріемную: тамъ ждутъ тебя мужики съ самаго утра.

— Наши?

— Нѣтъ, Свеколинскіе.

— А!..

Сергѣй быстро прошелъ въ пріемную мимо ожидающаго его камердинера, явившагося переодѣтъ барина.

Свеколинскіе мужики были сосѣдями Чистополя и отличались буйствомъ, дурнымъ поведеніемъ и вопіющей бѣдностью. Они пришли къ Сергѣю, какъ къ новому предводителю, съ жалобою на барыню.

Человѣкъ двадцать было мужиковъ въ обширной пріемной Чоглоковского дома, приспособленной для пріема такихъ просителей.

При входѣ Сергѣя, мужики поднялись съ лавокъ и поклонились. Двое изъ нихъ, рыжій мужикъ очень туповатаго вида и старикъ съ умнымъ дерзкимъ лицомъ, отдѣлились нѣсколько впередъ. Три мужика, особенно ободренные и забитаго вида, встали на колѣни.

— Здорово, мужички! — поздоровался Сергѣй тѣмъ молодцоватымъ привѣтствіемъ, которымъ бывало здоровался онъ съ солдатами и которое любо простому народу.

— Здравствуй, Сергѣй Петровичъ!.. Здрасте, ваше приисходительство!.. Здорово, батюшка-баринъ! — не дружно, но громко отвѣтили мужики.

— Что вамъ надо, братцы?.. Кто тамъ на колѣняхъ стоитъ? Встать!.. Что надо, братцы?

— Къ твоей милости, — за всѣхъ отвѣчалъ старикъ.

— Ну?

— На помѣщицу тебѣ отъ насъ жалоба...

— Вовсе забижаетъ, — вставилъ рыжій.

— Въ чемъ-же дѣло?

Старикъ, постоянно прерываемый рыжимъ, сильнымъ обвинителемъ барыни, началъ разсказъ о томъ, что у нихъ отняли выгонъ, загородили дорогу по барской землѣ и имъ приходится дѣлать верстъ пять крюку, ловятъ за каждый сучокъ, взятый въ лѣсу, и возятъ за этотъ сучокъ къ становому. Сергѣй зналъ, что барыня эта была женщина недалекая, но добрая, слабая, и что мужики, отчаянные пьяницы и буяны, вывели ее изъ терпѣнія.

Но онъ выслушалъ терпѣливо все и заговорилъ лишь послѣ длинной рѣчи старика и рыжаго.

— Выгонъ, ребята, не вашъ, и владѣлица во всякое время имѣетъ право отнять его,—заговорилъ онъ.—Ей принадлежитъ и дорога, и лѣсъ. Пока вы были хороши—вы пользовались выгономъ, ѣздили по барской землѣ и изъ лѣсу ея не только брали сучья, а круглую зиму возили и дрова; но вы стали грубить, стали пить—и васъ лишили льготъ, что сдѣлалъ-бы и я, и всякій. Вы виноваты кругомъ, и я для васъ ничего не сдѣлаю, я...

— Што-жъ, мы и выше управу найдемъ!—перебилъ рыжій, выставляя ногу впередъ и — мотнувъ головою.—Мы, стало-быть...

— Молчать!—крикнулъ Сергѣй, и молодой звучный голосъ его раскатился по комнатамъ.—Я къ тебѣ пришелъ, или ты ко мнѣ? Я надъ тобою поставленъ, или ты будешь учить меня?..

Онъ обратился къ мужикамъ.

— Зачѣмъ вы берете съ собою такихъ дураковъ, которые не знаютъ, какъ надо говорить и какъ держать себя? Развѣ на міру у васъ мало умныхъ?.. Уведите его, или я не буду говорить съ вами!.. Эй, ты,—какъ тебя?—вонъ!..

— Пошелъ, Игнатій, пошелъ!—загудѣли мужики.—Вотъ несуразный лѣшій, обломъ!..

Рыжаго точно языкомъ слизнули.

— Вотъ что, ребята,—продолжалъ Сергѣй,—пока вы всѣмъ обществомъ вашимъ не напишете мнѣ приговора, что вы бросаете пить,—я не буду васъ слушать и не велю пускаться; но если вы напишете приговоръ—я даю вамъ слово, что барыня ваша отдастъ вамъ выгонъ, разгородитъ дорогу, а на дрова я отдамъ вамъ свои поросли по Гремучему оврагу въ вѣчное пользованіе и безплатно... Поняли?

— Поняли, Сергѣй Петровичъ, поняли... Благодаримъ!.. Будь отцомъ, заставь вѣчно Бога молить!..

— Давайте приговоръ, и я все сдѣлаю, а пока прощайте...

— Отецъ, кормилецъ!—выступили тѣ двое, которые стояли на колѣняхъ.—Дай дровишекъ, топить нечѣмъ, ребята съ холоду поколѣютъ!..

— Давайте приговоръ, что бросаете пить...

— Да мы, кормилецъ, непьющіе, мы изъ-за міра терпимъ...

Сергѣй позвонилъ.

— Старосту!—отрывисто приказалъ онъ лакею.

Староста Сергѣя зналъ не только всѣхъ своихъ мужиковъ, но наперечетъ зналъ всю округу и съ сотнями семей былъ то въ сватовствѣ, то въ кумовствѣ, но отличался замѣчательнымъ безпристрастіемъ.

Онъ явился и подтвердилъ слова мужиковъ.

— Ну, если такъ, отпустить имъ изъ заготовки по двѣ сажени дровъ... Ступайте. Я напишу вашей барынѣ, чтобъ она отличила васъ отъ прочихъ...

— Міръ-то насъ тагды заѣстъ, батюшка!—несмѣло сказалъ одинъ, робко оглядываясь на мужиковъ.

— Что?—нахмурился Сергѣй.—Это вздоръ!.. На Руси нельзя одному человѣку другаго заѣсть и обидѣть! У насъ есть законъ, а по этому закону я имѣю власть и въ обиду васъ никому не дамъ и обидчика больно и крѣпко обложу самъ!.. Съ Богомъ!..

Сергѣй круто повернулся и вышелъ.

Черезъ два дня мужики принесли ему подписанный всѣмъ обществомъ приговоръ о томъ, что мужики сельца Свекольнаго, Егорьевска тожъ, пить не будутъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Такъ жилъ теперь Сергѣй Чоглоковъ съ семьею и съ народомъ...

XI.

Скосыревъ, женившись на Варенькѣ, тоже вышелъ въ отставку и переѣхалъ жить въ имѣніе, доставшееся ему отъ тетки тоже, и занялся хозяйствомъ, но не ладилось оно у

лихаго штабсъ-ротмистра. Очень ужъ круто повернулъ онъ и на все взглянулъ съ точки зрѣнія эскадроннаго командира, забывая, что имѣеть дѣло не съ лихими уланами, хорошо знающими дисциплину и обожающими своего „отца-командира“, а съ мужикомъ, достаточно „упористымъ“, достаточно недовѣрчивымъ и привыкшимъ къ инымъ порядкамъ.

Не зная Скосыревъ и того, что нужно сперва хорошо узнать дѣло, а потомъ уже вставать во главѣ его.

Онъ видѣлъ у сосѣда помѣщика превосходный клеверъ и желалъ имѣть такой-же у себя.

Управляющій—мужикъ, человѣкъ очень не глупый, отличный хозяинъ, „съ хитротцой“, какъ почти каждый мужикъ средней полосы Россіи, отличпо-бы могъ объяснить другому человѣку, что клеверъ „по щучьему велѣнью“ не вырастетъ, что для этого надо и землю приготовить, и сѣмена достать хорошія и работниковъ къ этому новому растенію приурочить; но передъ горячимъ баринномъ онъ робѣлъ, ушелъ въ самого себя и вмѣсто толковаго отвѣта мямлилъ, говорилъ какую-то ерунду, умышленно стараясь затемнить смыслъ отвѣта.

— Это што-жъ, это точно что,—говорить онъ, смотря въ сторону. — Оно конечно, а только гдѣ-жъ теперича... Теперича надо взять въ рашшетъ, што овесъ теперича сѣютъ...

— Да ты что толкуешь-то мнѣ?—уже раздражался, спрашивалъ помѣщикъ-уланъ. — Въ чемъ дѣло-то?.. Я говорю, чтобъ у меня былъ клеверъ, какъ у Шаховскаго, и чтобъ онъ былъ, а больше я ничего знать не хочу!..

— Это точно што, а только оно невозможно...

— Почему?..

— Да оно...

— Почему?—уже закипая и возвышая голосъ, перебивалъ Скосыревъ. — У одного можно, а у другаго нельзя? Что-же это такое? Италія у Шаховскаго-то, что-ли? Особный климатъ и почва въ десяти верстахъ отъ меня?

— Это точно што...

— Да что ты болтаешь тамъ, чортъ тебя возьми?... Знать я ничего не хочу, а чтобъ клеверъ у меня былъ!.. Ты у меня смотри, ты не забывай, что я — Скосыревъ!.. Рруки по швамъ!.. Какъ ты стоишь? Передъ кѣмъ ты?..

Голосъ Скосырева гремѣлъ по всеѣмъ комнатамъ, точно онъ производилъ эскадронное ученье.

Прибѣгала Варенька и уводила мужа. готового разойтись „во всю“.

Онъ не былъ золъ; напротивъ. трудно было найти чело-вѣка добрѣе, щедрѣе, но за-то трудно было найти чело-вѣка и болѣе взбалмошнаго. Онъ, устраивая какое-нибудь домаш-нее торжество, дѣлалъ мужикамъ обѣдъ, поилъ ихъ водкою, отрывая отъ работы въ самое горячее время, снисходительно смотрѣлъ на то, какъ потомъ мужики опохмѣлялись дня два, и вдругъ съ ужасомъ видѣлъ, что сѣно не убрано, прѣтеъ подъ дождемъ. что это грозитъ безкормицей. Онъ садился на коня, леталъ по полю, скакалъ въ деревню, кричалъ до хрипоты, командовалъ, но — увь!—это было не съ уланами, и команды слушались плохо, а сѣнокосъ пропадалъ.

Какъ разъ къ этому времени неподалеку отъ Скосырева поселился новый помѣщикъ изъ купцовъ, Даенинъ нѣкто, купившій два имѣнiя и на славу занявшійся хозяйствомъ. Про этого Даенина заговорили по округѣ, какъ про образцо-ваго хозяина, и Скосыревъ рѣшилъ поѣхать къ нему п у него поучиться. Рѣшилъ и въ одинъ день собрался. Варень-ка охотно отпустила его, видя, что такъ дѣло вести невоз-можно, и начиная сильно скучать отъ такой жизни. Отпу-стивъ мужа къ образцовому хозяину, сама она поѣхала къ Чоглоковымъ, куда давно звали ее и куда ей давно хотѣ-лось съѣздить.

Былъ чудный лѣтнiй день.

Большое имѣнiе „Золотоноша“, принадлежавшее когда-то

помѣщику Урбанцеву, а нынѣ—купцу первой гильдіи Даенину, кипѣло дѣятельностью.

За большимъ садомъ дымили трубы недавно построеннаго сахарнаго завода, гремѣли топоры плотниковъ, возводившихъ новыя постройки, по всемъ направленіямъ тянулись телѣги, запряженныя рослыми сильными лошадьми и нагруженныя хлѣбомъ, всюду суетливо бѣгаль рабочій народъ, а въ громадномъ тѣнистомъ саду сотни бабъ чистили дорожки.

Въ саду этомъ, неподалеку отъ барскаго дома, служившаго теперь жилищемъ купца Даенина, сидѣлъ приказчикъ Даенина, Безмѣновъ, и разговаривалъ съ подрядчикомъ, которому было поручено „свести“ громадный тѣнистый паркъ, расположенный сейчасъ-же за садомъ.

Вѣковой паркъ этотъ, словно чуя скорую гибель свою, уныло шумѣлъ и качалъ вершинами мачтовыхъ сосенъ, уходившихъ въ небо своими кудреватыми головами.

Старый садовникъ Карпъ, служившій еще отцу Урбанцева, пересаживалъ цвѣты и неодобрительно поглядывалъ на Безмѣнова, прислушивался къ его словамъ и изрѣдка вздыхалъ.

Чистившія садъ бабы звонко пѣли какую-то безконечную пѣсню.

— Эй, вы, бабы, чего вы тутъ разорались-то? — грозно закричалъ на бабъ Безмѣновъ. — У хозяина, можетъ быть, гости сидятъ, либо спать онъ легъ, а вы глотки дерете!.. Замолчать сей-же моментъ, а не-то велю турнуть!.. Ишь пѣвицы выискались!..

Бабы сію-же минуту притихли.

— Такъ ты, Василій Тихонычъ, ужъ того, повремени денька два-три, — снова заговорилъ Безмѣновъ подрядчику, — потому Лавръ Егорычъ новоселье справляетъ, гости къ нему изъ города понаѣдутъ, ну, и захотятъ въ паркѣ-то погулять, а потомъ, денька, стало бытъ. черезъ три, и будешь рубить...

— Такъ-съ... Это все единственно, можно и повременить, потому задержки не будетъ, дня въ два паркъ на-чистоту сведемъ,—сказалъ подрядчикъ.—А и паркъ-же!

— Хорошъ?

— На что лучше... Ишь дерева-то какія, страхъ!.. Шанка валится... Оно и жалконько такой, напрымъръ, паркъ сводить...

— Толкуй! — съ нѣкоторымъ даже презрѣніемъ произнесъ Безмѣновъ. — Онъ вотъ стоитъ тутъ безъ толку, а за каждое дерево, потому какъ оно мачтовое, по четвертному билету даютъ. Ты и разочти, сколько мы съ энтаго парка въ кассу-то положимъ, а вѣдь у насъ деньги-то даромъ не лежать, рубль-то къ себѣ другой рубль приманиваетъ...

— Это точно-что...

— То-то и есть... опять-же мѣсто это намъ нужно, мы тутъ патонный заводъ ставимъ, а этимъ вотъ мѣстомъ „вѣтку“ къ желѣзной дорогѣ поведемъ... Ужъ самъ у насъ башковать, а сынокъ его, Давръ Егорычъ, такъ это такая голова, такая голова!..

— Дѣловить?

— Орель!

Карпъ внимательно слушалъ Безмѣнова, усмѣхнулся и произнесъ:

— Не коршунъ-ли?

— Что говоришь? — спросилъ Безмѣновъ.

— Хозяина своо орломъ зовешь, такъ не ошибся-ли, молъ: не коршунъ-ли складнѣе назвать его?..

— Почему-же такое?

— У орла полетъ не тотъ и ухватка не та... Не видалъ ты, стало-быть, орловъ, коли его орломъ называешь... Орлы тутъ допрежъ того гнѣзда вили, а теперь коршуны налетѣли...

— Такъ, такъ... турнулъ-бы я тебя, чтобы ты въ чужую рѣчь не лѣзъ, съ тѣмъ, кто повыше тебя, не разго-

варивалъ, да счастье твое, что человекъ-то ты старенькій... Ну, такъ до увиданья, Василь Тихонычъ,—обратился Безмѣновъ къ подрядчику.—Пойду пока въ оранжерею взгляну, рамы тамъ чинятъ, а ты пройдишь паркомъ-то, сообрази, сколько народу надо, чтобы въ два дня свести... До увиданья пока, Василь Тихонычъ...—Это что еще за гулянья тутъ проявились?—проговорилъ Безмѣновъ и оглянулся въ паркъ.

Изъ аллеи парка вышли два человека. Одинъ былъ пожилой уже человекъ, одѣтый въ свѣтлую лѣтнюю пару, въ „панамѣ“ на головѣ, элегантный, изящный, чуть-чуть усталый, какъ будто и грустный. Другой былъ въ русской вышитой рубахѣ, въ высокихъ сапогахъ и въ картузѣ. Это были прежній владѣлецъ „Золотоноши“ Урбанцевъ, живущій неподалеку въ маленькомъ имѣньицѣ своемъ, а другой—учитель недавно открывшагося при селѣ училища, Профундовъ.

Оба они прошли аллеей, встрѣтились на поворотѣ и сѣли на скамью, поглядѣвъ другъ на друга.

— Кто это такой, который сѣдой-то?—спросилъ подрядчикъ у Карпа.

— Это?.. Это Урбанцевъ, господинъ... Вотъ домъ этотъ, паркъ этотъ, лѣса кругомъ, поля, воды — все его было... Доколѣ глазъ съ холма вонъ съ того видить—все его было, а теперь... теперь въ его гнѣздѣ коршуны дѣтей своихъ вывели... — Карпъ поклонился Урбанцеву и ушелъ. Ушелъ и подрядчикъ.

Урбанцевъ досталъ бинокль и долго долго любовался въ него чуднымъ видомъ, который открывался съ этого мѣста парка. Профундовъ разглядывалъ въ это время Урбанцева такъ пристально, что тотъ обратилъ на него вниманіе и спросилъ:

— Что это вы такъ пристально разглядываете меня?

— Удивляюсь...

— Чему?

— Словно вы „тѣнь прошлаго“ — явились въ этихъ на-
лестинахъ, невѣдомо откуда, бродите тутъ и все пригляды-
ваете... И сходство у васъ съ почившими обитателями
сего гнѣзда имѣется. Ужъ „не отпрыскъ-ли“ вы знамени-
таго рода Урбанцевыхъ?

— Отпрыскъ...

— Право?... То-то вижу я эдакое въ васъ что-то...
Сперва полагалъ, не нѣмецъ-ли на заводъ прибылъ, да ви-
жу, что не то... У нѣмца непремѣнно сигара зловонная,
лицо нѣмецкое и въ глазахъ желаніе что-нибудь слопать...

— Ну, а у меня? — засмѣялся Урбанцевъ.

— У васъ не то... Вы точно стихи декламируете, та-
кой у васъ видъ возвышенный...

— Вы съ претензіей на наблюдательность... Позвольте
и мнѣ вывести заключеніе объ васъ...

— Сдѣлайте милость, — поклонился учитель.

— Вы — или земскій врачъ, или учитель, вѣрнѣе — учи-
тель...

Профундовъ, въ свою очередь, засмѣялся.

— Угадали!.. Учитель тутошней школы, Профундовъ
Веніаминъ...

— Аркадій Павловичъ Урбанцевъ.

— Дестно-съ... Палаты сіи, угодыя и всякія пустоши не
ваши ужъ, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Значить, въ гостяхъ у господина Даснина?

— Нѣтъ-съ... У меня тутъ верстахъ въ пяти деревенька
имѣется, селцо Ключково, такъ я оттуда прогуляться сюда
пришелъ...

— Такъ-съ... Не желаете-ли папирочку? Одолжайтесь. —
Профундовъ подаль портъ-сигаръ.

— Благодарю, я сигару закурю, — сказалъ Урбанцевъ
и закурилъ сигару.

— Благовонная сигарочка... Гаванская чай? — спросилъ
Профундовъ, понюхивая дымъ.

— Гаванская. Не угодно-ли?

— Нѣтъ-съ, благодарю,—поклонился учитель.— Не по карману мнѣ такія, такъ зачѣмъ-же и привыкать? Жалованье у насъ маленькое...

— Почему-же не поищите другаго мѣста съ хорошимъ окладомъ?—спросилъ Урбанцевъ.

— Да желаю что-нибудь сдѣлать для мужика этого самаго, къ которому купецъ Даенинъ пришелъ на мѣсто ба-рина...

— Вѣдь сынъ Даенина, кажется, образованный?—спросилъ Урбанцевъ.

— Образованный-съ.

— Въ чемъ-же выразилась его дѣятельность?

— Онъ только вчера прибылъ сюда и еще не успѣлъ ничѣмъ заявить себя, а говорятъ, дѣтина съ башкой, геній въ нѣкоторомъ родѣ, хотя папаша у него самый чистокровный типъ „торжествующей свиньи“, а мамаша индѣйка...

— Хорошій приплодъ долженъ ожидаться отъ такой парочки! — засмѣялся Урбанцевъ.

— Анъ вотъ хорошій вышелъ... Похвалы-то молодому Даенину слышалъ я изъ устъ дѣвицы одной, а дѣвица особа весьма хорошая...

— Кто такая?

— Лапшева Ольга Павловна.

— Лапшева?... Ольга Лапшева?... Дочь Павла Петровича Лапшева? — съ удивленіемъ спросилъ Урбанцевъ и даже привсталъ.

— Его самаго... Тоже теперь у Даенина служить „смотрителемъ щекатурки“.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, господинъ Профундовъ, — онъ что тутъ такое, старикъ Лапшевъ?

— Право, что-то вродѣ смотрителя дома, если не дворецкаго... Взяли-то его управляющимъ, да какой-же онъ управляющій, если свое громадное имѣніе спустил? Вѣдь его имѣніе тутъ-же было, Лаболодье, десятинъ тысячи двѣ

было, тысяча почти душъ, домище громадный — и все это фить, съ молоточка пошло, тоже Даенинъ нашъ купилъ... Ну, и взялъ старика въ управители, а всего вѣроятнѣе — съ умысломъ: потому очень онъ къ Ольгѣ-то Павловнѣ неравнодушенъ... Барышня, дѣйствительно, красоты помрачительной...

— Хороша?

— Весьма-съ... Очень ужъ благородства въ ней много, граціи какой-то особенной...

— Ей теперь должно быть лѣтъ уже двадцать пять... Да... ровно десять лѣтъ я не видалъ ея, а тогда ей было пятнадцать... Была чудо, чудо — какъ хороша, — задумчиво говорилъ Урбанцевъ. — Вы знакомы съ нею?

— Имѣю честь-съ... Впрочемъ, теперь она усиленно занята съ Даенинымъ и мною не занимается.

— Ну, а что такое Даенинъ этотъ вашъ? — заинтересовываясь уже, спросилъ Урбанцевъ.

— Онъ-то?.. А это-съ... Да вотъ онъ самъ сюда жалуетъ... Ишь ты, точно плантаторъ!..

Со стороны дома къ парку быстро шелъ молодой человекъ высокаго роста въ бѣлой коломенковой парѣ и въ высокихъ лаковыхъ сапогахъ. Широкополая поярковая шляпа была надѣта у него на затылкѣ и открывала энергичное, красивое и немного наглое лицо. За нимъ сѣменилъ ножками Безмѣновъ, что-то докладывая на ходу...

Даенинъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли Урбанцевъ и учитель, нѣсколько замедлилъ шаги и прищурился на сидѣвшихъ, видимо, ожидая поклона.

Профундовъ и поклонился ему, но Урбанцевъ глядѣлъ въ сторону, словно не замѣчая подходящаго.

— Ба, да это Аркадій Павловичъ! — воскликнулъ Даенинъ и повернулъ въ сторону Урбанцева. — Мое почтеніе, Аркадій Павловичъ, какъ ваше здоровье?..

Урбанцевъ приподнял шляпу и подаль „плантатору“ руку.

— Благодарю, живу понемногу... Вы какъ?

— Ахъ, Аркадій Павловичъ, хлопотъ полночь ротъ!.. Встаю въ семь, въ шесть часовъ и все на ногахъ, все за дѣломъ...

Даенинъ присѣлъ на скамью, покосившись на Профундова.

— Присяду съ вами на минутку... Безмѣновъ, ты ступай пока на стройку, я приду сейчасъ...

— Слушаю-съ,—почтительно поклонился Безмѣновъ и убѣжалъ.

Даенинъ закурилъ сигару, отъ дыма которой Урбанцевъ поморщился и даже отвернулся немного.

— Какъ это вы забрели сюда, Аркадій Павловичъ?—спросилъ Даенинъ.

— Да такъ себѣ, гуляю... Скоро за границу ѣду, такъ вотъ хочу поглядѣть на эти мѣста... Быть можетъ, не придется и увидеть...

— Такъ-съ... Это вѣдь „лины, подъ которыми протекло ваше дѣтство“... Господинъ учитель, изъ какого это поэта или прозання?.. Кто это говоритъ про лины, подъ которыми протекло дѣтство?

— Не знаю-съ,—угрюмо отвѣтилъ учитель.

— Кто-то, помнится, воспѣваетъ... Вотъ у меня, Аркадій Павловичъ, нѣтъ нигдѣ липъ, подъ которыми мое дѣтство протекло, поэтому я довольно равнодушенъ ко всякимъ лицамъ и прочимъ „древамъ“... У васъ господинъ Профундовъ, тоже, вѣроятно, нѣтъ?

— У меня за-то есть березы, розгами съ которыхъ меня драли-съ...

— Да?.. Ха, ха, ха!.. Ну, это воспоминаніе не розовое... Да...

Даенинъ выпустилъ струйку дыма и поглядѣлъ на паркъ.

— До такой степени равнодушенъ я къ „древамъ“ этимъ,—заговорилъ онъ,—что паркъ этотъ свожу. Завтра, послѣ завтра его рубить начнутъ...

— Этотъ паркъ?—даже слегка вздрогнувъ, спросилъ Урбанцевъ.

— Да-съ.

— Но вѣдь это-же варварство, господинъ Даенинъ!.. Вѣдь этотъ паркъ вѣками растили, вѣдь онъ краса всей мѣстности.

— *Пушай-съ*, — особенно вульгарно произнесъ Даенинъ. — Мы люди коммерческіе, намъ не красы природы нужны, а деньги-съ... Мнѣ за этотъ паркъ-то даютъ около ста тысячъ, а это вѣдь капиталъ! Сто-то тысячъ мнѣ въ годъ „казенныхъ“ шесть тысячъ дадутъ...

— Да, но вѣдь это испортитъ всю мѣстность, повліяетъ на климатъ даже...

— Пушай-съ!

— Какъ „пушай“?!.. Но вѣдь тутъ и послѣ васъ будутъ люди жить...

— Такъ что-же-съ?.. „Après nous le deluge!“...

Господинъ Даенинъ произносилъ по-французски чисто и правильно.

— Да,—задумчиво произнесъ Урбанцевъ,—если такъ...

— Непремѣнно-съ, мы тѣмъ и сильны, что беремъ отъ жизни все, не заботясь о грядущихъ поколѣніяхъ... А, впрочемъ, не совсѣмъ ужъ и мы эгоисты: вотъ попечителемъ школы состою, деньги на нее жертвую и слѣжу за успѣхами...

Даенинъ обратился къ учителю.

— Все собираюсь вотъ поглядѣть и тово-съ...

Онъ принялъ дѣловой и начальственный тонъ.

— И немного васъ пожурить...

— За что?—спросилъ Профундовъ.

— Не такъ дѣло ведете, какъ надо...

— То-есть-съ?

— Вы какихъ-то профессоровъ готовите, сочиненія у васъ мальчишки пишутъ и все такое... Мы желаемъ не того-съ...

— Кого прикажете подразумѣвать подъ „мы“?—немного задорно спросилъ учитель.

— Мы, новые владѣльцы вообще, а я въ частности.

— Чего-же желаете вы?

— А мы желаемъ, чтобы мужикъ умѣлъ работать, могъ-бы изъ школы прямо поступать на заводъ, на фабрику.

— Я готовлю не заводскихъ рабочихъ, а *человѣка* вообще... Я учу его грамотѣ, закону Божию, учу, чтобы онъ былъ гражданиномъ своей земли, русскимъ, чтобы онъ зналъ Бога, любилъ родину и Царя... Вотъ для чего я и стараюсь развить его, вотъ для чего знакомлю съ исторіей, съ родиною...

— Ну, знаете, напрасно вы ужъ очень-то... Знаніе исторіи всегда ведетъ къ исторіямъ!.. Ха, ха, ха... Недурной каламбуръ, Аркадій Павловичъ?

— Я полагаю,—заговорилъ учитель, но Даенинъ перебилъ его:

— Ну, вы изволите такъ полагать, а я иначе, такъ пусть ужъ будетъ такъ, какъ полагаю я... Я былъ въ Англіи и тамъ...

— Я не англійскій учитель, а русскій,—въ свою очередь, перебилъ Профундовъ,—и ученики мои тоже русскіе, слѣдовательно, мы съ вами не сойдемся.

Учитель всталъ и отошелъ.

Даенинъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, криво усмѣхнулся и обратился къ Урбанцеву:

— Если вы думаете погулять здѣсь часика два, то покорѣйше прошу васъ потомъ ко мнѣ.

— Благодарю, я думаю сейчасъ идти домой,—поклонился Урбанцевъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте пожать вашу руку и откланяться.

Даенинъ всталъ, раскланялся и быстро пошелъ.

Когда Даенинъ удалился, учитель снова подошелъ къ Урбанцеву и сталъ съ нимъ рядомъ. Учитель былъ угрюмъ и озлобленъ.

— Видѣли, каковъ гусь?—спросилъ онъ у Урбанцева.

— Да, гусь хорошій,—усмѣхнулся тотъ.

— Ну, вотъ-съ... Откажусь отъ мѣста. ну его къ черту!.. Изволь ему работниковъ на заводъ готовить... Да, какъ-бы не такъ!..

Учитель сорвалъ вѣтку акаціи, изломалъ ее на мельчайшіе кусочки и вдругъ заговорилъ, сильно ожесточаясь:

— А знаете, что я вамъ скажу, господинъ Урбанцевъ?.. Я скажу вамъ, что эти господа Даенины во сто разъ хуже господъ Урбанцевыхъ, Лапшевыхъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые столь недавно еще были хозяевами этихъ мѣстъ... Право, хуже! убей меня Богъ, хуже!.. Я, дуракъ, радовался, что тутъ „новые люди“ появились, ликовалъ и все декламировалъ въ возвышенномъ тонѣ: „новое время—новыя птицы, новыя птицы — новыя пѣсни“. Ну, вотъ и слышу теперь эти „новыя пѣсни“. Скверныя, надо отдать имъ справедливость!..

И учитель залпомъ, безъ передышки рассказалъ все то, что зналъ о господинѣ Даенинѣ.

Оказалось, что новый владѣлецъ наложилъ на все желѣзную руку и задался цѣлью выжать изъ всего окружающаго какъ можно больше денегъ, достигая этой цѣли блестяще и руководясь однимъ принципомъ, который исчерпывался извѣстнымъ восклицаніемъ: *après nous le deluge!*..

Послѣ насъ хоть потопъ!..

Урбанцевъ слушалъ учителя, задумчиво покуривая сигару.

— Скажите, пожалуйста,—проговорилъ онъ, когда учитель кончилъ,—Ольга Лапшева не имѣетъ на него вліянія?

— На Даенина то? Гмъ!.. Наоборотъ.—она поклоняется ему!

— Да вѣдь она дѣвушка. должно быть, съ характеромъ, умная дѣвушка ..

— Вѣрно-съ. Она полагаетъ, что эти вотъ Даенины и призваны насадить по всей землѣ цвѣтущій садъ... Она вѣдь женщина-съ, а я смѣю думать, что у каждой женщины, даже у самой умной, главной кленки въ головѣ не достаетъ... Она вотъ видитъ, сколь господинъ Даенинъ энергиченъ, дѣ-

ятеленъ, притомъ-же онъ мужчина видный,—ну, и поклоняется ему. Вы изволили читать надѣлавшій такого успѣха романъ господина Гончарова „Обломовъ“?

— Читалъ-съ.

— Такъ вотъ Ольга Павловна, какъ и Ольга господина Гончарова, увлечена „дѣятелемъ“. Въ романѣ тамъ есть господинъ Штольцъ, а у насъ вотъ тутъ господинъ Давынинъ, вѣрная копія, по мнѣнію Ольги Павловны, со Штольца—вотъ вамъ и разгадка... Новый типъ, новая фигура,—а вѣдь женщинѣ только этого и нужно. Она и въ человѣкѣ, какъ въ туалетѣ, любить все новое и куда какъ падка на это новое!..

Урбанцевъ чертилъ по песку узоры.

— Вы говорите, что отецъ Ольги, старикъ Лапшевъ, здѣсь чѣмъ-то вродѣ управляющаго?—спросилъ онъ.

— Да-съ.

— Гдѣ-же онъ живетъ?

Учитель взглянулъ на Урбанцева съ язвительной улыбкою.

— Желаете визитъ нанести?

— Желая-съ.

— Такъ-съ... Живетъ вотъ тутъ, во флигелѣ, а только вы напрасно идете...

Урбанцевъ всталъ и вопросительно поглядѣлъ на учителя.

— Вы думаете?

— Увѣренъ-съ. Вы вѣдь близко граничите къ Обломову, а тамъ теперича Штольцы... Опять-же,—прошу извинить,—вы ужъ стариčekъ, а тамъ желаютъ „новыхъ силъ“ и „новыхъ словъ“...

Урбанцевъ ничего не отвѣчалъ на это, поклонился учителю и пошелъ къ виднѣющемуся за садомъ флигелю.

Учитель захохоталъ ему вслѣдъ довольно сатанинскимъ хохотомъ.

ХІІ.

Ольга Павловна Лапшева, сама по себѣ, не играетъ большой роли въ нашемъ романѣ, какъ не играютъ существенной роли и Даенинъ, Урбанцевъ и учитель. Послѣднихъ трехъ мы вывели для характеристики того времени, которое послѣдовало черезъ нѣсколько лѣтъ за Крымской кампаніей и было „чревато“, какъ крупными событіями во внутренней жизни Россіи, такъ и новыми людьми, которыхъ создали эти событія.

Женщины, подобныя Ольгѣ Лапшевой, тоже явились въ ту знаменательную эпоху и восторженно прославляли новыхъ дѣятелей, вроде Даенина, найдя въ нихъ истинныхъ дѣльцовъ, призванныхъ разбудить Россію отъ спячки.

Такимъ образомъ, Ольга Лапшева, готовая работать не менѣе такихъ женщинъ, какъ Наташа, Мароа Ивановна и Варенька, была несчастлива тѣмъ, что ошиблась въ человѣкѣ, за которымъ хотѣла идти, и скоро убѣдилась въ этой ошибкѣ, а убѣдившись, сдѣлалась отчаяннымъ врагомъ своего вчерашняго кумира и безпощадно прокляла его.

Женщины-ренегатки всегда порывистѣе ренегатовъ-мужчинъ и жестоко мстятъ своимъ вчерашнимъ учителямъ и послѣдователямъ ихъ.

Эта Ольга Павловна Лапшева, обыкновенная русская дѣвушка, не глухая, достаточно образованная, увлеклась было „новымъ человѣкомъ“, но скоро „прозрѣла“ и тогда явилась уже яростною обличительницею этого „новаго“ человѣка.

Эта Ольга Павловна сдѣлала то, что пріѣхавшій къ Даенину Скосыревъ „учиться“ бѣжалъ отъ такого учителя и рѣшилъ лучше вести дѣло такъ, какъ оно велось у него, чѣмъ подражать Даенину.

И Ольга, поступивъ такъ, сдѣлала большую ошибку, какую дѣлали тогда многія подобныя ей и подобные Урбанцеву, Скосыреву и учителю Профундову.

Все это были люди *бурнопламенные*, не знающіе чувства мѣры, не знающіе „золотой середины“. У Даениныхъ можно было кой-чему научиться и, если не слѣдовало поклоняться имъ, какъ принялись-было тогда нѣкоторыя впечатлительныя женщины, то не слѣдовало отвертываться съ негодованіемъ, которое проповѣдывали къ Даенинымъ люди, вроде Урбанцева, сильные словомъ, то послѣдователи, то родоначальники Рудиныхъ.

Война противъ нашего Даенина возникла такимъ образомъ: Урбанцевъ, знающій Лапшеву давно, пришелъ къ ней, разговорился, вызвалъ на откровенность и, когда дѣвушка высказалась, восторженно отзываясь о Даенинѣ, какъ о новомъ человѣкѣ, — разбилъ ее на голову, нарисовавъ картину наступающей по программѣ Даенина жизни. „Погибающіе подъ топоромъ варвара вѣковые парки, уничтожаемыя липы, подъ которыми протекло дѣтство многихъ поколѣній“, играли въ грозной филиппикѣ не послѣднюю роль, а тамъ ужъ пошли мрачныя краски, которыми Урбанцевъ рисовалъ будущее, находящееся въ рукахъ Даенина. Люди, подобные Урбанцеву, говорить умѣли, а дѣвушки, вроде Ольги Лапшевой, только и жили проповѣдями, — и дѣло было сдѣлано: Ольга возненавидѣла „новаго человѣка“, а возненавидѣвъ, объявила противъ него походъ, завербовавъ сперва Скосырева, который какъ разъ на нее наткнулся, затѣмъ учителя, — а потомъ уже идя дальше и дальше...

Урбанцевъ, сдѣлавъ свое дѣло, уѣхалъ за-границу; Скосыревъ вернулся въ имѣніе продолжать хозяйство, доколѣ возможно; учитель Профундовъ нашелъ новое мѣсто, а Ольга Лапшева осталась на своемъ мѣстѣ, готовая мѣшать начинаніямъ Даенина, которыми вчера еще восторгалась.

Увлеченная ненавистью къ вчерашнему кумиру, Ольга нашла, что Наташа, съ которою свелъ ее случай, есть лицо одинаковое съ Даенинымъ, и она чуть не погубила было молодую женщину, достигшую полного счастья.

Но будемъ продолжать нашъ рассказъ послѣдовательно.

Ольга Лапшева, красивая брюнетка съ умнымъ энергичнымъ лицомъ, сильно и красиво сложенная, шла по парку къ рѣкѣ купаться.

Было жаркое, знойное утро, солнце начинало уже печь довольно сильно и особенно донимало молодую дѣвушку, когда она шла недавно срубленнымъ паркомъ.

Печальную картину представлялъ теперь этотъ паркъ. По всѣмъ направленіямъ лежали поваленныя сосны съ переломанными сучьями, съ пожелтѣвшими вершинами; множество пней подымалось изъ высокой травы и прошлогодней хвои, смоченной, словно слезами, сокомъ срубленныхъ деревьевъ.

Птицы не шли теперь въ погубленномъ паркѣ, и только гдѣ-то тоскливо покрикивала иволга, оплакивая, вѣроятно, разоренное гнѣздо.

Мертвымъ заустѣніемъ вѣяло кругомъ, точно тутъ прошелъ врагъ съ огнемъ и мечемъ, все уничтожая и сокрушая.

Это и былъ „врагъ“, и Ольга—именно какъ о врагѣ—думала теперь о Даенинѣ, дѣятельность и портретъ котораго яркими красками и сильными мазками написалъ ей Урбанцевъ.

Быстрыми шагами прошла дѣвушка срубленнымъ паркомъ и спустилась по откосу въ небольшую мелкорослую рощицу, уцѣлѣвшую пока отъ топора. За этой рощицей была рѣчка, къ которой каждое утро купалась Ольга.

— Ольга Павловна!—услыхала она звучный сильный голосъ и вздрогнула.

Это былъ хорошо знакомый ей голосъ Даенина.

Дѣвушка наклонила голову и еще быстрее пошла къ рѣкѣ.

— Ольга Павловна!..

Даенинъ догналъ ее и взялъ за руку, весело улыбался и заглядывая ей въ лицо.

Дѣвушка подняла голову и остановилась.

Новый помощикъ стоялъ передъ нею сильный, бодрый, свѣжій, брызжущій здоровьемъ. На немъ былъ широкій

полотняный пиджакъ, во многихъ мѣстахъ запачканный смолою срубленныхъ деревьевъ и копотью заводскихъ трубъ и печей. Высокіе сапоги были запылены, красивое лицо сильно загорѣло.

Это былъ работникъ,—неутомимый, сильный работникъ, много уже поработавшій сегодня, не смотря на раннее утро.

— Какъ вы замечтались, Ольга Павловна!—заговорилъ Даенинъ съ улыбкою.—Кричу, кричу, а вы и не слышите!.. Здоровы?

— Благодарю васъ, я здорова,—едва слышно отвѣтила Ольга.

Даенинъ съ тревожнымъ изумленіемъ заглянулъ ей въ лицо.

— Что съ вами, Ольга Павловна?—спросилъ онъ.—Вы больны, или вы имѣете что-нибудь противъ меня?.. Вы совсѣмъ не такаа, какою я привыкъ васъ видѣть...

Ольга глубоко вздохнула, сильно втянувъ въ себя воздухъ, смѣло и гордо взглянула на Даенина и твердо отвѣтила ему.

— Да, я не такая, какою вы привыкли меня видѣть, и это потому, что я теперь многое имѣю противъ васъ...

Даенинъ выпустилъ руку дѣвушки и нахмурился.

— Что это, какая-нибудь сплетня на меня?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Я сплетнямъ, Лавръ Егоровичъ, не вѣрю. да и некому тутъ сплетничать,—сухо отвѣтила Ольга.

— Такъ что-же это?.. За что?..

— За что?

Глаза у Ольги засверкали, лицо покрылось румянцемъ.

— Вотъ за что!—сказала она и указала на разоренный паркъ.—Вотъ за этотъ погубленный паркъ, за эти вонъ порабощенныя вами деревни, за эти вонъ заводы и фабрики, за то, что вы отняли у жителей этихъ мѣсть ихъ коренное дѣло и дали имъ дѣло для нихъ чуждое... За то, что вы пришли отнять у земли ея работниковъ и пришли разорить эту землю... Вотъ за что... Я училась, я чита-

ла, я пришла сюда, чтобы сдѣлать что-нибудь для родины, которой я принадлежу и которая принадлежит мнѣ, и которая вырастила меня... Въ васъ я увидала энергичнаго работника и увлеклась было вами... Увы, теперь я вижу, что вы не создавать пришли, а разрушать, и я... я вамъ чужая... Больше того—я вашъ врагъ!.. Прощайте...

Ольга двинулась впередъ, но Дасиниъ остановилъ ее.

— Пойдите, Ольга Павловна, — сказалъ онъ. — Должны же мы объясниться... Я знаю откуда въ васъ зло... Гмъ... Это господинъ Урбанцевъ проповѣдывалъ вамъ?.. О, это на него похоже!.. Да какъ и не проповѣдывать?.. Все потеряно, все перешло въ другія болѣе энергичныя и болѣе работающія руки,—такъ какъ же не пить и не проклипать?.. Господа Урбанцевы побѣждены нами, а вы знаете, что „горе побѣжденнымъ“!.. Да, горе имъ!.. И пусть... Вонъ лежатъ они тамъ, подъ гробовыми камнями, и тамъ имъ мѣсто теперь. Жизнь дала другихъ людей... „Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ“, а мы желаемъ жить...

— И разорять всѣ?

— Да, все старое, все ветхое, сентиментальное, дряхлое, отжившее.

— И что-же дадите вы взамѣнъ?

— О. вы увидите это...

— Никогда!—воскликнула Ольга съ жаромъ.—Никогда! Земля наша, вамъ принадлежитъ она, и мы не отдадимъ ее вамъ!.. Вы тутъ чужестранцы, пришельцы, и время ваше непродолжительно.

— Да!—насмѣшливо улыбнулся Дасиниъ.—Это кто-же „вы“-то? Господа Урбанцевы, Профундовы, Карпы и Егоры?

— Да! Дворянство и мужикъ должны быть на землѣ...

— Почему, смѣю спросить?

— А потому, что это вѣками сказалось. Вѣка, цѣлыя вѣка было такъ—и такъ будетъ всегда!

— Посмотримъ... А я думаю, что мы сильнѣе васъ...

— О, нѣтъ!.. Вы сильны, смѣлы, наглы даже, но исто-

рія сильнѣе васъ, и она побѣдитъ... А если вы теперь сильны, то тѣмъ болѣе я должна бѣжать отъ васъ... Мѣсто честнаго человѣка со слабыми, съ друзьями, а не съ врагами-побѣдителями... И я иду къ нимъ... Прощайте... Я любила васъ,—быть можетъ, люблю еще,—но чувство долга во мнѣ сильнѣе, и я ухожу... Прощайте...

Ольга быстро пошла и скрылась въ рошѣ.

Даенинъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ, усмѣхнулся и медленно пошелъ къ дому.

— А, вотъ какъ!—задумчиво произнесъ онъ.—Хорошо, посмотримъ... Не тебѣ, гордал дворянка, бороться со мною, и не разрушенному Урбанцеву!.. Профундовъ вотъ... Да, Профундовы сильны и свѣжи... Они учатъ, они пишутъ, они проповѣдуютъ... Да... Но мы купимъ ихъ!.. Мы побѣдимъ ихъ золотомъ, которое добудемъ изъ земли! Мы хотимъ жить и будемъ жить, а тамъ хоть потопъ!.. *Après nous le déluge!*.. „Исторія“,—говоритъ Ольга... Да, исторію не купишь... А, пусть, что будетъ, а пока время наше!

Даенинъ нахлобучилъ шляпу и быстро пошелъ къ дому. Черезъ минуту его голосъ гремѣлъ у оранжереи, потомъ на заводѣ, потомъ на порубкѣ, и сотни рукъ дѣлали, работали данную имъ Даенинымъ работу, взрывая землю кирками, ломami, лопатами, оголяя ее топорами.

„И желѣзная лопата въ каменную грудь, добывая мѣдь и золото, врѣжетъ страшный путь!“—пришло въ голову Даенину, когда онъ суетливо распоряжался работами. Онъ усмѣхнулся и произнесъ:

— Пущай!..

Старикъ Лапшевъ, отецъ Ольги, прислалъ на другой день Даенину письмо, извѣщая его, что оставляетъ мѣсто управляющаго, а къ вечеру онъ переѣхалъ уже съ дочерью въ имѣньице Урбанцева, уѣхавшаго за-границу. Ольга завела маленькое хозяйство въ имѣніи этомъ, взятомъ у Урбанцева въ аренду, устроилась немного и собралась къ Чоглоко-

вымъ. Она когда-то была знакома съ Сергѣемъ въ Москвѣ и поѣхала теперь возобновить это знакомство, заинтересованная слухами о превосходномъ хозяйствѣ Сергѣя и о его женѣ.

„Это выскочка, — думала Ольга о Наташѣ: — она, безъ сомнѣнія, изъ породы Даениныхъ и тоже дѣлаетъ его дѣло. конечно... Я узнаю ее и открою глаза Чоглокову, котораго я помню безхарактернымъ, увлекающимся человѣкомъ... О, если со мною будетъ Чоглоковъ, самый богатый помѣщикъ на тысячу верстъ кругомъ, я сдѣлаю кое-что и удержу землю за нами, не дамъ ее на разореніе Даениныхъ“!..

Я повторяю, что въ то время много такихъ дѣвушекъ, какъ Ольга, и онѣ положительно вліяли на ходъ дѣла. Часто красивыя, всегда энергичныя, большею частію умныя, онѣ имѣли вліяніе на многихъ людей и вели за собою лучшую молодежь.

Наступало время, когда женщина начинала заявлять свои права, и піонеры этого были женщины, отдавшія себя на служеніе народу, которому давалась свобода, но который не былъ готовъ къ этой свободѣ и не былъ защищенъ отъ хищническаго нападенія Даениныхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, пришедшихъ насмѣну вдругъ охладѣвшихъ къ своему дѣлу помѣщиковъ...

Лучшіе люди того времени дѣлали то, что дѣлаетъ теперь для народа правительство, созпавшее, что „молодому народу“ нужна опека, — опека любящая и заботливая, — опека, знающая быть этого народа...

ХІІІ.

Чеглоковы только-что кончили обѣдъ и пили на террасѣ кофе, какъ со стороны большой дороги, отъ которой до имѣнія было верстъ семь, послышался колокольчикъ.

Звукъ почтоваго колокольчика въ деревнѣ имѣетъ гро-

мадное занченіе и всегда всполошить обитателей ея. Прѣзжей дороги тутъ нѣтъ, — стало-быть, это „къ намъ“ ѣдутъ, непременно „къ намъ“. Кто это ѣдетъ? Милый-ли это, дорогой другъ, котораго такъ хорошо увидать теперь, такъ пріятно раздѣлить съ нимъ одиночество; скучный-ли это, надоедливый гость, котораго надо все-же принять и выносить его присутствіе день, два, три, цѣлую недѣлю; вѣстникъ-ли это, наконецъ, какой-нибудь бѣды, случившейся съ дорогими и далекими людьми?..

Такія мысли всегда волнуютъ обитателей деревни, слышавшихъ звонъ валдайскаго колокольчика.

Звонъ все приближался и приближался.

— Да, это къ намъ, — сказалъ Сергѣй, прислушиваясь. — Я слышу, какъ спустились въ оврагъ, и вотъ сейчасъ выѣдутъ изъ лѣса... Кто-бы это такой?..

Онъ поставилъ недопнутую чашку и пошелъ къ воротамъ сада. Въ это время тройка ямскихъ лошадей, запряженная въ тарантасъ, показалась изъ лѣса и быстро покатила по усаженному липами шоссе, которое тянулось лентою отъ лѣса до „краснаго“ двора.

— Сережа, — крикнула жена Чоглокова съ террасы, глядя по шоссе въ бинокль, — дама сидитъ въ тарантасѣ, — я вижу въ бинокль...

— Да я и безъ бинокля вижу, но узнать не могу...

— Это незнакомая какая-то, я вижу теперь ея лицо.. Брюнетка, молодая еще и, кажется, хорошенькая... Да, да, очень хорошенькая...

— Это, вѣроятно, ко мнѣ, какъ предводителю, — сказалъ Сергѣй и вернулся на террасу.

На парадное крыльцо, между тѣмъ, вышелъ уже дворецкій и ждалъ гостю.

Тройка влетѣла въ ворота, обогнула широкій дворъ и остановилась. Дворецкій помогъ выйти изъ экипажа пріѣхавшей дамѣ, отвелъ ее въ комнаты и черезъ минуту появился съ докладомъ.

— Ольга Павловна Лапшева, — доложилъ онъ, — изъ сельца Рыбнаго, Н-скаго уѣзда...

— Лапшева, — повторилъ Сергѣй, — Лапшева... Ахъ, я вспомнилъ ее, я съ нею знакомъ по Москвѣ... Проси сюда...

— Слушаю-съ. Я приказалъ дѣвушкамъ отвести ихъ въ „зеленую комнату“, чтобы умыться съ дороги...

— Ага... Такъ проси потомъ сюда и накрыть снова столъ для обѣда...

— Слушаю-съ.

Минутъ черезъ десять на террасу вышла Ольга Лапшева, успѣвшая переодѣнуть свое дорожное, страшно запыленное платье на простенькій, но свѣжій и очень изящный лѣтній туалетъ. Она умылась, тонкій аромат духовъ струился отъ нея красивой, эффектной фигуры. Вошла она той свободною легкою походкою, съ тѣмъ умѣньемъ и милою непринужденностью, съ которыми входятъ лишь люди, часто бывающіе въ обществѣ и знающіе себѣ цѣну.

— Вы не узнаете меня, Сергѣй Петровичъ, конечно, я давно не встрѣчалась съ вами, — заговорила Ольга, улыбаясь и подавая Чоглокову руку. — Я Лапшева...

— Напротивъ, я узналъ васъ сію-же минуту и очень-очень радъ васъ видѣть въ своемъ домѣ... Моя жена... Ольга Павловна Лапшева, наша москвичка, наша добрая знакомая...

Дамы поздоровались и обмѣнялись любезностями, причемъ Наташа замѣтила, что гостя очень пытливо и не совсѣмъ дружелюбно взглянула на нее раза два.

— Ольга Павловна, — обратился Чоглоковъ къ гостьѣ, пододвинувъ ей кресло, — вы должны прежде всего обѣдать... Это ужъ и обычай у насъ въ деревнѣ такой. да и голодны вы, конечно... Столъ накрытъ, прошу васъ...

— Мерсі, я совсѣмъ сыта... Я вѣдь тоже деревенская теперь и обѣдаю по-деревенски — рапо. Я тутъ недалеко на постояломъ дворѣ ѣла яйца, пила молоко... Вотъ когда вы будете пить чай — я съ удовольствіемъ присоединюсь къ вамъ...

Наташа позвонила и велѣла давать самоваръ.

Разговоръ поддерживался съ трудомъ и былъ немного сухъ и натянутъ, не смотря на искусство Сергѣя и гости вести какіе угодно разговоры.

Сергѣй думалъ о томъ, зачѣмъ могла пріѣхать къ нему эта барышня, очень мало ему знакомая и изъ общества, давно имъ покинутаго; гостя какъ-то пытливо, точно изучая, глядѣла и на него, и на Наташу; а Наташа боялась немного этой энергичной смуглой красавицы, съ холодными и строгими глазами, съ величавымъ видомъ царицы, пріѣздившей съ виду, но какъ-будто презирающей немного тѣхъ, съ кѣмъ она говорила.

Поданный самоваръ оживилъ немного общество, далъ толчокъ. Это свойство постоянно имѣетъ русскій самоваръ нашъ и всегда выручаетъ. Онъ такъ пріѣзливо сверкаетъ, такъ весело шумить и кипить, кругомъ такъ нарядно блестятъ ложечки, хрусталь, фарфоръ, такъ аппетитно возвышаются горки сухарей, крендельковъ, булочекъ, такъ вкусно выглядываютъ куски золотистаго лимона, вазочки съ вареньемъ,— что сидящая за столомъ компанія невольно дѣлается разговорчивѣе, веселѣе и добрѣе даже.

Кусокъ „ситнаго“ въ три конѣйки и крынка съ кипяченымъ молокомъ замѣняютъ у бѣдняка англійское печенье, и самоваръ не теряетъ своихъ способностей и тамъ.

— Вы знаете, зачѣмъ я пріѣхала къ вамъ?—улыбаясь, спросила Ольга, принимая отъ Наташи чашку и накладывая себѣ сухариковъ.

— Мы рады, зачѣмъ-бы вы ни пріѣхали, — отвѣтила Наташа.

— Ну, это простая любезность, *madame Natalie*... Я не думаю, чтобъ деревенскіе жители были рады, когда къ нимъ ворвется мало знакомый человѣкъ... Но я прошу извиненія... Я пріѣхала учиться у васъ, Сергѣй Петровичъ.

— Учиться?

— Да... Мы съ рара арендовали имѣніе у Урбанцева...

Свое рара продалъ одному купцу... Вотъ я и хочу хозяйничать и хочу учиться, а у васъ, я слышала, чудо какъ хорошо все подготовлено...

— Да?—засмѣялся Сергѣй.—Слышишь, Natalie, наша слава прошла до N—скаго уѣзда даже!..

— Что-жъ, у насъ дѣйствительно хорошо все идетъ,—сказала Наташа.—Я никогда не ожидала такихъ блестящихъ успѣховъ и не ожидала, что будетъ такъ хорошо въ деревнѣ...

Лапшева взглянула на нее.

— Вы тоже хозяйничаете?—спросила она.

— Да... То-есть у меня тутъ свое дѣло, до полевого хозяйства я не касаюсь...

— А что-же у васъ?

Наташа покраснѣла подъ пристальнымъ взглядомъ гостыи.

— У меня тутъ школа... То-есть учу не я, но я почетельница... Больница моя... Я учу крестьянокъ шить, вязать, выписала машины для тканья простыхъ матерій...

— Да?..

Ольга помѣшала чай и медленно разгрызла своими бѣлыми ровными зубами сухарикъ.

— Я въ своемъ маленькомъ имѣніи не могу завести этого, да я и не понимаю, зачѣмъ это надо деревенскимъ женщинамъ вышиваніе, не понимаю даже и необходимости въ больницѣ, но я васъ попрошу все это показать мнѣ ..

Наташѣ стало обидно и больно. Она хорошо понимала, что шитье и вязанье очень нужны въ деревнѣ, какъ для домашнего обихода, такъ и для увеличенія заработка, а тѣмъ болѣе она понимала значеніе больницы, — и отзывъ гостыи задѣлъ ее, обидѣлъ.

Сергѣй сразу понялъ это, и ему стало жаль Наташу, которая точно трусила Лапшевой, точно умалилась предъ нею.

Онъ вступился и заспорилъ съ Ольгою. Та очень скоро уступила.

— Можетъ-быть, можетъ-быть,—сказала она.—Я вѣдь

ничего не знаю, совсѣмъ не опытна въ этомъ дѣлѣ. Я знаю только, что дворянство должно крѣпко стоять за свою землю и не пускать на нее разночинцевъ, которые разорять ее... Я не только хочу заниматься, но хочу и воевать еще...

— Съ кѣмъ и за что?—спросилъ Сергѣй.

— Съ хищничествомъ врывающагося къ намъ купца, за интересы дворянства... Я дворянка и я вѣрю въ это словіе и люблю его...

Наташа опять покраснѣла. Она не была дворянкою; она нѣсколько лѣтъ тому назадъ могла-быть „продана“ этой красавицѣ; и красавица, конечно, знала это и, быть-можетъ, презирала ее, быть-можетъ, насмѣхалась надъ нею...

— Да, мы, какъ коренные владѣльцы земли, должны любить и беречь ее,—сказалъ Сергѣй.—Мы отлично поняли это съ женою и дружно дѣлаемъ свое дѣло, насъ не соблазнить теперь городу...

— И вы легко и скоро привыкли къ своему новому положенію?—обратилась Лапшева къ Наташѣ.

— Къ какому?—упавшимъ голосомъ спросила та.

— Къ деревенской жизни, къ ея скукѣ и къ труду, *ma chère madame Natalie*...

— О, да!..

Гостья допила свой чай и спросила хозяевъ, гуляютъ-ли они по вечерамъ.

— Мы обыкновенно ѣздимъ съ женою до ужина верхомъ,—сказалъ Сергѣй,—но вы располагайте нами, какъ вамъ угодно... Вы, конечно, устали съ дороги...

— О, нѣтъ!.. Я бы охотно поѣхала съ вами, но у меня нѣтъ амазонки...

— Вы можете одѣтъ къ вашему лифу мою юбку,—сказала Наташа.—Амазонка моя вамъ мала...

— Да... Но если позволите сдѣлать такъ—я буду въ восторгѣ... У насъ нѣтъ пока верховой лошади, а я страстная наѣздница!..

Сергѣй позвонилъ и велѣлъ осѣдлать лошадей.

— Для меня, Сергѣй Петровичъ, прикажите дать очень рѣзвую и самую горячую, я совсѣмъ „джигитъ“ на конѣ...

— Извольте... Мнѣ прикажи „Орлика“, — обратился Сергѣй къ челоѣку, — Наталья Панкратьевнѣ „Лебедку“, а для барышни вели засѣдлатъ подѣ желтымъ сѣдломъ „Арнаута“...

— И безѣ мундштука, пожалуйста, — добавила Ольга. Она пошла переодеваться.

— Какъ она хороша! — сказала Наташа, задумчиво глядя вдаль и мѣшая ложечкою чай.

— Да... Семь лѣтъ тому назадъ она была царицею всѣхъ московскихъ баловъ...

— И знаешь что, Сергѣй?..

— Что?

— Она презираетъ меня...

— Ну, что за вздоръ, Наташа!.. Съ чего ты это взяла?

— Я вижу... Она такъ надменно, такъ презрительно смотритъ на меня...

— Перестань, моя милая!.. Это просто манера такая, а ты страдаешь болѣзненнымъ самолюбіемъ... Наконецъ, что такое для тебя мнѣніе какой-то мало знакомой намъ барышни?... Богъ съ нею... Она пробудетъ день-два и уѣдетъ, чтобы не возвращаться никогда...

— Дай Богъ, чтобы она уѣхала какъ можно скорѣе...

Сергѣй засмѣялся, но, взглянувъ на жену, замѣтилъ слезы на ея глазахъ и съ участіемъ протянулъ къ ней руки.

— Наташа, что съ тобою, милая?... Ты нервничаешь, Наташа, это не хорошо... Подойди ко мнѣ, моя дорогая...

Наташа сдѣлала было движеніе къ мужу, но вдругъ закрыла лицо платкомъ и быстро ушла съ террасы.

Сергѣй долгимъ, долгимъ взглядомъ поглядѣлъ ей въ слѣдъ, закурилъ сигару и спустился въ садъ.

Черезъ полчаса времени онъ ѣхалъ вдвоемъ съ Ольгой верхами. Наташа прислала сказать, что у нея мигрень, но что она проситъ ѣхать безъ нея и будетъ ждать гостю къ ужину.

Ловко и сильно ступалъ гнѣдой „Арнаутъ“ подѣ Ольгой Лапшевой, горячился, грызъ удила, встряхивалъ головою, разбрасывая пѣну, но всадница сдерживала его сильной рукою и пустила лишь, когда они выѣхали въ поле.

„Арнаутъ“ потянулъ поводъ, дрогнулъ весь отъ удара хлыстомъ и во весь карьеръ полетѣлъ по полю. Сергѣй едва поспѣвалъ на своемъ добромъ конѣ...

XIV.

— Ольга Павловна, Ольга Павловна, остановитесь! — крикнулъ Сергѣй. — Лошадь очень горяча, она можетъ „подхватить“, а тутъ скоро оврагъ...

Лапшева сдержала разгорячившагося коня, и Сергѣй поровнялся съ нею.

— Какая вы отчаянная наѣздница! — сказалъ онъ.

— О, я ничего не боюсь!..

Она съ улыбкою взглянула на него и точно обожгла своей чарующей красотою. Лицо отъ быстрой ѣзды разгорѣлось у Ольги, глаза сверкали отвагой и силою, высокая грудь быстро и сильно подымалась, пряди черныхъ кудрей выбились изъ-подъ шляпы и развѣвались вѣтеркомъ. Что-то зажигательное, именно зажигательное, было въ красотѣ этой дѣвушки и что-то сильное, смѣлое, вызывающее.

— Я не боюсь! — повторила она.

— Никогда не падали и не ушибались, потому и не боитесь, — замѣтилъ Сергѣй.

— Я? Напротивъ!.. Я очень часто летала съ лошадей и больно ушибалась... Такъ что-же? Заживетъ, а это такое славное удовольствіе... Да если и убьюсь, такъ что-жъ такое?.. Я одинокая, Сергѣй Петровичъ. Ни мнѣ некого жалѣть, ни меня... „Ужъ не жду отъ жизни ничего я, и не жаль мнѣ прошлаго ничуть“!..

— Да? — спросилъ Сергѣй.

— Конечно... Ну, есть папа, такъ онъ не особенно любить меня, да и недолго онъ проживетъ... Съ свѣтомъ, съ обществомъ я давно разорвала всякія связи и не желаю связываться... Дѣло вотъ... Да, дѣло меня увлекло... Мнѣ серьезно хочется оставить послѣ себя память, но вѣдь это-же мечта...

— Почему?

— Конечно, мечта!.. Я одна, я женщина, — гдѣ же мнѣ сдѣлать что-нибудь?..

— Но вы можете полюбить, можете выйти замужъ... Ольга засмѣялась.

— Кого и за кого?—спросила она.—Я въ глуши, а вѣдь теперь не рыщутъ по бѣлу свѣту Иванъ-царевичи и не отыскиваютъ красавицъ... Да и не красавица я...

— Ну, съ этимъ можно спорить...

— Да?

Ольга вызывающе поглядѣла на Чоглокова.

— Вы не отучились въ вашей глуши говорить любезности, мосье Чоглоковъ!

— Вы сами знаете, что вы хороши, — проговорилъ Сергѣй, сердясь на себя и думая, что онъ не далекъ до пошлости, до банальности провинціального „франта“.

— Быть можетъ, не знаю право! — пожала Ольга плечами.—Но все же тутъ никого нѣтъ...

Она вспомнила о Даенинѣ и сурово сдвинула брови.

— Я полюбила было, но скоро и разлюбила, — сказала она.

— Почему?

Ольга засмѣялась.

— Вы навязываетесь на дружбу, задавая такіе интимные вопросы, мосье Чоглоковъ!..

— Вы дали мнѣ поводъ, сказавъ, что вы любили, mademoiselle Ольга!..

— Да, правда... Невольно, знаете, хочется поболтать по душѣ, когда встрѣтишь человѣка своего общества, а васъ я считаю старымъ знакомымъ. Вы напоминаете мнѣ Москву. ея гостинныя, ея бады... Юность мою напоминаете...

— Да, мнѣ приходится уже вспоминать юность—я „зрѣлая дѣва“... Ха, ха, ха!.. Такъ вы хотите знать, почему я разлюбила?

— Если позволите...

— Потому, что человѣкъ, котораго я полюбила, не нашего круга, не нашихъ взглядовъ, не съ нашими традиціями... То, что въ народныхъ пѣсняхъ зовется „неровнюшкою“, а я думаю, что „неровнюшку“ полюбить нельзя...

— Почему?—спросилъ Сергѣй и подумалъ: „знаетъ она, что Наташа „неровнюшка“ мнѣ, или не знаетъ?... Должна знать, и не деликатно съ ея стороны говорить это!“..

— Почему?—переспросила Ольга.—А потому, что рано или поздно будетъ разладъ... Помните, какой то поэтъ говоритъ, что нельзя впречь вмѣстѣ „коня и трепетную лань“...

— Ну, поэтъ могъ и соврать, притомъ-же, дѣло то идетъ о любви, а не о запряжкѣ, — замѣтилъ Сергѣй.

— Да, но вѣдь любовь соединяетъ двоихъ ближе, чѣмъ всякая запряжка... Ха, ха, ха!.. Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, повѣрьте, что я права... Человѣкъ, котораго я любила, — купецъ, у него совсѣмъ другіе взгляды на жизнь и другія традиціи... Только очень безразличныя и безличныя личности могутъ ужиться при неравномъ бракѣ...

— Да?

— Даю вамъ слово!

Сергѣй такъ вонзилъ шпоры въ своего коня, что тотъ подпрыгнулъ и закружился волчкомъ.

— Что вы?—оглянулась Ольга, сдерживая испугавшуюся было лошадь.

— Шалить... Я не согласенъ съ вами, Ольга Павловна, и докажу, что вы неправы...

— Чѣмъ?

— А примѣромъ: я женатъ на „неровнюшкѣ“, какъ вы выражаетесь, а вполне и надолго счастливъ, какъ счастлива и моя жена... Она вѣдь крѣпостная дѣвушка моей матери...

Ольга потушилась.

Забыла-ли она это обстоятельство, умышлено-ли говорила — Богъ вѣсть, но она вповато взглянула на Сергѣя и едва слышно проговорила слово извиненія.

Сергѣю хотѣлось, чтобъ она высказалась, чтобъ она завела съ нимъ споръ, хотѣлось очень спорить съ нею, но Ольга повернула лошадь и сказала, что пора домой.

— Я теперь только почувствовала, что я устала... Вы попросите вашу жену извинить меня и позвольте мнѣ не выходить къ ужину — я лягу спать...

Она ударила коня и крупной рысью поѣхала обратно, не говоря уже съ Сергѣемъ. Приѣхавъ, она простилась съ Сергѣемъ и ушла въ отведенную ей комнату „Спать“ — сказала она; но когда Сергѣй послѣ ужина вышелъ въ садъ, въ ея окнѣ былъ еще огонь, и стройная фигура дѣвушки была видна сквозь штору.

Къ утреннему чаю она вышла свѣжая, блистающая здоровьемъ, съ влажными волосами.

— Я чувствую себя превосходно послѣ вчерашней прогулки верхомъ, — говорила она Наташѣ, — а утромъ я выкупалась... У васъ славная рѣка и есть лодка... Вы катаетесь?

— Да, иногда, — отвѣтила Наташа.

— И сами гребете веслами?

— Нѣтъ, я не умѣю.

— А я такъ очень люблю и управляю лодкою, какъ волжскій рыбакъ!.. Я вообще люблю сильные движенія. Я ѣзжу верхомъ, на лодкѣ, я фехтуюсь, какъ учитель фехтованія... Ха, ха, ха!..

— Я не позволяю ничего подобнаго женѣ, — сказалъ Сергѣй.

— Почему?

— Да не женское это дѣло... Я люблю *женщинъ женственныхъ* и даже, какъ Лермонтовъ, не люблю женщинъ съ сильнымъ характеромъ. „Не ихнее это дѣло“, — говорить Лермонтовъ...

— Устами блистательнаго Печорина, замѣтила Ольга. —

Нѣтъ, характеръ женщинѣ не излишенъ, особенно если женщина не живетъ подѣ крылышкомъ у мужчины... Это очень вредное ученіе у вашего мужа, Наталья *Понкратовна*, вы не слѣдуйте ему и не поддавайтесь, а то намъ, женщинамъ, бѣда съ такимъ ученіемъ...

— Одинокимъ — можетъ быть, а съ мужемъ, если любишь его и любима, ничего, — отвѣтила Наташа.

— Да вѣдь если нѣтъ характера—нѣтъ и своихъ взглядовъ, мыслей, дѣйствій, а это ужъ не жизнь, а прозябаніе... Это жизнь цвѣтка...

Наташа не знала, что отвѣтить на это.

— Вѣдь мы говоримъ про *сильный* характеръ, — вступился Сергѣй.

— Да, крохотный характерецъ вы позволяете имѣть и женщинѣ!—засмѣялась Ольга.—Спасибо и на томъ... Мерсі, Наталья *Понкратовна*, я не хочу больше чаю... Вы что дѣлаете по утрамъ?

— Да какъ придется... Иногда съ дѣтьми, иногда хозяйство, мое домашнее, а то читаю, работою...

— Вы, Сергѣй Петровичъ?

— А я обыкновенно ѣзжу въ поле...

— Такъ возьмите меня съ собою... На лодкѣ туда не по дорогѣ будетъ?

— Нѣтъ, можно. Я хочу посмотрѣть покосы, а это какъ-разъ по рѣкѣ... Поѣдемъ, Наташа?.. Назадъ будетъ жарко, такъ я прикажу прислать за нами коляску... Поѣдемъ!

— Хорошо... Я дамъ дѣтямъ завтракъ и отпущу ихъ гулять, а потомъ поѣдемъ ..

— Это вы для меня?— улыбнулась въ сторону Наташи Лапшева.—Вы очень милы, Наталья *Понкратовна*!..

— Меня зовутъ Панкратьевна, а не Понкратовна, — мягко замѣтила Наташа.

— Ахъ, pardon chère madame Natalie!.. Панкратьевна... Да... Вашъ папа былъ Панкратій, а я думала Понкратъ... Панкратій...

Наташа ушла, извинившись.

На лодкѣ Ольга оказалась такимъ-же молодцомъ, какъ и на конѣ. Она гребла умѣло, сильно и замѣчательно красиво. Сергѣй невольюо залюбовался дѣвушкою и смотрѣлъ на нее долгимъ, любопытнымъ взглядомъ.

Наташа подмѣтила этотъ взглядъ и замѣтила, печально улыбаясь:

— Я такъ не умѣю, я совсѣмъ „насъ“ передъ *mademoiselle* Ольгой...

— Вы очень скромны, — смѣясь, сказала ей Ольга.

На покоеъ она вела себя домовитой и превосходной хозяйкою. Она подробно разспрашивала обо всемъ, сдѣлала нѣсколько очень дѣльных замѣчаній, высчитала при помощи Сергѣя и его управляющаго выгоды отъ труда наемнаго и крѣпостнаго, долго говорила съ управляющимъ о свойствахъ луговъ и пользѣ посѣва кормовыхъ травъ. Непродолжительные уроки Даенина принесли ей пользу, и она обнаружила положительно коммерческіе таланты.

— Вамъ-бы вотъ хорошее имѣніе въ руки, Ольга Павловна, вы надѣлали-бы чудесъ! — сказалъ Сергѣй.

— Да, я поставила-бы дѣло, но увы, у меня маленькое, да и то чужое имѣнье... Что дѣлать. Папа, какъ и многіе ему подобные, предпочиталъ бросать деньги на заграничныхъ курортахъ веденію хозяйства, и вотъ...

Она пожала плечами и презрительно выдвинула нижнюю губку.

— Наши имѣнія въ рукахъ разночинцевъ и кулаковъ...

— А что? — спросилъ Сергѣй.

— Но прочь мрачныя мысли!.. Я хочу надѣяться и жду многого... Хотите со мною въ союзъ, Сергѣй Петровичъ?

— Это союзъ подъ фирмою „надежды и ожиданія“?

— Нѣтъ. „Надежды и ожиданія“ — это девизъ фирмы, а ея вывѣска: „Трудъ и принципъ нераздѣльности“...

— Это немного темно, — замѣтила Наташа.

Ольга взглянула на нее.

— Для меня ясно. Я роялистка въ душѣ и принципъ нераздѣльности понимаю хорошо...

„Она не можетъ простить Наташѣ ея происхожденія! — думалъ Сергѣй, возвращаясь домой въ коляскѣ уже. — Но я докажу тебѣ, гордая красавица, что твои теоріи о неравности брака вздоръ!.. А какъ она хороша!.. Наташа все-же лучше, пожалуй... Въ Наташѣ больше нѣжной граціи, женственности, а эта точно львица... Сильная, смѣлая, гордая и бѣдовая... Въ чьи-то руки попадешь ты, огневая барышня?..

— О чемъ задумались? — спросила Ольга, слегка трогая Сергѣя зонтикомъ.

— О васъ...

— Да?.. Это очень много чести... Вы не ревнуете, Наталья Панкратьевна?

Наташа подняла на гостью свои большіе, прекрасные глаза, потомъ взглянула на мужа и покачала головою.

— Нѣтъ... Ревность такое чувство, которое не уживается въ моемъ сердцѣ. Я не умѣю ревновать.

— А если дорогой вамъ человѣкъ полюбитъ другую?

— Я, быть можетъ, умру отъ горя, но я ничего не буду дѣлать изъ того, что дѣлають обыкновенно въ припадкѣ ревности, то-есть не буду стрѣлять, рѣзать, не зарѣжусь и сама...

Ольга только плечами передернула и принялась вслухъ восторгаться картинами окружающей ихъ мѣстности. А картины были дѣйствительно хороши.

Дорога шла высокимъ мѣстомъ, и видно кругомъ было верстѣ на десять. Съ одной стороны шли луга, спускаясь къ рѣкѣ и далеко, далеко уходя за нее. За рѣкою яркими пятнами пестрѣли косцы, слышалась пѣсня оттуда, пахло душистымъ сѣномъ и свѣжестью рѣки. По другую сторону чернѣлъ лѣсъ, сливаясь съ горизонтомъ, а ближе къ дорогѣ и по склону къ рѣкѣ тянулась деревня съ новыми, чистыми и просторными избами, съ садами, съ высокими колодцами. Прямо была видна усадьба съ красивой церковью.

съ наряднымъ и изящнымъ барскимъ домомъ, съ садами и парками, съ новыми постройками, возведенными уже Сергѣемъ. Больница бѣлѣла своими стѣнами на темномъ фонѣ липовой рощи; школа, красивое деревянное зданіе съ черепичною красною крышею, стояла посрединѣ большаго дуга; образцовая ферма виднѣлась за нею; далѣе шли зданія коннаго завода съ пасущимся табуномъ, а тамъ опять дуга, поля, выгоны.

И все это было залито солнцемъ, все носило печать довольства, тишины и мирнаго труда...

„И все это мое, — думалъ Сергѣй, — и все это живетъ мною и во мнѣ... И мое, и Наташино, и моихъ дѣтей... Тихо тутъ, хорошо, дѣлается скромное дѣло, — и не мѣсто тутъ сильнымъ страстямъ... Наташа по мнѣ, я по ней... Мы, Чоглоковы, по природѣ земледѣльцы и фермеры, и отецъ, и дѣдъ, и прадѣды мои — всѣ жили тутъ мирно и трудолюбиво. Нѣтъ во всемъ нашемъ роду громкихъ исторій, славныхъ подвиговъ, но нѣтъ и громкихъ скандаловъ... Вонъ они, почившіе Чоглоковы, лежатъ кругомъ церкви, и, еслибы всѣ они встали и рассказали свою жизнь, то никто бы не возмутился духомъ отъ ихъ рассказовъ... Жили, тихо и прочно любили, работали, скромно веселились, шли иногда умирать на поле битвы, какъ мой милый отецъ, и кончали жизнь, оставляя хорошую память... Такъ проживу и я, тоже Чоглоковъ... Я долженъ быть другомъ моей жены, любящимъ отцомъ моихъ дѣтей и отцомъ вотъ этого народа, который цѣлые вѣка былъ близокъ къ Чоглоковымъ и развивался подъ ихъ эгидою. Никто, никто не разорветъ меня съ этимъ мѣстомъ и съ этимъ народомъ!“..

И передъ Сергѣемъ проносились картины далекаго прошлаго, вставала картина исторіи стариннаго рода Чоглоковыхъ. Исторія эта очень интересна, читатель, и я позволю себѣ рассказать ее вамъ. Исторіи вообще интересны, а у меня подъ руками факты, документы, записки, письма, ремарки. Это очень интересная исторія, читатель.

XV.

„Въ одиннадцатомъ вѣкѣ были призваны изъ-за моря варяжскіе князья править Русью. Слѣдствіемъ ихъ призванія было объединеніе славянскихъ племенъ и внесеніе въ славянскую землю новаго элемента — дружиннаго. Варяжскіе князья привели съ собою толпу своихъ единоплеменниковъ, которые относились къ князю, какъ къ товарищу“, — говоритъ историкъ.

Вотъ изъ этихъ-то „дружинныхъ людей“ и образовалось наше русское дворянство, а впослѣдствіи — боярство. Впрочемъ, слово „бояринъ“ гораздо старше того сословія, которое впослѣдствіи занимало первенствующее мѣсто: „бояриномъ“ назывался старшій дружинникъ князя, а младшіе — вольными слугами.

Собственно „дворяне“ появляются лишь въ XIII вѣкѣ. Это люди, жившіе *при дворѣ* князя.

Вотъ съ того-то времени и извѣстенъ родъ Чоглоковыхъ. При одномъ изъ великихъ князей находился „дворянинъ“ Чоглокъ, отъ котораго Чоглоковы и ведутъ свою родословную.

Во времена владычества татаръ „Чоглоки“ именуются Чоглоковыми и ведутъ вмѣстѣ съ удѣльными князьями упорную борьбу противъ овладѣвшихъ Русью варваровъ. Одинъ изъ Чоглоковыхъ значится въ лѣтописяхъ, какъ герой, убитый на рѣкѣ Калкѣ, другой замученъ татарами въ Золотой Ордѣ вмѣстѣ съ красавицей женою, которая не хотѣла полюбить татарскаго хана. Ханъ долго склонялъ красавицу на любовь ласками, потомъ угрозами, потомъ велѣлъ замучить на ея глазахъ какую-то плѣнную дѣвушку, чтобы устрашить красавицу Чоглокову, но она оставалась непреклонною. Тогда татаринъ велѣлъ призвать мужа и ему приказалъ склонить жену на признаніе его, татарина, за владѣльца и супруга красавицы, но Чоглоковъ, Борисъ по имени, съ негодованіемъ отказался отъ этого; ханъ велѣлъ и мужа, и жену положить обнаженныхъ въ муравейникъ и оставить

тамъ на три дня. Черезъ три дня отъ несчастныхъ супруговъ остались однѣ кости, которыя были сожжены, и развѣяны по вѣтру.

Длинную свѣтло-русую косу красавицы татаринъ придѣлалъ къ своей пикѣ, и долго коса эта развѣвалась на пикѣ ратовавшаго по полямъ татарина.

Затѣмъ до Іоанна Грознаго про Чоглоковыхъ не упоминается; при Грозномъ-же царѣ Чоглоковы занимаютъ уже важные служилые посты, воюютъ съ ливонцами и татарами, воеводствуютъ въ городахъ по Волгѣ и по Волгѣ-же награждаются землями, гдѣ одна изъ вѣтвей этого рода и основывается навсегда.

Это было время, когда на Руси впервые сталъ царь, правитель единый и вседержавный.

„Русскій царь,—говоритъ историкъ,—былъ уже такъ силенъ, что служба ему лично была самою почетною, и потому прежнія неважныя должности окольниковъ, стольника, стряпчаго, спальника, жильца и т. д. сдѣлались высокими санами, которые слѣдовали за боярскимъ саномъ. Эти саны не замедлили сдѣлаться *родовыми*, такъ что только извѣстные дворянскіе роды могли достигнуть извѣстнаго сана“.

Вотъ здѣсь-то и выдвинулся родъ Чоглоковыхъ. Вплоть до Алексѣя Михайловича они занимаютъ должности окольниковъ, стольниковъ, а потомъ и „думныхъ бояръ“.

Одинъ изъ Чоглоковыхъ при Іоаннѣ Грозномъ былъ въ числѣ посольства къ Стефану Баторію, другой казненъ руками Малюты Скуратова за отказъ идти въ опричники, а семья его сослана на далекій сѣверъ, гдѣ и создала свое отдѣльное, въ послѣдствіи очень обширное „дворянское гнѣздо“.

Одни изъ членовъ этого гнѣзда остаются дома и цѣлые вѣка занимаются хлѣбопашествомъ, привлекая къ себѣ добротой и милостью крестьянъ, переходившихъ до знаменитаго Юрьева дня отъ одного владѣльца къ другому; другіе идутъ служить, бьются съ крымскими татарами, съ поляками, съ вольницей „Тушинскаго вора“, а затѣмъ, при Петрѣ

Великомъ, ѣдутъ „за море“ получать образованіе и снова служатъ при царѣ, бьются со шведами, воздѣлываютъ землю.

При Петрѣ Великомъ и оснуется то „гнѣздо“, которое наслѣдуетъ теперь нашъ герой Сергѣй Чоглоковъ. Сперва „бояринъ“, а потомъ генераль-кригскоммисаръ и оберъ-шталмейстеръ Василій Чоглоковъ отпускается царемъ-преобразователемъ въ отставку и награждается землею въ средней полосѣ Россіи, гдѣ и селится.

Заслуженный, осыпанный царскими милостями, богатый и знатный Василій Чоглоковъ занимаетъ видное мѣсто среди губерніи и заселяетъ пожалованную землю двумя тысячами крестьянъ, перешедшихъ къ нему по наслѣдству отъ жены, урожденной валахской княжны изъ рода Бантышъ. Къ родовому гербу Чоглоковыхъ присоединяется гербъ валахскихъ князей — летящая птица, которая держитъ въ клювѣ крестъ. Крестьяне-валахи очень скоро акклиматизировались на новой землѣ, поженились на великороссахъ, и только преобладающій черный цвѣтъ волосъ у крестьянъ Чоглоковской вотчины остался на память о дѣдахъ и прадѣдахъ валахахъ.

Населившіе пожалованную Чоглокову землю валахи были лѣнны, — что лежитъ уже въ свойствахъ этого народа, — мало знали землю, мало были знакомы съ земледѣльческими орудіями чуждой имъ Россіи; но Василій Чоглоковъ былъ ученикомъ Петра, который на финскомъ болотѣ построилъ городъ и изъ дикихъ необузданныхъ стрѣльцовъ сдѣлалъ кроткихъ овецъ, а изъ неповоротливыхъ москвичей — чудное войско; — такъ Чоглоковъ сумѣлъ научить новыхъ земледѣльцевъ труду и ознакомилъ ихъ со всѣмъ. Впрочемъ, дѣлалось это не крутыми мѣрами, а энергіей, твердой волею и личнымъ примѣромъ. Василій Чоглоковъ, достойный ученикъ Петра, вставалъ съ разсвѣтомъ и шелъ на поле, на работу.

Волей-неволей шли и крестьяне.

— Холодно вамъ, ребята? — спрашивалъ оберъ-шталмейстеръ, стоя подъ осеннимъ дождемъ въ ботфортахъ и въ

суконномъ камзолѣ, съ лопатою, съ топоромъ, съ киркою или ломомъ въ рукѣ.

— Холодна, господинѣ!—отвѣчали валахи.

— Стройте скорѣе дома—и будетъ тепло!.. А голодно!

— Голодна, господинѣ!..

— Скорѣй пашите землю, сѣйте хлѣбъ, разводите скотъ Холодно и голодно тому, кто лѣнивъ, а труды Богъ любви и награждаетъ... Нашъ великій Императоръ Петръ Алексѣевичъ, всея Россіи Самодержецъ и Повелитель, работа съ утра до ночи, — такъ какъ-же намъ-то не работать!.. Живо, ребята, живо, а то совсѣмъ съ холоду да съ голоду пропадемъ!.. Я самъ съ хозяйкою пропадаю отъ холода, самъ въ землянкѣ живу!...

И, дѣйствительно, ученикъ Великаго Петра не пѣжилъ себя. Онъ, похоронивъ первую жену, женился на хорошенькой плѣнной шведкѣ, дочери простаго солдата, названной—въ честь Императрицы — Екатериною, и жилъ съ нею въ землянкѣ, какъ и всѣ его крестьяне. Только для больныхъ, для женщинъ - матерей да для малыхъ ребятъ былъ построенъ въ томъ имѣніи деревянный баракъ съ печами и кубами для горячей воды, а то всѣ, не исключая барина, питались холодной пищею. Желаніе жить въ тепломъ домѣ и ѣсть горячую пищу сильно двигало работы, и уже черезъ годъ пожалованная земля была застроена и нестрѣла вснаханными и цвѣтущими полями, а еще черезъ годъ, словно по щучьему велѣнію, выросли на землѣ барскія хоромы и церковь.

Сынъ Василя Чоглокова, Тимоѣей Васильевичъ, жилъ уже въ превосходномъ барскомъ домѣ, окруженномъ садомъ и тридцатилѣтнимъ паркомъ. Рѣкѣ было дано новое теченіе, болота были осушены, дороги сдѣлались проѣзжими, а изъ лѣнивыхъ апатичныхъ валаховъ образовался народъ бойкій, веселый, роботящій, и по зеленымъ нивамъ, по поемнымъ лугамъ зашестрѣли красныя русскія рубахи, кафтаны, сарафаны и кички. Раздалась русская пѣсня, смѣнившая унылую,

тоску наводящую, дудку валаха, вывезенную съ далекой родины.

Земля тучнѣла, лѣса и рощи выросали, парки дѣлались тѣнистыми, а Чоглоковы росли, учились въ столичныхъ сухопутныхъ и морскихъ корпусахъ, мужали, женились, приходили въ свое родовое гнѣздо, все расширяя его, улучшая, умирали и оставляли наслѣдниковъ, часть которыхъ оставалась на мѣстѣ, а часть прибрѣтала новыя земли и заселяла ихъ, а когда было нужно—мѣняла плугъ на оружіе и шла защищать родную землю отъ врага.

При Екатеринѣ Великой имѣніе, которое принадлежало теперь Сергѣю, числилось за генераломъ-аншефомъ Петромъ Петровичемъ Чоглоковымъ.

Петръ Петровичъ то дѣлалъ походы съ Суворовымъ, то жилъ при блестящемъ дворѣ Екатерины и въ имѣніе не заглядывалъ. Имъ управлялъ управитель изъ богемцевъ или чеховъ, и единственно только это время было темнымъ пятномъ на жизни этого имѣнія.

Петръ Петровичъ исправно получалъ доходы, жалобъ на чеха не слыхалъ, былъ очень занятъ службою и совѣмъ не зналъ, что дѣлается въ его имѣніи. А дѣлалось тамъ очень не хорошее.

Чехъ грабилъ крестьянъ и помѣщика, сводилъ лѣса, мужиковъ посадилъ на барщину, не переставая брать и оброки, а имѣніе обратилъ въ свое фамильное, чувствуя себя какимъ-то владѣтельнымъ князькомъ или, вѣрнѣе, ханомъ. Онъ имѣлъ чуть-ли не гаремъ изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, завелъ свой театръ и балетъ, завелъ оркестръ музыки и давалъ такіе балы и фестивали, что подобныхъ не было на двѣсти, на триста верстъ въ округѣ.

Съ крестьянами онъ обращался жестоко, а дворовыхъ тиранилъ съ какимъ-то непонятнымъ и варварскимъ ожесточеніемъ.

Наконецъ, терпѣніе крѣпостныхъ лопнуло, и они отправили къ барину въ Питеръ „ходоковъ“ съ жалобою.

Жалоба дошла по назначенію и принесла плоды.

Какъ-разъ въ день особенно разгульнаго фестиваля, когда балетчицы, очень откровенно одѣтыя, танцовали въ залѣ передъ гостями чеха, а въ саду гремѣла музыка, трещали потѣшныя огни, заглушая стоны тамъ и тутъ наказываемыхъ танцовщицъ, горничныхъ, лакеевъ, музыкантовъ, актеровъ,— какъ-разъ въ это время на дворъ барскаго дома влетѣла взмыленная четверня лошадей, запряженная въ дорожный дормезъ вѣнской работы, и остановилась у параднаго крыльца.

— Кто пріѣхалъ? — спросилъ чехъ, видя изъ окна коляску.—То не каспадинъ-ли комиссаръ изъ городъ, котора котѣль бить у меня?

— Пріѣхалъ нашъ баринъ генераль-анфешъ Петръ Петровичъ Чоглоковъ!..

Съ чехомъ чуть не сдѣлался ударъ.

Да и лучше-бы!

Генераль-анфешъ круто расправился съ управителемъ и его клевретами.

Черезъ два часа отъ чеха и слѣда не осталось, а затѣмъ были отданы подъ судъ всѣ его поощрители и потворщики, перебраны всѣ исполнители его дикой воли,—и въ имѣніи началась новая жизнь, а жители его благословили день и часъ пріѣзда барина.

Съ того времени Чоглоковы не оставляли уже своего имѣнія и правили имъ сами, а если приходилось оставить,— какъ, напримѣръ, покойному отцу Сергѣя,— то управителями выбирались старосты изъ крестьянъ и непременно самими крестьянами, за ихъ круговую порукою и отвѣтственностью. Такъ шло до самой крымской кампаніи, послѣ которой вступилъ во владѣніе имѣніемъ нашъ герой Сергѣй, къ которому мы и вернемся, рассказавъ исторію его рода—рода, честно потрудившагося и хорошо послужившаго своей родинѣ.

Много такихъ родовъ и много еще послужать они своему отечеству!..

И вотъ, Сергѣй думалъ о своихъ предкахъ, подъѣзжая къ женою и Ольгой къ имѣнію.

„Да,—думалъ онъ,—всѣ они были хорошіе и честные люди, всѣ они были по преимуществу земледѣльцы,—и вотъ плоды ихъ трудовъ... Вотъ эти тучныя поля, дуга, искусственно орошенные, эти вотъ лѣса, парки, рощи, сады, благоустройство вотъ этихъ деревень... Они любили жителей въ деревень, знали ихъ нужды, и если дѣлали когда-дѣ вредъ, то просто ошибались... Я не долженъ уже вѣшаться, и я буду все, все дѣлать, чтобы тутъ жилось хорошо и мнѣ, и имъ... Моя милая подруга помогаетъ мнѣ, любить меня, а потому любить и мое дѣло... Я счастливъ... Да, я смѣло могу сказать, что я счастливъ, и никто не разобьетъ моего счастья, развѣ случай какой-нибудь, роковой, страшный случай, а то никто“...

— Хорошо въ деревнѣ, очень хорошо!—перебила думы Сергѣя Ольга Лапшева.

Онъ взглянулъ на нее.

— Хорошо?

— Очень!.. Но я увѣрена, что любить ее можетъ только человѣкъ, тѣсно связанный съ нею, кость отъ кости ея и плоть отъ плоти, то-есть дворянинъ-помѣщикъ и крестьянинъ... „Пришлецы“, люди всѣхъ другихъ сословій и общественныхъ положеній, не только не полезны деревнѣ, а вредны, какъ-бы они ни притворялись, что любятъ ее...

Наташа покраснѣла и растеряннымъ, почти умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на мужа.

Коляска въ это время въѣхала на „красный дворъ“, обогнула его и остановилась у подъѣзда.

Сергѣй помогъ дамамъ выйти, отстранивъ выбѣжавшаго лакея.

— Хотите пройтись немного по саду до завтрака, Ольга Павловна?—обратился Сергѣй къ Ольгѣ.—Наташа займется пока хозяйствомъ и ускорить нашъ завтракъ...

— Охотно!—согласилась Ольга и оперлась на руку Сергѣя.

Онъ кивнулъ головою женѣ и повелъ гостью въ садъ.

Наташа знала, что Сергѣй будетъ говорить съ Ольгой о ней, о Наташѣ,—знала, что Лапшева никогда не задѣнетъ ея самолюбія неосторожнымъ, а, быть можетъ, и умышленнымъ, нарочито злымъ замѣчаніемъ о „разночинцахъ“, о „неровнѣ“, о „пришельцахъ“.

Такъ и было.

Только-что Сергѣй ввелъ Ольгу въ садъ, какъ сейчасъ-же и началъ съ нею разговоръ на эту тему.

— Ольга Павловна, у меня къ вамъ просьба...

— Просьба?

— Да... Мы съ вами старые знакомые, и я буду откровененъ... Притомъ-же я не свѣтскій человѣкъ болѣе, а деревенскій житель, помѣщикъ-степнякъ, и потому чистосердечная откровенность моя не должна васъ смущать...

— Вы что-то „страшное“ хотите сказать мнѣ, если предисловіе такъ длинно,—улыбнулась Ольга.

— Я хочу сказать вамъ, что вы обижаете мою жену...

Ольга вопросительно взглянула на него.

— Да, Ольга Павловна... Вы знаете ея происхожденіе, и ваши упоминанія о разночинцахъ, о пришельцахъ должны очень обижать ее... Конечно, васъ никто не можетъ упрекнуть въ отсутствіи такта, и это тѣмъ болѣе странно... Это похоже на умыселъ, Ольга Павловна...

Лапшева вспыхнула, грудь ея всколыхнулась, шаги сдѣлались быстры и неровны.

— Да... да, это происходитъ не отъ недостатка такта,—сказала она.—Но и не умыселъ это... Это результатъ нервовъ... Я такъ много насмотрѣлась на хищничество чуждыхъ землѣ людей, такъ убѣдилъ меня мой милый другъ Урбанцевъ во вредѣ „пришельцевъ“, что я не могу, не могу не говорить!.. Невольно срывается съ языка... Когда, знаете, очень больно, тогда люди самые благовоспитанные забываютъ о тактѣ...

— И вы видите въ моей женѣ одного изъ такихъ „хищ-

никовъ“?.. Моя жена дѣлаетъ вамъ больно?—слегка дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Сергѣй.

— Да!..

— Ольга Павловна...

— Пойдите, не перебивайте меня... Вы вызвали меня откровенность, и я буду откровенна... Ваша жена очень, очень добрая, очень хорошенькая, очень любитъ васъ и ихъ дѣтей, но... но...

Договаривайте Ольга Павловна.

Но она вамъ не пара!.. У васъ въ рукахъ громадно, отъ васъ зависитъ благосостояніе множества людей, что благосостояніе не придетъ, если ваша жена будетъ огорчать васъ... Каждый работающій человекъ можетъ бѣдѣть, но она болѣе чѣмъ ошибается... Она завела что-то школы, которыя совсѣмъ не нужны тутъ...

— оны не нужны?—спросилъ Сергѣй.

— такія, какія завела ваша жена... Это нѣмецкія школы, школы съ Ланкастеромъ и Фребелемъ — вредъ для насъ крестьянина... Это уже не ошибка... „C'est plus qu'un si — c'est une faute“, — какъ сказалъ Талейранъ...

— Понимаетъ, но причѣмъ же тутъ происхожденіе?—спросилъ Сергѣй.—Все это могла дѣлать и не Наташа, и не вышедшая „изъ народа“ женщина...

— Вотъ то-то и есть, что жена ваша не „изъ народа“!.. О, если-бъ вы женаты были на простой крестьянкѣ—было бы... было-бы не дурно... Крестьянка знаетъ быть народа и должна любить его... Ваша жена не крестьянка и не женщина вашего круга... Она должна презирать народъ...

— Вы ошибаетесь, — сухо сказалъ Сергѣй. — Жена моя очень добра, умна, достаточно образована и любитъ народъ, какъ любить меня...

— О, если-бъ я ошибалась!.. Но вы сердиты, Сергѣй Петровичъ?.. Простите... Вы хотѣли, чтобъ я была откровенна... И знаете что? Откровенность никогда, никогда не портитъ дѣла...

— Да, я согласенъ съ этимъ... Но намъ пора идти завтракать, Наташа ждетъ насъ...

Сергѣй вернулся и уже молча довелъ Ольгу до столовой...

XVI.

Ольга жадно приглядывалась ко всему въ имѣніи Чоглокова, чтобы найти какія-нибудь „ошибки“ Наташи. И если-бы Ольга захотѣла быть справедливою, то должна-бы была сознаться, что такихъ „ошибокъ“ немного, почти нѣтъ.

Она ухватила за школу, которая составляла какъ-бы собственность Наташи, и бичевала ланкастеровскую систему обученія, находя ее непригодною, даже вредною для крестьянскихъ дѣтей; но если это и было такъ, то это составляло единственную ошибку школы, и Наташа согласилась съ Ольгою, поблагодарила ее за добрый совѣтъ и поручила учителю мальчиковъ и учительницѣ дѣвочекъ измѣнить методу, что тѣ охотно и сдѣлали, вовсе не будучи сторонниками этой методы.

Больше Ольгѣ не къ чему было придраться, и она начинала быть мелочно-придирчивою, несправедливою къ Наташѣ.

Ольга, погостивъ у Чоглоковыхъ около недѣли, уѣхала, но скоро вернулась опять, подъ предлогомъ взглянуть на уборку хлѣба.

„Но умыселъ другой тутъ былъ“...

Ольга полюбила Сергѣя.

Порывистая натура этой дѣвушки не могла укладываться въ тѣсныя рамки труда, хотя-бы этотъ трудъ и былъ очень по душѣ. Нужно было еще сочувствіе, помощь, нуженъ былъ близкій человѣкъ, нужно было „любви“... И Ольга полюбила.

Она съ ужасомъ замѣтила въ себѣ любовь къ Чоглокову еще въ первый пріѣздъ свой, но сейчасъ-же взяла себя въ руки, побѣдила сердце разсудкомъ и уѣхала.

Но когда она очутилась одна, съ единственнымъ близкимъ человѣкомъ—отцомъ, старикомъ слабымъ, отжившимъ, обремененнымъ и чуть-ли не „тронувшимся“ немного, она чувствовала страшное одиночество и затосковала, а искра любви къ Сергѣю разгорѣлась цѣлымъ пожаромъ страсти,—сти бурной, глубокой, сильной, какъ и подобало Ольгѣ. Едва около нея человѣкъ, котораго она могла-бы хоть что-нибудь уважать и любить,—она, можетъ быть, забыла Сергѣя; но такого человѣка не было.

Вѣрно такъ высоко стоявшій Даенинъ сдѣлался ей гадкимъ, она съ негодованіемъ, съ брезгливостью смотрѣла на доморощенного „Штольца“, на этого „очищенного кула“.

А въ слухи шли ужасные: онъ свелъ весь лѣсъ, загрязнилъ рѣку своимъ заводомъ и забралъ мужиковъ въ желѣзныя оковы, опутавъ ихъ, какъ паутиною.

Ольга могла-бы теперь видѣть Даенина, наговорила-бы ему жестостей, способна-бы была прогнать его, если-бъ онъ осмѣлился явиться.

Да онъ и не являлся. Онъ привезъ въ свое имѣніе изъ Москвы къ какому-то фарфорово-подобную нѣмку, заплатилъ за нее антрепренеру какого-то увеселительнаго заведенія громадную неустойку и наслаждался съ этой нѣмкою безмятежнымъ счастіемъ, что не мѣшало ему держать нѣмку въ ежовыхъ рукавицахъ.

„По натурѣ бурлацкой—
Онъ то ноги ей цѣловалъ,
То хлесталъ ее плетью казацкой“,—

какъ у Некрасова сказано про одного изъ такихъ-же Даениныхъ, только не „очищенныхъ“. Ольга нервничала, тосковала и рвалась въ имѣніе Чоглокова, отыскивая лишь благовидный предлогъ.

— Я оторву его отъ этой женщины!—думала она.—Не пара ему эта женщина, не пара!.. Это *неравный бракъ*, а неравный бракъ не можетъ быть счастливымъ, катастрофа

неизбѣжна... Очень будетъ несчастливъ этотъ хорошій, этотъ великодушный человѣкъ... Не за своимъ счастьемъ иду я,— нѣтъ, клянусь, нѣтъ!.. Я хочу его счастья и хочу *дѣла* вмѣстѣ съ нимъ... Только съ равною можетъ онъ сдѣлать хорошее, честное дѣло, и я пойду къ нему... Я *должна*, должна разбить это призрачное счастье, этотъ неравный бракъ!...

И ей, волей-неволей, приходила на память недавно въ ихъ-же краяхъ разыгравшаяся исторія, гдѣ героями были мужъ и жена „неровнюшки“ и... и похожій на Ольгу искатель счастья у чужаго очага.

Я расскажу эту исторію читателю въ заключеніе моего романа и скоро кончу исторію моихъ героевъ, которыми, быть можетъ, слишкомъ долго занималъ,—если только занималъ,—снисходительныхъ читателей моихъ.

Если герои этого романа успѣли наскучить,—тѣмъ лучше рассказать про другихъ.

И Ольга, и Чоглоковъ, и Наташа хорошо знали эту исторію.

Верстахъ въ пятидесяти отъ города Н., губернскаго города той мѣстности, была расположена усадьба Никиты Степановича Горяина.

Небольшой, красивой архитектуры домикъ Горяина смотрѣлъ своими окнами на вьющуюся лентой дорогу, которая терялась въ густомъ сосновомъ лѣсу.

Передъ окнами былъ разбитъ садикъ съ куртинами и клумбами, заботливо приводимыми въ порядокъ женою Николая Семеновича, хорошенькою Варварою Павловною.

Горяинъ не былъ богатъ, но при очень скромной жизни ему жилось очень недурно, и онъ не завидовалъ своимъ прежнимъ товарищамъ, вышедшимъ въ люди“ и занимающимъ болѣе видныя мѣста въ обѣихъ столицахъ. Незадолго передъ этимъ онъ женился почти такъ-же, какъ и Сергѣй, на воспитанницѣ богатой барыни,—на воспитанни-

цѣ изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ,—и уѣхалъ въ свое родовое гнѣздо.

Онъ не скучалъ.

Варвара Павловна была слишкомъ хорошей подругой жизни, чтобы можно было быть хотя нѣсколько недовольнымъ этой жизнью. Красавица собой, милая, ласковая, съ душой, отзывчивой на все доброе, съ умной головкой, достаточно для деревни образованная и при всемъ этомъ съ скромными желаніями,—она была, кажется, создана нарочно для того, чтобы составить супружеское счастье.

И она составила его Горяину.

Какъ-то разъ Николай Степановичъ съ своей молоденькой женой сидѣлъ на террасѣ и наслаждался двумя любимыми имъ до страсти вещами: чистымъ деревенскимъ воздухомъ и чаемъ, который какъ то особенно хорошо приготавлила Варвара Павловна.

Вечеръ былъ чудный.

Жара только спала, повѣяло легкой прохладой; недавно распустившіеся листья тополей, вчера спрыснутые дождемъ, наполняли воздухъ благоуханіемъ; изъ лѣсу неся ароматы сосенъ и тотъ особый, свойственный только русскимъ лѣсамъ запахъ, который такъ знакомъ всякому, бывавшему весной въ деревнѣ. Это запахъ *отходившей* послѣ пятилѣтней зимней спячки земли, смѣшанный съ запахомъ молодой хвои и тѣхъ маленькихъ лиловыхъ цвѣточковъ, которые называютъ подснежниками.

Николай Степановичъ закурилъ сигару, пустилъ тонкую голубоватую струйку дыма и прошелся по террасѣ.

— Какая чудная погода, Варя! — восторженно сказалъ онъ. — Хочется пѣть, читать стихи — и стихи, знаешь, не о бѣдности, не о страданіяхъ, а тѣ поэтическія стихи, гдѣ поэтъ говоритъ о птицахъ, о любви, о чудномъ краѣ...

— Ха, ха, ха! — засмѣялась Варвара Павловна. — Какой ты мечтатель! Я еще не видала тебя весной — вѣдь это первая наша весна — ты поэтъ, Коля!

— Еще-бы не быть поэтомъ въ такой-то вечеръ!... Право, самый черствый, засидѣвшійся за дѣловыми бумагами чиновникъ начнетъ декламировать что-нибудь изъ Фета въ такой вечеръ!.. Воображаю, какъ моему милому Вольдемару понравится русская деревня, послѣ всѣхъ этихъ Павловскихъ, Парголовыхъ и т. п.

— Какому Вольдемару?—спросила Варвара Павловна.

— Ахъ, виновать Варя, я тебѣ и забылъ сообщить новость!.. Когда ты въ лѣсъ ходила, мнѣ Иванъ съ почтовой станціи принесъ письмо: пишетъ мнѣ изъ Питера мой милѣйшій другъ и сослуживецъ бывшій, князь Борцовъ, что пріѣдетъ ко мнѣ гостить на недѣлю; онъ въ Москвѣ на слѣдство послѣ бабушки получаетъ...

Варвара Павловна порывисто поставила на столъ чашку и скинула на мужа свои чудные лучистые глаза.

— Борцовъ? Владиміръ Дмитричъ?—спросила она.

— Да, Владиміръ Дмитричъ... Ты знаешь его?—удивленно спросилъ Горяинъ, замѣтивъ удивленіе жены.

— Знаю... Князь Борцовъ!.. Боже мой, Боже мой!—проговорила Варвара Павловна и подошла къ мужу.

— Знаешь, Коля,—это моя первая любовь... Два года тому назадъ... нѣтъ, больше, три года—Борцовъ былъ для меня очень, очень дорогъ!—проговорила она, кладя руки на плечо мужу.

Горяинъ пытливо взглянулъ ей въ глаза.

— Да! А теперь?... Теперь онъ не опасенъ?

— Богъ съ тобой! Я тогда была дѣвочкой, увлеклась имъ, а онъ... я не знаю, очень-ли онъ любилъ меня, или только притворялся; по крайней мѣрѣ, когда мадамъ Крутикова, у которой я жила тогда, предложила ему сдѣлать мнѣ предложеніе—онъ не сдѣлалъ его и пересталъ бывать у насъ... Онъ очень симпатичный и милый, мнѣ онъ понравился съ первой встрѣчи...

— Чудный малый!—сказалъ Николай Степановичъ.— Ты видишь: когда ему предложили не компрометировать

тебя, онъ сію-же минуту пересталъ бывать, а онъ очень, очень любилъ тебя: я слышалъ еще въ Москвѣ, что князь ѣдетъ за-границу лѣчиться отъ несчастной любви къ какой-то бѣдной простой дѣвушкѣ...

— Несчастной любви? Отчего-же несчастной любви? Я его любила, и онъ это видѣлъ, — сказала Варвара Павловна.

— Э-эхъ, милая, онъ принадлежитъ къ такому обществу, въ которомъ требованія очень строги, и женитьба на бѣдной, безродной дѣвушкѣ для него была немислима.

— Да! — протянула Варвара Павловна. — Ну, это не очень еще сильная любовь, если предразсудки общества заставили его отказаться отъ любимой дѣвушки!.. Ты тоже принадлежалъ къ обществу. однако... Нѣтъ, Коля, тебѣ не опасенъ этотъ гость!.. Но, знаешь, мнѣ отчего-то не хочется, чтобъ онъ пріѣхалъ.

— Боишься, что увлечетъ тебя красавецъ-князь?

— Нѣтъ, бояться-то я не боюсь, но мнѣ непріятно встрѣчаться...

— Непріятно это будетъ и ему.

— Отчего?

— Придется пожалѣть: ты такъ похорошѣла, что человѣку, который могъ-бы обладать тобою, тяжело будетъ сознаніе, что это уже, увѣ, поздно!

Варвара Павловна ничего не сказала. Она задумчиво смотрѣла вдаль и потомъ улыбнулась и весело взглянула на мужа.

— А если, дѣйствительно, я похорошѣла и князь найдетъ меня достойной его сіятельства—я буду отомщена! — сказала она.

— А ты развѣ была обижена имъ? — спросилъ мужъ.

— Еще-бы! Я же тебѣ говорю, что на предложеніе мадамъ Крутиковой жениться на мнѣ, онъ отвѣтилъ тѣмъ, что пересталъ бывать у насъ... Это развѣ не обида? Да, Коля, мнѣ и непріятно видѣть князя, и хочется въ то-же время помучить его, наказать!

— Вѣчное желаніе женщины!—засмѣялся Горинъ. — А ты очень любила князя?

— Я была еще такъ юна, что сильной, страстной любви чувствовать не могла, — но онъ мнѣ нравился, и я бы тогда съ восторгомъ пошла за него...

— А теперь ты вполне увѣрена, что князь не опасенъ мнѣ, а?

На другой день утромъ, только что Горинны сѣли за чай, на той-же террасѣ, за рощей раздались звуки приближающагося колокольчика.

— Это вѣдь катить нашъ гость! — сказалъ Николай Степановичъ, вставая.

— Вѣроятно, онъ... Вотъ поднялся въ гору тарантасъ... Да, къ намъ! — не безъ волненія говорила Варвара Павловна. Мужъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Бьетъ сердечко тревогу?

— Нисколько!.. Но какая странная случайность!..

— Да, сама судьба сводитъ два любящихъ сердца, ха, ха, ха! Поди, Варя, переодѣйся и потомъ выйдешь къ князю сюрпризомъ... То-то удивится, я думаю!..

Варвара Павловна улыбнулась и быстро ушла съ террасы.

Минутъ черезъ пять тарантасъ, запряженный тройкою взмыленныхъ лошадей, быстро вкатилъ на дворъ, и князь, не касаясь подножки, на ходу выскочилъ на встрѣчу Николаю Степановичу. Пріятели расцѣловались и пустились въ нескончаемыя воспоминанія.

Черезъ полчаса на террасу вошла Варвара Павловна.

— Вотъ и жена... Варя, позволь тебѣ представить моего друга, князя Владиміра Дмитрича...

— Mademoiselle... — прошепталъ князь и, уронивъ сигару, остановился передъ Варварой Павловной. — Mademoiselle... Варвара Павловна... Какая встрѣча!..

— Мы знакомы давно, Коля, — совершенно покойно продолжала Варвара Павловна и пожала руку князю.

— Здравствуйте, князь!... Три года прошло, какъ мы не видались съ вами, а вы нисколько не измѣнились, все такъ-же молоды!

— Но вы...

— О, я измѣнилась!.. Я уже два года замужемъ, князь.

— Эти три года если и измѣнили васъ, то къ лучше-му: вы похорошѣли, mademoiselle... Варвара Павловна, — сказалъ, оправившись, князь.

— Такъ вы знакомы?—притворно удивился Горяинъ.

— Да, да! Варвара Павловна та...

— Та дѣвушка, про которую ты говорилъ мнѣ.

— Да...

— А что говорилъ князь про меня? — лукаво спросила Варвара Павловна.

— Я говорилъ, что имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ съ одною дѣвушкой, съ которой провелъ нѣсколько лучшихъ часовъ моей жизни, — проговорилъ князь.

— Да?.. Не вѣрь, Коля, князь шутить: онъ, живши все время въ Петербургѣ, въ теченіе полугода не бывалъ въ этомъ домѣ, гдѣ жила эта дѣвушка... Помните, князь? Князь опустилъ глаза.

— Это... На это были особенныя обстоятельства, — тихо проговорилъ онъ.

— Быть можетъ!.. Однако, князь, вѣроятно голодаетъ съ дороги. Я прикажу подать завтракъ... Князь, вы пьете чай или кофе? Не хотите-ли деревенскаго молока?

— Позвольте... Впрочемъ, нѣтъ, я ничего не хочу теперь... Если... вы позволите, послѣ, а теперь я-бы прошелся немного, я такъ много сидѣлъ...

— Отлично! А послѣ прогулки мы будемъ завтракать. Nicolas, покажи князю нашъ садъ, сейчасъ приду туда и я. Князь слегка поклонился и, взявъ подъ руку Николая Степановича, сошелъ съ террасы.

Варвара Павловна посмотрѣла ему вслѣдъ и улыбнулась долгой, грустной улыбкой...

XVII.

Прошло три дня. Князь, повидимому, очень весело проводилъ время у Горяиныхъ: много гулялъ, катался съ Варварой Павловной верхомъ, читалъ ей вслухъ или слушалъ ея пѣніе; по вечерамъ въ уютной деревенской гостиной собиралось небольшое общество, и князь былъ всегда душою этого общества, — рассказывалъ анекдоты, блисталъ остроуміемъ, пѣлъ новые куплеты. Но опытный глазъ замѣтилъ бы, что это веселье „не отъ души“, что у князя есть какая-то тяжелая дума, и что его веселость напускная. Онъ часто задумывался, безо всякой, повидимому, причины становился мраченъ, и лишь только вниманіе общества отвлекалось чѣмъ-нибудь отъ него, какъ онъ садился въ уголъ и, блѣдный, задумчивый, оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не замѣчалъ его.

Впрочемъ, умѣнье держать себя, умѣнье владѣть собой такъ были велики у князя, что даже Николай Степановичъ не замѣчалъ тоски своего пріятеля, и только Варвара Павловна угадывала причину этой тоски.

Догадки скоро оправдались.

Еще въ первый день Варвара Павловна увидѣла у князя довольно большую книжечку, переплетенную въ изящный переплетъ и постоянно носимую княземъ въ карманѣ.

— Это книга любимаго вами автора, князь?—спросила она.

— Да, любимаго, — улыбнулся онъ. — Это мои записки, замѣтки, ремарки и т. п.

— Вы ведете записки?

— Не постоянно, но имѣю обыкновеніе часто записывать свои впечатлѣнія.

— Много вы записывали сегодня?—лукаво спросила Варвара Павловна.

Князь взглянулъ на нее и опустилъ глаза.

— Да, записалъ, — проговорилъ онъ. — Я вспомнилъ былое и сравнилъ его съ настоящимъ...

— Ну, что же?

— Былое вѣдь всегда жалѣютъ, Варвара Павловна, — пожалѣлъ и я...

На третій день пріѣзда она гуляла въ саду; Николай Степановичъ и князь уѣхали съ визитомъ къ одному сосѣду. Въ уютномъ уголкѣ сада была бесѣдка, въ которой особенно любилъ бывать князь; Варвара Павловна прошла къ этой бесѣдкѣ и заглянула въ нее. На столикѣ лежали соломенная шляпа князя, номеръ какого-то журнала и знакомая книжка въ изящномъ переплетѣ.

Велико женское любопытство, и Варвара Павловна не устояла противъ него; побудительныя причины были очень сильны. Она вошла въ бесѣдку и открыла книжку. Последняя страница была помѣчена этимъ днемъ и вся исписана мелкимъ красивымъ почеркомъ князя. Варвара Павловна подумала минутку и начала читать.

„6-го мая вечеръ. Какъ страшно наказала меня судьба! — писалъ князь. — Болѣе чѣмъ чрезъ два года я совершенно случайно встрѣтилъ дѣвушку, которую когда-то любилъ и которая готова была отвѣтить мнѣ тѣмъ же, но я, ослѣпленный дикими предразсудками, ослѣпленный мечтами о какой-то широкой дѣятельности, бѣжалъ отъ этой дѣвушки и кичился своей силой воли: гордился тѣмъ, что сумѣлъ отказаться отъ любимой особы во имя своихъ принциповъ... Гордость моя наказана. Я опять встрѣтилъ эту особу, но какъ встрѣтилъ!... Она принадлежит другому, любить этого другого, вполне отдана ему, и я, отказавшійся добровольно обладать ею, чувствую, что я люблю ее, люблю больше, сильнѣе, чѣмъ тогда!...

Боже, какъ она хороша! какъ она разцвѣла! Тогда это былъ бутонъ, обѣщавшій быть роскошнымъ цвѣткомъ, — теперь этотъ цвѣтокъ, вполне распустившійся, благоухающій!

Она мила, любезна со мной, будто ничего и не было, а вѣдь она имѣетъ право полное презирать меня...

Зачѣмъ я ѣхалъ сюда, зачѣмъ я ѣхалъ!“

7-го мая. Вотъ когда пришло время испытать свою волю-то, свою силу характера! Теперь надо бѣжать мнѣ, теперь я *обязанъ* бѣжать, но... Нѣтъ, у меня не хватитъ силы бѣжать отъ нея!... Я ищу въ себѣ этой силы, чувство долга шепчетъ мнѣ: бѣги, бѣги отсюда! Это же говорить и разсудокъ, но я не имѣю силы бѣжать!... Быть съ нею, слышать ея голосъ, видѣть ее—для меня уже счастье, и, лишенный этого счастья, я погибну, какъ лишенный воздуха!“

Варвара Павловна положила книжку на столъ и задумалась.

Узнавъ отъ мужа, что къ нимъ пріѣдетъ князь, когда-то оскорбившій ее, она была рада этому; въ ней заговорило чувство оскорбленнаго женскаго самолюбія и явилось желаніе отомстить. Зеркало подсказало, что она достаточно хорошо вооружена для этой мести, и она ждала минуту, когда князь, этотъ блестящій премьеръ петербургскихъ гостинныхъ, бросившій любившую его бѣдную дѣвушку, увидитъ ее въ другой обстановкѣ, развившуюся, похорошѣвшую, и раскрасится...

Молодая женщина торжествовала при мысли объ этомъ, но теперь ей стало жаль князя. Она видѣла, что онъ слишкомъ много любилъ ее, и она готова была обвинить себя за это желаніе. Но винить можно было только развѣ за желаніе, что же касается до какихъ-либо мѣръ, употребляемыхъ для осуществленія этого желанія—ихъ не было. Варвара Павловна еще и не начинала своей атаки, какъ князь полюбилъ ее.

И Варвара Павловна искренно жалѣла князя.

— Поздно, поздно, бѣдный князь, полюбили вы меня!—думала она. — Теперь увь, вамъ именно нужно бѣжать, и только бѣжать!...

И она рѣшилась какъ можно скорѣе устроить отъѣздъ князя, не брезгуя для достиженія этого никакими мѣрами.

Увь! этого не удалось бѣдной молодой женщинѣ... Черезъ два дня послѣ этого князь застрѣлился.

И вотъ, Ольгѣ Лапшевой невольно приходила на память

эта исторія „норовнаго брака“, невольно приходила на память судьба князя Борцова; но тѣмъ не менѣе — дѣвушка рѣшилась ѣхать къ Чоглоковымъ и поѣхала.

Чоглоковы встрѣтили гостью радушно, но не надо было имѣть особенной наблюдательности, чтобы замѣтить нѣкоторую холодность, которая сквозила у хозяевъ чрезъ ласковое и радужное обращеніе съ гостьей.

Ольга не показала вида, что замѣчаетъ это, и вела себя непринужденно и весело, когда была тутъ Наташа и напускала на себя тонъ мечтательной грусти, когда оставалась tête-à-tête съ Сергѣемъ.

Это удавалось не часто: Чоглоковъ избѣгалъ такихъ tête-à-tête'овъ и замѣтно удалялся отъ Ольги. Когда дѣвушка предлагала ему ѣхать верхомъ, онъ охотно и любезно соглашался, но приглашалъ и жену, а если Наташа чувствовала себя не особенно хорошо, или была расположена проводить время дома, съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, что отлично подмѣчалъ Сергѣй, то онъ извинялся и говорилъ, что ему нездоровится, предлагая гостѣѣ ѣхать съ его племянникомъ — юнкеромъ, гостившимъ у Чоглоковыхъ.

Сергѣй видѣлъ, что Лапшева любитъ его, и боялся этого чувства, вспыхнувшаго у пламенной эксцентричной дѣвушки.

Въ концѣ перваго пріѣзда Ольги, онъ замѣтилъ, что у него шевельнулось чувство, похожее на любовь къ Ольгѣ, и тогда испугался еще болѣе, чѣмъ теперь, но въ промежутокъ времени, которое раздѣляло посѣщенія Ольги, это чувство шевельнувшейся любви быстро прошло у Сергѣя, и теперь онъ удивлялся даже, какъ могло оно придти. Онъ мысленно извинялся передъ женою за это мимолетное чувство и былъ особенно нѣженъ съ нею, особенно крѣпко и прочно любилъ ее, особенно часто и нѣжно ласкалъ дѣтей.

Ольги онъ не стѣснялся и, не скрывалъ отъ нея этихъ чувствъ мужа и отца, наоборотъ — онъ подчеркивалъ ихъ, такъ сказать, и, быть можетъ, въ ущербъ свѣтской порядочности и лоска, цѣловалъ жену при гостѣѣ, сидѣлъ съ

нею по цѣлымъ часамъ и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорилъ о своей любви къ женѣ, о милыхъ качествахъ Наташи, заставляя ее краснѣть, а Ольгѣ причиняя невыносимыя страданія, словно подвергая ее частой и жестокой пыткѣ.

Ольга считала эту любовь къ женѣ притворною.

„Онъ нарочно мучаетъ меня, нарочно! — говорила она себѣ. — Не можетъ онъ такъ любить ее, не можетъ!.. Это не женщина, это хорошенькая куколка, и онъ не можетъ ни любить ее, ни уважать, какъ она не можетъ быть тутъ разумнымъ двигателемъ громаднаго дѣла, — дѣла, отъ котораго зависитъ и благосостояніе тысячъ людей, и будущее этихъ дѣтей его, этихъ орлятъ, выведенныхъ курицею“!..

И „орлицею“ Ольга считала себя.

Она думала, что именно она имѣетъ право на этого „орла“, случайной понавашига въ курятникъ.

Но, увы, „орелъ“ находилъ, что ему тутъ хорошо, и только „насѣдка“, какъ звала про себя Ольга Наташу, что-то хохлилась. Тогда орлица выпустила когти и нашла, что пора дѣйствовать...

Какъ-то разъ послѣ обѣда Сергѣй, Наташа и Ольга сидѣли въ саду. Наташа, совсѣмъ какъ патріархальная хозяйка, отбирала ягоды для варенья, Сергѣй курилъ сигару, кейфуя послѣ трудового дня, а Ольга читала вслухъ какую-то новую повѣсть.

Къ Наташѣ пришла горничная и сказала, что ее желаетъ видѣть по какому-то „важному и секретному“ дѣлу матушка-попадья.

Наташа оставила ягоды и пошла.

— Я жду васъ къ чаю, — обратилась она къ мужу и гостѣ. — Если вы не слишкомъ нетерпѣливы, Ольга Павловна, то оставьте пока чтеніе, чтобы продолжать при мнѣ...

— Хорошо, я подожду, — отвѣтила Ольга, — а вы постарайтесь поскорѣе отдѣлаться отъ дѣловаго визита...

Наташа ушла.

Ольга отложила книгу и взглянула на Сергѣя. Онъ, принявъ свободную, на сколько позволяло приличіе, позу, курить и смотрѣлъ усталыми глазами на темно-синее небо, по которому бѣжали бѣлыя волнистыя облачка, окрашенные по краямъ лучами заката.

Задумчивое лицо Сергѣя было очень красиво. Его окаймляла теперь окладистая русая борода, черты были правильны и немного рѣзки, какъ у матери, но въ большихъ темныхъ глазахъ свѣтилась доброта и ясная свѣтлая мысль отца. Онъ сильно загорѣлъ, но загаръ этотъ не портилъ красиваго мужественнаго лица, и высокій умный лобъ особенно рельефно выдѣлялся своей бѣлизною и строгой правильностью линій. Возмужалый станъ не былъ грубъ и тяжелъ, а сохранилъ гибкость юности и отличался изяществомъ, въ которомъ сказывалась „порода“. Порода бываетъ, господа, не только у лошадей и собакъ, къ слову сказать.

Отличалась этой породистостью и Ольга.

Она долго глядѣла на Сергѣя и окликнула его.

— Что?—отозвался онъ.

— Вы мечтаете?

— Нѣтъ... я люблю глядѣть на небо, на эти плывущія облака...

Ольга нервно обрывала листочки съ сорванной вѣтки.

— Сергѣй Петровичъ...

— Что прикажете?

— Вы... вы очень любите вашу жену?

Сергѣй выпрямился и поглядѣлъ на Ольгу.

— И вы спрашиваете?—сказалъ онъ.—Я думаю, что это достаточно видно даже и не такой наблюдательной, какъ вы...

— А я... я думаю, что вы не любите ее!..

Сергѣй съ удивленіемъ и нѣкоторымъ негодованіемъ глядѣлъ на нее.

— Вы не любите ее и... и не можете любить! — продолжала Ольга. — Да, да, не можете, *не должны!*..

— Послушайте, Ольга Павловна...

Но дѣвушка перебила Сергѣя и порывисто встала. Лицо ея пылало румянцемъ, глаза сверкали, грудь поднималась высоко и часто.

— Нѣтъ, не говорите! — почти крикнула она. — Да и не хочу я знать, любите ли вы ее, или нѣтъ... Я знаю, что она *не стоитъ* этого, и говорю... Говорю потому... потому, что я люблю васъ!.. Вы знаете это, видите и я говорю... Я не въ силахъ болѣе выносить этой пытки... Я ваша... раба ваша... Если...

Голосъ Ольги унялъ, силы оставили ее.

— Если вы любите меня—ведите меня на край свѣта, ваша я, ваша!.. Если же нѣтъ — прогоните меня... Не осуждайте только, не смѣйтесь... Моя жизнь... жизнь въ васъ!..

Сергѣй всталъ, взглянулъ на Ольгу взглядомъ полного участія, хотѣлъ взять ее за руку, но не взялъ и сказалъ твердымъ, ни на одну секунду не дрогнувшимъ голосомъ:

— Я васъ не люблю, Ольга, и никогда не буду любить. Я люблю жену, и принадлежу ей на вѣки... Уѣзжайте, Ольга, и дай вамъ Богъ найти счастье, какое нашелъ я... Прощайте, вы не увидите меня больше или никогда, или до тѣхъ поръ, пока вы не будете счастливы съ другимъ...

Сергѣй взялъ со скамьи шляпу и быстро пошелъ по тропинкѣ.

Глухой стонъ долетѣлъ до него изъ покинутой бесѣдки...

Я кончилъ, читатель, мой романъ.

Вы, быть можетъ, пожелали-бы, чтобъ я сказалъ что нибудь о прочихъ герояхъ моей повѣсти... Что же сказать о нихъ? Они живутъ и до сей поры,—не всѣ, конечно,

многіе перешли въ иной міръ,—и живутъ именно такъ, какъ подготовили свою жизнь сами.

Ну, а Ольга? . Нашла ли она счастье?

Ахъ, господа, счастье такая условная вещь!..

Быть можетъ, нашла, быть можетъ, нѣтъ, но ее погубила ея же внутренняя сила. Она имѣла эту силу съ излишкомъ, а излишекъ всегда вреденъ...

К о н е ц ъ.

Цѣна 2 руб.

